

Академия наук СССР
Институт Африки
Институт всеобщей истории

Издательство «Наука»

ИСТОРИЯ СТРАН АФРИКИ

Редакционная коллегия

Ан. ГРОМЫКО (ответственный редактор),
А. М. ВАСИЛЬЕВ, А. Б. ДАВИДСОН,
Р. Н. ИСМАГИЛОВА, А. Б. ЛЕТНЕВ,
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ, Л. Н. ПРИБЫТКОВСКИЙ,
А. С. ПОКРОВСКИЙ, Г. Б. СТАРУШЕНКО,
В. А. СУББОТИН, А. Ю. УРНОВ

Г. В. Цыпкин, В. С. Ягья

ИСТОРИЯ ЭФИОПИИ

В НОВОЕ
И НОВЕЙШЕЕ
ВРЕМЯ

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы
1989

ББК 63.3 (6 Эф) Ц 97

Редактор тома М. В. РАЙТ

Рецензенты
К. П. КАЛИНОВСКАЯ, Е. С. ШЕРР

*Утверждено к печати Институтом Африки
и Институтом всеобщей истории АН СССР*

Цыпкин Г. В., Ягья В. С.

Ц 97 История Эфиопии в новое и новейшее время.— М., Наука: Главная редакция восточной литературы, 1989.— 405 с.: ил.

ISBN 5-02-016620-0

Седьмая книга в серии «История стран Африки» (книги по истории Нигерии, Заира, Уганды, Ганы, Танзании, Кении вышли в 1981 —1985 гг.). Показаны основные этапы исторического развития Эфиопии начиная с создания феодальной монархии в средние века. Рассказывается о политической централизации и объединении страны в конце XIX в., борьбе народа Эфиопии против итальянского фашизма. Анализируются причины и задачи эфиопской революции 1974 г.

Ц $\frac{0503030000-102}{013(02)-89}$ 136-89

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Эфиопская феодальная монархия (XVII—первая половина XIX в.)	16
Политическая история страны	16
Социально-экономическая ситуация	27
Глава 2. Эфиопия на первом этапе политической централизации (1855—1868)	38
Объединение страны при Теодросе II	38
Формы и методы политики объединения	42
Феодальная оппозиция	45
Внутренние реформы	49
Внешняя политика Эфиопии. Английская интервенция 1867—1868 гг.	51
Глава 3. Эфиопия на втором этапе политической централизации (1869—1889). Борьба за сохранение территориальной целостности страны	64
Эфиопия после Теодроса II: рецидив «времен князей»	64
Особенности политики Йоханнуса IV по централизации страны	68
Эфиопо-египетская война	74
Отношения с махдистским Суданом и Италией	77
Глава 4. Укрепление эфиопского государства при Менелике II. Итало-эфиопская война 1895—1896 гг.	86
Шоа в борьбе за политическую гегемонию	87
Реформы императора Менелика II (1889—1895)	95
Уччиальский договор 1889 г.	102
Военные действия с Италией (1894—1896)	104
Битва при Адуа	108
Глава 5. Эфиопия в конце XIX — начале XX в.	111
Территориальное расширение страны	112
Политика европейских держав и установление государственных границ	114
Внутренняя политика. Модернизация страны	120
Правление Лиджа Иясу (1913—1916)	125
Глава 6. Эфиопия между двумя мировыми войнами (1918—1939)	128
Политическая обстановка (1918—1935)	128
Реформы 1918—1935 гг.	143
Развитие капитализма	151
Эфиопские просветители	156
Основные направления внешней политики	161
Эфиопия и Лига наций	166
Итальянская агрессия и освободительная война Эфиопии	174
Разгром оккупационных войск и освобождение страны	185
Глава 7. Эфиопия после освобождения от ига фашистской Италии (1941 — 1955)	188
Внутренняя обстановка и внешняя политика страны (1941—1945)	188
Завершение процесса формирования абсолютной монархии (1946— 1955). Конституция 1955 г.	204
Выступления против императорского режима. Столкновения внутри правящей верхушки (1946—1955)	215
Абсолютная монархия и развитие капитализма	220
Глава 8. Императорский режим и рост сил протеста (1956—1974.)	

Революция 1974 года	233
Развитие капитализма и социально-экономические процессы в Эфиопии	234
Разногласия в правящих кругах	252
Влияние церкви на общественную жизнь страны	260
Положение в армии. Декабрьское восстание 1960 г.	264
Рабочее движение	270
Общественная активность студенчества	272
Учителя в борьбе за свои права	277
Крестьянские волнения	279
Сепаратистское движение в Эритрее	283
Антифеодальная, антимонархическая, антиимпериалистическая революция 1974 г.	286
Глава 9. Эфиопия в борьбе за социально-экономические и политические преобразования	300
Внутренняя оппозиция и внешняя агрессия	301
Формирование идейно-политической концепции развития Эфиопии (1974—1984). Распространение идей научного социализма	313
Создание Рабочей партии Эфиопии	324
Формирование новой политической системы	332
Аграрные преобразования. Борьба с засухой	339
Социально-экономические результаты внутренней политики революционной власти	348
Тенденции внешнеполитического развития	353
Глава 10. Некоторые вопросы культурного развития Эфиопии	368
Список использованной литературы	379
Терминологический словарь	392
Указатель географических и этнических названий	393
Указатель имен	397
Summary	402

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга продолжает серию исследований «История стран Африки в новое и новейшее время», издаваемую Институтом Африки АН СССР.

Эфиопия — крупное государство в Северо-Восточной Африке, которое граничит на севере и западе с Суданом, на востоке — с Сомалийской Демократической Республикой и Республикой Джибути и на юге — с Кенией. По своей площади (1221,9 тыс. кв. км) Эфиопия занимает восьмое место, а по численности населения (46 млн. человек) — третье место среди стран Африканского континента.

Расположенная в наиболее приподнятой части Восточной Африки (40% ее территории находится выше 1500 м над уровнем моря), Эфиопия отличается чрезвычайным разнообразием рельефа и природных условий. Высокогорья здесь соседствуют с глубокими тектоническими впадинами, что обуславливает резко выраженную контрастность природных ландшафтов. Более половины территории страны занимают горы, не случайно порой Эфиопию называют «африканским Тибетом». Остальная часть — равнины плато Огаден на юго-востоке, Данакильская пустыня на северо-востоке и низменность на крайнем западе в бассейне р. Баро. Самая высокая вершина Эфиопии — гора Рас-Дашэн (4623 м над уровнем моря), самое низкое место — Данакильская впадина (113 м ниже уровня моря).

Хотя южная граница Эфиопии почти доходит до экватора, а вся страна в целом расположена в субэкваториальном поясе, ее климат благодаря горному рельефу очень разнообразен. Прохладные высокогорные плато соседствуют здесь с раскаленными

пустынями. В районе Данакильской пустыни, считающейся одним из самых жарких мест на земле, средняя годовая температура + 34,5°, на горных же хребтах нередко заморозки и выпадает снег. В горах велики и суточные колебания температуры — от 0° ночью до +30° днем.

Эфиопия не богата полезными ископаемыми, лишь в районе Данакильской пустыни обнаружено крупное месторождение минеральных солей. Однако, исходя из характера геологического строения, специалисты предполагают возможность наличия на территории страны разнообразных рудных и нерудных ресурсов. Существуют месторождения марганца, меди и некоторых других цветных металлов, природного газа. Есть сведения о месторождениях [5] бурых углей. С давних времен известны залежи коренного и рассыпного золота, наиболее перспективные его месторождения расположены в районе провинции Уоллега.

Пестр и мозаичен этнический состав страны. За этнонимом «эфиоп» стоит до 100 народов, говорящих на различных семито-хамитских, нигеро-кордофанских и нилосуданских языках и исповедующих главным образом христианство монофиситского толка, в меньшей степени — ислам и еще в меньшей — автохтонные религии, христианство иных направлений и иудаизм. К наиболее крупным этносам относятся семитоязычные амхара (более 40% современного населения) и кушитоязычные оромо (около 40%). Эфиопию населяют также тыграи, тигре, агау, афар, сомали, аргобба, омето, сидамо, сахо и др.

Несмотря на этнолингвистические и конфессиональные различия, все эти народы, постоянно взаимодействуя друг с другом на протяжении многих веков, создали прочные основы эфиопской этнокультурной общности. В стране сложилось специфическое единство в многообразии.

Многое из прошлого и настоящего Эфиопии позволяет говорить о своеобразии исторического развития этой страны. Существуют свидетельства того, что территория страны представляет собой один из очагов происхождения древнейшего человека. Много позднее на севере современной территории Эфиопии возникло Аксумское царство, первые сведения о котором относятся к I в. н. э. Если даже вести отсчет с этого времени, то и тогда история страны насчитывает около двух тысячелетий, что ставит ее в один ряд с древнейшими мировыми цивилизациями. Намного раньше других государств Африки Эфиопия вошла в ареал распространения одной из мировых религий, уже в IV в. в стране появилось христианство. Важное значение имело наличие собственной письменности.

С глубокой древности Эфиопия представляла собой обширный и в известной степени замкнутый географический и этнокультурный регион, отчетливо выделяющийся среди других регионов Африки южнее Сахары. К его характерным чертам можно отнести: 1. Природные условия, т. е. плодородные почвы и умеренный климат высокогорья с двумя дождливыми сезонами в году, благоприятствующие сравнительно высокопродуктивному плужному земледелию и культивации злаковых культур, а также пастбищному животноводству. Подобные экономические условия способствовали весьма раннему процессу классового образования в регионе и возникновению древней и самобытной эфиопской цивилизации. 2. Географический фактор, т. е. близость к великому красноморскому торговому пути, связывающему Индию со странами Средиземноморья. Именно активное участие в этой торговле обусловило в первые века нашей эры расцвет Аксумского царства, которое, по словам Б. А. Тураева, «играло не последнюю роль во всемирной истории и принадлежало к числу культурных стран умиравшего античного мира» [236, с. 158]. [6]

Таким образом, Эфиопия в отличие от других стран Африки южнее Сахары уже с глубокой древности имела собственную государственность, что не могло не наложить отпечатка на весь ход ее дальнейшего исторического развития.

Говоря об особенностях исторического пути, необходимо упомянуть и традиции борьбы за сохранение независимости и территориальной целостности страны. В период

«схватки за Африку» в последние десятилетия прошлого столетия Эфиопия оказалась единственным из африканских государств, сумевшим в вооруженной борьбе с европейским колониализмом отстоять свою свободу и независимость.

Победа Эфиопии в войне с Италией 1895—1896 гг. — одна из самых ярких страниц в истории сопротивления народов Африки вторжению колонизаторов. Исследование всех факторов, обусловивших результаты этой войны, представляет интерес не только для понимания хода исторического процесса в самой Эфиопии. Оно имеет и более широкий смысл, как один из подходов к выявлению особенностей антиколониальной борьбы на Африканском континенте.

Важным этапом формирования антиколониальных сил на континенте явилась и борьба народов Эфиопии против агрессии фашистской Италии во второй половине 30-х годов. Не случайно авторы издаваемой ЮНЕСКО фундаментальной «Истории Африки» избрали 1935 г. в качестве отправной точки того этапа борьбы против колониализма, который в итоге привел к крушению системы колониализма на континенте.

Важные события происходят на земле Эфиопии и в наши дни. Особенностью эфиопской революции 1974 г. является то обстоятельство, что она стала одной из первых социальных революций в Тропической Африке. Если многие другие страны Африки в ходе своего исторического процесса решали задачи национально-освободительной революции, то Эфиопия, единственная страна Тропической Африки, практически не затронутая прямым колониальным угнетением, встала в первые ряды борьбы народов континента против собственных угнетателей. Прогрессивный характер осуществленных в стране шагов в политической, экономической, социальной и культурной сферах привел к тому, что Эфиопия, в недавнем прошлом являвшаяся чуть ли не синонимом феодализма, избрала путь социалистической ориентации.

Данная книга — первая в советской африканистике обобщающая работа по истории Эфиопии в новое и новейшее время. В ней рассматриваются такие важные проблемы развития страны, как исторические судьбы феодальной монархии в XVII — первой половине XIX в., объединение страны и ее политическая централизация в конце XIX в., становление эфиопского абсолютизма и 40—50-е годы XX в. Заметное место занимает исследование форм и методов борьбы народов страны за сохранение независимости, того влияния, которое антиколониальные войны [7] оказали на характер последующего развития Эфиопии. Авторы уделили большое внимание анализу причин, задач и хода революционных событий в середине 70—80-х годов XX в., которые выдвинули страну на передовые рубежи борющейся Африки.

Комплексный подход к изучению всех этих вопросов позволяет проследить динамику жизни страны в новое и новейшее время, выявить основные тенденции ее внутренней и внешней политики, определить предпосылки краха феодально-монархического режима в 1974 г., а также выяснить особенности и перспективы национально-демократической революции эфиопского народа.

Источники и литература по истории Эфиопии весьма многочисленны. Достаточно сказать, что в приложении изданной еще в 50-е годы работы И. Ю. Крачковского содержится около 800 наименований исследований по истории, этнографии и языкам Эфиопии [207]. За последующие несколько десятилетий библиография этой страны увеличилась в несколько раз. Особенно много работ увидело свет в течение последних 10—15 лет, что объясняется интересом, который во всем мире привлекли события эфиопской революции. Рамки вводной главы не позволяют дать подробный историографический обзор всей научной литературы по проблемам исследования. В этой ситуации авторы вынуждены ограничиться лишь кратким обзором основных изданий.

Еще с древних веков в Эфиопии развивалась собственная письменность, и это, казалось бы, предполагает большое число источников собственно эфиопского происхождения. На самом же деле круг их довольно ограничен. Прежде всего—это царские хроники, первое появление которых относится еще к XIII—XIV вв. Имеющиеся в

распоряжении авторов данной книги хроники охватывают практически весь период нового времени [72; 73; 75; 77 и др.]. Наибольший интерес вызывают те из них, которые относятся ко второй половине XIX — началу XX в., времени создания объединенного и централизованного эфиопского государства. В хрониках, посвященных императорам Теодросу II [74], Йоханнису IV [77], Менелику II [72], содержится богатый материал по внутривнутриполитической истории Эфиопии, приводятся основные сведения о деятельности этих политических деятелей. Круг событий, описываемых в хрониках, обширен, сквозь призму деятельности императора проступают военные экспедиции и войны, смещения и назначения чиновников, издание законов и строительство церквей. Пожалуй, самая большая слабость этих источников — отсутствие информации социально-экономического характера. Вместе с тем важно, что хроники, при всех их недостатках, содержат тот аромат эпохи, без чего невозможно создать настоящее историческое исследование. В свое время, оценивая эфиопские хроники, Б. А. Тураев писал: «Историк в этих хрониках увидит, конечно, не историю, а только собрание материала, материала обыкновенно очень важного, так как в [8] большинстве случаев он исходит от современника описываемых событий» [73, с. 7].

Важным типом источника являются и произведения немногочисленных представителей нарождавшейся в первые десятилетия XX в. национальной интеллигенции. Например, это политический памфлет Гэбрэ Хыйуот Байкэдэня, в котором не только содержится анализ внутривнутриполитической ситуации в Эфиопии, но также представлена программа социально-экономического переустройства страны [87].

К несчастью, эфиопские архивные материалы погибли в годы фашистской агрессии против Эфиопии в 1935 г. Прежде всего в их число входили документы периода правления императора Менелика II и первых десятилетий XX в. Не случайно многие эфиопские историки в исследовании этого исторического отрезка времени опираются главным образом на западные источники или же сообщения информантов.

В некоторой степени отсутствие собственно эфиопских архивных материалов компенсируется документами, которые хранятся в советских архивах, в частности в Архиве внешней политики России, Государственном военно-историческом архиве и ряде других. Установление в конце прошлого века дипломатических отношений между Россией и Эфиопией привело к тому, что с 1898 по 1917 г. в Аддис-Абебе постоянно находилась группа русских дипломатов, донесения которых содержат крайне интересную информацию о всех сторонах жизни эфиопского общества.

Для характеристики внешней политики Эфиопии в исследуемый период важны различные официальные дипломатические публикации западноевропейских стран [50; 54; 55; 67 и др.]. Хорошо известен их тенденциозный характер — стремление публикаторов обелить действия своих правительств и очернить соперников в борьбе за преобладающее политическое влияние в этой стране. Вместе с тем при тщательном анализе, критической проверке и сопоставлении с другими источниками эти публикации дают возможность вскрыть сущность политики западных держав в отношении Эфиопии и показать их империалистический характер.

Для периода новейшей истории страны особое значение имеют документальные источники: тексты конституций Эфиопии, официальные выступления государственных деятелей, сообщения Центрального статистического управления страны. Среди источников этого вида важны материалы эфиопской революции: постановления, коммюнике и программные документы ККВС, ВВАС, материалы съездов и пленумов КОПТЭ и РПЭ [38—49; 59—63 и др.].

Особенности исторического развития Эфиопии XVIII и XIX вв. невозможно представить без мемуарной литературы, дневников, воспоминаний и записок европейцев, побывавших в стране. Особенно много подобных работ появилось в XIX в., первоначально — в период географического изучения Африки, а [9] в конце столетия — во время борьбы за раздел континента и установление политического влияния. Мемуары о

пребывании в Эфиопии итальянских и французских монахов, английских дипломатов, русских врачей и офицеров... В Африке найдется не много стран, о которых было бы написано больше. Разнообразные как по качеству, так и по позициям авторов, эти источники в своей совокупности дают достаточно полную картину феодальной Эфиопии. Особое место среди воспоминаний европейских путешественников занимают работы наших соотечественников: А. К. Булатовича [85], Л. К. Артамонова [83], К. Арнольди [82], А. Кохановского [89] и т. д. Для исследования хода итало-эфиопской войны 1895—1896 гг. первостепенное значение имеет книга Ю. Ельца, написанная по походным дневникам Н. С. Леонтьева [88]. Значение ее усиливается тем, что при отсутствии серьезных эфиопских источников по этой войне она является одной из немногих работ, написанных с благожелательных по отношению к Эфиопии позиций.

События политической, экономической и культурной жизни Эфиопии постоянно находили свое отражение на страницах прессы, издаваемой как в самой стране, так и за рубежом. Первая эфиопская газета «Аымро» («Разум») появилась еще в 1902 г. Газета писалась от руки и выходила раз в неделю тиражом 24 экземпляра. Со временем число издаваемых газет увеличивалось, возрастал их тираж. Пресса императорской Эфиопии подвергалась жесткой цензуре, была направлена на возвеличивание личности Хайле Селассие I и затушевывание всех тех проблем, которые стояли перед страной. Издаваемые газеты на европейских языках, прежде всего «Эфиопиэн геральд», предназначались в основном для создания за границей образа прогрессивной, развивающейся Эфиопии, благоденствующей под властью мудрого монарха. Большое место уделялось при этом внешней политике страны.

Объем информации о внутренней жизни значительно возрастал в прессе на амхарском языке, предназначенной для внутреннего использования. Если, например, газеты на европейских языках обошли молчанием студенческие волнения, участвовавшие в Эфиопии в предшествующее революции десятилетие, то газеты на амхарском языке вынуждены были на них откликнуться, хотя и в весьма ограниченной степени. В частности, цензура запрещала упоминать о репрессиях, которым подвергались противники императорского режима.

Революционные события 1974 г., положив начало новому этапу развития страны, отразились и на содержании ее периодической печати. Появилась партийная печать, на страницах прессы в целом объективное отражение нашли события революционных преобразований, осуществляемых в стране.

Значительная по объему информация об Эфиопии содержится в русской и советской прессе. При ее анализе нетрудно выделить три своеобразных пика внимания к событиям в этой [10] стране: итало-эфиопская война 1895—1896 гг., агрессия фашистской Италии против Эфиопии в середине 30-х годов, эфиопская революция 1974 г. Заметное место на страницах отечественной прессы занимают вопросы традиционных дружественных отношений между обеими странами.

О духовных ценностях эфиопского общества, его героях и идеалах дают представление устная традиция и художественная литература. Не будучи особенно строгим в отношении исторических фактов, этот вид источников дает возможность понять, как в психологии населения преломлялись те или иные события в жизни страны. Так, весьма заметны в национальной художественной литературе произведения, посвященные борьбе эфиопского народа против агрессии итальянского фашизма. Широкая картина народного патриотизма и самопожертвования в борьбе с оккупантами дается, в частности, в произведениях таких авторов, как Гырмачеу Тэкле-Хавариат [186] и Аббе Губенья [162]. Работа Махтэмэ-Сылласе Уольдэ Мэскэля «Памятные даты» содержит богатый материал по истории культуры и этнографии Эфиопии [213]. В творчестве молодых писателей страны, наиболее остро ощущавших социально-экономическую отсталость своей родины, отражена борьба со старыми обычаями и нормами. В художественных произведениях последних лет видное место занимают проблемы

эфиопской революции, отношение к ней различных социальных групп эфиопского общества.

Научное изучение истории Эфиопии имеет давние традиции. У их истоков стоял родоначальник европейской эфиопистики, саксонский дипломат и ученый Иов Лудольф (1624—1704), чьи труды «охватили почти все области гуманитарных наук, связанных с Абиссинией,— язык, литературу, историю, этнографию и географию, отчасти экономику» [207, с. 55].

На всем протяжении XIX в. шло постепенное накопление знаний об Эфиопии, которую все чаще посещали европейские путешественники, миссионеры и естествоиспытатели. Одновременно в Европе возрос интерес и к эфиопской истории, где главные усилия первоначально сосредоточились на издании и изучении памятников эфиопской историографии.

Западноевропейская библиография истории Эфиопии включает в себя сотни исследований. Наиболее пристальное внимание это древнейшее государство привлекало историков тех стран, которые всячески стремились в конце прошлого и начале нашего веков «включить Эфиопию в сферу своего влияния», т. е. превратить ее в свою колонию. Начиная с 50-х годов, с момента укрепления отношений между Эфиопией и США, все чаще начинают выходить в свет исследования американских историков. В соответствии с политикой императорского режима в сфере образования американцы составляли видную часть преподавательского состава в Аддис-Абебском университете и других учебных заведениях. Наряду с исследователями из других стран Запада они также приглашались для работы в Институте [11] эфиопских исследований. Многие из них пребывание в Эфиопии использовали как возможность для изучения на месте истории этой страны. Именно фактология и является сильной стороной исследований таких ученых как М. Пэрхэм [376], Г. Маркус [341—344], С. Рубенсон [382—385], Р. Гринфилд [311] и целого ряда других авторов. Вместе с тем для западной исторической литературы в целом характерны тенденциозность, даже откровенная апологетичность в освещении политики империалистических держав в этой стране, стремление абсолютизировать изолированность ее развития от судеб Африки, а также субъективизм в оценках многих явлений и тенденций. В объяснении причин сохранения Эфиопией независимости нередко преобладают геополитические подходы, как, например, в работе Дж. Маркакиса [345]. Некоторые труды западных историков написаны с буржуазно-либеральных позиций, в них осуждается империалистическая политика в Эфиопии, в том числе политика фашистской Италии [365; 373]. В ряде работ, опубликованных за последние годы, содержится неверная оценка характера и движущих сил эфиопской революции 1974 г., неоправданно драматизируются трудности на пути ее развития [331; 346; 355].

Пока еще невелик вклад в изучение истории своей страны со стороны национальной исторической науки. Отсутствие сколь бы то ни было значительных собственных кадров историков привело к тому, что изучение исторического развития Эфиопии было как бы отдано на откуп западным эфиопистам. На протяжении многих десятилетий императорский режим не стремился воспитать собственные кадры ученых-историков. Для внутреннего пользования пригодными считались апологетические работы на амхарском языке, написанные в русле официальной концепции развития страны, важным элементом которой было возвеличивание личности Хайле Селассие I. Например, это единственная обобщающая история Эфиопии Тэкле Цадык Мэжурии, последний из пяти томов которой посвящен периоду развития страны с середины XIX в. по 40-е годы XX в. [238; 239].

На развитии исторической науки в Эфиопии отрицательно сказывался не только характер политического устройства страны с его жесткой цензурой, но и церковная идеология, пронизывавшая всю духовную жизнь общества. Библия, усердно цитировавшаяся многими поколениями хронистов, продолжала быть одним из важных источников при написании первых исторических работ. Алека Тайе, автор одной из них,

вышедшей в 1922 г., выводит происхождение эфиопского народа от библейского Хама, сын которого Куш был праотцом всех народов, населявших красноморское побережье [165]. Специальная глава «Рождение, смерть и воскрешение Господа нашего Иисуса Христа» содержится в работе уже упоминавшегося Тэкле Цадык Мэкурии. В произведениях первых, непрофессиональных историков Эфиопии отчетливо проявилась характерная для национальной историографии концепция, заключающаяся в том, что [12] Эфиопия ощущает себя не африканской страной, а частью христианского мира, истоки своей истории и культуры она видит в христианской религии, связывающей ее с Римом и Византией.

Деятельность непрофессиональных историков составляет первый этап развития исторической науки в Эфиопии. Второй ее этап связан с появлением исследований профессиональных историков и берет свое начало с середины 60-х годов. Поскольку в самой стране в то время не велась подготовка научных исторических кадров, создателями этих исследований были люди, получившие образование на Западе. Хотя западная историография оказала огромное воздействие на формирование национальной исторической школы Эфиопии, знака равенства между ними поставить нельзя. Для исследований эфиопских историков характерна антиколониальная направленность, большая заинтересованность в судьбах страны. Бросается в глаза желание эфиопских историков уйти от исследования наиболее острых проблем исторического прошлого страны, предпочтение отдается проблемам относительно безопасным. В условиях всепущия императорской цензуры историки уходили все дальше от современности. Два основных направления их работ — это роль и место церкви в истории страны и история Эфиопии в средние века. Примером может служить одно из лучших исторических исследований, созданных в дореволюционной Эфиопии, книга Таддэсэ Тамрата о взаимоотношении государства и церкви в средние века [398]. За рамками работ эфиопских историков оставались такие проблемы, как национальная и все социальные вопросы в целом.

Работы национальных историков после победы эфиопской революции позволяют говорить о наступлении нового этапа в развитии исторической науки страны. Анализ исторических работ последних лет свидетельствует о классовом подходе ряда их авторов к прошлому и настоящему Эфиопии, об успешном овладении ими марксистско-ленинской методологии исторического исследования. Если раньше проблемы социальной истории являли собой лауну в работах эфиопских авторов, то в наши дни их исследование становится одним из самых важных направлений любой работы. В их числе можно назвать выступления эфиопских участников Всесоюзной конференции по эфиопским исследованиям, проходившей в Институте Африки АН СССР в июне 1979 г. [255], статьи по проблемам эфиопской истории, периодически появляющиеся на страницах органа Рабочей партии Эфиопии журнала «Мэскэрэм», ряд других исследований [175; 183 и др.].

Большой интерес с точки зрения изменения в стране взглядов на свою историю представляет работа «День победы», изданная в 1977 г. Впервые в отличие от традиционной историографии события итало-эфиопской войны 1935—1941 гг. рассматриваются как борьба народных масс Эфиопии, а не ее правителей [71]. Вместе с тем современные эфиопские историки не [13] перечеркивают и то позитивное, что было достигнуто в период правления таких монархов, как Теодрос II, Йоханнэс IV и Менелик II. В целом тенденции развития исторической науки в Эфиопии, ставшей на путь революционного развития, позволяют предполагать, что она (наука) перестанет быть служанкой официальных доктрин правящей верхушки и богатое историческое прошлое древнейшего государства Тропической Африки получит в исследованиях национальных историков объективную оценку.

Говоря о зарубежной историографии Эфиопии, необходимо упомянуть и работы авторов-марксистов, видное место среди которых занимает обобщающее исследование

польских ученых А. Бартницкого и И. Мантель-Нечко «История Эфиопии», которое в 1976 г. было переведено на русский язык [169].

Научное изучение Эфиопии в нашей стране берет свое начало в последних десятилетиях XIX в. Становление отечественной эфиопистики связано с деятельностью таких ученых, как В. В. Болотов (1854—1900), Б. А. Тураев (1868—1920). Профессор Петербургской духовной академии В. В. Болотов занимался и историей Эфиопии, и историей эфиопской церкви. Ставший преемником В. В. Болотова в области русской эфиопистики, известный историк Древнего Востока Б. А. Тураев создал ряд фундаментальных работ в области агиографии, к произведениям которой он подошел как к источнику по истории Эфиопии, а затем плодотворно работал над изучением эфиопской литературы и таких весьма своеобразных письменных памятников, как рукописные амулеты [236; 237]. Видное место в научном творчестве этого историка занимали переводы эфиопских хроник, благодаря чему последующие поколения эфиопистов получили в свое распоряжение прекрасные источники по средневековой Эфиопии [73]. Среди тех, кто закладывал основы советской эфиопистики, нельзя не упомянуть И. Ю. Крачковского (1883—1951), автора непревзойденной и по сей день работы «Введение в эфиопскую филологию» [207], и Н. В. Юшманова (1896—1946), трудами которого начиная с середины 30-х годов амхарский язык стал систематически преподаваться в университете. Подводя итоги развитию отечественной эфиопистики до второй мировой войны, можно сказать, что, хотя работа велась небольшим числом ученых, их труды, также не слишком многочисленные, всегда стояли на уровне лучших мировых работ своего времени, нередко заметно возвышаясь над ним.

В связи с агрессией фашистской Италии против Эфиопии в середине 30-х годов в нашей стране усилился интерес ко всем сторонам жизни этой древней африканской страны. В этот период выходят в свет такие работы, как «Абиссиния (Эфиопия)» [163], книги Г. Крейтнера [208] и И. Левина [211], ряд трудов, непосредственно связанных с проблемами итало-эфиопской войны (см. [174; 233]). Разные по научному уровню и проблематике, работы этого периода стали своеобразным мостиком, связывающим [14] произведения первых отечественных эфиопистов и тех, кто занимается изучением истории Эфиопии в наши дни.

В исследованиях, опубликованных в нашей стране за последние десятилетия, нашли отражение практически все проблемы исторического развития Эфиопии, ее социальной и культурной жизни. Поскольку работы советских эфиопистов достаточно хорошо известны, авторы сочли возможным ограничиться лишь упоминанием некоторых из них. Таковы работы И. И. Васина [172], Д. Р. Вобликова [174], Г. Л. Гальперина [178—182], Ю. М. Кобищанова [199—203], А. Г. Кокнева [204; 205] М. В. Райт [221—224], В. А. Трофимова [232; 233], Г. В. Цыпки-на [244—246], С. Б. Чернецова [247—249], Е. С. Шерра [252] В. И. Шараева [250; 251], В. С. Ягья [257—260]. Характеризуя вклад советских ученых-эфиопистов в целом, необходимо отметить, что, руководствуясь марксистской концепцией единства всемирно-исторического процесса, на основе большого фактического материала они сумели показать специфику социально-экономического и политического развития этой страны. Проведение в Москве (август 1986 г.) IX Международного конгресса по эфиопским исследованиям — свидетельство высокого признания в мире достижений советской науки в области эфиопистики.

В предлагаемой читателям работе Введение, главы 2—5 написаны Г. В. Цыпкиным, главы 1, 6—10 — В. С. Ягья. При подготовке первого раздела главы 1 использованы материалы С. Б. Чернецова. [15]

Глава 1

ЭФИОПСКАЯ ФЕОДАЛЬНАЯ МОНАРХИЯ (XVII — первая половина XIX в.)

Политическая история страны

К началу новой истории на территории современной Эфиопии существовало феодальное государство, которое прошло длительный путь развития. Оно являлось правопреемником Аксумского царства, расцвет которого пришелся на IV—VI вв. н. э., когда власть аксумитов простиралась от Нубии на севере до Эфиопского нагорья на юге и от Южной Аравии включительно на востоке до р. Атбара на западе.

В Аксумском царстве сооружались монументальные дворцы и храмы, в честь богов высекались на камне посвященные надписи на сабейском и греческом языках. В первой трети IV в. в стране была проведена реформа письменности, и государственным письменным языком стал уже не сабейский, а эфиопский язык (геэз), применительно к которому впоследствии была изменена и форма знаков сабейской письменности для обозначения не только согласных, но и гласных звуков. Правители Аксума, стремясь упрочить свой политический союз с Византией, поощряли христианство. Оно стало в IV в. государственной религией взамен прежнего политеизма. Введение эфиопской письменности и христианства наложило глубокий отпечаток на все последующее развитие эфиопской культуры. Многие аксумские памятники (стелы, надписи и т. д.) сохранились до нашего времени. Отдельные элементы сформировавшейся тогда государственности органически вплелись в структуры эфиопской империи, какие развивались в XVII — первой половине XX в.

С аксумских времен в Эфиопии распространились плужное земледелие террасового типа и караванная торговля. На обширных пастбищах Эфиопского нагорья (и особенно в прилегающих к нему низменных областях) сложилось кочевое скотоводство. В оседлых районах земледелие нередко велось в сочетании с пастбищным животноводством. Издревле выращивали теф, пшеницу, сорго, просо и другие культуры (см. подробнее [222, с. 29—51]). Земля обрабатывалась специальным пахотным орудием (что-то среднее между плугом и сохой) с помощью крупного рогатого скота. Широко применялась подсечно-огневая система земледелия, уже в новое время получила повсеместное распространение двупольная система.

Население Эфиопии формировалось изначально на полиэтнической основе. Наметившийся еще в I тысячелетии до н. э. процесс смешения семитоязычных переселенцев из Южной Аравии с местными кушитоязычными народами активно продолжался в XVI в. и позднее. Усилился обмен между различными этносами в области материальной и духовной культуры. Постепенно складывался своеобразный этнокультурный симбиоз — эфиопская цивилизация.

На рубеже XVI—XVII вв. в этническом составе населения выделялись амхара, гыграи, тигре, гураге, оромо и т. д. С расширением территории Эфиопии в ее пределах оказались сидамо, беджа, харари. Многие из этих народов (например, оромо, харари) имели свою государственность, отличную от христианской Эфиопии, но с включением в ее границы эти государственные образования, как правило, прекращали существование. В некоторых случаях они сохранялись, но на автономных, подчиненных, вассальных началах.

Уже к XIII в. язык геэз, служивший средством общения в Аксумском царстве, перестал быть разговорным и продолжал существовать как литературный, письменный, его использовали в церкви, а также в приходских школах. Широкое распространение получил амхарский язык, на котором говорили двор, администрация и отборные царские полки, состоявшие из цевов — специального воинского сословия. Амхара постепенно стали доминирующим элементом в политической, социально-экономической и военной истории Эфиопии. Однако не трибализм, а регионализм преобладал в ее политической жизни до XVIII в.

Это было связано с перемещением на юг после падения Аксума центра эфиопской государственности. Нынешнее расселение амхара и других семитоязычных народов

Эфиопии служит яркой иллюстрацией того, как происходило движение все далее и далее на юг. На разных его этапах далеко не всегда амхара выступали в качестве ведущего этноса. Наглядное доказательство тому — раннефеодальное государство, сложившееся в X в. вслед за крушением Аксума в расположенной к югу от него области Ласта и возглавленное с середины XII в. царями династии Загуэ (Загве), т. е., в переводе с языка геэз, «принадлежащий к агау, агауский». К тому времени земледельцы агау, кушитоязычный народ, были доминирующим этносом Ласты. Позднее в результате усилившейся миграции семитоязычных народов и некоторого территориального расширения этого государства, включавшего также Тыграи, Ангот и Бэгемдыр, этнополитическая ситуация в нем изменилась, и с 1270 г. южные «поселенцы» захватили верховную власть, посадив на престол своего царя Йикуно Амлака. Впоследствии этот династический переворот под пером церковных летописцев приобрел вид «восстановления» древней законной династии потомков библейского [17] царя Соломона и царицы Савской, к которым якобы принадлежали еще аксумские цари, чья власть была «узурпирована», загвееми, а затем восстановлена «соломонидом» Йикуно Амлаком.

При продвижении на юг христианские переселенцы, среди которых на первых порах численно выделялись монахи и воины, сталкивались со встречной экспансией со стороны мусульманских торговых государств (Дамот, Йифат, Хадья и др.), давно монополизировавших караванную торговлю с побережьем Аденского залива и Индийского океана. Однако уже в первой половине XIV в. многие из них были разгромлены, а территория Эфиопского государства увеличилась почти втрое. В ходе этих завоевательных походов царские полки оседали на присоединенных землях, обзаводясь собственным хозяйством и занимаясь большей частью хлебопашеством, продолжая также по требованию царской власти нести воинскую службу. Это стало своеобразным толчком для расширения царского домена. Он давал возможность иметь не только средства для содержания при особе царя довольно больших воинских контингентов, но и позволял требовать от населения домена военной службы уже на иных условиях, нежели свободный наем дружинников, — как от подданных, живущих под непосредственной юрисдикцией царя. Как первое (доходность домена), так и второе (право власти сеньора над возможно большим населением) было весьма важно для эфиопских царей. Поэтому они постарались включить в состав домена те земли, через которые проходили оживленные караванные пути, что давало возможность облагать пошлинами и эксплуатировать эту торговлю. В то же время эфиопские цари не только расширяли свой домен, но и заботились об увеличении жителей, заселяя его, как правило, пленниками, захваченными в других областях.

К XV в. развитие феодальных отношений в Эфиопии усилило центробежные тенденции в политической жизни страны. Если прежде вызов верховной власти царя осмеливались бросать, как правило, лишь представители правящих династий, то к XV в. окрепла феодальная знать, вышедшая из воинской и придворной среды, уже прочно осевшая по землям и организовавшая там собственные домены по образцу царского. Для царской власти в XV в. это обернулось не столько усилением феодальных усобиц, сколько активным вмешательством знати в вопросы престолонаследия — обстоятельство, серьезно подрывавшее могущество царской власти.

Углубление феодальных отношений в Эфиопии (а следовательно, и феодальной эксплуатации в многочисленных сеньориях, как светских, так и церковных) порождало и антифеодальный протест, получивший свое выражение главным образом в появлении еретических движений пуристического характера. Еретики призывали церковь к нестяжательству, к отказу от несметных богатств; они не признавали за митрополитом верховной [18] духовной власти. Превращение этой религиозной секты в народное движение за социальную справедливость угрожало, по существу, экономическим и государственно-монархическим устоям страны. Усилиями царской администрации

удавалось в XIV—XVI вв. «примирить» еретиков, точнее, их руководителей, с официальной церковью.

Однако в будущем отдельные церковные споры и разногласия еще не раз принимали форму стихийного антифеодального протеста. Так, в начале XVII в. в области Амхара-Сайнт появился Лжехристос, объединивший вокруг себя многочисленных учеников и последователей. Это движение отражало рост недовольства народных масс [169, с. 180]. В 1617 г. в Шире вспыхнул крестьянский бунт, подавленный при посредстве местного духовенства. Самым крупным выступлением в XVII в. против феодальной эксплуатации было движение, возглавленное годжамским кузнецом Иисхак Уорення, который провозгласил себя императором. Оно было жестоко подавлено войсками царствовавшего тогда Иясу I Великого (1681—1706).

Догматические разногласия в официальной церкви, по существу, нередко прикрывали ожесточенную борьбу клира за власть и гегемонию в государстве. В XVII—XIX вв. наиболее острый и продолжительный конфликт происходил между двумя основными соперничавшими лагерями в эфиопском духовенстве: шоанским, тоуахдо («соединение»), с центром в Дэбрэ-Либаносе, и годжамско-тыграйским, кыбат («помазание»), с центром в Дэбрэ-Уорк (подробнее см. [171, с. 54—99]). Он оказывал значительное влияние на экономические и политические процессы в Эфиопии. Не случайно А. Бартницкий и И. Мانتель-Нечко писали, что «не раз в течение XVII в. и в первой половине XVIII в. короны падали с императорских голов и правители оплачивали жизнью яростную борьбу между тоуахдо и кыбат» [169, с. 192]. Эта борьба, протекавшая с попеременным успехом, закончилась в конечном счете победой первых, установивших в конце XIX в. при поддержке императора Менелика II свое главенство в стране.

Социально-экономическое и политическое развитие Эфиопии многие столетия после падения Аксума протекало в условиях, когда она была наглухо отгорожена от Европы и от мировой торговли прочным мусульманским барьером. Он на несколько веков исключил возможность участия Эфиопии в мировой торговле и обрек на долгое существование в качестве изолированного «христианского острова». Это в конечном счете предопределило развитие эфиопского общества, которое долгое время было обречено двигаться по замкнутому феодальному кругу.

Но на рубеже XV—XVI вв., и особенно в XVII в., ситуация несколько изменилась. Со времени Великих географических открытий началось постепенное втягивание Эфиопии в складывавшееся мировое хозяйство и в политические отношения с Европой. Известную роль в этом процессе сыграли португальцы, которые в своем стремлении закрепиться на путях в Индию прибыли в середине XVI в. в Эфиопию и оказали ей помощь в войне против мусульманского государства Адаля, чьи войска под предводительством Ахмеда ибн Ибрагима аль-Гази, а после его гибели — Нур ибн Муджахида заняли многие районы этого христианского царства.

Не успела Эфиопия оправиться от бед, причиненных развязанным султаном Адаля джихадом, как новые опасности подступили [19] к ее границам. С запада и юга, обтекая Эфиопское нагорье, накатывались волны оромских племен, на севере же в марте 1557 г. высадились на побережье Красного моря турки и начали свое наступление вглубь. Страна выстояла и на этот раз. Продвижение турок приостановилось, хотя они и захватили прикраспоморские земли Эфиопии. Вторгшиеся же оромо оседали постепенно на ее территории и в прилегающих районах, которые со временем были также включены в пределы Эфиопской империи. Царской власти не раз в течение XVII—XIX вв. приходилось идти с походами против оромо, и далеко не всегда она одерживала верх над ними. В конечном итоге, однако, оромо органически вошли в социально-политические, экономические и культурные структуры Эфиопии. Оромо составили важный элемент этнополитических и общественных процессов в стране. «Уже во второй половине XVII в., — пишут А. Бартницкий и И. Мانتель-Нечко, — начался процесс взаимной ассимиляции между некоторыми пришлыми племенами (оромо) и другими народами империи» [169, с. 204].

К середине XVII в. в жизни Эфиопии произошло крупное событие: император Фасилидэс (1632—1667) основал в 1636 г. к северу от оз. Тана постоянную столицу — г. Гондэр. До этого после падения Аксумского царства лишь при Зэра Яякобе (1433—1468) предпринималась попытка учредить постоянную столицу в Дэбрэ-Бырхапе. Однако даже в годы его правления Дэбрэ-Бырхан оставался, по сути дела, не городом, а разросшейся царской резиденцией, так и не став сколько-нибудь заметным экономическим центром. А после смерти этого царя вновь, как и прежде, в Эфиопии не было столицы. В каждом конкретном случае центром государства было то место, где размещался царь, его двор и войско. Монарх со своими приближенными и воинами постоянно перемещался по стране. Тем самым достигались надежный контроль и управление над разнородными в этническом, экономическом, культурном и прочих отношениях территориями. Кроме того, таким образом легче было содержать многочисленное войско и придворных, взимать дань с подвластных феодалов. При этом следует учитывать, что собственная царская администрация находилась в то время в эмбриональном состоянии и была слишком слаба и малочисленна, чтобы обеспечить надлежащее повиновение со стороны населения каждой области, в которых большей властью обладали местные правящие роды уже в силу своего происхождения и места в политической организации каждого такого общества. В подобных условиях отсутствовала необходимость столичного центра.

Превращение Гондэра в город, ставший не только политическим, но и важнейшим экономическим, торговым и культурным центром, постоянной резиденцией эфиопских царей и столицей государства, стало возможным благодаря двум обстоятельствам: во-первых, с развитием крупных феодальных вотчин [20] возрос товарообмен в стране и оживилась торговля, несмотря на все трудности и неудобства, которые представляли для нее постоянные войны, мятежи и вражеские набеги. Во-вторых, из-за вторжения племен оромо, расселившихся на плодородны к землях Эфиопского нагорья, резко сократилась территория, подвластная эфиопским царям, что облегчало управление ею из единого постоянного центра, который под напором оромо сместился из южной области Шоа на северо-восток, в Бэге́мдыр. Впрочем, при Фасилидэсе до расцвета Гондэра было еще далеко.

Наряду с учреждением постоянной столицы Фасилидэс провел еще одну важную реформу, которая способствовала прекращению народных восстаний в 20-е — начале 30-х годов XVII в., проходивших под лозунгом защиты веры. Он отказался от католицизма, провозглашенного его отцом Сусныйосом (1607—1632) в качестве государственной религии. Из страны были высланы иезуиты, положение которых еще совсем недавно казалось прочным. Эфиопский ученый Гэбрэ Сылласе Сьном Хагос полагает, что сопротивление католицизму, оказанное в Эфиопии, и изгнание иезуитов положили начало формированию антиколониального сознания народных масс этой страны [377, с. 100].

С отстранением от власти Сусныйоса прекратились многочисленные попытки, которые он применял в отношении опальных придворных, особенно из числа его ближайших родственников или сподвижников.

Было также покончено, и притом на долгих два столетия, с попытками широкого эфиопо-европейского сближения, предпринимавшимися Сусныйосом [169, с. 190]. Отказ от межгосударственных сношений с европейскими странами укрепил изоляционистские тенденции в жизни Эфиопии, ограничив ее возможности включения в международное территориальное разделение труда, в том числе в процесс обмена идеями и достижениями мировой цивилизации. Это, однако, не означало, что вовсе прекратились контакты Эфиопии с европейцами, а также, что Эфиопия оказалась в стороне от колониальных устремлений западноевропейских держав, особенно в XIX в. Надо особо отметить, что внутренние феодальные распри, продолжавшиеся в Эфиопии при преемниках Фасилидэса, явно не способствовали усилению ее позиций перед лицом надвигающейся колониальной экспансии.

Центростремительные тенденции с каждым новым императором все более и более ослабевали, зато возрастали центробежные. В стране не утихали феодальные мятежи и обострились религиозные разногласия в эфиопской церкви, между сторонниками тоуахдо и кыбат, выливавшиеся порой в открытые вооруженные столкновения. Следует иметь в виду, что фактически происшедший к концу XVII в. раскол в церкви самым серьезным образом угрожал единству Эфиопского государства. Он отразил, по существу, региональные противоречия: духовенство [21] и поддерживавшие его светские феодалы Тыграя, Ласты и Годжама стояли за «помазание» (кыбат), а феодалы остальных областей—за «соединение» (тоуахдо).

Церковные распри, сочетавшиеся с придворными интригами и заговорами, вели не только к ослаблению монаршей власти, падению ее престижа, но и к росту феодальной раздробленности, феодальным междоусобицам. Увеличивалась также эксплуатация крестьянских масс, с которых взимались все новые и новые поборы. В ответ они, случалось, бунтовали. В конце XVII в., например, население области Уаг в Ласте отказалось платить непомерную дань правившему тогда императору Иясу I (1681—1706). Окончательно подчинить эту область удалось лишь Бэкаффе (1721—1730). Очень часто подобные выступления крестьян использовала феодальная знать в борьбе против трона или друг с другом, тем более что они с самого начала преимущественно носили региональный характер, были направлены против императорских посланцев, т. е. чужаков, прибывавших за данью или на постой. В последнем случае: от местных жителей изымались обширные земли, как это имело место, например, все в той же области Уаг, где Иясу I выделил $\frac{2}{3}$ сельскохозяйственных угодий полку цевов, направленному на усмирение взбунтовавшегося населения.

В возникновении крестьянских волнений не обошлось и без влияния разногласий в Эфиопской церкви, причем классовые противоречия в таких выступлениях обычно перекрывались религиозно-богословской приверженностью населения, его региональной, да и этнической принадлежностью. Это отражало определенный этап в формировании классового самосознания народных масс, соответствующий уровень общественного мышления и действия.

Среди нехристианского населения Эфиопии, ущемленного в социально-политическом отношении, зрело чувство протеста. Оно нередко оказывало вооруженное сопротивление правителям страны, крупным феодалам и войску, получавшим от имени императора обширные земли, изымавшиеся от нехристиан. Проводившаяся Иясу I политика сегрегации в отношении мусульман вызывала у них возмущение. Они не раз успешно сражались с войсками, снаряжавшимися этим императором для подавления непокорных. Возможно, не будет преувеличением сказать, что именно такой подход к мусульманам, составлявшим значительную долю населения страны и игравшим важную роль, в ее хозяйстве, в условиях углублявшейся феодальной раздробленности обрек на неудачу все административные и экономические начинания Иясу I.

Надо особо отметить, что этот император был последним эфиопским монархом вплоть до второй половины XIX в., при котором предпринимались реальные шаги по укреплению царской власти и централизации государства. Хотя европейские историки напрасно присвоили Иясу I эпитет «великий», ошибочно переведя таким образом геэзское слово «абий», которое в этом контексте означает «старший», т. е. старший по отношению к другому эфиопскому царю, носившему это же имя — Иясу II (1730—1755), он немало усилий прилагал для укрепления феодальной монархии. Для упорядочения системы управления он установил твердую последовательность выступления вельмож на советах (от младшего к старшему) и определил, таким образом, всю придворную иерархию, заботился об оживлении [22] торговли, о чем сообщает и его «История» и «Краткая хроника»: «Узнав о несправедливости, причиненной торговцу в таможене, сказал царь Иясу: „С 5 мулов, груженных солью, да будет пошлина 1 амале. С 8 груженных товаром ослов да будет пошлина 1 амале. Если же кто возьмет с несущего на плечах своих, жилище того да будет разграблено, а имущество отнято. В каждой области да будет лишь одна таможня”» [75, с. 352]. Эти меры предназначались для упорядочения

налогообложения в торговле, в том числе ликвидации многочисленных внутренних таможен в стране, устранения произвола при взимании пошлин и увеличения поступлений в царскую казну. Предусматривалось также расширить торговлю со странами Востока. Императору удалось договориться с турецким правителем в Массауа и Аркико о пошлинах на ввозимые (в) и вывозимые из Эфиопии товары. Предпринимались попытки организации внутренней торговли. Пристальное внимание Иясу I к торговле не случайно, ибо экономика страны во многом зависела от состояния и развития торговли.

Попытался он также вмешаться в церковные распри, хотя внешне казалось, что император находится вне этих разногласий. Поддержав поборников «соединения», Иясу I лишился в итоге короны, а после отречения в 1706 г. — вскоре и жизни. Тем самым подтверждается еще раз мнение В. В. Болотова о том, что «политический характер этому богословскому спору придавало то обстоятельство, что некоторые влиятельные государственные люди были на стороне годжамского воззрения, и даже в числе прямых его защитников-богословов встречаются аристократические имена Абиссинии. Но были и такие политические дельцы, которые шли далее нравственной поддержки евстафианам и готовы были эксплуатировать их одушевление для политических смут» [171, с. 37—38]. Интересы «политических дельцов» и фанатиков-раскольников переплелись настолько тесно, что уже трудно было сказать с уверенностью, то ли мятежные феодалы пользуются религиозным расколом, то ли раскольники ищут поддержки феодальных властителей для того, чтобы политическими и военными средствами обеспечить торжество своей доктрины. В 1686 г. один из духовных вождей годжамских «помазанников», авва Табдан, игумен Гванджского монастыря, ушел вместе с дэджамачем Уоле к оромо и объявил царем Иисхака, внука царя Сусныйоса. Иясу I разбил своих противников и казнил Иисхака, но Табдана и Уоле вынужден был простить, так как они были слишком влиятельны. Но это не спасло императора от гнева сторонников кыбат. С гибелью Иясу I было покончено и с его начинаниями.

Его преемники не могли упрочить государственное единство страны и даже, наоборот, попустительствовали росту местных феодальных династий в провинциях и областях, чувствовавшим себя достаточно самостоятельными, чтобы исходя из собственных интересов поддерживать либо царя, либо раскольников. В [23] столице же множились придворные интриги, и особый вес приобретали воины, охранявшие царскую резиденцию, в руках которых оказывался и сам царь, и его придворные. В этих условиях каждому новому императору приходилось отчаянно лавировать между всеми многочисленными группировками, ни одна из которых не была предана ему безусловно. Все сводилось к тому, что монархия катастрофически теряла свою социальную базу. Да и вопрос о престолонаследии, снова оказавшийся з XVIII в. ахиллесовой пятой эфиопской монархии породил такие дворцовые интриги и убийства претендентов на трон, что эфиопские монархи менялись с калейдоскопической быстротой. Эти перемены не обходились без кровопролития в стране, феодальных мятежей, вовлечения в междоусобицы больших масс населения. В результате приходили в упадок земледелие и торговля. Произошла даже попытка узурпации императорской власти представителями «несоломоновой» династии: в 1711 г. после смерти Тевофлоса (1708—1711) престол захватил бэджиронд Йостос (1711—1715), не принадлежавший к царскому роду. После кратковременного пребывания на троне Йостоса в гондэрском дворце вновь воцарились «соломонида».

Само по себе возвращение на престол представителя «законной» династии не принесло, да и не могло принести ничего нового. Феодальная раздробленность чем дальше, тем больше сказывалась на политической жизни страны. Собственных сил древняя династия почти не имела и могла опираться главным образом лишь на традицию царской власти «соломонидов». Здесь, однако, плохую услугу стал оказывать старинный обычай тюремного заключения царских родственников, возрожденный Фасилидэсом. Гора Вахни, где они содержались под надзором, превратилась в многолюдное обиталище «соломонидов», откуда любая политическая сила, временно одержавшая верх, всегда

могла получить кандидата на престол по своему выбору. Взойдя на трон, такому кандидату приходилось для сохранения своей власти умело лавировать между всеми этими силами, которых было много. Здесь нужно было учитывать и местные интересы крупных вотчинников, и церковный раскол, бдительно следить за борьбой придворных группировок, а также не забывать и царских телохранителей, всегда способных совершить дворцовый переворот.

К концу XVIII в. общее положение страны было неутешительно. Феодалные мятежи следовали один за другим. Даже в самом Гондэре не раз возникали междоусобные столкновения. Из всей огромной территории, на которую некогда распространялась власть эфиопских царей, гондэрская династия могла контролировать фактически лишь северо-западную ее часть. Оромские племена к этому времени заняли обширные пространства, отрезав богатую область Шоа, которая стала практически независимым царством с собственной династией во главе. Местные феодалные династии прочно утвердились и в других областях, [24] формально подвластных гондэрским царям. Так, в декабре 1730 г. жители Дамота отвергли наместника, поставленного царицей Мынтыуаб и императором Иясу II (1730—1755), и потребовали себе в наместники дамотца, ссылаясь на пример других областей, и это их требование было удовлетворено [76, с. 44—45]. Южные области, такие, как Эпарея с населением, некогда обращенным в христианство и платившим дань эфиопским царям, попали под власть независимых оромских правителей. Влияние оромо усилилось и при гондэрском дворе, причем их роль в государственной жизни неуклонно возрастала.

Некоторые эфиопские императоры в детстве или даже в юности воспитывались в оромском окружении, предпочитали даже говорить по-оромски, а взойдя на трон, опираясь на оромское войско. Это вызывало нередко недовольство традиционной знати и семитоязычного населения. Особым кровопролитием отличалась борьба могущественного раса Микаэля Сыуля, наместника Тыграя, против императора Ийоаса (1755—1769), который отказался удалить из Гондэра и его предместий оромское войско, как того требовал этот влиятельный и сильный феодал.

Со времени насильственной смерти Ийоаса гондэрские императоры, приходившие ему на смену, превратились в марионеток в руках феодалных властителей, добивавшихся путем подчинения монарха фактической власти в стране. Господство одних феодалных родов в Гондэре вызывало протест других; их соперничество ослабляло государство, обрекало его на территориальный распад. Робкие попытки царствовавших монархов изменить разрушительный ход событий не приводили к успеху. Так произошло, например, с введением императором Тэкле Гийоргисом (1779—1784) новой податной системы, согласно которой облагалась налогом провинция Бэгемдыр, ранее освобожденная от такого рода повинности. Это начинание, вызвавшее бурный протест в Бэгемдыре, стоило Тэкле Гийоргису императорской короны. С его отречением начался так называемый в эфиопской историографии (принятой и в мировой литературе) период «зэмэнэ мэсафьнт» — «время князей». Он продолжался до 1855 г., когда в стране воцарился Теодрос II, положивший начало процессу централизации Эфиопского государства.

В течение этих немногим более 70 лет феодалная раздробленность в Эфиопии достигла своего апогея. Императоры в Гондэре обладали лишь номинальной властью. Их распоряжения не принимались во внимание на местах. Сам Гондэр и прилегающие к нему земли находились под властью могущественного феодалного рода Сэру Гуангуля, обладавшего сильным войском и сумевшим одержать верх над соперниками. Эти территориальные владыки сменяли по своему усмотрению императоров. Показателен пример с гондэрским наместником расой Али Малом (1831—1853), который четырежды назначал императоров: Гэбрэ Крыстоса, Сахле Дынгыля, Йоханныса III и вновь Сахле Дынгыля. По словам эфиопского летописца, «прекратилось преемство [25] царей Гондэра и пэгибла царской власти. Настало время князей, которые, однако, не уничтожили имени царства царей, и не осмеливались князья восседать на престоле Давида и возлагать на себя венец

царства; они делали царями под собою царей слабых, которые были у них в повиновении. Езекия был царем 8 лет под властью Али Великого (1784—1788). Таким образом, следующие царствовали поочередно в одном Гондэре под властью князей» [237, с. 273].

А. Бартницкий и И. Мантель-Нечко считают, что, по существу, власть в Гондэре перешла в руки новой династии из рода Сэру Гуангуль, правившей в 1784—1853 гг. в стране и по тактическим соображениям сохранившей «соломонидов» на троне [169, с. 241]. Нельзя, однако, согласиться с польскими авторами в том, что гондэрские наместники управляли страной. Их реальная власть не распространялась далее всего Бэгемдыра, Дамота, Дэмбии и еще нескольких небольших территорий. В других областях властвовали крупнейшие феодалы, сумевшие занять прочные позиции в политической жизни Эфиопии и, опираясь на собственные хорошо вооруженные войска, отказывавшиеся подчиниться Гондэру.

Постепенно в ходе кровопролитных междоусобиц, принесших неисчислимые бедствия крестьянам и дезорганизовавших их хозяйство, к 50-м годам XIX в. наряду с Гондэром выдвинулись своим могуществом и политической ролью области Тыграй и Сымен, где правил дэджамач Уыбе, и Шоа, в которой прочно удерживал власть ныгус Сахле Сыллазе (1813—1847) и сменивший его после смерти ныгус Хайле Мэлекот, а также Годжам, лишь формально признававший вассальность от Гондэра.

Выдвижение Тыграя и Шоа, вступивших даже во внешние сношения с Европой, не случайно. Через обе эти провинции пролегали важнейшие пути караванной торговли, приносившей их правителям большие доходы от таможенных сборов. Самое главное, однако, состояло в том, что именно здесь получило широкое распространение огнестрельное оружие, поступающее от торговцев. Сюда из-за границы направлялись преимущественно винтовки систем гра, ли-метфорда, бердана, лебеля и маузера (ремингтон, винчестер). Обладание таким оружием намного снижало искусство владения холодным оружием, требовавшим довольно длительной подготовки. В результате возникла возможность привлечения в широких масштабах крестьянских ополчений для боевых действий, а не ограничиваться только (или главным образом) «детьми цевов», т. е. традиционным военным сословием. Вместе с тем поколебалось и его привилегированное положение в эфиопском обществе. Это же самое обстоятельство явилось мощным фактором успехов дэджамача Касы в 40-е — начале 50-х годов, который в борьбе за императорскую корону, привлекая пострадавшее от бесконечных феодальных войн крестьянство, поочередно разбил своих соперников. [26]

Это была победа центростремительных сил, укрепившихся в «стране. В ее достижении велика роль народных масс, в сознании которых утвердилась идея централизованного государства. Госка по прочному миру, где, как записано в одной из эфиопских хроник, «не будет ни смуты, ни ненависти, ни копья, ни стрелы», связывалась в народном представлении с необходимостью сильной царской власти, и один из монастырских летописцев того времени прерывает свой скорбный перечень бед и несчастий пришедшего в упадок государства, чтобы выразить свое горестное недоумение: «Как же стало царство игрушкой юношей и рабов? Как же стало царство игрушкой людей не обрезанных, происхождения неведомого?.. Рыдаю я, помышляя о царстве... плачу беспрестанно, дабы помиловал бог царей великих... Кто возвратит нам власть царства, как возвратил прежде [бог] царство от загвеев?.. Поддай нам ныне того, кто возвратит царство. Аминь» [280, с. 794—795].

Так в Эфиопии середины XIX в. складывалась обстановка, аналогичная описанной Ф. Энгельсом в Европе XV в., когда «увеличилось количество таких элементов населения, которые прежде всего требовали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы были прекращены раздоры между феодалами, приводившие к непрерывной междоусобной войне даже в тех случаях, когда в стране был внешний враг, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжалось в течение всего средневековья» [5, с. 409].

Социально-экономическая ситуация

К середине XIX в. в Эфиопии сложилось развитое феодальное общество. По мнению Ю. М. Кобищанова, в Эфиопской империи уже в XIV в. наблюдалось переходное состояние от раннего к развитому феодализму [201]. При этом вполне оправданно утверждение, что в периферийных районах страны еще многие столетия «патриархально-феодальные и раннефеодальные черты общества сохранились и даже, вероятно, усилились» [201].

В ходе развития феодальных отношений в Эфиопии к концу XVI в. окончательно сформировался как класс феодалов, так и основные группы феодально зависимого населения. В хронике «История галласов», составленной в XVI в., довольно точно описана социальная структура эфиопского общества. Оно состоит, как указывает ее автор, из десяти разрядов или племен. Вот они: «Одно из них монашеское племя, коему несть числа... Второе племя называется дабтара (своеобразная эфиопская разновидность белого духовенства.— *Авт.*)... Третье племя называется жан хацана и жан маасаре (придворные должности в царской администрации.— *Авт.*)... Четвертое племя — телохранители [27] жен князей и принцев крови... Пятое племя называется старейшинами, господами и помещиками. Они разделяют свою землю меж крестьянами, приказывают им... Шестое племя — крестьян... Седьмое племя — промышленяющих торговлей и стяжанием... Восьмое племя — ремесленников, таких, как кузнецы, писцы, швецы и плотники... Девятый разряд — скоморохи (профессиональные певцы и музыканты, стоявшие на одной из самых низших ступеней эфиопского феодального общества.— *Авт.*), барабанщики и арфисты, которые живут попрошайничеством... А десятый разряд — это те, кто берет копьё и щит, кто может сражаться и следует по стопам царя в походы» [75, с. 146—147]. Таковы были представления эфиопского историографа.

Во время написания этой хроники уже не существовало сложившейся прежде разницы между наследственной знатью из правящих родов и царскими военачальниками, рассаженными по землям. Обе группы феодалов получили крупные земельные владения, которые они преобразовали по образцу царского домена. Внутри этих сеньорий (поместий) шел интенсивный процесс формирования феодальной зависимости местного населения. На землях наследственной знати традиционная дань, собиравшаяся с некогда свободных общинников, превращалась в феодальную ренту, «что сопровождалось не только усложнением способов собирания дани, но и введением разного рода дополнительных поборов» [249, с. 286]. Царские же военачальники на пожалованных им землях насильственно закрепощали местное население. Со временем сложился феодальный аппарат для взимания ренты с подвластных крестьян, а также усложнялась социально-производственная природа феодальной сеньории как самостоятельного, притом чаще всего изолированного, хозяйственного организма.

С формированием отношений между феодалами и крестьянами складывались также новые отношения между царской властью и феодалами. Вместо прежних дружинных отношений сложился типичный феодальный вассалитет. «Устанавливается,— пишет С. Б. Чернецов,— сюзеренитет царя, вырабатываются разнообразные права и обязанности по вассалитету, который теперь и формально должен непременно скрепляться клятвой и крестным целованием перед священниками, т. е. типичным феодальным договором» [249, с. 286]. По смерти царя прежние должности и «кормления» вассалов подлежали утверждению его преемником, за что те приносили ему омаж, и таким путем заключался новый феодальный договор между монархом и вассалами.

Отношения «сюзеренитета — вассалитета» резко нарушились во «времена князей» («зэмэиэ мэсафынт»). Это было связано с укреплением крупного феодального землевладения, составившего основу могущества потомственной аристократии, и одновременным экономическим ослаблением царского домена. К концу XVIII в. участились

попытки служилых феодалов превратить [28] временно пожалованные земли («гульт») в наследственную собственность («рыст» — одна из двух — наряду с гультом — наиболее распространенных форм земельного владения в Эфиопии). В «зэмэнэ мэсафынт» это во многих случаях им удавалось сделать: царская власть, пришедшая в упадок, уже не могла, как прежде, помешать процессу перехода гультов в наследственное владение. Она долгое время успешно разрешала назревавший еще с начала XVII в. конфликт с феодалами по поводу гультовых земель. Наследственному закреплению гультовых пожалований способствовало то обстоятельство, что они передавались из поколения в поколение за несение определенной службы потомками первого гультэння (владельца гульта). Таким образом, менялось содержание гульта. Для обозначения его нового качества употреблялось даже название «рыст-гульт».

Надо признать, что введение системы гультов после так называемого восстановления Соломоновой династии явилось крупным шагом в развитии феодализма в Эфиопии. Она не только позволяла царям содержать многочисленное войско и добиваться повиновения со стороны формировавшегося класса феодалов, но и подрывать политическое влияние и экономическую силу местной знати. Владелец гульта получал его в кормление за службу; она (земля) ему предоставлялась для взимания различных повинностей с земледельцев, сидящих на этой земле. В стране сложилась своеобразная иерархия гультовых пожалований, когда получавший от царя гульт дробил его на отдельные участки и передавал их в гульт для кормления подвластным ему служилым, а те, в свою очередь, нижестоящим и т. д. (лишь гультэння самых низших рангов к началу XIX в. начали обрабатывать землю). Таким образом, возникло многообразие типов гультовых пожалований (например, фэрэс моккари — объездчики лошадей, зэбэннеч — стража).

Немало гультовых пожалований было сделано церкви, вернее отдельным храмам и монастырям. Гульты не изымались от них и не перекраивались, как это имело место в отношении светских пожалований. И даже, наоборот, церковь постоянно наращивала свои условные держания, превратившие ее с учетом земель «рыст» в крупнейшего землевладельца. По имеющимся литературным данным, в середине XIX в. церкви принадлежала в той или иной форме треть всей земли в стране.

Фактически «в гультовой системе землевладения (пожалуй, точнее, землепользования.— *Авт.*) тесно переплелись взаимоотношения всех классов и социальных групп феодальной Эфиопии: вассальные отношения между правителем и стоящим ниже феодалом-помещиком, феодально-теократические отношения между правителем и высшим духовенством, отношения между феодалом-землевладельцем и крестьянином» [246, с. 26]. Эфиопские цари провозглашали себя верховными властителями всей земли в империи, но они не могли распоряжаться землями рыст. Да и земли гульт, предоставлявшие владельцу фискальные, [29] юридические и административные права, далеко не всегда составляли область безраздельного царского самовластия.

Распространенность рыста как формы землевладения была намного меньшей, чем гульта, который, по существу, составлял важнейшую основу эфиопского феодализма. Если гульт имел сугубо индивидуальный характер, то рыст — коллективный. Точнее говоря, рыст представлял собой, с одной стороны, наследственное владение землей какого-то коллектива (например, общины), а с другой — конкретный участок земли в пределах общей земельной собственности, находившейся в пользовании члена этого коллектива. Со временем последнее стало закрепляться как индивидуальный рыст, без перераспределения между членами коллектива. Эта тенденция, по-видимому, уже вполне сложилась к XVII в. Динамика развития рыста обстоятельно изучена (см. [319]).

Рысты образовывались не только в результате заимки, но и вследствие вознаграждения эфиопскими царями за службу своим полкам (500—1000 воинов в каждом). При этом рядовые воины — цевы (цоуа, чоуа или шоуа) могли обрабатывать

свои наделы сами и с помощью своих домочадцев, а также рабов, составлявших, по существу, домашнюю челядь. «Полковые» рысты выделялись на окраинах империи; вследствие ее расширения территория с такими рыстами оказывалась далеко от новой (хотя и неточной, строго не фиксированной) границы. Вдоль нее, в чуждой, враждебной среде, на пожалованных ры-стах опять расселялись полки и т. д. Получалось, что царская власть, не желавшая ни в принципе, ни в теории признавать наследственную земельную собственность, сама ее множила. Более того, ей приходилось в конечном счете мириться с наследственными владениями, вольно или невольно содействуя становлению частнофеодальной земельной собственности.

Между двумя основополагающими феодальными системами поземельных отношений в Эфиопии — между рыстом и гультом — существовало великое множество других форм землевладения и землепользования, в большинстве своем носивших переходный характер или представлявших собой варианты этих ведущих систем. Такая запутанная и усложненная ситуация в структуре аграрных отношений, утвердившихся в Эфиопии к середине XIX в., в значительной степени связана с социально-политическими и экономическими последствиями феодальной раздробленности, вольницы и междоусобиц, особенно проявившихся в «зэмэнэ мэсафынт». В периоды феодального самовластия правители областей, отказывавшиеся не то чтобы подчиняться, но даже признавать царскую власть, были очень заинтересованы в сохранении и упрочении верности своих вассалов и войска, в связи с чем учащалась раздача земель в гульт и даже в рыст. Одновременно возрастали требования выплаты крестьянами все новых податей и выполнения ими многообразных повинностей, в том числе оказания помощи в передвижении воинов и войскового [30] обоза. В свою очередь, правители областей, выступавшие против царской власти, переставали выплачивать ей подати. В этом — одна из причин того, что после смерти Иясу II в 1755 г. в царской казне оказалось не более 80 золотых динаров [358, с. 192].

Доходы эфиопских царей обычно формировались как за счет поступлений из их личного домена, так и податей с феодалов, которым на вассальной основе передавались земли. Царская казна пополнялась также в результате таможенных сборов от торговли и присвоения движимого имущества в ходе завоевательных походов. Захватывались тогда и рабы, часть которых шла на продажу. В свои набеги за рабами эфиопские цари и их вассалы отправлялись, как правило, в жаркие, низменные районы, населенные людьми нехристианского вероисповедания, принадлежащими чаще всего к негроидной расе. Немало невольников вывозилось в Индию, арабийские и другие азиатские страны.

Разные эфиопские области платили царю подати натурой, золотом, а их характер и размеры отличались от области к области. Так, агау платили подать одеждой, медом и скотом. При Либнэ Дынгыле (1508—1540) на царский двор из Годжама ежегодно поступало около 30 тыс. унций золота, 3 тыс. мулов, 3 тыс. лошадей, 30 тыс. хлопчатобумажных одеяний, сотни метров тканей и 3 тыс. кип чесаного хлопка. Во времена Иясу I (1682—1706) Ласта была обложена ежегодной податью примерно в 1 тыс. унций золота.

Все эти огромные богатства через систему феодально-вассальных отношений взимались в конечном счете с феодально зависимого безземельного крестьянства, арендовавшего землю у землевладельцев и крестьян-общинников. Положение последних было намного лучше. Барщина или издольщина (или и то и другое, вместе взятые), многочисленные поборы и повинности, включая выплату десятины и дырго (предоставление ночлега и пропитания проезжающим иностранцам и царевым служилым людям, имевшим специальные грамоты), содержание войска, находящегося на постое, — вот основные тяготы, которые нес крестьянин-арендатор. В Тыграе, например, в конце XVIII в. крестьянин отдавал землевладельцу половину урожая.

Независимо от своего социального статуса крестьяне к тому же делали многочисленные подношения деревенским старостам — чыкка-шумам обрабатывали их

поля, за них выплачивали налоги и выполняли различные отработки и другие повинности. «Институт чыкка-шум — важный фактор в социальной жизни феодальной Эфиопии, учитывая частые смены местных правителей» [246, с. 35]. Чыкка-шумы строго следили за соблюдением принципа круговой поруки в эфиопской деревне, вследствие которого лично-свободный крестьянин, будь то мелкий рыс-тэнняя или арендатор, не мог покинуть своих односельчан. Дело в том, что остававшиеся в деревнях выплачивали налоги и несли повинности и за ушедших. Чыкка-шум не только собирали [31] с крестьян все подати и налоги, но и фактически руководили всей жизнью деревни, организовывали общественные работы. Власть над деревней, опиравшаяся на всесилие феодала-землеладельца, служила средством обогащения чыкка-шумов, выделением их в особый слой зажиточного крестьянства.

Уже в XVI в. начала складываться еще недостаточно изученная форма личной зависимости крестьян, которая по своему характеру была чем-то средним между патриархальным рабством и крепостной зависимостью. Речь идет о гэббарах, упоминающихся в хронике «История галласов», в ней сообщается, что одно из оромских племен, луба бифоле, «начали воевать Фатагар и стали угонять в полон людей и обращать в рабов и называть их „габар"» [75, с. 142, 149]. Возможно, эти «габары» — прообраз гэббарной системы, распространившейся на присоединенных со второй половины XIX в. территориях.

Очень тяжелым было положение крестьян, сидевших на церковных землях. Они содержали в ряде областей до 20—30% населения, составлявшего духовное сословие. Однако, говоря о нем, надо иметь в виду, что, по мнению Ю. М. Кобищанова и М. В. Райт, подавляющее большинство духовенства «принадлежало не к феодалам, а к трудящимся-земледельцам: бедные монахи работали в монастырях на богатых монахов, бедные священники сами пахали землю, их дети — мальчишки-диаконы пасли скот, а книжники-дэбтэра, составлявшие церковный хор, обычно не только занимались сельским хозяйством, но и несли повинности в пользу храма» [169, с. 13]. И все-таки низы духовенства пользовались многими привилегиями в сравнении с крестьянами, не испытывали тех превратностей судьбы, какие выпадали на долю крестьян. На последних, например, распространялась практика военного постоя, которая приводила их к полному разорению. Между солдатами, прибегавшими нередко к открытому грабежу, и сельскими тружениками существовала на протяжении столетий в позднее средневековье и новое время острая вражда. Порой она выливалась в открытое вооруженное сопротивление деревенских жителей армейским отрядам. Так, в начале XIX в. сильные беспорядки имели место в Годжаме.

Своеобразной формой протеста становился разрыв группы людей с обществом и их уход в леса. Они жили разбоем, однако нередко преследовали не цели личного обогащения, а борьбу против власти. Эти люди, называвшиеся по-амхарски «болед» (позднее — «шифта»), внушали деревенскому населению не только страх, но и уважение и восхищение как люди, всецело полагающиеся на свою силу, независимые, никому не подвластные и бросившие вызов общественным условиям неустроенности, безоглядного повиновения.

В целом же эфиопское крестьянство покорно сносило тяготы жизни, мирилось с полным беззаконием и своеволием феодалов. Его мировоззрение, сложившееся под воздействием традиционного общества, этноконфессиональных представлений, отодвигавших [32] на задний план и даже вовсе устранявших социально-классовые противоречия, подчинялось реальностям бытия. Социальный протест в эфиопской деревне к середине XIX в. еще не приобрел ощутимых признаков, хотя вообще об его отсутствии говорить не приходится.

Неоднородное по своей сути крестьянство находилось в основании той социально-иерархической пирамиды общественных сил, какая сложилась в Эфиопии. Ее верхнюю часть занимала феодальная верхушка, состоявшая из членов царской семьи, их

родственников, местной знати, высших военачальников и придворных, обязанных лично императору своим выдвижением. В Эфиопии существовала мало чем ограниченная социальная подвижность в феодальном классе, и даже простолюдины, пользуясь монаршей милостью или благосклонностью крупных феодалов, могли возвыситься. По своему происхождению феодальная знать имела военно-служилый характер, о чем свидетельствует, в частности, титулатура, образовавшаяся в стране (см. [358, с. 128]). Крупных титулов невоенного происхождения было немного.

Положение феодальной верхушки не было стабильным. В ней по воле царей происходили частые перемещения; взлеты и падения сопровождали жизнь многих придворных. Незавидной была судьба возможных претендентов на престол: их отправляли в малодоступные районы, а в худшем случае заточали в тюрьмы. Наибольшей устойчивостью отличались отношения на низших ступенях феодальной иерархии, но и здесь каждому надо было доказывать лояльность своему сюзерену и царю как верховному сюзерену.

В середине XIX в. немало изменились функции царя, который сохранил еще с аксумских времен титул «ныгусэ-нэгэст» — «царь царей» (император). О них обстоятельно написано Ю. М. Кобищановым (см. [201, с. 166—167]).

Он особо подчеркивает то, что царь выступал как организатор новых отраслей экономики, но не занимался специально к концу нового времени, делами торговли, контроль над которой осуществлял специальный чиновник — нэгадрас. Но заинтересованность царей в торговле, в установлении своего господства над торговыми путями не уменьшилась. Торговля приносила царям немалые доходы. Так, при Сусныйосе и Фасилидэсе в качестве таможенного сбора взимался один брусок соли — амале, выступавший как денежный эквивалент, с каждого груза соли, перевозимого на осле, или два амале с аналогичной ноши на муле. Попутно заметим, что соль была очень ценным товаром в Эфиопии, поступавшим в ее внутренние районы с побережья.

Цари христианской Эфиопии имели своих собственных агентов, которые занимались от их имени обменом товаров, ведением коммерческих переговоров с правителями Йемена, Египта, Индии, Португалии и других стран. Наиболее характерными [33] чертами той организации торговли, которая сложилась в Эфиопии, были, по мнению Ю. М. Кобищанова: «1) торговля находилась под строгим контролем феодального государства, который порой (при императорах XVII — начала XVIII в.) приближался к государственной монополии на внешнюю торговлю; 2) коммерческая деятельность «царских купцов» обязательно дополнялась дипломатической деятельностью; 3) класс купцов рассматривался как часть государственного аппарата, главой которого был монарх» [201, с. 188].

Вряд ли, однако, в условиях конфессиональных противоречий того времени купцы, принадлежавшие, как правило, к мусульманам, могли считаться частью царской администрации. Да и при ослаблении императорской власти, особенно в «зэмэнэ мэсафйт», феодально-государственный контроль над торговлей был скорее мифическим. Со временем правители отдельных областей стали заботиться о безопасности торговли в подвластных им территориях, взимая при этом высокие пошлины с купцов в свою пользу, уже не говоря о личном участии в коммерческих сделках. Более того, при дворе шла постоянная борьба за благосклонность монарха или его всемогущего фаворита при назначении на наместничество в районы, через которые пролегали торговые пути, приносявшие властителю большие доходы.

Еще в XVII в. португальский путешественник Мануэл Алмейда писал: «Хуже всего то, что... наместничества во всех королевствах и провинциях скорее продаются, нежели даются. Никто не получает его иначе, как за количество золота, более или менее равное доходу, который домогающийся надеется получить от него. А так как домогающихся всегда много, то наместничество получает тот, кто дает больше. Они дают больше, нежели могут получить оттуда честным путем, и, чтобы не остаться в накладе, они обдирают

народ (а также купцов.— *Авт.*)... Так как наместники являются господами и судьями и держат в своих руках всю власть над жизнью и имуществом населения, то, прямо сказать, это скорее грабители, чем наместники» [93, с. 72].

Даже в смутные времена, и особенно в «эзмэнэ мэсафйт», не прекращалась борьба за контроль над торговыми путями, но тогда она чаще всего приобретала форму ожесточенных кровавых междоусобиц, которые не только разрушали местное хозяйство, но и дезорганизовывали саму торговлю. Негативные последствия феодальной раздробленности, разумеется, препятствовали внутренней и внешней торговле Эфиопии, но полностью-приостановить ее не могли, тем более что через эфиопскую территорию пролегали торговые пути, связывающие соседние страны с побережьем Африканского Рога. Эти коммерческие маршруты складывались постепенно, в течение веков, охватывая удобные с точки зрения географической доступности и экономически богатые территории.

Особые коммерческие преимущества тогда получила провинция [34] Шоа, где пересекались многие торговые пути и где местные правители проявляли большую заботу о состоянии торговли. При ныгусе Сахле Сыллесе, властвовавшем в Шоа в 1813— 1848 гг. и добившемся в ней внутривластной стабильности, в том числе и путем территориального расширения, торговые налоги и пошлины были в провинции не обременительны. Это выгодно отличало Шоа от других частей Эфиопии, что не могло не привлекать купцов, а следовательно, и ускоряло товаризацию хозяйства провинции. Сахле Сыллесе попытался даже вступить в официальные договорные отношения с Великобританией и Францией.

К подобным акциям в XVII — первой половине XIX в. прибегали и другие территориальные владыки различных областей Эфиопии, добиваясь чаще всего определенных политических выгод и, много реже, коммерческих. Успешнее были такие контакты с зарубежными державами на государственном уровне. Так, Иясу I в 1693 г. договорился с правителем Массауа и Аркико турецким наибом Мусой о размере пошлины на товары, ввозившиеся в Эфиопию, и на вывозимое оттуда зерно, мускус, кофе, кожи и скот. На внешние рынки из Эфиопии поступало также золото, мед, воск и, разумеется, рабы, которые весьма ценились на невольничьих рынках Востока. Взамен ввозились ремесленные изделия, предметы роскоши, ткани, с XVI в. огнестрельное оружие и др. Товары прибывали из разных стран, в том числе европейских. Большим спросом на внутреннем рынке пользовались лошади. И это не случайно: конница в Эфиопии в средние века и новое время являлась ударной силой в бою, наиболее любимым войском. Однако, как справедливо замечает Ю. М. Кобищанов, «правители государств Северо-Восточной Африки предпочитали получать нужных им для войны лошадей нетоварным путем — в качестве дани (точнее — подати) от вассальных правителей» [201, с. 181].

Внутренняя торговля находилась преимущественно в руках мусульман. Наиболее оживленно она велась к XIX в. в южных и восточных районах. Ее развитие сдерживалось господством натурального хозяйства, политической нестабильностью, сопровождавшейся многочисленными царскими карательными походами и феодальными междоусобицами, а также полным произволом при взимании пошлин и наличием большого числа местных таможен, самовольно открытых на торговых путях местными феодалами. Еще в первой половине XIX в. в Эфиопии не было всеобщего денежного эквивалента. Его роль выполняли уже упоминавшиеся амале, красный перец, патроны, бруски железа и т. д.

На рубеже XVIII—XIX вв. в стране появился серебряный талер Марии-Терезии, который вскоре получил широкое хождение в империи. В 30-е годы XIX в. во всей империи обращались около 100 тыс. этих монет. В последующие десятилетия только ныгус Сахле Сыллесе, правивший в Шоа, получал в год 250—[35]300 тыс. талеров Марии-Терезии в виде налогов с подвластных: ему земель Шоа [360, с. 10]. Однако, несмотря на увеличившееся количество, талер Марии-Терезии так и не стал всеобщим эквивалентом

стоимости в стране. Отсутствие такого сдерживало развитие производительных сил, в том числе ремесленного производства.

Оно, как и торговля, мало привлекало христианское население и многие столетия оставалось уделом преимущественно мусульманских народов. К середине XIX в. ремесла обособились в основном от сельского хозяйства. В результате образовались замкнутые касты, к которым окружающее земледельческое население относилось с презрением, страхом и предубеждением. Это были кузнецы, дубильщики кож и изготовители изделий из них (сандалий, щитов и т. д.), плетельщики соломенных шляп, могильщики и др. Они селились обособленно, на окраинах деревень, либо, ища покровительства, собирались при дворах царей, феодалов, церквях и монастырях. Им не разрешалось владеть землей, служить в армии и т. д. Их женам предписывалось заниматься строго определенным трудом: например, жены кузнецов изготавливали гончарные изделия.

Отношение земледельческих народов к презираемым усилило этноконфессиональный партикуляризм последних. С другой стороны, пренебрежение к ручному труду препятствовало распространению ремесел в стране, противодействовало росту потребностей населения в них, да и сужало возможности организации новых производств и повышения квалификации тружеников. Часто, пренебрегая собственными мастерами, цари и феодальная верхушка охотно приглашали чужеземцев для различных строительных работ, для изготовления украшений, дорогих одежд и т. д.

В первой половине XIX в. некоторые правители областей начали менять свои взгляды на местных ремесленников и их труд и даже содействовали увеличению выпускаемой ими продукции. Но пренебрежение ремесленничеством в стране сохранялось.

Нельзя не согласиться с тем, что «в области ремесленного производства, как и в торговле, феодальная Эфиопия не стала достойной преемницей Аксума» [246, с. 50—51]. Натуральный характер хозяйства не стимулировал развитие экономики, а неразвитость несельскохозяйственного производства, в свою очередь, обрекала земледелие и скотоводство на застойность, стагнацию, усиление внутренней замкнутости отдельных хозяйств. Хозяйственная автаркия отдельных областей служила основой политической раздробленности империи. Рост центробежных сил, особенно проявившийся к концу XVIII в., вызвал разруху, разорение сотен тысяч крестьян, мелких и средних феодалов, клира.

При оценке социально-экономической ситуации в Эфиопии в новое время следует принять во внимание и многочисленные засухи [36] в стране, которые приводили к гибели десятков тысяч людей, скота, к дезорганизации хозяйства, к вынужденной миграции людей. Эфиопские хроники свидетельствуют, что в 1540 — 1800 гг. в Эфиопии произошло не менее 23 крупных случаев массового голода из-за засух, каждый из которых продолжался по нескольку лет. Ужасающие картины вымирания целых деревень и массового исхода в другие районы рисуют также европейские путешественники, оказавшиеся в Эфиопии в голодные и засушливые годы (см., например, [93, с. 175]).

Царская администрация и местная власть в целом спокойно взирали на страдания народа, вызванные голодом. Вероятно, оказываемая помощь настолько была невелика, что даже в царских хрониках, призванных прославлять деяния императоров, о ней, как правило, говорится вскользь, без какой-либо обычной выпренности. Так, в хронике Иясу I немного говорится о царской благотворительности страждущим крестьянам, покинувшим свои деревни из-за голода и с трудом дошедших в 1706 г. до Гондэра.

Сколько-нибудь существенная помощь населению районов, подвергшихся засухе, вообще не оказывалась в условиях феодальной раздробленности и ослабления императорской власти. Частые засухи и вызываемый ими голод не останавливали межфеодалные распри и столкновения и даже усиливали их, ибо борьба за плодородные земли разгоралась с новым размахом.

Завершая первую половину XIX в., Эфиопия, раздиравшаяся феодальными междоусобицами, жила в ожидании перемен. [37]

Глава 2 ЭФИОПИЯ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ (1855—1868)

Объединение страны при Теодросе II

С середины XIX в. Эфиопия вступает в качественно новый период своего развития, основным содержанием которого стали процессы объединения дотоле раздробленных областей страны в единое централизованное государство. Эти процессы, определяя сущность внутривнутриполитической жизни Эфиопии на последующие десятилетия, в зависимости от конкретных объективных и субъективных факторов порой получали определенное ускорение, порой же были малозаметны. На всем протяжении второй половины XIX в. изменялись формы и методы процесса централизации, наблюдались перепады в динамике его осуществления; неизменной оставалось суть самого процесса, направленного на ликвидацию феодальной раздробленности.

Какие же факторы лежали в основе этого процесса, что явилось предпосылками столь значительных изменений в историческом развитии страны? Как правило, исследователи проблемы генезиса централизованной Эфиопии часто ищут аналогии в истории некоторых стран Европы, уже миновавших этот этап. Причина такого подхода кроется в схожести некоторых черт феодальной системы этой африканской государственности и западноевропейских стран. Вместе с тем, и на это справедливо указывают польские эфиописты А. Бартницкий и И. Мантель-Нечко, всякий формальный перенос понятий, отражающих европейские процессы общественного развития, на эфиопскую почву ведет к искажению истории, так как при этом не учитывается специфика этого древнейшего государства Тропической Африки [169, с. 179].

Своеобразие исторического развития Эфиопии, прежде всего незрелость товарно-денежных отношений, и предопределило характер процессов централизации страны. Если, например, в странах Западной Европы в период возникновения централизованных национальных государств шел активный процесс разложения феодальной системы, то в Эфиопии середины XIX в. позиции феодализма были сильны и не было ни крупных городов, ни городских торгово-предпринимательских слоев — тех сил, которые [38] сыграли важнейшую роль в процессе централизации многих стран.

Политическая раздробленность страны, частые междоусобные войны, натуральный характер хозяйства, труднодоступность отдельных областей, отсутствие выхода к морю — все эти факторы оказали пагубное влияние на развитие торговли. Тормозом на ее пути были и многочисленные таможенные посты, бессчетные торговые налоги и пошлины. Оценивая состояние торговли Эфиопии в первой половине XIX в., англичанин У. Плоуден отмечал, что «торговая община немногочисленна... Мусульмане абиссинского происхождения, кроме галла, редко избирают для себя другой путь, в их руках сосредоточено три четверти всей торговли. Во всей стране вряд ли сыщешь и 20 купцов-христиан» [37, с. 111].

Мало привлекало христианское население и занятие ремеслом. В эфиопском обществе и торговля и ремесленничество были главным образом уделом нехристианского населения, не игравшего заметной роли в политической жизни государства.

О неразвитости в Эфиопии того времени товарно-денежных отношений свидетельствует и нераспространенность в стране денег, этого, по выражению Ф. Энгельса, «могучего оружия против феодализма» [5, с. 407]. В зависимости от района денежным эквивалентом служили различные товары: бруски соли (амоле), красный перец и чаще всего ружейные патроны.

Таким образом, в конкретно-исторических условиях Эфиопии центральная власть, являвшаяся, по определению Ф. Энгельса, «представительницей образующейся нации в противовес раздробленности на мятежные вассальные государства» [5, с. 411], не могла опираться в борьбе за свое укрепление на те социальные силы, которые сыграли столь важную роль в аналогичных процессах в Европе. Поэтому если в истории Европы главную роль в объединении многих государств сыграли экономические и социальные сдвиги, то консолидация эфиопского государства могла осуществиться лишь «сверху», военным путем.

При этом следует иметь в виду, что существовал ряд факторов, способствовавших реализации этого процесса. Так, укрепление государственности в новых условиях было для Эфиопии во многом восстановлением чего-то уже существовавшего в прошлом, во времена Аксума или же в период правления императора Зэра Яькоба. На протяжении многих десятилетий «времен князей» в общественном сознании не ослабевала идея о необходимости восстановления былого величия страны, той единой и обширной Эфиопии прошлого, восточной границей которой служило Красноморское побережье.

Определенную роль в централизации страны играла и угроза внешней опасности, существовавшая на северных и северо-западных рубежах государства, где местным армиям то и дело приходилось вступать в сражения с египтянами. Однако следует подчеркнуть, что в условиях распада Эфиопии на враждующие [39] между собой области борьба с мусульманскими северными соседями не принимала характера общенациональной войны. Идея воссоздания единой Эфиопии не случайно получила наиболее широкое распространение среди населения северных областей страны, ибо здесь внешняя угроза была реальной действительностью (подробнее см. [246, с. 53—56]).

К середине XIX в. страна находилась в упадке, раздираемая постоянными междоусобными схватками феодалов. Казалось, ничто не сможет положить конец этим постоянным сражениям, когда вытаптывались поля и сжигались селения, и никто не чувствовал себя в безопасности.

В Эфиопии повеяло переменами, когда в начале 50-х годов на политической арене страны появился Каса из Куары, сын мелкого феодала с Севера. Его действия, направленные на создание сильной центральной власти, нашли поддержку у крестьянского населения, больше всего страдавшего от феодальной раздробленности. В истории Эфиопии наступил период, когда политика правителя в значительной степени стала подчиняться общенародным интересам.

Формы и методы осуществления политики централизации на каждом этапе зависели от личности политического деятеля, возглавившего этот процесс. Безусловно, в конкретных условиях Эфиопии, когда процесс централизации осуществлялся «сверху», характер личности играл крайне важную роль в выборе направлений и средств достижения этой сложной цели. Здесь уместно вспомнить замечание К. Маркса о том, что «ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих „случайностей“, среди которых фигурирует также и такой „случай“, как характер людей, стоящих вначале во главе движения» [1, с. 175].

Каса Хайлю начал свой путь к императорской короне с довольно невысокой ступени феодальной иерархии. По образному выражению одного из авторов, «он появился на свет без серебряной ложки во рту» [281, с. 11]. Родился он в 1818 г. в местечке Куара на севере Эфиопии, в семье мелкого феодала, которая к тому же вскоре потеряла своего кормильца. Каса Хайлю отличался умом и сообразительностью. Возможно, поэтому его мать, используя родственные связи, устроила сына в монастырскую школу. Грамотных людей в то время в стране было немного, и получивший образование человек всегда мог надеяться на кусок хлеба. Пожалуй, школьные годы были самым спокойным периодом в бурной жизни будущего императора. Чтению и письму, заучиванию псалмов Давида и других религиозных текстов пришел конец, когда монастырь был разграблен одним из

мятежных феодалов. Лишившись монастырского крова, Каса резко меняет свою жизнь, скромный школяр становится бесстрашным воином.

В условиях феодальной Эфиопии с ее частыми внутренними беспорядками и междоусобными войнами военная стезя открывала самые широкие перспективы для продвижения в жизни. В [40] своих очерках об эфиопской армии К. Арнольди писал: «У каждого даже самого незначительного ашкера (рядового солдата.— *Авт.*) может явиться при благоприятных условиях надежда на известную карьеру, которая приведет его к званию пятидесятника, сотника, тысячника, а иногда и к высшим должностям государства, чему бывали неоднократные примеры. Нигде, как в Абиссинии, так не верна поговорка о солдате, носящем в своем ранце фельдмаршальский жезл, и сколь дэджазмачей и расов вышло из рядовых ашкеров, не отличавшихся ничем, кроме личной храбрости» [82, с. 17]. Поэтому выбор военной карьеры был для честолюбивого юноши совершенно закономерен. Во время службы солдатом в отряде своего дяди Кынфу, одного из приближенных правителя области Амхара раса Али, Каса постигал нелегкую военную науку, участвуя во многих сражениях.

Оставив спустя несколько лет службу у дяди, Каса организовал собственный отряд. Молодежь Куары быстро признала в нем своего лидера и стекалась к нему со всех концов области. Мелкий чиновник, смещенный со своей должности, Крестьянин, волею помещика лишенный земельного участка, все они находили место в его отряде.

Каса становился все более заметной фигурой на политической арене Амхары. Его восхождение к власти — это сражения с вассалами правителя области, укрепление в результате побед над ними своей политической базы и увеличение армии и в конечном счете победа над войсками самого раса Али. Преследуя отступающего противника, Каса сжег столицу Амхары Дэбрэ-Табора, а в бою при Айшале 29 июня 1853 г. довершил разгром одного из самых могущественных феодальных владетелей Эфиопии.

После этой победы вся Северная Эфиопия, за исключением Тыграя, оказалась под контролем Касы. В решающем сражении с армией раса Уэбе, правителя Тыграя, практически решался вопрос о будущем императоре Эфиопии. Битва произошла вблизи р. Тэкэзс, являющейся естественной границей между Амхара и Тыграем. Благодаря английскому путешественнику Генри Дафтону сохранились слова, с которыми Каса обратился к своей армии перед решающим сражением: «Следуйте за мной, и по божьей воле завтра я уже не буду называться Касой!» [96, с. 131].

Что Каса имел в виду? В истерзанной феодальными междоусобицами Эфиопии ходило немало пророчеств о лучшей жизни, о времени, когда земледelec бросит зерно в пахоту и поле его не будет вытоптано враждующими армиями феодалов. Во «времена князей» особенно большое распространение получило пророчество о грядущем восшествии на императорский престол правителя по имени Теодрос, который восстановит древнюю славу империи. Возможно, магия имени новоявленного мессии, а скорее всего военное превосходство над противником обусловили победу армии Касы. Описывая сражение с тыграйцами в своей [41] хронике, алека Уольдэ Мариам лаконично сообщает: «Каса одержал победу, а Уэбе стал его пленником» [74, с. 147].

Уже на следующий день после сражения, 11 февраля 1855 г., в ближайшей церквушке произошла церемония коронования нового императора Эфиопии. Выбор Касой имени Теодрос в качестве тронного не являлся шагом хитрого политика, спекулировавшего на народных настроениях. Анализ заявлений и действий нового императора позволяет убедиться, что он действительно ставил перед собой задачи, совпадающие во многом с теми, что приписывали ожидаемому мессии. С другой стороны, правитель по имени Теодрос мог рассчитывать, хотя бы на первых порах, на поддержку части населения страны, больше всего заинтересованной в твердой верховной власти.

«Каса должен был определить свою миссию,— пишет шведский исследователь С. Рубенсон,— он должен был отождествить себя с чем-нибудь или с кем-нибудь в традициях своего народа, что позволило бы освободиться как от своего прошлого, когда

он был одним из бунтовавших феодалов, так и отмежеваться от своих предшественников, беспомощных представителей домз Давида и Соломона в Гондэре. Каса достиг всего с помощью одного... Он объявил себя Теодросом, царем, который должен явиться и править миром в покое и справедливости в течение сорока лет» [384, с. 49]. По мнению американского исследователя Д. Левина, успехи Теодроса II в объединении страны в 50-е годы прошлого столетия были обусловлены не только его воинскими качествами, но и популярностью среди масс, измученных ожиданием мессии и наконец дождавшихся его [335, с. 158].

Говоря о причинах успеха Теодроса в борьбе за верховную власть, следует иметь в виду следующее обстоятельство. В значительной степени его успеху способствовала сама внутривполитическая обстановка «времени князей», когда в условиях феодальной раздробленности каждый раз ему противостояла армия лишь какого-либо одного крупного феодала, а не объединенные вооруженные силы страны.

Формы и методы политики объединения

Свою первоочередную задачу Теодрос II объявил уже во время коронации: «Клянусь этой короной моих предков, что соберу под своей властью все провинции, которые в прошлом входили в состав империи» [321, с. 111]. Новаторство, коим было отмечено все его правление, проявилось уже при организации военной кампании: никогда раньше правители страны не отправлялись в поход, не дождавшись окончания сезона дождей.

Следует подчеркнуть, что многие пункты программы императора по объединению страны были реализованы в ходе борьбы за престол. Под его контролем уже находилась Северная Эфиопия, колыбель эфиопской государственности и культуры. [42] Таким образом, из крупных областей государства, сохранявших свою независимость от центральной власти, оставалась область Шоа, расположенная у южных пределов христианской Эфиопии. Поэтому вовлечение этого последнего, самого крупного оплота центробежных сил в орбиту централизованной государственности означало бы практическое решение проблемы объединения страны.

Между Северной Эфиопией, объединенной под властью нового императора, и пока еще сохранявшей независимость Шоа лежала обширная область Уолло, основное население которой составляли оромо (галла), появившиеся здесь в процессе своей экспансии в XVII в. Внутривполитическая ситуация в Уолло являлась полным отражением картины феодальных междоусобиц, присущих Эфиопии в целом. Борьба за власть отдельных правителей и отсутствие единства между племенами оромо стали главным препятствием на пути создания мощного государственного образования этого этноса, способного, по мнению ряда исследователей, определять судьбы эфиопского государства. «Несомненно, — отмечал А. Булатович, — что галласы с их по крайней мере пятиллионным населением, занимающим лучшие земли, на всем протяжении говорящие одним языком, могли бы представлять, если бы они сплотились, громадную силу. Но сепаратистический характер народа не допустил подобного сплочения» [85, с. 81]. Оценивая многочисленность и потенциальные возможности оромо в исследуемый период и подчеркивая отсутствие между ними единства, американский историк Р. Хесс не без основания утверждает, что, «если бы галла не были так разобщены, история Эфиопии могла бы превратиться в историю галлаского государства» [318, с. 48].

Несмотря на союз, достигнутый между отдельными племенами оромо в обстановке нависшей опасности, Уолло не стало камнем преткновения на пути Теодроса к объединению страны. Насчитывавшая в своих рядах около 60 тыс. воинов армия императора не имела в то время себе равных. Особо следует подчеркнуть то обстоятельство, что традиционно армии правителей северных областей вследствие их близости к торговым путям Красноморского побережья лучше других были оснащены

огнестрельным оружием. Достаточно сказать, что лишь в результате победы над правителем Тыграя арсенал армии Теодроса пополнился 7 тыс. единиц огнестрельного оружия [96, с. 131].

Расположенная в южной части страны Шоа была отделена от северных областей страны своеобразным «оромским барьером», и это периферийное положение нередко избавляло ее от необходимости участия в феодальных распрях Севера. Вследствие этого на протяжении значительного периода здесь сохранялись условия для создания достаточно прочной шоанской государственности с устойчивой экономикой. Долгий период фактической независимости, успешные походы шоанских войск против соседей-оромо и неуклонное расширение территории области [43] способствовали укреплению местного шоанского национализма. По словам ганского исследователя истории Эфиопии Кофи Дарквы, к середине XIX в. «Шоа представляла собой наиболее стабильную и процветающую часть Эфиопской империи» [297, с. 35].

Тем не менее в военном отношении Шоа уступала императорской армии, использующей военный и людской потенциал всей остальной Эфиопии. На сложившуюся ситуацию оказали влияние и некоторые субъективные факторы: отсутствие единства мнений среди правящей шоанской верхушки о целесообразности сопротивления и неожиданная смерть ныгуса Шоа Хайле Мэлекота. Неопределенность подрывала дух шоанских войск; наиболее воинственно настроенные феодалы вывели свои отряды из армии ныгуса и объявили о своем намерении бороться с неприятелем самостоятельно.

В результате, еще не начавшись, битва была проиграна. Шоанская армия оказалась не готовой к отпору. Покорив последнюю независимую область Эфиопии, Теодрос II завершил выполнение своей первоочередной задачи. Впервые с «времен князей» Амхара и Тыграй, Годжам и Шоа, другие части страны перестали быть «государствами в государстве», объединенными лишь смутной идеей принадлежности в далеком прошлом к единой государственности.

Создание централизованного государства выдвигало на первый план задачу установления административной системы управления им. Первым шагом в этом направлении стало образование центра управления империей. Многие современники отмечали нелюбовь Теодроса II к городам, являвшимся, по его мнению, центрами борьбы против верховной власти. Выбор естественной крепости Мэkdэлы, расположенной на вершине столовой горы, в качестве резиденции вполне отвечал духу воинственного императора, большую часть времени проводившего в походах. Видимо, на выбор Теодроса II повлияло и то обстоятельство, что географически Мэkdэла находилась в центре империи, что должно было облегчить контроль над всеми областями страны. Как показали последующие события, это соображение было не безосновательным.

Касаясь в своей хронике решения императора, алека Уольдэ Мариам пишет: «Мэkdэла превратилась в место, где император собирал свои сокровища, и вышедший указ гласил: „Мэkdэла будет моим домом, пусть каждый, кто меня любит, прибудет туда"» [80, с. 149]. Судя по всему, император не пользовался всеобщей любовью, поскольку насильно в Мэkdэлу было доставлено немало пленников, главным образом отпрысков крупнейших феодальных домов страны, которых император держал при себе в качестве заложников. Одним из них был наследник шоанского престола Сахле Мариам, будущий император Эфиопии Менелик II.

Объединив силой оружия все области страны, Теодрос II [44] выполнил важную, но, пожалуй, не самую сложную задачу. До сих пор опыт, накопленный им, был преимущественно опытом военачальника, а не верховного правителя значительного по размерам государства, вступившего при этом в новый период развития. Создание прочной государственности в условиях подспудно бурливших центробежных тенденций представляло для Теодроса II новую и сложную задачу.

Отсутствие прочных (уже не говоря о родственных) связей среди феодальной элиты побуждало Теодроса II искать опору главным образом среди мелкопоместных

феодалов, своих соратников в борьбе за власть. Таким образом, в борьбе с родовой знатью, мечтающей о восстановлении прежней независимости от центральной власти, император пытался опереться на своеобразное служилое дворянство, обязанное лично ему.

Тем не менее, учитывая внутривластную обстановку и сохраняющееся влияние традиционной знати, император был вынужден в ряде случаев назначать на посты губернаторов провинций представителей местных правящих фамилий, выразивших ему свою лояльность, но при этом выжидающих благоприятного момента для выступлений против центральной власти.

Феодалы оппозиция

Выступления против политики объединения, осуществленной императором Теодросом II, не заставили себя долго ждать. Только в первые годы правления было совершено около двадцати покушений на его жизнь. Феодалы верхушки, правители областей, смещенные с традиционных постов, не могли примириться с утратой привилегий.

Еще в 1856 г., когда только что коронованный Теодрос II осуществлял военную кампанию по установлению контроля над Уолло и Шоа, начались феодалы выступления в Годжаме. В 1857 г. восстание против центральной власти охватило области, населенные оромо. Год спустя императорская армия была направлена против мятежников Ласты. Как правило, это были локальные выступления в пределах какого-либо одного района или области, и в конечном счете порядок был восстановлен. Но потерпевшие поражение феодалы уводили свои отряды в горы и другие малодоступные места и продолжали вооруженную борьбу. Таким образом, тлеющие углы феодалы вольницы готовы были вспыхнуть каждый раз когда создавалась благоприятная обстановка.

Центробежные настроения нарастали и в Шоа, где выступление против центральной власти возглавил брат последнего ныгуса Сэйфу. Сменив ставленника императора, он провозгласил себя независимым правителем области. Повторный поход в Шоа закончился поражением шоанских мятежников, но в условиях крепнувшей феодалы оппозиции по всей стране стоил и [45] императору больших усилий. Восстановив порядок в Шоа, Теодрос направился в Бэгема, откуда тоже доносились тревожные вести. В наказание за нелояльность к трону столица Шоа, Анкобэр, была отдана на разграбление императорской армии.

Следует отметить, что по мере роста оппозиции и с увеличением числа феодалы выступлений все больше ужесточалась, внутренняя политика Теодроса II.

Вместе с тем нетрудно убедиться, что, выступив в роли мессии, новый император стремился соответствовать той роли, которую от него ожидали. Свои политические задачи он намеревался осуществлять в обстановке умиротворения и порядка. Согласно анонимному хронисту, вскоре после коронации Теодрос обратился к населению с воззванием: «Земледельцы, обрабатывайте свою землю! Знатные люди, владельцы наследственных земель... вы получите от меня все, чем владели ваши отцы! Торговцы, занимайтесь своим делом! Тот, кто подвергнется ограблению, пусть явится ко мне, предварительно отметив камнями место, где их ограбили. Пусть те, кто грабит и ворует, бросит это ремесло и сдастся! Горе падет на головы тех, кто занимается грабежом!» [80, с. 147—148]. Объективно эти меры облегчали положение крестьян, больше других заинтересованных в установлении в стране порядка. Практически крестьянин был защищен перед любым воином, которого он был обязан кормить и которому он должен был предоставлять постой.

Эта забота о подданных характеризовала действия Теодроса скорее на начальном этапе его правления, когда еще не участились антиправительственные выступления

феодалов и казалось, что достигнутая степень централизации страны не подвергнется особым испытаниям. Можно усмотреть некоторый парадокс в том, что именно Теодрос II, поборник внутреннего порядка и защитник справедливости, стал причиной ухудшения положения широких народных масс. Осуществив объединение страны военным путем, он и в дальнейшем государственном строительстве полагался на военную силу, что обуславливалось конкретной внутривластной обстановкой, характеризующейся феодальными выступлениями.

Вспыхивающие то там, то здесь мятежи привели к тому, что императорская армия постоянно находилась на марше. Результатом были вытопанные поля и сожженные деревни, обобранные до нитки постояльцами-солдатами крестьяне. Стремление эфиопского императора покончить с главной причиной внутривластной нестабильности — феодальной междоусобицей — приводило к наименьшим кровопролитиям и опустошениям. Теодрос руководствовался уже иным правилом: «Я много раз прощал мятежников, но они упорствуют в неподчинении и пренебрегают мною,— так заявил он в беседе с одним из европейцев.— Теперь я решил преследовать их повсюду, и буду отправлять их тела в могилы, а души — в ад!» [105, т. 1, с. 251]. От этого прежде всего страдали крестьяне, на которых падали все тяготы [46] военных операций императора. «Теодрос,— пишет алека Уольдэ Мариам,— снова пришел в Загэ и разграбил его... затем он разграбил все житницы Бэгемдыра, а потом приказал все сжечь; весь скот он увел с собой и разделил его среди солдат» [74, с. 15]. Сообщая подробности других военных походов императорских войск и сопутствующие им карательные меры, хронист восклицает: «И с этого времени все возненавидели Теодроса, который использовал формы наказания, до этого неизвестные в стране!» [80, с. 151].

Наиболее серьезная оппозиция режиму Теодроса II возникла в Тыграе, где местные феодалы сплотились вокруг одного из них, Ныгусе, и на протяжении нескольких лет вели порой успешные действия против отрядов императорской армии. В конечном счете и это выступление мятежных феодалов было силой подавлено, и жестокость, с которой все это было сделано, увеличила армию противников императора (подробнее см. [246, с. 76—79]).

На определенном этапе в оппозицию к императору стала и христианская церковь. На первый взгляд это может показаться странным, ведь по отзывам современников Теодрос был как бы эталоном ревностного христианина, который если и выпускал из рук Библию, так только лишь для того, чтобы взять ружье или копье. Нуждаясь в поддержке духовенства в борьбе за реализацию своей цели — объединение Эфиопии,— Теодрос еще в 1854 г. заключил с главой эфиопской церкви абуной Сэлама III соглашение, предусматривавшее введение по всей стране александрийской догмы о сущности Христа. На всем протяжении своего пребывания у власти он словом и мечом осуществлял распространение «истинной веры» среди своих подданных. Так что в области религиозных догматов эфиопская церковь обрела в Теодросе усердного проводника.

Конфликт императора с духовенством, во многом определивший его судьбу, имел в основе чисто экономические причины. По словам английского миссионера Стерна, обширные церковные земельные владения, одни из лучших в стране, были «соринкой» в глазу императора, который не мог примириться с тем, что с них в государственную казну не поступало никаких налогов. Были и другие причины его недовольства духовенством. «Государь Теодрос,— отмечал анонимный эфиопский летописец,— не любил монахов и дэбэтэра и особенно не любил этих последних. Оскорбительно для них он сказал: „Они носят на голове тюрбан, не воюют и не платят налоги; они живут в городах с девками и чужими женами"... Поэтому он отобрал церковные земли и заявил, что пяти духовных лиц достаточно для любой церкви, а пяти священников — для соборной церкви. Поэтому священники не любили его» [351, с. 260].

Шаги Теодроса, направленные на подрыв экономического положения церкви, вызвали у нее ожесточенное сопротивление. И если выступления отдельных феодалов против центральной власти [47] происходили несогласованно и имели локальный

характер, то христианская церковь в своем неприятии внутренней политики императора выступила единым фронтом. С этих пор действия любого светского феодала против Теодроса получили благословение клира.

Посягнувшего на церковные владения Теодроса в глазах духовенства не могло оправдать даже то, что он последовательно проводил политику единоверия, боролся с исламом и отходом от монофиситского христианства. Например, в 1864 г. император издал указ, по которому все мусульмане и иудаисты-фалаша должны были перейти в христианство, в противном же случае они рассматривались как мятежники. Говоря же о религиозной политике Теодроса в целом, следует подчеркнуть, что в ее осуществлении он исходил прежде всего из своей главной цели — создание в Эфиопии сильной центральной власти. Именно поэтому он выступал против тех религиозных течений, которые служили идеологическим выражением сепаратизма и поддерживали феодальную раздробленность.

Таким образом, не религиозные, а экономические соображения определили отношение эфиопского духовенства к своему монарху. Оппозиция со стороны церкви, пользовавшейся огромным влиянием на умы людей, определявшей для традиционного общества, что есть богоугодное, а что нет, значительно обострила обстановку внутри страны. Позиция, занятая духовенством, являлась важной поддержкой для феодальной верхушки в ее сепаратистских устремлениях.

Упорство Теодроса в проведении своей линии по отношению к церковным землям привело к окончательному разрыву с верхушкой эфиопской церкви. Вражда достигла своей кульминационной точки, когда абуна Сэлама с амвона предал императора анафеме, за что в 1864 г. был заточен в Мэкдэле в темницу, где вскоре и умер.

Анализируя трудности, возникшие на пути централизации Эфиопии в исследуемый период, историки-эфиописты особо выделяют оппозицию духовенства со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так, С. Рубенсон не так и преувеличивает, утверждая, что характер взаимоотношений между верховной властью и церковниками явился, «возможно, единственной, наиважнейшей причиной провала планов объединить Эфиопию» [384, с. 72].

Таким образом, трудностей на пути объединения страны и создания сильной центральной власти было немало. Но самое главное — от Теодроса стали отходить крестьянские массы, обнадеженные поначалу возможностью установления порядка в стране, но затем разочарованные отсутствием каких бы то ни было изменений для себя. На настроения крестьянства влияли и церковные антиправительственные проповеди, и выступления против центральной власти их сюзеренов-феодалов, и сохраняющееся положение полного бесправия. [48]

Внутренние реформы

Оценивая действия Теодроса, направленные на оздоровление внутривластной обстановки, необходимо иметь в виду, что их осуществление происходило на фоне непрекращающихся выступлений части феодалов, стремившихся к восстановлению прежних порядков.

Приступая к преобразованию Эфиопии, император не мог не осознавать главного препятствия на пути своих планов: фактически продолжавшейся раздробленности страны, сохранения в различных областях ее полунезависимых правителей со своими армиями. Наличие таких армий, безусловно, сохраняло возможность выступлений против центральной власти. Поэтому одним из первых шагов Теодроса в области реформ явилась реорганизация армии. Как отмечал Ф. Энгельс, «вести борьбу против феодальных порядков с помощью войска, которое само было феодальным, в котором солдаты были более тесно связаны со своими непосредственными сюзеренами, чем с командующим королевской армией,— это, очевидно, означало возвращаться в порочном кругу и не сдвинуться с места» [5, с. 412]. Новаторство императора выразилось в его намерении

объединить войска отдельных правителей областей в национальную армию, иными словами, создать новый тип военной организации, соответствующий задачам централизации страны. Оценивая этот шаг, У. Плууден писал: «Он свел солдат в полки, назначив офицеров различных знаний, установив им жалованье и определив их обязанности; произвольно перемешав в этих полках солдат из разных провинций, он нанес тем самым могучий удар той феодальной системе, при которой люди собирались вокруг предводителя из своей родной области и следовали за ним как в повиновении, так и в мятеже» [37, с. 166].

Реорганизованная армия стала самым надежным орудием Теодроса в осуществлении ряда реформ в системе управления страной. Опасаясь усиления местных правителей, не исключая и тех, кого он назначил сам, император разделил каждую область на более мелкие административные единицы, поставив во главе их верных себе чиновников.

Похоже, что на многих современников-европейцев решительные действия Теодроса оказали в некотором роде гипнотизирующее воздействие. Всех их объединяет желание увидеть в этом политическом деятеле непримиримого борца против феодализма, человека, для которого борьба с феодализмом стала главным пунктом его программы по преобразованию страны. На этих же позициях стоят и некоторые современные исследователи (см. [265, с. 19; 321, с. 258]).

Интерес представляет, однако, анализ внутривосточной деятельности Теодроса, содержащийся в статье М. Морган, в которой достаточно определенно проводится идея, что он отнюдь не ставил перед собой цели уничтожения феодальной системы [49] Эфиопии: «Ничего не изменилось настолько, чтобы поставить под угрозу саму основу устройства общества... Реформы Теодроса были направлены на оживление традиционной бюрократической структуры империи на более четкой и сильной основе. Они не подрывали существенно власть земельной знати, а скорее ставили своей целью подчинить эту власть государству в лице императора» [351, с. 263].

Эпоха Теодроса была ознаменована попыткой осуществить целый ряд реформ, охватывающих многие стороны бытия эфиопского общества. Они затрагивали самые различные стороны политической и социальной жизни страны, преследуя одну и ту же цель: укрепление центральной власти и усиление эфиопской государственности. Г. Дафгон пишет, что Теодрос «упростил законы о торговле и таможенных пошлинах» [96, с. 137]. У. Плууден поясняет, что император положил конец бесчисленным вымогательствам у купцов и приказал все налоги взимать лишь в определенных местах [37, с. 151]. Многочисленные торговые пошлины всегда были проклятием для торговли страны, поэтому упорядочение торговой политики способствовало ее развитию и увеличению поступлений в государственную казну.

Теодрос был первым императором Эфиопии, с именем которого связывают попытки, пусть и не очень активные, ограничить в стране работорговлю. По времени эта акция совпадает с оживлением внешнеполитических контактов императора и скорее всего была направлена на то, чтобы произвести благоприятное впечатление на европейские державы. В основе новой политики лежало не осознание пагубности рабства и работорговли, а конъюнктурные соображения, продиктованные желанием установить прочные контакты со странами Европы.

Несмотря на обнародованный указ о запрещении работорговли и серьезное наказание за нарушение его — уличенный в торговле рабами-христианами подвергся отсечению правой руки и левой ноги [362, с. 93],— это привычное и вполне достойное в восприятии традиционного эфиопского общества занятие отнюдь не шло на убыль. Практически действие императорского указа распространялось лишь на христианские области.

Первая попытка ликвидировать работорговлю или хотя бы ограничить ее не привела к заметному успеху. Как и во многих других случаях, формальный указ

императора не учитывал силу общественного сознания эфиопского общества и его традиций и в конкретных условиях Эфиопии середины XIX в. был обречен на неудачу. Вместе с тем в этом отношении Теодрос как бы наметил направление дальнейших действий своим преемникам на императорском троне.

Нововведения коснулись и судебной системы. Восстанавливая prerogatives могущественных императоров прошлого, Теодрос объявил себя верховным судьей и каждый день находил время заниматься разбором жалоб своих подданных. Во всех областях страны были назначены судебские чиновники, вершившие [50] суд именем императора, при этом право смертной казни являлось prerogative самого императора. Сообщая об изменениях в судебных уложениях, предпринятых по инициативе Теодроса, хронист пишет, что император «изменил законы, касающиеся наказания за убийство. Он приказал, чтобы смерти предавался лишь сам убийца и чтобы не трогали ни его отца, ни брата, ни других родственников, кроме тех случаев, когда эти люди являлись сообщниками или были задержаны на месте преступления» [80, с. 149].

Достигнув самого высокого места в феодальной иерархии с помощью военной силы, Теодрос и дальше продолжал уделять серьезное внимание трансформации армии, испытанного орудия в централизации страны. Попытка создания общенациональной регулярной армии сопровождалась установлением жалования для воинов, введением системы обучения войск, контролируемой, по словам У. Плоудена, самим императором [105, с. 151].

С желанием усилить боевую мощь армии связано и намерение Теодроса наладить производство пушек. Первая попытка изготовить пушку относится к 1853 г., когда, по словам дэбтэра Зэнаба, автора одной из хроник, о жизни и деятельности Теодроса, Каса решил использовать в качестве пушечного ствола выдолбленное и укрепленное железными обручами дерево [364, с. 294]. Став императором, Теодрос для изготовления пушек привлек находившихся в то время в Эфиопии европейских ремесленников. Было отлито несколько орудий, самое крупное из которых весом 70 т было названо «Севастополь» в честь героически оборонявшегося в Крымской войне русского города.

К эпохе Теодроса относится также начало строительства дорог. Движение императорской армии, то и дело вынужденной выступать на подавление очередного мятежа против центральной власти, значительно замедлялось бездорожьем. Эта проблема еще больше усилилась, когда возникла необходимость транспортировки пушек. Кроме того, дороги должны были облегчить движение торговых караванов, а значит, способствовать улучшению торговли. По отзывам современников, Теодрос сам участвовал в дорожном строительстве, «с киркой в руках, как простой рабочий» [364, с. 295].

В историографии Эфиопии Теодросу отведено место великого новатора, политического деятеля, который пытался осуществить объективно назревшие реформы во многих областях жизни страны. Однако осуществленные по инициативе императора многие реформы сошли на нет с его гибелью.

Внешняя политика Эфиопии. Английская интервенция 1867—1868 гг.

С приходом к власти Теодроса начался выход Эфиопии из той международной изоляции, в какой она оказалась в течение предыдущих столетий. Выдающийся политический деятель и [51] один из самых образованных людей страны, Теодрос не мог не осознавать огромной пропасти, разделявшей промышленно развитую Европу и находившуюся где-то на уровне европейского средневековья Эфиопию.

Внешнеполитическая концепция эфиопского монарха была весьма проста: использование по мере возможностей технических достижений Европы для модернизации страны и привлечение европейских держав, в первую очередь Англии, к борьбе с турками, контролировавшими Красноморское побережье.

Важным фактором во взаимоотношениях Теодроса с европейскими державами было его стремление привлечь их на свою сторону в провозглашенном им крестовом походе против мусульман. Еще в 1855 г. Плоуден сообщал о планах императора отвести воды Нила и освободить Иерусалим [37, с. 84].

Если освобождение Иерусалима было скорее всего политическим лозунгом, который должен был повысить престиж императора среди населения и создать вокруг него ореол ревностного христианина, то борьба за получение выхода к морю являлась одним из важных направлений внешней политики Теодроса. И до Теодроса многие эфиопские правители стремились разорвать мусульманскую блокаду побережья. Однако в условиях феодальной раздробленности страны необходимость выхода к морю не могла быть проблемой общенационального значения. Ее носителями выступали правители наиболее близко расположенного к побережью Тыграя. Выход к морю, а следовательно, и получение возможности свободно покупать огнестрельное оружие интересовал их прежде всего с точки зрения повышения своих шансов в борьбе за политическую гегемонию в стране. Для Теодроса же получение такого выхода являлось одним из пунктов его программы по восстановлению былого величия Эфиопии. Внимание, которое он оказывал этой проблеме, свидетельствовало, что на политической сцене страны появился государственный деятель, мыслящий не как феодал-сепаратист, а как исходящий из национальных интересов всей Эфиопии деятель, который был убежден, что вопросы внешней политики — прерогатива одного императора.

Красноморские планы Теодроса нашли полную поддержку у английского консула при эфиопском дворе У. Плоудена, связывающего будущее Эфиопии с осуществлением всех начинаний императора. Если Плоудену и удалось вызвать у Форин офиса интерес к красноморским планам Теодроса, то совсем не потому, что британский МИД был озабочен личной судьбой эфиопского монарха. Контроль Турции над Красноморскими портами постепенно ослабевал, и в Лондоне не исключали такое развитие ситуации, когда Эфиопия сможет решить задачу выхода к морю без посторонней помощи. В случае же содействия в получении Эфиопией Массауа Англия собиралась выставить условие, чтобы губернатором порта «был назначен один из европейцев, находившихся на службе императора» [37, с. 152]. [52]

Надеждам Теодроса на содействие Англии в решении проблемы выхода к морю был положен конец, когда та выступила на стороне Турции в Крымской войне 1853—1856 гг.

Стремясь к установлению контактов с европейскими державами, правитель Эфиопии в то же время достаточно хорошо представлял цели африканской политики Запада. «Знаю я тактику европейских правителей,— заявил он в беседе с французским консулом Лежаном,— когда они хотят захватить восточную страну, они сначала присылают миссионеров, затем консулов для поддержки миссионеров и, наконец, батальоны для поддержки консулов. Я не индийский раджа, чтобы дать одурачить себя подобным образом. Я предпочитаю иметь дело сразу с батальонами» [100, с. 160]. Поэтому, несмотря на свою заинтересованность в установлении более прочных отношений с той же Англией, Теодрос наотрез отказался пойти на открытие в Эфиопии официального британского консульства. По мнению С. Ру-бенсона, отказ был продиктован также нежеланием императора, чтобы кто-то из находившихся в его стране выходил за пределы его юрисдикции [384, с. 182]. Дипломатическая неприкосновенность сотрудников консульства рассматривалась Теодросом как посягательство на священное право императора распоряжаться жизнью людей и землей в собственных владениях.

Побудительной причиной поисков контактов с европейскими державами было желание добиться присылки оттуда ремесленников. С такими просьбами Теодрос обращался к Западу на всем протяжении своего правления. Так, в 1857 г. он обратился к О. Рассаму: «Желательно, чтобы вы снесли с Ее Величеством королевой и прислали мне человека, искусного в изготовлении пушек и мушкетов, а также человека, умеющего

плавить железо, и инструктора-артиллериста. Я хочу, чтобы эти люди прибыли со своими инструментами и всем необходимым для работы. Обучив нас, они вернутся домой» [105, с. 559].

Основным источником технических знаний для Теодроса, главными исполнителями его проектов, будь то литье металлов или строительство дорог, были миссионеры. Владение каким-либо ремеслом становилось своеобразным пропуском для въезда в страну европейца, желавшего послужить своей церкви в Эфиопии. Благодаря усилиям главы миссии англиканской церкви в Эфиопии С. Гобата была даже создана «Рабочая миссия» из миссионеров-ремесленников. Заинтересованный в технических знаниях европейцев эфиопский монарх относительно спокойно реагировал на их религиозную деятельность. Вместе с тем, хорошо представляя логическую цепочку миссионеры — консулы — армия, он неоднократно высказывал желание, чтобы находившиеся на его службе европейцы порвали все связи с родиной. Особое поощрение вызывали у императора браки миссионеров-ремесленников с эфиопками.

Таким образом, именно благодаря знаниям и усилиям европейских ремесленников эфиопское общество имело возможность [53] познакомиться с некоторыми достижениями технической мысли. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в целом консервативное эфиопское общество ко всем этим новшествам относилось с подозрением. История не сохранила никаких свидетельств того, что кто-либо другой, помимо Теодроса, был активным проводником идеи внедрения в стране технических знаний и опыта европейцев. И наоборот, имеется немало свидетельств, что именно среди живших в стране европейцев находил он единомышленников по вопросам модернизации Эфиопии. Возможно, что именно отсутствие единомышленников среди соотечественников привело к тому, что ближайшими и доверенными друзьями Теодроса стали У. Плоуден и поступивший на службу к императору Дж. Белл. Близость этих двух англичан в значительной степени и определяла то обстоятельство, что поддержку своим планам Теодрос искал прежде всего у Англии.

Уже отмечалось, что, по эфиопским понятиям, Теодрос мог считаться одним из образованных людей в стране. Он обладал живым умом и интересовался событиями, происходящими за пределами своих владений, будь то гражданская война в США, действия Англии в районе Золотого Берега или Крымская война. И вместе с тем, знакомясь с содержанием писем, направляемых им в Англию, нельзя не поразиться тому, насколько его видение мира соответствовало скорее временам религиозных войн в средневековой Европе, чем индустриальному и практическому XIX веку. Выше его понимания было многое: и почему христианство в Европе разделено на несколько церквей, и как это европейские христианские державы могут идти на союз с мусульманами, и как в этом союзе они могут воевать с другой: христианской страной? Так, Крымская война и расстановка в ней противников представляли для эфиопского монарха неразрешимую головоломку. «Теодросу никогда не понять нашей восточной политики в поддержании большого (Турции.— *Авт.*) на ногах,— отмечал Г. Дафтон,— в Крымской войне его симпатии были скорее на стороне России» [96, с. 117].

В феврале 1860 г., во время очередного покушения на Теодроса, погиб У. Плоуден, постоянно восхищавшийся Теодросом. Новый представитель Англии при императорском дворе Ч. Камерон прибыл лишь в 1862 г. Уже во время первой беседы с ним Теодрос поднял вопрос о поддержке Англией своих планов выхода к морю. Об этом он писал и в письме от 30 ноября 1862 г. королеве Виктории. Отрезанный от внешнего мира, эфиопский монарх не знал, что за последние годы политика Англии стала более протурецкой. Министр иностранных дел Великобритании лорд Рассел отнесся весьма недоброжелательно к этому письму. Во всяком случае, на письмо не последовало ответа, а Камерону было приказано покинуть Эфиопию и переехать в Массауа.

Отсутствие ответа на письмо, с которым у Теодроса были связаны многие планы, породило у императора подозрения по отношению к Англии, тем более что, хотя и с

опозданием, для [54] него стала очевидной поддержка английской дипломатией Турции. Подозрения императора в отношении Англии усилились еще и потому, что она неожиданно отказала в покровительстве эфиопским паломникам в Иерусалиме и монахам расположенного там эфиопского монастыря. Для Теодроса этот шаг представлялся актом предательства братьев по вере и свидетельством сближения Англии с мусульманским миром.

Долгожданное письмо, вернее отписка на императорское послание, прибыло в феврале 1864 г., но оно лишь усугубило начавшееся расхождение в отношениях между обеими странами. Поскольку Теодрос не мог требовать удовлетворения у европейских держав, его гнев обратился на находившихся в стране европейцев. Все они, включая и не успевшего покинуть пределы Эфиопии Камерона, были арестованы. Отношения между обеими странами вступили в сложный и чреватый последствиями период.

Попытки Англии урегулировать конфликт по дипломатическим каналам ни к чему не привели. При этом в Лондоне хорошо осознавали, что в значительной мере вина за сложившуюся ситуацию лежит на их собственной дипломатии, поставившей эфиопского императора в униженное положение. Но великая держава сочла себя оскорбленной арестом своих подданных каким-то полуварварским правителем. «Как бы ни было не право правительство графа Рассела,— писал в этой связи Г. Дафтон,— которое первым отказалось ответить на вежливое письмо императора Теодора... национальный характер должен быть выдержан, национальная честь защищена, хотя бы это стоило огромных средств и даже крови» [96, с. 282]. В Англии началась кампания по обработке общественного мнения в пользу посылки в Эфиопию экспедиционного корпуса для освобождения Камерона и других европейцев.

Решение о его посылке было принято в августе 1867 г., но еще за несколько месяцев до этого английский политический агент в Адене полковник Меревезер произвел разведку ситуации на побережье Красного моря. Представленный им отчет содержал также анализ внутривосточного и военного положения в Эфиопии и рекомендации установить тесную связь с противниками императора [232, с. 26]. В дальнейшем план предстоящей экспедиции разрабатывался с учетом помощи со стороны мятежных феодалов.

Внутривосточная обстановка в Эфиопии для вторжения в эту страну была весьма благоприятной. Никогда еще за весь период правления Теодроса не были так сильны центробежные тенденции. Выступления противников центральной власти следовали одно за другим.

Бежавший в июне 1865 г. из Мэкдэлы наследник шоанского престола Сахле Мариам, достигнув пределов области, объявил о независимости Шоа. Под контролем местных феодалов находился почти весь Годжам. В Уолло поднялось восстание оромо [55] под руководством царицы Уоркиту, сын которой был казнен по приказу Теодроса после многих лет заточения в Мэкдэле. О своем неподчинении центральной власти заявил правитель области Лафта уаг-шум Гобэзе. В 1866 г. он перешел к активным действиям и захватил Адуа. В Тыграе местная феодальная знать сплотилась вокруг дэджазмача Касы, будущего императора Йоханнуса IV, который также объявил о своей оппозиции императору.

Положение Теодроса ухудшалось с каждым днем. Успехи мятежных сил привели к дезертирству части его армии; если еще в начале 1866 г. под его знаменами было около 80 тыс. воинов, то к решающему сражению в его распоряжении оставалось лишь 15 тыс. К моменту высадки английского корпуса власть императора распространялась на ничтожную часть страны: Мэкдэлу, Дэбрэ-Табора и район оз. Тана [385, с. 82].

В Англии со всей серьезностью подошли к подготовке и снаряжению военной экспедиции. В стране все еще не улеглось недовольство действиями английской армии в Крымской войне, и действия в Эфиопии должны были подтвердить целесообразность ряда мер, предпринятых для повышения ее боеготовности. Достаточно сказать, что в

эфиопской кампании английская армия впервые применила ряд технических средств и видов оружия, включавших в себя пароходы для доставки войск, новейший тип водной помпы, разборную железную дорогу для выгрузки снаряжения и боеприпасов, оборудование для фотографического размножения карт, ружья, заряжающиеся с казенной части, и нечто вроде прототипов современных прожекторов. Поскольку английские военные специалисты рассматривают экспедицию Нэпира с военной точки зрения как первую кампанию британских вооруженных сил в XIX в., осуществленную с использованием упомянутых технических средств, ее описание вышло в специальной серии «Военные кампании XIX века» [353].

Командующим экспедиции был назначен опытный деятель английской колониальной администрации генерал-лейтенант Роберт Нэпир, участник подавления народного восстания в Индии в 1857—1859 гг. и тайпинского восстания в Китае. В момент назначения он занимал видный военный пост в английской администрации в Индии. Базой подготовки экспедиции был избран Бомбей. Учитывая климат и характер местности, по которой корпусу предстояло осуществить длительный марш к Мэкдэле, Лондон счел целесообразным широко использовать в предстоящей операции индийских солдат, прежде всего сикхов.

Р. Нэпир принадлежал к тем кадровым военным, которые, прежде чем приступить к выполнению поставленной задачи, тщательно продумывают все мелочи, не оставляя ничего на произвол судьбы. Несколько месяцев ушло на определение состава экспедиции, закупку вьючных животных и фуража. В частности, в Испании, на Мальте, в Италии, Сирии и Турции было приобретено [56] свыше 7 тыс. мулов. Помимо многих тысяч верблюдов, волов, лошадей и ослов для транспортировки наиболее тяжелых грузов решено было использовать 44 слона.

В Англии мало кто сомневался в успехе предпринимаемой экспедиции в Эфиопию. Английская регулярная армия считалась одной из лучших в Европе, ею был накоплен богатый опыт ведения колониальных войн, поэтому эфиопская армия не рассматривалась как серьезный соперник. Абиссинский вопрос, как называли в Англии проблему освобождения своего представителя и других европейских пленников, занимал видное место в парламентских дебатах и на страницах английской прессы.

Насчитывающий вместе со вспомогательным персоналом около 60 тыс. человек английский корпус, боевые части которого на $\frac{2}{3}$ были укомплектованы солдатами-индийцами, 21 октября 1867 г. высадился на Красноморском побережье вблизи Зулы, откуда начал свое продвижение к Мэкдэле. 26 октября, спустя пять дней после высадки, Нэпир издал две прокламации. В одной из них, обращенной к Теодросу, содержалось требование освободить пленных, целью другой было, с одной стороны, успокоить общественное мнение Эфиопии, а с другой — усилить антиправительственные настроения. В этой прокламации, в частности, говорилось: «Губернаторам, вождям, духовенству и народу Абиссинии... Знайте... что королева Англии не питает к вам враждебных чувств, у нее нет никаких планов, направленных против вашей страны или вашей свободы... Единственной причиной присылки английских войск в Абиссинию является желание освободить подданных Ее величества. Никто не намеревается оккупировать какую-либо часть территории Абиссинии или вмешиваться в управление страной» [353, с. 82].

Несомненно, обнародование такой декларации было политически верным ходом со стороны англичан. Опасавшиеся оккупации страны феодалы успокоились и один за другим стали изъявлять желание о сотрудничестве. Наибольший интерес для англичан представляло установление надежных отношений с правителем Тыграя Касой, по территории владений которого пролегла большая часть пути экспедиции. Враждебная позиция тыграйцев могла бы во многом усложнить, а то и сделать невозможным продвижение англичан, незнакомых с местностью и нуждающихся в поставках продовольствия. Сам Каса через своих представителей заявил о готовности пойти на

сотрудничество, но тем не менее всячески затягивал личную встречу с Нэпиром. Безусловно, правителя Тыграя устраивало заявление англичан, что они не собирались оставаться в стране, но этого ему было мало. Из декларации не было ясно, какая судьба ждет Теодроса в случае поражения, и Каса боялся, что, освободив пленных европейцев, англичане удалятся, оставив все как было [281, с. 137]. Тем не менее встреча состоялась 25 февраля 1868 г., и было достигнуто соглашение, по которому в обмен на оружие Каса обещал снабжать англичан продовольствием и обеспечить [57] охрану их коммуникаций. Как правитель Тыграя, так и другие военные феодалы Эфиопии рассматривали складывающуюся ситуацию с точки зрения своих перспектив в борьбе за власть в стране. С. Рубенсов отмечает, что во время встречи с Нэпиром Касу больше интересовало возможное нападение на него правителя Ласты уаг-шума Гобэзе, чем судьба Теодроса [384, с. 259].

Не меньше предстоящая борьба за власть беспокоила и правителя Ласты. Заверив прибывшего к нему представителя Нэпира о своей готовности поддержать действия англичан, он тем не менее не пошел на участие в боевых действиях против императора. Предоставив англичанам решать военные задачи своими силами, основное внимание Гобэзе направил на подготовку своей армии к борьбе с правителем Тыграя за политическую гегемонию в Эфиопии. Не случайно большая часть его письменного послания Нэпиру была заполнена обоснованием своих прав на престол и обвинениями в адрес Касы. «Если он будет уверять вас, что Тыграй принадлежит ему по праву отцов, не верьте ему», — писал правитель Ласты в этом письме [281, с. 139].

Таким образом, степень поддержки феодалами планов англичан во многом была обусловлена их собственными планам на будущее. Наиболее могущественные из них, такие, как правители Тыграя, Ласты и Шоа, примеривались к императорскому трону, другие же надеялись на возвращение к временам феодальной вольницы. Во всяком случае, наличие внешней угрозы в этой ситуации отнюдь не стало предпосылкой к усилению центристских тенденций в стране и не привело к сплочению народа для защиты эфиопского трона. Более того, можно говорить о создании своеобразного фронта Англии и эфиопских феодалов против Теодроса. При этом феодалы придерживались разной тактики. Если правитель Тыграя прочно связал себя с англичанами, рассчитывая на их поддержку в борьбе за корону, то, например, правитель Ласты был более осторожен, уклонившись от прямых с ними контактов. Скорее всего Гобэзе рассчитывал, что, не запятнав себя связями с иностранцами, он сможет в дальнейшем получить большую поддержку своим планам среди населения страны [232, с. 31].

На первом этапе эфиопской кампании английское правительство какое-то время обсуждало возможность посылки к Мэкдэле для освобождения европейцев летучего отряда из числа экспедиционного корпуса, однако это предложение не нашло поддержки прежде всего у Нэпира. Свою позицию он аргументировал тем, что в случае неудачи этой акции Теодрос может приказать умиротворить заложников [281, с. 130—132].

Буржуазная историческая наука прилагает немалые усилия, чтобы облагородить цели западных держав в Африке, возвеличить их действия и преувеличить трудности. В этом отношении кампания Нэпира не является исключением. В многочисленных [58] исследованиях, опубликованных в Англии об этом событии, многие страницы заполнены описанием тех трудностей, которые выпали на долю британского солдата в Эфиопии. Но если попытаться разобраться в характере этих трудностей, то в целом они могут быть сведены отнюдь не к боевым действиям, а к трудностям перехода от побережья до Мэкдэлы. Действительно, труднопроходимые места, горы, ущелья и бурные реки, полное отсутствие дорог сами по себе являлись союзником населения страны в борьбе с внешней агрессией. Тем не менее медленно, но уверенно англичане с каждым днем приближались к Мэкдэле.

Гораздо сложнее ситуация складывалась для Теодроса. В момент высадки англичан он находился со своей армией в Дэбрэ-Таборе, расположенном на полпути между оз. Тана

и Мэkdэлой. Хотя расстояние между Дэбрэ-Табором и крепостью доставляло всего около $\frac{1}{3}$ расстояния, которое предстояло пройти англичанам, Теодрос ненамного опередил противника. Если благожелательное отношение со стороны противников императора и ввезенные в страну в огромном количестве талеры (по подсчетам Р. Панхерста, 4530 тыс. — *Авт.*) открывали перед англичанами «зеленую улицу» и на всем пути экспедиционного корпуса на него ни разу не было совершено нападения, то армии Теодроса приходилось сталкиваться с открытой враждебностью населения. До открытых столкновений с армиями соперников дело не дошло — само имя императора внушало им страх, но даже мелкие нападения отдельных феодальных отрядов замедляли продвижение армии Теодроса. В этот момент власть императора определялась радиусом действия его артиллерийских орудий. Сложность транспортировки пушек по бездорожью являлась, пожалуй, самой важной причиной медленного продвижения армии Теодроса. На наиболее трудных участках пути требовались усилия нескольких сотен воинов, чтобы тащить орудия в гору. Были дни, когда в день удавалось преодолеть всего несколько километров. Единственная и знаменитая дорога была сооружена как раз во время последнего марша Теодроса к Мэkdэле.

27 марта императорская армия вернее, то, что от нее осталось, достигла крепости и приступила к организации обороны. Несмотря на свои поредевшие ряды, эта армия все еще представляла немалую силу. Во время марша к Мэkdэле ее покинули слабые телом и духом, и в крепости вокруг императора сплотились наиболее преданные воины.

Еще до подхода основных сил английского корпуса к Мэkdэле императорская армия атаковала двухтысячный отряд противника на равнине Ароге, на полдороге между крепостью и р. Бэшило. Хотя императорские воины численно превосходили врага (С. Рубенсон приводит цифру 4—7 тыс. против 2 тыс. [384, с. 264]), решающую роль сыграло превосходство в военной технике и воинской дисциплине. Английская артиллерия почти прямой наводкой расстреливала наступавших эфиопов, прорвавшихся [59] к английским позициям воинов буквально косили скорострельные винтовки «снайдер», многие погибли от штыков сикхов. Первое в истории сражение с частями европейской регулярной армии закончилось для эфиопской армии сокрушительным поражением. Потери с эфиопской стороны почти вдвое уменьшили императорскую армию. Англичане потеряли всего 2 человека, 18 получили ранения [384, с. 264].

Если до битвы при Ароге Теодрос и сохранял какие-то иллюзии на благоприятный исход решающего сражения, то теперь они улетучились. Все дальнейшие шаги императора были действиями человека, осознавшего свою обреченность. 12 апреля в праздник Пасхи он освободил всех пленников и послал англичанам пасхальный дар — 1000 коров. В письме на имя Нэпира Теодрос писал о своих несбывшихся планах освободить от турок Иерусалим и жаловался на свой народ, который противился нововведениям. Касаясь последнего поражения, он сетовал на отсутствие в эфиопской армии дисциплины и пушек. Предвидя исход штурма Мэkdэлы, он обратился к Нэпиру с просьбой позаботиться о женщинах и стариках, находившихся в крепости, которые могли стать жертвами воинов-оромо, окруживших почти со всех сторон Мэkdэлу. «В моем городе есть множество народу, который я кормил и которые вчера стали вдовами, престарелые родители, лишившиеся своих детей, беззащитные девушки... не забудьте об этих людях. Ведь вокруг владения язычников» [80, с. 111—112]. Узнав, что подарок не принят, Теодрос, желая избежать лишнего кровопролития, освободил воинов от присяги.

13 апреля англичане начали штурм крепости. Предшествовавший ему артиллерийский обстрел практически разрушил Мэkdэлу и уничтожил большую часть ее защитников. В хронике об этом говорится так: «Вскоре началась ужасная битва. Артиллерийский снаряд англичан разрушил ворота Мэkdэлы и уничтожил многих воинов, находившихся поблизости. Взрывы снарядов напоминали раскаты грома во время сезона дождей. Англичане стреляли снарядами, размеры которых были равны расстоянию от большого пальца до локтя, внутри они были заполнены большим количеством пороха и

зарядов, когда снаряды ударились о землю, они взрывались, выбрасывая свое содержимое. Другие снаряды взрывались в воздухе... Прорвавшись через ворота, англичане вошли в город. Тогда Теодрос отступил к другим воротам... Враги искали императора у главных ворот... Когда Теодрос увидел их, он решил скорее умереть, чем попасть им в руки... и застрелил себя из револьвера» [80, с. 157].

Смерть от собственной руки, а не сдача в плен вернула Теодросу часть того почитания, которым он пользовался в стране в первые годы правления. Военская доблесть занимала одно из первых мест в системе духовных ценностей традиционного эфиопского общества, и этот поступок императора положил начало [60] легенде о бесстрашном герое, который предпочел пленению смерть. В одной из народных песен о его гибели говорится:

«Стон несется из Мэkdэлы,
Знайте, там погиб мужчина с сердцем льва.
Смерть от чужой руки
Была бы для него бесчестьем» [74, с. 139—140].

Для англичан штурм Мэkdэлы оказался не самым трудным делом в ходе эфиопской кампании. Их потери составили всего 10 человек ранеными. Сразу же после захвата крепости неистраченная энергия победителей обратилась на грабежи, осуществленные, по словам английского военного историка Ф. Мьятта, «в лучших традициях британской армии того времени» [353, с. 165].

18 апреля экспедиционный корпус отправился в обратный путь к побережью. Еще через два месяца последнее подразделение англичан покинуло территорию Эфиопии. Позади остались сожженная Мэkdэла и страна, лишенная верховной власти. В качестве трофеев в Англию были увезены семилетний сын императора Алемайеху, императорская корона и собрание старинных эфиопских рукописей, среди них священная для эфиопов Кыбрэ-Нэкэст.

Выведя свои войска из Эфиопии, Англия постаралась обеспечить за собой преобладающее влияние в этой стране. Вследствие этого наиболее лояльному из всех эфиопских феодалов правителю Тыграя Касе была передана часть снаряжения: 12 пушек, 725 мушкетов и 130 винтовок, а также боеприпасы к ним [64, с. 97]. По мнению англичан, это оружие должно было сыграть решающую роль в борьбе Касы за императорский престол.

Эфиопская кампания Англии и последовавшая в результате ее смерть Теодроса ознаменовали собой окончание важного этапа исторического развития страны.

Среди историков-эфиопистов не существует единой оценки деятельности Теодроса. Не будет преувеличением утверждать, что это была самая противоречивая фигура политической истории Эфиопии прошлого столетия. Так, буржуазные исследователи порой изображают Теодроса как неуравновешенного в своих действиях человека, близкого к сумасшествию. Следовательно, и его действия были непредсказуемыми и лишены внутренней логики. А отсюда легко дойти до вывода, что он являлся если не случайной, то во всяком случае преждевременной фигурой в эфиопской политике, и дело его жизни было не чем иным, как химерой.

Несомненно, некоторые реформы и нововведения Теодроса в силу объективных причин не могли быть реализованы в условиях Эфиопии середины XIX в. В основе его неудач лежали и чисто военные методы достижения цели, и поспешность в их реализации. Обращенное к прошлому традиционное эфиопское общество, с трудом воспринимавшее даже неторопливый ход эволюционного [61] развития, не могло не остаться глухим к радикальным действиям императора. Однако все это отнюдь не означает, что Теодрос был случайной фигурой в истории страны, который, не сумев понять объективные законы развития эфиопского общества, пытался навязать ему свои собственные. Реформы императора были направлены прежде всего на консолидацию страны, где центральная

власть стала атрибутом прошлого и дальнейшее развитие могло привести к ее полному распаду на отдельные независимые государства. Следовательно, определенные объективные условия вызывали необходимость централизации Эфиопии и требовали конкретных действий в этом направлении.

В значительной степени вопрос сводится не к тому, нужны ли были предпринятые Теодросом реформы, а к характеру методов их осуществления. Ожесточенная борьба с противниками централизации и идеи создания национального государства с сильной властью монарха способствовала разрушению производительных сил страны. В конечном счете Теодрос лишился поддержки на всех уровнях иерархической системы феодальной Эфиопии.

Известный эфиопист М. Абир так оценивает причины неудачи Теодроса II: «С первых дней своего правления, даже не укрепив свою власть над только что захваченными областями, он вступил в борьбу с самыми мощными силами Эфиопии: церковью, знатью, исламом, галла — со всеми сразу. В результате поспешности и суровости он лишился даже поддержки простого народа, воображение которого он воспламенил при своем воцарении» [261, с. XXV].

Несмотря на незавершенность планов Теодроса по созданию централизованного эфиопского государства, в национальной историографии страны он считается первым объединителем Эфиопии. При оценке его деятельности необходимо помнить слова В. И. Ленина, который указывал, что «исторические заслуги судятся не по тому, что не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками» [7, с. 178].

В отличие от своих предшественников Теодрос стремился стать олицетворением активного руководства и вмешательства во все стороны жизни эфиопского общества. Разрушая все отжившее и пагубное для развития страны в новых исторических условиях, он как бы расчищал путь для своих последователей, определяя направления их государственной политики. Впервые после многих десятилетий феодальной раздробленности в период правления Теодроса II, главным образом в первые годы, хоть и на короткое время, в некоторой степени была создана модель будущей централизованной Эфиопии. Многие из выдвинутых им идей государственного строительства были подхвачены его последователями, прежде всего императором Менеликом [62] II, который избрал для реализации аналогичных планов по централизации страны скорее эволюционный, нежели революционный путь.

В целом же действия Теодроса по объединению и модернизации эфиопского государства представляли собой, используя современную терминологию, политику большого скачка, когда не учитываются ни конкретная обстановка, ни реальные возможности. Попытка при помощи силы победить традиции привела к тому, что эфиопское общество отторгло Теодроса, что в конечном итоге предопределило неудачу его политики. Однако, несмотря ни на что, он остается одной из самых ярких политических личностей в новой истории Эфиопии. Как отмечал один из первых эфиопских просветителей, Гэбрэ Хыйуот Байкэдань: «Мысль Теодроса не умерла, хотя и не осуществилась. Абба Татэк (традиционное прозвище императора по кличке его боевого коня.— *Авт.*) хоть и плохо кончил, но умер, оставив по себе славу незабываемую» [87, с. 7]. [63]

Глава 3

ЭФИОПИЯ НА ВТОРОМ ЭТАПЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ (1869—1889).

БОРЬБА ЗА СОХРАНЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ СТРАНЫ

Эфиопия после Теодроса II: рецидив «времен князей»

После трагической гибели императора Теодроса II, положившей конец первому этапу централизации Эфиопии, страна очутилась как бы на историческом перепутье.

Анализируя ситуацию, сложившуюся в Эфиопии после смерти Теодроса, современники достаточно пессимистически оценивали будущее страны. При всей своей противоречивости личность этого императора настолько возвышалась над окружением, что, казалось, в стране не найдется другого политического деятеля, способного хотя бы частично реализовать его программу по преобразованию Эфиопии. Называя Теодроса «последним шансом» для Эфиопии, У. Плоуден отмечал, что «если уж он не сумел достичь улучшений, то неудачу потерпит любой другой» [37, с. 269]. Не скрывавший своих сомнений в мрачном будущем страны Г. Дафтон считал лишь вопросом времени взаимное истребление эфиопами друг друга, «если какая-нибудь иностранная держава не возьмет на себя управление страной» [96, с. 145]. Дань пессимизму отдал и хорошо знакомый с обстановкой в Эфиопии В. Мюнцингер, английский вице-консул в Массауа: «Английская экспедиция в Абиссинию возвратилась домой, и страна вернулась к своему прежнему состоянию, разве что с тем исключением, что одним великим человеком стало меньше, а несколькими мятежниками больше... Теодрос был единственным представителем и защитником уникальной в своем роде христианской Абиссинии, единственной личностью в стране, кто пытался претворить идеалы в жизнь... он приучил народ к мысли, что у него есть родина и есть император» (цит. по [384, с. 269—270]). С критикой Нэпира выступил известный исследователь Нила А. Мурхед, который считал, что тому нужно было оставить в Эфиопии военный гарнизон с целью предотвратить в стране неминуемое кровопролитие.

В какой-то степени последовавшие события в Эфиопии подтвердили точку зрения европейских обозревателей о неизбежном [64] обострении междоусобных тенденций. Другое дело, что за кажущимся возвращением к временам феодальных схваток за власть они не увидели восстановления и укрепления идеи о необходимости консолидации Эфиопии. В новых исторических условиях борьба велась не за право занять номинальный престол гондэрских императоров, а за право активно возглавить процесс воссоздания сильного государства с авторитетным и могущественным монархом во главе.

Основных претендентов на императорскую корону было три: правитель Ласты и Амхары уаг-шум Гобэзе, правитель Тыграя дэджазмач Каса и правитель Шоа ныгус Менелик. За этими политическими деятелями стояли самые мощные в стране армии, которые и должны были решить спор.

Наиболее слабым из трех претендентов считался правитель Шоа. Его армия значительно уступала в тот период армиям соперников-северян в оснащении огнестрельным оружием, и Менелик, хотя формально и провозгласил себя новым императором Эфиопии, не предпринял никаких шагов, чтобы закрепить за собой этот титул (подробнее см. [246, с. 96]).

Как и во времена Теодроса, ареной схватки за верховную власть в Эфиопии стал север страны. В то время как Каса медлил и терял время, Гобэзе действовал энергично и целенаправленно. Ко времени описываемых событий ему было около 30 лет, но это был уже опытный и известный в стране воин. Принадлежность к правящей фамилии Ласты, прослеживающей свою отдаленную связь с Соломоновой династией, позволила ему заручиться поддержкой многих феодалов Севера. Особое внимание Гобэзе уделял получению помощи со стороны духовенства. Это свидетельствовало о том, что он извлек необходимый урок из печального опыта Теодроса. В частности, первым его шагом в покинутой англичанами Мэждэле стало выполнение предсмертной просьбы умершего там в заключении абуны Сэламы захоронить его останки в церкви св. Гэбрыэля в Гондэре. Кроме того, претендент на престол вернул духовенству всю церковную собственность,

конфискованную Теодросом, и сделал щедрые пожертвования церквям Гондэра, пострадавшим за свою оппозицию прежнему режиму [308, с. 24].

Упрочив свои позиции, правитель Ласты короновался под именем Тэкле Гийоргис II. Точная дата его восшествия на престол неизвестна, но, поскольку он находился у власти три года и три месяца, зная дату его свержения, можно предположить, что коронация произошла в апреле 1868 г., почти сразу же после падения Мэкдэлы. Возможно, что в этот радостный для нового эфиопского монарха день лишь одно обстоятельство огорчало его. В соответствии с традицией правом осуществлять обряд помазания на престол обладал лишь абуна, а поскольку со смертью Сэламы церковь лишилась своего главы, торопливый Гобэзе решил возникшую проблему, обратившись к ычэге. Этот шаг не принес ему популярности в глазах населения страны, а [65] оппозиционно настроенная часть феодалов посчитала его узурпатором.

Казалось бы, правитель Тыграя Каса имел самые весомые в тех обстоятельствах основания, чтобы самому стать императором: ведь именно ему англичане оставили оружие и боеприпасы. Видимо, в 1868 г. он еще не считал себя готовым к борьбе с основным соперником. Об этом, в частности, свидетельствует одно из заявлений Касы французскому миссионеру: «Я правлю только Тыграем, это $\frac{1}{3}$ эфиопского царства. Я не уверен, что вся моя армия не разбежится, когда на меня нападет соперник Гобэзе» [343, с. 33]. Звездный час Тыграя еще не наступил, и правитель области приближал его, наращивая боевую мощь своей армии. Помня о той высокой боеспособности, которой обладал благодаря своей дисциплине английский экспедиционный корпус (урок, прошедший мимо других феодалов), в 1869 г. Каса пригласил к себе на службу Дж. Киркхэма, бывшего адъютанта генерала Ч. Гордона. В его задачу входило не только обучение тыграйской армии обращению с подаренным оружием, но и насаждение в феодальном воинстве некоторых элементов; военной стратегии и тактики.

О серьезности намерений правителя Тыграя в борьбе за престол свидетельствовали его усилия, направленные на получение от александрийского патриарха нового абуны. В случае успеха Каса собирался короноваться в полном соответствии с древними обычаями, не давая недругам повода обвинять его в узурпаторстве. В целях усиления политической гегемонии Тыграя было решено перенести место пребывания главы эфиопской церкви из Гондэра в древний религиозный центр Эфиопии Аксум, расположенный во владениях Касы.

Три года правления Тэкле Гийоргиса II были, в сущности, живым рецидивом «времен князей» с их внутривластной нестабильностью. В истории Эфиопии этот период можно охарактеризовать как отступление от крепнувшей со времени Теодроса тенденции к созданию централизованного государства. Хотя новому императору и удалось, используя свою 60-тысячную армию, подчинить ряд областей страны, среди них такую значительную, как Годжам, оппозиция со стороны Тыграя и Шоа ставила под сомнение его шансы на укрепление контроля над всей Эфиопией. Чтобы удержаться у власти, Тэкле Гийоргису нужно было располагать более мощными экономическими и людскими ресурсами, чем имела Ластва, небольшая и малонаселенная область.

В условиях укрепления позиций правителя Тыграя император сделал попытку заручиться поддержкой ныгуса Шоа. Хотя по заключенному между ними в 1879 г. соглашению Тэкле Гийоргису не удалось привлечь под свои знамена шоанскую армию, все же ему удалось нейтрализовать на время одного из своих основных соперников. Со своей стороны, обезопасив себя от нападения императорской армии, феодальная верхушка Шоа получила [66] возможность беспрепятственно раздвигать пределы области за счет соседних территорий, населенных оромо.

Безусловно, все действия императора были направлены на решение проблемы Тыграя, откуда исходила самая серьезная угроза центральной власти. Попытка урегулировать отношения путем компромисса ни к чему не привела. Напоминая правителю Тыграя о родственных узах (сестра Касы была замужем за Тэкле Гийоргисом),

император писал ему: «Ты и я — одно целое, и наши отношения связаны цепью любви. Ты знаешь, что все, чем я владею, это и твое тоже, моя власть — это и твоя власть...» [77, с. 95]. За признание себя законным императором Тэкле Гийоргис готов был признать права Касы на весь Тыграй и даже освободить его от уплаты налогов в императорскую казну. Фактически тем самым признавалось право Тыграя на полную самостоятельность. Отказ тыграйца прийти к соглашению на условиях, которые при Теодросе считались бы верхом расположенности монарха, ставили на повестку дня решение проблемы военным путем.

В июне 1871 г. началось вторжение императорских войск в Тыграй. Исход борьбы решился в двух сражениях, показавших неоспоримое превосходство меньшего по численности, но превосходящего по вооружению и боевой выучке тыграйского войска, усвоившего уже некоторые элементы европейского военного опыта, например, умение вести непрерывный огонь по наступающему противнику. Первое сражение произошло 21 июня при Май-Зулави, когда 12-тысячная армия Тыграя нанесла поражение 60-тысячной императорской армии. 11 июля близ Адуа состоялась решающая битва, завершившаяся полным разгромом армии Тэкле Гийоргиса. В хронике о жизни и деятельности Йоханнуса IV эти события описываются следующим образом: «Видя, что число тыграйцев невелико, император приказал своей коннице окружить их подобно плотному забору, чтобы никто не мог ускользнуть... Сыны Тыграя и воины Касы сказали друг другу: „Разве не сказано, что после того, как мужчина вырос, он уже не может вернуться в лоно матери, мужчина должен оставаться мужчиной“. Сказав так, они обнажили сабли и стали убивать всех, кто попадался им на пути. Некоторые из них наступали вперед, некоторые — в левую сторону, часть — вправо, некоторые — назад. Так началась великая битва, которая продолжалась с утра до девятого часа. Грохот от пушек звучал подобно грому в сезон дождей. Потом император Тэкле Гийоргис упал со своего коня. Воин, по имени Лидж Абрэха, увидел его и с мечом в руке бросился к нему. Он схватил его за руку и подвел к своему господину дэджазмачу Каса. Дэджазмач Каса приказал заковать пленника в золотые цепи, поскольку он был царем. Увидев его падающим с лошади, его армия решила, что он погиб, потому что все воины, сражавшиеся от него слева и справа, спереди и сзади,— примерно 576 уважаемых членов его клана, кормящиеся с царского стола,— были уничтожены огнем [67] пушек... Когда стало известно, что император Тэкле Гийоргис пленен, вся его армия разбежалась...» [77, с. 114—115].

Таким образом, долго молчавшие английские пушки и мушкеты решили судьбы эфиопской короны. Подчеркивая это обстоятельство, эфиопский историк отмечает, что «с 12 орудиями и 800 мушкетами битва против недисциплинированного войска,, вооруженного кремневыми ружьями и копьями, закончилась легкой победой» [308, с. 33].

В исторической литературе по Эфиопии, как правило, недолгому периоду правления Тэкле Гийоргиса уделено немного места. Некоторые историки, рассматривая историческое развитие страны этого периода под углом процесса централизации, определяют это время как междуцарствие. Другие, в частности англичане А. Джонс и Э. Монро, вовсе не упоминают о нем. Слишком невыразительна фигура императора Тэкле Гийоргиса на фоне процессов, развернувшихся в Эфиопии в период консолидации страны под властью единого правителя. Внутриполитическая нестабильность, являвшаяся характерной чертой времени его правления, лишней раз показала, что путь преодоления социально-экономической отсталости страны лежит через: объединение всех ее частей в единое национальное государство.

Особенности политики Йоханнуса IV по централизации страны

21 января 1872 г. правитель Тыграя Каса был возведен на престол императоров Эфиопии. В соответствии с эфиопской традицией он принял царское имя Йоханнус IV.

Пытаясь представить себе политического деятеля, который мог бы стать достойным преемником Теодроса, историограф экспедиции Нэпира отмечал, что «будущая судьба Абиссинии будет в значительной степени зависеть от появления человека с сильной волей и великими способностями Теодроса, без его фанатизма и дьявольской гордыни, который сумеет сплотить всех жителей христианского нагорья в одну нацию» [101, с. 369]. Соответствовал ли новый император этому умозрачительному образу? Сохранилось немало отзывов европейских современников, которые рисуют Йоханнуса как незначительную личность, малопригодную для руководства страной. Так, К. Маркхэм пишет о нем как о «марионетке в руках более могущественных вождей», «жалком существе» [101, с. 381]. Вместе с тем деятельность Йоханнуса на императорском троне на протяжении 17 лет свидетельствует о нем как о личности, если и уступавшей Теодросу, то, во всяком случае, разумной и ясно осознающей свои цели.

Достаточно емкая характеристика этого политического деятеля содержится в предисловии эфиопского историка Баиру Тафла к одной из хроник, посвященных правлению Йоханнуса: [68] «Абба Бэзбэз Каса, или император Йоханнус IV, был аристократом по происхождению, клириком по образованию, фанатиком по религиозному рвению, моралистом по наклонностям, монахом на практике, националистом по проводимой им политике, воином и императором по положению» [77, с. 15]. Этой характеристике ничем особо не противоречат оценки ряда европейских авторов, в работах которых Йоханнус изображается как «монах и солдат», личность, известная своей «фанатической ненавистью к мусульманам... и враждебностью к католикам», как человек, «олицетворявший старую, аристократическую и религиозную Эфиопию» [347, с. 208—209].

В отличие от Теодроса он не помышлял о создании абсолютной монархии, ограничиваясь задачей упрочения того, что ему досталось от предшественников. Этим и определялись формы и методы государственной политики по объединению страны на новом этапе ее развития.

Необходимо подчеркнуть, что Йоханнус встал у кормила власти в крайне сложных внутривластных условиях. В период нескольких предшествующих лет, представлявших, по сути, период междуцарствия, в стране усилились центробежные тенденции и укрепила свои позиции местная феодальная знать. Оплотом сепаратизма все больше становилась Шоа, но и в других областях империи складывалась аналогичная ситуация. Поэтому чуть ли не с первых дней своего правления император был вынужден предпринять ряд военных кампаний по наведению порядка. Нетрудно заметить, что первые шаги и Теодроса и Йоханнуса — императоров-северян — сводились к одному и тому же: установлению контроля над Шоа и соседними с ней областями, что свидетельствовало о важной роли, которую продолжала сохранять Шоа на протяжении многих лет в борьбе за политическую гегемонию в Эфиопии.

Подавив относительно быстро антиправительственные выступления племен оромо-азэбо, императорские войска приступили к подчинению Годжама, где проверку на прочность центральной власти устроил правитель этой области рас Адаль Тэсэмма, родственник прежнего императора. Поскольку императорская армия в то время не знала себе равных, в конечном итоге правитель Годжама, несмотря на несколько побед в отдельных сражениях, был вынужден присягнуть на верность Йоханнусу.

Вне императорского контроля оставалась только Шоа, правитель которой Менелик хотя и не вступил в открытую борьбу за корону, тем не менее осуществлял политику на достижение этой цели в будущем. Шоанскую политику в исследуемый период определяли три характерные цели: расширение территории области в юго-восточном, южном и юго-западном направлениях; установление тесных контактов с европейскими державами; активность по закупке огнестрельного оружия. Объективно такая политика укрепляла позиции Шоа. [69]

В январе 1878 г. вторжением в Мэнз, северный район области, императорская армия начала военные действия против Шоа. Первые же сражения показали, что, несмотря на усиливающуюся боевую мощь шоанской армии, она еще не стала достойным соперником армии Йоханнуса. При примерно равной численности армия Менелика значительно уступала в вооружении. Если у Йоханнуса 46 тыс. воинов были вооружены ружьями, то среди шоанцев таковых насчитывалось примерно 25 тыс. При этом 20 тыс. императорских воинов были вооружены ружьями «ремингтон», самыми новейшими в тот период в Эфиопии, против 8 тыс. воинов Менелика [343, с. 92—93]. Вследствие этого совет шоанских военачальников единодушно отказался от сопротивления вследствие превосходства сил противника. В результате было формально упразднено независимое положение Шоа, и между ее правителем и императором восстановились, по крайней мере внешне, отношения эфиопского сюзерена и вассала.

На деле Шоа практически сохраняла свое прежнее независимое состояние в системе эфиопских областей. «Между Йоханнусом IV и Шоа,— справедливо отмечают польские историки,— к которой он относился почти как к самостоятельному государству, установились отношения своего рода сосуществования на основе невмешательства императора в шоанские дела при одновременном отказе Менелика от каких-либо экспансионистских действий на севере» [169, с. 294].

Таким образом, формальное объединение страны было достигнуто в какой-то степени за счет компромисса, когда наиболее могущественные правители получили в обмен за признание Йоханнуса верховным правителем право осуществлять в основных параметрах курс независимой политики. Помимо ныгуса Шоа такими полномочиями пользовался другой видный политический деятель Эфиопии второй половины XIX в. — правитель Годжама ныгус Тэкле Хайманот, известный до 1881 г. как рас Адаль. Высокий феодальный титул, пожалованный годжамцу императором, был не только платой за лояльность к центральной власти. Ныгус Тэкле Хайманот для Йоханнуса служил как бы полтическим противовесом возраставшему влиянию Менелика. Дав некоторую автономию двум наиболее сильным областям, император умело сталкивал обоих правителей, стремясь к их взаимному ослаблению.

Формы и методы объединения Эфиопии в этот период определялись не только субъективными факторами, проистекавшими из видения Йоханнусом будущего страны в виде феодальной империи, но и обуславливались объективными изменениями, происшедшими во внешнеполитической обстановке. Необходимость защиты территориальной целостности страны отвлекала императора от последовательного решения внутренних проблем. Постоянная внешняя опасность, о которой будет сказано ниже, как раз и обусловила компромисс, лежащий в основе отношений [70] верховной власти с номинальными вассалами. Анализируя централизаторскую политику Йоханнуса, эфиопский историк Зоуде Гэбрэ Сылласе пишет: «Цель, которая постоянно» определяла его правление, основывалась на идее создания независимой объединенной Эфиопии. Поэтому, хотя он не мог не видеть усиления местных правителей, в первую очередь Менелика и Тэкле Хайманота, как возможной угрозы своей власти, он предпочитал заручиться их лояльностью, что и делал в случае необходимости, нежели лишать их полной власти. Для создания сильной Эфиопии, способной противостоять угрозе иностранного вторжения, необходимо было разрешить этим правителям расширять свои владения к югу, хотя это и повышало их политическое влияние». Поэтому Йоханнус «предпочитал управление страной через традиционных правителей и такую систему ценностей, которая обеспечивала инициативу местных правителей при сохранении контроля из центра» [308, с. 256].

В отличие от Теодроса, уповавшего в своей деятельности по централизации страны целиком на военную силу, не менее религиозный, но более последовательный в вопросах веры Йоханнус в основу объединения Эфиопии положил достижение единоверия среди

эфиопского духовенства. «От объединения церкви — к объединению страны» — таков был главный тезис его концепции политической централизации Эфиопии.

При Теодросе, несмотря на достигнутое между светской и духовной властью соглашение о распространении среди христиан обязательной для всех александрийской догмы, объединения церкви не произошло. Более того, в тот период было нарушено традиционное единение престола и церкви, которое в прошлом являлось фундаментом эфиопской государственности.

Для решения религиозных проблем, разделявших эфиопское духовенство на различные богословские течения, в 1878 г. в Бору-Меда был создан собор, на котором в присутствии светской и духовной феодальной верхушки страны ересь была предана анафеме и провозглашен обязательный для всех толк тоухдо. Таким образом был ликвидирован раскол внутри эфиопской церкви, существованию которого способствовало в определенной степени сохранение в стране сепаратистских настроений.

Большое внимание на соборе было уделено выработке основных направлений религиозной политики в отношении нехристианского населения Эфиопии. Последовательный сторонник введения в стране единой веры, Йоханнис установил срок в три года для перехода в христианство мусульман и пять лет — для язычников. Что же касается занимавшей административные посты верхушки, то для них срок был еще короче и исчислялся несколькими месяцами [308, с. 58].

Другим последствием собора в Бору-Меда явилась начатая по инициативе императора кампания против европейских миссионеров. Равнодушный к техническим новшествам, носителями [71] которых были европейцы, он видел в миссионерах прежде всего людей чужой веры, деятельность которых в стране служила препятствием к осуществлению политики «одна страна — одна вера».

Если Теодрос с его радикальными идеями отважился бросить вызов некоторым традициям и вступил в конфликт с церковью, то Йоханнис был плоть от плоти традиционного эфиопского общества с его идеализацией прошлого и невосприимчивостью ко всему новому. Не будет преувеличением сказать, что этот эфиопский монарх скорее вписывался в образ правителя средневековой Эфиопии, чем в образ политического деятеля последней четверти прошлого столетия. Это обстоятельство, безусловно, не могло не наложить отпечаток на всю внутреннюю жизнь страны. Может, не значительными, но достаточно показательными примерами служат указ, по которому курильщики подвергались наказанию вплоть до обрезания губ, и факты недовольства императора при виде обуви на ногах молодых эфиопов, вернувшихся из-за границы [364, с. 297—298].

Своих единомышленников император легче всего находил в церковной среде. Да и сам он по образу жизни в невоенное время больше напоминал монаха, чем светского правителя. Анонимный автор одной из хроник пишет: «Когда Йоханнис готовился к коронации в Аксуме, он созвал видных священнослужителей со всех концов страны, чтобы получить их благословение и разделить с ними радость правления. Собравшись, эти святые отцы сказали ему: „Йоханнис, по царским законам ты должен избрать себе жену“. И ответил он им: „Разве вы не знаете, что сказал апостол Павел: тот, кто имеет жену, служит не богу, а своей жене“. После этого он короновался один в соответствии с традицией монахов-анахоретов, потому что победил свою похоть и не видел лица женщин. Его слугой был монах по имени авва Уольдэ Микаэль. Вот такой была царская жизнь йоханниса до самого последнего дня» [77, с. 147]. Можно еще добавить, что лексикон императора в значительной степени напоминал священное писание.

Период правления Йоханниса был ознаменован дальнейшим укреплением экономических позиций церкви. Земельные владения отдельных церквей, и без того занимавшие обширные пространства, еще больше увеличились. Права духовенства на прежние земли, возвращенные сразу же после падения Теодроса, были официально подтверждены, а затем одни пожалования последовали за другими. «В его правление,— отмечает автор хроники,— бедность покинула духовенство, поскольку щедрость и

богатство Йоханныса наполнили его дома» [77, с. 149]. При этом нужно помнить, что эфиопское духовенство в социальном отношении было неоднородным и главным образом лишь церковная верхушка ощущала результаты императорского благоволения.

Однако при всей приверженности к традициям, при всем желании [72] сохранить Эфиопию в изоляции от внешнего мира Йоханныс не мог не осознавать, что в условиях возраставшего активного проникновения в Африку европейских держав это маловозможно. Угроза иностранного вторжения делала императивом ускорение экономического развития Эфиопии. Отсюда обращение к Англии с просьбой о присылке опытных инженеров и ремесленников, которое осталось без ответа.

Неудачей закончились и попытки продолжить военную подготовку императорской армии, начатые Киркхэмом. Очень скоро обучению военным приемам пришел конец, поскольку солдаты, не привыкшие к тяготам и однообразию тренировок, стали проявлять недовольство, заявляя, что «лучше умереть сразу, чем столько трудиться» [364, с. 298]. Поэтому пришлось вернуться к традиционной подготовке армии, не соответствующей духу времени и задачам, которые вставали перед страной в исследуемый период.

Столь же непоследовательной, как и в предшествующий период, оказалась политика императора в вопросах работорговли. Как и Теодрос, он предпринял некоторые шаги для ее ограничения, исходя из внешнеполитических соображений. Когда английский путешественник Де Коссон в беседе с императором намекнул, что ликвидация рабства в стране будет благожелательно воспринята в Европе, Йоханныс ответил, что «он серьезно думал обо всем этом, что рабство противно ему как христианскому монарху, но что ни одна из европейских держав не попросила его уничтожить рабство в стране» (цит. по [362, с. 97]). Императорский указ «тот, кто купит или продаст раба, будет безжалостно приговорен к смертной казни» поражал суровостью, но практически остался лишь на бумаге. То, что существовало и развивалось на протяжении многих веков, невозможно было уничтожить росчерком пера. В конечном счете проблема уничтожения рабства наряду с другими нерешенными проблемами составила часть его политического наследства, перешедшего впоследствии к Менелику.

Анализируя некоторые мероприятия Йоханныса, нетрудно заметить, что многие из них являлись как бы продолжением внутренней политики Теодроса. Эта преемственность при несомненной несхожести их как личностей — лишнее доказательство того, что направление государственной деятельности определялось скорее требованиями времени, а не волей того или иного руководителя страны. Вместе с тем политика Йоханныса — это действия традиционного по мировоззрению и методам политического деятеля, поставленного в определенной степени в новые для Эфиопии условия, которые характеризовались нарастанием угрозы внешней опасности. [73]

Эфиопо-египетская война

В конкретных условиях 70-х годов XIX в. первая угроза территориальной целостности Эфиопии исходила не от европейских держав, к этому времени уже вступивших на путь колониальных захватов, а от Египта. В 1868 г. Турция передала ему порт Массауа, и в начале 70-х годов под египетским контролем уже находилось все побережье от Зейлы до Гвардафуя.

В планы хедива входило также расширение египетских владений за счет северо-восточных районов Эфиопии. При этом важное место в них отводилось привлечению на свою сторону находящихся в оппозиции к центральной власти эфиопских феодалов. Естественно, что особую ценность в этом отношении представлял ныгус Шоа Менелик, после императора самая значительная фигура на политической арене Эфиопии.

В 1874 г. перешедший на службу к египетскому хедиву швейцарский авантюрист В. Мюнцингер во главе египетского вооруженного отряда вторгся в эфиопскую провинцию Богос и, захватив Кэрэн, стал продвигаться к Тыграю. Успех этой кампании

породил в Каире надежды на успех и в последующих операциях. Считалось, что император Йоханннис не сможет противостоять хорошо организованной и намного лучше вооруженной египетской армии [384, с. 310]. Пытаясь ослабить возможный фронт сопротивления, хедив обратился к Менелику с письмом, в котором в обмен на поддержку в борьбе за императорский трон склонял шоанца к совместной войне против императора. «Мы будем очень рады,— говорилось в этом послании,— установить с вами отношения, поскольку, по нашему мнению, вы более способны и достойны, чем другие, владеть эфиопским престолом» [298, т. 3, с. 310].

Как и во время вторжения Нэпира, осторожный правитель Шоа не пошел на открытую конфронтацию с императором. Не послал он шоанскую армию и в помощь Йоханннису, ослабление которого способствовало его собственным планам.

Новое наступление египтян началось с неудачи: в ноябре 1875 г. отряд Мюнцингера был разгромлен у оз. Ауаса племенами афаров. Однако другой египетский отряд, численностью примерно 3 тыс. человек под командованием датчанина С.-А. Арендрупа, высадился в конце сентября в Массауа и, не встретив сопротивления, 6 ноября достиг р. Мэрэб у Гундэта.

Неоднократные попытки императора Йоханнниса добиться вмешательства европейских держав, прежде всего Англии, в конфликт закончились безрезультатно [384, с. 320]. Убедившись в этом, 23 октября эфиопский монарх обратился к населению страны с призывом объединиться и изгнать мусульман. Нельзя сказать, что этот призыв получил всеобщую поддержку. Собравшаяся 70-тысячная армия состояла главным образом из воинов-северян, областям которых непосредственно угрожала египетская агрессия. В то же время на призыв не откликнулся [74] ни один из феодальных правителей центральных и западных областей страны. Так, уже упоминавшийся Менелик уклонился под предлогом волнений оромо в его владениях и слишком коротким сроком для мобилизации [343, с. 40].

В ночь на 16 ноября эфиопская армия переправилась через Мэрэб и атаковала египтян. Сражение закончилось победой эфиопов, завершивших полный разгром противника в битве при Гундэте, во время которого, как говорится в хронике, император «крестил кровью тех, кто никогда не был крещен водой» [343, с. 41]. Военные трофеи, включавшие несколько тысяч современных ружей, в том числе системы «ремингтон», 14 орудий и большое количество боеприпасов, значительно усилили императорскую армию.

Урок, полученный при Гундэте, не пошел впрок египетскому хедиву. В феврале 1876 г. 20-тысячный отряд под командованием Мухаммеда Ратиб-паши перешел Мэрэб в районе Гуры и построил там два укрепления. Несмотря на более тщательную подготовку нового вторжения и значительную численность войска, шансы египтян на победу отнюдь не увеличились. Победа эфиопов в первом сражении вызвала огромный энтузиазм среди населения, растущая как на дрожжах армия Йоханнниса быстро достигла численности 200 тыс. человек. Хотя египетский командующий и разослал послания о готовности заключить сепаратные соглашения с каждым из эфиопских правителей и оказывать содействие в восстановлении независимости отдельных областей, никто из крупных феодалов не откликнулся. Более того, на сей раз под знамена Йоханнниса собрались многие из тех, кто уклонился в первый раз. Правда, ныгус Шоа опять предпочел отсидеться в своих владениях, ограничившись присылкой подарков, среди них 100 лошадей [343, с. 41].

Полный разгром египтян в битве при Гуре 7—9 марта 1876 г. означал устранение угрозы целостности страны со стороны северного могущественного соседа. Трофеи включали 12 тыс. современных ружей, 16 пушек и другое военное снаряжение [343, с. 213].

Возросшая в результате побед над египтянами популярность императора позволила ему проводить более решительный курс во внутренних делах страны. Для феодалов-сепаратистов она означала, что во главе государства встал не слабый правитель,

номинально олицетворяющий верховную власть, а сильный политический деятель, способный, при желании, привести в покорность любого претендента на власть. Население страны стало видеть в Йоханнесе защитника святой христианской веры, правителя, для которого защита отечества была самым важным делом.

Не случайно на последующие после победы над египтянами годы падают самые значительные успехи Йоханнеса в укреплении центральной власти и создании в стране стабильной обстановки. Как уже отмечалось, в 1878 г. о своей покорности императору [75] вынужден был объявить Менелик, при этом правитель Шоа добился сохранения своего контроля над Уолло, что первоначально не входило в планы Йоханнеса (подробнее см. [246, с. 158—160]). Достаточно успешно реализовывались и задачи по созданию в стране однородного конфессионального общества.

Успех процесса утверждения в границах Эфиопской империи единоверия во многом зависел от укрепления структуры церковной иерархии. Многочисленные обращения Йоханнеса к александрийскому патриарху, подкрепленные значительными денежными суммами, привели к невиданному в церковной истории страны событию: летом 1881 г. александрийский синод направил в Эфиопию сразу четырех абун. Религиозная политика государя постоянно находила широкое отображение на страницах эфиопских хроник, авторы которых сами были церковниками. И семь хроник, посвященных правлению Йоханнеса, уделили этому событию больше места, чем всем социально-экономическим изменениям в стране в этот период (см., например, [77]).

По мнению эфиопских историков, приезд в страну сразу четырех церковных иерархов представлял собой одно из величайших достижений императора Йоханнеса IV [308, с. 109]. Во всяком случае, оно способствовало росту авторитета монарха среди христианского населения страны и, следовательно, содействовало дальнейшему укреплению центральной власти.

В целом внутривластная обстановка в Эфиопии становилась все более стабильной. Оппозицию центральной власти представляла лишь Шоа, но правитель этой области не стремился тогда бросить вызов императору. Консолидация верховной власти монарха сужала возможности феодальных выступлений на уровне мелкой и средней знати. Отмечая успехи Йоханнеса в борьбе с феодальными беспорядками, английский путешественник А. Уилд писал, что «в стране появилось больше богатых купцов и благодаря решительным мерам против шаек грабителей на торговых путях значительно возросла торговля внутри страны, ввозится больше иностранных товаров... крестьяне чувствуют себя увереннее и меньше подвергаются притеснениям со стороны солдат» [109, с. 44].

Наметившаяся тенденция на достижение внутривластной стабильности, в основе которой лежал рост авторитета центральной власти, не смогла в условиях усилившейся борьбы европейских колониальных держав за Африку получить дальнейшее развитие. Нависшая угроза территориальной целостности Эфиопии вынудила правящую верхушку страны бросить силы на решение задач внешнеполитического характера. [76]

Отношения с махдистским Суданом и Италией

Успехи вспыхнувшего в 1881 г. в Судане восстания против англичан во главе с Мухаммедом Ахмедом, более известным как Махди, изменили обстановку во всей Северо-Восточной Африке. Развивая наступление против англо-египетских войск, в 1883 г. махдисты заняли Кордофан, овладели провинцией Дарфур, а в апреле 1884 г. достигли границ Эфиопии и заняли Мэтэму.

Потерпев ряд поражений в Судане, Англия решила привлечь для борьбы против махдистов Эфиопию. Ее участие должно было прежде всего выразиться в помощи в эвакуации египетских гарнизонов из окруженных махдистами городов вблизи судано-эфиопской границы. С этой целью весной 1884 г. ко двору императора прибыл

английский представитель адмирал У. Хьюитт, а также представитель египетского хедива, губернатор Массауа Мэйсон-бей, американец на египетской службе.

По заключенному 3 июня 1884 г. в Адуа договору, во-первых, Эфиопии предоставлялась свобода беспошлинного провоза через Массауа товаров, в том числе оружия и боеприпасов. Во-вторых, с 1 сентября 1884 г. предусматривалось возвращение Эфиопии Богоса, при этом все оставшееся там имущество египтян переходило в собственность Эфиопии. В-третьих, император Йоханнис брал на себя обязательство обеспечить гарнизонам Кассалы, Амдыба и Сэнхета эвакуацию через территорию Эфиопии в Массауа. Остальные три пункта договора имели менее важное значение и были направлены на нормализацию эфиопо-египетских отношений, ухудшенных в середине 70-х годов в результате агрессивных устремлений Египта в отношении Эфиопии. В частности, египетский хедив предоставлял императору Эфиопии право самому назначать абуну из александрийского патриархата, обе стороны взаимно обязывались выдавать преступников друг другу, император и хедив соглашались предоставить Англии право арбитража в случае споров, которые могут возникнуть между обеими сторонами после подписания договора [382, с. 225—226].

В целом характер этого соглашения, известного как «договор Хьюитта», был выгоден для эфиопской стороны и в случае выполнения всех договоренностей мог бы расцениваться как победа эфиопской дипломатии. Не случайно эфиопский историк Зоуде Гэбрэ Сылласе отмечал, что этот договор «явился важным событием в истории Эфиопии. Эфиопами он расценивался как моральная и политическая победа, означавшая восстановление области Богос и первый шаг к получению Массауа. В то время Богос, неотъемлемая часть территории страны, значил для Эфиопии то же, что Эльзас для Франции... Ликвидация блокады Массауа, новые условия для эфиопских торговых операций там и перспектива расширения территории империи создавали для эфиопов новые горизонты и стимулы» [308, с. 141—142].

Действительно, наконец-то, казалось, появилась возможность [77] ввозить через Массауа, до этого заблокированной Египтом, огнестрельное оружие, столь необходимое в борьбе за укрепление центральной власти в стране, а в дальнейшем для реализации планов выхода к Красноморскому побережью. Следует отметить, что такие планы явились частью политического наследия Теодроса; в лице Йоханниса они нашли самого горячего сторонника. Не случайно, что требование передачи Эфиопии части побережья с Массауа было первым условием, выдвинутым эфиопским монархом во время переговоров с Хьюиттом. Лишь убедившись в тщетности своих усилий, Йоханнис был вынужден ограничиться правом свободного транзита через Массауа [308, с. 99]. Что же касается Богоса, северной провинции страны, отторгнутой в 1872 г. Египтом, то ее возвращение в лоно империи превышало престиж Йоханниса и увеличивало людской и экономической потенциал Северной Эфиопии — опоры центральной власти в борьбе против сепаратизма.

Таким образом, привлекательных сторон в этом договоре было достаточно. Другое дело, что, согласно его ст. 3, Эфиопия должна была вступить в боевые действия с махдистами. В ряде работ по истории Эфиопии содержится мнение, что в этой ситуации Эфиопия была послушным орудием политики Англии. Анализ внутри- и внешнеполитической обстановки в этот период позволяет не согласиться с подобной точкой зрения.

В начале 80-х годов Йоханнис, одержав победы над египтянами при Гундэте и Гуре, добившись подчинения крупнейших феодалов страны, находился в зените своего могущества и мог позволить себе проведение независимого курса внешней политики. Во многом условия «договора Хьюитта» были со стороны Египта вынужденной уступкой Эфиопии, практически пять статей этого соглашения были направлены на то, чтобы убедить эфиопского монарха принять содержание шестой. Стремясь столкнуть Эфиопию с махдистами, английская дипломатия вынуждена была учитывать интересы эфиопской

стороны в большей степени, чем ей бы хотелось. Необходимо также иметь в виду, что с выходом к Мэтэме махдистские войска стали непосредственно угрожать Эфиопии.

Эфиопская сторона честно выполнила взятые на себя по договору обязательства. Благодаря усилиям императорской армии гарнизоны шести еще не захваченных махдистами городов были успешно эвакуированы через территорию Эфиопии. Однако 3 февраля 1885 г. произошло событие, после которого «договор Хьюитта» превратился, по словам С. Рубенсона, из «дипломатического успеха в политическую катастрофу» [382, с. 236]. В этот день при попустительстве Англии итальянские войска заняли Массауа. Для Эфиопии это означало крах всех надежд на-получение выхода к морю. Таким образом, и на этот раз английская дипломатия сыграла роковую роль в судьбе Эфиопии. Вместо одного слабого противника страна получила двух сильных: махдистский Судан и Италию. Даже британский вице-консул [78] в районе Красного моря А. Уилд, при всех своих антиэфиопских настроениях, был вынужден отметить впоследствии вероломность позиции своего правительства. «Посмотрите на наше поведение по отношению к императору Йоханнису с любой точки зрения,— писал он,— и вы не увидите в нем ни грама честности. По-моему это одно из наших наиболее грязных дел среди многих, за которые мы несем ответственность в Африке... Англия использовала императора Йоханнису до тех пор, пока он был хоть сколько-нибудь полезен, а затем бросила его на милость Италии, которая с нашего благословения отправилась в Массауа и захватила территорию, принадлежавшую нашему союзнику, и позволила итальянцам нарушить все обещания, которые Англия торжественно дала императору Йоханнису» [109, с. 39].

Начало итальянской экспансии в районе Красного моря относится к концу 60-х годов. В «Опыте сводки главных данных всемирной истории после 1870 года» В. И. Ленин отмечал три главных этапа в развитии итальянской колониальной экспансии в этом регионе: «81: Италия в Ассабе»; «85: Италия в Массауа»; «96: Абиссиния побеждает Италию» [15, с. 672, 674, 678].

В 1869 г. итальянский монах Дж. Сапето по поручению пароходной компании «Рубаттино» приобрел за 6 тыс. талеров Марии-Терезии у местных правителей небольшую часть прибрежной территории Ассаб (Асэб). К 1881 г. собственностью компании стала вся естественная гавань Асэб. В этом же году итальянское правительство, заплатив «Рубаттино» отступные, объявило приобретенную территорию итальянской колонией [54, с. 8].

Используя Асэб в качестве опорной базы, итальянцы предприняли дальнейшее продвижение вдоль Красноморского побережья по направлению к Массауа. Оккупировав в феврале 1883 г. этот порт, они приступили к захвату других населенных пунктов к югу, таких, как Арафали и Аркико.

Итальянская колониальная экспансия осуществлялась в условиях благожелательного отношения со стороны самой мощной в экономическом отношении державы того времени — Великобритании, которое объяснялось углублением империалистических противоречий между Англией и Францией. «Итальянцам,— писал В. М. Хвостов,— никогда бы не видеть Эритреи, если бы на берега Баб-эль-Мандеба не направил свои взоры и французский империализм. Англо-французские противоречия явились основной предпосылкой итальянской колониальной экспансии» [243, с. 3].

Захват итальянцами прибрежных населенных пунктов, расположенных в пределах владений египетского хедива, хотя и настораживал правящие круги Эфиопии, все же особого беспокойства не вызывал. Гораздо больше Йоханнису тревожили попытки итальянской дипломатии установить особые отношения с [79] феодальной верхушкой Шоа. По мнению Рима, усиление сепаратистских тенденций и поддержка ныгуса Менелика в его соперничестве с императором могли привести к ослаблению центральной власти и уходу с политической арены явно антиитальянски настроенного Йоханнису. Эта концепция составляла основу «шоанской политики» Италии, прибегнувшей к испытанной колониальной тактике «разделяй и властвуй». Эта идея нашла четкое выражение в

донесении итальянского представителя при шоанском дворе графа П. Антонелли. «В Шоа,— писал он в Рим,— мы имеем дружественного нам короля, который, если мы будем продолжать помогать ему, имеет реальные возможности занять императорский трон и который нас щедро вознаградит за то, что мы сейчас делаем для него» [67, с. 29].

Стремясь превратить правителя Шоа в своего союзника, итальянцы с готовностью откликнулись на его просьбы о присылке огнестрельного оружия. Так, например, в январе 1888 г. правительство Италии направило Менелику I тысячу винтовок системы «ремингтон». В сопроводительном письме итальянский премьер-министр писал: «Пусть они усилят вашу силу и уничтожат ваших врагов и врагов моей страны» [67, с. 17]. При этом следует отметить, что правитель Шоа не довольствовался эпизодическими дарами оружия. Еще в 1883 г. он сумел добиться от Италии разрешения пользоваться для торговых сделок портом Асэб. Уже в конце этого же года первый караван из 600 верблюдов, груженых золотом и слоновой костью, прибыл из Шоа в Асэб для обмена на оружие [368, с. 151].

По мере укрепления шоанской армии возрастали и опасения императора Йоханнуса в отношении намерений как своего самого непокорного вассала, так и заигрывавших с ним итальянцев.

Худшие опасения Йоханнуса относительно дальнейших планов Италии оправдались, когда в июне 1885 г. итальянский отряд захватил местечко Саати, расположенное уже в пределах империи. Оккупация Саати возвестила начало нового этапа в истории страны, характеризующегося активной колониальной политикой западноевропейских держав против древнейшего государства Тропической Африки.

26 января 1887 г. войска Алулы, пожалуй, самого блестящего военачальника Эфиопии того периода, разгромили у Догали итальянский отряд численностью в 550 человек, направленный на помощь осажденным в Саати. Потери итальянцев составили 450 человек убитыми и 82 ранеными [343, с. 86].

Описание этого первого, но далеко не последнего вооруженного столкновения эфиопских войск с итальянской колониальной армией содержится в книге воспоминаний одного из европейцев, современника тех событий Дж. Портала, прибывшего ко двору императора с посреднической миссией. «Дорога на Саати,— отмечал он,— проходит через узкое ущелье, затем огибает возвышенность в центре равнины и снова затем через ущелье [80] следует дальше. В день сражения абиссинцы скрытно залегли на окружающих холмах и не подавали никаких признаков жизни до тех пор, пока итальянцы не достигли равнины и не оказались зажатыми среди холмов. Итальянцы с уверенностью, свойственной неопытности, и с неоправданным презрением к умственным способностям противника не подумали об организации разведки или высылке вперед дозоров и не позаботились о проверке близлежащих холмов. Едва лишь передовая часть итальянской колонны достигла центра равнины, как послышались выстрелы и со всех сторон на них обрушился град пуль... Итальянские солдаты, находясь на голой и открытой местности, представляли собой великолепную мишень. Затем прозвучал еще один залп, за которым последовал новый град пуль справа, затем слева, спереди и с тыла — итальянский отряд поистине попал в ужасную ловушку.

Итальянцы падали один за другим... Лишь немногие оставались в живых — но так и не было ясно, где противник, куда стрелять...» [103, с. 58—59]. Не скрывавший своих симпатий к итальянцам английский дипломат, размышляя об исходе этого сражения, пришел к верному выводу: «Опять повторилась все та же старая история: презрение по отношению к храброму противнику только лишь потому, что цвет кожи его оказался шоколадным, коричневым или черным и он никогда не участвовал в батальонных учениях или же осенних маневрах» [103, с. 9].

Ряд исследователей, в частности Х. Эрлих, рассматривают битву при Догали как «одно из важнейших событий в истории Эфиопии конца XIX в.». Исход этого сражения привел к открытой враждебности между Италией и императором Эфиопии, что не

оставляло Риму никаких надежд на осуществление своих колониальных планов невоенным путем. В этой ситуации итальянская дипломатия усилила свои действия, направленные на подталкивание правителя Шоа к открытому выступлению против верховной власти [304, с. 122].

Победа при Догали вызвала в Эфиопии огромный энтузиазм. Вместе с тем напряженная внутривнутриполитическая обстановка в стране не позволяла императору развить успех и двинуться на Массауа, как предлагали многие из его окружения. Императора не могла не пугать возможность возникновения еще одного театра военных действий. Поэтому, учитывая конкретную обстановку, складывающуюся в стране — продолжающиеся вторжения на западе махдистов и нелояльность правящей верхушки Шоа,— он пошел на решение возникшей проблемы дипломатическим путем. Отдавая себе отчет в том, что за спиной Италии стояла Англия, Йоханнес направил в Лондон письмо, в котором сетовал на нарушение «договора Хьюитта», поскольку итальянские власти в Массауа блокировали доступ оружия в Эфиопию (полный текст письма см. [103, с. 172—174]).

Единожды предав Эфиопию в вопросе о Массауа, английская [81] дипломатия продолжала действовать в том же духе. Демонстрируя свою полную поддержку агрессору, английское правительство в ответном письме посоветовало Йоханнесу найти общий язык с Италией, «мощным государством с дружескими и добрыми намерениями» [367, с. 381]. Кроме того, стремясь нажить политический капитал, Великобритания предложила свои посреднические услуги в разрешении итало-эфиопского конфликта. С этой целью в конце 1887 г. к эфиопскому императору был послан уже упоминавшийся Дж. Портал, английский генеральный консул на Занзибаре.

Характер условий, выдвинутых итальянской стороной, не оставлял сомнений в том, что Италия намеревалась использовать события в Догали для расширения своей колониальной экспансии. Помимо официального сожаления по поводу «кровавой бойни» при Догали от Эфиопии требовалось признание прав Италии на часть ее территории, в том числе Саати и Уаа, долины Айлет, Сэнхет и некоторых других спорных, по мнению итальянской дипломатии, районов [103, с. 167—168]. Все эти условия были решительно отклонены эфиопской стороной.

В начале 1888 г. 80-тысячная эфиопская армия подошла к Саати, однако приказа о штурме так и не последовало. Опасаясь удара с тыла со стороны шоанского войска или махдистов, император предпочел сначала укрепить тылы.

Причины, обусловившие в апреле снятие осады с Саати, имели под собой реальную основу. 20 октября 1887 г. ныгус Шоа подписал договор о дружбе и союзе с Италией, по которому та обещала ему «военную помощь и другое содействие в достижении его целей». Нелишне будет напомнить, что на протяжении многих лет цель у Менелика была одна — корона царя царей Эфиопии. Со своей стороны, ныгус Шоа обязывался «помогать правительству короля Италии во всех его затруднениях» [67, с. 23—24]. Кроме того, по договору, шоанская армия получила 5 тыс. винтовок системы «ремингтон», что значительно повышало ее боевую мощь.

Договор, заключенный шоанцами с Италией, представлял собой акт неповиновения центральной власти, тем более в тот момент, когда страна в целом находилась в состоянии войны с этой европейской державой. И в этом случае местный шоанский патриотизм оказался сильнее общегосударственных интересов. Впрочем, Менелик не собирался выполнять ни своих союзнических, ни вассальных обязательств. Хитрый и опытный политик, он лавировал между обеими сторонами, используя любую возможность для укрепления своих позиций.

Уже отмечалось, что другой причиной прекращения военных действий против итальянцев была угроза со стороны махдистов. Итальянская агрессия на время отвлекла внимание императора от этой проблемы. По его приказу всю тяжесть борьбы против

махдистов нес правитель Годжама ныгус Тэкле Хайманот, который в 1886 г. нанес им поражение при Мэтэме. [82]

Это был последний успех Эфиопии в ненужной ни ей, ни махдистскому Судану войне. Используя выгодную для себя ситуацию, когда основные силы эфиопской армии дислоцировались у Саати, в 1888 г. махдисты вторглись в провинции Годжам и Бэгемдыр и в сражении при Сарвуха полностью разгромили армию Годжама. Разграбив Гондэр, уничтожив христианские храмы и захватив в плен более 8 тыс. человек, среди них и семью годжамского правителя, махдисты вернулись в Мэтэму.

Таким образом, в 1888 г. Эфиопия оказалась в крайне сложном положении. Итальянский колониализм на побережье, заигрывания итальянских дипломатов с Шоа и успехи махдистов осложнили для Йоханныса внутривосточную обстановку. Даже относительно лояльный к верховной власти ныгус Годжама проявлял все большее неповиновение, обвиняя императора в недостаточной помощи против махдистов. Но по-прежнему главная угроза власти императора исходила из Шоа. Воспользовавшись ухудшением отношений между Йоханнысом и Тэкле Хайманотом, Менелик установил тесные отношения с годжамцем, призывая его к союзу против императора. Оба правителя отказались выступить на помощь своему сюзерену против махдистов, тем самым открыто встал в оппозицию к центральной власти. Сообщая в Рим о складывающейся обстановке, П. Ан-тонелли писал, что страна стоит на пороге неизбежной войны между Йоханнысом и Менеликом, поддерживаемым Годжамом [308, с. 246]. Таким образом, по мере обострения внешнеполитического положения Эфиопии набирали силу центробежные тенденции внутри страны.

Серьезность возникшей ситуации побудила Йоханныса предпринять шаги, мало вписывающиеся в образ действий этого ревностного христианина. Преодолев религиозные условности своего времени, он обратился к преемнику умершего Махди халифу Абдуллаху с предложением о дружбе. «Давай не будем убивать бесцельно бедных и беззащитных,— говорилось в послании,— но давай вместе объединимся против наших общих врагов европейцев... Если они покорят меня, они не минуют и тебя и разрушат твою страну... Поэтому в наших интересах договориться и уничтожить их» [389, с. 70]. Как видно из содержания письма, Йоханныс достаточно хорошо представлял себе будущее континента в условиях европейской колониальной экспансии.

Инициатива эфиопского императора осталась без ответа, поскольку требования халифа «оставить свою веру и стать мусульманином» были неприемлемы. Ненужная война с махдистским Суданом становилась реальной неизбежностью.

Успешные действия на внешнем фронте были невозможны без наличия прочного тыла, без приведения в покорность Шоа и Годжама. В начале 1889 г. императорские войска вторглись в Годжам и разрушили его до такой степени, «что несчастная страна еще много лет не могла оправиться после этого» [413, с. 5]. Наказав за непослушание одного неверного вассала, Йоханныс [83] двинул армию на Шоа. Однако его войско, потрепанное в сражениях с махдистами и итальянцами, не обладало уже тем превосходством, которое оно имело еще несколько лет назад. Открытая борьба пугала как императора, так и Менелика. Уступавшая в численном отношении шоанская армия, хотя и усилила за последние годы благодаря итальянской помощи свой военный потенциал, не имела достаточного боевого опыта, поскольку до сих пор ограничивалась борьбой с более слабыми племенами оромо. Начались переговоры, безуспешно продолжавшиеся три месяца, вплоть до того момента, когда махдисты вторглись в северо-западные районы Эфиопии.

Новое махдистское вторжение позволило императору, говоря словами Г. Маркуса, «спасти престиж и выступить на защиту любимой христианской отчизны против неверных. Сами того не осознавая, махдисты, возможно, спасли Эфиопию от разрушительной гражданской войны» [343, с. 110]. Характеризуя сложную внутривосточную обстановку того времени, автор одной из хроник сетует, что «в

момент, когда над страной с обеих сторон нависла угроза, основные соперники могли вступить в междоусобную войну, поставив свои собственные интересы выше интересов страны» [72, с. 73].

В начале февраля 1889 г. 100-тысячная императорская армия достигла Мэтэмы. Начавшаяся 9 марта решающая битва уже почти завершилась падением города, когда Йоханныс был смертельно ранен. Оставшаяся без командующего феодальная армия упустила инициативу и потерпела поражение.

Последним актом умирающего императора было назначение преемника. Им стал сын Йоханныса Мэнгэша, фигура, устраивавшая полностью главным образом феодалов Тыграя.

Оценивая исследуемый период в целом, следует отметить, что его основным содержанием была в первую очередь защита территориальной целостности страны, а не процесс централизации, который, казалось бы, мог ускорить свою динамику перед лицом внешней угрозы. Во всяком случае, в буржуазной историографии Йоханныс чаще всего выглядит как правитель, не сумевший поддержать своей деятельностью историческую преемственность в объединении страны.

Тем не менее было бы неверным преуменьшать вклад этого политического деятеля в процесс централизации Эфиопии. Возможно, этот вклад менее заметен на фоне яркой его деятельности по защите рубежей страны, ратных подвигов на поле брани. Кроме того, умаление роли Йоханныса в объединении Эфиопии происходит и потому, что деятельность эфиопских императоров начиная с Теодроса рассматривается, как правило, в двух естественно связанных между собой аспектах: модернизации Эфиопии и ее централизации, а что касается модернизации, то Йоханныс отнюдь не являлся ее сторонником.

Этим и объясняется отсутствие каких бы то ни было новшеств в период его правления. Правда, некоторое развитие [84] получили товарно-денежные отношения, когда нуждавшийся в денежных средствах для закупки огнестрельного оружия Йоханныс в 1888 г. был вынужден ввести для получения денег денежный земельный налог. Вместе с тем необходимо отметить, что введение товарно-денежных отношений в этот период отнюдь не означало наступления нового качественного этапа в процессе социально-экономического развития Эфиопии. Они не зарождались внутри самого общества, а насильственно насаждались феодальной верхушкой страны.

Тыграи по происхождению, император Йоханныс сумел выйти за рамки местного национализма. Своей обязанностью он считал защиту любой части эфиопской империи. В период его правления официальным языком страны стал амхарский язык, наиболее распространенный по всей территории Эфиопии, хотя родным языком императора и его окружения был тигринья. Безусловно, такая языковая политика в известной мере содействовала процессу консолидации народов Эфиопии.

Свидетельством того, что деятельность Йоханныса способствовала процессу централизации, является, в частности, то обстоятельство, что с его смертью страна не распалась, словно картонный домик, на отдельные области, как это произошло в случае с Теодросом. Впервые с начала процесса объединения Эфиопии смена верховного правителя не повлекла за собой феодальной междоусобицы, отбрасывающей назад социально-экономическое развитие страны. «Йоханныс IV,— справедливо отмечают польские историки,— борясь с партикуляризмом отдельных провинций и осуществляя общегосударственную политику вопреки сепаратистским стремлениям феодалов, остался в истории страны поборником объединения Эфиопии, а также внедрения в сознание народа общеэфиопского патриотизма» [169, с. 296]. Определяя историческое место этого политического деятеля в развитии Эфиопии, Зоуде Гэбрэ Сылласе пишет, что, «если бы не успехи Йоханныса, Менелику и его преемникам никогда не удалось бы сохранить независимость страны в почти полностью колонизованной Африке» [308, с. 161]. [85]

Глава 4

УКРЕПЛЕНИЕ ЭФИОПСКОГО ГОСУДАРСТВА ПРИ МЕНЕЛИКЕ II

ИТАЛО-ЭФИОПСКАЯ ВОЙНА

1895—1896 гг.

Наиболее значительные достижения в централизации Эфиопии приходятся на время царствования императора Менелика II, взошедшего на трон в 1889 г., вскоре после гибели Йоханнуса IV. Его правление (1889—1913) явилось завершающей фазой начавшегося с середины XIX в. процесса развития страны от феодальной раздробленности к политической централизации, в ходе которого в основном было завершено объединение Эфиопии, ее расширение за исключением Эритреи, до современных границ. К этому же периоду восходит начало процессов модернизации страны, создания наемной армии и складывания чиновничества, проникновения иностранного капитала. Известная исследовательница истории и культуры этой страны С. Панхерст справедливо отмечала: «Современная Эфиопия начинается со времени правления императора Менелика II» [373, с. 73].

Восшествие Менелика на трон императоров Эфиопии было обусловлено неуклонным возрастанием на протяжении XIX в. политического влияния и военной мощи его собственного домена — Шоа. Несмотря на волю умирающего Йоханнуса, в соответствии с которой государственная власть в стране должна была сохраниться за представителем Тыграя Мэнгэшой, в Эфиопии не нашлось никого, кто бы мог реально выступить соперником ныгуса Шоа. Усилиями нескольких поколений правителей этой части империи к началу 90-х годов прошлого столетия она превратилась в экономически более развитую и политически более стабильную по сравнению с другими область страны, система управления которой впоследствии была перенесена на всю эфиопскую империю.

Поскольку Шоа явилась как бы лабораторией, в которой отрабатывались методы будущего государственного строительства Эфиопии, необходимо хотя бы в общих чертах представить развитие этого прототипа централизованной эфиопской империи. [86]

Шоа в борьбе за политическую гегемонию

Родившийся 17 августа 1844 г. будущий император Эфиопии Менелик II был девятым представителем шоанской династии, основателем которой, согласно устной традиции, являлся Нэгаси Крыстос. В условиях традиционной Эфиопии немаловажным было то обстоятельство, что родословная правящего шоанского дома восходила к императору Либнэ Дынгылю (1508—1540), сын которого нашел в этой области убежище во время нашествия племен оромо в XVI в.

Восстановление Шоа в пределах, существовавших до прихода оромо, было делом жизни нескольких сменявших друг друга поколений правителей. При пятом мэрыдазмаче Шоа (таков был наследственный титул правителей области) Асфа Уосэне, занявшем шоанский престол в 1777 г., в состав Шоа входили уже четыре обширные области: Йифат, Анкобэр, Мэрхабете и Мэнз.

Укрепление этой области-государства, ее политического и экономического положения падает на период правления деда Менелика — Сахле Сыллесе (1813—1848). Эти несколько десятилетий отмечены интенсивным расширением территории Шоа, расцветом ремесел и торговли, совершенствованием системы административного управления.

В результате расселения оромо Шоа оказалась фактически изолированной от Северной Эфиопии, что имело далеко идущие последствия для развития области. На одно

из них, в частности, указывал посетивший Шоа в начале 40-х годов англичанин Харрис, который отметил, что «счастливым обстоятельством как для правителя, так и его владений было существование окружающих галласких племен... полностью освободившее его от необходимости участия в междоусобицах, совершенно опустошавших другие провинции» [98, т. 3, с. 34]. Кроме того, эта изоляция обусловила создание сильной центральной власти в Шоа, а также рост местного национализма.

Основой внешней политики шоанских правителей, получившей свое наиболее полное выражение при Сахле Сылласе, была территориальная экспансия в южном направлении, где находились богатые торговые пути, откуда на внешние рынки поступали кофе, золото, слоновая кость и рабы. Кроме того, расширяя территорию Шоа за счет земель оромо, феодальная верхушка области, и прежде всего сам Сахле Сылласе, искала союза с влиятельными вождями оромо. Именно тогда впервые широкое распространение получила практика заключения политических браков между представителями амхарской и оромской феодальной верхушки, взятая впоследствии на вооружение императором Менеликом.

В результате долговременной программы по расширению пределов Шоа к началу 40-х годов ее территория значительно увеличилась: на севере ее границы доходили до Уолло, на западе — до р. Аббай, южной границей были пустыни, населенные [87] афарами. За счет включенных в ее состав племен население области достигло примерно 2,5 млн. человек.

Параллельно с расширением территории Шоа вырабатывались и основы межнациональной политики, позднее распространенной Менеликом на всю Эфиопию. В отличие от северных областей страны Шоа была менее однородной по этническому составу. Постепенно шоанские оромо начали превосходить по численности амхара. Поэтому в этой части Эфиопии национальный вопрос стал одной из наиболее важных задач внутренней государственной политики, ведь от взаимоотношений этих двух этнических групп во многом зависела внутривластная стабильность Шоа. Основными чертами национальной политики были веротерпимость и ассимиляция, главным итогом — создание своеобразной амхаро-оромской общности.

По мере расширения территории Шоа военные действия отодвигались все далее от центральных районов области, где стабильная мирная обстановка создавала благоприятные возможности для развития производительных сил. Шоанское крестьянство намного раньше, чем земледельцы северных областей, ощутило те преимущества, которые обуславливались централизованной государственностью.

Отсутствие феодальных междоусобиц, внутривластная стабильность в Шоа привели к развитию торговли и ремесел. Налоги от торговых операций составляли значительную часть, шоанской казны, немалыми были и таможенные пошлины от караванов, направлявшихся через территорию Шоа. Однако больше всего обогащению и процветанию области способствовала военная добыча, захваченная в ходе многочисленных походов против соседей-нехристиан, и дань, получаемая с населения присоединенных районов.

Относительно высокую степень централизации Шоа отражала административная система управления области. Вся ее территория была разделена на провинции, число которых росло по мере расширения Шоа. Во главе каждой из них стоял губернатор, назначаемый ныгусом. Как правило, условием назначения на высокий административный пост в нехристианских провинциях представителя местной знати было принятие им христианства.

Вместе с тем отсутствие религиозного фанатизма в этнически неоднородном шоанском обществе способствовало тому, что в интересах дела на высокий пост порой назначался мусульманин. Не вызывает сомнения то обстоятельство, что по степени централизации к середине XIX в. Шоа намного опередила остальные области Эфиопии.

Неуклонный рост могущества Шоа не прошел мимо внимания эмиссаров европейских держав. В результате в 1841 г. был заключен договор о дружбе и торговле с Англией, а двумя годами позже — с Францией. Уже сам факт вступления правителя Шоа в самостоятельные контакты с иностранными державами [88] свидетельствовал о значительной степени независимости этой области.

Шоа сохраняла свою фактическую независимость вплоть до 1856 г., когда начатый императором Теодросом процесс политического объединения Эфиопии привел к включению этой области в состав единого эфиопского государства. В целом же смутный период в истории эфиопской государственности — «времена князей» — для Шоа явился периодом наивысшего процветания. Характеризуя положение в области, польские историки А. Барт-ницкий и И. Мантель-Нечко определяют его как «совершенно исключительное» и подчеркивают при этом роль государственной политики, проводимой шоанскими правителями. «Все они начиная с Нэгаси последовательно проводили политику, целью которой было экономическое и культурное развитие провинции наряду с военным и политическим укреплением позиций собственной династии. Они являлись дальновидными политиками, понимавшими, что в итоге экономическое развитие ведет к росту военной и политической мощи» [168, с. 255].

В последующие десять лет (1856—1865) Шоа превратилась в одну из провинций объединенной Эфиопии, однако шоанская феодальная верхушка использовала любое ослабление центральной власти для укрепления собственных позиций. Не раз императорские войска посылали на подавление сепаратистских выступлений в этой части страны.

Возрождение былых порядков население Шоа связывало с возвращением на шоанский трон Менелика, сына последнего ныгуса области, умершего накануне решающей схватки с армией Теодроса. Доставленный по приказу императора в Мэкдэлу 12-летний шоанский наследник эти десять лет провел при дворе Теодроса в качестве заложника.

Находясь все эти годы в эпицентре эфиопской политики, Менелик был свидетелем успехов и неудач политики императора в централизации и модернизации страны и, вероятно, анализировал их причины. Опыт, приобретенный в стенах Мэкдэлы, позволил ему в будущем лучше разбираться в проблемах, неизбежных в процессе укрепления государственности такой страны, как Эфиопия. Ошибки императора Теодроса, в частности конфронтация с церковью, религиозная нетерпимость к эфиопам-нехристианам, предпочтение жестких методов в объединении страны, побуждали Менелика искать альтернативу такого рода политике. Вместе с тем он не мог не оценить мероприятий Теодроса, отвечавших требованиям развития Эфиопии: создание более благоприятной обстановки для торговли, использование технических знаний европейцев для модернизации страны, попытку реорганизации армии и т. д.

Когда в начале июля 1865 г. наследник шоанского престола, сумев обмануть бдительность охраны, бежал из Мэкдэлы и прибыл в Шоа, он являл собой уже достаточно опытного политика. Кроме того, свое пребывание в крепости он использовал и для [89] установления дружеских отношений со многими другими пленниками, выходцами из правящих домов областей, силой втянутых Теодросом в состав объединенной Эфиопии.

Встав у кормила шоанской власти, молодой правитель стремился на практике воссоздать существовавшую до 1856 г. Шоа, с ее фактической независимостью от центральной власти и внутривластной стабильностью. Ключ к решению многих из стоявших перед ним проблем Менелик видел в усилении военной мощи шоанской армии. Итальянский путешественник А. Чекки, находившийся в Шоа в первые годы царствования Менелика, отмечал: «Чтобы реорганизовать систему управления, заставить своих соотечественников снова уважать законы... защитить их от внешней угрозы и особенно от мести императора, Менелик начал с увеличения и обучения армии» [94, т. 1, с. 265].

В обстановке усиления в середине 60-х годов XIX в. центробежных тенденций в стране и ослабления позиций верховной власти император Теодрос, втянутый, помимо того, в конфликт с Великобританией, не считал возможным предпринять карательные действия по отношению к мятежной области. Ликвидация этой угрозы позволяла шоанскому правителю, действуя без оглядки, решительно осуществлять курс на укрепление позиции области на политической арене Эфиопии.

Одним из первых его шагов, направленных на достижение внутривластной стабильности, было наведение порядка в делах шоанской церкви и в вопросах вероисповедания. Продолжая религиозную политику своих предшественников, Менелик выступил в поддержку принципов веротерпимости, что должно было укрепить полиэтническую основу шоанского трона. «Любые богословские споры запрещены в Шоа, где разрешены все вероисповедания; каждый эфиопский священнослужитель, уличенный в разжигании религиозных распрей, будет предан казни» [343, с. 27]. Этим шагом Менелик завоевал популярность, поликонфессионального населения Шоа.

В целом, по мере ослабления империи Теодроса, Шоа все больше набирала силу. Однако должно было пройти еще более-двадцати лет до того момента, когда корона царя царей Эфиопии увенчала чело ныгуса Шоа. Эти годы стали свидетелями территориального роста области и увеличения численности ее населения, совершенствования системы административного управления и повышения боеспособности шоанской армии вследствие усиленных закупок огнестрельного оружия, установления контактов с европейскими державами и использования в целях Шоа межимпериалистических противоречий.

Опытный и осторожный политик, Менелик удержался от соблазна играть на эфиопской политической арене большую роль, чем ему позволяла численность шоанской армии и потенциальные возможности в борьбе с другими претендентами на императорский трон. Точно так же он не откликнулся на призыв [90] египетского хедива объединить усилия в борьбе против императора Йоханнуса, хотя в случае успеха этого предприятия путь к короне мог оказаться много короче. Сокрушительные поражения египтян при Гундэте и Гуре и возросший в результате этого авторитет верховной власти убедили шоанца в необходимости искать пути решения своих целей не вооруженной борьбой, а всемерным укреплением политического и экономического положения Шоа.

Успешная реализация этой программы требовала обеспечения безопасности со стороны северных областей страны, оплота власти Йоханнуса. С целью укрепления естественного оромского барьера между Шоа и Тыграем уже в 1868 г. шоанская армия приступила к завоеванию области Уолло, феодальная верхушка которой в последние годы все больше ориентировалась на Тыграй [81, т. 1, с. 202].

Опыт развития Эфиопии эпохи централизации убедительно свидетельствовал, что на успех мог рассчитывать тот политический деятель, армия которого обладала преимуществом в огнестрельном оружии. Первоначально шоанский арсенал увеличивался за счет сделок с мелкими торговцами оружием, преимущественно из Адена, но постепенно главным поставщиком становится Италия, стремившаяся в своих колониалистских интересах противопоставить Шоа верховной власти. Так, в 1876 г. 200 винтовок системы «ремингтон» передала Менелику находившаяся в Шоа итальянская географическая экспедиция. Вслед за этим в качестве дара от короля Италии прибыли 2 горные пушки, 2 ящика снарядов и 11 тыс. патронов. По подсчетам А. Чекки, к началу 80-х годов в шоанской армии имелось 4 тыс. воинов, вооруженных современными винтовками, и еще 18 тыс. — кремневыми ружьями [94, т. 1, с. 355].

Оснащая свою армию огнестрельным оружием, Менелик исходил не только из потребности борьбы за верховную власть. В период его правления дальнейшее развитие получила феодальная экспансия Шоа. В 1878—1889 гг. Менелик значительно расширил границы своих владений. Так, в 1882 г. свою зависимость от Шоа признали султанат Джимма, а также населенные оромо области Лиму, Гера и Гума. Несколько позднее, в

1886 г., шоанские войска под командованием раса Гобэны Дачи подчинили Уоллегу [81, т. 1, с. 170].

Если до середины 90-х годов шоанская экспансия осуществлялась главным образом во внутренние районы страны, то в последующие годы ее направление стало смещаться в сторону Красноморского побережья. Приближение границ Шоа к морю должно было стимулировать торговлю в пределах области, способствовать контактам нгуса с иностранными державами и сокращать сроки доставки огнестрельного оружия. По мнению феодальной верхушки Шоа, достижению этих целей могло способствовать присоединение Харэра.

До лета 1885 г. Харэр находился под египетским управлением, [91] однако после поражений в эфиопо-египетской войне египетский гарнизон был эвакуирован и власть в городе перешла к представителю местной династии.

Анализ методов территориального расширения шоанских войск свидетельствует о их значительном многообразии. В частности, известно, что во многих случаях Менелик, стремясь к сохранению традиционных форм хозяйства мусульманских областей, предлагал своим противникам мирное подчинение на условиях своего рода автономии.

Помимо стратегического положения купеческий Харэр привлекал нгуса Шоа торговым характером экономики. Стремясь, сохранить хозяйственную жизнь города и деятельность его торговой общины, Менелик, как и в случае с Джиммой, обратился к правителю города: «Я пришел вернуть себе свою страну, а не разрушать ее. Если ты подчинишься, если станешь моим вассалом, я не лишу тебя права управлять страной. Подумай об этом, чтобы не пожалеть потом» [81, т. 1, с. 238]. Поскольку эмир отказался добровольно подчиниться, судьба Харэра была решена в ходе битвы при Челенко 6 января 1887 г. После победы шоанских войск в городе был оставлен гарнизон под командованием двоюродного брата нгуса Мэконнына (здесь, в Харэре, кстати, родился и первый сын нового харэрского губернатора Тэфэри — будущий император Хайле Селассие I).

Проводимая Менеликом политика территориальной экспансии отвечала сразу нескольким целям. Во-первых, по мере продвижения границы Шоа к югу менялось ее географическое положение. Из окраинной юго-восточной периферии эфиопской империи она постепенно начинала занимать центральное положение увеличивающейся в размерах страны, что представляло несомненные выгоды в борьбе за политическую гегемонию в Эфиопии. Во-вторых, присоединение новых земель позволяло увеличивать численность шоанской армии. В-третьих, в прямой зависимости от этой политики находилось развитие экономики Шоа. С одной стороны, благодаря коммерческим операциям в страну попадало огнестрельное оружие, необходимое для расширения пределов Шоа, с другой — приобретенные земли являлись новыми рынками и источниками сырья, что способствовало развитию торговли и ремесел.

Борьба за политическую гегемонию в стране порой приводила Шоа к вооруженным столкновениям с другими областями Эфиопии, в частности с Годжамом. В начале 80-х годов яблоком раздора между шоанской и годжамской феодальной верхушкой стали богатые золотом и слоновой костью оромские земли за р. Аббай. На стороне нгуса Тэкле Хайманота была и моральная поддержка со стороны императора Йоханныса. Встревоженный изменением политического баланса в стране вследствие быстрого укрепления Шоа, он пытался противопоставить Менелику другого правителя. Тем не менее в 1882 г. в битве при Ымбабо шоанская армия одержала победу. [92]

Современные европейские исследователи уделяют этому событию незаслуженно малое внимание, считая битву при Ымбабо одной из привычных междоусобных схваток. Вместе с тем, и на это справедливо указывает эфиопский историк, победа шоанцев над годжамской армией явилась важнейшим шагом на пути укрепления позиций феодальной Шоа в борьбе за политическую гегемонию [265, с. 4]. Вынужденный все больше считаться с Шоа, император признал за ней все предыдущие завоевания, а также передал Менелику

отобранный у правителя Годжама титул царя Кэфы. Хотя сама Кэфа еще сохраняла независимость, носитель этого формального титула получал право на нее.

Сложное внешнеполитическое положение Эфиопии побуждало императора искать способы установления более прочного союза с шоанским правителем. В 1882 г. была достигнута договоренность о браке между шестилетней дочерью Менелика Зоудиту и двенадцатилетним сыном императора Арая Сылласе. В случае отсутствия наследников от этого брака императорская корона должна перейти к Менелику [343, с. 71]. Таким образом, у правителя Шоа появились законные, хотя и довольно призрачные, права на императорскую корону в будущем.

Однако перспективы отдаленного будущего не могли удовлетворить честолюбивого правителя Шоа. До конца 80-х годов его деятельность по-прежнему была неразрывно связана с претворением идеи создания мощной Шоа, с превращением ее в политический центр Эфиопии. Наряду с расширением своих владений большое внимание шоанский правитель уделял установлению выгодных связей с европейскими державами. Подобно многим своим предшественникам, он не пренебрегал возможностью использовать технические знания и опыт любого заезжего европейца. Однако стремление к конечной цели политики побуждало его искать поддержки крупной державы, в интересы которой входил бы рост могущества шоанского государства.

80-е годы XIX в. явились свидетелями неуклонного укрепления итало-шоанских связей, подкрепленных рядом договоров и соглашений. Каждая из сторон получала определенные выгоды из такого рода сотрудничества, однако итальянской дипломатии так и не удалось добиться своей главной цели — столкнуть ныгуса Шоа с императором Йоханнсом. Что же касается феодальной верхушки Шоа, то она в полной мере использовала расположение Италии для реализации своих планов.

Одним из примеров являются обстоятельства, которые способствовали захвату Харэра шоанской армией. Известно, что эта акция осуществлялась при молчаливом согласии Италии и ее союзницы по антифранцузской коалиции в этой части Африки Англии. В ответ на письмо, в котором шоанский ныгус обосновывал исторические права на Харэр, итальянское правительство дало понять, что оно не возражает против захвата города шоанскими войсками. «При нынешнем положении вещей,— писал министр иностранных дел Италии Робилант командующему [93] итальянскими войсками в Массауа,— нам не мог быть неприятным захват Харэра правителем Шоа, ибо это закрыло бы дорогу устремлениям другой державы (Франции.— *Авт.*)» (цит. по [232, с. 109—110]). В период захвата Харэра впервые проявилось присущее Менелику умение использовать в своих целях межимпериалистические противоречия, которое впоследствии станет одной из характерных черт эфиопской дипломатии.

За 24 года пребывания Менелика во главе Шоа площадь области и ее население значительно увеличились. Если в 1840 г. численность населения Шоа составляла приблизительно 2,5 млн. человек, то уже к началу 80-х годов она увеличилась примерно до 5 млн. человек, «христиан, мусульман и язычников» [81, т. 1, с. 182]. Наряду с территориальным расширением владений под шоанской короной шел процесс совершенствования административной системы управления и национальной политики по отношению к неамхарским этническим группам.

Обстановка внутривнутриполитической стабильности в пределах Шоа позволила ее правителю скопить в своей казне огромные средства, необходимые для закупки огнестрельного оружия. В 1888 г. торговые налоги с одного Харэра составили 20 тыс. талеров Марии-Терезии. В целом же все включенные в этот период в состав Шоа области приносили ежегодно в денежном исчислении огромную по тем временам сумму в 200 тыс. талеров [308, с. 179]. Поэтому, несмотря на то что по договору 1878 г. шоанский ныгус был вынужден вносить в императорскую казну значительные суммы, у него еще оставалось немало средств для собственных целей. Если, например, в 1850 г. в шоанской армии на вооружении имелась всего 1 тыс. единиц огнестрельного оружия, то к 1889 г.

она располагала по крайней мере 60 тыс. винтовок и ружей различных систем и несколькими миллионами патронов к ним.

Оценивая причины, лежащие в основе укрепления позиций Шоа на общеэфиопской политической арене, многие исследователи выделяют умелую внешнеполитическую деятельность ее правителя и ценность полученного им опыта в этой области. «Когда в 1889 г. Менелик стал императором всей Эфиопии,— пишет эфиопист из Ганы К. Дарква,— он имел за плечами более чем двадцатилетний опыт не только в управлении Шоа, но и в сношениях с европейскими странами. И именно опыт пребывания на престоле Шоа явился успехом его правления уже в качестве императора Эфиопии» [297, с. 212]. Во всяком случае, в период, когда после гибели императора Йоханнуса при Мэтэме страна осталась без верховного правителя, в Эфиопии не оказалось ни одного политического деятеля, который мог бы составить ныгусу Шоа серьезную конкуренцию в борьбе за императорскую корону.

Сравнивая методы Теодроса по централизации Эфиопии с методами шоанских (в том числе и Менелика) правителей по централизации своего домена, нетрудно увидеть их различие. [94] «Теодрос и шоанская династия, — отмечает М. Абир, — представляют старый конфликт между революционным и эволюционным подходами (к проблеме централизации.— *Авт.*). Какой из них предпочтительнее и более соответствует условиям сложной ситуации Эфиопии — этот вопрос остается открытым» [261, с. XXVI]. Развитие событий в последовавшие годы позволяет считать шоанский эволюционный подход к проблемам объединения страны и централизации власти более эффективным, поскольку в этом случае больше внимания уделяется учету конкретной обстановки и реальных возможностей осуществления того или иного шага на пути к укреплению эфиопской государственности.

Реформы императора Менелика II (1889—1895)

Получив известие о гибели императора Йоханнуса, Менелик незамедлительно провозгласил себя верховным правителем страны. Продвигаясь во главе своей армии на север, он быстро поставил под свой контроль области Уолло, Ласта, Годжам, Иеджу и Бэгемдыр. Поскольку правители этих областей хорошо осознавали соотношение сил в стране, никто из них не оказал серьезного сопротивления.

Угроза планам нового императора могла исходить лишь из Тыграя, правитель которой, Мэнгэша, формально являлся преемником Йоханнуса. Однако тыграйские феодалы, армии которых были достаточно потрепаны в последнем бою с махдистами при Мэтэме, постарались лишь укрепиться в своих северных владениях. Что же до Менелика, то немедленное подчинение Тыграя не входило в его планы. Фактически эта область оказалась как бы между двумя жерновами: с одной стороны, безопасности местных феодалов угрожала все возрастающая активность Италии, с другой — императорская армия. Менелик не без оснований полагал, что продвижение итальянцев в глубь Тыграя вынудит феодалов этой области искать защиту у верховной власти. И действительно, в марте 1890 г. Тыграй формально признал власть императора.

Коронация Менелика 3 ноября 1889 г. произошла не в Аксуме, традиционном месте коронации эфиопских императоров, а в столице Шоа Энтото, что означало начало шоанского периода в политической жизни страны. Отсюда и начались реформы, ознаменовавшие первые годы правления Менелика в качестве царя царей Эфиопии. Они были прежде всего вызваны необходимостью ликвидации сложной ситуации, сложившейся в стране в начале 90-х годов прошлого века. Часть ее территории оставалась под контролем итальянских колонизаторов и рассматривалась ими как плацдарм для дальнейших захватов, некоторые северные области, в частности Бэгемдыр и Сымен, по-прежнему подвергались вторжениям махдистов. [95]

Страна переживала и небывалые экономические трудности. Вспыхнувшая в 1889 г. эпизоотия резко сократила поголовье скота, и многие земельные площади остались невозделанными. В результате начался великий голод.

Ужасающую картину Эфиопии тех лет приводит в своем отчете русский путешественник В. Машков, находившийся в этой стране в 1891 г.: «В первое мое путешествие по Абиссинии мне пришлось прожить в Анкобере несколько месяцев. Я хорошо знал его окрестности. Они представляли собой обетованную землю, что называется, текущую млеком и медом. Но теперь страна стала неузнаваемой. От голода и эпидемий она потеряла большую часть своего населения, оставшиеся же в живых обратились в нищих... Постигшие страну несчастья начались еще в 1889 году эпизоотией. Пал весь крупный рогатый скот. Пахать стало не на чем... Появился страшный голод и сопровождающие его эпидемии... Потрясающие картины, которым мы были очевидцами, навсегда останутся в нашей памяти» [18, ф. Политархив, д. 2008, л. 144—145]. Афэуорк Гэбрэ Ийесус сообщает, что тогда были нередки случаи людоедства [84, с. 41]. Сложившаяся ситуация требовала решительных действий, обусловленных, помимо прочего, и объективными задачами, стоящими перед верховной властью в укреплении государства.

Уже в первый год своего правления Менелик приступил к реорганизации административной системы, используя для этой цели шоанский опыт. Суть реформы заключалась в замене местных правителей чиновниками, назначаемыми самим императором. Введение этой системы означало первые шаги по пути к конечной цели эфиопского монарха — созданию абсолютистского государства.

В соответствии с новой административной системой вся страна была разделена на провинции, во главе которых находился назначаемый из центра губернатор, наделенный обширными полномочиями. Провинции разделялись на районы, а те, в свою очередь, на округа. Еще более мелкой административной единицей была адди, группа деревень, а самой мелкой — деревня, где административная власть принадлежала чыкка-шуму, деревенскому старосте [376, с. 117].

Вместе с тем следует отметить, что в ряде случаев принцип замены местных правителей чиновниками из центра не был осуществлен. Во избежание конфликта с наиболее мощными наследственными правителями император шел на сохранение традиционной системы власти, однако при этом местный феодал правил уже не в силу своих исконных прав, а по назначению императора. Так, в Годжаме у кормила власти был оставлен ныгус Тэкле Хайманот.

Введение новой административной системы не внесло особых изменений в самый порядок управления: назначенные из центра администраторы обладали теми же полномочиями, что и прежние наследственные правители. Точно так же она не изменила [96] феодально-иерархического характера отношений на административной лестнице, когда каждый чиновник подчинялся лишь своему непосредственному начальнику. Поэтому любое распоряжение императора должно было пройти через все ступеньки этой административной лестницы: от губернатора провинции до деревенского старосты, что требовало немало времени.

В целом же административная реформа Менелика II сыграла важную роль в процессе консолидации эфиопского государства. Благодаря ее введению стало создаваться положение, почти полностью исключавшее междоусобные войны и мятежи феодалов против центральной власти.

Укрепление центральной власти на местах позволило перейти к осуществлению военной реформы. Содержание армии ложилось тяжелым бременем на крестьянство. Не получавший жалованья эфиопский солдат требовал от земледельца кров и пищу, забирая порой у крестьянина все, что тот имел. Большинство людей нашей страны, что зовутся солдатами,— сетует Гэбрэ-Хыйуот Байкэдань,— ничего не делают, а только разгуливают по площади и едят хлеб, заработанный трудом несчастных крестьян» [87, с. 13].

Солдатские грабежи мирного населения стали привычными элементами жизни эфиопского общества.

В условиях голода и хозяйственной разрухи начала 90-х годов такой порядок вступил в противоречие с интересами государства. Не регламентированные поборы со стороны солдат до крайности усугубили бедственное положение крестьян и привели к тому, что армию нечем было кормить.

Выход из положения Менелик усмотрел в замене системы постоя введением налога на содержание армии. В октябре 1892 г. был издан императорский указ, согласно которому солдатам запрещалось размещаться в домах крестьян и требовать от них пропитания. Вместо этого крестьяне были обложены специальным налогом в размере $\frac{1}{10}$ урожая [81, т. 1, с. 325; 294, с. 172—173]. Этот налог получил название «асрат» (десятина).

Действие нового налога проявилось не сразу, но постепенно он привел к улучшению снабжения армии, поскольку в известной степени гарантировал государству получение определенного количества продовольствия, необходимого для содержания войска. В соответствии с указом императора во многих районах страны были созданы государственные зернохранилища. Так, во время итало-эфиопской войны 1895—1896 гг. императорская армия на первых порах получала продовольствие из зернохранилищ на территории Уолло.

Перевод армии, хотя и не полностью, на государственное содержание дал возможность не только поднять дисциплину в войсках, но и сделать шаг вперед по пути создания постоянной армии. Хотя в целом этот процесс получил свое завершение при Хайле Селассие I, в правление Менелика были сформированы постоянно действующие отряды воинов, дислоцированные в отдельных провинциях. В условиях осуществления административной [97] реформы император меньше опасался выступления воинских подразделений провинций против центральной власти. Кроме того, получавшие довольствие из государственных зернохранилищ солдаты уже в меньшей степени зависели от своего местного начальства.

Помимо военной стороны дела замена постоя десятиной в известной мере способствовала и улучшению экономического положения в стране. Если раньше страх земледельца лишиться последних припасов продовольствия служил тормозом к повышению производительности труда, то в новых условиях он получил стимул для расширения своего хозяйства. Эфиопский исследователь форм землевладения и землепользования Махтэмэ Сыллэсе Уольдэ Мэскэль в связи с этим отмечал, что «новая система удовлетворяла и солдат и крестьян, которые получили возможность жить и работать, не опасаясь больше за себя» [339, с. 295].

Впервые с времен аксумских царей была предпринята попытка проведения денежной реформы. Еще в 1888 г. Менелик, будучи ныгусом Шоа, поручил своему советнику швейцарцу Ильгу приобрести в Европе оборудование для чеканки монет. В новых условиях денежная реформа должна была распространиться на всю страну и способствовать укреплению центральной власти, государственного суверенитета и единства Эфиопии. Помимо этого собственная валюта была призвана сыграть важную роль в экономике страны, прежде всего в сфере торговли.

Первоначально предполагалось, что заботу о чеканке эфиопских монет возьмет на себя Италия. В соответствии со ст. 4 дополнительного соглашения к Уччиальскому договору от 1 октября 1889 г. предусматривалось, что император Эфиопии выпустит свои деньги, которые будут изготавливаться в Италии [67, с. 31].

В условиях обострения итало-эфиопских отношений (см. ниже) предусмотренный путь осуществления денежной реформы оказался невозможен. Заказ на выпуск новых денег был передан французскому монетному двору. Сама реформа последовала за денонсацией в начале 1893 г. Уччиальского договора. Согласно сведениям Гэбрэ Сыллэсе, Менелик избрал для денежной реформы момент, когда ему необходимо было показать европейским державам, что Эфиопия не считает себя протекторатом Италии и, как любое

независимое государство, обладает всеми необходимыми атрибутами суверенитета [81, т. 2, с. 402].

Началом денежной реформы стал императорский указ, который гласил: «С целью повысить престиж нашей страны, Эфиопии, и содействовать процветанию торговли я повелел изготовить новый талер... Для оплаты мелких товаров я также изготовил монеты достоинством в половину, четверть и восьмушку талера, равные половине, четверти и восьмушке старого талера (талера Марии-Терезии.— *Авт.*). В торговле принимайте новый талер наравне со старым. Того же, кто отказывается принимать [98] новый талер, схватите и приведите ко мне!» (цит по [213 с. 200]).

Новые эфиопские монеты появились впервые в 1894 г., однако количество их было крайне незначительным, около 200 тыс. талеров [315, с. 481]. Несмотря на неоднократные обращения Менелика к населению, ему не удалось добиться широкого внедрения новой денежной единицы. Подавляющее большинство населения страны настороженно относилось к ней и даже отказывалось принимать, предпочитая привычную монету — талер Марии-Терезии. Что же касается сельской глубинки, то здесь торговый обмен продолжал осуществляться на основе натуральных эквивалентов: соли, шкур животных и т. п. По словам М. де Коппе, европейцы, направлявшиеся во внутренние районы страны, вынуждены были брать с собой талеры Марии-Терезии, бруски соли, патроны и ткани [81, т. 2, с. 595].

Эта ситуация сохранялась в течение всего правления Менелика. На это, в частности, обращал внимание Гэбрэ Хыйуот Байкэдань в памфлете, относящемся по времени к последним годам этого императора: «...нынешние деньги нашего государства никуда не годятся. В них нет ни порядка, ни лада. В одной области деньгами служит соль, в другой — патроны. Поэтому, если государство не введет единый денежный порядок для всей Эфиопии, торговля не сможет процветать» [217, с. 138].

Таким образом, очередная попытка насаждения товарно-денежных отношений «сверху», волею монарха, потерпела фиаско. Значение денежной реформы в конкретных условиях середины 90-х годов XIX в. целесообразно рассматривать не в экономическом аспекте, а во внешнеполитическом, наряду с другими мероприятиями Менелика, направленными на объединение и упрочение независимости Эфиопии.

Важным моментом реформаторской деятельности Менелика было основание постоянной столицы эфиопского государства. С упадком в X в. Аксума роль центра страны в разное время принимали на себя Гондэр, Мэкэле, Анкобэр и др. Чаще же всего резиденциями эфиопских императоров служили огромные палаточные городки, которые и играли роль столицы страны. В этом наглядно проявлялась феодальная раздробленность Эфиопии, в ходе которой непрекращающиеся выступления феодалов вынуждали верховного правителя страны то и дело выступать в поход против мятежников.

Еще будучи ныгусом Шоа, Менелик решил основать столицу области в районе Энтото, где, по преданию, некогда находилась древняя столица императора Либнэ Дынгыля (1508—1540). Однако скорее всего в основе этого решения лежали не романтические, а практические соображения. По мнению М. де Коппе, выбор места объясняется тем, что из Энтото можно было легко достичь любого пункта в центральной части страны [81, т. 1, с. 163]. Тем не менее вскоре пришлось перевести столицу в другое место. По словам французского путешественника Мишеля, [99] «открытая ветрам, лишенная удобных подъездных путей и питьевой воды, гора Энтото представляла собой невозможное место для столицы» [102, с. 105]. Вскоре на склоне Энтото вблизи горячих источников было найдено другое место, где в 1882 г. началось строительство первых зданий постоянной столицы Эфиопии. По желанию жены Менелика Таиту ее назвали Аддис-Абебой (Новый цветок).

С 1889 г. после коронации Менелика новый город стал императорской резиденцией, средоточием всех процессов по централизации и модернизации эфиопской империи. Роль Аддис-Абебы в экономической жизни страны ярко обрисовал посетивший

ее в конце XIX в. английский путешественник: «На базар в Аддис-Абебу привозят зерно и специи с оз. Тана, хлопок с берегов Голубого Нила, золото из Бени-Шангуля, мускус из страны галла. Соль, привозимая издалека, из Тыграя, является заменой талера. Прекрасные шаммы, тяжелые свертки шерстяной материи, ювелирные изделия и оружие, седельное снаряжение и плуги — все можно найти здесь. Фактически именно здесь вы можете почувствовать коммерческий пульс Абиссинии, получить возможность ознакомиться с внутренним состоянием ее развития и увидеть, что она хочет от иностранца и что она может дать взамен» [104, с. 108].

Аддис-Абеба стала и тем местом, откуда Менелик осуществлял руководство процессом присоединения к империи новых областей. Если раньше он определялся логикой борьбы правителя Шоа за императорский трон, то в условиях усиления «схватки за Африку» между империалистическими державами политика территориального расширения эфиопского государства стала определяться в значительной степени желанием правящих, кругов страны обеспечить территориальную целостность и политический суверенитет Эфиопии.

10 апреля 1891 г. Менелик направил европейским державам письмо, в котором заявил о своем намерении восстановить Эфиопию в ее прежних границах. В этом письме определялись исконные с эфиопской точки зрения границы империи, которые образовывали как бы круг, начинающийся несколько южнее Массауа на севере, проходящий в районе Фашоды на западе, оз. Рудольф — на юге и Асэба — на востоке. «Я не собираюсь оставаться равнодушным наблюдателем, в то время как далекие державы появляются с идеей раздела Африки», — говорилось, в частности, в этом письме [18, ф. Политархив, д. 203, л. 51]. Письмо императора было дипломатической акцией, призванной оградить эфиопские земли от посягательств колонизаторов. Присоединение новых территорий предотвращало захват империалистическими державами и препятствовало превращению окраинных областей в плацдарм для последующего наступления на саму Эфиопию.

В основе территориального расширения Эфиопии в последние десятилетия прошлого века лежали потребности, имевшие [100] вневременной характер, которые вытекали из самой природы феодального государства. В частности, традиционная система содержания армии, когда земельные участки являлись основным видом пожалования за службу, на протяжении всей истории Эфиопии побуждала правителей страны стремиться к присоединению новых земельных площадей. «Экспансия в южном направлении, — отмечает английский историк Дж. Маркакис, — явилась огромным благодеянием для знати. Расширение границ государства, увеличивавшее возможности для получения должностей, значительно расширяло класс помещиков-землевладельцев и вело к росту их земельных владений» [345, с. 90].

В период между воцарением Менелика на эфиопский трон и началом итало-эфиопской войны 1895—1896 гг. в состав эфиопского государства вошли обширные районы к югу и юго-западу, включая Конту и Кулло (1889 г.), Огаден, Бале и Сидамо (1891 г.), Камбата (1893 г.), Уоламо (1894 г.).

С процессом территориального расширения Эфиопии неразрывно связано создание гэббарной системы в присоединенных областях, представляющей собой эфиопскую разновидность крепостничества. Суть этой системы заключалась в выделении для прокормления солдат и императорских чиновников земли вместе с проживающими на ней крестьянами. Губернатор получал в свое распоряжение до 1 тыс. гэббаров, а воин, в зависимости от заслуг, от 10 до 20 гэббаров.

Часть земельных площадей завоеванных районов, примерно треть, оставлялась в руках местной знати, остальная делилась между воинами и короной. «Целью этих мероприятий были, во-первых, феодализация земельных отношений, что приводило к превращению местных правителей в феодалов и надежную опору новой власти и к закреплению местного населения, а во-вторых, вознаграждение войска и снабжение его

более чем достаточными средствами к существованию на местах новой службы» [247, с. 38].

В результате распределения земель и крепостных в южных областях образовались три социальные группы: безземельное крестьянство (гэббары), мелкие землевладельцы (местная знать и солдаты-завоеватели) и феодальная аристократия. По словам эфиопского историка, «завоеванные области юга, юго-запада и юго-востока составили оплот эфиопского феодального землевладения» [329, с. 30].

На территории вновь присоединенных областей строились кетема, укрепленные военные городки, с гарнизонами, в задачу которых входил не только контроль над местным населением, но и создание оборонительного заслона.

В результате расширения границ Эфиопия включила в себя ряд неамхарских племен и народностей. Национальная политика в отношении этой части населения отражала интересы амхарских феодалов, стремившихся к расширению сферы феодальной эксплуатации нехристианского населения. [101]

Сущность административного, политического, социального и культурного вовлечения населения присоединенных областей в состав эфиопского государства обычно определяется как амхаризация. В действительности этот процесс носил «не столько этнический, сколько социальный характер, и шоанские воины (среди них были и амхара и оромо), расселенные по военным городкам и жившие за счет местного населения, проводили эту политику, защищая интересы не своих этнических групп, а господствующего класса феодальной Эфиопии» [247, с. 38].

В стремлении создать социальную опору среди местного населения центральные власти старались привить местной верхушке, в сотрудничестве с которой они были заинтересованы, собственную систему ценностной ориентации, главным элементом которой была христианская религия. При этом, хотя правящая верхушка страны и поощряла переход в христианскую веру, она отнюдь не стремилась форсировать этот процесс. В частности, новые власти вообще не вмешивались в религиозную практику мусульманской Джиммы, в соседней Лиму была сооружена лишь одна церковь для поселенцев амхара. В качестве примера можно привести и религиозную политику раса Мэконнына в Харэре [169, с. 396—397]. Такая предусмотрительность в отношении религиозных чувств мусульман была продиктована интересами эфиопского государства и сохранения его единства. В целом же, как отмечает эфиопский историк Таддэсэ Тамрат, «обращение покоренных народов предоставлялось естественному ходу событий. По мере укрепления контроля христиан жители завоеванных областей медленно и не всюду в равной степени вовлекались в орбиту новой религии» [398, с. 173].

Политика Менелика, направленная на «собрание» в единое целое эфиопских земель, с точки зрения государственных интересов имела прогрессивное значение для дальнейшего развития страны. В конце XIX в. Эфиопия представляла собой значительное по размерам и численности населения государство. В результате роста авторитета центральной власти резко сократилось число междоусобных войн и выступлений феодалов, что привело к определенной внутривнутриполитической стабильности. Реформы, предпринятые императором накануне войны с Италией, несмотря на свою незавершенность, во многом способствовали успеху в борьбе за сохранение независимости.

Уччиальский договор 1889 г.

В Италии с удовлетворением восприняли провозглашение Менелика императором Эфиопии. Поддержка, которую итальянская дипломатия оказывала ныгусу Шоа в борьбе за политическую гегемонию в Эфиопии, позволяла надеяться, что наступило время получать дивиденды от затраченных усилий.

2 мая 1889 г. в местечке Уччиали (Вучале) между Эфиопией [102] и Италией был подписан договор о дружбе и торговле, в котором было немало выгодных статей для Италии. Так, Менелик признавал за Римом всю захваченную на севере страны территорию, включая Асмэру. По выражению С. Рубенсона, эта статья представляла собой как бы «свидетельство о рождении» новой итальянской колонии в Африке [383, с. 11]. Однако граница между итальянскими владениями и Эфиопией не была точно определена, и это устраивало итальянцев, рассчитывающих со временем передвинуть ее дальше на юг.

Наибольшую известность Уччиальскому договору принесла ст. 17, неидентичность амхарского и итальянского текстов которой в конечном счете привела к войне. В амхарском тексте говорилось: «Его Величество император Эфиопии может пользоваться услугами правительства Его Величества короля Италии для переговоров по всем делам, которые у него могут быть с другими державами или правительствами» [383, с. 69]. В итальянском же тексте вместо слова «может» было сказано «соглашается», что в Риме трактовалось как «должен». Это обстоятельство было использовано итальянской дипломатией как основание для объявления протектората Италии над Эфиопией. Действуя в соответствии с собственной логикой, в октябре 1889 г. Италия оповестила другие европейские державы об установлении этого протектората.

1 октября 1889 г. в Неаполе была подписана дополнительная конвенция к договору, содержавшая ряд серьезных уступок Италии. Наиболее важной из них было установление границы между итальянскими владениями и Эфиопией «на основе фактически существующего положения», что развязывало Италии руки в определении границ ее владений. В свою очередь, Италия предоставляла Менелику заем в 4 млн. лир [52, т. 2, с. 456].

Невыгодный для Эфиопии характер дополнительной конвенции очевиден. Отношение к ней правящих кругов Эфиопии определялось прежде всего сложным внутривнутриполитическим положением страны: голодом и последовавшими за ним эпидемиями. Достаточно сказать, что к середине весны 1890 г. эфиопская армия потеряла примерно 15% своего состава — около 20 тыс. человек [81, т. 1, с. 291]. Кроме того, императорская казна нуждалась в средствах для закупки оружия.

Вполне естественно, что исходя из соответствующего положения конвенции итальянцы торопились максимально расширить свои владения, чтобы узаконить их потом «на основе фактически существующего положения». Об этом свидетельствуют, в частности, инструкции премьер-министра Италии Криспи: «Необходимо... чтобы Балдиссера (командующий итальянскими войсками.— *Авт.*) доводил до конца свое дело и... оккупировал пункты, которые стратегически и политически нам нужны» (цит. по [282, с. 382]).

В августе 1890 г. выявились расхождения между итальянским и амхарским текстами ст. 17 Уччиальского договора. В [103] Эфиопии об этом узнали из ответа королевы Виктории на одно из писем Менелика, в котором королева сообщала, что «мы передадим правительству нашего друга короля Италии копии письма Вашего Величества и наш ответ» [95, с. 405].

Последовавшие за этим шаги эфиопского императора с целью исправить допущенную итальянской стороной ошибку ни к чему не привели. 12 февраля 1893 г. Эфиопия денонсировала Уччиальский договор, о чем оповестила европейские державы.

По мере обострения итало-эфиопских отношений римская дипломатия обратилась к испытанному приему. В новых условиях на смену «шоанской политике» пришла «тыграйская политика», суть которой заключалась в поддержке Италией тыграйских феодалов в их борьбе с центральной властью. В инструкции правительства Рудини, сменившего в 1891 г. Криспи, администрации созданной в 1890 г. Эритреи предписывалось поддерживать дружеские отношения с вождями тыграйской оппозиции императору, дружба которых, по словам итальянского премьер-министра, была необходима для создания «буфера между нами и Шоа и установления постоянного

барьера между севером и югом Абиссинии, который необходим для безопасности Эритреи» [91, с. 17].

Заигрывания итальянцев с Мэнгэшой, несостоявшимся императором Эфиопии, который возглавил тыграйскую оппозицию, не прошли мимо внимания Менелика. Опираясь на поддержку духовенства и патриотически настроенных элементов тыграйской верхушки, он принудил Мэнгэшу явиться в июне 1894 г. в Аддис-Абебу с камнем на шее — традиционным знаком полного признания над собой власти императора (подробнее см. [246, с. 195—197]). Падение Тыграя, последней твердыни феодальной оппозиции, знаменовало собой значительную степень консолидации эфиопского государства накануне решающей схватки в борьбе с итальянским империализмом.

Военные действия с Италией (1894—1896)

Вслед за подписанием Уччиальского договора Италия приступила к расширению своих колониальных владений в Северо-Восточной Африке. 2 июня 1889 г. был захвачен Кэрэн, 3 августа — Асмэра, 1 августа — Гура, затем провинция Хамасен, Акэле-Гузай и Сэрае. 1 января 1890 г. все захваченные эфиопские территории были объединены в итальянскую колонию Эритрею.

В конце 1894 г. Италия, убедившись в тщетности своих усилий навязать Эфиопии протекторат дипломатическими средствами, пошла на прямую вооруженную интервенцию. Этому предшествовали действия итальянских агентов, направленные на подкуп отдельных влиятельных политических деятелей Эфиопии с целью ослабить позиции центральной власти. Используя [104] самые разнообразные методы и средства, итальянцы пытались воздействовать на правителей областей Мэнгэшу (Тыграй), Мэконнына (Харэр), Тэкле Хайманота (Годжам), Микаэля (Уолло) и некоторых других. В целом попытки итальянцев внести раскол в феодальную верхушку Эфиопии и восстановить часть ее против императора потерпели неудачу. В одних случаях они были парализованы своевременным вмешательством Менелика, в других — патриотически настроенными местными правителями (подробнее см. [246, с. 202—203]).

Начало военным действиям положило восстание населения в Акэле-Гузай, справедливо названное Беркли «началом национального сопротивления» [284, с. 62]. Подавив это выступление, итальянский 6-тысячный отряд к середине октября 1895 г. захватил эфиопские города Адди-Грат, Адуа, Аксум, Мэкэле и Амба-Алаге. Таким образом, в руках итальянцев оказалась вся область Тыграй.

Сравнительно легкий успех итальянской армии на первом этапе войны объяснялся тем, что в тот период ей противостояла лишь армия правителя Тыграя раса Мэнгэши. Выжидательная политика императора Менелика на этом этапе объяснялась двумя обстоятельствами: необходимостью получить время для сбора основных сил эфиопской армии и желанием ослабить тыграйскую армию, что достаточно хорошо вписывалось в контекст шоанско-тыграйского соперничества.

Еще в марте 1895 г., вслед за вторжением итальянцев в Тыграй, в Аддис-Абебе был создан совет крупнейших военачальников Эфиопии для выработки плана военных действий. Учитывая превосходство противника в артиллерии, было принято решение избегать прямых атак на вражеские укрепления, а использовать тактику блокады. Кроме того, было решено не вступать в открытый бой с итальянцами в тех случаях, когда перевес в вооружении будет на их стороне [218, с. 42].

В период межимпериалистического раздела Африки в последней четверти XIX в. значительно возросли закупки Эфиопией огнестрельного оружия. Согласно подсчетам С. Рубенсона, лишь за период 1885—1895 гг. в страну было ввезено около 189 тыс. единиц огнестрельного оружия [384, с. 22]. Накануне военных действий Менелик уделял проблеме вооружения эфиопской армии особое внимание. В конце января 1895 г. итальянский посол в Петербурге сообщил своему правительству, что из России в

Эфиопию послано 40 тыс. ружей и несколько легких пушек. «Из Джибути постоянно прибывают ружья и боеприпасы,— сообщал из Харэра английский агент Феррис,— отсюда они сразу же направляются в Аддис-Абебу» [368, с. 164].

Борьба с итальянскими колонизаторами приняла в Эфиопии форму народной войны. По всей стране шел сбор пожертвований, что позволило за короткий срок собрать около 2 млн. талеров. Число добровольцев значительно превосходило количество ружей, многих воинов приходилось зачислять в резерв. «Патриотизм [105] населения, — отмечал Елец, — достиг размеров, сделавших бы честь любой европейской нации» [88, с. 124].

Дислоцированная в Уолло вблизи оз. Каик эфиопская армия насчитывала 112 тыс. человек. Помимо собственно императорской армии в нее вошли вооруженные отряды правителей крупнейших областей страны. Это явилось лучшей иллюстрацией успеха Менелика в объединении и укреплении эфиопского государства.

Вступлению Эфиопии в войну предшествовало воззвание императора к населению страны, оглашенное 17 сентября 1895 г. «Пусть всякий, у кого есть силы,— говорилось в нем,— следует за мной, а те, кому силы изменили, пусть молятся за успех нашего оружия... Остаться дома никто не должен, ибо все обязаны выступить в поход в защиту отечества и домашнего очага» (цит. по [246, с. 206]).

Современные военные специалисты, оценивая действия итальянских войск в захваченном Тыграе, отметили ряд ошибок командования, одной из которых была большая рассредоточенность сил. Этим и воспользовалось руководство эфиопской армии, решив нанести удар по выдвинутой вперед части итальянских войск. В начале декабря 1895 г. 15-тысячный авангард эфиопского войска под командованием раса Мэконнына вышел к Амба-Алаге, где находился 2,5-тысячный отряд итальянцев при четырех орудиях. В сражении, происшедшем 7 декабря, итальянский отряд был почти полностью уничтожен.

Битва при Амба-Алаге оказала огромное психологическое воздействие на эфиопов. Одержанная победа развеяла представление о непобедимости итальянского оружия, в эфиопскую армию стали вливаться новые отряды воинов.

Комментируя исход этой битвы, русская газета «Биржевые ведомости» писала, что «крупное поражение, понесенное итальянскими войсками в Африке, может быть признано началом серьезной войны, которая может оказаться роковой для всей колониальной политики Италии» [112, 14.12.1895].

Следующую победу эфиопская армия праздновала 21 января 1896 г., когда после длительной осады был вынужден сдаться 1,5-тысячный гарнизон Мэкэле. По распоряжению императора итальянскому отряду было разрешено покинуть пределы крепости, не сдавая оружия. По мнению некоторых исследователей, в частности Батталли, Менелик рассчитывал, что его великодушие сможет побудить итальянское командование оставить территорию Тыграя и заключить мирное соглашение на взаимоприемлемых условиях [282, с. 678—690]. Следует отметить, что с момента начала военных действий Менелик неоднократно обращался к правительству Италии с предложением начать переговоры. Однако Рим стремился решить исход борьбы оружием, чтобы потом с позиции силы диктовать побежденной стороне свои условия. Вместе с тем становилось ясно, что достижение победы над Эфиопией потребует дополнительных усилий. В Асмэру [106] было срочно послано подкрепление: 14 батальонов по 600 человек в каждом, в результате чего численность колониальных войск достигла 17 тыс. человек.

Сосредоточив главные силы вблизи Адуа, главнокомандующий итальянской армией генерал Оресте Баратьери избрал тактику выжидания, предоставив эфиопам право перейти в наступление первыми, однако в планы Менелика не входило атаковать сильно укрепленные позиции. В результате обе стороны заняли выжидательную позицию, стремясь использовать паузу в собственных интересах.

Много позже Баратьери в своих мемуарах признался, что определенную ставку он делал на раскол в лагере Менелика, считая, что дадут себя знать старые распри. «Никто не

считал возможным, а для тех, кто знает Абиссинию, это до сих пор остается загадкой,— пишет он,— что такое огромное сосредоточение людей из различных отрядов, при наличии столь разноречивых феодальных настроений сможет сохранять единство» [91, с. 320]. Со своей стороны, эфиопы всячески старались дезинформировать противника, поставляя ему самые различные слухи. То лазутчики сообщали о болезни Менелика, то утверждали, что часть эфиопской армии, в частности годжамцы во главе с ныгусом Тэкле Хайманотом, взбунтовалась и отправилась домой (подробнее см. [246, с. 212]). Все это создавало у итальянского командования впечатление, что противник ослаблен и в случае внезапной атаки можно рассчитывать на успех.

Особо стоит остановиться на организации разведывательной службы у эфиопов. Менелик имел информацию о состоянии дел не только в Эритрее, но и в самой Италии. Он проявлял большой интерес, в частности, к дискуссиям в итальянском парламенте и через свою агентуру получал почти все протоколы заседаний [323, с. 7]. «Разведывательная служба у абиссинцев организована превосходно,— отмечал советник Менелика швейцарец А. Ильг,— стоит только появиться какой-нибудь статье в итальянской газете или брошюре, в которой говорится о положении дел в Абиссинии или необходимости подчинить последнюю итальянскому оружию, как она тотчас переводится на эфиопский язык и доводится до сведения императора» [112, 18.01.1896].

В то же время итальянское командование плохо представляло себе противника, а попытки использовать местных жителей в качестве разведчиков кончались неудачей. «Не имея карт и схем,— жаловался впоследствии участник итало-эфиопской войны капитан Менарини,— мы принимали решения, исходя из сведений, полученных от плохо организованной разведки, состоявшей из местных жителей, о которых мы почти ничего не знали и которые, по мнению большинства, являлись щедро оплачиваемыми нами эфиопскими шпионами» [286, с. 116]. [107]

Битва при Адуа

25 февраля генерал Баратьери получил от премьер-министра Италии Криспи телеграмму, в которой содержалось требование перейти к решительным действиям. «Это не война, а военная чехотка, — говорилось в телеграмме, — мелкие столкновения, в которых нам противостоят незначительные отряды противника... Мы готовы на любые жертвы, чтобы спасти честь армии и престиж монархии» (цит. по [88, с. 192—193]). 28 февраля итальянский главнокомандующий собрал военный совет, на котором обсуждался вопрос о наступлении. Давление Рима, дезинформация о силах противника и состоянии его боевого духа — все это побуждало к решительным действиям. По признанию генерала Дабормиды, «в Италии скорее предпочтут потерю двух или трех тысяч человек, нежели позорное отступление» [284, с. 258]. Характерно, что о возможности поражения никто из итальянского командования не думал. На следующий день был отдан приказ о выступлении экспедиционного корпуса тем же вечером на Адуа.

Баратьери планировал начать наступление ночью, двигаясь тремя колоннами, каждая из которых включала в себя одну бригаду, в то время как четвертая, резервная, должна была следовать позади. Итальянцы предполагали, что захват ряда высот вблизи эфиопских позиций вынудит противника либо отступить, либо принять бой.

Для эфиопской стороны выступление противника не было неожиданным, что дало возможность подготовиться к предстоящему сражению. По мнению европейских военных обозревателей, «абиссинская армия занимала прекрасную позицию, обеспечив себя от нападения с фронта и флангов, имея полную возможность выжидать и в любой момент перейти в наступление» [120, 18.02.1896].

Вследствие того что марш итальянского корпуса не был должным образом организован, почти сразу же стали возникать недоразумения. В результате неверно составленных схем местности маршруты колонн пересеклись, и они стали задерживать

друг друга. Диспозиции в приказе Баратьери были определены настолько неточно, что левая колонна под командованием генерала Альбертоне продвинулась на 6 км в сторону от намеченного пункта и потеряла всякую связь с другими бригадами. В результате того что к утру 1 марта все колонны оказались оторванными друг от друга, намечавшееся генеральное сражение превратилось в нескоординированные между собой бои, что было на руку эфиопской армии.

Утром по всему фронту завязался ожесточенный бой. Расстрелявшая еще ранее снаряды итальянская артиллерия оказалась бесполезной. Военной выучке и дисциплине итальянской армии эфиопы противопоставили стойкость и мужество. Первой начала отступление левая колонна итальянцев. Под давлением [108] эфиопских воинов отступление переросло в беспорядочное бегство, в ходе которого были захвачены в плен генерал Альбертоне и вся артиллерия бригады.

Против наступавшей в центре бригады генерала Аримонди, при которой находился и сам Баратьери, действовали главные силы эфиопской армии, включавшие императорское войско, Эфиопам удалось смять оба фланга итальянской бригады. Запоздалый приказ Баратьери о вводе в бой резерва под командованием генерала Эллены уже не мог ничего изменить.

Третья бригада под командованием генерала Дабормиды была атакована 30-тысячной армией раса Мэконнына и вскоре очутилась в окружении. Хотя итальянцам удалось прорвать кольцо эфиопских войск и расчистить путь к отступлению, почти весь численный состав бригады, включая и ее командира, был уничтожен. Генеральное сражение, таким образом, завершилось полным разгромом итальянского экспедиционного корпуса.

Битва при Адуа явилась катастрофой для итальянской армии. По подсчетам эфиопской стороны, в этом сражении противник потерял 11 тыс. человек убитыми, среди них 2 генерала и 250 офицеров, около 3,6 тыс. человек было взято в плен [218, с. 110]. В качестве трофеев были захвачены большое количество современных винтовок и вся артиллерия.

Сами итальянцы определили свои потери несколько скромнее: 6,1 тыс. убитых и 3 тыс. пленных. Однако, «будь потери и не столь значительными, поражение было бы все равно полным, поскольку армия Баратьери перестала существовать как боевое соединение» [284, с. 345—346].

Что касается эфиопской армии, то здесь потери были не меньшими: 6 тыс. убитыми и 10 тыс. ранеными. Военные специалисты объясняют это наступательным характером действий эфиопов и большой плотностью их боевых порядков при наступлении [218, с. 110].

Что же предопределило исход битвы при Адуа? Некоторые западные авторы, в первую очередь итальянские, объясняют это неудачной тактикой и просчетами генерала Баратьери. При этом совершенно не принимается во внимание героизм и самоотверженность эфиопской армии, умелое руководство эфиопских военачальников. Победа эфиопской армии в генеральном сражении явилась, как показал весь ход войны, ее закономерным итогом.

Битва при Адуа предопределила исход войны, однако итальянцы продолжали удерживать часть Тыграя, укрепившись в Адди-Угри, Адди-Кэйих, Адди-Грате и других населенных пунктах. Сменивший Баратьери на посту главнокомандующего генерал Балдиссера обратил главные усилия на удержание обороны по линии Гура — Сэгэнэйти — Халай.

Развивая успех, эфиопская армия продвигалась на север. Казалось, что вскоре военные действия развернутся на территории Эритреи. Однако 20 марта императорская армия неожиданно [109] повернула на юг, оставив вблизи итальянских владений лишь, тыграйское войско.

Почему же Менелик отказался от мысли освободить территорию всей Эфиопии от колониальных захватчиков? Ведь конкретная обстановка как никогда благоприятствовала решению этой задачи: итальянская армия была разбита, гарнизоны Асмэ-ры и Массауа были охвачены паникой. Анализ развития событий этого периода позволяет выделить несколько причин столь, казалось бы, нелогичного шага. Одной из них была нехватка продовольствия, к моменту битвы при Адуа продовольственные ресурсы севера страны были исчерпаны. Кроме того, эфиопская армия была утомлена непривычно продолжительной по времени военной кампанией.

Оставляя итальянцам северную часть страны, Менелик преследовал также определенные политические цели. Правитель Тыграя Мэнгэша по-прежнему оставался наиболее серьезным противником центральной власти, и включение в состав империи Эритреи с ее тыграйским населением усиливало бы его позиции. Итальянская колонизация Эритреи означала для Менелика значительное ослабление раса Мэнгэши.

Получив подкрепление, итальянцы во второй половине апреля начали наступление в помощь осажденному Адди-Грату. Хотя армия Тыграя, не принимая боя, отступила, Балдиссера приказал эвакуировать гарнизон города, поскольку сохранение этой крепости требовало слишком много сил.

Выводом аддигратского гарнизона завершилась итало-эфиопская война, как распевали бродячие певцы — азмари, «итальянское зерно, посеянное в Тыграе, Менелик собрал и накормил им птиц» [347, с. 234]. Безусловно, в победе эфиопского оружия в этой войне большую роль сыграли полководческие способности императора, его внутривластные шаги, направленные на сплочение государства, умение использовать в интересах страны межимпериалистические противоречия. Однако главная роль в разгроме итальянских колонизаторов принадлежит народу Эфиопии, объединенному высокой идеей защиты родины.

26 октября 1896 г. в Аддис-Абебе был подписан мирный договор, согласно которому Италия была вынуждена признать, полную независимость Эфиопии. [110]

Глава 5

ЭФИОПИЯ В КОНЦЕ XIX— НАЧАЛЕ XX в.

Успешный исход итало-эфиопской войны устранил на время угрозу внешней опасности для Эфиопии, укрепил ее позиции на международной арене, вынудил европейские державы искать новую основу в выработке принципов двусторонних отношений.

Сообщение о победе Эфиопии было по-разному воспринято в столицах европейских государств, проводивших активную политику по отношению к этой африканской стране. В результате политического кризиса в Италии правительство Криспи вынуждено было уйти в отставку. Не скрывала своего разочарования английская дипломатия, которая опасалась усиления своего главного соперника — Франции. Что же касается Франции, то она имела все основания считать, что с ослаблением Италии перед ней открылись благоприятные возможности для дальнейшего укрепления в Эфиопии (подробнее см. [246, с. 222—224]).

Говоря о характере русско-эфиопских отношений, следует подчеркнуть, что как во время войны, так и до нее позиция России способствовала укреплению эфиопского государства. При этом моральная поддержка Эфиопии со стороны России — в прессе и по дипломатическим каналам — сочеталась с оказанием военной помощи. Так, в начале 1896 г. Эфиопии было передано 30 тыс. берданок, 5 млн. патронов и 5 тыс. сабель [19, ф. 400, д. 135, л. 7].

По частной инициативе в России развернулся сбор средств для оказания помощи раненым эфиопам. Направленный в Эфиопию отряд российского Красного Креста в период своего пребывания в стране оказал медицинскую помощь десяткам тысяч

эфиопских пациентов. Укрепление русско-эфиопских связей в конце XIX в. привело к установлению в 1898 г. дипломатических отношений между обеими странами на уровне миссий.

Благоприятная обстановка, создавшаяся в результате победы в итало-эфиопской войне, была использована правящими кругами Эфиопии для реализации планов по дальнейшему укреплению эфиопской государственности. Одним из главных направлений эфиопской государственной политики в этот период было расширение территории страны в южном, юго-западном и юго-восточном направлениях. [111]

Территориальное расширение страны

К концу XIX в. Эфиопия оказалась окруженной колониальными владениями империалистических держав. Однако на окраинах страны, на границах с колониями продолжали сохранять свою независимость «ничейные» области. Туда и были направлены императорские войска.

В 1896 г., уже после окончания войны, была предпринята попытка присоединить граничившую с Кенией область Борану. Однако лишь со второй попытки, в июле 1897 г. армия фитаурари Хабтэ Гийоргиса сумела подавить сопротивление местного населения и установить контроль над областью.

С еще большими трудностями было сопряжено завоевание Кэфы, достаточно сильного государства, расположенного в бассейне рек Аббай и Омо. Возникшее в конце XIII в. кэфское государство по мере своего укрепления распространило контроль над такими государственными образованиями, как Джимма, Энарея, Кулло и ряд других. Шесть предыдущих попыток войск Менелика, тогда еще ныгуса Шоа, покорить Кэфу закончились безрезультатно.

В 1896 г. Кэфа бала атакована сразу с трех сторон. Относительно быстрый захват столицы государства, Андрачи, еще не означал успеха всей кампании. Тактика партизанской войны, применяемая кэфскими воинами, сковывала дальнейшее продвижение эфиопской армии.

Военные действия на территории Кэфы достаточно подробно описываются А. К. Булатовичем, побывавшим на месте сражений спустя несколько месяцев. «Разорение страны,— писал русский офицер,— далеко не вело еще к покорению ее: пока король был жив и на свободе, дело Каффы не могло считаться уже проигранным... Уже много раз абиссинцы разоряли Каффу, но в конце концов почти всегда победители отступали... По уходе же неприятеля скрывавшийся король снова появлялся в столице, из дебрей и пещер выходили женщины и дети, пригонялся вновь скот, приносились благодарственные жертвы, отстраивались сожженные дома — и... Каффа заживала по-старому!» [85, с. 210].

Сопротивление местного населения прекратилось в середине сентября 1897 г. лишь после пленения каффичо Тченито, царя Кэфы.

В конечном счете Кэфу постигла судьба других присоединенных к Эфиопии областей, население которых оказало императорской армии упорное сопротивление. Вся завоеванная территория была отдана под управление завоевавшему ее военачальнику, а население превращено в крепостных гэббаров.

Вовлечение в состав эфиопского государства Кэфы открывало возможности дальнейшего продвижения в южном и западном направлениях. Осенью 1897 г. в Аддис-Абебе были разработаны планы очередных военных походов. Как отмечал А. К. Булатович, [112] планировались три главные экспедиции: «1) Рас Маконен, генерал-губернатор Харара и Сомалийских земель, во главе 30-тысячного отряда должен был двинуться на запад и завоевать богатую золотом область Бени-Шангуль и затем достигнуть, если представится возможность, берегов Нила; 2) Дадьязмач Тэсэмма, генерал-губернатор крайних юго-западных областей Абиссинии, с 8-тысячным отрядом получил предписание овладеть нижним течением р. Собата и верхним течением Нила; 3) Рас

Вальде Георгис, генерал-губернатор Каффы и южных областей Абиссинии, должен был из Каффы идти на юго-юго-запад, присоединить все свободные, находящиеся в этом направлении земли, утвердиться на оз. Рудольфа. Крайним пределом для его завоеваний было 2° с. ш. и истоки Нила из оз. Альберта» [85, с. 178].

Две из этих экспедиций были подробно описаны русскими офицерами, сопровождавшими эфиопские войска. Поручик Булатович был прикомандирован по личной просьбе к армии Уольдэ-Гийоргиса, а полковник Аратамонов к отряду Тэсэммы [83; 85]. Подводя итоги своего пребывания в военной кампании, А. К. Булатович отмечал: «В течение лишь четырех месяцев корпус этот присоединил к Абиссинии площадь с лишком 40 тыс. квадратных верст. Во вновь захваченных землях расположены гарнизоны, и эти области должны считаться теперь окончательно потерянными для всякой другой державы, которая, может быть, имела на них притязания» [85, с. 339—340].

Не меньший успех сопутствовал и экспедициям раса Мэконнына в Бени-Шангуль и дэджазмача Тэсэммы к Белому Нилу. Последняя из них осуществлялась как совместное франко-эфиопское предприятие, направленное на установление контроля каждой из сторон на земли по берегам Нила. И если эфиопский отряд полностью выполнил поставленную перед ним задачу, то французский отряд капитана Маршана постигла неудача. Достигнув Фашоды много позже установленного для встречи с эфиопским отрядом срока, он был вынужден оставить этот район Африки вследствие активных действий Великобритании (подробнее см. [246, с. 98—101]).

Фактически поход эфиопского отряда к Белому Нилу явился последней экспедицией Эфиопии, направленной на расширение территории страны. Его продолжение неизбежно привело бы к вооруженной конфронтации с одной из трех западноевропейских держав, колониальные владения которых плотным кольцом окружали Эфиопию.

Таким образом, период территориального расширения Эфиопии, начавшейся в середине 60-х годов XIX в., завершился. За последующие три десятилетия площадь страны практически утроилась, достигнув (если не считать Эритреи) ее нынешних размеров.

Процесс объединения в рамках единой империи многочисленных областей являлся одной из самых характерных черт исторического [113] развития Эфиопии во второй половине XIX в. Можно по-разному оценивать формы и методы государственной политики в ходе этого процесса. Однако совершенно очевидно, что с точки зрения государственных интересов создание объединенной Эфиопии в конце прошлого века наряду с укреплением центральной власти явилось важным фактором сохранения страной своей политической независимости. В условиях империалистического раздела Африки населявшим ее народам была уготована одна участь — колониальное порабощение. Исключение составила лишь Эфиопия, независимость которой обусловила и независимое развитие включенных в ее этнический состав различных этносов.

Вместе с тем, анализируя социальные и экономические последствия для населения территориального расширения присоединенных областей, следует отметить, что в качестве подданных эфиопской короны оно попало под двойной гнет: своей традиционной знати и завоевателей. Закабаление этих народов и превращение их в гэббаров вело к обогащению феодально-христианской верхушки страны и укреплению феодальной системы в целом.

Политика европейских держав и установление государственных границ

Усиление эфиопского государства в результате победы над итальянским колониализмом обусловило его более твердую позицию в отношениях с европейскими

державами. По словам английского дипломата Р. Родда, эфиопы «превратились в силу, с которой необходимо считаться» (цит. по [354, с. 25]).

Конец XIX — начало XX в. явились свидетелями оживления европейской дипломатии в Эфиопии. Одна за другой в страну прибывали европейские миссии с целью установления дипломатических отношений и обеспечения собственных интересов в Эфиопии.

В 1897 г. в Аддис-Абебу прибыла английская миссия, перед которой стояло три задачи: получение от Менелика обещания не помогать махдистам, определение судано-эфиопской границы и заключение торгового соглашения [343, с. 182]. Сообщая о проезде английской миссии через Каир, посол России в Египте подчеркивал, что «Абиссиния, объединенная Менеликом, может явиться весьма важным фактором при разрешении суданского вопроса» [18, ф. Политархив, д. 139, л. 2].

В 1903 г. в Эфиопию прибыла германская миссия с целью установления дипломатических отношений между обеими странами. Заключенный несколько позже германо-эфиопский торговый договор предоставлял немцам такие же привилегии, которые до этого получали английские, французские и итальянские торговые компании. [114]

В том же году Аддис-Абеба встречала дипломатическую миссию США. В отличие от западноевропейских стран США преследовали главным образом экономические интересы, рассматривая Эфиопию как обширный рынок сбыта своих товаров. В результате эфиопо-американских переговоров в декабре 1903 г. был подписан торговый договор и открыто американское консульство.

Аналогичные соглашения были подписаны в 1905 г. с Австро-Венгрией и в 1906 г. — с Бельгией. Правящие круги Эфиопии особенно охотно шли на завязывание отношений со странами, не имевшими колоний в непосредственной близости от Эфиопии и, следовательно, представляющими меньшую угрозу территориальной целостности страны.

Одной из самых насущных задач, стоявших перед Эфиопией в конце XIX в., было установление государственных границ.

Достаточно быстро была согласована пограничная линия между Эфиопией и владениями Франции на Африканском Роге. Желая заручиться согласием императора на посылку военной экспедиции к берегам Белого Нила, французский представитель Л. Лагард на переговорах в марте 1897 г. с готовностью пошел на предложенные эфиопской стороной условия. Поскольку Франции было важно сохранять контроль над портом Джибути, то договоренность была достигнута без особого труда [52, т. 2, с. 421]. Кроме того, Эфиопия получила право пользоваться портом для внешней торговли, прежде всего для ввоза в страну огнестрельного оружия. На этих же переговорах была достигнута договоренность о строительстве железнодорожной линии от Джибути в глубь Эфиопии.

Больше сложностей возникло в ходе переговоров по установлению границ между Эфиопией и английскими колониальными владениями. Значительное беспокойство Лондона вызывало улучшение махдистско-эфиопских отношений, а также опасение, что Эфиопия в своих интересах перекроет плотиной верховье Нила, что могло угрожать гидроснабжению Судана. Оценивая позицию Менелика по вопросу установления границ в целом, следует подчеркнуть, что он относится к нему как к одной из самых насущных задач. Поэтому, оставаясь твердым во всем, что касалось территориальных вопросов, он с относительной легкостью шел на уступки в вопросах, которые считал второстепенными. Менелик без колебаний принял условия англичан в отношении махдистского Судана и заверил, что не предпримет никаких шагов, направленных на строительство плотины в верховьях Нила. В результате 14 мая 1897 г. было подписано соглашение о линии границ между Эфиопией и Сомалилендом, а 2 мая 1902 г. — между Эфиопией и Суданом [343, с. 190].

Из трех европейских держав, вступивших с Эфиопией в переговоры об определении линии границ, потерпевшая поражение в войне Италия оказалась в самом невыгодном положении. В ее интересах было как можно дольше затягивать решение этого

[115] вопроса в надежде на укрепление своих позиций в будущем. Однако энергичные действия Менелика привели к тому, что в ходе нескольких переговоров, первые из которых относятся к июню 1897 г., а последние к маю 1908 г., был согласован вопрос об установлении пограничной линии между Эфиопской империей и Итальянским Сомали. Северная часть границы должна была следовать «по линии, принятой итальянским правительством в 1897 г.», но это не решало проблемы, поскольку эта линия не была четко зафиксирована. В результате пограничная линия была установлена «чисто теоретически, и в эфиопо-сомалийских пограничных районах ее можно было определить только приблизительно, так как в этом районе не было ни рек, ни поселков, по которым можно было бы ориентироваться и которые дали бы возможность точнее нанести границы на карте» [169, с. 383].

С установлением государственных границ территория Эфиопии получила достаточно четкие очертания, что означало конец притязаниям европейских империалистических держав на ее пределы. По мере укрепления независимости эфиопского государства соперничество западных держав переместилось в основном в экономическую сферу.

Наибольший успех в экономическом проникновении в Эфиопию сопутствовал Франции, умело использовавшей свою поддержку этой стране в период итало-эфиопской войны. «С того момента, как Менелик поссорился с итальянцами и увидел, что от них нельзя больше ничего получить,— отмечал апологет британского колониализма А. Уилд,— он начал свою великую дружбу с французами, которые, не теряя времени даром, приняв индифферентную позу, сделали все возможное, чтобы стать его советниками» [109, с. 57—80]. Франция оказывала влияние на императора Эфиопии через своих политических агентов и торговцев, ученых и врачей. Через руки французских коммерсантов шла наиболее ценная часть эфиопского экспорта, кофе и слоновая кость. Французские предприниматели получали самые выгодные концессии, важнейшей из которых была концессия на строительство железной дороги от Джибути до Харэра и дальше в глубь страны.

Укрепление экономических позиций Франции не могло не беспокоить ее основных империалистических соперников — Англию и Италию. Английская дипломатия, в частности, делала все, чтобы помешать строительству железной дороги, поскольку, как заявил посол Великобритании в Эфиопии Харрингтон, дорога «отдала все будущее экономическое развитие Эфиопии в руки французов» (цит. по [364, с. 202]). Подобные опасения высказывались и прежде.

В феврале 1902 г. правление железной дороги и правительство Франции подписали соглашение, в соответствии с которым контроль за строительством должен был осуществляться из Парижа. Все важнейшие решения, связанные со строительством, **[116]** должны были получать одобрение французских министерств — колоний, финансов и иностранных дел.

Таким образом, из частного предприятия компания превратилась в собственность Франции, действующую на территории Эфиопии, но без всякого контроля со стороны эфиопов.

Противовес экономическому усилению Франции Менелик решил искать в Великобритании. В том же, 1902 г. было подписано англо-эфиопское соглашение о предоставлении английской компании права на строительство железной дороги между Угандой и Суданом через территорию Эфиопии. Кроме того, император пошел на значительные уступки Великобритании, отказавшись от своих претензий на область, расположенную по правой стороне верхнего течения Нила, т. е. на те земли, которые были включены в состав эфиопской империи в результате экспедиции Тэсэммы.

В целом начало XX в. было отмечено усилением соперничества между империалистическими державами в экономике Эфиопии. Вместе с тем Англия, Франция и

Италия готовы были объединить свои интересы в борьбе с усилением в Эфиопии позиций других западноевропейских держав, в частности Германии.

Действительно, после подписания в 1905 г. германо-эфиопского договора о дружбе и торговле влияние Германии в стране неуклонно возрастало. «Германия приходит с удивительно планомерной политической программой и утверждается здесь и как торговая держава, и как защитница африканской империи,— отмечал Кохановский.— Постепенно она завоевывает место на рынке Абиссинии. Появляются немцы-купцы, немцы-приказчики, концессионеры, служащие на абиссинской службе лица... И сейчас самый ортодоксальный абиссинец упоминает в разговоре Германию рядом с Россией, прибавляя сюда Соединенные Штаты. Эта группировка является относительно Абиссинии единственной, так как упомянутые державы не могут иметь в Абиссинии территориальных интересов» [89, с. 31—32].

Угроза политическому и экономическому влиянию в стране Англии, Франции и Италии со стороны новых соперников в значительной степени обусловила заключение между ними в декабре 1906 г. трехстороннего соглашения, которое отражало планы империалистических держав в отношении Эфиопии и определяло позиции каждой из них.

Для политического будущего Эфиопии важнейшей из статей Лондонского соглашения была 1-я, в которой говорилось, что «Франция, Великобритания и Италия будут сотрудничать друг с другом в деле сохранения в Эфиопии политического и территориального статус-кво» [52, т. 2, с. 43]. Это соглашение подкреплялось обязательством договаривающихся сторон «воздерживаться от всякого вмешательства в дела страны». В других статьях определялась зона экономических интересов каждой из держав: Англии в бассейне Нила, Италии — в районе Эритреи и [117] Сомали, Франции — относительно Французского Сомали и района, по которому будет пролегать железная дорога» [52, т. 2, с. 436—444].

Это, колониальное, по своей сути, соглашение, заключенное за спиной Эфиопии, тем не менее содержало для последней и некоторые положительные моменты. Лондонское соглашение в определенной степени связывало руки каждой из подписавших его держав, обеспечивая в Эфиопии статус-кво, т. е. существование ее как политически независимого государства. Как справедливо отмечают польские историки, «независимо от того, каковы были стремления стран — участниц Лондонского договора, его заключение формально гарантировало независимость Эфиопии» [169, с. 391].

Скорее всего опытный политик Менелик видел и положительные и отрицательные стороны этого соглашения. Отсюда и весьма сдержанная реакция: «Мною получена конвенция трех держав. Благодарю за сделанное мне сообщение о желании укреплять и поддерживать независимость нашего государства. Но настоящая конвенция и соглашения, заключенные некоторыми из них (подписавших конвенцию держав.— *Авт.*), относятся к компетенции нашей суверенной власти. Да будет вам известно, что они никоим образом не могут связывать наши решения» [33, с. 138].

В значительной степени Лондонское соглашение 1906 г. было направлено и против России. Прибытие в начале 1898 г. в Аддис-Абебу русской дипломатической миссии во главе с П. М. Власовым положило начало официальным отношениям между двумя странами.

За последние годы в советской исторической литературе появился ряд исследований, посвященных анализу характера русско-эфиопских отношений в конце XIX — начале XX в. Прежде всего к ним можно отнести монографию И. И. Васина [172], содержательные работы Ю. М. Кобищанова и А. А. Ханова [203; 242]. На основании широкого круга архивных материалов: эти авторы убедительно показали ту положительную роль, которую Россия сыграла в укреплении политической независимости Эфиопии.

Успешное, по крайней мере на первом этапе, развитие русско-эфиопских отношений объяснялось главным образом тем, что Россия не участвовала в

колониальном разделе Африки и, следовательно, не представляла никакой угрозы для Эфиопии. Соперница Англии и Италии в европейских делах, Россия объективно становилась в Эфиопии политическим противовесом империалистическим планам этих держав. Перед русской миссией ставилась задача «снискать доверие Негуса и по возможности охранять его от козней наших политических соперников, в особенности англичан, преследующих в Африке столь честолюбивые, хищнические цели» [242, с. 63].

Отсутствие ярко выраженных политических и экономических [118] интересов в Эфиопии позволило России занять место благожелательного советчика при эфиопском императоре. Русские офицеры своим участием в военных экспедициях эфиопских войск внесли немалый вклад в дело укрепления территориальной целостности Эфиопии.

Однако незаинтересованность русского правительства в африканских делах, определившая Эфиопии место на периферии политических интересов России, обусловила неактивный и относительно вялый характер русского присутствия в этой стране. Из всех европейских держав Россия, имея на это, может быть, больше оснований, чем кто-либо еще, не заключила с Эфиопией договора, который обеспечивал бы ей режим наибольшего благоприятствования. А. А. Ханов объясняет отсутствие у МИД России четкой линии в отношении Эфиопии финансово-экономической неконкурентностью России по сравнению с ее основными соперниками и необходимостью сосредоточивать усилия на районах жизненно важных интересов России в тот период — в Европе, на Дальнем и Ближнем Востоке. «Возможности и потребности русской дипломатии сотрудничать с Эфиопией для ведения совместной борьбы с Англией,— отмечает он,— существенно сократились после поражения России в русско-японской войне 1904—1905 гг. и окончательно свелись к нулю после вступления России в Антанту в 1907 г.» [242, с. 68].

Русским дипломатам пришлось работать в Эфиопии в достаточно сложных условиях, в обстановке нараставшего противодействия западноевропейской дипломатии, не желавшей укрепления позиций России в этой стране. Интриги западноевропейских дипломатических представителей вкупе с усиливавшейся прогерманской ориентацией влиятельной части эфиопского двора привели к тому, что постепенно официальные русско-эфиопские связи сошли на нет. «В течение ряда лет единственным успешным мероприятием в отношениях между странами была деятельность русского госпиталя. Однако в 1906 г. и русский госпиталь прекратил свою работу, а его персонал был отозван в Россию» [242, с. 69].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что действия России в Эфиопии в исследуемый период, ее бескорыстная дипломатическая и материальная поддержка явились важным фактором укрепления положения этой страны. По меткому замечанию советского исследователя, «специфическое положение России на Африканском континенте на рубеже XIX—XX вв. ...позволило выступать правящим кругам царской России в Эфиопии, как и на Балканах, в мало свойственной ей в общем-то роли — в качестве сторонника борьбы за свободу и независимость» [242, с. 69]. [119]

Внутренняя политика. Модернизация страны

Победа над итальянским колониализмом в значительной степени была достигнута благодаря успеху центральной власти в деле объединения страны. Вместе с тем тлеющие очаги феодального сепаратизма порой превращались в огромные пожары, угрожавшие достигнутому единству. В 1898 г. против верховной власти выступили феодалы Тыграя, недовольные тем обстоятельством, что по договору 1896 г. часть их владений за линией рек Мэрэб—Бэлеса—Муна осталась под контролем Италии.

Мятеж тыграйцев был прежде всего на руку западноевропейским колониальным державам, не заинтересованным в существовании единой и сильной Эфиопии. Разжигание феодальных междоусобиц оставалось одним из главных средств западной дипломатии в

этой части Африканского континента. Италия быстро откликнулась на ситуацию в Тыграе, поддерживая Мэнгэшу оружием и деньгами.

Быстрота, с которой императорской армии удалось справиться с мятежными феодалами, лишней раз свидетельствовала о крепости центральной власти. Бесперспективность выступления против Аддис-Абебы хорошо представляли себе остальные правители страны, в частности ныгус Годжама Тэкле Хайманот, отказавшийся от предложения Мэнгэши о совместном выступлении против Менелика. В середине февраля 1899 г. тыграйская армия прекратила сопротивление, а ее командующий, правитель Тыграя рас Мэнгэша — в который уже раз — явился в распоряжение императора с камнем на шее в знак полного подчинения.

Укрепление внутривластного положения страны и ликвидация на время угрозы внешней опасности позволили Менелику целенаправленно осуществить ряд мер по укреплению эфиопской государственности.

В области экономики большое внимание правящие круги страны уделяли созданию благоприятных условий для торговли. Ее развитию способствовал интерес к коммерческим операциям: со стороны самого императора, поощрявшего любого предпринимателя, готового внести вклад в экономическое развитие страны. «Чтобы поддержать и развить торговлю,— отмечал Кохановский,— Менелик ссужает охотно бедных европейцев деньгами. По примеру императора знатные абиссинцы тоже раздают ссуды индусам, грекам, армянам, получая прибыль в торговых предприятиях до 24% с капитала» [89, с. 14]. Вследствие слабости национальной торговой общины Менелик в большинстве случаев сам выступал в роли посредника в торговых операциях с европейцами, получая доход со многих торговых сделок.

Важное значение для будущего развития страны имели изменения в земельных отношениях. С характером императорской политики в области межнациональных отношений связан ряд указов, относящихся к 1903—1904 гг., в соответствии с которыми **[120]** восстанавливались права оромо на земли, экспроприированные у них в период территориальной экспансии Шоа. Побудительным мотивом этого шага была отнюдь не скорбь императора «видеть молодежь галла, лишённую земель их отцов», как об этом пишет Гэбрэ Сылласе [81, т. 1, с. 359]. В условиях создания многонационального государства эфиопский монарх стремился расширить национальную основу своей власти, ассимилируя в состав феодальной верхушки иноэтническую знать и сплачивая вокруг трона всех феодалов страны.

Если возвращение оромо некогда принадлежавших им земель не выходило за рамки традиционной практики, отражая лишь государственную мудрость императора Менелика в вопросах внутренней политики, то «Декрет о купле и продаже земли» от 1907 г. означал радикальные перемены в традиционной системе землевладения. В соответствии с этим декретом отдельные лица, в первую очередь светские и духовные феодалы, получали право владеть, покупать и продавать земельные участки в пределах Аддис-Абебы. Таким образом, впервые в истории Эфиопии земля переставала быть священной собственностью эфиопского монарха, а становилась предметом купли-продажи, что привело к сосредоточению огромных земельных площадей в частных руках. Инициатором проведения этой реформы была прежде всего тесно связанная с императорским тронем феодальная верхушка, опасавшаяся ущемления своего положения после смерти Менелика [329, с. 30]. По мнению эфиопского историка Ляписо Дилебо, «декрет Менелика о купле и продаже земли отражал возросшую политическую силу шоанских феодалов, которые объединились для защиты своих классовых и местных интересов...» [329, с. 31].

В известной степени с неопределенностью путей развития страны после ухода с политической арены императора Менелика, здоровье которого постоянно ухудшалось после перенесенного в 1906 г. апоплексического удара, связаны изменения в традиционной системе государственного управления. 25 октября 1907 г. был обнародован декрет о создании впервые в истории Эфиопии кабинета министров, в состав которого

вошли девять министерских постов: юстиции, обороны, внутренних дел, торговли и иностранных дел, финансов, сельского хозяйства, общественных работ, управления дворцовыми делами, канцелярии императора. Хотя, по словам Гэбрэ Сылласе, в основе этого шага лежало желание императора «ввести в Эфиопии европейскую систему управления» [81, т. 2, с. 527], и это в значительной степени согласуется с осуществлявшимся в стране процессом модернизации, не менее важной причиной было желание шоанской правящей верхушки обезопасить свое привилегированное положение в стране, обеспечив через кабинет министров преемственность государственной власти. Не случайно, что среди назначенных императором министров не было ни одного нешоанца. [121]

Продолжавшаяся на протяжении многих десятилетий борьба за политическую гегемонию в стране завершилась с воцарением Менелика на императорский престол победой Шоа. С тех пор государственная политика эфиопского государства проводилась неизменно в интересах шоанских феодалов, составивших своеобразную элиту класса феодалов страны в целом. Ощувившие при Менелике вкус власти шоанские феодалы проводили государственную политику, направленную на закрепление своего господствующего положения в настоящем и будущем. Своеобразное отражение этой ситуации можно найти у Гэбрэ Хыйуот Байкэдяня. «С давних времен и по сей день,— сетует он,— для шоанцев тыграец или годжамец и плохой человек — одно и то же. Они были бы не прочь править ими так, как того достоин плохой народ — держа их в рабстве... Действительно, до сих пор все важные должности при дворе, особенно же министерские посты, находятся исключительно в руках шоанцев» [87, с. 11].

В июле 1908 г. в совете министров был создан пост премьер-министра, который занял военный министр фитаурари Хабтэ-Гийоргис. Заботой о сохранении в стране внутривнутриполитической стабильности было продиктовано решение создать регентский совет, предназначенный для оказания помощи преемнику Менелика в управлении государством и сохранении прежнего внутри- и внешнеполитического курса страны.

Наряду с введением реформы государственного управления были осуществлены изменения в системе судопроизводства. По-указу императора территория всей страны была разделена на шесть районов, в каждом из которых закон представляли 12 судей. Они не подчинялись местным правителям. Введение новой судебной системы означало шаг вперед в централизации судебных органов Эфиопии, поскольку лишало местную администрацию части традиционных прерогатив [81, т. 2, с. 531].

Все упомянутые новшества явились составной частью процесса модернизации Эфиопии, начало которого относится к первым годам XX в. Правящая верхушка страны хорошо осознавала, что усиление эфиопского государства в условиях сохранявшейся угрозы со стороны империалистических держав в значительной степени зависело от способности как можно скорее воспринять и реализовать достижение европейской экономической, технической и государственной мысли.

Как и в деле централизации страны, процесс модернизации Эфиопии во многом осуществлялся «сверху», отражая личный интерес императора Менелика и его единомышленников. В своем развитии этот небезболезненный процесс наталкивался на оппозицию феодально-консервативных кругов, прежде всего духовенства, и предрассудки среди населения, в целом обусловленные самим характером аграрно-феодального общества, испытывающего страх перед всяким новшеством.

Модернизация охватывала многие стороны внутривнутриполитической [122] жизни страны. В 1905 г. в качестве филиала Национального банка Египта был создан Банк Абиссинии, к услугам которого неоднократно прибегал император в своих торговых операциях. В стране была создана собственная почтовая служба, получили развитие телефонная и телеграфная системы. Их внедрение способствовало улучшению руководства страной со стороны императора и контроля над местной администрацией.

В императорские планы по модернизации страны входило сооружение многочисленных дорог и мостов, улучшение инфраструктуры страны в целом. Реализации этих планов препятствовало глубоко укоренившееся в психологии христианского населения пренебрежительное отношение к ручному труду. Наряду с использованием на строительных работах выходцев из других стран — индийцев, греков и армян Менелик предпринял ряд шагов, направленных на искоренение традиционных предрассудков в отношении к ремеслам. В изданном в 1908 г. императорском указе, в частности, говорилось: «Пренебрежение к труду есть результат невежества... своими оскорблениями вы лишаете мою страну людей, которые умеют сделать плуг, и земля... станет бесплодной и бесполезной. Человек, уличенный в оскорблении другого из-за рода его занятий, будет приговорен к тюремному заключению на год» [80, с. 193]. Издание подобного указа свидетельствовало об определенном изменении традиционных представлений среди прогрессивной, хотя еще и весьма малочисленной, части эфиопского общества.

В 90-е годы прошлого столетия в Эфиопии значительно возросла прослойка европейцев, прибывших в страну «на ловлю счастья и чинов». Скорее всего правящие круги Эфиопии, прежде всего сам император Менелик, не могли не осознавать, что своеобразная политика «открытых дверей» способствует экономическому закабалению страны европейскими державами, подданные которых являлись проводниками их влияния в Эфиопии. Но в стране не было собственных национальных кадров, способных осуществить начавшуюся модернизацию. Как ни парадоксально, даже та небольшая группка молодых эфиопов, которая получила образование за границей, не получила возможности применить свои знания на родине. Консервативное эфиопское общество с трудом воспринимало молодых интеллигентов, мировоззрение которых столь сильно отличалось от привычных представлений и которые, вернувшись из-за рубежа, оказались чужаками в своей родной стране.

К этому периоду относится и становление в стране медицинской службы, начало которой было положено русскими врачами из состава отряда Красного Креста. Первый эфиопский госпиталь, открытый в 1909 г., как раз помещался в старом здании русской лечебницы.

Таким образом, в последовавшие за окончанием войны с Италией полтора десятилетия во внутренней жизни Эфиопии был предпринят ряд шагов, направленных на модернизацию [123] страны. Оценивая многообразие новшеств, предпринятых в этот период, легко впасть в крайность и утверждать, что они изменили облик феодального государства, внесли существенный вклад в его социально-экономическое развитие. Осуществленный «сверху» процесс модернизации Эфиопии носил достаточно поверхностный характер, не затрагивая глубинных основ бытия традиционного эфиопского общества. Прошло еще слишком мало времени, чтобы посеянные семена принесли плоды. Пока же можно говорить о том, что модернизация делала первые робкие шаги, ограничиваясь главным образом столицей страны, а то и просто пределами императорского дворца (подробнее см. [246, с. 255—263]).

Первое десятилетие XX в. исследователи часто характеризуют как апогей процесса политической централизации Эфиопии. При Менелике, как никогда за многие последние десятилетия, возрос авторитет центральной власти, которая контролировала «каждую отрасль управления страной, даже самую незначительную» [343, с. 214]. Период правления императора Менелика явился триумфом идеи централизации, провозглашенной в середине прошлого столетия Теодросом и поддержанной Йоханнсом. Еще недавно разрозненная, раздираемая феодальными междоусобицами страна превращалась в единый политический организм. Отмечая внутривластную стабильность Эфиопии, один из европейских путешественников писал: «От Гильдессы на востоке и Уомбэры на западе имя Менелика означало безопасность, и правители провинций с почтением вставали, демонстрируя свое уважение при виде печати императора» (цит. по [343, с. 279]).

Становление эфиопского централизованного государства на рубеже XIX—XX вв. имело и некоторые отрицательные стороны. Оно привело к значительному укреплению крепостнических отношений, что консервировало господство феодального способа производства. Феодальная монархия в условиях того времени в обширной стране, обретшей политическое единство, давала наибольшие возможности господствующему классу феодалов удерживать свою власть над народом.

В этот период свое развитие получили многие тенденции политического и экономического устройства эфиопского государства, получившие завершение в последующие десятилетия, в период правления императора Хайле Селассие I, такие, как поощрение иностранного капитала, широкая система концессий, начало создания наемной армии, начало бюрократизации государственного аппарата. В целом централизованная Эфиопия при Менелике явилась важным этапом на пути становления эфиопского абсолютизма. [124]

Правление Лиджа Иясу (1913—1916)

В последние годы правления Менелика внутривластная обстановка в стране заметно обострилась. Ухудшавшееся с 1906 г. здоровье монарха ставило на повестку дня вопрос о его возможном преемнике, а в более широком смысле — о путях дальнейшего развития эфиопского государства. Неизбежные перемены тревожили как различные феодальные группировки, так и дипломатию западноевропейских держав, проводивших активную политику по отношению к Эфиопии. Проблема престолонаследия осложнялась еще и тем, что в 1906 г. умер ближайший соратник и единомышленник императора рас Мэконнын, считавшийся наиболее вероятным преемником Менелика.

Отсутствие прямых потомков по мужской линии у Менелика значительно повышали шансы его внука Лиджа Иясу. Однако эта кандидатура вызывала немалые сомнения со стороны части феодалов, опасавшихся укрепления на политической арене страны отца Лиджа Иясу, одного из крупнейших правителей страны, раса Микаэля, оромо по национальности. Не случайно сделавший свой выбор на Лидже Иясу еще в 1907 г. Менелик в течение целого года воздерживался от провозглашения его своим официальным преемником.

В июне 1908 г. император впервые с определенностью высказался о своем желании видеть во главе государства своего внука [343, с. 231]. Несмотря на заявление императора, обстановка в стране по вопросу о престолонаследии оставалась напряженной. Лишившиеся в результате коронации Менелика политической гегемонии феодалы Тыграя и других северных областей не хотели терять свой шанс на восстановление утраченных позиций. Во главе группировки североэфиопских феодалов стояла императрица Таиту, которая, действуя от имени быстро дряхлеющего мужа, все больше прибирала к своим рукам управление государством. В планы императрицы входило провозглашение императором своего племянника раса Гуксу Уоле, губернатора Бэгемдыра, либо императрицей Зоудиту, дочь Менелика от первого брака. В любом из этих случаев Таиту планировала сохранить за собой реальную власть в стране.

Усиливавшиеся позиции североэфиопской группировки феодалов ускорили процесс сплочения между шоанской и южноэфиопской знатью. Возможные последствия победы группировки Таиту шоанские феодалы стали ощущать на себе еще задолго до решения противоборства — все больше шоанцев смещалось с административных постов и заменялось уроженцами Севера.

О решимости шоанско-оромской группировки обеспечить вое хождение на престол Лиджа Иясу свидетельствует заявление военного министра Хабтэ Гийоргиса: «Лидж Иясу признан наследником эфиопского престола. Галла Уолло и амхара договорились следовать желанию государя в принятии и поддержке [125] Лиджа Иясу.

Соглашения между знатью достаточно для сохранения нынешней династии на троне...» (цит. по [343, с. 237]).

Неопределенность внутривластного положения сказывалась прежде всего на государственных делах. В обстановке ожидания перемен местные правители избегали проявлять инициативу в делах, оживала провинциальная знать, ощутив ослабление контроля из центра.

Консолидация сил, поддерживавших Лиджа Иясу, явилась важной предпосылкой успеха шоанско-оромской группировки в борьбе с феодалами Севера. В марте 1910 г., заручившись у абуны освобождением от клятвы верности императрице, отряды шоанских феодалов окружили императорский дворец и обвинили Таиту в злоупотреблении властью [343, с. 244—245]. Не имея в столице союзников-северян и не получив поддержки от представителей европейских держав, находившихся в Аддис-Абебе, императрица была вынуждена принять условия шоанцев и ограничить в будущем свою деятельность лишь заботой о больном супруге.

Таким образом, борьба за власть завершилась победой сторонников укрепления эфиопской государственности под эгидой Шоа. На практике это означало, что в управлении государством оставались люди, назначенные еще Менеликом. Это гарантировало сохранение за Шоа привилегированного положения.

Последующие месяцы были ознаменованы дальнейшим усилением позиций шоанско-оромских феодалов. После нескольких вооруженных столкновений с войсками Шоа сдался рас Уоле, лидер тыграйской оппозиции, что обеспечило правительству контроль над Тыграем. Постепенно власть в стране все больше сосредоточивалась в руках самого Лиджа Иясу, регента раса Тэсэммы и кабинета министров. Поскольку до смерти коронованного монарха традиция запрещала возводить на престол его преемника, Лидж Иясу официально считался наследником престола, и его личная печать имела на себе надпись «Император Иясу», а «Иясу, сын Менелика, царя царей Эфиопии» [343, с. 251].

Царствование Лиджа Иясу (1913—1916) представляет собой один из самых сложных и малоизученных периодов в истории Эфиопии нового времени. Противоречив и портрет нового эфиопского монарха, созданный на страницах исторических исследований как в самой Эфиопии, так и за ее пределами. Официальная эфиопская историография периода правления Хайле Селассие приложила немалые усилия для искажения личности и деятельности Лиджа Иясу с тем, чтобы оправдать законность свержения его с императорского престола. В целом той же точки зрения придерживаются и западные историки.

Наиболее интересными работами, в которых содержится анализ особенностей правления Лиджа Иясу, представляются исследования Ю. М. Кобищанова и В. С. Ягья [203; 260]. На основе большого фактического материала, включая и архивные [126] документы, авторы дают самостоятельную оценку личности Лиджа Иясу, во многом отличающуюся от общепринятой.

Встав у кормила государственной власти в сложный политический период, когда накануне первой мировой войны в Эфиопии усилилось вмешательство западноевропейских империалистических держав, 17-летний император избрал политический курс, во многом отличный от политики своего предшественника Менелика. Характерными чертами этого курса были установление военно-политических связей с мусульманами вне и внутри Эфиопии, отход от традиционного союза со странами Антанты и ориентация на страны Тройственного союза, стремление подорвать политическую гегемонию шоанских феодалов. Проведение подобной политики неизбежно должно было привести императора к конфликту с мощными противниками, справедливо усматривавшими в его действиях угрозу собственным интересам.

По мере активизации политики Лиджа Иясу в стране нарастала оппозиция его режиму. Огромную роль в разжигании антиимператорских настроений сыграла английская пропаганда среди христианского населения, которая умело фальсифицировала

многочисленные заявления Лиджа Иясу о своей якобы приверженности исламу. Объективно интересы шоанской верхушки, эфиопского духовенства и Антанты совпадали, и не случайно между ними были установлены контакты с целью свержения Лиджа Иясу.

После первой неудачной попытки государственного переворота 30 августа 1916 г. последовала более удачная — 27 сентября того же года, когда, воспользовавшись отсутствием императора, шоанская оппозиция ввела в Аддис-Абебу верные войска и объявила о низложении Лиджа Иясу. Стремясь продемонстрировать желание вернуться к прежнему политическому курсу, антиимператорская группа провозгласила императрицей страны дочь Менелика Зоудиту, а регентом и престолонаследником — лидера шоанской оппозиции Тэфэри Мэконнына (подробнее см.. [259, с. 18—26]).

Оценивая короткий период правления Лиджа Иясу, необходимо отметить, что с точки зрения интересов централизации и укрепления эфиопской государственности его политика объективно представляла собой шаг назад. В обстановке противоборства про- и антиимператорских группировок в стране среди отдельных правителей областей множились сепаратистские настроения, усиливалось неподчинение центральной власти. Новому руководству страны предстояла сложная задача укрепления верховной власти в стране и обеспечения ее политической независимости в условиях вмешательства в ее внутренние дела западных держав. [127]

Глава 5

ЭФИОПИЯ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ (1918—1939)

Политическая обстановка (1918—1935)

Развитие Эфиопии между двумя мировыми войнами протекало в условиях, когда на земном шаре произошли коренные изменения в результате Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новые возможности и перспективы для национально-освободительного движения и оказавшей прямое или косвенное влияние на ход истории в Азии, Африке и Латинской Америке, и усилились попытки империалистических держав восстановить пошатнувшиеся позиции в связи с общим кризисом капитализма и воспрепятствовать освободительным процессам в колониях и полуколониях.

Постоянная угроза потери независимости, исходившая в рассматриваемые годы прежде всего от Англии, Франции и Италии, италофашистская агрессия в 1935 г., с одной стороны, и, с другой — развертывание революционного процесса во всемирном масштабе порождали новые или углубляли прежние тенденции в политике и экономике Эфиопии, укрепляли или ослабляли, модифицировали, а то и деформировали некоторые из них, содействовали активизации противодействующих сил. При этом важно иметь в виду, что неприятие и просто боязнь идей Октября, прогрессивных перемен в мире и их нарастающего воздействия на все сферы деятельности международного сообщества стали характерны для правящих кругов страны.

В самой Эфиопии в эти годы развернулась ожесточенная борьба сторонников и противников феодальной централизации государства и установления абсолютной монархии. Первых в литературе обычно называют младозфиопами, реформистами, а вторых — старозфиопами, традиционалистами. Они представляли два основных политических течения в Эфиопии. Ни то, ни другое, однако, организационно не было оформлено. Ни одно из них не было однородным как в социальном, так и в идейно-политическом отношении. Тем не менее логика развития страны, потребности ее независимого существования поляризовали политические [128] силы вокруг вопроса о характере государственной власти.

Оба движения не выступали против феодальных основ страны, отстаивали ее суверенитет. Различия состояли в том, что младоэфиопы стремились к консолидации и упрочению классового господства феодалов, а их противники — к сохранению вассально-сюзеренных отношений, при которых они, узурпировав большую (если не всю) часть публичных прав государя, чувствовали себя в своих обширных вотчинах территориальными владыками.

Основная цель младоэфиопского движения могла быть достигнута в тех условиях лишь путем учреждения абсолютной монархии как формы государственного устройства. Их реформаторство расчищало путь к утверждению абсолютизма и вольно или невольно к ускоренному развитию капитализма. Показательно в этой связи мнение советского исследователя П. Китайгородского, высказанное еще в 1927 г., о том, что «Абиссиния сейчас находится в переходном периоде от феодализма к торговому капитализму с его политической надстройкой в форме абсолютной монархии» [197, с. 190]. Несколько лет спустя, в 1931 г., английский посланник в Аддис-Абебе С. Бартон отмечал, что Эфиопия, где преобладает влияние западной мысли, «поддерживает революционные идеи, которые за, а не против капитализма» [265, с. 67].

Объективно младоэфиопское движение отвечало задачам упрочения независимости страны. Этому способствовали не только осуществлявшиеся реформы, касающиеся внутреннего развития страны, но и внешнеполитическая деятельность младоэфиопов, направленная на ликвидацию международной изоляции, усердно возводимой вокруг нее англо-франко-итальянскими колонизаторами. Деятельность младоэфиопов содействовала консолидации общеэфиопского сознания, способствующего централизации государства.

Наряду с укреплением государственной власти политика, отстаивавшаяся младоэфиопами, предусматривала относительно высокую степень политико-территориальной и хозяйственной интеграции страны, во многом еще тогда разобщенной, превращение ее в субъект международных отношений, определенную техническую и социальную модернизацию, понимаемую как перестройка по западному образцу многих государственных, общественных и экономических институтов, ликвидацию некоторых обветшалых традиций, устранение отдельных противоречий, а также развитие просвещения.

Младоэфиопское движение отражало объективный процесс «становления абсолютизма, в основе которого лежали внутренние социально-экономические и внешние факторы, причем за последними в условиях Эфиопии следует признать приоритетный характер. В такой оценке воздействия извне на ход развития абсолютизма в Эфиопии нет ничего странного, ибо угроза [129] быть поработенными колонизаторами, особенно усилившаяся с начала 30-х годов, являлась мощным катализатором центростремительных тенденций, отодвигала на задний план поступательное развитие классов, ограничивала рост классового самосознания, а также препятствовала углублению классовой борьбы, которая к тому же перекрывалась в стране этническими, конфессиональными и социально-психологическими отношениями. Ведущая роль внешнего фактора была связана с тем обстоятельством, что в Эфиопии отсутствовало, по выражению Ф. Энгельса, основное условие абсолютной монархии — равновесие «между земельным дворянством и буржуазией» [3, с. 254]. В отдельных случаях, как указывал соратник К. Маркса, возможно решающее значение в утверждении абсолютизма и внешнего фактора [6, с. 418].

Было бы неверным, однако, вовсе не учитывать побудительную силу внутренних факторов в этом процессе в Эфиопии и особенно все углубляющейся интеграции в рамках империи территорий, приобретенных при Менелике II. Упрочение шоанского господства в южных, юго-западных, западных и юго-восточных районах, дальнейшая их эксплуатация, потребность в большей экономической отдаче присоединенных областей, увековечивание включенности этих обширных пространств в пределы страны настоятельно требовали укрепления верховной власти. Иначе не исключались

дезинтеграция, территориальный распад государства. Английский ученый Джон Маркакис и его эфиопский коллега Ныгусе Айяле полагают даже, что социальная и политическая трансформация Эфиопии в первой половине XX в. — «это результат широкой экспансии эфиопского государства на юг» [346, с. 16]. По их мнению, присоединение южных районов привело к централизации монаршей власти [346, с. 30].

Словом, территориальное расширение Эфиопской империи-конца XIX — начала XX в. сыграло заметную роль в упрочении абсолютистской тенденции в межвоенном развитии Эфиопии. Важно отметить и то, что именно в этих районах начался перевод помещичьих хозяйств на капиталистические рельсы, именно сюда была направлена экспансия иностранного капитала и именно эти области создавали финансовое могущество лидеру младоэфиопов регенту расу Тэфэри Мэконнну.

Здесь особо следует указать на первостепенную роль провинции Харэрге в восхождении раса Тэфэри на политической сцене Эфиопии и его восшествии на престол в 1930 г. Вернув себе Харэрге после переворота 1916 г., рас Тэфэри установил жесткий контроль на торговых путях, проходивших через провинцию, в том числе на железной дороге Аддис-Абеба — Джибути, по которой перевозилась большая часть (со временем 80%) торговых грузов страны. Это давало не только большие поступления от сбора транзитных пошлин (до 100 тысяч талероа Марии-Терезии в год), но и значительные преимущества в приобретении оружия, перевозившегося из-за границы по территории [130] Харэрге. Крупные средства поступали ему также от торговых сделок с иностранцами, доходных домов, ряда предприятий, открытых в 20-е годы. Велико значение в его обогащении труда крестьян на принадлежавших ему обширных владениях, прежде всего в Харэрге.

Став императором, он мог уже пользоваться государственной казной, хотя четкого разграничения между ней и его личными финансовыми ресурсами не было. Однако Харэрге продолжала играть важную роль в финансовой и административной политике Хайле Селассие, содействуя консолидации его власти. Теперь к Харэрге добавилась еще другая ключевая провинция — Уолло, через которую проходили торговые пути в Эритрею и далее в порты Асэб и Массауа. Недаром же губернатором Уолло был назначен старший сын императора Асфа Уосэн.

Говоря о значении районов, включенных в состав Эфиопской империи, в утверждении абсолютизма, необходимо учесть и то, что они становились своего рода экспериментальным полигоном для отработки некоторых проектов в административной и финансовой областях. Это имело место в Чэрчэре в провинции Харэрге, в Джиджиге, в Бале, Уоллега и Сэйо в Юго-Западной Эфиопии [90, с. 75; 211, с. 86; 311, с. 172; 390, с. 49—50]. При этом в ряде случаев выгоду от вводимых новшеств получал прежде всего сам регент (император). Американский ученый Доналд Левин писал в этой связи, что рас Тэфэри Мэконнын создал свое могущество в 1917—1928 гг. посредством нововведений в Харэрге, давших ему широкие возможности для увеличения доходов, организации многочисленного войска и приобретения земельных владений повсюду в стране [334, с. 178].

В результате мер, предпринятых Хайле Селассие I в начале 30-х годов, установился более жесткий контроль центральной власти над районами, пользовавшимися значительной автономией (султанаты Джимма, Ауса, земли Бени Шангуль и т. д.). Вместе с тем нельзя согласиться с утверждением И. Мантель-Нечко о том, что ряд территорий, имевших автономию, был лишен этого статуса и полностью инкорпорирован в империю уже в 1918 г. [340, с. 20]. Против этой не совсем точной оценки свидетельствует, например, английский путешественник Уилфред Тезайджер, исследовавший реку Аваш в 1933—1934 гг. На заседании Королевского географического общества 12 ноября 1934 г. он, приведя конкретные факты, сообщил, что султанат «Ауса находится под эфиопским суверенитетом, но такое положение всегда было в значительной степени номинальным и все еще остается таковым, несмотря на возросшую власть нынешнего правительства»

[401, с. 23]. О том же самом сообщает и Кристина Сандфорд, прожившая несколько лет в довоенной Эфиопии [390, с. 11]. Каковы бы ни были, однако, все эти суждения, следует признать, что в 1918—1935 гг. политическая обстановка в районах, недавно вошедших в ходе реконксты в состав Эфиопии, постепенно менялась в сторону усиления власти [131] Аддис-Абебы. Тем самым упрочивались центростремительные тенденции в жизни страны. Но одновременно это не исключало, а порой даже предполагало развитие центробежных сил, ослаблявших государственную власть. В их устранении были очень заинтересованы те, кто вел борьбу за абсолютную монархию, за укрепление государственного суверенитета страны, за углубление территориально-интеграционных процессов.

Процесс становления эфиопского абсолютизма в те годы, как и в последующие, был тесным образом связан с ростом классовой борьбы, которой тогда, однако, были свойственны неразвитые формы и соответствующий уровень классового самосознания крестьянских масс. При всей их неграмотности, забитости нельзя сказать, что они ничего не понимали в окружающем мире, в крупных политических событиях, особенно когда речь шла о защите независимости родины. Здравый смысл, определенное миропонимание, освященный веками жизненный опыт позволяли им ориентироваться в хитросплетениях исторического развития страны, по-своему воспринимать те или иные изменения. Разумеется, их классовое самосознание перекрывалось в-то время этноконфессиональным и регионалистским восприятием. «Носителей зла» они чаще всего видели в чужеродных феодалах, прибывавших по указанию властей для управления районами их проживания или для сбора податей, налогов. Когда последние становились очень обременительными, особенно в голодные, неурожайные годы, происходил социальный взрыв в эфиопской деревне.

Нет, крестьяне не выступали за коренную ломку феодального строя. Их движения принимали, как правило, форму антиподатных восстаний, причем в большинстве случаев не лишенных: этноконфессиональной и регионалистской окраски. В рассматриваемые годы самым мощным таким выступлением, согласно имеющимся данным, было восстание азебо и рая в 1928—1930 гг., этнически принадлежащих оромо (галла) и проживающих главным образом в южной части Тыграя. Размахом и силой этого движения воспользовался рас Гукса Уоле, пытавшийся свергнуть регента. Вот почему оно еще с большей жестокостью было подавлено [309, с. 206—209; 265, с. 64—65].

Значительными после переворота 1916 г. были солдатские (а по существу — крестьянские, если учесть характер войск тех лет) бунты, отразившие недовольство крестьян нещадной эксплуатацией, ростом государственных повинностей, произволом землевладельцев. Советский исследователь И. Левин писал: «В период, последовавший за переворотом 1916 г. и восстанием 1918 г. (имеются в виду выступления войска с требованием отстранения министров.— *Авт.*), в стране стихийно образовывались крестьянские и солдатские комитеты, которые выдвигали свои требования к правящей верхушке. Эти требования пока не касались самой основы феодального строя» [211, с. 69]. К сожалению, в нашем распоряжении пока нет официальных документов, [132] чтобы подтвердить эту точку зрения. Но как бы там ни было, факт брожения в войсках Зоудиту, регента и крупных феодалов бесспорен, и с ним приходилось считаться властям. Косвенно об этом говорит сам Хайле Селассие в своей автобиографии.

С нарастанием классовой борьбы, с совершенствованием ее форм усиливалась абсолютистская тенденция. Факты эфиопской истории показывают имеющуюся здесь взаимосвязь. В правящих кругах Эфиопии зрело понимание того, что для сохранения классового господства феодалов, для недопущения роста антифеодальных движений необходимы меры по созданию аппарата абсолютистского государства. Вот почему к младоэфиопам примыкали и отдельные крупные аристократы, которые, казалось бы, по их положению должны были находиться в лагере противников реформ.

Цели младоэфиопов совпали с личными амбициями регента и наследника престола раса Тэфэри Мэконнына. Их движение расчищало ему путь к никем не оспариваемому

воцарению, а затем — после восшествия на престол в 1930 г. — к абсолютизации его власти. Рас Тэфэри широко опирался на младоэфиопов, всячески привлекал их на свою сторону, ибо они выступали за то, чтобы абсолютным монархом стал именно регент, а не императрица Зоудиту, которая представлялась им как символ, консерватизма, социально-экономической и политической отсталости.

Такая точка зрения на нее не случайна. Обычно принято считать, что она возглавляла староефиопское движение, состоявшее из высшего духовенства, феодальной знати и вассально зависимых от аристократии феодалов, которые широко использовали в своей антиабсолютистской деятельности этнические и конфессиональные связи — противоречия, а также социально-психологические представления подвластного им населения.

В литературе допускаются, однако, и утверждения о том, что лидером староефиопов был могущественный военный министр фитаурари Хабтэ Гийоргис [211, с. 68, 71]. Это был всесильный царедворец, обладавший огромным политическим весом и властью и не лишенный честолюбивых помыслов. Учитывая его положение при дворе, влияние на ход событий в стране, несметное богатство, личные хорошо вооруженные войска, связи с аристократией и поддержку со стороны выдвиненцев Менелика II, некоторые авторы высказывают даже мнение о том, что после свержения Лиджа Иясу в Эфиопии установился триумvirат высшей государственной власти Зоудиту — Хабтэ Гийоргис — Тэфэри Мэконнын [277, с. 45; 318, с. 64; 352, с. 96].

Прочность позиций военного министра при дворе покоилась на его руководстве императорской армией и огромных доходах, получаемых от многочисленных внутренних таможен на принадлежащих ему обширных землях юга. По своим взглядам он, был консерватором, сторонником внешнеполитической изоляции [133] страны и противником любых новшеств, менявших хоть как-то прежний уклад жизни, вассально-сюзеренные отношения, в том числе практически ничем не ограниченные права территориального владыки. И тем не менее совместно со своими сторонниками военный министр занимал особое место в староефиопском движении, выполняя как бы посредническую роль между Зоудиту и Тэфэри, выступая притом в качестве своеобразного противовеса регенту.

Такое положение группировки Хабтэ Гийоргиса, поддержанной абуной Матеуосом, объясняется ее социальным происхождением, непринадлежностью к родовой феодальной знати, боязнью потери шоанской гегемонии в стране (разумеется, и своей собственной власти) и, следовательно, перехода трона в руки североэфиопских феодалов. Это последнее обстоятельство имело особое значение.

Дело в том, что ведущие позиции среди староефиопов занимала североэфиопская феодальная знать: рас Хайлю Тэкле Хайманот, рас Сьюм Мэнгэша, рас Гукса Уоле, дэджазмач Хайле Сыллесе Гукса и др. Они-то и выступали прежде всего за ослабление трона, за сохранение статуса территориальных владык, формально признававших власть монарха, за полную децентрализацию страны, за превращение ее в конгломерат разобщенных в хозяйственном и политическом отношении микрогосударств. Северная знать и ее вассалы нашли поддержку своим планам со стороны многих шоанских и южноэфиопских феодалов. Но только не в вопросе уничтожения господствующего положения Шоа и переходе трона в руки североэфиопских представителей «соломонидов». В этом было основное расхождение староефиопов севера и Шоа — юга.

Более того, североэфиопскую знать раздирали значительные противоречия: немало было тех, кто просто хотел завладеть землями соседа, прежде входившими в пределы владений их предков. Да и в число сторонников Хабтэ Гийоргиса входили отдельные феодалы, которые просто неприязненно относились к регенту, его роду. Были такие и среди североэфиопской знати.

Все это не позволяло староефиопам объединить усилия против младоэфиопского курса, направленного на утверждение абсолютной монархии. Их разрозненные действия в таких условиях обречены были в конечном счете на провал.

Иная ситуация сложилась у младоэфиопов. Несмотря на различные взгляды на многие аспекты развития Эфиопии и даже недовольство действиями (а в ряде случаев и бездействием) регента (императора), они выступали в целом единым фронтом в 20—30-е годы. К ним примыкали также те, кто считал необходимым ликвидировать феодальные основы эфиопского общества. Как не вспомнить здесь слова Ф. Энгельса о том, что «во всей этой всеобщей путанице (в период разложения феодализма.— *Авт.*) королевская власть была прогрессивным элементом,— это совершенно очевидно. Она была представительницей... [134] образующейся нации в противовес раздробленности на мятежные вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним» [5, с. 411].

Ближайшее окружение регента состояло, однако, не только из младоэфиопов, большинство которых получили светское образование (при том многие — за рубежом), но и из представителей феодальной знати, сохранявших верность расу Тэфэри, а также из тех, кто служил в свое время расу Мэконнну. Все они занимали те или иные ответственные должности в системе государственной власти. Регент привлекал к себе на службу немало также худородных или вовсе безродных феодалов, выходцев из низших слоев эфиопского общества, обладавших недюжинными способностями. Именно из этих слоев в наибольшей степени со временем стала формироваться бюрократия как составная (при том одна из важнейших) часть механизма абсолютной монархии. Многие выдвигенцы одаривались обширными землями, высшими военно-феодальными и феодально-гражданскими титулами. Тем самым достигалась большая преданность регенту, позднее императору, а также устранялась ситуация, когда лица, получавшие европейское образование, не пользовались в эфиопском феодальном обществе высоким почитанием; их, как правило, холодно принимали в знатных домах [267].

Выдвигенцы 20—30-х годов со временем составили заметную силу в структуре государственной власти Эфиопии, с ними вынуждена была считаться потомственная аристократия, уступая им постепенно свои позиции в управлении страной. Впоследствии большинство из них стали самыми яркими защитниками абсолютизма, сторонниками неприкосновенности феодальных устоев общества.

Регент и его ближайшие единомышленники, учитывая глубоко укоренившиеся в сознании людей социально-психологические факторы, могущество богатых феодальных домов, характер этноконфессиональных и традиционных связей и в определенном смысле непрочность своего положения в стране, старались заручиться известной поддержкой феодальной знати. При этом они принимали во внимание родственные и региональные связи крупных феодалов, а также соперничество между отдельными вельможами и кланами одних и тех же феодальных семей. Им удалось нейтрализовать многих представителей родовой аристократии и даже привлечь некоторых из них на свою сторону. Это требовало, в свою очередь, значительных уступок со стороны регента, вплоть до отказа от решительного осуществления уже провозглашенных реформ. Кроме того, он признавал и всемерно стремился укреплять доминирующее положение феодалов Шоа и юга, эфиопской церкви и знати амхара. Такой подход проявился и тогда, когда рас Тэфэри Мэконнн в 1930 г. стал императором. Прежде чем регент взойшел на престол, [135] ему и его сторонникам пришлось, как уже отмечалось, выдержать яростное сопротивление староэфиопов, лично императрицы Зоудиту. Между ней и регентом, почти сразу же после переворота 1916 г. названного Аддисом Хыйуотом шоанским [265, с. 60], развернулась ожесточенная борьба за единовластие.

Первая проба сил между императрицей и регентом произошла в начале 1918 г., когда рас Тэфэри отстранил министров, назначенных еще при Менелике II и Лидже Иясу, и взял на себя все их функции. Спустя несколько месяцев он заболел, и Зоудиту, поддерживаемая Хабтэ Гийоргисом и другими влиятельными царедворцами, вновь назначила министров, в том числе и из числа прежних членов правительства. Регенту

удалось все-таки со временем включить в него несколько своих сторонников (например, дэджазмач Иигэзу Бэхабте стал министром торговли), но прав Дж. Маркакис, утверждая, что регент вынужден был ориентироваться даже при отборе кандидатур в министры на традиционалистов с их высоким социальным статусом и широкими политическими связями. «В 20-е годы,— писал он,— министры вызывали серьезное беспокойство у молодого правителя» [345, с. 260]. Регент стремился всемерно ограничить их влияние, самостоятельность, инициативу, обрекая и на без того (за редким исключением) невысокий статус в придворной иерархии [309, с. 71].

Действия же самого раса Тэфэри начиная с 1925 г. должны были получить предварительное одобрение специально созданного при дворе совета империи (совета старейшин), где ведущие позиции занимали старозэфиопы. В этих условиях регенту и его младозэфиопским приверженцам приходилось подолгу выжидать, прежде чем приступить к реализации намеченных планов. В результате темпы нововведений, и без того далеко не быстрые, еще более замедлялись, уже не говоря об их ограниченном характере.

После успешного переворота в 1916 г. еще долгое время влиятельными были силы, поддерживавшие Лиджа Иясу, да и сам низложенный монарх, скитаясь по стране, пытался собрать войско против Аддис-Абебы. С его пленением в 1921 г. ситуация заметно изменилась. В столице уже не опасались активных военных действий свергнутого монарха, да к тому же число верных ему феодалов с каждым годом все больше таяло.

С пленением Лиджа Иясу соперничество при дворе усилилось, а со смертью в 1926 г. абуны и военного министра оно стало еще более острым и бескомпромиссным. Вследствие того что регент сумел завладеть принадлежавшими покойному Хабтэ Гийоргису обширными землями (40 тыс. гаша), многочисленными арсеналами оружия и амуниции, 17-тысячным хорошо оснащенным и выученным войском, его позиции в стране заметно окрепли. Этому, кроме того, содействовало и то, что по инициативе раса Тэфэри в 1926 г. была предпринята попытка организации [136] церковного синода и различных комитетов для полного отстранения абуны от каких-либо административных обязанностей [345, с. 37]. Тремя годами позднее регент смог добиться согласия Александрийского патриарха на назначение помимо абуны еще пятерых викарных епископов. Лично участвуя в отборе их кандидатур и в других организационно-церковных делах, регент надеялся тем самым успокоить часть священнослужителей, недовольных его возвышением, а также ослабить сопротивление церкви планам утверждения абсолютизма. Большое значение в укреплении позиций регента и в нейтрализации его противников в клерикальных кругах имел личный духовник раса Тэдэри Абба Ханна Джемма, оказывавший в течение многих десятилетий значительное влияние на своего повелителя.

Рост власти регента, дальнейшее ослабление позиций Зоудиту, определенные успехи реформаторского курса младозэфиопов привели к концу 20-х годов к серии вооруженных выступлений старозэфиопской знати. Наиболее крупные из них — военные акции дэджазмача Бальчи (февраль 1928 г.), дэджазмача Абба Вукау (август 1928 г.) и раса Гукса Уоле (март 1930 г.). Все они закончились неудачей, еще больше содействовали усилению раса Тэфэри и изоляции Зоудиту, которая 2 апреля 1930 г. умерла, а регент под именем Хайле Селассие I взшел на трон.

Но воцарение Хайле Селассие еще не означало полной и окончательной его победы над противником. Тем более это ни в коем случае нельзя рассматривать, как акт утверждения абсолютной монархии в Эфиопии. Овладение престолом лишь давало возможность для ускорения процесса абсолютизации монаршей власти, для развития характернейших черт абсолютизма — государственной централизации, бюрократии, подчинения церкви государству, укрепления государственного бюджета. Их наличие создает относительную независимость монарха и бюрократического аппарата от господствующего класса.

Укрепление власти Хайле Селассие в 30-е годы сопровождалось, как и в годы его регентства, рядом крупных выступлений консервативно настроенных феодалов.

Наибольшую угрозу ему, судя по всему, составил вооруженный мятеж могущественнейшего раса Хайлю Тэкле Хайманота, безраздельного владыки провинции Годжам, в мае 1932 г.

Поощряемый итальянцами Хайлю Тэкле Хайманот через своих доверенных людей устроил побег из заточения в Фиче бывшего императора Лиджа Иясу, женой которого одно время была одна из дочерей правителя Годжама. Стремясь вновь возвести на трон неудачливого внука Менелика II и получить в знак высочайшей благодарности давно желаемый (но не предоставляемый Хайле Селассие) титул ныгус Годжама, рас Хайлю Тэкле Хайманот вместе с тем пытался добиться фактической изоляции подвластной ему провинции и не допустить, таким образом, каких-либо преобразований. Он был их яростным противником, хотя это не исключало его активного участия в предпринимательской деятельности вне Годжама. Хайлю Тэкле Хайманот, когда речь шла о его личном обогащении, безжалостно собирал с крестьян все подати и налоги, жестоко подавляя малейшее сопротивление. Но он ловко использовал их недовольство высокими поборами, направляя его в русло антиимператорского [137] подстрекательства. И на этот раз, в мае 1932 г., рас Хайлю Тэкле Хайманот очень рассчитывал на крестьянские массы Годжама, с опаской смотревшие на «носителей зла» из Аддис-Абебы. Однако он просчитался, так как Лиджа Иясу поймали довольно быстро, а самого правителя Годжама схватили верные императору люди. Всеобщего восстания в Годжаме не произошло, однако недовольство крестьян присылкой нового «чужеродного» губернатора, двоюродного брата императора раса Имру Хайле Сыллесе серьезно накалило обстановку в провинции [90, с. 202—206; 277, с. 45—46; 301, с. 89]. Недовольство годжамцев Аддис-Абебой умело подогревалось итальянскими агентами, старавшимися ослабить единство страны перед планировавшимся Римом вторжением, вызвать внутренние распри, смуты. Они были причастны к дезертирству в ходе боевых действий в декабре 1935 г. и мятежу группы годжамских феодалов во главе с дэджамачем Гэссэсэ Бэлеу.

Но не только в Годжаме итальянцы пытались дестабилизировать положение; в их поле зрения находились многие крупные феодалы в других районах Эфиопии, противившиеся усилению власти монарха. Упомянутый дэджамач Хайле Сыллесе Гукса еще задолго до агрессии вступил в преступный сговор с итальянским командованием в Эритрее. На сторону итальянцев перешла также в самом ее начале группа тыграйских феодалов и т. д. Все эти факты отступничества скорее следует рассматривать как своеобразную форму сопротивления традиционалистов курсу, осуществлявшемуся Хайле Селассие.

Новый император вовсе не собирался устранять потомственную аристократию от власти, если, конечно, ее представители не покушались на его права императора. Он стремился лишь включить ее в структуру абсолютной монархии, превратив в служилое сословие, полностью зависимое от его воли. Этим можно объяснить отчасти осторожность, ограниченность и половинчатость тех мер, которые, по замыслам императора, должны были модернизировать социально-экономический и политический облик страны.

Подобные критерии реформаторского курса Хайле Селассие, начавшие складываться еще в период его регентства, обуславливались не только сопротивлением староэфиопов, желанием привлечь на свою сторону знать и известной слабостью собственных позиций монарха в обстановке наличия значительных центробежных сил, но и его социально-политической стратегией, направленной на сохранение ведущего положения в стране за феодальным классом. Личные взгляды и устремления Хайле Селассие оказывали заметное, если не решающее, влияние на объем и темпы реформ. Он не раз говорил о своих опасениях каких-либо быстрых изменений во всем укладе жизни страны [362, с. 27].

В литературе имеется немало утверждений о прогрессивности шагов императора в 30-е годы, да и во времена его регентства. Современный эфиопский ученый Вольде Цадык Дерibe считает, что «Хайле Селассие I до войны (с Италией.— Авт.) проводил прогрессивную политику, старался ускорить прогресс своей страны и покровительствовал

идеям и реформам...» [175, **[138]** с. 13]. Его коллега Тэшомэ Гэбрэ Вагау полагает также, что в 20—30-е годы в стране был предпринят ряд прогрессивных шагов [400, с. 5].

Такая точка зрения не случайна, поскольку реформаторство в довоенной Эфиопии содержало определенный радикализм. И это — несмотря на его абсолютистско-монархическую сущность. Дело в том, что оно объективно препятствовало политической и экономической дезинтеграции эфиопского государства, противодействуя центробежным силам, укрепляло его позиции перед все возрастающими происками колонизаторов, особенно Италии, усиливало просветительские тенденции в жизни общества, а также формировало предпосылки для дальнейшей социально-экономической эволюции страны.

Разумеется, классовая природа провозглашавшихся нововведений придавала им ограниченный, половинчатый характер, а медлительность и непоследовательность в их осуществлении сводили фактически на нет многие начинания. И тем не менее реформаторство тех лет представляло собой заметный удар по консерватизму староефиопов, вселяло надежду в тех, кто искренне рассчитывал на прогресс Эфиопии.

Происходившие тогда изменения имели большей частью надстроечный характер, в связи с чем И. Мантель-Нечко утверждает, что в Эфиопии в конце XIX — 30-е годы XX в. осуществлялась «организационная модернизация механизма власти, которая основывается на феодальных отношениях зависимости» [340, с. 213—214].

Французский ученый А. Дави, оценивая деятельность раса Тэфэри, справедливо указывал, что «принц — ни в коем случае не революционер» и что, выступая «за реформы, столь необходимые для его отсталой страны, он рассчитывал на такую эволюцию страны, которая была бы без значительных потрясений, в традиционном эфиопском смысле» [296, с. 121]. Упоминание традиционализма здесь не случайно, ибо Хайле Селассие, взяв курс на незыблемость, феодальных устоев и учреждение абсолютной монархии, широко использовал традиционные методы правления: династические и морганатические браки, пышность поездок по стране, сохранение местной знати у власти (разумеется, при проявлении ею лояльности к трону), устройство празднеств для простолюдинов с раздачей монаршей милостыни, приемы во дворце «акабе сэат», частое дробление в 30-е годы районов, отдаваемых под управление тому или иному крупному феодалу с целью подрыва его власти и влияния на местное население, практика «шум-шир» и др.

При формировании абсолютистско-монархической государственности многие прежние политические институты, на которые опирался император, внешне перестраивались на западный манер, но, по существу, зачастую не меняли стиль и содержание своей работы. Все это в сочетании с общей социально-экономической отсталостью страны не могло не снижать эффективность процесса модернизации.

Включение аристократии в формирующийся аппарат абсолютистского государства ухудшало позиции тех, кто действительно выступал за обновление страны. К тому же создавались условия открытого саботажа при реализации многих реформ. Занимая ответственные посты, консерваторы нередко сознательно задерживали исполнение приказов и распоряжений, исходивших из дворца. Они расхищали государственную казну и тем самым срывали сроки осуществления намеченных преобразований. Знать, продолжавшая возглавлять местную администрацию, в большинстве своем открыто саботировала многие решения центральных властей. Реформаторам, находившимся в провинциальном **[139]** аппарате, как правило, в подчиненном положении, далеко не всегда удавалось преодолеть ее сопротивление. Император же отказывался предпринять решительные меры в отношении крупных феодалов, сохранивших ему лояльность, но противодействовавших поступательному развитию страны.

Это усиливало чувство недовольства, распространившееся особенно в 30-е годы среди младоэфиопов. Одних не устраивала чрезмерная медлительность при осуществлении преобразований; другие возмущались тем, что трудились под началом староефиопов, которые не давали им возможности проявить инициативу; третьих не удовлетворял объем предлагавшихся нововведений. Многие (если не все), кто прошел обучение за границей, особенно ощущали глубокие противоречия эфиопской действительности, ее несоответствие приобретенным знаниям и намерениям. Пожалуй, наиболее

откровенным критиком правительства был лидж Таккэле Уольдэ Хавариат, осмеливавшийся спорить даже с самим императором, авторитет которого казался непререкаем. Резко осуждал монарха за бедственное положение народа поэт Али Вад Фавид. Однако в целом оппозиция слева в те дни была малочисленной и робкой, ибо тогда «немногие сомневались в добрых намерениях и постоянных достижениях императора и его правительства» [311, с. 175]. При этом нельзя упускать из виду предсказания английского путешественника Ч. Рея о том, «что со временем, когда образованная элита убедится в сосредоточении реальной власти в руках традиционных аристократических фамилий, в стране возникнет серьезный социальный конфликт с риском гражданской войны» [379, с. 209].

При дворе, даже в среде сторонников реформ, высказывалось сомнение в целесообразности императорского курса на увеличение числа иностранцев в различных министерствах и ведомствах страны. Их стали приглашать еще в годы регентства раса Тэфэри Мэконнына, притом именно к нему на службу. Хайле Селассие создал особую прослойку из иностранцев, приглашенных в качестве советников или руководителей специальных учреждений. Эти советники, выходцы из разных стран, фактически являлись проводниками западной идеологии, буржуазного образа жизни, внешнеполитических концепций и хозяйственного опыта Запада. Многие из них (особенно те, кто покинул навсегда свою родину) прочно связали свою судьбу с эфиопским тронem, служили императору верой и правдой, составив опору в утверждении абсолютистско-монархической формы правления. И в дальнейшем Хайле Селассие широко практиковал привлечение иностранцев на службу в государственном аппарате, используя их как орудие сохранения и поддержания своей власти. Не будет преувеличением сказать, что иностранцы сыграли заметную роль в укреплении власти Хайле Селассие, в формировании его взглядов на внутри- и внешнеполитические проблемы Эфиопии, в ослаблении позиций противников монарха.

В 30-е годы вполне определился его центристский подход к [140] решению различных проблем, которым он в основном руководствовался на протяжении всего периода царствования. Он стремился возвысить трон над обществом, придав ему надклассовый, надрелигиозный и надэтнический характер. Все, что предполагалось сделать в Эфиопии, должно было, по его мнению, исходить из императорского дворца. Он добивался этого, сконцентрировав в своих руках всю полноту власти, все нити государственного управления, а также лишив своих подчиненных всякой инициативы. Монарх, используя пропагандистский аппарат, ставший со временем мощным и разветвленным, старался внушить массам, что лучше всего об их нуждах знают только во дворце. Он часто повторял в своих выступлениях: «Император знает, что нужно народу, народ не знает этого» [156, 08.07.1974]. В день провозглашения конституции 1931 г. император в частной беседе заявил, пока народ Эфиопии не может управлять сам, он обязан обучить его политическим знаниям [390, с. 46]. Дело доходило даже до того, что Хайле Селассие лично отбирал фильмы для демонстрации в Аддис-Абебе в 30-е годы. Он неоднократно указывал на необходимость «наставить молодежь на путь истинный», т. е. на служение абсолютной монархии и преданность ему лично [362, с. 29]. Ссылаясь на неподготовленность масс к самостоятельному политическому творчеству, император вместе с тем прилагал немало усилий, чтобы заглушить инициативу народа.

По мнению Хайле Селассие I, общество должно быть послушно воле монарха; его авторитет — непререкаем, вера в него — непоколебима. Он сознательно принуждал своих приближенных к постоянному соперничеству в погоне за его благосклонностью. Уже в те годы Хайле Селассие прилагал немало усилий для создания «царского образа» и «ореола легитимности» вокруг своей персоны, используя для этого так называемые экспрессивные внутренние и внешние ресурсы [266, с. 294—296].

В 30-е годы сложились основные черты патерналистского реформаторства императора, или, по Р. Гринфилду, радикального патернализма [311], направленного в

целом на утверждение и упрочение абсолютной монархии и ориентированного на минимальные социально-экономические и политические изменения в целях создания облика просвещенного государя. Проведившиеся преобразования предназначались для монополизации власти в руках императора и, следовательно, для установления его контроля над всей общественно-политической, духовной и интеллектуальной жизнью страны. Буржуазно-демократическая фразеология, неизменно присутствовавшая в речах Хайле Селассие и учитывавшая не противоречившие его замыслам традиционные ценности, привлекала на сторону провозглашенного курса патерналистских реформ все большее число людей из самых различных слоев общества. Видную роль среди них играли лица, получившие светское образование за границей. [141]

Тысячи жителей страны включались в сферу административной и политической деятельности. В систему государственного управления в силу обстоятельств втягивались представители даже низших слоев феодального класса, а также в ряде случаев выходцы из иных социальных групп. В Эфиопии постепенно складывалась ситуация, в силу которой не богатство и родовитость становились условием власти, а власть — одним из условий для приобретения богатства и статуса знатного лица.

Увеличение внешних контактов государства также ускоряло политизацию общества. Кроме того, нависшая угроза итальянского вторжения, как и сопротивление нажиму Англии и Франции, стимулировала рост патриотизма ее населения.

Появление образованной элиты, опиравшейся на власть императора, внесло заметное оживление в общественную жизнь страны, в то же время и усложнив ее. При активном ее участии были созданы «Национальная патриотическая ассоциация» (1935), Женский комитет (1935), организация бойскаутов (1934) и Общество Красного Креста (1931), которые, однако, действовали под непосредственным контролем властей, в том числе лично императора.

В 1935 г. в Аддис-Абебе возникла первая в истории страны общественно-политическая организация «Молодежь Эфиопии», куда вошли преимущественно лица, получившие французское образование. Она стремилась ускорить провозглашение и реализацию реформ, необходимых для прогресса Эфиопии, но всецело при этом ориентировалась на Хайле Селассие [311, с. 315].

Крупным политическим событием явилось образование «Национальной мусульманской организации Эфиопии», потребовавшей от правительства в 1935 г., накануне итало-фашистской агрессии, вооружения мусульман, обучения их военному делу наряду с христианами, строительства мусульманских школ, воспитания в них детей с позиций общеэфиопского патриотизма, равенства между мусульманами и христианами в распределении государственных доходов, уважения мусульманских священнослужителей и судей, предоставления им жалованья, а также назначения мусульман губернаторами в районах с преобладанием мусульманского населения [211, с. 113—114]. Эта организация призвала всех мусульман страны единым фронтом с христианами выступить на защиту своей родины. Как видим, это была программа решения сложных вопросов этноконфессиональных отношений в стране, пронизанная глубокой заинтересованностью в судьбах государства, в сохранении и упрочении его независимости. Правящие круги Эфиопии не отреагировали на эти требования. Сам факт их появления, однако, свидетельствует о нарастании народных движений в Эфиопии, активизации ее политической жизни, отсутствии «царской идиллии» в стране.

Вероломное нападение фашистской Италии прервало позитивные процессы в Эфиопии, одновременно укрепив, вольно или невольно, консервативные тенденции в ее политической жизни. [142]

Реформы 1918—1935гг.

В 1918—1935 гг. в Эфиопии, несмотря на сопротивление староэфиопов, были провозглашены некоторые реформы в политической, административной, судебной, финансовой, социальной и хозяйственной областях. Не все они были претворены в жизнь, реализация многих из них затронула лишь города и прилегающие к ним районы. Вряд ли, однако, можно безоговорочно согласиться с утверждением Дж. Маркакиса о поверхностном характере «спорадических попыток ввести модернизацию в Эфиопии» в довоенные годы [345, с. 3].

В результате осуществления реформ в социально-экономическом и политическом положении Эфиопии произошли определенные сдвиги в сторону централизации государственной власти, консолидации классового господства феодалов. Шел медленный процесс обновления жизни эфиопского общества в рамках формировавшейся абсолютной монархии. Создавалось впечатление (и это признавали в правящих кругах Рима), что, окрепнув со временем, страна представит серьезную угрозу колониальным интересам империалистических держав в Северо-Восточной Африке [272, с. 23, 59]. Меры, предпринимаемые властями Аддис-Абебы, выбивали из рук англо-франко-итальянских колонизаторов те или иные доводы (внутренний хаос, неподконтрольность правительству значительной территории, наличие рабства, набеги приграничных племен на соседние колонии и др.) в пользу установления империалистического господства в Эфиопии. Одновременно они укрепляли ее независимость.

Важным объектом реформаторской деятельности явились рабство и работорговля, процветавшие в Эфиопии и чаще всего использовавшиеся империалистическими державами в качестве доказательства ее неспособности к самостоятельному существованию. Вместе с тем в ходе ликвидации рабства отчетливо проявились непоследовательность, нерешительность и постепенность действий Хайле Селассие. Эти качества умело использовали церковь и староэфиопская знать, ни за что не желавшие пойти на ликвидацию рабства.

11 ноября 1918 г., в преддверии создания Лиги наций и обращения Эфиопии с просьбой о вступлении в эту организацию, в Аддис-Абебе был обнародован декрет, объявивший вне закона работорговлю во всех ее проявлениях. Это постановление имело скорее внешнеполитический резонанс. Внутри страны работорговля продолжалась. Затем, в 20—30-е годы, последовала целая серия указов о запрете работорговли и освобождении рабов. Но эффективность их оставляла желать лучшего. В 1922 г. в стране подтвердили закон Менелика II о смертной казни за обращение людей в рабство и о наказании за работорговлю. 15 сентября 1923 г. в Эфиопии вновь запретили работорговлю под страхом смерти, одновременно вводились высокие штрафы на губернаторов и вождей тех районов, где кто-то был схвачен и продан в [143] рабство. Постановление 1924 г., подтверждающее суровые меры наказания за работорговлю, провозгласило постепенную отмену рабства в стране. В дополнительном законе о ликвидации рабства, принятом в 1931 г., предусматривалось ускорить процесс освобождения невольников, которые получали теперь свободу сразу же, как только умирал их владелец.

Темпы освобождения рабов были, однако, очень медленными. В 1924—1927 гг. только немногим более 2 тыс. человек обрели свободу. И это — при нескольких миллионах рабов в Эфиопии. Не лучше обстояло дело и в последующие годы. В 1931 г. Хайле Селассие заявил, что рабство полностью будет упразднено лет через 15—20 [90, с. 81; 362, с. 124]. Незадолго до начала итало-фашистской агрессии в Аддис-Абебе объявили «в принципе» о полной отмене рабства, фактически же речь шла о поэтапном, многолетнем процессе его ликвидации. Эта постепенность одобрялась европейскими делегациями, посещавшими неоднократно Эфиопию в 20—30-е годы для изучения на месте вопроса о рабстве [362, с. 118].

Положение освобожденных рабов было трудным, ибо они не получали никакой материальной поддержки от властей, да и социально-психологический климат вокруг них сразу с обретением воли изменить не удавалось. Была лишь открыта школа для детей

вчераших невольников, что находилось в русле правительственной политики в области светского образования. Она, однако, была классово ограничена: с одной стороны, соответствовала целям формирования облика просвещенного монарха, а с другой — предназначалась для организации бюрократии, составляющей важнейший элемент абсолютизма. Кроме того, власти пытались тем самым показать империалистическим державам, укорявшим не раз Аддис-Абебу в невежестве эфиопского народа, что ситуация меняется и нужно лишь время для повсеместного распространения просвещения.

Школьное образование охватывало лишь малую часть детей и подростков, по своему происхождению принадлежавших преимущественно к имущим слоям общества. Выпускники пополняли, как правило, ряды административно-управленческого аппарата, в котором многие ответственные должности заняли лица, получившие образование за границей (около 200 человек).

Всего в 1935 г. в Эфиопии функционировала 21 элементарная (начальная) школа с 4200 учениками. Размещались школы главным образом в столице. В Аддис-Абебе были открыты также несколько школ второй ступени, в том числе принадлежащие иностранцам.

Наряду с развитием светского образования власти предприняли ряд мер по распространению грамотности через миссионерские школы, а также по повышению образовательного уровня эфиопских священно- и церковнослужителей. Хайле Селассие, создавая высокообразованную прослойку в церковной иерархии из лиц, как правило, им самим отобранных, пытался подготовить [144] почву внутри страны для подчинения церкви государству. Но для полного осуществления его замыслов необходимо было добиться очень серьезных уступок (вплоть до автокефалии) со стороны Александрийской патриархии, на которые та в те годы не шла.

Тем не менее Хайле Селассие начал с присущей ему осторожностью уже тогда вторгаться в дела церкви, устанавливая определенные правила административной деятельности ее служителей. В сентябре 1932 г. специальное императорское постановление определяло компетенцию настоятелей церквей и монастырей, в которую входили разбор поземельных споров и конфликтов среди прихожан и самих служителей, решение семейно-брачных вопросов и т. д. Годом раньше во дворце четко определили функции викарных епископов и абуны.

Церковь неохотно соглашалась с предписаниями светской власти. В этом противоборстве не надо видеть глубокого и непримиримого антагонизма: церковь не желала мириться с уготованной ей ролью подчиненного партнера в системе абсолютной монархии.

Немало внимания в то время уделялось военному строительству. Еще в 20-е годы регент предпринял попытку сформировать регулярные войска на базе лично принадлежавшей ему феодальной армии. В 1929 г. для их обучения прибыла бельгийская военная миссия, позднее, в 1935 г., — шведская. В военной школе в Холете, в 40 км к западу от Аддис-Абебы, шведские офицеры готовили эфиопский офицерский корпус. В 1935—1936 гг. его закончили 138 человек, прошедших до того обучение во французских школах в Эфиопии и происходивших в основном из очень состоятельных семей. Большинство из них затем погибло, сражаясь с итальянскими захватчиками.

В формировавшуюся регулярную армию входили императорская гвардия (5—10 тыс. человек), лучше всех в стране обученная и вооруженная; личное войско монарха (10 тыс. человек), расквартированное в Харэре и сохранявшее еще во многом черты типичного феодального воинства, и отдельные воинские подразделения (10—15 тыс. человек), только лишь приступившие к организационной перестройке в соответствии с абсолютистско-монархическими принципами.

Важный аспект военного строительства — обеспечение армий необходимым количеством оружия, боеприпасов и снаряжения. Исходя из задачи централизации государства в Эфиопии требовалось не просто снабжение оружием войск, а только по пра-

вительственным каналам. В 1930 г. Хайле Селассие, стремясь покончить с практикой нерегулируемого ввоза в страну оружия и приобретения его феодальными владыками самостоятельно, договорился с Англией, Францией и Италией о поставках военных грузов и провоз их через территорию колоний этих держав в Северо-Восточной Африке только по официальной просьбе Аддис-Абебы. В действительности эти страны не всегда следовали [145] духу и букве данного соглашения. Итальянцы продолжали обеспечивать оружием феодалов, недовольных усилением Хайле Селассие и выступавших против централизации. Англия и Франция воспрепятствовали снабжению эфиопской армии накануне итало-фашистской агрессии. Да и поступавшее оружие было большей частью устаревшее, но и его не хватало. В результате к 1934 г. $\frac{1}{3}$ императорской гвардии не имела даже винтовок.

Причину недостаточной обеспеченности Эфиопии оружием не следует, однако, видеть только в препятствиях, чинившихся англо-франко-итальянскими колонизаторами. Страна не располагала крупными средствами для оплаты военных поставок.

В Эфиопии не хватало финансовых ресурсов и на реализацию многих других намерений. Вот почему в 30-е годы прилагались немалые усилия по реорганизации государственных финансов, по укреплению государственного бюджета. Вместе с тем осуществление такой фискальной политики углубляло процесс становления абсолютизма.

Одним из основных ее направлений явилось введение в 1932 г. общегосударственной денежной единицы — эфиопского доллара, который должен был полностью вытеснить из обращения талер Марии-Терезии, получивший очень широкое хождение по стране (например, только в 1918 г. — 3 млн.), талер Менелика II, имевший ограниченное распространение, различные иностранные деньги, а также денежные знаки, специально выпущенные бельгийской «Сосьете аноним плантасьон д'Абиссини» и французским «Синдикатом де коммерсан индустрии де Дире Дауа» для расчетов со своими эфиопскими рабочими (на большей территории страны к тому же по-прежнему применялись «примитивные» деньги: куски железа, бруски соли «амоле» и др.). Такое многообразие денежных единиц, выпуск, взаимный паритет и само обращение которых были неподконтрольны государству, наносило заметный урон экономике страны, ограничивало финансовые возможности трона, ослабляло власть монарха, уже не говоря об ухудшении материального положения трудящихся, втянутых в сферу товарно-денежных отношений. Заметный ущерб причиняли постоянные колебания цен на серебро на мировом рынке, в связи с чем в годы (например, в 1923, 1930, 1933 и 1935 гг.) его (серебра) удорожания из страны увеличивался отток талеров Марии-Терезии, а в периоды обесценивания — снижалась покупательная способность талеров на внутреннем рынке Эфиопии. Значительное количество талеров Марии-Терезии изымалось из обращения или в результате использования их для изготовления украшений, или вследствие закапывания в землю в целях накопительства, на «черный» день, и тому подобных кладоорганизующих дел. Предполагается, что в 1918 г. таким путем в стране было изъято из обращения 25—50 млн. талеров [362, с. 490].

Введением эфиопского доллара, однако, центральные власти [146] не смогли полностью достигнуть поставленных целей. «Новая валюта,— писал английский исследователь Р. Панкхерст, ссылаясь на литературные источники 1935 г.,— применялась только в городах, за пределами которых она была бесполезна» [362, с. 493]. Судя по всему, для более широкого распространения этой денежной единицы и вытеснения других нужно было время, а его-то и не предоставили итальянские агрессоры, вторгшиеся в страну в октябре 1935 г.

В выпуске эфиопского доллара, отличительные черты которого состояли в строго фиксированном паритете по отношению к английскому фунту стерлингов и четко определенном масштабе, заметную роль сыграл Банк Эфиопии, ставший первым общенациональным банком страны. Одновременно был ликвидирован (точнее, выкуплен) Банк Абиссинии, контролировавшийся англичанами. К 1935 г. отделения нового банка

помимо столицы действовали в Дыре-Дауа, Горе, Дэбрэ-Таборе, Харэре, Гамбеле, Дэссе и Джибути. Он функционировал под эгидой министерства финансов. 60% его первоначального капитала в 750 тыс. англ. ф. ст. принадлежало эфиопскому государству.

Организация собственного банка открывала пути для расширения товарно-денежных отношений, а также для укрепления государственных финансов, состояние которых оставляло желать много лучшего. По определению английской исследовательницы М. Перхэм, в 1935 г. они находились на уровне средневековой Европы в XIV в. [376, с. 190]. Система налогообложения как источник государственных доходов была чрезвычайно пестрая, запутана, разнородна и действовала неизбежно замедленно. Финансовая администрация страны лишь начала складываться в рамках министерства финансов. Поступления в казну резко колебались по годам, причем во многих случаях это зависело от характера взаимоотношений центральной власти с местными владетельными феодалами.

Государственные доходы формировались в основном в результате поступлений от территориальных феодальных владык, собиравших подати и налоги с крестьян и оставлявших себе крупные суммы, от властелинов автономных образований, сохранявшихся еще в пределах Эфиопии, от пошлинных обложений на ввозимые и вывозимые товары, от эксплуатации железной дороги Аддис-Абеба — Джибути, специальных налогов на табак, спички и некоторые другие товары, выпуск которых объявлялся государственной монополией, от предоставления и продажи иностранцам концессий и монополий на производство и торговлю теми или иными товарами (например, соляная монополия была продана французам), а также от почтовых и иных коммуникационных сборов. Крупные доходы оказывались в руках императора с его личной земельной собственности. Всего, по мнению М. Перхэм, Хайле Селассие I как глава государства располагал денежным доходом в 300—500 тыс. ф. ст. в год [376, с. 195].

[147]

Расходы государства, в свою очередь, шли на содержание дворца, различных правительственных служб, школ, общественные работы (например, строительство зданий парламента, тюрьмы, двух церквей, дорог), выплату заработной платы чиновникам и прежде всего иностранным советникам, армию и полицию, которая насчитывала около 3 тыс. человек и действовала в самой Аддис-Абебе и ее окрестностях, Дыре-Дауа и вдоль железной дороги. Общая сумма расходов точно неизвестна. М. Перхэм сообщает, что Хайле Селассие потратил несколько миллионов на свою коронацию в 1930 г., выделил 235 тыс. ф. ст. на выкуп Банка Абиссинии и 50 тыс. ф. ст. на чеканку новых никелевых монет [376, с. 197].

Большинство данных о финансах страны непрезентативны, ибо официальных документов на этот счет очень немного, а литературные сведения, как правило, не точны, но тем не менее они позволяют иметь общее представление по данному вопросу. На их основании можно вполне объективно судить о классовом характере финансовой структуры эфиопского государства. Когда поступления в казну оказывались незначительными, а расходы возрастали, власти вводили дополнительные налоги, усиливавшие, в частности, царившую неразбериху в налогообложении, или требовали от местных владык больше денег. Так произошло, например, в 1924 г., когда для покрытия расходов на визит регента в Европу учредили специальные налоги.

Нельзя сказать, что Хайле Селассие не пытался централизовать государственный бюджет, изменить сложившуюся систему налогообложения. Несомненно, создание банка и введение новой денежной единицы были заметными шагами в этом направлении. Происходили изменения и в налоговой политике. В феврале 1934 г. было принято постановление, согласно которому каждый трудоспособный человек в возрасте от 18 лет и старше вносил в казну 1 эф. долл. или 1 талер Марии-Терезии, за исключением тех, кто, работая по найму, получал заработную плату в денежной форме. С них взималось 20%

годового дохода. Этому налогообложению подвергались даже иностранцы, служившие в Эфиопии. В итоге в течение года, по неполным данным, казна получила 2,4 млн. эф. долл.

В целях повышения доходов правительство стало взимать с импортных и экспортных товаров помимо обычных пошлин еще так называемые налоги на образование, на статистику, на инспектирование и на потребление [51, с. 9]. Сборы только от первых трех налогов составили в 1929/30 г. 18247 ф. ст. [51, с. 24]. Это, однако, не могло не ухудшить условий торговли, уже не говоря о положении потребителей.

Власти приняли несколько законов по реорганизации системы поземельного налогообложения, значение которой для формирования государственных доходов было велико. Дж. Маркакис утверждает, что «с 30-х годов основной интерес эфиопского правительства в отношении аграрного вопроса состоял в увеличении [149] государственных доходов от земельного налогообложения» [345, с. 118]. Вместе с тем (и это следует особо подчеркнуть) земельная политика в рассматриваемые, как и в последующие, годы была направлена на дальнейшее развитие феодализма в стране. Предоставление земель в феодальную собственность стало важным аспектом расширения социальной базы императорского режима, достижения преданности трону, привлечения сторонников и насаждения в администрации атмосферы подобострастия, раболепия. Земельная политика в 20—30-е годы имела своей целью также упрочение гегемонии амхара и Шоа в стране. Земельные пожалования помимо всего прочего использовались в качестве платы за службу императору.

Развитие феодализма в Эфиопии сопровождалось одновременным (пусть медленным) ростом капиталистических отношений, чему способствовала реализация провозглашенных реформ.

Заметным новшеством для Эфиопии стала организация типографского дела. В открытой в 1921 г. типографии «Бырхан-нынна сэлам» («Свет и мир») печатались книги просветителей, публицистические работы младоэфиопов, листовки, правительственные постановления, религиозные трактаты, а также периодические издания. Своей острой антитрадиционалистской направленностью выделялась еженедельная газета «Бырханнынна сэлам», публиковавшаяся параллельно на французском и амхарском языках. Это была фактически первая национальная газета. Всего в 1923—1929 гг. вышло около 300 номеров газеты общим тиражом приблизительно 150 тыс. экземпляров. Высокий по тем временам тираж свидетельствует о ее популярности. В ней появлялись материалы и антиимпериалистического характера, публикация которых нередко приводила к дипломатическим осложнениям.

Младоэфиопы рассматривали печать как одно из важнейших средств усиления своего влияния. Однако и староэфиопы пытались оказывать воздействие на общественность через газету «Аымро», пользовавшуюся, однако, гораздо меньшим спросом, чем «Бырханнынна сэлам» (еженедельно едва расходилось 200 экземпляров).

Со временем открылись еще несколько типографий в Аддис-Абебе, Харэре и Джимме. В результате увеличилась издательская деятельность в стране. Возросло число публиковавшихся газет: к упоминавшимся ранее добавились «Атбия кокэб» («Утренняя звезда»), «Кэсате бырхан» («Распространитель света»), а также «Курьер д'Этиопи», «Л'Этиопи нувель», «Л'Этиопи коммерсиаль» и другая периодика на европейских языках.

В феврале 1935 г. правительство выпустило указ, установивший государственный контроль над изданием и распространением литературы, газетно-журнальной продукции. В условиях расширявшейся подрывной деятельности итальянцев эта мера была направлена на сплочение внутреннего фронта. Вместе с тем оппозиция (как слева, так и справа) лишалась возможности вести [149] политическую работу с массами, используя печать. Режим Хайле Селассие тем самым положил начало монополизации средств массовой информации и регулированию развития духовной и интеллектуальной жизни общества. Формировавшийся пропагандистский аппарат становился одним из основных рычагов центральной власти по упрочению ее позиций.

В области культуры заметным явлением стало открытие в Аддис-Абебе в начале 30-х годов двух библиотек.

Эфиопская церковь, настаивая на использовании в богослужении языка геэз, выступила против издания религиозной литературы на живых языках страны. Несмотря на ее противодействие, в христианских храмах по указанию правительства все чаще применялся амхарский язык, на нем же выходили переводы библии, других религиозных трудов. Не удалось ей добиться и отказа властей от публикации светских книг и газет. В них она увидела предпосылки для секуляризации общества и, следовательно, угрозу своим позициям.

Самое крупное политическое событие начала 30-х годов — принятие первой в истории страны конституции. Согласно ее положениям Эфиопия формально провозглашалась парламентской монархией, а фактически — абсолютной. В связи с тем что до полного утверждения абсолютизма было еще далеко, конституция 1931 г. как бы предвосхищала будущее, явившись своего рода политической программой правления Хайле Селассие.

Одна из целей конституции состояла в том, чтобы использовать ее «как узаконенное средство процесса централизации государственной власти и борьбы против родовой знати» [345, с. 271]. Именно аристократия выступала против введения конституции. Традиционалисты еще в 20-е годы сорвали планировавшуюся регентом разработку основного закона страны. Да и в ходе обсуждения и утверждения конституции 1931 г. сторонникам императора пришлось преодолевать сопротивление знати. Обнародованием конституции преследовалась также задача улучшить за рубежом впечатление о стране, придать ей облик государства, уважающего закон и имеющего внутренний правопорядок. Автор текста конституции бэджиронд Тэкле Хавариат говорил: «Мы особо были заинтересованы в том, чтобы позволить иностранным государствам знать, что у нас есть конституция и что правительство Эфиопии конституционно. Это был ответ тем за границей, кто обвинял нас в произволе, существовании феодализма, отсутствии порядка в руководстве и в целом в хаотичном правлении. Мы преуспели (в достижении поставленной цели.— *Авт.*) и получили солидную основу для борьбы с итальянскими обвинениями в Лиге наций» [345, с. 271].

Конституция, исходившая из принципа унитаризма и сосредоточения фактически всей полноты власти в руках императора, предназначалась для укрепления общегосударственного единства страны, населявших ее народов. Помимо трона, олицетворявшего собой империю, ее прочность, суверенитет и территориальную [150] целостность, позиции центростремительных сил должен был укреплять и учреждавшийся парламент, имевший в основном совещательные, рекомендательные функции. Справедливости ради надо сказать, что население в своей массе в те годы относилось к парламенту очень индифферентно. Но сам факт его созыва и участия в нем представителей различных районов страны способствовали ее политико-территориальной консолидации.

Определенную роль сыграли введение в 1932 г. светского уголовного кодекса, содержавшего немало элементов буржуазного права и отвергавшего многие принципы эфиопского обычного права и традиционного свода законов «Фытха нэгэст», а также перестройка судов высшей инстанции.

Укреплению центростремительных тенденций способствовали также меры по развитию транспорта и строительству дорог, радиостанций и телеграфно-телефонных линий. В области создания современных средств связи были сделаны, однако, лишь первые шаги: построены небольшая радиостанция в Аддис-Абебе, сравнительно крупная радиостанция в Акаки, новые телеграфно-телефонные посты, проложено несколько десятков километров дорог, причем, как правило, проходимых только в сухой сезон. Дальнейшее развитие средств коммуникаций было при-юстановлено фашистским вторжением.

Развитие капитализма

Становление абсолютизма, как известно, тесным образом связано с развитием капитализма. В Эфиопии само государство, эволюционировавшее в сторону абсолютной монархии, выступало вольно или невольно ускорителем товаризации производства, углубления товарно-денежных отношений. Формированию капитализма способствовали реформы, осуществлявшиеся в 20—30-е годы. Определенный импульс развитие капиталистических отношений получило в связи с завершением в 1917 г. строительства и эксплуатацией железной дороги Аддис-Абеба—Джибути, по которой перевезено в 1920 г. 32,5 тыс. т грузов и почти 127 тыс. пассажиров, в 1930 г.— 67,1 тыс. т и 194 тыс. пассажиров и в 1935 г. соответственно 50 тыс. т и 110,6 тыс. пассажиров [362, с. 335]. Строительство шоссейных дорог, общей протяженностью до 4,5 тыс. км (к 1935), также расширяло сферу проникновения товарно-денежных отношений, предпринимательской активности. В стране создавались экспериментальные фермы по производству товарной сельскохозяйственной продукции (например, в Бишофту и Амбо, под Аддис-Абебой). Важную роль в развитии капитализма в Эфиопии сыграли постановления, по которым все недра страны объявлялись государственной собственностью (1928), запрещалось проведение геологоразведочных и горнорудных работ без специального разрешения правительства [151] (1929), устанавливалась государственная монополия на выращивание табака и производство табачных изделий (1928).

Наряду с капитализмом, насаждавшимся (произвольно или непроизвольно — это уже другой вопрос) сверху, его развитие шло и как бы снизу, изнутри эфиопского общества, за счет присущих ему внутренних эволюционных процессов. Товаризация отдельных хозяйств, в том числе помещичьих, расширение сферы услуг, кустарного производства и местного ремесленничества испытывали также сильное влияние извне, были не изолированы от всемирных экономических процессов. Предпринимательством активно занимались многие иностранцы, устремившиеся в Эфиопию в целях обогащения и осевшие в ней.

Крупные сановники империи активно включились в капиталистическое хозяйство. Даже рас Хайлю Тэкле Хаймапог, этот яркий традиционалист, содержал в Аддис-Абебе ночной клуб и кинотеатр. Фитаурари Дэста Дамтоу, впоследствии ставший зятем Хайле Селассие, создал небольшое мыловаренное предприятие. Кроме того, он был одним из крупнейших экспортеров кофе. Фитаурари Дэрэса и д-р Мартин (Уоркнэх Ышэте) основали небольшую компанию по добыче золота в Юбдо. В 1933 г. группа эфиопских предпринимателей образовала «Сосьете миньер этиопьен» со штаб-квартирой в Аддис-Абебе и акционерным капиталом в 300 тыс. долл. Восемью годами раньше группа крупных и влиятельных придворных, к которым присоединился и старший сын регента, образовала «Сосьете этиопьен дю коммерс э д'индустри», занимавшуюся экспортно-импортными операциями. Многие знатные вельможи сдавали свои земли иностранцам в капиталистическую аренду, имели многочисленные доходные дома в Аддис-Абебе, торговали с границей через иностранных посредников-торговцев.

В предпринимательство пустился и сам Хайле Селассие. Еще будучи регентом, он основал в Харэре крупное товарное хозяйство по выращиванию кофе, цитрусовых и винограда. В реорганизованной в 1925 г. «Сосьете этиопьен пур ле девелопеман дю коммерс э л'индустри», созданной еще в 1909 г. на средства Менелика II, Таиту, расов Тэсэммы и Уольдэ Гийорггиса, фитаурари Хабтэ Гийорггиса, бэджиронда Мулюгеты и нэгадраса-Хайле Гийорггиса, значительную долю акций (на сумму в 10 тыс. талеров Марии-Терезии) приобрел регент.

Английский журналист Л. Фараго, отмечая у императора высокие деловые качества как бизнесмена, подчеркивал, что он очень преуспевал в предпринимательской деятельности. По его свидетельству, Хайле Селассие в 30-е годы владел одним частным

банком в Аддис-Абебе, имел крупные капиталовложения в мусульманских магазинах, открывшихся в разных городах страны, а также ссужал правительственным учреждениям деньги под высокий процент [307, с. 155]. Он занимался бизнесом преимущественно в сфере обращения, а не материального производства. В большинстве своем эфиопские предприниматели из [152] числа аристократии и высшей бюрократии имели деловые и финансовые связи с иностранным капиталом, действовавшим в Эфиопии. Его роль в становлении капитализма в стране оказалась очень значительной. Это был главным образом мелкий и реже средний капитал, немонополистический. Будучи заинтересован в стабильности государства, твердой монаршей власти, личной безопасности, неприкосновенности вложенного капитала и ликвидации внутренних таможен, он поддерживал курс на учреждение абсолютной монархии. При слабой центральной власти или в худшем случае дезинтеграции страны его надежды на процветание оказались бы минимальными.

Среди иностранных предпринимателей выделялись своей многочисленностью и активностью арабы (в 1935 г. — 4 тыс. человек), греки (3,14 тыс.), индийцы (3 тыс.) и армяне (2,8 тыс. человек). ²/₃ всех предприятий, находившихся в руках иностранцев, принадлежали грекам и армянам, причем многие из них представляли собой экспортно-импортные фирмы [313, с. 73—74]. В сфере внешней торговли действовали также германские, английские, итальянские, американские и японские компании. Но для большинства из них посредническую роль выполняли фирмы бизнесменов с Ближнего Востока, Индостана и Балкан.

В соответствии с интересами мирового капиталистического рынка в Эфиопии расширялось производство кофе, экспорт которого наряду с кожевенным сырьем приносил баснословные доходы. Бельгийский концерн, возникший в годы первой мировой войны на базе двух фирм «Сосьете женераль де кюльтюр» и «Сосьете женераль де плантасьон д'Абиссини», довел производство кофе на плантациях в Аруси до 613 тыс. кг в 1931 г. Выращиванием товарного кофе занимались также германские фирмы и частные лица.

Сравнительно крупной по эфиопским масштабам была компания «Сосьете миньер де консесьон Прассо ан Абиссини» со штаб-квартирой в Париже, на золотых приисках которой в 1933 г. трудилось 6300 человек. Французским гражданам и правительству принадлежал частный банк с капиталом в 1 млн. долл., открытый в 1928 г. в Аддис-Абебе. Французам же принадлежала большая часть железнодорожной компании. Крупную концессию получили американцы, добывавшие слюду в Уоллега, Харэре, Огадене и Аусе.

Были случаи, когда иностранцы организовывали фирмы совместно с эфиопскими предпринимателями. Пример тому — участие французов в одной из компаний по добыче золота.

В основном же иностранный капитал, хотя отчасти и имел тенденцию к натурализации, разрушал местное кустарное и ремесленное производство, не оставляя ему надежды на выживание в острой конкурентной борьбе с импортными товарами, а также на переход его в стадию капиталистического производства.

Эксплуатация Эфиопии монополистическим капиталом в рамках международного капиталистического разделения труда осуществлялась преимущественно по каналам внешней торгов-[153]

Таблица 1

**Динамика внешней торговли Эфиопии через Джибути,
Англо-Египетский Судан и Британское Сомали, ф. ст.**

Торговый путь (через)	Экспорт	Импорт
-----------------------	---------	--------

	1912 г.	1928/29 г.	1912 г.	1928/29 г.
Джибути	762 002	890 287	848 527	1399 905
Англо-Египетский Судан	97 411	237 293	95 756	163 938
Британское Сомали	16 649	46 708	44 112	84 721
Всего	876 062	1174 288	988 395	1648 564

Источник [51, с. 23].

ли. Данные о развитии внешней торговли Эфиопии в 20—30-е годы свидетельствуют о все возрастающей ее включенности в мировую капиталистическую систему хозяйства (табл. 1).

Данные табл. 1 показывают известное увеличение объема внешней торговли Эфиопии к 1930 г. Если же привлечь показатели внешней торговли, проходившей через Эритрею, то внешнеторговый оборот страны в 1928/29 г. составит примерно 3,5 млн. ф. ст. Однако уже в то время наметилось отставание Эфиопии в хозяйственном развитии по сравнению с некоторыми соседними странами, находившимися под колониальным господством. Английский экономист Г. Маккерет в 1932 г. писал, что за последние 25 лет объем внешней торговли Эфиопии возрос всего лишь на 72%, в то время как в Англо-Египетском Судане — в 11 раз, в Кении и Уганде — в 15 раз [51, с. 11].

Таблица 2.

Структура экспорта Эфиопии через Джибути

Товар	1912 г.		1929 г.		1930 г.	
	метрические тонны	ф. ст.	метрические тонны	ф. ст.	метрические тонны	ф. ст.
Кофе	3 316	277 358	13 684	512 527	14 412	404 285
Кожевенное сырье	3 115	306 529	6 723	327 401	7 617	217 891
Воск	408	49 906	326	26 130	346	17 768
Прочее	585	128 210	805	24 129	2 575	39 739
Всего	7 424	762 003	21 538	890 287	24950	679 683

Источник [51, с. 22].

[154]

К началу 30-х годов кофе прочно утвердился в качестве ведущей, основной товарной и экспортной культуры Эфиопии (табл. 2). Вывоз кофе увеличивался и в последующие годы: в 1932 г. — 20 тыс. т, за первые девять месяцев 1935 г. — 16 тыс. т [376, с. 179]. Рос также вывоз кожевенного сырья, занявшего второе место в товарной структуре экспорта: в 30-е годы по 9 тыс. т ежегодно.

Торговые пути шли, как известно, также через Эритрею с выходом в порт Асэб, через Гамбелу на юго-западе страны и с последующей транспортировкой по территории Англо-Египетско-го Судана и через Британское и Итальянское Сомали. И здесь преобладали в вывозе кофе и кожевенное сырье.

Кофе экспортировался главным образом в США, Англию, Испанию, Германию и Египет. Причем уже в то время обнаружилась конкуренция эфиопскому кофе на мировом капиталистическом рынке, в частности, со стороны Кении, бывшей тогда колонией Англии. Кроме того, рост физического объема продажи кофе не сопровождался соответствующим ростом валютных поступлений от его продажи.

Ведущие позиции во внешней торговле Эфиопии долгое время занимала Англия, на долю которой в середине 20-х годов приходилось до 60% товарооборота страны, в то время как на долю Франции — 26, Италии — 6 и США — 4% [197, с. 191]. Положение начало меняться с возросшей торговой экспансией Японии в 30-е годы.

Новым фактором в политическом и хозяйственном развитии страны в 1930 г. стал мировой экономический кризис, потрясший в 1929—1933 гг. капиталистическую систему. Экономическое положение империи в те годы резко ухудшилось: сократились валютные поступления от экспорта традиционных товаров, произошло заметное обесценение талера Марии-Терезии, резко подорожали импортные товары и упали закупочные цены на местные товары, падало производство кофе и т. д. Так, обменный курс английского фунта стерлингов в 1914—1918 гг. составлял 3—4 талера Марии-Терезии, в 1929 г. — 13,20 и в 1930 г. — 19,65 талера Марии-Терезии; цена за 17 кг кофе сорта «Абиссиния» в Аддис-Абебе упала в 1930 г. до 8 талеров Марии-Терезии (в 1929 г. — 13 талеров), а цена за 100 кг импортной соли возросла до 21 талера Марии-Терезии (в 1929 г. — 11 талеров) и т. д. Кризис обострил соперничество империалистических держав за господство на эфиопском рынке, а также противоречия между ними и Эфиопией. Вместе с тем он показал неустойчивость позиций Эфиопии в мировом капиталистическом хозяйстве и обнажил в нем ее подчиненное положение. Стало ясно в еще большей степени и то, что только сильная централизованная власть, опиравшаяся на традиционный эфиопский патриотизм, могла противодействовать колониаторским устремлениям в складывавшейся кризисной и послекризисной ситуации.

Развитие капитализма в Эфиопии, находившееся еще на начальной [155] стадии, способствовало формированию общенационального внутреннего рынка, укрепляя тем самым центристремительные тенденции. Возникшая, таким образом, социально-экономическая обстановка благоприятствовала становлению абсолютизма.

Эфиопские просветители

Просветительство в Эфиопии, буржуазное и антифеодальное в своей основе, получило широкое развитие в 20—30-е годы. Оно активно воздействовало на оживление политической жизни и формирование общественной мысли в стране. Специфическая черта эфиопского просветительства состоит в особом почитании Японии, добившейся крупных успехов в капиталистическом развитии в результате революции Мэйдзи и сохранившей независимость, в восхвалении японского опыта упразднения феодальных отношений и использования европейской технологии, в призывах следовать японскому пути в капиталистическом строительстве. И. Левин отмечал в 1936 г., что «Япония, ставшая из полуколониальной страны мощной мировой державой, властвует над думами младоабиссинских националистов» [211, с. 79]. По мнению А. А. Пономаренко и С. Б. Чернецова, «пример Японии был для (эфиопов.— *Авт.*) ...привлекателен прежде всего как пример реальной возможности покончить с феодальными отношениями внутри страны, не только не ослабив, но и существенно укрепив ее обороноспособность» [217, с. 154].

Увлечение Японией и стремление ей подражать зародились, в первое десятилетие XX в., но укоренились в 30-е годы, когда власти предприняли шаги по установлению разносторонних связей со Страной восходящего солнца. Приемлемость японского пути для Эфиопии доказывалась просветителями наличием якобы социально-экономических и политических аналогов в обоих государствах. Наиболее полно подобная позиция изложена блаттенгета Хыруй Уольдэ Сыллесе в описании своей поездки в 1933 г. в

Японию. В одном из дипломатических документов, хранящихся в архивах Великобритании, указывается, что сам император постоянно интересовался достижениями Японии и находил черты сходства между двумя странами, позволявшие «ему мечтать об Эфиопии как возможной Японии в Африке» [305, с. 295].

Эфиопские просветители, находившиеся на государственной службе, предпринимали даже попытки применить японский опыт на эфиопской почве. Бэджиронд Тэкле Хавариат при составлении текста конституции 1931 г. заимствовал многие положения из конституции Мэйдзи 1889 г. Да и в некоторых других реформах просматриваются «японские» мотивы.

Наличие японской темы в эфиопском просветительстве дало основание неизвестному автору (псевдоним Аддис Хыйуот) говорить [156] даже о третьем (наряду с консервативным и либеральным), «японском» идейно-политическом течении в Эфиопии 20 — 30-х годов. Его представителей он называет «японистами», а сам процесс, за который они ратовали,— японизацией [265, с. 68—77]. Интересна оценка автора предложений японистов. «Если были бы предприняты шаги по выполнению идей японистов,— пишет он,— то, несомненно, Эфиопия вступила бы в войну более подготовленной... на совершенно иной политической и организационной основе, и Эфиопия не была бы пешкой победоносного англосаксонского империализма... и, наконец, послевоенная Эфиопия стала бы другой» [265, с. 77]. С этим утверждением нельзя безоговорочно согласиться, как, впрочем, и с самой точкой зрения Аддис Хыйуота об особом «японском» течении в идейно-политической жизни страны тех лет.

Думается, правильнее сказать, что «японисты» занимали особое место в младоэфиопском движении, были самой активной силой в нем и составляли его идейное ядро. Они выступали за ускоренное развитие капитализма, передачу власти в руки лиц, получивших образование, и отстранение знати, погрязшей в невежестве и в нежелании учиться и управлять страной в соответствии с требованиями времени. Говоря о ликвидации феодализма, они имели в виду прежде всего политические, культурные, социальные и фискальные отношения. Речь у них не шла о земельном перераспределении (пожалуй, только в публицистике Асбэ Хайлю можно обнаружить некоторые намеки на упразднение помещичьего землевладения). Это роднило их с теми, кого Аддис Хыйуот именует либеральными, или просвещенными, феодалами. Ни те, ни, разумеется, другие не оспаривали курс на установление абсолютной монархии.

Но, несмотря на разные подходы к проблемам развития страны, и просветители и либералы совместно противоборствовали старозэфиопам, объединившись в одно — младоэфиопское — политическое движение. Возможно, в перспективе и произошло бы между ними идейно-политическое размежевание. Сам Аддис Хыйуот признает, что «японисты», сотрудничая с либералами, «были важным источником просвещения» последних [265, с. 77].

Хайле Селассие, желая создать облик просвещенного монарха, благосклонно относился к публицистическим статьям в: «Бырханннна сэлам», книгам и памфлетам просветителей. Тем более что они не противоречили в целом его намерениям утвердить самодержавие. Широко допускалась критика феодальных устоев эфиопского общества, его традиций, мешавших продвижению страны вперед, знати, препятствовавшей централизации государства, отдельных сторон церковной жизни, а также центробежных тенденций. Все это устраивало монарха, в противном случае была бы приведена в действие угроза, сделанная властями в 1926 г. газете «Аымро»: «Автор понесет ответственность, если в „Аымро" появятся публикации, имеющие политическое содержание или наносящие вред народу» [345, с. 332]. [157]

Многие просветители, критикуя феодальные порядки, вместе с тем издавали работы, в которых прославляли регента, позднее императора. В их числе следует назвать хвалебную хронику Афэуорка Гэбрэ Ийесуса о визите раса Тэфэри Мэконнына в Аден в 1922 г., панегирические поэмы гразмача Вубэте «Хвала императрице Эфиопии Зоудиту и наследнику

трона эфиопской империи», стихи в литературном журнале «Гоха Цыбах», книгу блаттенгета Хыруя Уольдэ Сыллесе «Радость и честь: рассказ о визите престолонаследника и регента эфиопской империи раса Тэфэри Мэконнына в Европу». Об идейно-политическом значении этих и им подобных публикаций можно судить по оценке, данной советским ученым М. Л. Вольпе писателю-просветителю и государственному деятелю блаттенгета Хырую Уольдэ Сыллесе. «Необходимо подчеркнуть,— пишет он,— что общественно-публицистическая деятельность Хыруя Уольдэ Сыллесе оказывала большое влияние на умы современников, на формирование общественного мнения. Будучи убежденным сторонником реформ, писатель многое сделал для популяризации как внутри страны, так и за рубежом политики раса Тэфэри» [176, с. 87]. Издания верноподданнического характера, безудержно восхваляющие императора, положили начало обширной литературе, создававшей ему ореол «отца нации», заботливого монарха и мудрейшего руководителя страны.

Среди просветителей широкую известность помимо упоминавшихся Хыруя Уольдэ Сыллесе, бэджиронда Тэкле Хавариата и Афэуорка Гэбрэ Ийесуса получили кантиба Гэбру Дзета, резко осуждавший стоящую у власти знать и придворных родовитых сановников, отсталость страны, Уоркнэх Ышэте (д-р Мартин), настаивавший на быстрейшей ликвидации рабства и предупреждавший о возможном вмешательстве империалистических держав под предлогом необходимости освобождения рабов, Асбе Хайлю, выступивший против нещадной эксплуатации крупными землевладельцами крестьян, Гэбрэ Крыстос Тэкле Хайманот, перепечатавший в 1927 г. в «Бырханнинна сэлам» материал из французской антифашистской газеты «Ле пролетэр» с разоблачением итальянских захватнических планов в Эфиопии, и нэгадрас Гэбрэ Хыйуот Байкэдань, опубликовавший в 1923 г. памфлет «Политическая экономия», в который включил многие идеи своей предыдущей работы о Менелике II.

Кантиба Гэбрэ Дзета подготовил специальный меморандум для властей, содержащий предложения о социальных реформах, в том числе в области образования. К сожалению, до сих пор текст меморандума не обнаружен, но остается непреложным факт равнодушного к нему отношения в правительственных кругах. Блаттенгета Хыруй Уольдэ Сыллесе в книге «История жизни», вышедшей в Аддис-Абебе в 1923 г., пишет, что кантиба в этом документе призывал знать и принцев ввести в Эфиопии западную цивилизацию и начальное образование [276, с. 30].

Вопросы развития образования в стране составляли один из важнейших аспектов просветительства. Тот же Гэбрэ Дзета одним из первых в стране опубликовал в 1921 г. амхарскую грамматику на амхарском языке. Вскоре появились и другие грамматики амхарского языка, в частности учебное пособие по амхарскому глаголу и местоимению, написанное Дзета Тэкле Уольд Зэбыхерэ Уогда. Вышли в свет также учебники по арифметике и географии, составленные (соответственно) Гэбрэ Крыстос [158] Тэкле Хайманотом и Уоркнэхом Ышэте. Они были написаны на амхарском языке.

Просветители придавали большое значение развитию амхарского языка, его преподаванию в школах. В 1927 г. в одной из статей в «Бырханнинна сэлам» было потребовано от властей ввести обязательное обучение амхарскому и географии Эфиопии в школе им. Менелика II. Просветители рассматривали амхарский язык как важнейшее средство достижения государственного единства и просвещения народных масс. Уже в 20-е годы они предлагали реформировать амхарский силлабарий и написание цифр [265, с. 69, 76—77], чему воспрепятствовала церковь.

Подчеркнутое внимание к амхарскому языку не случайно: оно отражало рост национального самосознания населения, наличие определенных сдвигов в эфиопском обществе 20—30-х годов, а также расширение сферы использования амхарского языка.

Исключительная заинтересованность в судьбах просвещения народных масс прозвучала в 1927 г., когда «Бырханнинна сэлам» обратилась к Зоудиту и регенту с просьбой назначить министра образования, подчинив ему все учебные заведения страны, и отдавать предпочтение обучению молодежи внутри страны, чем отправке ее за рубеж

[400, с. 38]. Однако блатта Дэрэса, выдвинув лозунг «организация и образование — необходимые условия развития», настаивал в том же году на том, чтобы отправить в заграничные учебные заведения 300 эфиопов. Этого числа, как он полагал, хватит для решения сложной проблемы реализации его лозунга [265, с. 76]. Вместе с тем он считал необходимым открыть школы в каждой уорэда (округе). Двумя годами раньше Тэфэрма Бэлеху опубликовал статью, в которой дал резкую отповедь всем тем, кто предвзято относился к лицам, изучившим европейские языки.

В ряде статей в «Бырханна сэлам» излагались соображения по введению системы строго фиксированного жалования всем, находящимся на службе государства в центре и на местах, и одновременной отмене практики земельных пожалований для «прокормления», роспуску феодальных дружин и организации регулярной армии, ликвидации многообразной налоговой системы и реорганизации судопроизводства и т. д. (см. [334, с. 178; 211, с. 82; 265, с. 68—70]).

Нэгадрас Гэбрэ Хыйуот Байкэдань в книге «Государство и администрация», перечислив причины отсталости Эфиопии (феодализм, неграмотность и т. д.), предлагал организовать специальное налоговое учреждение, построить шоссейные и железные дороги, а также высказывал идеи формирования общенационального внутреннего рынка, достижения единства населения страны и расцвета местной торговой буржуазии. Важнейшим положением труда Гэбрэ Хыйуота Байкэданя, статей Асбэ Хайлю, блатта Дэрэса и других просветителей является утверждение о решающей роли государства в развитии капитализма. [159]

Наряду с публицистикой средством выражения прогрессивных идей стала и художественная литература. Это подтверждается творчеством Афэуорка Гэбрэ Ийесуса, роман которого «История, рожденная сердцем» (1908) был переиздан в 1927 г. и получил тогда широкую читательскую аудиторию, Хыруя Уольдэ Сыллесе, опубликовавшего повесть «Мысли сердца. Брак Бырхане и Цион Могэса» (1931) и роман «Новый мир» (1933), Тэкле Хавариата, на сатирическую пьесу которого «Комедия животных» (между 1912 и 1916 гг.) сняли запрет только в 1930 г., Юфтахе Ныгуса, посвятившего многие драматические произведения актуальным вопросам своего времени (см. подробнее [176, с. 72—95]). Во всех этих произведениях присутствуют в той или иной степени мотивы обличения традиционализма с позиций просвещенного буржуа. Вместе с тем в них обеляется монархический строй, который должен покончить с возникшими недостатками, негативными проявлениями жизни, но не затрагиваются коренные социально-экономические противоречия

Заслуживают внимания исторические работы Хыруя Уольдэ Сыллесе «Эфиопия и Мэтэмма. Краткая история императора Йоханнуса» и «Чистый источник: история ранней церкви» и алека Тайе «История народа Эфиопии», вышедшая двумя изданиями в 1922 и 1928 г. Эти книги свидетельствуют о пробуждении интереса в стране к прошлому, о первых попытках его осмысления. Они, несомненно, содействовали осознанию читателями места их родины в истории, создавали идеологические предпосылки для миропонимания.

Для просветительских целей Алемайеху Тана, работавший секретарем специального учреждения по освобождению рабов, перевел на амхарский язык «Хижину дяди Тома» выдающейся американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу.

Многие просветители не ограничивали себя только публицистической, литературной, общественной или государственной деятельностью. Они делали также конкретные шаги по реализации некоторых своих взглядов, находясь на службе или в порядке частной инициативы. Так, Уоркнэх Ышэте убеждал в начале 20-х годов регента открыть школу второй ступени в Аддис-Абебе и в 1928 г. добился своего, а позднее и сам основал школу для девочек. Уже говорилось о его предпринимательстве. Под давлением просветителей Хайле Селассие I принял решение об организации министерства образования, запретил в юридической практике обьчай «афырсата» и т. д. Конечно, не

все задуманное ими удалось осуществить, да это и не было возможным в жестко детерминированных условиях режима Хайле Селассие.

Просветители 20—30-х годов, несмотря на ограниченность их идейно-политического влияния на население, внесли заметный вклад в формирование общественной идеологии страны, основанной на антифеодализме и антиимпериализме. [160]

Основные направления внешней политики

В 1918—1935 гг. Эфиопия по-прежнему оставалась преимущественно объектом международных отношений. Аддис-Абебой были сделаны тогда лишь первые шаги, притом значительные, по превращению страны в субъекта внешней политики. Этому препятствовали, однако, империалистические державы, и прежде всего Англия, Франция и Италия, которые рассчитывали получить высокие дивиденды от дворцового переворота 1916 г. и прихода к власти людей, ориентированных на Лондон, Париж и Рим.

Однако новое руководство Эфиопии, хотя и испытывало благодарность, особенно Англии, за помощь в низложении Лиджа Иясу, тем не менее не хотело становиться безмолвным, послушным сателлитом англо-франко-итальянских колонизаторов. Оно, опираясь на традиционный эфиопский патриотизм и исходя из собственных социально-классовых интересов, стремилось обеспечить независимость государства, не допустить его порабощения. Показателен ответ регента, которого, как многие эфиопы теперь полагают, поставили у власти англичане, на вопрос британского консула майора Доддса о том, под управлением какой из трех держав (Англии, Франции, Италии) хотела бы оказаться Эфиопия. «Мы предпочли бы сохранить свою независимость»,— сказал он [305, с. 458]. Разумеется, узкоклассовые интересы социально-политических сил, оказавшихся во главе эфиопского государства, ограничивали его возможности в антиимпериалистическом, антиколониальном сопротивлении. Сама природа феодального общества, функционировавшего в условиях низкого развития производительных сил, создавала немало трудностей в борьбе Эфиопии за сохранение независимости.

В правящих кругах не было единства в отношении внешнеполитической деятельности. Младоэфиопы рассматривали ее как одно из важнейших средств укрепления самостоятельности страны и приобщения к европейской цивилизации, а их противники, наоборот, считали, что достижение безопасности Эфиопии возможно только на путях изоляции от мирового сообщества. В этом они нашли поддержку со стороны Англии, Франции и Италии, которые всемерно препятствовали расширению международных связей Эфиопии, ее поискам выхода из ограниченных рамок внешнеполитического треугольника «Лондон—Париж—Рим».

При анализе внешней политики Эфиопии в 1918—1935 гг. нельзя упускать из виду и личные амбициозные планы Хайле Селассие. Своей активностью во внешних делах он пытался упрочить международные основы своего правления. Судя по всему, в его намерения входило избрать одну-две могущественные державы в качестве внешнеполитической опоры собственного царствования, но не допуская при этом чрезмерной зависимости. Аддис Хыйуот пишет, что при слабой надежде на успех во внутренних [161] начинаниях рас Тэфэри Мэконнын «обратил свое внимание на иностранные дела, менее болезненные и требующие меньшей предприимчивости», причем дающие большой эффект для повышения его авторитета [265, с. 63]. Особый интерес монарха к внешней политике, возможно, наследственен, так как его отец, рас Мэконнын, был крупным дипломатом менеликовского времени.

По настоянию прогрессивных, младоэфиопских кругов правительство, преодолевая сопротивление консерваторов и их союзников из Англии, Франции и Италии, предприняло на международной арене ряд акций, позволяющих судить о серьезности его намерений по изменению сложившейся практики во внешних сношениях страны, когда

преимущественно они замыкались на связях с Англией, Францией и Италией. В русле расширения международной политики Эфиопии следует рассматривать ее вступление в Лигу наций, Международный почтовый союз, Международную организацию труда, визит регента в европейские страны в 1924 г., пышную коронацию Хайле Селассие I в 1930 г., на которую были приглашены высокие представители 11 государств, официальную поездку наследного принца Эфиопии Асфа Уосэна в 1931 г. в ряд европейских государств, открытие постоянных дипломатических миссий в Лондоне, Париже и Риме, а также многочисленные контакты с США, Германией, Японией, Швецией, Польшей, Чехословакией и некоторыми другими странами. В 20—30-е годы в Аддис-Абебе основали свои посольства или консульства Бельгия, Египет, Швеция и Турция. Наряду с ранее учрежденными в столице действовали, таким образом, в 1935 г. 11 дипломатических представительств. На 1936 г. намечалось открытие посольства Японии.

Установлению дипломатических отношений с Советским Союзом, о чем не раз беседовал регент с советскими дипломатами в 1924 г., воспрепятствовали англо-франко-итальянские колонизаторы и внутренняя реакция [24, т. 7, с. 427—428; т. 18, с. 108—109, 618—619; т. 19, с. 123, 184, 731; 192, с. 66]. Эти же самые силы еще раньше сорвали попытку, предпринятую нашей страной в 1921—1922 гг., возобновить дипломатические отношения с Эфиопией и открыть в Аддис-Абебе дипломатическую миссию Советской России. При выяснении причин неудачи, постигшей тогда на переговорах в эфиопской столице представителя Наркоминдела Советской Республики И. А. Залкинда, следует учесть и то, что, по мнению советского ученого Ан. А. Громыко, «руководители Эфиопии того времени были довольно тесно связаны с государствами Антанты, так как именно с их помощью в 1916 г. был совершен государственный переворот в Эфиопии и свергнуто правительство Лиджа Иясу» [185, с. 11]. Несмотря на отсутствие официальных отношений, Эфиопии и Советскому Союзу в 30-е годы удалось заключить несколько взаимовыгодных торговых сделок. Они дали возможность Аддис-Абебе убедиться в том, что зародившиеся советско-эфиопские экономические [162] связи благоприятствуют внешнеполитическому положению страны. Вот почему в 1934 г. ее правящие круги обратились к Советскому Союзу с настойчивой просьбой о расширении торговли и восстановлении нормальных отношений, что нашло полное понимание в Москве [24, т. 18, с. 108—109, 618]. Но разразившаяся война с Италией не позволила реализовать намерения обеих сторон.

Не стоит полагать, что Англия, Франция и Италия занимали враждебную позицию только по поводу развития связей Эфиопия — СССР, хотя наиболее яростно они выступали именно против эфиопских контактов с нашей страной. В Лондоне, Париже и Риме не взирали спокойно также на усилия Аддис-Абебы по налаживанию отношений с другими западными державами, справедливо видя в них своих конкурентов.

Так, в 1935 г. при заключении договора о торговле и дружбе с Эфиопией шведы вынуждены были постоянно оглядываться на Рим, который не одобрял занятую Стокгольмом позицию. Соглашение, подписанное в Аддис-Абебе 1 августа 1935 г., так и не было им ратифицировано [313, с. 148—150]. В 1934 г. Берлин уступил требованиям Муссолини, отказав в конце концов Эфиопии в предоставлении займа в 33 млн. рейхсмарок сроком на 10 лет, на что соглашался в ходе секретных переговоров в Аддис-Абебе [278, с. 142]. В 30-е годы Англия саботировала, по существу, договоренность Эфиопии с американской фирмой «Дж. Г. Уайт индженеринг корпорейшн» о сооружении плотины на Голубом Ниле, у оз. Тана [174, с. 51—55; 208, с. 31—33; 187]. Под давлением англичан не удалось также германским банкам и компаниям заняться этим строительством [278, с. 141].

Англия и ее союзники по колониальной политике отрицательно относились к попыткам Эфиопии завязать тесное экономическое и дипломатическое сотрудничество с Японией. В Аддис-Абебе полагали противопоставить Страну восходящего солнца англо-франко-итальянским колонизаторам. Многие в совместных проектах обеим странам не удалось сделать из-за противодействия Лондона, Парижа и Рима (например, не состоялись: династический брак между

царствующими домами Японии и Эфиопии, организация в Эфиопии плантаций хлопчатника и других технических культур, переселение в Эфиопию 1 млн. японцев).

В условиях нарастающей военной угрозы Италии страна остро нуждалась в средствах для оплаты оружия. Но Запад, как правило, отказывал Аддис-Абебе в удовлетворении ее просьб о займах. В 1935 г. Аддис-Абеба неожиданно получила торговый кредит в Германии в 350 тыс. рейхсмарок, на которые было закуплено у немецких промышленников и доставлено в Эфиопию около 10 тыс. винтовок, 10 млн. патронов, несколько пушек, другое оружие и большие партии амуниции [278, с. 142]. Берлин пошел на это, когда противоречия Германии с Италией обострились.

В развитии эфиопо-германских связей обращает на себя внимание один весьма любопытный момент. В 20—30-е годы Германию посетило несколько высокопоставленных делегаций из Эфиопии. Сам регент дважды останавливался летом 1924 г. в Гамбурге. В специальных посланиях в Берлин он заверял германских руководителей в желании упрочить узы дружбы между [163] двумя странами, развивать торговлю и пригласить к себе на службу немецких подданных [278, с. 138—140]. В 1932 г. Берлин посетил наследный принц Асфа Уосэн, официальным визитом которого Хайле Селассие, «вероятно, надеялся проложить мост для просьб о помощи» [278, с. 140], и т. д. Словом, интенсивность контактов с Германией со стороны Эфиопии была необычной. А ведь подобный курс по отношению к Берлину проводился теми, кто в свое время обвинял Лиджа Иясу за стремление ориентироваться на Германию.

Эфиопская дипломатия, пытаясь избежать изоляции, на какую ее обрекали Англия, Франция и Италия, уделяла самое пристальное внимание состоянию и перспективам отношений с этими державами. Она стремилась не допустить усиления их влияния в стране, срывая путем использования межимпериалистических противоречий совместные или индивидуальные попытки англо-франко-итальянских колонизаторов покорить ее. Вместе с тем Эфиопия старалась заручиться договорными обязательствами Англии, Франции и Италии в уважении, сохранении и поддержании ее статуса независимого государства, в официальном провозглашении этими странами дружественных отношений с Аддис-Абебой. В русле подобного подхода Эфиопии к связям с Лондоном, Парижем и Римом следует рассматривать, в частности, итало-эфиопский «договор о дружбе, посредничестве и арбитраже», подписанный обеими сторонами 2 августа 1928 г. Советский историк В. А. Трофимов утверждает, что при заключении соглашения и приложенной к нему дорожной конвенции «уже тогда Эфиопия выступала в качестве не только объекта, но и субъекта международной политики» [233, с. 131].

Эфиопия предпринимала самостоятельные шаги и в вопросе получения свободного выхода к морю, который занимал ее дипломатию в течение всего рассматриваемого периода. Англия, Франция и Италия использовали это обстоятельство и присутствие на ее границах для оказания на Аддис-Абебу постоянного давления. Проблема достижения Эфиопией непосредственного выхода к морю стала предметом обсуждения на многочисленных дипломатических встречах в Аддис-Абебе и столицах заинтересованных европейских держав. Она находилась в центре переговоров, какие вел регент в 1924 г. в ходе своего визита в Англию, Францию и Италию. Эфиопская сторона добивалась, территориальных уступок в портах одной из колоний — Эритреи, Британского или Французского Сомали и свободного прохода к выделяемому прибрежному району, причем получаемый коридор и приморская зона становились бы суверенной частью Эфиопии. В Лондоне и Париже уклонились от ответа на сделанные регентом предложения. Ни президент Франции А. Мильеран, ни британский премьер-министр Р. Макдональд не отнеслись всерьез к эфиопской просьбе. Правда, в Кэ д'Орсэ Тэфэри Мэконнына ознакомили с подготовленным в конце концов проектом соглашения о сдаче в аренду Эфиопии участка в Джибути, но [164] тут же заявили под предлогом правительственного кризиса, что не намерены его обсуждать.

В Риме же по тактическим соображениям уже на второй день пребывания регенту вручили проект договора, разработанный генеральным секретарем министерства иностранных дел Саль-ваторе Контарини. Речь в нем шла о предоставлении Эфиопии в Асэбе специальной зоны на 99 лет, прохода к ней по Эритрее и возможном строительстве в его пределах железной дороги. Территориальные уступки, однако, оговаривались рядом экономических, юридических и политических условий (например, организация совместной компании с участием исключительно итальянского персонала для строительства портовых сооружений, железной дороги и дорог на Гондэр, Адуа, Мэкэле и др. города), которые заметно ограничивали суверенитет эфиопского государства. Регент, изучив проект, заявил о необходимости обсудить его с могущественными сановниками и вельможами империи [90, с. 100—103]. Он был отвергнут (как и французские предложения) советом империи по возвращении Тэфэри Мэконнына в Аддис-Абебу в сентябре 1925 г.

Тем не менее вполне очевидно, что его содержание учитывалось при выработке положений итало-эфиопского договора 1928 г. и дорожной конвенции. Согласно одной из статей последней Эфиопии как раз и предоставлялась свободная зона в Асэбе на 130 лет. Однако ни тот, ни другой документ, по существу, не был реализован, и причина тому — агрессивность фашистской Италии.

В Риме очень враждебно относились к тому, когда Эфиопия со второй половины 20-х годов многократно вступала в переговоры с Францией по поводу приобретения прямого доступа к морю в Джибути [90, с. 146].

Настороженно воспринимали там и сообщения о попытках Эфиопии получить свободную зону в порту Зейла в Британском Сомали и территориальный «коридор» к нему. Активность эфиопской дипломатии по этому вопросу особенно усилилась в 1933—1934 гг., т. е. тогда, когда заметно возросла опасность нападения Италии. В секретной телеграмме английский посланник в Аддис-Абебе С. Бартон информировал министра иностранных дел Джона Саймона 13 февраля 1933 г. о том, что император просил возобновить переговоры относительно сдачи в аренду участка порта Зейла и коридора [305, с. 378]. Недавно опубликованные дипломатические документы Великобритании свидетельствуют о том, что Англия обуславливала эту уступку Эфиопии фактическим отторжением от нее обширных районов, примыкающих к Британскому Сомали. Над ними предполагалось провозгласить английский протекторат (см.: [305, с. 382]). Кроме того, Лондон намеревался заполучить в Эфиопии многочисленные весьма выгодные концессии [305, с. 383].

Не исключено также, что вопрос о свободной зоне в Зейле увязывался Лондоном с благоприятным для себя решением [165] проблемы строительства плотины на Голубом Ниле, у оз. Тана. Эфиопы всячески противились тому, чтобы Лондон контролировал и проектировавшуюся плотину, и район, отводимый под ее сооружение, и эксплуатацию возникшей бы гидротехнической системы, и сами нильские воды. Аддис-Абеба в этом преуспела, чего нельзя сказать о получении непосредственного выхода в Мировой океан по территории соседних колоний. Постигшая эфиопскую дипломатию неудача дорого обошлась стране, когда нападение фашистской Италии становилось все более реальным, а Великобритания и Франция, осуществлявшие политику «умиротворения» (т. е. потворствования) агрессора, запретили провоз оружия в Эфиопию через свои владения в Северо-Восточной Африке.

В 30-е годы особое внимание во внешнеполитической деятельности Аддис-Абеба сосредоточила на предотвращении итальянского вторжения. Дипломатия страны действовала не только путем двусторонних или многосторонних переговоров с Англией, Францией, Италией и некоторыми другими государствами, но и через Лигу наций.

Эфиопия и Лига наций

Почти сразу же после окончания первой мировой войны три представительные делегации из Эфиопии посетили Англию, Францию и Италию для того, чтобы приветствовать державы-победители, преподнести дары жертвам войны и прозондировать возможности участия Эфиопии в создаваемой Лиге наций [276, с. 29].

В ходе состоявшихся бесед выяснилось, что англичане и итальянцы заняли резко негативную позицию по поводу допуска Эфиопии в Лигу наций, ибо вполне обоснованно полагали, что при международном признании и гарантировании независимости этой африканской стране будет сложнее проводить колониальную политику в ее отношении. Франция же, рассчитывавшая еще более укрепить свое влияние при эфиопском дворе и противодействовать тем самым антифранцузским проискам Англии и Италии в Аддис-Абебе, решила оказать содействие Эфиопии в данном вопросе.

В 1919 г. Англия блокировала официальную просьбу Аддис-Абебы о приеме в Лигу наций. Позднее, в 1935 г., У. Черчилль восторженно заявил, что «мудрость британской политики была продемонстрирована (в свое время) оппозицией допуску Эфиопии в Лигу наций» (см.: [305, с. 274]).

Через четыре года Эфиопия вновь попыталась вступить в Лигу наций. Аддис-Абеба упорно добивалась приема, ибо, как справедливо пишет В. А. Трофимов, «видела в этом средство повышения авторитета своего государства на международной арене, укрепления безопасности страны и расширения возможностей для решения внутренних проблем» [233, с. 92]. [166]

После многодневной жаркой дискуссии Ассамблея Лиги наций 28 сентября 1923 г. единогласно проголосовала за прием Эфиопии, что явилось первым в новейшее время крупным достижением эфиопской дипломатии на международной арене.

Спустя немногим более двух лет Аддис-Абеба вынуждена была прибегнуть к Лиге наций в целях защиты своего суверенитета и противодействия совместному англо-итальянскому сговору о разделе Эфиопии.

Не сумев самостоятельно осуществить закабаление Эфиопии, Англия в декабре 1925 г. заключила с Италией соглашение о сферах влияния в Эфиопии, в основу которого были положены предложения итальянского правительства, сделанные еще в 1919 г. и отвергнутые тогда Лондоном.

В самой Эфиопии справедливо расценили договор как акт, направленный против независимости страны. В ответе итальянскому посланнику Колли де Фелициано в Аддис-Абебе было указано, что Эфиопия собирается обратиться в Лигу наций с просьбой рассмотреть возникшую опасность ее независимости со стороны Англии и Италии. Это предупреждение в сочетании с протестами Аддис-Абебы правительствам Англии и Италии и поддержкой Франции заставило Лондон и Рим отступить. Они поспешили заверить Эфиопию в своем уважении ее суверенитета и территориальной целостности.

Важной вехой в развитии взаимоотношений Эфиопии с Лигой наций явилась регистрация в этой международной организации итало-эфиопского договора 1928 г. о дружбе, посредничестве и арбитраже. Такой шаг был сделан впервые во внешнеполитической практике Эфиопии.

Однако Рим, отбросив вскоре в сторону условия договора, решил воспользоваться обострением внутривосточной обстановки в Эфиопии на рубеже 20—30-х годов, к чему приложили свою руку и итальянские агенты, действовавшие в этой стране. Правительство Италии активизировало так называемую периферийную политику, направленную в конечном счете на отторжение от Эфиопии окраинных районов на севере, юго-востоке и юге. Оно сделало ставку на развал центральной власти, оказывая широкую помощь центробежным силам. В результате усилилось использование в колониальных целях «мирных» методов покорения страны. Надеясь на успех, в Риме учитывали известную в конце 20-х годов пассивность Франции в Эфиопии и заверения Форин офиса от 28 февраля 1928 г. в том, что «британские интересы в Абиссинии состоят... во-первых, в

развитии торговли, во-вторых, в достижении мира на границах (Эфиопии и британских колоний.— *Авт.*) и, в-третьих, (в обеспечении контроля.— *Авт.*) над озером Тана» [305, с. 393—394].

Когда в начале 30-х годов обнаружился очередной провал «мирного» проникновения, в Риме активно взялись за подготовку войны с целью захвата Эфиопии. Еще летом 1933 г. маршал Де Боно разработал план нападения на Эфиопию. Дуче сам определил дату вторжения — 1 октября 1935 г. В начале 1934 г. в Рим был вызван военный атташе Италии в Аддис-Абебе полковник Витторио Руджеро, которому указали на необходимость устроить какой-нибудь инцидент, который послужил бы оправданием [167] для вторжения в Эфиопию [272, с. 38]. Одновременно шла обработка общественного мнения в Италии с расчетом вызвать шовинистические настроения против Эфиопии, за ее якобы агрессивные намерения в отношении Эритреи и Итальянского Сомали. Соответствующие данные в итальянских военных и дипломатических сообщениях, как пишет А. Триульци, «были продиктованы необходимостью оправдать военные приготовления Италии в Эритрее» [402, с. 239]. Словом, к тому времени, когда 5 декабря 1934 г. произошло ожесточенное столкновение между эфиопскими и итальянскими войсками в оазисе (Уольуоль), захваченном колонизаторами, в Риме, судя по всему, уже была проделана большая работа по подготовке войны против Эфиопии.

После прекращения огня в Уольуоле оба заинтересованных правительства обменялись нотами протеста. Одновременно правительство Англии и Франции, рассчитывая умиротворить фашистскую Италию и, таким образом, солидаризируясь с агрессором, информировали Хайле Селассие, что они не намерены вмешиваться в возникший конфликт Эфиопии с Италией и не окажут ему никакой дипломатической поддержки. В этой связи уместно напомнить инструкции министра иностранных дел Англии Джона Саймона британскому посланнику в Аддис-Абебе С. Бартону еще от 5 октября 1934 г. по поводу оккупации итальянцами Уольуоля. Они сводились к тому, чтобы не допустить подключения Англии в спор между Италией и Эфиопией, не позволить Эфиопии играть в территориальном конфликте с Италией ведущую роль (т. е. роль субъекта международной политики), а также дать понять Хайле Селассие, «что он не может ни при каких обстоятельствах опереться на (английскую)... поддержку в противодействии Италии и (или) Франции, которая с приходом в Кэ д'Орсэ П. Лавалья открыто встала на сторону Муссолини» [305, с. 390—391].

14 декабря 1934 г. Эфиопия информировала Лигу наций о случившемся в Уольуоле. В телеграмме, направленной в Женеву, подчеркивалось, что перед лицом итальянской агрессии эфиопское правительство обращает внимание Совета Лиги наций на серьезность ситуации. При этом Аддис-Абеба настаивала на решении возникшего спора путем арбитража в рамках итало-эфиопского договора 1928 г.

Итальянцы, в свою очередь, продолжали обвинять Эфиопию в агрессивности. Произвольно трактуя положения итало-эфиопского соглашения 1908 г. о границах, Рим объявил сам оазис Уольуоль и прилегающие к нему области районом, находящимся под суверенитетом Италии в составе Итальянского Сомали. Получалось, словом, что Эфиопия посягнула на «священные» права и земли Италии.

Убедившись в невозможности склонить итальянское правительство к переговорам в соответствии с договором 1928 г., власти в Аддис-Абебе 3 января 1935 г., как предусматривалось ст. 2 [168] устава Лиги наций, обратились в эту международную организацию с просьбой обсудить в Совете сложившуюся ситуацию, чреватую опасностью развязывания Италией войны.

Англия и Франция, учитывая негативную позицию Италии в отношении обсуждения возникшей проблемы в Женеве, стали уговаривать Эфиопию отказаться от апелляции к Лиге наций. «...Мы должны предпринять,— телеграфировал Дж. Саймон британскому послу в Риме Э. Друммонду 16 января 1935 г.,— последнюю попытку предотвратить рассмотрение этого дела в Совете Лиги...» [305, с. 395].

В Аддис-Абебе в конце концов уступили нажиму империалистических держав, но лишь после того, как Италия согласилась рассмотреть уольуольские события на основе 5-й статьи договора 1928 г., по которой предусматривалось создать совместную арбитражную комиссию.

Этот шаг явился, однако, своеобразной уловкой Италии. Под прикрытием многочисленных встреч, бесед, обсуждений, деклараций, проволок, демаршей и тому подобных дипломатических приемов итальянское правительство еще более активизировало военные приготовления и развернуло широкое дипломатическое наступление с целью заручиться гласной либо тайной поддержкой крупнейших империалистических держав его агрессивного курса на покорение Эфиопии.

17 марта в памятной записке на имя генерального секретаря Лиги наций эфиопское правительство сообщало о непрекращающемся наращивании Италией войск и техники на границах с Эфиопией, об отказе Рима разрешить конфликт путем арбитража, а также о том, что намеревается просить Совет Лиги наций изучить общее состояние итало-эфиопских отношений. Жозеф Авенол, генеральный секретарь Лиги наций, проинформировал Рим о демарше Аддис-Абебы.

В ответной ноте итальянского правительства, поступившей 23 марта в Женеву, обвинения, выдвинутые Эфиопией 17 марта, полностью отвергались. Тем не менее Рим, маскируя свои подлинные цели, подтвердил возможность продолжения переговоров с Эфиопией, включая создание арбитражной комиссии. Но дальше декларативного заявления дело не пошло: Италия, убеждавшаяся все больше и больше в пособничестве Англии и Франции (Римское соглашение с Францией от 7 января 1935 г., итало-французский документ от 4 января 1935 г., доклад специального комитета под председательством постоянного заместителя министра по делам колоний Великобритании Джона Маффи, кулуарные беседы на переговорах в Стрессе и т. д.), вполне сознательно затягивала реализацию своих обещаний и обязательств. 19 марта и 3 апреля 1935 г. были сорваны еще две попытки Эфиопии рассмотреть весь комплекс проблем отношений с Италией в Совете Лиги наций.

В конце мая в результате очередного, еще более настойчивого обращения Эфиопии в Лигу наций о защите против возросшей враждебности Италии, отказывавшейся по-прежнему создать арбитражную комиссию, Англия и Франция вновь прибегли к дипломатическим маневрам, в результате которых «итальянский фашизм получал трехмесячный срок для дальнейшей подготовки агрессии против Эфиопии. А резолюции Лиги наций до некоторой степени предохраняли его от критики со стороны прогрессивной общественности мира» [233, с. 165]. Совет Лиги наций, утвердив эти резолюции, остался глух и на этот раз к заявлению Эфиопии о том, что ее независимости угрожает фашистская Италия.

Под давлением Англии и Франции Лига наций, однако, свела всю проблему итало-эфиопских взаимоотношений к инциденту в Уольуоле. Вероятно, этому содействовало и то, что Аддис-Абеба, ища выход из создавшегося положения, 16 мая информировала Муссолини о своем желании ограничить арбитражную процедуру рассмотрением вооруженного столкновения в Уольуоле. [169]

Именно этот вопрос и разбирался арбитражной комиссией, работа которой сталкивалась с самыми разнообразными трудностями, обусловленными неоднократными проволочками и препирательствами со стороны Италии. Совету Лиги наций вновь в конце июля — начале августа пришлось собраться и обсудить ситуацию, сложившуюся в результате преднамеренного саботажа итальянцами арбитражного разбирательства инцидента в Уольуоле. В своей резолюции от 3 августа Совет Лиги наций, отбросив все факты о готовящемся нападении Италии, вновь рекомендовал обоим заинтересованным правительствам придерживаться процедуры арбитража и примирения, а также не позднее 4 сентября 1935 г. информировать о достигнутых результатах.

И хотя арбитражная комиссия за день до истечения этого срока приняла компромиссное решение, не возложив вину за события в Уольуоле ни на одну из сторон, военное вторжение Италии становилось все более очевидным. Усиливавшаяся ее враждебность по отношению к Эфиопии вновь была подтверждена 4 августа, когда на заседании Совета Лиги наций представитель Рима распространил объемистый том, содержащий необоснованные обвинения и нападки на Аддис-Абебу [55].

Только голос Советского Союза на сентябрьском заседании Совета прозвучал в защиту Эфиопии. «С большим сожалением я вынужден,— говорил глава советской делегации М. М. Литвинов 5 сентября 1935 г.,— заявить о своей несогласии с той позицией, которую уважаемый представитель Италии приглашает нас занять... смысл его заявления сводится к тому, что Совет Лиги приглашается констатировать свою незаинтересованность в конфликте, свое безразличие, пройти мимо него, санкционировав требуемую им для своего правительства свободу действий... Я предлагаю Совету не останавливаться ни перед какими усилиями и средствами, чтобы предотвратить вооруженный конфликт между двумя членами Лиги и осуществить задачу, которая является смыслом существования Лиги» [24, т. 18, с. 494, 496]. Советский представитель потребовал применения самых энергичных и решительных санкций к Италии. Саботировав советское предложение, империалистические державы поощрили тем самым Италию на дальнейшие агрессивные шаги. Тогда Советский Союз в одностороннем порядке запретил экспорт в Италию военных материалов (и только в Италию!) [272, с. 316].

В Лиге наций Советский Союз продолжал неизменно оказывать широкую моральную и дипломатическую помощь Эфиопии, требуя принятия немедленных мер против агрессора. В Эфиопии не раз в прошлом и в настоящее время с благодарностью относились к поддержке СССР. Временный поверенный в делах СССР в Великобритании телеграфировал 14 сентября 1935 г. в Наркоминдел: «Сегодня ко мне приходил посланник Абиссинии д-р Мартин и просил передать Советскому правительству, что его правительство очень благодарно за выступление Нар... ком... ин... дел СССР на заседании Совета Лиги наций (5 сентября.— *Авт.*). Выступление оказало им большую помощь, которую абиссинское правительство высоко ценит» [24, т. 18, с. 512]. «В период [170] оккупации нашей страны фашистской Италией в 1935—1941 годах, — отмечал в 1978 г. Генеральный секретарь РПЭ, президент НДРЭ Менгисту Хайле Мариам, — Советский Союз оказывал Эфиопии необходимую поддержку, в том числе в бывшей Лиге наций» [20, с. 15].

6 сентября Совет Лиги наций образовал «комитет пяти» в составе представителей Англии, Франции, Польши, Испании и Турции для изучения итало-эфиопских отношений и изыскания средств для мирного разрешения вопроса.

«Комитет пяти» после двенадцатидневной работы рекомендовал оказать широкую международную финансовую и техническую помощь Эфиопии, осуществить в ней под наблюдением Лиги наций социально-экономические и административные реформы, реорганизовать в стране полицейские силы, направить в Аддис-Абебу зарубежных специалистов, беспрепятственно допускать иностранный капитал в эфиопскую экономику, признать Лондоном и Парижем первостепенность интересов Италии в Эфиопии и, наконец, уступить Италии часть эфиопской территории в обмен на небольшие районы в Британском и Французском Сомали. «В действительности, — пишет А. Дж. Баркер, — программа умиротворения комитета пяти означала установление международного (точнее, межимпериалистического.— *Авт.*) мандата над Эфиопией» [279, с. 114]. Италию, однако, никоим образом не устраивал даже подобный статус Эфиопии. В Риме настаивали на безраздельном господстве в Эфиопии. Что касается эфиопского правительства, то оно, используя уже любую возможность для предотвращения войны, выразило готовность вступить в переговоры с Италией на основе предложений «комитета пяти».

Согласие Эфиопии и отказ Италии привели в Совете Лиги наций к созданию нового комитета (теперь уже из 13 членов) с теми же самыми задачами, что и у его предшественника. Собственно говоря, этому комитету так и не пришлось сделать какие-нибудь выводы до начала боевых действий. Умиротворители на этот раз не получили отсрочки от Италии.

Война, надвигавшаяся в течение почти всего 1935 г., разразилась 3 октября, о чем незамедлительно Аддис-Абеба известила Лигу наций.

На заседании Совета 5 октября эфиопский делегат Тэкле Хавариат потребовал применить к Италии ст. 16 Устава Лиги наций, предусматривавшую обязательность принятия всеми ее членами экономических, финансовых и военных санкций против государства-агрессора.

Далее вопрос об итальянском вторжении в Эфиопию обсуждался на открывшейся 9 октября Ассамблее Лиги наций. В ходе трехдневной дискуссии агрессор фактически оказался в изоляции. Наиболее принципиальную точку зрения на события, разыгравшиеся в Северо-Восточной Африке, высказала советская делегация. 10 октября представитель Советского Союза В. П. Потемкин заявил, что «делегация СССР считает долгом [171] подтвердить свою готовность выполнять наряду с прочими членами Лиги наций все обязательства, которые налагает на всех их без изъятия ее устав» [123, 11.10.1935].

Объявив 11 октября в результате голосования Италию агрессором, Ассамблея Лиги наций образовала Координационный комитет в составе представителей всех 50 (из 54) государств, одоббивших резолюцию осуждения Италии. На первом же заседании этого комитета, в задачи которого входила разработка конкретных мероприятий по осуществлению санкций к Италии, был создан рабочий орган — так называемый подкомитет 18 в составе Советского Союза, Англии, Франции и некоторых; других государств. К 19 октября подкомитет 18, на заседании которого лишь СССР требовал принятия самых действенных санкций [24, т. 19, с. 330], одобрил резолюцию о непредоставлении Италии займов и кредитов и неучастии с ней в каких-либо финансовых операциях, о полном запрещении импорта товаров из Италии и, наконец, об эмбарго на ввоз в Италию ряда товаров военного назначения (вьючных животных, каучука, алюминия, железной руды и железного лома, марганца, никеля, вольфрама, ванадия и т. д.).

Санкции вступали в силу с 18 ноября 1935 г. Они оказались, однако, малоэффективны [361, с. 181]. Не удалось к тому же ввести эмбарго на поставки нефти в Италию. А ведь «нефтяные» санкции могли бы самым решительным образом подорвать уверенность Италии в успехе ее нападения на Эфиопию. Еще в середине октября 1935 г., когда Италия располагала лишь двухмесячным запасом этого сырья, Э. Де Боно, П. Бадольо и А. Лессона в телеграмме на имя дуче сообщали, что в случае эмбарго на нефть военные усилия Италии в Эфиопии будут быстро приостановлены [316, с. 71]. Барон П. Алоизи признал в ноябре 1935 г., что если бы был введен запрет на поставки нефти Италии, то ее положение стало бы катастрофическим [305, с. 441]. В отчете комитета Лиги наций по нефтяным санкциям в феврале 1936 г. указывалось: «...если бы эмбарго универсально применялось бы сейчас, итальянских запасов нефти при сохранении нынешних темпов потребления хватило бы на три—три с половиной месяца...» [305, с. 460].

Ответственность за срыв «нефтяных» санкций полностью лежит прежде всего на Англии, Франции и Соединенных Штатах Америки.

В начале декабря разыгрались события, связанные с соглашением Хора—Лавалья — планом удовлетворения колониальных appetitов Италии в Эфиопии, составлением которого еще с середины октября занимались сотрудники Форин офиса и Кэ д'Орсэ [234, с. 141—142; 235, с. 111 — 112; 279, с. 186—205; 316, с. 97—113]. Оно было отвергнуто Аддис-Абебой. «Принятие даже в принципе франко-британских предложений,— сказал, в частности, Хайле Селассие,— явилось бы не только трусостью по отношению к нашему народу, но и предательством Лиги наций и [172] всех государств, которые... (надеются.— *Авт.*) на систему коллективной безопасности» [279, с. 204].

В Лиге наций из-за обсуждения соглашения Хора—Лавалья отложили рассмотрение вопроса о нефтяных санкциях. «Эта отсрочка,— писал А. Дж. Баркер,— положила конец какому-либо эффективному действию против Италии» [279, с. 204].

Единственно, что Лига наций с тех пор предприняла более или менее реального (и опять за счет отсрочки рассмотрения вопроса о нефтяных санкциях) — это обратилась 3 марта 1936 г. по предложению Франции к Италии и Эфиопии с просьбой прекратить боевые действия и начать переговоры под эгидой Лиги наций и в духе ее устава. Этот призыв нашел благожелательный отклик как в Аддис-Абебе, так и в Риме. Дело в том, что еще в феврале Муссолини, встревоженный поступавшими сообщениями о затягивании войны, ширившихся протестах мировой демократической общественности, передал Аддис-Абебе пожелание итальянского правительства организовать двусторонние переговоры для заключения мира, разумеется, на условиях Италии. Тогда в феврале, как известно, Хайле Селассие снесся с Лондоном и просил его взять на себя роль посредника, одновременно отметив, что предпочитает установление британского протектората над Эфиопией, чем вести переговоры с фашистской Италией [273]. Однако Форин офис отверг оба предложения императора, заявив, в частности, о необходимости вести переговоры между двумя воюющими государствами только под эгидой Лиги наций. Известно, что Хайле Селассие и Муссолини в начале февраля 1936 г. использовали для связи друг с другом Ф. У. Рикетта, представителя американской «Африкэн эксплойтейшн энд дивелопмент корпорейшн», которой в августе 1935 г. была предоставлена на 75 лет концессия на поиски и разработку топливно-энергетических и минеральных ресурсов в Восточной и Юго-Восточной Эфиопии. Показательны сведения Форин офиса от 12 февраля 1936 г. о том, что «Муссолини очень желает найти выход из тупика» [305, с. 455], связанного с приостановкой продвижения итальянских армий в Эфиопии.

Может быть, между итало-эфиопскими контактами в феврале 1936 г., ответом Лондона и мартовским решением Лиги наций, рекомендовавшей Италии и Эфиопии вступить в переговоры, имеется прямая связь. Это предположение подтверждается, в частности, сравнительно быстрой реакцией, притом положительной, Аддис-Абебы и Рима на сделанное 3 марта Лигой наций обращение: соответственно 5 и 8 марта.

Однако дело дальше обмена соответствующими дипломатическими документами не пошло: итало-эфиопские переговоры в марте 1936 г. не состоялись.

Лига наций занялась вскоре обсуждением проблем, связанных с ремилитаризацией Рейнской области. Итальянская агрессия против Эфиопии отошла в Лиге наций на второй план. А после 9 мая этот вопрос и вовсе приобрел абсолютно иное звучание, что явилось следствием официального уведомления Италией иностранных держав о завоевании Эфиопии.

С тех пор в Лиге наций оживленно велись дискуссии о том, отменять или нет санкции, примененные к Италии, и признавать или нет захват Италией Эфиопии.

В попытке добиться помощи от Лиги наций и сохранить введенные санкции против Италии Эфиопия 2 июля 1936 г. внесла на рассмотрение Ассамблеи две резолюции: в первой содержалось положение о том, что Лига наций не признает аннексии, совершенной при помощи силы, а во второй — о предоставлении Эфиопии займа в 10 млн. ф. ст. для защиты ее территориальной целостности и политической самостоятельности. Обе резолюции [173] не были приняты. Зато Ассамблея Лиги наций большинством голосов утвердила предложенную Бельгией резолюцию, в которой рекомендовалось упразднить меры, предпринятые во исполнение ст. 16 устава. 15 июля Лига наций, несмотря на противодействие Советского Союза, поддержавшего Эфиопию, официально объявила недействительными санкции, наложенные на Италию как агрессора. Это решение Лиги наций устраняло те минимальные препятствия, какие они (санкции) создавали на пути увеличения военного потенциала фашистской Италии. Оно в известной мере помогло итальянцам разбить эфиопские войска, продолжавшие сопротивление в мае 1936 — феврале 1937 г.

В сентябре 1937 г. Лига наций, по существу, санкционировала официальное признание капиталистическими странами захвата Италией Эфиопии, лишив ее тем самым статуса суверенного государства. Только пять стран, в том числе СССР, не пошли на это.

Так закончились отношения Эфиопии с Лигой наций. Расчеты Эфиопии на Лигу наций в деле защиты своего суверенитета не оправдались.

Итальянская агрессия и освободительная война Эфиопии

Вероломно напав на Эфиопию, итальянский фашизм бросил на ее покорение почти 300-тысячную армию. В распоряжении итальянцев имелись 170 самолетов, 700 артиллерийских орудий, сотни танков и бронетранспортеров, около 6 тыс. пулеметов и иной боевой техники. В ходе войны численность и военно-материальная оснащенность итальянских вооруженных сил систематически пополнялись. Вот почему, вероятно, эфиопский официальный источник «День победы» сообщает о 400-тысячной армии противника, вторгшейся в Эфиопию [71, с. 24].

Ей противостояли плохо вооруженные войска Эфиопии, преимущественно нерегулярные. Не все они были обеспечены даже винтовками. Около 500 пулеметов, несколько минометов, 200-разнокалиберных пушек, 3 боевых самолета — вот и все материально-техническое обеспечение эфиопских воинов.

Правительство страны, несмотря на возрастающую уверенность в неизбежности итальянского нашествия [313, с. 153], не смогло пополнить в необходимых количествах свои арсеналы в 1935 г. И дело далеко не в том, что у него отсутствовали средства для оплаты закупок оружия и что империалистические державы отказывали Эфиопии в займах и кредитах на военные нужды. Англия, Франция и некоторые другие страны со времени конфликта в Уольуле неофициально, а с июля 1935 г. вполне официально запретили продажу оружия Эфиопии. США, приняв 31 августа 1935 г. закон о нейтралитете, с 5 октября наложили эмбарго на ввоз оружия в Эфиопию (аналогичные запреты распространялись и на Италию, которая, однако, не приобретала в этих странах, исключая Францию, оружия). Кроме того, Лондон и Париж чинили немало препятствий транзиту закупленного Эфиопией оружия через территорию их владений в Северо-Восточной Африке, а с 27 мая Франция, сделавшая [174] несколькими месяцами раньше Италию совладелецей железной дороги Аддис-Абеба — Джибути, вовсе прекратила провоз оружия по этой магистрали.

В самой Эфиопии из-за опасений в обвинении в агрессивности со стороны империалистических держав, и в первую очередь Италии, не рискнули предпринять крупных военно-тактических и стратегических шагов в преддверии агрессии. Стремясь избежать провокаций, Аддис-Абеба распорядилась даже об отводе войск от границы с итальянскими колониями вглубь на 30 км.

Однако было бы неправильно утверждать, что правящие круги вовсе ничего не сделали в военно-организационном плане на случай итальянского нападения.

В апреле 1935 г. армия раса Сьюма развернула свои боевые порядки в Тыграе. В юго-восточные районы были направлены крупные воинские части под командованием дэджамача (позднее раса) Нэсибу Заманэля. В мае в Харэре состоялось секретное совещание императора с правителями юго-восточной части страны и провинции Кэфа. Все они получили строгий наказ готовиться к войне. Тогда же в Харэре население Эфиопии было призвано крепить единство, невзирая на этнолингвистические и религиозные различия. Летом 1935 г., согласно указу, в Аддис-Абебу начали прибывать небольшие воинские части из различных районов страны. В июне 1935 г. шведскому генералу Э. Виргину, главному политическому советнику при дворе, было поручено составить инструкции по противовоздушной обороне, а также по ведению партизанской войны. Соответствующие предписания были затем разосланы во все воинские части и местным властям. В сентябре правительственные войска заняли стратегически удобные позиции в провинции Амхара, перекрыв путь на Гондэр. Многие крупные феодалы собирали свои дружины, размещая их в районах предполагаемых сражений.

Все эти оборонительные приготовления по своим масштабам и эффективности не идут ни в какое сравнение с меропрятиями, осуществлявшимися итальянцами.

В ночь на 3 октября 1935 г. три итальянских корпуса численностью по 25 тыс. человек каждый пересекли государственную границу Эфиопии на севере, форсировали реку Мэрэб, взяв курс на Адуа, Ынтичо и Адди-Грат. Почти одновременно войска противника вступили на юго-востоке в Огаден, а также на северо-востоке в район Данакильской пустыни. На эфиопском театре военных действий сложились Северный,

Южный и Центральный фронты. Основная роль в захвате страны отводилась Северному фронту, где сосредоточивались главные силы вторжения. Южному фронту ставилась задача сковать как можно большее количество эфиопских войск и поддержать наступление «северных» частей ударом на Харэр и Дыре-Дауа, стратегически важные центры империи на юго-востоке. «Южным» подразделениям, выступившим из Итальянского Сомали, предписывалось выйти на соединение с войсками Северного фронта в районе Аддис-Абебы. Очень ограниченная цель ставилась войскам Центрального фронта, двигавшимся от Асэба через Аусу к Дэссе. Им поручалось связать армии Северного и Южного фронтов, обеспечив безопасность их флангов. Важнейшим оперативным объектом была Аддис-Абеба. Только завладев столицей, фашисты надеялись на успех в захватнической войне против Эфиопии.

В правительстве страны верно определили основные пути движения итальянских войск и стратегические задачи, поставленные [175] перед ними на каждом из фронтов. Сконцентрировав свои войска (150 — 200 тыс. человек) на севере, верховное командование Эфиопии, возглавленное императором, разместилось в Дэссе. Непосредственное руководство войсками осуществляли расы Мулюгета, Сьом, Каса и Имру, а также дэджазмач Айялеу. На юге дислоцировались армии раса Нэсибу Заманэля и раса Дэста Дамтоу. Против центральной итальянской группировки численностью 17 тыс. расположился небольшой отряд примерно в 10 тыс. человек.

Эфиопы мужественно сражались с фашистами. Несмотря на превосходство в боевой технике и вооружении, итальянцы с трудом продвигались вперед. 19 ноября Муссолини, встревоженный отсутствием крупных военных успехов, отстранил маршала Э. Де-Боно от общего командования итальянскими войсками и назначил на его место маршала П. Бадольо. Но и новому главнокомандующему пришлось долго преодолевать сопротивление эфиопов.

Боевые действия итальянцев сопровождалась массовыми убийствами мирного населения, жестокостью в отношении военнопленных, применением самых варварских методов ведения войны, включая отравляющие газы, а также массированными налетами на гражданские объекты в эфиопском тылу, в том числе и на госпитали Красного Креста. Всего в военных действиях 1935 — 1936 гг. погибло 275 тыс. эфиопов. Прогрессивный итальянский публицист Пьеро Тедески, оценивая все акты вандализма итальянских фашистов, справедливо отметил, что, «в сущности, вся агрессивная война против Эфиопии была войной террора и ненависти» [230, с. 21].

В ходе боев итальянцы стремились использовать центробежные силы в Эфиопии. По свидетельству Э. Де Боно, в результате итальянских подрывных действий в годы, предшествовавшие войне, «по крайней мере двести тысяч человек (в Эфиопии. — *Авт.*) либо вовсе не взяли за оружие, либо... вооружившись, остались пассивны» [97, с. 36] в войне. В военное время очень отчетливо выявились острота этнического фактора в стране, организационная и техническая слабость эфиопской армии, неэффективность системы «вассалитета — сюзеренитета», пагубность феодальных междоусобиц и соперничества военачальников, ярый консерватизм некоторых из них. В условиях итальянской агрессии императору особенно пришлось считаться с традиционным положением знати и укоренившимися социально-психологическими представлениями. Так, например, случилось, когда незадолго до сражения при Май-Чоу были назначены расы Каса, Сьом и Гетачоу командующими тремя войсковыми колоннами. Ф. Е. Коновалов, бывший царский полковник, служивший при Хайле Селассие советником, задал тогда риторический вопрос: «Почему их, а не других, более энергичных и способных?». «Да потому что, — сам себе ответил он, — государь должен считаться с феодальными сеньорами империи, хотя они уже показали свою некомпетентность... Он имел способных людей, но не мог использовать их» [99, с. 16].

Сражению при Май-Чоу, которому суждено было стать решающим в определении дальнейших судеб страны, предшествовали кровопролитные бои на различных участках Северного фронта. Противник, используя внезапность удара и свое военно-техническое

превосходство, овладел в октябре — ноябре рядом населенных мест Эфиопии, и прежде всего городами Адуа, Аксум, Адди-Грат, Мэкэле. [176]

После первых успехов итальянцев инициатива в начале декабря 1935 г. перешла к эфиопам. Войска раса Имру, стоявшие на левом фланге эфиопской обороны, предприняли наступление на Аксум. Оно успешно развивалось до тех пор, пока 25 января 1936 г. его соседи рас Каса и рас Сьюм не отступили от Зэбан-Кэркахта в горах Тэмбена, где они разместились после прорыва в конце декабря — начале января итальянского фронта в направлении на Адуа. С тяжелым чувством уходили эфиопы из-под Аксума и района вблизи от дороги Адуа—Мэкэле, оставляя стратегически важные позиции (в случае их успеха под Аксумом и Адуа положение итальянцев становилось бы катастрофическим).

В результате контрнаступления итальянцев против войск раса Касы и раса Сьюма эфиопские войска на Северном фронте оказались разделенными на три изолированные группировки. В условиях отсутствия оперативной связи между ними для итальянцев возникла возможность поэтапного нападения на каждую из этих группировок.

19 февраля эфиопские части под командованием раса Мулюгета, дислоцированные в горном массиве Амба-Арадом, отступили, потеряв убитыми около шести тысяч человек, многие из которых умерли от удушья, наступившего после применения итальянцами иприта. При отходе на них беспрестанно нападали вооруженные отряды оромо-азебо. В одной из стычек с ними, сопровождавшихся зачастую налетами итальянской авиации, погиб сам рас Мулюгета. Остатку его разбитой армии с трудом пробиралось на юг, к оз. Ашэнге, где дислоцировались резервные войска императора. «Победа (фашистов.— *Авт.*) в битве за Амба-Арадом,— пишут польские исследователи А. Бартницкий и И. Мантель-Нечко,— одержанная ценой больших потерь, явилась одним из самых крупных успехов Италии в ходе войны» [169, с. 496]. Но вряд ли можно согласиться с их утверждением, что «она открыла итальянцам путь на Аддис-Абебу и привела к разгрому армии, составлявшей костяк эфиопских войск» [169, с. 496]. Данная оценка более применима к другому сражению, а именно при Май-Чоу. До него было еще почти полтора месяца, в течение которого и эфиопы и итальянцы решали свои оперативно-тактические задачи.

Достигнутый итальянцами успех в сражении в Амба-Арадоме (их потери — около 800 человек убитыми) позволил Бадольо приступить к осуществлению второй части его плана, а именно к уничтожению армий расов Каса и Сьюма, державших оборону в Тэмбене. Задача Бадольо была облегчена тем, что оба раса были в полном неведении, что происходит справа от них, на позициях, занятых расом Мулюгетой. Итальянцы, сняв часть своих войск, преследовавших хаотично отступавшие, разрозненные отряды военного министра, направили их на запад от Амбэ-Арадома, в тыл подразделений расов Каса и Сьюма. Те, разумеется, ничего не подозревали о готовящейся на них атаке. Им казалось, что противник, даже если бы он и разбил войска раса Мулюгеты, не смог бы преодолеть труднопроходимую горную местность, лежавшую между армиями центра и правого фланга обороны, и выйти, таким образом, к ним в тыл. Оба раса были буквально потрясены, когда узнали [177] о нападении итальянцев 27 февраля с тыла на Абби-Адди. Этот населенный пункт эфиопы вскоре оставили. Под натиском противника им пришлось с большими потерями отойти в сторону высокогорной области Сымен. 20 марта они расположились в безопасном месте примерно в 180 километрах северо-западнее Дэссе. После непродолжительного отдыха рас Каса отдал приказ идти горными тропами на соединение с войсками императора в районе оз. Ашэнге.

Оттеснив расов Каса и Сьюма, итальянцы повели наступление против армии раса Имру, пожалуй, самого талантливого из эфиопских военачальников 30-х годов. Широко практикуя партизанские методы и введя строгую дисциплину в своих частях, рас Имру не раз добивался заметных успехов в боях с неприятелем. Но под ударами превосходящих сил врага и он вынужден был отступить. Решающее сражение произошло в области Шире.

1 марта 90-тысячная армия фашистов перешла в наступление на этом участке фронта. Атака итальянцев была поддержана огнем 148 артиллерийских орудий, 1160 станковых и 536 легких пулеметов. В боевых операциях против войск раса Имру, насчитывавших 30—40 тыс.

человек с небольшим числом пушек и пулеметов, участвовали также танки и авиация, обрушившая на них тонны смертоносного груза, в том числе отравляющие вещества. Тем не менее итальянцам пришлось нелегко. Эфиопы часто переходили в рукопашную, отбрасывая наступавших на исходные позиции. В отдельных случаях эфиопские воины бросались на вражеские пулеметы, давая возможность своим товарищам прорваться в глубь итальянских укреплений. Силы, однако, были неравны.

Рас Имру, учтя тяжелое положение, в какое попала его армия, принял решение переправиться на левый берег р. Тэкэзе. При ее переходе эфиопские части подверглись массированным ударам с воздуха. Немало людей тогда погибло, особенно от отравления газами.

Таким образом, план наступательных операций, предложенный Бадольо, был выполнен. Теперь итальянцы сосредоточили все свое внимание на продвижении в направлении Дэссе—Аддис-Абеба. Здесь в районе оз. Ашэнге (севернее Дэссе) концентрировались последние воинские части страны на Северном фронте. Сюда же стекались разрозненные отряды разбитых итальянцами армий расов Мулюгеты, Касы и Сьюма.

Итальянцы, постоянно получая подкрепления, стягивали свои войска к Дэссе. Итальянское командование бросило на захват этого стратегически важного города 125 тыс. солдат и офицеров, 210 артиллерийских орудий, 276 танков, 1720 станковых и 698 ручных пулеметов. С воздуха итальянцев поддерживали сотни самолетов. К Дэссе наземные войска Италии устремились по трем маршрутам: Фенароа—Сокота—Дэссе, Амба-Алаге—Коу-рам—Дэссе и через пустыню Данакиль на Сардо-Дэссе. На путч неприятеля лежало оз. Ашэнге, в окрестностях которого дислоцировалась 31 тыс. эфиопских войск, в том числе пятитысячная императорская гвардия. Это все, что смог Хайле Селассие собрать перед решающей битвой.

План операции императору помогал разработать Ф. Е. Коновалов, бывший полковник царской армии, служивший теперь при Хайле Селассие I военным советником. Было решено дать бой при Май-Чоу, севернее оз. Ашэнге. Предполагалось, что бой начнут части, расположенные в центре эфиопских позиций, а затем основной удар будет нанесен с флангов.

31 марта в пять часов утра эфиопы открыли огонь по противнику, который, кстати, знал о готовящемся наступлении из перехваченной радиограммы императора в Аддис-Абебу. В самом [178] начале сражения эфиопам сопутствовал успех: они заметно потеснили неприятеля. Но закрепить достигнутые рубежи им не удалось. На другой день в результате массированных ударов вражеской артиллерии и авиации эфиопские войска отошли на исходные позиции. Несмотря на многочисленные попытки переломить ход сражения, ситуация на поле боя для эфиопов все более и более ухудшалась. В ставке императора под вечер 1 апреля царило уныние. Оно было усилено полученными известиями о том, что в тот же день фашисты, преследовавшие армию раса Имру, заняли Гондэр.

2 апреля итальянцы стремительным ударом выбили эфиопов с занимаемых рубежей. Началось беспорядочное отступление. Однако «битва под Май-Чоу является одним из наиболее ярких примеров героизма эфиопских солдат во время войны с Италией. Армия начала отступление только тогда, когда в живых оставалась четвертая ее часть. Среди убитых эфиопских воинов было много известных полководцев...» [169, с. 509].

В Аддис-Абебе, получив нерадостные сообщения о поражениях при Май-Чоу, в Гондэре и на юго-востоке, по указанию мэра блатта Таккэле Уольдэ Хавариата и с согласия императорского наместника дэджазмача Йигэзу начали готовиться к обороне. Дэджазмач Фыкре Мариам Абба Течана и баламбарас Аббэбэ Арэгай укрепляли боевые порядки своих войск. Воинов, прибывших в Аддис-Абебу из провинции, обучали методам партизанской войны. Разрабатывался план дальнейшего сопротивления врагу.

Таккэле Уольдэ Хавариат со своими сторонниками блаттен-гета Хыруем Уольдэ Сыллесе, министром торговли Мэконнымом Хабтэ Уольдом и другими предполагали отвести правительство во главе с императором в Горе и оттуда начать широкую партизанскую войну против захватчиков. Они утверждали, что присутствие императора,

рассматривавшегося в стране в качестве символа эфиопской государственности, ее независимости, сыграет роль фактора, укрепляющего позиции защитников родины. Предлагалось также дать бой неприятелю на подступах к Аддис-Абебе.

Однако Хайле Селассие, возвратившийся в Аддис-Абебу 30 апреля, в конечном счете решил впустить противника в столицу без сопротивления, а самому отбыть в Англию, согласившуюся еще 22 апреля предоставить убежище его семье [305, с. 357, 464]. Для иностранных дипломатов это явилось, видимо, неожиданным. С. Бартон сообщал в тот же день А. Идену с некоторым недоумением: «Император только что прислал своего секретаря, который информировал меня, что после полудня Его Величество созвал министров и знать и объявил им о том, что покидает Эфиопию с семьей и что передает руководство делами совету министров» [305, с. 466].

Перед отъездом Хайле Селассие учредил временное правительство в Горе во главе с расом Имру, который наделялся всей [179] полнотой власти в стране, а также назначил его командующим войсками на западе. Руководство войсками на юге поручалось расу Дэста Дамтоу, а на севере—дэджазмачу Хайлю Кэббэдэ, дэджазмачу Фыкре Мариаму и некоторым другим феодалам.

2 мая специальный поезд увозил императора, его семью, ычэге, расов Каса, Гетачоу и нескольких других видных сановников в Джибути. Новость об отъезде императора быстро разнеслась по столице, подействовав на многих ошеломляюще. Еще ни разу за всю почти трехтысячелетнюю историю ни один эфиопский император, как бы ни складывалась его военная судьба, не покидал страну.

Было ли правильным это решение Хайле Селассие? Ответ не может быть однозначным. Здесь упомянем лишь то, что в самой Эфиопии не раз критически отзывались об отъезде императора. В правительственном издании 1977 г. «День победы» прямо указывается на моральное потрясение народа, вызванное «решением Хайле Селассие покинуть поле боя ради относительной безопасности и комфорта заграничного изгнания» [71, с. 27].

Отъезд императора удивил даже, по-видимому, Муссолини, который не преминул обыграть вскоре этот факт в свою пользу. Английский посол в Риме Э. Друммонд в секретном послании А. Идену 5 мая 1936 г. сообщал ответ дуче на вопрос, каковы же его условия мира в Эфиопии. «Бегство императора,— сказал Муссолини,— создало новую и всецело неожиданную ситуацию. С кем сейчас, когда нет императора, устанавливать мир? Наилучшим выходом было бы, как представляется, самым быстрым образом утвердить власть Италии по всей Абиссинии» [305, с. 468]. В британском военном ведомстве в октябре 1936 г. полагали, что из-за отсутствия императора и гибели почти всех ведущих руководителей сопротивление в Эфиопии примет форму нападений на итальянцев отдельных, разрозненных отрядов [305, с. 474].

Однако освободительная борьба эфиопского народа, развернувшаяся после вступления итальянцев в Аддис-Абебу 5 мая и провозглашения Римом 9 мая о покорении Эфиопии, выдвинула новых талантливых военачальников. Это рас Аббэбэ Арэгай, дэджазмачи Бэлай Зэллекэ, Ешанеу, Кэббэдэ Бызинех, Дэммэмэ Уольдэ Эмануел, фитаурари Уодаджо Гурму и многие другие. Большие организаторские способности и героизм проявили дэджазмачи Бальча, Таккэле Уольдэ Хавариат и др., т. е. те, кто прежде был в опале.

Отъезд императора и захват столицы итальянцами отнюдь не означали прекращение жизнедеятельности эфиопского государства. Временное правительство пыталось установить контроль над воинскими частями, сохранившими верность родине и действовавшими от ее имени, наладить связь с районами, еще не занятыми врагом, а также сплотить население неоккупированных областей для отпора захватчикам.

Рас Имру вступил даже в официальные отношения с британским [180] правительством, надеясь получить его согласие на транзит через Судан оружия, в котором так нуждались эфиопские войска. Когда же Англия отказала, рас Имру обратился к Лиге

наций с просьбой распространить над неоккупированной частью Эфиопии британский мандат [279, с. 281]. Этот шаг был предпринят расом Имру с целью выиграть время для полной мобилизации всех имевшихся в его распоряжении ресурсов, а может быть, и потому, что в тех условиях мандатная система представлялась ему единственным выходом из создавшегося положения, своеобразным средством борьбы против итальянского фашизма. Ведь речь шла почти о $\frac{2}{3}$ территории Эфиопии, не оккупированной врагом. Правительства западных стран — членов Лиги наций, несмотря на осведомленность об истинном положении дел, отказали расу в удовлетворении его просьбы. Рас Имру в конце июля — начале августа 1936 г. также советовал императору, пребывавшему уже в Англии, вступить в переговоры с итальянцами по поводу капитуляции Эфиопии [305, с. 470]. К сожалению, в этой информации британского консула в Горе Эрскина не указываются мотивы, какими руководствовался рас Имру, давая подобную рекомендацию императору.

Пребывание в Англии Хайле Селассие использовал не только для дальнейшего обсуждения в Лиге наций вопроса об итальянской агрессии, для активизации выступлений мировой общественности против захватчиков и обращения к главам ряда государств с призывом о помощи в борьбе с врагом. Имеются также данные о переговорах, которые он вел в 1937 г. с итальянцами [305, с. 473, 475]. Император, как можно судить по архивным материалам Форин офиса, не исключал возможности прийти «к взаимопониманию с правительством Италии в отношении ситуации в Эфиопии» [305, с. 478]. В сентябре 1937 г. итальянцы предлагали Хайле Селассие большие деньги за отречение [305, с. 475]. Лондонская «Нью таймс энд Итиопиа ньюс» сообщала, что в самом конце 30-х годов, когда в Эфиопии развернулось партизанское движение, Рим пытался добиться согласия Хайле Селассие стать «королем Амхаралэнда» (центральные области страны), за что он должен был оказать помощь захватчикам в подавлении освободительной борьбы эфиопского народа и признать господство Италии в остальной части страны [151, 25.03.1944].

Попытки Италии склонить императора к предательству не случайны. Фашистам не удалось сломить эфиопское Соппротивление ни жестокостью, ни зверством, ни тактикой «мягкого обращения» с местным населением.

Эфиопские патриоты атаковали врага повсюду, даже в крупных городах. Одной из самых ярких страниц освободительной войны Эфиопии является попытка выбить противника из Аддис-Абебы в конце июля 1936 г., когда отряды под командованием раса Аббэбэ Арагая и ряда других феодалов прорвались к императорскому дворцу. Бросив крупные силы, итальянцы смогли [181] восстановить контроль в столице, но жили в постоянном ожидании новых атак патриотов.

Оценивая обстановку в стране, маршал Грациани, сменивший 22 мая П. Бадольо на посту вице-короля Эфиопии и генерал-губернатора Итальянской Восточной Африки (куда включили и Эфиопию), говорил, что унаследованная им «ситуация... была очень и очень серьезной» (цит. по [365, с. 40]). Летом 1936 г. захватчики вряд ли контролировали даже 40% территории страны, причем и в последующие годы им не удалось подчинить всю страну. «В 1936 г... — утверждает в правительственной брошюре „День победы“, — более двух третей страны, включая большую часть Шоа и Годжама, обширные районы Бэгемдыра и Сымена... многие области к югу от столицы, по направлению к озерам Рифтовой зоны, были практически освобождены от жесткого контроля врага» [71, с. 31—33].

Но итальянцы не оставляли надежд на полное покорение Эфиопии. После овладения Аддис-Абебой они сосредоточили основное наступление против трех группировок эфиопских войск, действовавших в Шоа, на юго-западе и юге. Эти части, символизировавшие сохранение эфиопской государственности, успешно противодействовали неприятельским атакам, а порой и сами переходили в наступление, как было, например, с армией раса Имру. Эфиопы испытывали острую потребность в оружии. Рас Имру обращался к властям Англо-Египетского Судана с просьбой о помощи оружием. Посланник Эфиопии в Лондоне д-р Мартин, назначение которого в январе 1933 г. так приветствовали в Англии и США [305, с. 376], убеждал 21 октября 1936 г.

Форин офис в необходимости поставок оружия в Западную Эфиопию через территории Кении и Англо-Египетского Судана [305, с. 471]. Но позиция Лондона в отношении поддержки агрессора оставалась неизменной.

Постепенно эфиопские войска сдавали одни рубежи за другими под массированными ударами превосходящих сил противника. К марту 1937 г. были разбиты последние остатки войск раса Дэста Дамтоу, а до того врагам сдались рас Имру и братья Каса, возглавлявшие отряды в Шоа. Итальянцам казалось, что желанное покорение страны состоялось. Но в действительности все было не так.

Одновременно с разгромом 19 февраля 1937 г. в ожесточенном и кровопролитном бою основных сил раса Дзета Дамтоу в Аддис-Абебе произошло событие, которое принято считать отправным пунктом всенародного партизанского движения.

19 февраля два эфиопских патриота Абрахам Дэбоч и Могэс Асгэдом совершили покушение на Грациани, когда тот по случаю дня рождения принца Неаполитанского устроил раздачу милостыни жителям Аддис-Абебы во дворе императорского дворца. Грациани и многие из сопровождавших его лиц (генерал Лиотта, мэр столицы Гидо Кортеше и др.) были ранены. И тотчас же последовала кровавая бойня населения: страны в целом, и прежде всего, конечно, в Аддис-Абебе. В течение трех суток только в столице погибло 30 тыс. человек.

Это не было единственной попыткой убийства Грациани. Еще раньше планировал покушение на него выпускник военного колледжа в Холете подполковник Кыфле Нэсибу, но неудачно: подполковника схватили и жестоко казнили, протаскив по улицам Аддис-Абебы привязанным к быстро шедшему автомобилю [313, с. 139].

Массовые кровавые репрессии не сломили волю эфиопов к [182] освобождению. Эфиопское Сопротивление продолжало набирать силу.

Для руководства партизанской борьбой в 1938 г. был создан Комитет единства и сотрудничества. Во главе его стал престарелый дэджазмач Ауралис, начальником штаба — рас Аббэбэ Арэгай, политическим секретарем — Таккэле Уольдэ Хавариат. Комитет поддерживал постоянные контакты с Хайле Селассие. Особое внимание он уделил развертыванию партизанской борьбы в районах, населенных оромо, пытаясь тем самым избежать межэтнических (амхара-оромских) трений в ходе освободительного движения. Разумеется, комитет сталкивался в своей работе с многочисленными трудностями. Несмотря на все старания, ему не удалось установить полный контроль над всеми партизанскими отрядами и скоординировать их действия. Заслуга комитета состояла прежде всего в том, что по его инициативе возникали новые очаги партизанской борьбы даже в районах, полностью контролировавшихся оккупантами.

Образование этого Комитета — еще одно свидетельство роста политической активности в рядах патриотов в годы войны с фашистской Италией. Другим является создание еще в 1936г. группы «Черные львы» в Западной Эфиопии, в которую вошли в основном выпускники военного колледжа в Холете и некоторые гражданские лица (Алем Уорк, лидж Иильма Дэрэса, сыновья азажа Уоркнэха Ышэте и др.). Ее организационные принципы, строившиеся на демократических началах, и предъявлявшиеся требования отражают наличие в то время антимонархических тенденций в эфиопском обществе.

Среди партизан, а особенно их руководителей в те годы оживленно обсуждался вопрос о будущем государственном устройстве страны. Наиболее распространенным было мнение о монархической форме правления в послевоенной Эфиопии. Что касается кандидатуры будущего монарха, то здесь возникли серьезные разногласия. Отчасти они явились результатом распространявшихся итальянцами слухов о смерти в эмиграции Хайле Селассие. На эфиопский трон в те годы претендовали многочисленные сыновья Лиджа Иясу [311, с. 183, 255; 387, с. 311; 309, с. 229—231].

Большинство партизанских руководителей-монархистов склонялись к признанию прав на престол Хайле Селассие I, продолжая считать его по-прежнему единственным законным государем. Они поддерживали с ним постоянную связь, вели с правительством

в изгнании обширную переписку. Именно через них монарх старался оказывать влияние на развитие общественно-политических идей в оккупированной фашистами стране.

Однако к концу 1940 г. авторитет Хайле Селассие в партизанской среде резко упал. О. Уингейт, командовавший эфиопо-суданскими войсками в ходе наступления англичан в 1941 г., отмечал, что в декабре 1940 г. возникла острая необходимость [183] ускорить вступление императора в Эфиопию, ибо в противном случае значение присутствия императора в рядах наступающих союзнических войск было бы минимальным [108, с. 225]. С падением престижа Хайле Селассие отчасти связана усилившаяся тогда дискуссия о ликвидации монархии в освобожденной Эфиопии. Часть партизанских руководителей выступила за установление после войны республиканского строя. Впервые в истории Эфиопии столь широко обсуждались перспективы монархии. Это свидетельствовало о появлении новых тенденций в политической жизни общества.

Еще в 1938 г. некоторые руководители отрядов, отступивших на территорию Англо-Египетского Судана, направили даже письмо французскому правительству с просьбой оказать помощь в составлении конкретных планов утверждения республики. Блатта Таккэле Уольдэ Хавариат в 1939 г. возвратился из Хартума, где обитал почти целый год, в Северо-Западную Эфиопию с целью проводить агитацию за республику. Он утверждал, что Хайле Селассие якобы одобряет идею установления республиканского строя в освобожденной стране, а также выдвинул предложение об учреждении в Эфиопии федерации под итальянским контролем, в связи с чем с согласия многих партизанских руководителей вел соответствующие переговоры с командующим итальянским гарнизоном в Гондэре генералом Фрусчи. Действия Таккэле Уольдэ Хавариата, кстати, часто отличались противоречивостью и непоследовательностью. Уже в 1940 г., когда на встрече с Хайле Селассие в Хартуме обсуждались планы послевоенного устройства Эфиопии, Таккэле Уольдэ Хавариат вместе с дэджазмачем Адафырсау и генерал-майором Аббэбэ Дамтоу (полностью позднее поддерживавшими монарха) потребовали введения конституции, расширения законодательных прав парламента и значительного ограничения полномочий императора как главы государства. Иными словами, речь шла о конституционной монархии.

Наиболее крупной акцией республиканцев была разработка в 1939 г. в Гондэре специального документа, в котором обосновывались принципы будущего республиканского строя. Этот документ предполагалось даже переслать в Лигу наций. Потребовалось вмешательство императора и верных ему феодалов, чтобы устранить возникшие в связи с этим разногласия и даже вооруженные стычки между монархистами и республиканцами. Отрезвляюще подействовал довод, что внутренние распри на руку лишь итальянцам, на борьбу с которыми должны быть направлены основные усилия сражавшегося населения.

К партизанам присоединялись все новые и новые люди. И самое главное — они принадлежали к беднейшим слоям. Эфиопское крестьянство вынесло на себе основные тяготы войны, понесло самые многочисленные жертвы. Это их самоотверженная борьба вынудила герцога Амадео д'Аоста, сменившего [184] в декабре 1937 г. Грациани на посту вице-короля Эфиопии, признать: «Положение поистине ужасное, влияние итальянцев распространяется лишь в радиусе пушечного выстрела, но никак не дальше» (цит. по [164, с. 79—80]). Массовое выступление эфиопов получило в итальянской буржуазной литературе название «амхарская революция». Тем самым пытаются показать, что якобы в антифашистском движении Эфиопии не принимали участия другие ее народы. Это совсем не так. В антифашистском Соппротивлении, приведшем в конечном счете к изгнанию итальянцев, бок о бок сражались представители всех этнических и конфессиональных групп страны. Только единство всего полиэтничного и многоконфессионального населения страны привело его к успеху в освободительной войне.

Разгром оккупационных войск и освобождение страны

10 июля 1940 г. Италия объявила войну Англии и ее союзникам. Это заставило Лондон изменить свою негативную позицию в отношении эфиопского Сопротивления [369, с. 314].

Однако английское правительство еще долгое время отказывалось заключить договор о союзе со сражающейся Эфиопией. В Лондоне не хотели рассматривать это африканское государство как равноправного партнера и не исключали возможности с изгнанием оккупантов установить свое колониальное господство над ним (см. [310, с. 338]). Преследуя далеко не бескорыстные цели, Великобритания вместе с тем сыграла заметную роль в разгроме итальянцев в Эфиопии. Эту роль, однако, не следует преувеличивать.

Обстановка на африканском театре военных действий к концу 1940 г. вынудила англичан принять ряд решительных мер по мобилизации материальных и людских ресурсов для предстоящих боев с итальянцами в Северо-Восточной Африке. Наступление союзников началось 19—20 января 1941 г. из трех пунктов.

Из Англо-Египетского Судана через Кассалу под командованием генерала Плэтта двигались британские войска, в составе которых находились и французские части. Генерал Каннингхэм возглавил британские войска, действовавшие с территории Кении; среди них были эфиопские подразделения. Эфиопский батальон численностью 800 человек во главе с императором (прибывшим еще в июле 1940 г. в Хартум) и находящимися в его распоряжении британскими частями выступил из Судана в направлении провинции Годжам. В марте 1941 г. на территорию Юго-Западной Эфиопии вступили бельгийские подразделения. Общее командование осуществлялось англичанами. В британских, бельгийских и французских частях было много африканцев и индийцев. Продвижение союзнических и эфиопских войск было поддержано широким выступлением партизан. На сторону наступающих частей стали переходить даже те, кто сотрудничал с оккупантами.

Вскоре под ударами наступающих частей, насчитывавших немногим более 20 тыс. человек, и партизанских отрядов стала [185] разваливаться вся система обороны Итальянской Восточной Африки. Освобожденные районы попадали под управление британских военных властей (рассматривавших Эфиопию как оккупированную территорию Италии).

Во второй половине февраля бригадный генерал Морис Лаш, назначенный заместителем главы политического отдела пра штабе генерала Плэтта, по поручению английского правительства вступил в официальные переговоры с Хайле Селассие по поводу послевоенного устройства Эфиопии. Лаш сообщал о намерениях Англии учредить военный контроль над всей Эфиопией, причем на неопределенное время. Планы англичан вызвали решительные возражения эфиопской стороны, о чем, в свою очередь, было поставлено в известность английское правительство.

Наконец в марте 1941 г. обе стороны пошли на взаимные уступки. Соглашаясь, однако, в частности с эфиопскими требованиями (отправление суда по законам страны, признание за императором права выпуска указов и т. д.), англичане добились главного, а именно установления британской военной администрации (БВА) и распространения ее власти на всю территорию страны по освобождении от итальянцев. Власть императора как главы государства заметно сузилась.

Ситуация на фронтах войны в Северо-Восточной Африке складывалась для союзников благоприятно. Войска генерала Каннингхэма, очистив от врага Британское Сомали, подошли к Аддис-Абебе. Эфиопские части, наступавшие с Англо-Египетского Судана, почти полностью освободили провинцию Годжам. 5 апреля 1941 г. они заняли ее главный город Дэбрэ-Маркос. Итальянцы несли также большие потери в результате действий народных мстителей. Части генерала Плэтта теснили противника в Эритрее.

«Эфиопские патриотические силы,— констатирует официальный документ эфиопского правительства,— к началу апреля 1941 г. освободили большую часть страны» [71, с. 5].

6 апреля британские войска, в составе которых находилось одно эфиопское подразделение, вступили в Аддис-Абебу. Практически в апреле — начале мая 1941 г. с итальянской оккупацией Эфиопии было покончено (революционные власти в 1975 г. объявили 6 апреля Днем освобождения).

Лишь проведя серию мероприятий по организации военного управления в Эфиопии (военно-административное разделение территории на 11 округов, дислокация английских войск в ключевых районах страны, отправка специальных миссий для учреждения военной власти па местах и т. д.), британские власти разрешили императору и эфиопским войскам войти в столицу.

5 мая 1941 г. Хайле Селассие I в сопровождении 2-го батальона эфиопских войск, сформированного в Хартуме в 1940 г., и 7-тысячного отряда партизан под командованием раса Аббэбэ Арэгая вступил в Аддис-Абебу. В 1977 г. в правительственной [186] брошюре отмечалось, что возвращение императора в Аддис-Абебу было специально приурочено ко дню сдачи столицы неприятелю в 1936 г. (о политической подоплеке задержки вступления императора в Аддис-Абебу на целый месяц см. [257 с 30—32]). Именно 5 мая при императоре ежегодно праздновалось как День освобождения от ига фашистской Италии.

Оказав стойкое сопротивление иноземным захватчикам, Эфиопия вписала славную страницу в летопись национально-освободительного движения в Африке. [187]

Глава 7

ЭФИОПИЯ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ИГА ФАШИСТСКОЙ ИТАЛИИ (1941 — 1955)

Внутренняя обстановка и внешняя политика страны (1941 — 1945)

Влиятельные силы в правящих кругах Англии, учреждая свою военную администрацию в Эфиопии, рассчитывали установить колониальное господство над этой африканской страной. Как сообщал 16 мая 1941 г. советник посольства США в Лондоне Хэршель Джонсон, английское правительство хотело «использовать императора как инструмент власти в части Эфиопии», заявив к тому же, «что он должен действовать только через англичан и с их согласия» [50, с. 350].

В свою очередь, Хайле Селассие в условиях отсутствия на-национальных государственных институтов, ликвидированных итальянцами, и функционирования БВА старался утвердить собственную власть, добиться последовательного выполнения Англией заверений от 4 февраля 1941 г. о признании его законным государем, заручиться поддержкой партизанских руководителей, снискавших своим мужеством и беспримерным героизмом любовь и уважение широких масс, а также укрепить веру населения в незыблемость феодально-монархических устоев.

Он ревностно следил за попытками англичан наладить связи с «соломонидами», и особенно с расом Сьюмом, порвавшим с итальянцами и заявившим о своей лояльности императору. Вместе с тем Хайле Селассие нуждался в помощи БВА в создании государственных органов и в наведении порядка в стране, где царил разуха (общий ущерб, нанесенный захватчиками, оценивался в 132,5 млн. ф. ст.) и где находились десятки тысяч итальянских военнослужащих и гражданских лиц, ждавших репатриации и нарушавших порой процесс восстановления мирной жизни.

В Лондоне надеялись при достижении своих колониальных, целей воспользоваться этой заинтересованностью императора. Однако английские планы порабощения Эфиопии встретили известное противодействие со стороны феодальной верхушки, которая не могла не учитывать собственные классовые устремления, традиции независимого существования страны, тенденции общемирового [188] развития, подъем национальных,

патриотических чувств населения, сумевшего в изнурительной многолетней войне одержать победу над итальянцами, а также рост недовольства среди широких масс засильем англичан, выразившийся, в частности, в мощных антибританских демонстрациях, в налетах на английские военные объекты. Правящая элита отстаивала право на суверенное существование возрождавшегося государства, отвергая колониальные домогательства Великобритании, хотя логика борьбы за власть толкала ее к сотрудничеству и даже заигрыванию с Лондоном. Вместе с тем она ловко использовала сам факт британского присутствия, попытки Лондона навязать свое господство и антианглийские настроения для утверждения абсолютной монархии.

Вот на таком фоне взаимодействия и противоборства британского империализма и феодальной верхушки происходили общественно-политические процессы в Эфиопии в рассматриваемые годы, формирование ее государственных структур, а также выход страны на международную арену. По сложению механизма абсолютной монархии и укреплении личных позиций Хайле Селассие Эфиопия повела более решительную борьбу с англичанами.

Нельзя не согласиться с В. А. Трофимовым, что итало-фашистская агрессия «послужила поводом монархии для раздувания националистических настроений в массах и возвеличивания собственной роли в деле сохранения национального суверенитета страны, который отождествлялся с фигурой императора и с существовавшим в Эфиопии феодальным строем» [233, с. 208].

Противодействие британскому империализму и полное его поражение в середине 50-х годов еще в большей степени позволили раздуть авторитет монарха, его заслуги. Преследуя своекорыстные цели и учитывая общую ситуацию в стране и на фронтах второй мировой войны, Хайле Селассие не раз пытался заверить народные массы в искренности намерений англичан в восстановлении независимости Эфиопии и в ее послевоенном экономическом и политическом переустройстве. Еще в листовке, сброшенной с британских самолетов над эфиопской территорией в июне 1940 г., специально указывалось от имени императора на то, что «британское правительство ничего не хочет от нашей страны, кроме как нанести поражение итальянским захватчикам и помочь восстановить независимость Эфиопии» [372, с. 2]. Наряду с подобными заявлениями сообщалось о предстоящих направлениях развития страны. В уже упоминавшейся листовке подчеркивалось: «С помощью союзников мы (Хайле Селассие) усовершенствуем деятельность нашего правительства. Управление страной будет осуществляться на современной основе. Наши отношения с другими народами позволят (расширить) общение с ними» [372, с. 2]. В этих словах сформулирован курс на модернизацию государственных структур [189] страны по западным образцам в сочетании с широким выходом на международную арену и созданием внешней опоры императорскому правлению.

По освобождении от ига фашистской Италии Хайле Селассие в интервью корреспонденту газеты «Тайме» 7 мая 1941 г. определил ближайшие цели внутренней и внешней политики [159, 09.05.1941]. Они включали создание правительства, в состав которого уже были отобраны кандидатуры, приглашение британских советников для организации административных служб, создание регулярной армии якобы для «уничтожения феодализма», обучение ее с помощью английских офицеров, изъятие национальных вооруженных сил из-под контроля британского командования, а также формирование полиции. В социально-экономической области предусматривалось прежде всего развитие образования, сельского хозяйства и достижение «социального благополучия», ибо, как указывалось, «если этого не будет сделано ... независимость Эфиопии станет номинальной». В интересах укрепления эфиопо-британских связей намечалось построить дороги в направлении Судана и наладить торговлю с ним. В планы феодальной верхушки входило также заполучить Джибути, если порт и прилегающая к нему территория французской колонии окажутся в руках итальянцев, и принять помощь

американского Красного Креста для организации здравоохранения в стране. Принципиально важным явилось заявление о том, что Эфиопия готова объявить войну гитлеровской Германии, поскольку «враги Великобритании — это и враги Эфиопии».

Восторженные реверансы в адрес Великобритании, однако, не предотвратили негативной реакции Лондона, когда 11 мая 1941 г. в Аддис-Абебе объявили, без предварительного согласования с англичанами (как того требовало мартовское джентльменское соглашение 1941 г.), о сформировании правительства и назначении раса Аббэбэ Арэгая губернатором Шоа. Под давлением Англии эфиопской стороне пришлось отступить, согласившись, что министры будут выполнять роль советников при штаб-квартире БВА. Но в Эфиопии их продолжали считать министрами.

Указ императора о правительственных назначениях и британский демарш в связи с ним содействовали началу англо-эфиопских переговоров об урегулировании отношений между двумя странами. После многомесячных напряженных дискуссий они закончились подписанием 31 января 1942 г. соглашения и прилагаемой к нему военной конвенции.

Согласно этим документам, Эфиопии пришлось многим поступиться, что нередко дает основания предполагать высокую цену, заплаченную императором за восстановление на троне. Лондон добился приоритета своего посланника при императорском дворе по сравнению с дипломатами других держав, использования при эфиопском правительстве в качестве советников [190] только англичан, согласия Аддис-Абебы на обязательные консультации по финансовым вопросам, оккупации англичанами восточных районов страны и т. д. Однако сам факт подписания соглашения, документально зафиксированное признание независимости Эфиопии, уступки англичан по целому ряду вопросов (и прежде всего в ликвидации режима БВА на большей территории страны) означали успех эфиопской дипломатии. Эфиопия получила определенные возможности для восстановления государства, налаживания хозяйственной жизни, расширения внешнеполитических контактов и в конечном счете для создания прочной внутри- и внешнеполитической базы для укрепления своей независимости.

Некоторые уступки эфиопской стороны были обусловлены складывающейся ситуацией на полях второй мировой войны. Другое дело, что Англия постаралась извлечь из этого пользу для покорения Эфиопии. В ряде случаев эфиопы согласились с требованиями Лондона из-за ухудшившейся обстановки в стране вследствие роста антиимператорских выступлений населения отдельных районов, усиления центробежных тенденций у отдельных народов, происков самих англичан по разжиганию межэтнических противоречий, обострения межрегионалистских отношений, а также вооруженных нападений еще нерепатриированных итальянцев.

В начале октября 1941 г. в Западной Эфиопии, в районе Горе-Сайо, внебрачный сын Лиджа Иясу Теодрос Иясу Ремо провозгласил себя императором и поднял местное население, преимущественно оромо, против Аддис-Абебы. Только с помощью бельгийских подразделений к середине ноября удалось разбить отряды самозванца, а его самого арестовать.

Один из крупных предводителей оромо гразмач Сера, вокруг которого группировалось большинство населения Адолы и прилегающих областей, потребовал осенью 1941 г. предоставления местной автономии и ликвидации шоанско-амхарской гегемонии в стране. Он придерживался также пробританских взглядов, надеясь, вероятно, на поддержку англичан в достижении своих целей. Его убили в октябре недалеко от помещения, где размещался штаб британского политического офицера, с которым, как подозревалось, он вел переговоры [311, с. 273; 317, с. 227].

Антиимператорская позиция многих оромо находила немало сторонников в Англии, которые готовы были отторгнуть оромо-населенные районы от Эфиопии [320, с. 177] и, разумеется, распространить над ними британское господство.

В ноябре 1941 г. Хайле Селассие обратился к британскому командованию за помощью в разоружении оромских племен рая и азебо, которые не желали покориться

власти императора. Англичане отказались, а военной силы у самого монарха не хватило, чтобы осуществить задуманную операцию. Азебо и рая впоследствии еще не раз с оружием в руках противодействовали [191] попыткам эфиопского правительства установить безраздельный контроль над ними.

Вероятно, в отдельных случаях оромо подгалкивали на антиимператорские выступления беглые итальянские офицеры, которые, играя на этнической, конфессиональной и политической неприязни части оромо к амхара, пытались возобновить боевые действия против союзнических и эфиопских войск. В одном из отчетов БВА за 1942 г. указывалось на то, что «офицеры разбитой армии пытаются поднять галла против императора» [371, с. 48].

Беглые итальянцы не ограничивались только происками среди оромо. В марте 1942 г. отряд из 600 человек под командованием некоего Бенедетто Франческо Антонио Баруссо нанес несколько сокрушительных ударов по эфиопским войскам в районе Адди-Угри. Племянник дэджазмача Хайле Сылласс Гуксы, находившегося в заточении за предательство в годы войны, Иммо Амлак Тэсфайе организовал отряд в 500 человек, включив в него несколько бывших итальянских офицеров; они напали на правительственные части в Северном Тыграе. В Адди-Угри в октябре—ноябре 1942 г. вновь стало неспокойно: небольшая вооруженная группа во главе с лейтенантом Онорати терроризировала местное население.

Весной 1942 г. в Северной Эфиопии действовал крупный вооруженный отряд эфиопов, так называемых аскари, прежде служивших в итальянских колониальных войсках. Им командовал сицилиец Бельяр, пользовавшийся большой популярностью. Императору пришлось направить значительные силы, чтобы разбить Бельяра. Итальянцы принимали участие также в организации покушений на жизнь Хайле Селассие. Это случилось, например, в октябре 1941 г., когда два вооруженных итальянца, пытавшиеся убить монарха, были схвачены. В 1942 г. служба безопасности раскрыла еще один подготовленный ими заговор против императора и наследного принца Асфа Уосэна.

С большим трудом справлялись власти с ситуацией, когда в том или ином районе вспыхивали антиимператорские волнения местного населения, возникали крупные восстания, организовывались заговоры, направленные либо на свержение Хайле Селассие, либо на установление конституционной монархии. Все эти выступления преимущественно были антиабсолютистскими, отражали общественное противодействие утверждению в Эфиопии абсолютизма и свойственной ему этнической, языковой, социальной, конфессиональной и политической дискриминации, а также экономическим тяготам. Многие из них представляли собой неразвитые формы классовой борьбы, соответствовавшие достигнутой к тому времени (начало 40-х годов) стадии классового самосознания и развития производительных сил.

Были, разумеется, заговоры, где предводители преследовали личные, амбициозные планы захвата трона. Но что любопытно: в качестве идеологического обоснования готовившегося дворцового переворота они часто выдвигали возраставшее недовольство в обществе учреждавшейся абсолютной монархией. [192]

Случались и обычные феодальные мятежи, возглавлявшиеся крупными феодалами, которые не могли примириться с потерей своих прав территориальных владык, отчуждением от них прежде узурпированных ими публичных прав государя, а также ликвидацией системы «сюзеренитета—вассалитета».

Заметное сопротивление политике Хайле Селассие оказывали бывшие партизанские руководители, придерживавшиеся либеральных, антиимператорских, антимонархических и республиканских взглядов. Пытаясь нейтрализовать их или в лучшем случае привлечь на свою сторону, император дарил им земли, присваивал высокие феодальные титулы, награждал орденами и медалями, возвышал в должности, широко использовал традиционный прием «шум-шир», направленный отчасти на повы-

шение их заинтересованности в монаршей благосклонности. Но усилия Хайле Селассие во многом были тщетны, ему не удавалось сломить явное или тайное противодействие тех, кто в годы войны вел за собой народные массы. В отношении непокорных тогда во дворце применяли силу: немало бывших партизанских руководителей оказалось в тюрьмах, на самых низких должностях в очень удаленных от Аддис-Абебы районах или вовсе не у дел, десятки — погибли от рук императорских агентов. В брошюре, изданной в 1977 г. революционным правительством, задавался риторический вопрос: «Где Бэлай Зэллекэ, дэджазмач Нэгаш, Тадэмэ Зэллекэ, Таккэле Уольдэ Хавариат и многие другие патриоты, сражавшиеся за свободу и независимость своей страны? Не были ли некоторые из них повешены публично на городских площадях? Не были ли казнь и истязания наградой истинному патриоту?» [71, с. 5].

Некоторые из них безропотно не сдавали своих позиций. Уже в феврале—марте 1942 г. дэджазмач Таккэле Уольдэ Хавариат открыто и резко критиковал режим Хайле Селассие, а узнав о готовящемся своем смещении, начал создавать собственную гвардию в 500 человек. Его вскоре арестовали, выпустив из заточения лишь в 1945 г. Но Таккэле Уольдэ Хавариат, хотя и обласканный императором и назначенный на высокий пост заместителя председателя Верховного суда Эфиопии (афе ныгуса), вновь включился в политическую жизнь с антиимператорских и антимонархических позиций, за что опять не раз подвергался гонениям.

Антиимператорская деятельность многих бывших партизанских руководителей в 1941—1945 гг., в том числе Таккэле Уольдэ Хавариата, фитаурари Хайлю Кибрета, дэджазмача Бэлай Зэллекэ, совпала по времени с массовыми антиналоговыми выступлениями крестьян в Годжаме, Бэгемдыре и Тыграе. Они нередко подключались к этим движениям и даже возглавляли некоторые крестьянские волнения. Крестьяне охотно шли за ними, ибо знали и верили им еще по военному лихолетью.

Антиналоговое недовольство крестьян севера поддерживалось и местными феодалами. Оно возникло в связи с тем, что [193] правительство объявило в 1941—1942 гг. о сборе оцененной десятины и поземельного налога в денежном выражении и изменении и регистрации всех земель. И хотя размеры этих налогов были невелики (поземельный налог, например, составлял 5—15 талеров Марии-Терезии с 1 гаша земли в зависимости от ее плодородия), их введение рассматривалось крестьянами севера как подготовка к распространению на эту часть страны аграрных отношений, сложившихся на юге. Им казалось, что они тем самым лишались своих личных и общинных рыстов, традиционных привилегий, которыми пользовались в сравнении с южанами, а также социально-психологических представлений о превосходстве над ними.

Первыми восстали крестьяне Годжамы. К их антиналовым настроениям добавились также ощущавшаяся все острее и острее ущемленность по сравнению с Шоа и сохранившаяся пока приверженность дому покойного ныгуса Тэкле Хайманота, чей прямой потомок рас Хайлю томился под надзором в Аддис-Абебе. Немало годжамцев неодобрительно относились к факту возвращения Хайле Селассие в страну в январе 1941 г. в сопровождении иностранцев.

Вооруженные крестьяне-годжамцы стекались в область Бичена, где местный губернатор дэджазмач Бэлай Зэллекэ, известный своей храбростью и отменными организаторскими способностями в годы войны, бросил открытый вызов императору. К нему присоединились внуки раса Хайлю дэджазмачи Маммо и Кэббэдэ Хайле Микаэль и некоторые другие его родственники, стремившиеся, в частности, облегчить участь еще совсем недавно могущественного повелителя Годжамы и поднять политический вес в стране этой провинции. К годжамцам примкнуло также немало шоанских феодалов и простолюдинов, что свидетельствовало о перерастании узкорегionalных рамок восстания Бэлай Зэллекэ в общестрановое движение. Бросив крупные силы, власти схватили всех предводителей и вскоре казнили их.

Однако антиналоговые волнения крестьян в Годжаме продолжались. Тем более что возросло в провинции недовольство императором из-за жестокой казни годжамского любимца

Бэлай Зэллекэ и внуков раса Хайлю — своего «родного» правителя. Они продолжались до середины 1944 г., пока Хайле Селассие не посетил Годжам и не раздал большие денежные дары землевладельцам и 100 тыс. талеров Марии-Терезии беднякам, да к тому же к этому времени было объявлено об отмене измерения и регистрации годжамских земель и о сборе податей с провинции на прежних, традиционных основаниях, т. е. в виде дани со всей провинции, причем в половинном размере в сравнении с довоенным уровнем 1935 г.

Власти применили эти же самые меры и при подавлении выступления народных масс в Бэгемдыре, достигшего своего наибольшего размаха в 1944 г. Не обошлось, конечно, и здесь без военной силы. Жители этой провинции, как и в Годжаме, протестовали не только против новых налоговых обложений, но и против процесса усиления позиций центрального правительства, означавшего в их представлении установление шоан-ского контроля.

Аналогичные же причины вызвали волнения среди амхара Уаг и Ласты в провинции Уолло. Они особенно были недовольны потерей этими областями известной самостоятельности в [194] ходе реализации указа об учреждении представителей центральной администрации на местах. Аддис-Абебе удалось довольно быстро усмирить население Уаг и Ласты.

Наиболее серьезную угрозу правлению Хайле Селассие составило широкое восстание народных масс в Тыграе в 1942—1943 гг., возглавленное блатта Хайле Мариам Рэдда.

В его основе — недовольство крестьян новым налоговым законодательством, непомерным ростом цен на импортные текстильные изделия, засильем в администрации амхара из Шоа, неумелым управлением провинцией, этнической и языковой дискриминацией, задержанием в Аддис-Абебе «своего» правителя раса Сьюма и пребыванием на посту генерал-губернатора в Мэкэле «чужака» — шоанца раса Аббэбэ Арэгая. Оно было таким мощным, что от его исхода зависела судьба всего правления Хайле Селассие. П. Джилкс называет его крестьянским восстанием, тесно связанным с извечным желанием тыграи: быть независимым от Шоа и амхара [309, с. 190].

Тот факт, что во главе восставших стояла местная знать, разочарованная сложившейся политической ситуацией в стране и отстранением ее от власти в результате абсолютистско-монархического курса Хайле Селассие, не противоречит тому, что восстание было по своему характеру народным. Слов нет, она в большинстве своем исходила из узкоклассовых и этношовинистических позиций, но народ руководствовался в этой борьбе иными причинами. Восстание охватило широкие слои и многие районы.

Важно обратить внимание и на то, что вместе с тыграйцами выступили оромо азебо и рая, населяющие южные районы Тыграя, т. е. оно не было узкоэтническим, но отражало межэтнические противоречия в стране, обусловленные отчасти сознательным насаждением дворцом амхарского господства. Кстати, волнения в Тыграе и начались-то с нескольких атак азебо и рая на правительственные войска.

Блатта Хайле Мариам Рэдда в целях дискредитации властей в Аддис-Абебе и в то же самое время для привлечения большего числа воинов в свои отряды, в том числе и за счет местных феодалов, широко оповестил население Тыграя об упразднении якобы правительством эфиопской церкви. Заметное место в его антиимператорской, антишоанской и антиамхарской пропаганде занимали обещания возродить славу Тыграя, добившись ее независимости.

Не исключал он и образования тыграйско-эритрейского государства. Это мнение блатты Хайле Мариам Рэдда не могло не заинтересовать англичан, рассчитывавших как на ослабление Эфиопии и ее порабощение, так и на увековечивание своего присутствия в Эритрее, находившейся тогда под их военным контролем. Блатта надеялся на британскую поддержку, в чем не раз заверял восставших. Как указывает журнал «Мэскэрэм», Англия

«дала свою поддержку этому движению через распространение соответствующих пропагандистских материалов, печатавшихся [195] в газете, которую (она) издавала в Эритрее» [153, 1981, № 6, с. 107]. Об этом не могли не знать в Тыграе.

Ссылка на англичан и предложения, делавшиеся в надежде привлечь их внимание и помощь, не случайны: блатта Хайле Мариам Рэдда и его окружение пытались тем самым нейтрализовать выступление Лондона на стороне Хайле Селассие, ну и, разумеется, в лице Великобритании обрести существенную опору в достижении успеха. Англия выжидала, хотя к ней за военной помощью настоятельно обращался Хайле Селассие и гибли ее офицеры в составе эфиопских правительственных войск, брошенных на усмирение провинции и терпевших поражение за поражением от восставших тыграйцев и оромо. И только тогда, когда оттягивать решение стало уже невозможно и когда, как выяснилось, оказались под угрозой британские имперские интересы [317, с. 343], английское командование дало указание авиации, базировавшейся в Адене, бомбить боевые позиции блатты Хайле Мариам Рэдда и города, захваченные им.

В середине октября 1943 г. восстание было подавлено; блатта Хайле Мариам Рэдда с ближайшими сообщниками бежал в Эритрею. Аддис-Абебе, несмотря на победу в Тыграе, пришлось, однако, уступить в ряде требований, выдвигавшихся восставшими, в том числе отменить введенные в 1941—1942 гг. поземельный налог и налог вместо десятины, даровать жизнь сыну раса Сьюма дэджамачу Мэнгэша, приговоренному к смерти за участие в восстании. Успех правительства в Тыграе позволил сохранить территориальную целостность Эфиопии. Это следует учитывать всегда при оценке действий центристских и центробежных сил в стране, и не только в ходе событий 1942—1943 гг. в Тыграе.

В апреле—мае 1942 г. беспокойно было в провинции Харэрге, где в районах Гурсум и Годжиар произошли столкновения местных сомалийцев и правительственных войск. Атаковав ряд поселений амхара, они сожгли их. Только после прибытия воинских подкреплений из Аддис-Абебы удалось разбить сомалийские отряды на берегу р. Эррэр [309, с. 220].

Год спустя жители Огадена поднялись с оружием в руках за изменение образа жизни, навязанного им еще в конце XIX — начале XX в. Потребовалось два батальона правительственных войск для подавления восстания.

Этнополитический фактор явился причиной брожения в: 1943—1944 гг. среди афаров (данакильцев), султан которых — Мохаммед Яу — водрузил даже собственное знамя над своей резиденцией. Власти сурово расправились с непокорным народом, а султана надолго заточили в тюрьму [150, 1954, № 1232, с. 496; 296, с. 157].

Все упомянутые движения отражали так или иначе сложный процесс утверждения абсолютной монархии. Формирование ее основных институтов завершилось к середине 1945 г., когда власти приняли и осуществили около 100 законов, касавшихся [196] всех сфер общественной, политической, социальной, экономической и культурной жизни. Майский (1945 г.) указ о введении новой денежной единицы — эфиопского доллара — и замене ею всех других ранее функционировавших в стране денежных знаков как бы венчал усилия по установлению самодержавия.

Хайле Селассие, став безраздельным повелителем, опирался в своем царствовании на созданный и постоянно укреплявшийся чиновничий аппарат, сильную регулярную армию, императорскую гвардию и полицию (в 1945 г. соответственно около 15 тыс., 3 тыс. и приблизительно 6 тыс. человек), численно увеличивавшиеся и составлявшие предмет особой заинтересованности монарха, эфиопскую церковь, превратившуюся в придаток государственной машины, а также государственные финансы и фискальные учреждения. Император установил жесткий контроль над деятельностью парламента, начавшего свою работу в 1942 г. на основе конституции 1931 г., центральной и местной администрации и судебных органов, сосредоточив всю полноту законодательной, исполнительной и юридической власти в своих руках. Важную роль в системе

абсолютистско-монархического государства в 40-е годы (да и в первую половину 50-х годов) играло министерство внутренних дел, особенно с тех пор как в 1943 г. во главе его стал один из самых могущественнейших и влиятельнейших сановников империи Уольдэ Гийоргис Уольдэ Йоханнис. Он же долгое время руководил и министерством пера, в функции которого первоначально входил правительственный надзор за средствами массовой информации.

Используя созданный мощный пропагандистский аппарат, государство стремилось направить развитие духовной и интеллектуальной жизни общества в угодное абсолютистско-монархическому режиму русло, внушить лояльность и веру в руководство Хайле Селассие, которые основывались на не критическом восприятии его слов и лозунгов, организовать кампанию превознесения императора вплоть до его обожествления, признания непререкаемости и незыблемости его авторитета, а также подготовить в стране общественно-идеологические основы правления монарха. Вводя контроль над средствами массовой информации, оно тем самым приобретало важное средство борьбы с внутренней оппозицией.

Централизации государства на абсолютистско-монархической основе способствовали отказ от прошлой практики частого пе-рекраивания административно-территориальных границ и введение устойчивого административно-территориального деления страны с четкой иерархией образованных районов, округов, областей и провинций. Управление в них строилось на основе централизма власти государства, а не традиционно-вассальных, взаимоотношений, как прежде. Руководители местной администрации, назначавшиеся отныне сверху до низу императором, лишались права иметь собственное войско и самостоятельно передислоцировать крупные полицейские отряды; они превращались [197] в государственных чиновников, получавших за службу фиксированное жалованье; для них вводилась строгая подотчетность вышестоящим органам; им запрещалось вступать в какие-либо контакты с иностранными державами; им не разрешалось выполнять, как в былые времена, фискальные и судебные функции; даже чыкка-шум (деревенский староста) потерял многие прерогативы своей власти.

Эффективность функционирования провозглашенной системы административного управления была ограничена условиями консервации феодальных отношений и сознательным сохранением традиционных взаимосвязей в обществе, которые использовал в своем царствовании Хайле Селассие. Вот почему не прекратилось полностью хозяйничанье генерал-губернаторов в провинциях и других руководителей местной администрации в низовых территориальных единицах; продолжались многочисленные поборы с крестьян, хотя и запрещенные законом; процветали коррупция, казнокрадство, фаворитизм, nepотизм. Показательны в этой связи слова английского журналиста Л. Мосли о том, что рас Аббэбэ Арэгай сумел «показать, что он может эксплуатировать собственный народ с таким же рвением, с каким он сражался с врагом», и притеснять людей до тех пор, пока они не начнут стонать, а их «кости трещать» [352, с. 289]. Жесткая детерминированность решений и поступков чиновников на местах с постоянной оглядкой на верх, на Аддис-Абебу, обрекала их на бездеятельность, праздность.

Этническая и конфессиональная дискриминация при назначении на должность не могла не вызвать недовольства среди неамхарских народов. Власти в Аддис-Абебе продолжали, как и в довоенное время, формировать провинциальный, областной, окружной и районный аппарат на юге преимущественно из амхара Шоа и редко из местных народов, и лишь на севере во избежание новых волнений чаще использовались на административных постах местные уроженцы. Более того, в Годжаме, Бэгемдыре, Тыграе и некоторых бывших полуавтономных территориях генерал-губернаторами или губернаторами становились представители традиционных аристократических фамилий, а не «чужеродные» феодалы.

На всех уровнях государственной службы Хайле Селассие стремился создать соперничавшие друг с другом группы чиновников, рассчитывая тем самым добиться

высокой степени лояльности, благонадежности, преклонения и повиновения трону. В провинциальной администрации, например, на второй по важности пост директора, выполнявшего своеобразную роль государева ока, назначались обычно выходцы из соперничавшей с генерал-губернатором феодальной семьи. На высших ступенях административной лестницы специально сталкивали даже друзей, которых отзывали со службы в разных ведомствах и назначали в одно какое-то учреждение.

Практиковалось также частое перемещение ответственных [198] чиновников, в результате которого они долгое время приспосабливались к новой ситуации, выясняя расстановку сил, связи-противоречия, характер интриг. Со временем в государственном аппарате развилась система взаимной слежки, доноса, недоверия и подозрительности. Кроме того, в правительственных учреждениях процветали формализм, льстивое преклонение перед начальством, третирование подчиненных, пренебрежительное отношение к нуждам народа и раболепие перед интересами феодального класса. Все это лишало людей инициативы, активности, снижало эффективность действий центральных и местных органов власти, по существу, услуживавших императору, а не служивших стране.

Знать, хотя поредевшая за время войны и потерявшая немало за первые послевоенные годы в результате утверждения абсолютной монархии, тем не менее сохранила известное влияние при дворе и в стране в целом. Хайле Селассие, несмотря на открывшиеся в 1941—1945 гг. возможности ее полного отстранения от политической жизни, не отважился на подобный шаг, да, судя по всему, и не хотел этого. В таком подходе сказались не только его приверженность традиционным ценностям и связям, но и опасения за судьбу трона, если бы аристократия, против которой применялись бы решительные меры, оказалась более сговорчивой с англичанами и заручилась их поддержкой.

Включив знать в структуру государственной власти в известной степени на подчиненных и подконтрольных началах, он использовал ее в качестве противовеса высшей бюрократии неродовитого происхождения. Со временем знать становилась все более реакционной, ее исключительный консерватизм, своекорыстие и коррумпированность «разъедали» государственные структуры абсолютной монархии, а самодержец, в свою очередь, все чаще и чаще обращал к ней взор, ища поддержки антинародной политике.

Для формирования бюрократии как составной части механизма абсолютной монархии власти уделили определенное внимание развитию светского образования, открыв в 1945 г. 120 государственных школ с 19 тыс. учеников. Оно было поставлено на службу императорскому режиму и призвано содействовать обожествлению личности монарха, возвеличиванию методов его руководства, воспитанию преданности и повиновения ему. Светское образование развивалось в рамках, угодных самодержавию, и отнюдь не предусматривало просвещения широких народных масс. Создавая прослойку образованных людей, искусственно изолированную от неграмотного подавляющего большинства населения, во дворце рассчитывали, что они станут активными сторонниками и защитниками абсолютизма, верой и правдой будут служить императору. Наряду с идейно-политическим воспитанием в правительственных школах в соответствии с абсолютистско-монархическими ценностями учащая молодежь приобщалась к западной, буржуазной идеологии. [199] И это обстоятельство следует иметь в виду при оценке всей послевоенной политической жизни Эфиопии.

Император попытался поставить на службу себе и обучение в мусульманских школах, содержавшихся за счет мусульман страны. Его предложение в 1944 г. представителям мусульманской общины в Харэре об увеличении числа исламских школ при условии введения в них преподавания амхарского и английского языков было отвергнуто. Тогда по приказу монарха в 1945 г. стали принудительно набираться ученики из медресе Харэра и Дыре-Дауа для учебы в школе им. Тэфэри Мэконнына в Аддис-Абебе. Тем самым было положено начало формированию небольшой мусульманской

прослойки в чиновничьем аппарате, занимавшей, как правило, невысокие должности в бюрократической иерархии. Но это заигрывание с мусульманами, а также некоторые другие жесты «доброй» воли в их адрес (например, строительство нескольких мечетей за государственный счет) не спасли, да и не могли спасти императорский режим от критики за дискриминацию приверженцев ислама.

Недовольно было даже мусульманское купечество, которое наряду с другим по вероисповеданию торговым людом, казалось бы, должно было радоваться отмене многочисленных внутренних таможен в стране. Но на смену им пришли крупные поборы высокопоставленных сановников и даже членов императорской фамилии.

Ярким примером подобного вымогательства может служить деятельность в 1943—1949 гг. министра торговли Мэконнына Хабтэ Уольда, который обязал купцов (как мусульман, так и христиан) передавать ему 20—25% (а порой и до 100%) ввозимых товаров по контрольным (т. е. низким) ценам и продавал их затем, как правило, на черном рынке через компанию «Эфиопиэн сэсаити фор коммерс энд транспорт», созданную при участии его самого и ряда других членов правительства. Эти спекулятивные операции приносили высокие прибыли: ежемесячно они составляли 37 тыс. ф. ст. при сбыте пряжи и 212 тыс. ф. ст. — полотна. Английский советник А. Д. Бетелл писал, что министр торговли, когда было обращено его внимание на незаконность таких действий, лишь отмахнулся, высокомерно заявив, что «если один эфиоп грабит другого, то по крайней мере деньги остаются в стране» [285, с. 153].

Значительны оказались и доходы «Эфиопиэн нэшнэл корпорейшн», организованной в 1943 г. главным образом на средства того же Мэконнына Хабтэ Уольдэ, вице-министра финансов Иильмы Дэрэсы, императора и императрицы. Занимая монопольное положение во внешней торговле зерном, сахаром, хлопчатобумажными изделиями и распределением этих товаров на внутреннем рынке, компания только в 1943—1944 г. получила прибыль примерно в 200 тыс. ф. ст.

Приведенными двумя фактами, конечно, не ограничивается предпринимательская деятельность феодально-монархической верхушки, которая, используя государственные каналы, обогащалась за счет торгово-финансовых махинаций. Она направляла заработанные таким путем доходы на непроизводственное потребление, ухудшая тем самым возможности независимого экономического развития страны. Более того, немалые средства переправлялись в иностранные банки за границу, что еще больше обедняло финансовые ресурсы страны. [200]

С изгнанием оккупантов почти прекратилось формирование государственных доходов за счет поступлений от императорского домена (личных владений). После 1945 г. вседомениальные доходы императора шли только для его собственного обогащения. Содержание его дворца с 1941 г. осуществлялось за государственный счет. Хайле Селассие, располагая высшей фискальной властью в стране и неограниченно распоряжаясь государственными финансами, часто использовал их по своему усмотрению, в нарушение расходных статей государственного бюджета.

Доход страны в 1941—1945 гг. складывался из безвозмездной субсидии Англии в 2,5 млн. ф. ст., американской помощи по ленд-лизу, предоставляемой на основе подписанного в августе 1943 г. американо-эфиопского соглашения о многосторонней помощи, прибыли государственных приисков по добыче золота и платины в Юбдо и Адоле (в мае 1942 г. — октябре 1945 г. добыто, по официальным данным, 149 тыс. унций золота), часть которой присваивалась императорским домом, прибыли государственных промышленных предприятий, доставшихся отчасти от оккупантов, поземельного налогообложения, включая налог вместо десятины (в 1944 г. по новому указу устанавливались более высокие размеры налогов), экспортно-импортных пошлин, а также от вновь введенных государственных монополий на соль, табак и алкоголь.

В первой половине 40-х годов значительны были поступления от внешней торговли, имевшей тогда положительное сальдо. Так, в 1944—1945 гг. экспорт Эфиопии, в котором выделялись главным образом кофе, зерно, золото, превысил импорт на 380 тыс.

ф. ст., а только за второе полугодие 1945 г. — на 500 тыс. ф. ст. Экспортные пошлины в то время составляли 5—10% стоимости товара, а импортные — 10—75%.

Интересны данные за 1944 г. о поступлениях от земельных налогов в размере 590 тыс. ф. ст., таможенных пошлин — 650 тыс. и золотодобычи — 500 тыс. ф. ст.; всего же в том году доходы государства составили более 2,8 млн. ф. ст.

Расходы же шли в основном на содержание государственного аппарата, армии и полиции — этих трех китов самодержавия. По нашим подсчетам, на основе данных М. Перхэм [376, с. 204—206], в 1943/1944 и 1944/1945 гг. только на министерство внутренних дел, военное министерство, военно-воздушные силы и императорскую гвардию отводилось более половины всех ежегодных государственных расходов. Велики были траты по так называемому цивильному листу (т. е. на императорский дворец, на самого монарха, его семью, придворный штат, резиденцию ычэге и т. д.): в 1943/44 гг. они составили свыше 2 млн. талеров Марии-Терезии из общей суммы расходов почти в 38 млн. талеров Марии-Терезии.

Первый государственный бюджет в полном смысле этого слова, как принято считать в литературе, появился в Эфиопии [201] в 1944 г. и охватывал период эфиопского календарного года в 1944/45 г. Однако, по мнению М. Перхэм, такой бюджет в стране был составлен годом раньше [376, с. 201, 205]. В предыдущие два года (1941/42 и 1942/43 гг.) не делалось подробных бюджетных разработок; имеющиеся данные лишь включают общие суммы доходов и расходов. Составление государственных бюджетов с 1943 г. свидетельствует об укреплении фискальных структур империи, ее абсолютистско-монархическом характере.

Хайле Селассие, как и в довоенное время, опирался на иностранных советников. В 1941—1944 гг. это были, согласно договору 1942 г., британские подданные. Англичане, многие из которых прежде трудились в колониальном ведомстве, стремились управлять страной как владением Великобритании. На этой почве происходили постоянные трения между правительственными чиновниками, включая министров, и британскими советниками. Одновременно в Аддис-Абебе неоднократно выступали с заверениями в самых искренних отношениях с Англией, в неизменности двустороннего сотрудничества по всем вопросам, а также просили Лондон не доверяться ложным сообщениям печати о намерениях Эфиопии якобы выдворить англичан, избрав в качестве противовеса им США. Известны слова Хайле Селассие (май 1943 г.) о том, что, «по-видимому, наши друзья (англичане. — *Авт.*) не рады отношениям, какие мы имеем с Америкой... Вступая в более тесные связи с американцами, мы отнюдь не намерены отказаться от Англии».

Однако в Лондоне не доверяли всецело подобным успокоительным заявлениям. В распоряжении Форин офиса было немало доказательств тому, что эфиопские власти заняты интенсивными поисками возможностей для ослабления позиций Англии. Где могли, там англичане срывали эти попытки Аддис-Абебы, оказывая прямо или косвенным образом давление на ее внешнеполитических партнеров. Так, в 1943 г. США, опасаясь обострения противоречий с Лондоном, отказали Эфиопии в просьбе предоставить заем в 50 млн. долл. и направить в Аддис-Абебу на работу 400 специалистов.

Вот почему Аддис-Абебе не удалось также получить займы и привлечь советников из Швеции, с которой эфиопское правительство контактировало через свое посольство в Москве, открывшееся после установления дипломатических отношений с СССР в 1943 г. Показательно, что в августе 1944 г. оно ознакомило шведского посла в советской столице со своими предложениями Лондону по заключению нового соглашения взамен договора 1942 г. [313, с. 53, 173]. Этот шаг, предпринятый Аддис-Абебой вразрез требованиям англичан, можно расценить, видимо, как, во-первых, демонстрацию собственной внешнеполитической самостоятельности и, во-вторых, как стремление придать международный акцент двусторонним связям с Англией.

19 декабря 1944 г. в столице Эфиопии было подписано новое [202] соглашение с Великобританией, по которому отменялись многие дискриминационные положения,

навязанные Эфиопии в 1942 г. Страна, окрепнув к осени 1944 г. и стабилизировав в целом внутреннюю обстановку, вела переговоры с английской делегацией во главе с графом де ля Уорром очень жестко, не поддаваясь открытому давлению, уговорам, посулам и даже шантажу. Англия в конце концов согласилась с тем, что за эфиопским государством признавалось право собственника недр в так называемой Резервной зоне и Огадене, где еще сохранялся британский оккупационный режим; ее дипломаты лишались преимущественных прав и привилегий в сравнении с дипломатами других стран; Аддис-Абеба могла отныне приглашать советников и специалистов из любой страны по своему усмотрению; вводилась подсудность британских подданных эфиопским органам юстиции; беспрепятственная транспортировка английских войск ограничивалась только дорогой Джиджиги — Дыре-Дауа; эфиопским войскам предоставлялась свобода передвижения в оккупационной зоне и т. д.

Однако сохранение политического и военного контроля над восточными районами Эфиопии давало Лондону возможность оказывать на Аддис-Абебу постоянное давление, добиваясь тех или иных колониальных выгод.

Британская оккупация части эфиопских земель объективно содействовала сплочению населения, выступавшего единым фронтом против английского присутствия, и, следовательно, усилению центристремительных тенденций, а также формированию самодержавия. Несомненно и иное: многолетняя оккупация Восточной Эфиопии не могла не сказаться отрицательно на политико-территориальной консолидации империи, ибо в результате установления британского контроля эта территория на многие годы вышла из-под юрисдикции эфиопского государства. К тому же политика Англии, направленная на увековечение ее господства, привела к известному отчуждению части местных жителей от эфиопского государства; после ликвидации оккупации это создало немало трудностей в развитии страны.

Лондон в своей колониалистской политике в Эфиопии продолжал использовать британскую военную миссию, глава которой, по соглашению 1944 г., стал ответственным перед эфиопским военным министром. Форин офис неоднократно в 1945 г. срывал попытки Аддис-Абебы пригласить шведских офицеров для обучения эфиопских вооруженных сил. Преодолевая противодействие англичан, Эфиопия не только восстановила в тот год дипломатические отношения со Стокгольмом, но и сумела получить заем в 5 млн. швед. крон под 3,5% годовых для оплаты специалистов и закупок необходимого оборудования.

Установление официальных связей с Советским Союзом, США и Швецией и дипломатическое поражение Англии, серьезно подорвавшее ее надежды на колонизацию эфиопских земель, означали существенный сдвиг во внешнеполитической практике [203] освобожденной Эфиопии. Крупным событием в международной жизни Аддис-Абебы, оказавшим заметное влияние на последующее развитие страны, явилось вступление Эфиопии в ООН в 1945 г. Тем самым страна сделала решительный шаг по пути превращения в субъект международных отношений.

Правящая верхушка умело использовала внешнеполитическую активность для достижения своих внутренних целей, для создания внешних гарантий царствования Хайле Селассие. Особая роль здесь отводилась США, заручившись поддержкой которых император усилил свои позиции в стране.

Завершение процесса формирования абсолютной монархии (1946—1955). Конституция 1955 г.

Победа над фашизмом, достигнутая при решающей роли Советского Союза, явилась одним из важнейших факторов, оказавших значительное влияние на все послевоенное развитие Эфиопии. Разгром гитлеровской Германии и ее союзников сделал необратимым процесс освобождения Эфиопии от итальянского колониализма.

Образование мировой социалистической системы и подъем национально-освободительного движения создали совершенно иную, чем до второй мировой войны, международную обстановку. Афро-азиатские и латиноамериканские народы обрели в лице всего социалистического сообщества надежного союзника в борьбе против колониализма и империализма, за независимость и социальный прогресс.

Классовая ограниченность императорского режима не позволила, однако, реализовать открывавшиеся в результате позитивных сдвигов в мире возможности прогрессивного, революционного развития страны. Его основные усилия в 1946—1955 гг. сосредоточивались на совершенствовании и укреплении механизма абсолютной монархии, фундамент которого был заложен в предыдущее пятилетие. В рассматриваемое десятилетие абсолютистско-монархический строй в Эфиопии стал реальностью, 'Определив на многие годы ее историческое развитие.

Упрочение власти монарха, как известно, требует денег. Вот почему одна из главных забот правительства Хайле Селассие состояла в извлечении все новых и новых доходов.

Со второй половины 40-х годов наблюдается дальнейшее упрочение государственных финансов. Прежде всего это касается государственного бюджета. Произошла еще большая его централизация. Доходная часть бюджета неизменно возрастала, хотя и не в тех размерах, каких хотелось бы трону. С 1946 по 1955 г. она увеличилась почти вдвое, составив в 1955 г. 115 млн. эф. долл., причем этот рост шел главным образом за счет текущих доходов. В их формировании по-прежнему ведущие позиции занимали налоги (в 1955 г.— 92,2%), притом косвенные налоги [204] (в 1955 г.— свыше 75%) составляли основные бюджетные поступления. Это еще раз показывает неразвитость системы прямых налогов, сознательно предусмотренной в интересах феодального класса, а с другой стороны, стремление властей посредством распространения косвенных налогов перенести всю тяжесть налогообложения на народные массы.

В структуре косвенных налогов велика была доля таможенных пошлин: например, в 1946 г.— около 50%. Правительство неоднократно повышало таможенные пошлины, достигавшие в 1955 г. 5—100% стоимости импортных товаров. Кроме того, они облагались специальным налогом аддис-абебского муниципалитета в 1%, сбором в пользу статистической службы (0,8 эф. долл.) и торговой палаты. Все это, в свою очередь, приводило к росту цен на импортные товары (текстильные изделия, ткани, продовольствие, мыло и т. д.), что служило причиной недовольства низших слоев эфиопского общества.

Прямое налогообложение, имевшее небольшое фискальное значение и приносившее значительные тяготы крестьянам и наименее оплачиваемым категориям трудящихся, работающих по найму, имело облегченный характер для землевладельцев, высокооплачиваемых чиновников и предпринимателей. Тем более, что члены императорской и ряда аристократических фамилий, а также эфиопская церковь вообще были освобождены от уплаты налогов. Более того, крупные землевладельцы и видные сановники империи находили немало юридических лазеек, чтобы не выплачивать налоги, или даже просто не платили их без какого-либо правового обоснования, а власти смотрели на ил налоговые махинации снисходительно. Все это подтверждается следующими конкретными данными. По бюджету на 1945/46 г. сумма поземельного налога и налога вместо десятины составила 14,5 млн. эф. долл. из 44,12 млн. эф. долл. всех государственных доходов. Спустя 21 год на эти налоги пришлось лишь 16,95 млн. эф. долл. из 446,2 млн. эф. долл. государственных доходов по обычному бюджету, т. е. не включая иностранные займы, частные иностранные капиталовложения и т. д. [345, с. 118]. В 1952 г. прямое налогообложение дало в государственную казну 27 млн. эф. долл. из 80 млн. эф. долл. всех доходов по обычному бюджету, а в 1956 г.— 23 млн. эф. долл. из уже 114 млн. эф. долл. [141, 1959, т. 3, № 4, с. 126]. В 1954 г. из сельской местности в государственную казну поступило в качестве прямых налогов всего лишь 18 млн. эф. долл., да и то немалая доля этой суммы приходилась на прямые налоги на скот, принадлежащий крестьянам-арендаторам и выплачиваемый ими в пределах 0,05—1 эф. долл. за одного животного. Вот с крестьян-то власти стремились взыскать этот налог в полном объеме и своевременно но снисходительно относились к

тому, что из-за несовершенства земельного налогообложения и уклонения землевладельцев-феодалов от уплаты налогов в государственную казну ежегодно не поступало до 80 млн. эф. долл. [141, 1965, т. 8, № 4, с. 299].

Антинародная направленность налоговой политики абсолютистского государства состояла не только в содействии обогащению феодального класса, но и в укреплении собственных позиций, поощрении частного капитала, развитии капиталистических отношений. Оно взимало низкие прямые подоходные налоги с жалованья чиновников и служащих компаний, доходов от земель и зданий несельскохозяйственного назначения, от предпринимательской деятельности. В 1954 г. государственные доходы по такой статье не превысили 4 млн. эф. долл., причем в эту сумму вошли и поступления от налогообложения лиц, чья заработная плата была не менее 1,3—1,5 эф. долл. в день (например, неквалифицированный рабочий-железнодорожник получал 1,3 эф. долл. в день). [205]

Аккумулируя государственные доходы, правительство, выполняя волю монарха, направляло их преимущественно на содержание администрации, бюрократии, двора, церкви, армии и полиции. Причем эти расходы все время увеличивались: так, в 1949/50 г. только на министерства национальной обороны, внутренних дел и юстиции и центральную администрацию приходилось 47,4% расходов госбюджета, а в 1955—1956 г. уже — 51,1%.

На экономическое развитие отводилась лишь ничтожная часть бюджетных ассигнований. В 1949/50 г. государственные капиталовложения составляли 5,8 млн. эф. долл. (6,8% всех бюджетных расходов), а в 1955/56 г. и того меньше — 2,9 млн. эф. долл. (2,4%). В сельское хозяйство, основную отрасль материального производства страны, в начале 50-х годов вкладывалось менее 1% бюджетных расходов, причем большая часть отпускавшихся средств шла на оплату чиновников министерства сельского хозяйства.

Невелики были расходы и на социальные нужды населения, на которые отводилось не более 5—6% бюджетных ассигнований. Но даже эти небольшие суммы неоднократно уменьшались, на практике, поскольку требовались дополнительные траты на поддержание абсолютистско-монархических устоев. Доходов на покрытие всех государственных расходов абсолютной монархии стало не хватать, даже с учетом зарубежных займов. Приходилось сводить бюджет с дефицитом, составившим в 1955 г. 13 млн. эф. долл. Это, разумеется, ухудшало финансовое положение Эфиопии, вынуждая правительство искать новые источники финансирования, вводить новые налоги, залезать в новые долги.

В поисках средств правительство в 1947 г. ввело специальный налог на образование (так называемый образовательный налог). Его размеры колебались в пределах 6—15 эф. долл. с 1 гаша. Желая предотвратить возможные волнения крестьян в Годжаме, Бэгемдыре и Тыграе, для этих провинций налог на образование устанавливался в сумме, равной оцененной десятине, выплаченной в 1935 г. натурой. Для амхара — собственников земли в Шоа определялись еще более низкие ставки этого налога: 1,5—6 эф. долл. с 1 гаша. Церковь отказывалась платить налог на образование, и тогда правительство в начале 50-х годов передало на содержание церкви 177 государственных школ.

В 1951 г. правительство, стремясь увеличить государственные доходы, внесло изменения в закон о земельном налогообложении 1944 г. Отныне с неизмеренных земель взимался поземельный налог и налог вместо десятины в сумме 5—20 эф. долл. Однако эффект от этого постановления оказался незначительным.

Не удалось улучшить ситуацию и в результате изменения отдельных форм землевладения и землепользования, прежде не подвергавшихся полностью или частично государственному налогообложению. Более решительных мер по земельному налогообложению и увеличению тем самым государственных доходов правительство

предпринимать не отваживалось, да и в силу [206] своей социально-классовой природы не собиралось. Основной упор делался, как уже отмечалось, на косвенные налоги.

Но средств, поступавших от прямых и косвенных налогов, государственных предприятий и имущества, не хватало. Со второй половины 40-х годов власти стали широко прибегать к внешним источникам финансирования и прежде всего к займам и кредитам империалистических держав.

Уже в 1946 г. США кредитовали эфиопскому правительству 500 тыс. долл. (впоследствии сумма кредита была доведена до 1 млн. долл.) для закупки американских военных излишков. В том же году Экспортно-импортный банк США предоставил Эфиопии кредит в 3 млн. долл. для финансирования внешнеторговых операций. Год спустя «Нэшнэл сити бэнк» выделил Эфиопии 900 тыс. долл. на дополнительную чеканку в США 50-сантиметровых монет новой эфиопской денежной системы и их транспортировку в страну.

В 1949—1954 гг. США на основе ленд-лиза поставили товаров на 200 тыс. долл. Наряду с США займы Эфиопии предоставляли международные финансовые организации: например, в 1951 г. МБРР предоставил кредит в 1,5 млн. долл. на расширение телефонно-телеграфной связи и 2 млн. долл. для основания эфиопского банка развития, а годом раньше — 5 млн. долл. на дорожное строительство. С учетом решающего влияния в них Вашингтона можно утверждать, что США стали в 1946—1955 гг. главным и, по существу, единственным (исключая один кредит Швеции в 2,5 млн. швед. крон в 1946 г.) заимодавцем Эфиопии. К этому следует добавить, что Эфиопия стала одним из первых получателей американской «помощи» в соответствии с 4-м пунктом программы Трумэна. В 1952—1958 гг. Вашингтон выделил на этой основе 4,9 млн. долл. [153, 1981, т. 2, № 6, с. 55].

Одновременно с увеличением финансовой «помощи» из-за рубежа рос внешний долг Эфиопии. Если до войны он отсутствовал, то в 1955 г. уже составил 12,5 млн. долл. Ежегодно около 3% расходной части госбюджета шло на выплаты по внешней задолженности, включая процентные начисления, а они были значительны: до 7% годовых.

В политическом отношении правящие круги превратили «помощь» Запада в важное средство упрочения абсолютизма. Так, заметная часть кредита Швеции пошла на оплату шведских военнослужащих и полицейских офицеров, обучавших в Эфиопии военно-воздушные силы, императорскую гвардию и полицию.

Почти половина средств по программе Трумэна, предоставленная Эфиопии, была израсходована на оплату американских специалистов [161, 21.01.1962]. Необходимо подчеркнуть, что иностранцы на службе эфиопского правительства в 1946—1955 гг. заметно содействовали утверждению абсолютной монархии, ее защите. К тому же они, особенно из США, вольно или невольно создавали определенные предпосылки для усиления империалистического влияния. И это — несмотря на то, что власти в Аддис-Абебе не раз подчеркивали свое стремление не допустить вмешательства иностранных советников в дела Эфиопии с целью ограничения ее независимости.

Помимо оплаты иностранных специалистов средства, поступавшие с Запада, шли преимущественно на финансирование [207] строительства производственной инфраструктуры, и прежде всего связи и транспорта. Журнал «Мэскэрэм» [153, 1981, т. 2, №6, с. 54] писал, что «55% всех займов и кредитов США были направлены на развитие транспорта и коммуникаций и лишь 3% — в обрабатывающую промышленность и ничего — в горнодобывающую».

«Инфраструктурные» интересы империалистических держав и властей Аддис-Абебы совпадали. Первые усиливали тем самым зависимое положение Эфиопии в мировом капиталистическом хозяйстве, а вторые добивались таким путем большей централизации государства, преодолевали изолированность отдельных областей и утверждали повсеместно императорский контроль. Кроме того, концентрируя внимание на инфраструктурном строительстве, императорский двор сознательно создавал ограниченные возможности для формирования национальной буржуазии и фабрично-

заводского пролетариата. Во дворце опасались, что эти социальные силы, окрепнув, со временем лишат феодальную верхушку власти. Особенно при дворе противились расширению сферы капиталистических отношений в деревне, ибо существовавшая на селе патриархальщина была чрезвычайно важным условием устойчивости абсолютизма в Эфиопии.

В укреплении абсолютизма значительную роль сыграли США, стремившиеся использовать режим Хайле Селассие для осуществления своей экспансионистской политики на Ближнем Востоке и в Африке. В серии договоров, заключенных в начале 50-х годов, особое место занимали майские (1953 г.) соглашения «О взаимной обороне» и об использовании Соединенными Штатами оборонительных сооружений в Эфиопии. По их условиям, военная помощь США, включавшая безвозмездные поставки оружия, обучение эфиопской армии американской миссией, сменившей англичан, службу американских советников в военных учреждениях Эфиопии и т. д., сочеталась с прямым военным присутствием Вашингтона на ее территории, на базе Кэпгью, предоставлением Пентагону разнообразных стратегических преимуществ (в том числе возможность строить военные объекты, вести аэрофотосъемку, заходить боевым кораблям в порты, беспрепятственно пользоваться по необходимости сырьевыми ресурсами страны) и участием Аддис-Абебы в ограничении торговли с СССР и другими социалистическими странами.

Усилению позиций США в Эфиопии, а следовательно, и власти Хайле Селассие, в стабильности режима которого Вашингтон был очень заинтересован, способствовал договор о дружбе и экономических отношениях, подписанный 7 сентября 1951 г. в Аддис-Абебе. Он стал «юридической основой для политики „открытых дверей" и защиты американского капитала в Эфиопии» [153, 1981, т. 2, № 6, с. 53]. Американские позиции усилились и в связи с тем, что США вскоре заняли ведущее место во внешней торговле Эфиопии. Уже в 1955 г. на них приходилось [208] немногим более 1/4 эфиопского экспорта (в 1951 г.— лишь 7,7%). Это еще в большей степени привязывало императорскую Эфиопию к США. Не последнюю роль здесь играло и то, что новая эфиопская валюта (эфиопский доллар) ориентировалась на американский доллар.

В Эфиопии распространено мнение, что в 40—50-е годы закладывался фундамент статуса эфиопского государства как «государства-клиента» [265, с. 87]. Рост влияния США происходил, несмотря на приверженность Аддис-Абебы тактике сбалансированных позиций в отношениях с иностранными государствами.

В соответствии с подобным подходом Эфиопия в 1946—1955 гг. вступила в дипломатические и экономические контакты с Бельгией, Данией, ФРГ, Нидерландами, Норвегией и другими западноевропейскими странами. Но ни одно из империалистических государств Западной Европы не смогло составить, как на то надеялись определенные круги в Аддис-Абебе, серьезного противовеса США.

Нельзя не признать вместе с тем тот факт, что, опираясь на США, используя англо-американские противоречия в послевоенные годы и экспансионистские устремления Вашингтона, императорский режим добился полного выдворения из страны британского империализма. В 1955 г. последний английский солдат покинул эфиопскую землю, еще раньше из Эфиопии отбыла британская военная миссия.

Этот успех Эфиопии явился важной вехой в ее новейшей истории. Он совпал с участием страны в Бандунгской конференции, ставшей символом афро-азиатской солидарности. Эфиопский делегат призвал ее участников к объединению усилий в борьбе против колониализма и за международную безопасность и подкрепил свои политические призывы ссылкой на опыт антиколониального сопротивления Италии, Англии и другим империалистическим державам. Бандунг положил начало активизации Эфиопии в движении афро-азиатской солидарности.

Оба эти события — полное поражение Великобритании в Эфиопии и участие последней в Бандунгской конференции,— отразив определенные сдвиги во внутри- и

внешнеполитическом положении эфиопского государства, послужили упрочению абсолютной монархии, возвышению укреплявшегося авторитета Хайле Селассие.

Так и не смогли в Лондоне решить в свою пользу и вопрос о судьбе бывших итальянских колоний — Итальянского Сомали и Эритреи. По решению соответственно IV и V сессий Генеральной Ассамблеи ООН, первая отходила под десятилетнюю опеку Италии, а вторая — включалась на автономных правах в создаваемую Федерацию Эфиопии и Эритреи. Американский советник при императоре Джон Спенсер совершенно точно указал на роль США в определении будущего Эритреи и о возвращении Эфиопии оккупированных Англией территорий: [209] «Эфиопия благодарна Соединенным Штатам за поддержку в вопросе об Эритрее и Огадене... и в знак признательности, став единственным государством в регионе, не входящим в НАТО, отправила воинский контингент в Южную Корею под американским командованием» [153, 1981, т. 2, № 6, с. 45]. Участие Эфиопии в американской агрессии против народной Кореи, хотя и камуфлировалось флагом ООН,— пример усиливавшейся классовой «смычки» феодальной верхушки и американского империализма, рассматривавшего Аддис-Абебу в качестве младшего, неравноправного партнера.

Пропагандистская машина Эфиопии попыталась в те годы широко использовать факт отправки эфиопских войск на поля сражений на Корейском полуострове для возвеличивания императора, его царствования. Еще большие восхваления в адрес Хайле Селассие раздавались, когда вопрос об Эритрее в целом решился благоприятно для Эфиопии и когда в 1952 г. образовалась Федерация Эфиопии и Эритреи.

Надо признать, что в течение почти 10 лет императорский режим умело использовал проблему Эритреи и Итальянского Сомали, находившихся с 1941 г. под британским управлением, для укрепления собственных позиций, для отвлечения народных масс от внутренних трудностей, для нейтрализации своих противников, а также для консолидации единства страны. Общественная, политическая энергия народа, и прежде всего городских слоев, направлялась на срыв британских планов увековечивания господства в Эритрее и бывшем Итальянском Сомали и на их включение в состав эфиопской империи. Создание различных общественных организаций в Аддис-Абебе и их отделений в других городах, которые выступали против намерений Англии и за удовлетворение интересов Эфиопии, массовые митинги и демонстрации в поддержку требований правительства, издание и распространение листовок и другой печатной продукции, содержащей проэфиопские материалы и разоблачающие расчеты Лондона и центробежные силы Эритреи и Итальянского Сомали, широкое оповещение по стране о соответствующих правительственных демаршах на международной арене— все это составляло важнейший аспект политической жизни страны в послевоенное десятилетие и вместе с тем служило фактором утверждения абсолютизма.

Вопрос о судьбе Эритреи и Итальянского Сомали занимал особое место в деятельности эфиопской дипломатии. Но наибольшее внимание она уделяла проблеме Эритреи. В Аддис-Абебе неизменно подчеркивали необходимость возвращения этой территории, некогда отторгнутой итальянцами от Эфиопии. Четко и недвусмысленно эфиопская позиция была определена на переговорах Хайле Селассие с У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом в феврале 1945 г. в Каире. Английскому премьеру и американскому президенту было заявлено, что без Эритреи независимость Эфиопии будет иметь ограниченный характер и что передача [210] Эритреи Эфиопии — не какая-то милость Лондона, а реализация присущих Эфиопии прав.

Включение Эритреи в состав Эфиопии, хотя и на автономных правах в рамках федерации, несомненно содействовало упрочению эфиопского самодержавия, предоставив ему дополнительные, притом весьма существенные, ресурсы. Приобретение выхода к морю усиливало позиции Эфиопии в мировом хозяйстве, укрепляло ее независимость, облегчало ей доступ к достижениям мировой цивилизации, к контактам с другими государствами, но вместе с тем повышало к ней интерес Запада, и особенно

США, которые сохранили, а позднее и расширили военную базу под Асмэрой. Нынешнее руководство-Эфиопией полагает, что решение V сессии Генеральной Ассамблеи ООН, определившее будущее Эритреи, проигнорировало желание большинства населения на полное объединение с Эфиопией, было принято в результате империалистического заговора с целью создания благоприятных условий для неокOLONиализма, а также содержало уже само по себе немало трудностей в развитии эфиопо-эритрейских взаимоотношений [47, с. 10; 48, с. 10; 57, с. 12—13; 58, с. 4].

Власти Аддис-Абебы почти сразу же после создания в 1952 г. федерации приступили к насаждению своих порядков в Эритрее, лишая ее жителей тех социальных, экономических и политических завоеваний, каких они добились в ходе антиколониального движения вначале против итальянцев, а затем англичан. Вскоре в Эритрее столкнулись с этноконфессиональной и языковой дискриминацией со стороны центрального правительства, сочетавшейся с постепенным упразднением демократических институтов и порядков, в том числе политических организаций. Но пока подобная политика в отношении Эритреи не стала явной и пока не схлынул поток победных восторгов и рукоплесканий по поводу воссоединения некогда отторгнутой прикрасноморской территории, в Аддис-Абебе предпринимали шаги по камуфлированию реальных отношений, истинных намерений, а также введению государственно-правовых основ федеративного устройства страны.

Первостепенное значение на этом пути имела подготовка новой конституции, проходившая в условиях ожесточенной борьбы в правящих кругах страны. Она была призвана юридически закрепить утверждение абсолютизма в Эфиопии, придать ей облик демократического и просвещенного государства, скрыв его эксплуататорский характер, и создать видимость равенства обеих частей федерации. Принятая в ноябре 1955 г. после многократной переделки новая конституция провозгласила страну конституционной монархией со всеми атрибутами буржуазной демократии. Реальная же действительность резко контрастировала с официально введенными юридическими основами [211] эфиопского государства. Власть монарха была абсолютной, ничем и никем не ограниченной, его воля, по существу, была единственным законом. Это был режим личного самовластия.

С юридической точки зрения государственное устройство Эфиопии в соответствии с конституцией 1955 г. можно, вероятно, определить как конституционный абсолютизм. Но несомненно одно: монарху важно было, зафиксировав в Основном законе страны свою фактическую абсолютную власть, придать ей официально признанный характер, опираться в своей дальнейшей деятельности па силу и авторитет конституции, а также, провозгласив атрибуты буржуазной демократии (но не реализовав их), замаскировать реально сложившиеся отношения.

Однако не все удалось скрыть в ней. Объявление эфиопской церкви и амхарского языка государственными свидетельствовали об узаконении ряда дискриминационных мер в отношении значительной части населения: по официальным данным, почти треть жителей страны не исповедовала христианство, а амхарский язык в те годы был родным предположительно для 5—8 млн. человек из около 22 млн. жителей империи. Правда, при этом признавалось равенство всех граждан империи независимо от вероисповедания, этнической и языковой принадлежности, а также свобода совести. Но тут же подчеркивалось, что религиозная обрядность не должна использоваться в политических целях.

В конституции 1955 г. закреплялся централизованный характер эфиопского государства. Это распространялось и на эфиопскую церковь, над которой признавалась верховная власть императора. Конституционно было определено ее превращение в прочную основу абсолютизма, в придаток государственного механизма. Кроме того, фиксировался автономный статус эфиопской церкви по отношению к Александрийской

патриархии, приобретенный в 1948 г. Но уже ко времени принятия конституции имелось немало признаков того, что вскоре эфиопская церковь станет автокефальной. Это и произошло в 1959 г. Тем самым еще больше укрепились позиции светской власти в ее взаимодействии с церковью.

В изменении статуса эфиопской церкви велика роль государства. Только по его настоянию Александрийская патриархия в конце концов согласилась на выход эфиопской церкви из-под ее юрисдикции. Многочисленные правительственные делегации начиная с 1942 г. вели длительные и изнурительные переговоры с коптским руководством относительно назначения священнослужителя-эфиопа абуной, надления его правом хиротонисации в епископский сан местных служителей культа, организации церковной администрации Эфиопии, участия эфиопов в выборе Александрийского патриарха и т. д. Хайле Селассие сам не раз лично вмешивался в ходе эфиопско-коптских контактов по этим вопросам, неизменно отстаивая интересы эфиопской церкви. [212] Он действовал даже через египетское правительство, которое по его просьбе оказывало давление на несговорчивых коптов. Светская власть неоднократно поддерживала религиозные круги, когда те выступали с угрозами об отделении эфиопской церкви без санкции Александрийского патриарха и синода, если не будут удовлетворены их требования.

По достижении эфиопской церковью в начале автономии, а потом и автокефалии императорский контроль распространился на все аспекты ее деятельности. Судьбы духовенства и формирование религиозной политики были поставлены в зависимость от воли монарха. Назначения и перемещения в церковной администрации, в церквях и монастырях совершались только с ведома и согласия Хайле Селассие. Правительственные органы установили строгую цензуру над религиозными изданиями, в том числе над газетами и журналами. В церковных кругах воцарилась свойственная государственному аппарату атмосфера угодничества, тайного и явного соперничества за милость и благосклонность высших иерархов и самого императора. Церковь стала важным звеном абсолютистско-монархических устоев эфиопского государства. Она, всецело защищая его эксплуататорские основы, органически дополняла сложившуюся систему государственного принуждения. Церковь играла заметную роль в утверждении абсолютизма.

В 1946—1955 гг. всевластие монарха распространилось также на чиновничий аппарат, значительно увеличившийся (в 1961 г. государственных служащих насчитывалось 35 тыс. человек) и превратившийся в особое служилое сословие, государственные финансы, приведенные в более или менее стройную систему, и на вооруженные и полицейские силы страны. Самодержец, таким образом, сконцентрировал в своих руках высшую законодательную, исполнительную, судебную, церковную и военную власть в стране.

Конституция 1955 г. подводила итоги общественно-политического и социально-экономического развития Эфиопии в предшествующие десятилетия, но вместе с тем определяла ее будущее. Оно не мыслилось вне рамок императорского режима, отрицавшего подлинный прогресс и исходившего из твердой уверенности в политической незрелости народных масс, на исключительной вере в свою непогрешимость, хотя не исключался и страх перед «революционной стихией» и организованным заговором. Вследствие этого самодержавие всячески препятствовало демократизации общественной жизни. Народу внушалось, что власть «лучше его самого» знает, что ему нужно. «Провозглашение гражданских свобод по новой конституции,— писал Э. Лютер, проработавший в Эфиопии шесть лет в 50-е годы,— в значительной степени уступка цивилизованному миру. Ни один эфиоп в здравом уме не отважился бы... публично потребовать отставки какого-либо должностного лица. Ни один эфиоп, какое бы он ни получил образование, не рискнул бы написать [213] письмо в газету с критикой государственного чиновника или правительственной политики в целом, и ни одна газета не напечатала бы такое письмо, даже если бы и получила его» [338, с. 126].

Насаждавшаяся властями атмосфера страха, безоглядного чиновничества, неверия в собственные возможности, безудержного восхваления императора, за которым признавалось право единолично принимать решения, порождала безынициативность, безделье, нераспорядительность правительственной администрации. «В министерствах... — писал англичанин Дж. Бачхользер, посетивший Эфиопию в начале 50-х годов, — вы обнаружите людей... чьи головы забиты интригами и грязными расчетами, людей с изнеженными руками, которые всегда подняты в пренебрежительном жесте отказа» [288, с. 22].

Всякое инакомыслие жестоко подавлялось, служебная активность не поощрялась. Чиновникам, как и всему остальному населению, внушалась мысль, что вершителем судеб страны и каждого подданного является только император, и никто иной более. Абсолютизм парализующе воздействовал на все стороны общественно-политической и хозяйственной жизни Эфиопии. Уже в рассматриваемые годы четко обозначилось то, что абсолютистско-монархический строй, добившийся определенной централизации страны, сковал ее творческие потенции.

Укреплению императорского режима содействовала также, как это ни странно, клеветническая кампания, развязанная в империалистической печати. К ней подключались и некоторые руководители стран Запада. Эфиопия осуждалась за развитие связей с государствами Азии, Африки и Латинской Америки, участие в Бандунгской конференции, а также за контакты с социалистическими державами. Вновь был поднят вопрос о наличии якобы рабства и гэббарной системы в Эфиопии, отмененные еще в 1942 г. [151, 19.07.1947; 210, с. 88—89]. Нападки в западной печати, антиэфиопские выступления ряда государственных и общественных деятелей Англии, США и Италии рассматривались в Эфиопии как очередное посягательство на ее независимость. Они вызывали вольно или невольно прилив патриотических чувств у населения, на 98—99% неграмотного. В такой обстановке усиливалось почитание трона как символа эфиопской государственности и самостоятельности, возрастало убеждение в том, что только трон способен защитить страну от фэрэнджоч, как называли эфиопы иностранцев, белых из Европы и Америки. Подобные настроения умело подогревались правительством, следовавшим указаниям и воле монарха.

Абсолютная монархия, утвердившаяся в Эфиопии к середине 50-х годов, определила многое в развитии страны в последующие почти два десятилетия. Она сама стала мощным (по эфиопским масштабам) рычагом, приводящим (а точнее, тормозившим) в движение механизм общественного развития. Заметна ее роль в формировании гражданского общества, в становлении [214] новых социальных сил, в сфере идеологии и культуры, в экономической стагнации, в усилении эксплуатации многомиллионных масс трудящихся, в создании разрушительной атмосферы страха и безынициативности. Абсолютная монархия препятствовала социальному прогрессу в стране. Она решительно, с применением всего аппарата насилия, противилась возникновению общественных противовесов своей чрезмерной свободе действий в экономической, социальной и политической жизни.

Абсолютистский строй, долго и мучительно рождавшийся, просуществовал, однако, недолго.

Выступления против императорского режима. Столкновения внутри правящей верхушки (1946—1955)

В обстановке императорского всевластия и, казалось бы, всеобщей покорности происходили события, свидетельствовавшие о массовом недовольстве режимом Хайле Селассие, о противодействии монарху в правящих кругах страны.

Еще в 1942 г. в Эфиопии произошла первая в ее истории забастовка рабочих-железнодорожников. В 1947, 1949 и 1954 гг. они вновь бастовали, требуя улучшения

жизненных условий и повышения заработной платы. Среди них было немало кадровых рабочих. Длительная совместная работа в полном отрыве от деревни содействовала росту их классового самосознания. И не случайно именно здесь возник (в 1947 г.) первый в стране профсоюз — «Синдикат эфиопских рабочих-железнодорожников» (впрочем, почти сразу же он был поставлен под контроль государства). В целом же рабочий класс страны, находившийся в стадии своего формирования (в 1950 г. по найму во всех сферах народного хозяйства трудилось около 20 тыс. человек), еще не стал решающей силой в борьбе против самодержавия. Но забастовки железнодорожников явились грозным предупреждением властям. Вот почему забастовщики подверглись жестокому преследованиям: так, по свидетельству английской печати, руководители забастовки 1949 г., в которой приняло участие 600 человек, были повешены [151, 17.09.1949].

Поднимались против нещадной эксплуатации и бесправия также рабочие золотодобывающего рудника в Адоле. Их протест принимал своеобразную форму: на пути следования транспорта с золотом они устраивали завалы, стараясь отбить столь ценный груз. Вот почему его постоянно сопровождал усиленный армейский наряд. Ситуация, сложившаяся тогда в Адоле, ярко описана в сообщении английского консула: «Местные жители выглядят жалкими, несчастными и живут (они) в постоянном страхе ареста или наказания. Если они вскопают хотя бы ярд земли вблизи от своих жилищ, их незамедлительно ведут к армейским офицерам и обвиняют в поисках золота. Общее впечатление... это поселение каторжников» [274, с. 23].

В ходе выступлений рабочих постепенно возрастало их классовое самосознание. В борьбе с угнетателями складывалась [215] классовая солидарность, и прежде всего у железнодорожников. Она уже начинала превалировать над этнической принадлежностью последних (амхара, оромо, сомалийцы, харари и др.), на чем не раз стремились играть власти в попытке разобщить железнодорожников и уменьшить накал недовольства трудящихся. Это — важный позитивный момент в антиэксплуататорском и антиимператорском движении. Он приобретал особое значение в условиях проведения политики, которая предусматривала распространение (часто насильственное) амхарского языка, культуры, утверждение социально-политических институтов, признанных государством, а также христианизацию всего населения. Ее часто в литературе называют политикой амха-ризации.

Одновременно повсюду в администрации засели главным образом амхара, реже тыграйцы и еще реже оромо, уже не говоря о представителях других национальностей. Все это не могло не вызвать протеста пестрого в этническом и конфессиональном отношении населения Эфиопии. Наряду с другими факторами этнополитический курс правительства уже в то время усиливал недовольство неамхарских народов, побуждая их к открытому сопротивлению. В 1948 г. в Харэрге агитировали за предоставление региональной автономии провинции, вследствие чего произошло несколько вооруженных столкновений с властями [311, с. 287]. В том же, 1948 г. (и вновь в 1953 г.) сепаратистские волнения охватили многие земли, населенные оромо. В их возникновении не обошлось и без вмешательства иностранцев [320, с. 177]. В 1949 г. восстали жители северных районов страны, возмущенные притеснениями администрации [151, 08.01.1949].

Власти, подавляя антиправительственные движения, имевшие этноконфессиональную окраску, стремились так расправиться с их участниками, чтобы запугать неамхарские народы и принудить непокорных согласиться с императорским подходом к национальному вопросу. Добиваясь посредством кровавых репрессий временного успеха, правительство не устраняло причин этноконфессиональных противоречий. В итоге накапливался социальный заряд большой революционной силы.

Появились признаки недовольства и в вооруженных силах страны. Со времен Корейской войны, для участия в которой эфиопское правительство по прямому указанию Вашингтона отправило около 5 тыс. человек, в офицерском корпусе, в том числе в императорской гвардии, стали критически отзываться об отсталости страны, деспотизме

правлящих кругов и сосредоточении власти в руках одного человека. «Воодушевленные идеями национализма,— говорил тогда один из офицеров,— мы начали высказывать недовольство порядками в стране в разговорах друг с другом» [333, с. 23].

Более решительный вызов трону в то время был брошен некоторыми сановниками империи. [216]

Одна из самых напряженных ситуаций возникла в 1946—1947 гг. в связи с так называемым заговором парламента, когда группа парламентариев — бывших партизанских руководителей вознамерилась установить конституционную монархию, заметно урезав власть Хайле Селассие. Во дворце подозревали, что к заговору причастны некоторые воинские части, вследствие чего власти пошли на повышение жалованья в армии. Немаловажное значение также имел в 1951 г. заговор президента сената, одного из бывших партизанских руководителей, битуюддэда Нэгаша Бэззабыха, который предполагал сам взойти на престол. К нему примкнули феодалы не только Годжама (битуюддэд был потомком годжамского ныгуса Тэкле Хайманота, т. е. солемонид), но и других районов страны, а также часть офицеров. Некоторые заговорщики рассчитывали в случае успеха провозгласить Эфиопию республикой во главе с расом Имру. (В последнее время появилось сообщение, ничем, однако, не аргументированное, о том, что и сам Нэгаш Бэззабых намеревался учредить в Эфиопии республику [195, № 6, с. 215].) Следовательно, идеи республиканизма, несмотря на жестокое подавление любых признаков оппозиции и устранение с политической сцены бывших партизанских руководителей-республиканцев, продолжали распространяться.

Заговору Нэгаша Бэззабыха предшествовали крестьянские волнения в Годжаме, вспыхнувшие против очередной попытки властей измерить земли «рыст», классифицировать их в соответствии с агропочвенными характеристиками и ввести новую систему налогообложения. Правительству и на этот раз пришлось отступить. Произошли также персональные перестановки в провинциальной администрации, во главе которой был поставлен племянник раса Хайлю Тэкле Хайманота рас Хайлю Белеу,

Напряженной ситуацией в Годжаме воспользовались заговорщики во главе с Нэгашем Бэззабыхом, чьим планам, однако, не суждено было осуществиться. В литературе высказывается даже предположение, что этот заговор был спровоцирован самим Хайле Селассие с целью устранения с политической арены наиболее влиятельных сановников и получения большей поддержки со стороны Запада, и прежде всего США [311, с. 294; 332, с. 13]. Пока нет бесспорных доказательств подобной точки зрения, но неизменно одно — Хайле Селассие прибегал не раз к помощи закулисных маневров для отстранения от власти того или иного влиятельного вельможи. Так поступил он, например, в отношении всемогущего Уольдэ Гийоргиса Уольдэ Йоханныса, готовившего, по мнению американского ученого Д. Левина, захват власти в 1955 г. [332, с. 13]. Скорее всего, однако, отставка Уольдэ Гийоргиса Уольдэ Йоханныса произошла из-за возникших у императора подозрений в нелояльности царедворца и усилившихся нападках на него со стороны соперничавших группировок при дворе, искавших благосклонности монарха и ненавидевших царского любимца. Падение этого могущественного сановника связано и с нежеланием монарха видеть около себя сильную личность, на которой замыкались чуть ли не все нити государственного управления.

Отстранение от власти Уольдэ Гийоргиса Уольдэ Йоханныса — яркий пример той скрытой борьбы, какая велась при дворе за влияние, чины и благосклонность монарха. В ней участвовали буквально все, кто составлял правящие круги. Противоборство шло тогда, как правило, на личностной основе. Но это не означало, что не привлекались на ту или иную сторону временные «союзники». [217] Даже вчерашние враги, ненавидевшие друг друга, объединялись порой для достижения своекорыстных целей, а добившись их, могли тут же плести интриги друг против друга. Поверженный противник уже больше никогда не поднимался к вершинам власти, за него не вступались даже его единомышленники, если такие и обнаруживались.

Руководящая элита была в те годы крайне разобщена, в ее среде не сложилось еще сколько-нибудь влиятельных группировок. Вот кто в то время входил в нее:

потомственные аристократы, допущенные на ответственные должности (рас Мэнгэша Сьюм, рас Асратэ Каса, бригадный генерал Абий Абэбэ, рас битуюддэд Мэконнын Ындалькачоу и др.), бывшие партизанские руководители (рас Аббэбэ Арэгай, рас Мэсфын Сылешеи и др.), довоенные выдвиженцы со светским местным и зарубежным образованием (Йильма Дэрэса, Лоренцо Тыызаз, Гэбрэ Ыгзаабхер Франсуа, Акклилю Хабтэ Уольд, Гырмачеу Тэкле Хавариат и др.), коллаборационисты, запятнавшие себя прислуживанием итальянским оккупантам (Айяле Гэбрэ и др.), а также те, кто получал образование за границей в начале 50-х годов (Ындалькачоу Мэконнын, Микаэль Имру, Зоуде Гэбрэ Сыллесе, Амдэ Уондэфраш, Сэйфу Махтэмэ Сыллесе, Кэтэма Ифру, Тэсфа Бушей, Абрахам Дэммэрэ и др.).

Заметное место среди них занимали разбогатевшие в послевоенные годы Мэконнын Хабтэ Уольд, уже упоминавшийся, и Мэконнын Уольдэ Йоханныс, допущенный ко двору еще в 30-е годы. Последний, как и его брат, могущественный Уольдэ Гийоргис, был отстранен от власти в 1955 г.: используя занимаемую должность государственного хранителя собственности, оставленной итальянскими оккупантами, он прибрал к своим рукам почти за бесценок немалую ее часть; крупная недвижимость досталась и его сторонникам, притом за смехотворно низкую плату. Так, один из доверенных людей купил в Джимме отличный дом, принадлежавший прежде итальянцу, всего лишь за 10 ф. ст. Разумеется, он потерял высокое положение при дворе не по моральным и правовым причинам, а потому, что эти спекуляции, приносившие баснословный доход Мэконнину Уольдэ Йоханнысу и связанным с ним лицам, стали угрожать уже интересам всего двора.

Правящие круги в целом понимали, что их личное благополучие и политические позиции зависят от воли Хайле Селассие и потому, ограждая собственные корпоративные интересы и в конечном счете господство всего феодального класса, власть имущие поддерживали и защищали трон. Император рассматривался ими как главный гарант сохранения и укрепления эксплуататорских отношений в стране.

Это отнюдь не означало, как уже было показано, что в правящих кругах не существовало противников императорского режима и лично Хайле Селассие. Были и такие, кто, сохраняя-верность царствовавшему монарху, тем не менее не соглашался с отдельными его мероприятиями или преследовал своекорыстные цели.

Сам же император, стараясь играть роль арбитра нации, занимал часто выжидательную позицию при обсуждении во дворце актуальных вопросов внутренней и внешней политики. Он [218] принимал в таких случаях определенное решение только тогда, когда в ходе длительной придворной борьбы одерживала верх чья-то точка зрения. Так произошло, например, с проектом реформы эфиопского письма, предложенной в 1948 г. обществом «Друзья знаний» (рас Имру Хайле Сыллесе, блатта Мэрзе Хазен и др.) и отвергнутой императором под давлением церкви [348, с. 424]. Расхождения во мнении и даже несогласие с суждениями императора допускались лишь в рамках незыблемости общих устоев абсолютистско-монархического режима. Во дворце терпеливо сносили эти разногласия, если только они не содержали какого-либо намека на угрозу трону.

На императора нередко оказывали сильное давление его ближайшие родственники (старшая дочь Тэианье Уорк, второй сын Мэконнын Хайле Сыллесе, императрица Мэнэн и др.), за ними стояли порой те или иные крупные сановники, облеченные большой властью придворные, а также высшее духовенство. Вот почему, например, в текст конституции 1955 г. были включены отдельные дискриминационные положения, противоречившие одной из основных идей, заложенных при ее составлении, а именно: идее придания государству демократического, либерального облика. Не исключено, что некоторые из этих дискриминационных положений соответствовали личным взглядам императора, который всегда умело их скрывал, пока не приходилось идти на уступки тем или иным дворцовым силам. Чаще всего он отступал перед требованиями церкви, поддерживаемыми, как правило, многими членами его семьи, потомственной аристо-

кратией, да и рядом высокопоставленных чиновников. Так было в вопросах налогообложения церковных земель, многочисленных крестьянских повинностей в пользу духовенства и т. д.

Не обошлось в рассматриваемые годы во дворце, ориентировавшемся на «свободный мир» [381, с. 188], и без острой борьбы вокруг развития отношений с Советским Союзом, хотя в Аддис-Абебе официально признавали, что «международный коммунизм не угрожает Эфиопии» [312, с. 245]. В администрации, несмотря на консерватизм и даже реакционность многих ее чиновников, рос в те годы интерес к Советскому Союзу. В 1946 г. английский журнал «Экономист» писал, что «нынешнее эфиопское правительство положительно оценивает подход русских к проблемам развития» [136, 1946, т. 151, № 5389, с. 913]. Несколько позднее группа американских авторов утверждала, что в Эфиопии имеются люди, которые положительно относятся к опыту хозяйственного строительства в СССР [336, с. 198].

Антисоветски настроенным силам при дворе пришлось смириться с открытием в 1947 г. в Аддис-Абебе, по просьбе эфиопского правительства, советского госпиталя им дэджамача Балча, а двумя годами раньше — постоянной выставки СССР, которая широко информировала посетителей о жизни Советского государства, поддержке Советским правительством требований [219] Эфиопии относительно выплаты Италией репараций за ущерб, причиненный в годы войны и оккупации, и т. д. В Эфиопии возрастал интерес к социалистической цивилизации, к мировой системе социализма. Этому же способствовало установление дипломатических и хозяйственных связей с Чехословакией, Польшей и другими социалистическими странами. Очень активно развивались отношения с Югославией, в том числе в военной области и в сфере хозяйственного планирования.

Стремясь воспрепятствовать советско-эфиопской дружбе, внутренняя и внешняя реакция развернули злостную антисоветскую кампанию в Эфиопии (см. [151, 23.10.1948; 16.04.1949; 10.01.1953; 312, с. 255]). Западная печать, используя, в частности, возникшее со времени американской агрессии в Корее недовольство в офицерском корпусе Эфиопии политикой Хайле Селассие, сообщала о якобы «советском» проникновении в вооруженные силы Эфиопии, об опасности распространения марксистско-ленинских идей, о мнимом соперничестве США, Англии и СССР за влияние в Эфиопии (см. [313, с. 59, 229—231]) и тому подобных антисоветских инсинуациях, извращающих суть внешней политики Советского государства.

Все эти измышления не могли, однако, поколебать большого уважения, каким пользовалась наша страна у простых людей Эфиопии. Они, по свидетельству Д. Левина, восхищались экономическим могуществом, народным характером власти, достижениями в науке и быстрыми темпами развития СССР [334, с. 140]. Очень высоко отзывалась о Советском Союзе учащаяся молодежь. По результатам опроса в 1958/59 г., 47% учеников школ второй ступени и студентов Университетского колледжа, которые испытывали наибольшее идеологическое и пропагандистское влияние Запада и местных консервативных кругов, положительно относились к нашей стране (к Англии — 32% и к США — 59% [334, с. 139]). Эти свои взгляды они затем несли в ту социальную среду, в которой им по получении высшего образования приходилось трудиться. Разумеется, было и немало случаев отхода от воззрений, сложившихся в студенческие годы. Но как бы ни были относительны приведенные данные, выходящие несколько за рамки рассматриваемых лет, они позволяют сделать вывод о зарождении идейно-политической неоднородности формировавшихся средних слоев эфиопского общества (студенчество, интеллигенция и др.).

Абсолютная монархия и развитие капитализма

Экономическую основу абсолютной монархии составляли обширные земли короны (т. е. государственные), личные владения императора и членов его многочисленной семьи. На долю всей этой земельной собственности приходилось около 60% земельного фонда страны, причем за счет перераспределения [220] коронных земель постоянно увеличивались владения императорского дома. Монарх как верховный феодальный землевладелец через учрежденные фискальные институты собирал феодальную ренту с государственных, частнофеодальных и мелкокрестьянских владений, а также с общинных земель.

Неограниченно распоряжаясь землями короны, Хайле Селассие предоставлял бюрократии и военнотружущим крупные участки в наследственную собственность. Кроме того, он переводил в разряд рыстанья многих держателей гультов. Тем самым происходил процесс феодализации, в результате чего в стране возникли так называемые новые помещики (в отношении гультанья, ставших рыстанья, это справедливо лишь в случае, когда получаемые ими наделы были значительными, а образ их жизни заметно отличался от окружающей крестьянской среды). Собственность новых и «старых» помещиков представляла собой важную социально-экономическую опору эфиопского абсолютизма.

Экономические позиции абсолютной монархии в Эфиопии становились прочнее по мере активизации предпринимательской деятельности государства. Получался своеобразный парадокс: оно вопреки, казалось бы, собственным интересам и устремлениям стимулировало развитие капиталистических отношений, национальной буржуазии. Но такова логика функционирования абсолютизма; абсолютный монарх не мог к тому же не учитывать потребности и традиции независимого существования страны и международные обстоятельства. В условиях хозяйственной разрухи, доставшейся после изгнания итальянцев, и исключительной слабости местного капитала (если не его полного отсутствия, особенно в начале 40-х годов) абсолютистское государство выступило основной побудительной силой капиталистического развития Эфиопии. Это отнюдь не означает, однако, что абсолютная монархия не чинила препятствий становлению капитализма, не сдерживала экономический рост. Иначе и быть не могло: сказывались боязнь быстрых перемен, свойственная значительной части правящих кругов, личные взгляды Хайле Селассие, имманентно присущее абсолютизму противодействие антифеодальным процессам.

Государство финансировало создание и эксплуатацию ряда промышленных, сельскохозяйственных и транспортных предприятий. Оно основало в составе правительственных органов или под их эгидой несколько автономных хозяйственных объединений (агентств, управлений), которые функционировали как капиталистические компании.

Одно из первых таких агентств — «Империал хайуэй оторити», было образовано в 1950 г. для строительства, реконструкции и ремонта дорожной сети страны. С 1952 г. развитием средств связи занималось «Империал борд оф телекомьюникэйшнз оф Эфиопиа» с капиталом в 6,75 млн. эф. долл. Вопросы геологоразведки и освоения месторождений полезных ископаемых находились с 1953 г. в ведении «Империал майнинг борд» с первоначальным капиталом в 1 млн. эф. долл. В 1954 г. «Эфиопиэн электрик лайт энд пауэр [221] оторити» возглавило электроэнергетическую промышленность страны. «Эфиопиэн грэйн борд», действуя с 1950 г., стремился увеличить экспорт зерна и муки и улучшить качество этих товаров.

Эти и им подобные агентства стимулировали рост капиталистических отношений. Они стали также мощным средством укрепления экономических позиций абсолютной монархии.

Постепенно увеличивающаяся государственная собственность (дороги, банки, ряд заводов и фабрик, монополия на соль и т. д.) являлась материальной основой относительной независимости монарха и бюрократического аппарата от господствующего класса и общества в целом. Но, не являясь надклассовой, внесоциальной силой, эфиопское

самодержавие выражало в конечном счете коренные интересы феодального класса, поставило на его защиту все экономические ресурсы, которыми оно располагало.

Широкие возможности вмешательства в хозяйственную и духовную жизнь страны государство имело в связи с тем, что оно владело почти всей социальной и производственной инфраструктурой. Ему принадлежали крупнейшие типографии («Артистик пресс», «Мэрхаба Тыбэб» и др.), портовые сооружения в Асэбе, железная дорога в Эритрее, электростанции, авиакомпания, совершавшая тогда полеты в 20 эфиопских городов, около 4 тыс. км дорог, проходимых круглый год, почти 600 школ, насчитывавшихся в 1955 г., свыше 120 из 140 больниц, имевшихся в стране в 1956 г., и т. д. Отдельные инфраструктурные объекты составляли как собственность эфиопского государства, так и частных лиц. Яркий пример тому — франко-эфиопская железная дорога.

Власти уделяли первостепенное внимание развитию производственной инфраструктуры и прежде всего ее транспортной составляющей. Именно сюда направлялась основная масса капиталовложений: более 2/3 общей суммы инвестиций в 1946—1955 гг. Здесь использовались прежде всего иностранные займы и кредиты, ставшие в целом основным источником финансирования хозяйственного строительства в стране: доля национального дохода, идущая на накопление, была очень низкой (в 1950—1954 гг. — 3,0—3,5%) [141, 1959, т. 3, № 4, с. 109, 120].

Осуществляя дорожное строительство и сооружение других средств коммуникации, правительство стремилось прежде всего установить постоянные связи Аддис-Абебы с различными районами страны. Тем самым достигались главные цели инфраструктурного развития, а именно: усиление государственного контроля над труднодоступными и удаленными районами, политико-территориальная консолидация империи, упрочение ее хозяйственных основ.

При реализации функции пространственного детерминатора хозяйственного развития государство концентрировало строительство промышленных объектов в Аддис-Абебе и в Шоа в целом. Тем самым обострялись территориальные диспропорции [222] в народном хозяйстве Эфиопии и, следовательно, регионалистские и этноконфессиональные отношения.

Политические и экономические процессы в Эфиопии протекали не без влияния извне. Оно не ограничивалось только предоставлением займов, кредитов или военной и технической помощи, о чем речь шла ранее. Значительные импульсы капиталистического развития, притом зависимого, периферийного типа, страна получала от мирового капиталистического хозяйства в целом, господствующие позиции в котором занимали ведущие империалистические страны. На мировом рынке Эфиопия по-прежнему выступала как поставщик ряда сельскохозяйственных товаров (кофе, кожевенное сырье, живой скот, зерно, воск и т. д.) и как импортер продовольствия, текстиля и изделий из него, предметов роскоши, сырьевых товаров для местной промышленности, транспортных средств, нефтепродуктов, промышленного оборудования. На сельскохозяйственную продукцию в 1941—1955 гг. приходилось ежегодно свыше 95% экспорта, причем доля кофе постоянно возрастала (в 1946 г. — около 1/3, в 1955 г. — почти 50%), а зерна сокращалась (соответственно — около 14 и 5%). Основные экспортные товары (кофе, кожевенное сырье и масличные) в 1954 г. составляли 84% экспорта. Абсолютное преобладание в вывозе страны сельскохозяйственной продукции отнюдь не означало высокого уровня товаризации аграрного сектора экономики, носившего преимущественно натуральный характер: в середине 50-х годов на рынок поступало не более 18% продукции сельского хозяйства. Кроме того, это свидетельствовало о фактическом отсутствии промышленного производства товаров на экспорт.

Кофе, ставший под воздействием мирового капиталистического хозяйства главной статьей вывоза Эфиопии, не является, однако, классическим примером монокультурного производства в Африке. Дело в том, что, во-первых, на долю кофе в Эфиопии никогда не приходилось ни в 50-е,

ни в последующие десятилетия свыше 55—60% стоимости экспорта (в 1950—1954 гг. в среднем ежегодно 55%, в 70-е годы и того меньше), во-вторых, более половины производимого кофе потреблялось в самой стране и, в-третьих, основными поставщиками товарного кофе были помещики, а не иностранные плантаторы, как это имело место в странах монокультурной экономики, и, в-четвертых, значительная часть кофе собиралась с дикорастущих деревьев. Вместе с тем кофе на много лет вперед определил узость специализации Эфиопии в международном (капиталистическом) разделении труда, многие внутренние социально-экономические процессы, а также зависимость ее народного хозяйства от состояния мирового рынка кофе.

Активное вовлечение в мировую торговлю кофе (в 1945 г. экспортировано 15,9 тыс. т кофе, в 1950 г. — 18,7 тыс., в 1953 г. — 43,9 тыс., в 1955 г. — 42,1 тыс. т) расширило сферу империалистической эксплуатации Эфиопии по каналам внешней торговли, сделало страну уязвимее от инфляционных, кризисных явлений в мировом капиталистическом хозяйстве. Резкое падение цен на кофе на мировом рынке, не так уж редко имевшее место, больше всего сказывалось на положении непосредственных производителей [223] этой культуры — крестьянах-арендаторах, рабочих на плантациях, сезонных рабочих, сборщиках дикорастущего кофе, трудящихся кофеобрабатывающих предприятий. В целом тогда ухудшалась хозяйственная обстановка в стране: возрастали внешний долг и дефицит торгового и платежного балансов, срывались сроки строительства промышленных или инфраструктурных объектов, правительству приходилось отказываться от импорта необходимых народнохозяйственных товаров, в том числе продовольствия, и т. д. Но неизменно высокой оставалась, как можно судить по косвенным данным, доля товаров, в которых были заинтересованы элитарные слои эфиопского общества. Так, в 1952 г. при сокращении поступлений от продажи кофе на 12,5 млн. эф. долл. в страну уменьшился на 1 млн. эф. долл. импорт серых хлопчатобумажных тканей, пользовавшихся повышенным спросом у народных масс, зато на 700 тыс. эф. долл. больше было ввезено дорогостоящих вин, коньяка, фруктов и прочей продукции, предназначенной для удовлетворения потребностей имущих слоев (см. [141, 1957, т. 1, № 5, с. 175]).

С увеличением доходов от кофе еще более возрастал импорт предметов роскоши. В 1953 г., например, когда экспорт кофе (по стоимости) удвоился, увеличился ввоз шелка и изделий из него на 1,5 млн. эф. долл., а алкогольных напитков и продуктов питания, недоступных простому люду из-за высоких цен, — на 1,7 млн. эф. долл.

Именно с ростом потребностей в импортных товарах, и особенно предметов роскоши, связано в известной мере активное участие императорского дома, знати, помещиков, бюрократии, местных предпринимателей в расширении производства и сбыта сельскохозяйственных культур, и в первую очередь кофе. Небезынтересно привести мнение американского исследователя П. Кена о том, что инициативы и планы Хайле Селассие были обусловлены как интересами Запада, так и стремлением аккумулировать валюту в целях приобретения импортных потребительских товаров, спрос на которые постоянно возрастал среди правящей элиты [134, 1979, т. 22, № 1, с. 53].

Потребительские товары в структуре импорта занимали ведущие позиции: в 1950—1954 гг. — в среднем ежегодно 64% (в 1946 г. — свыше 75%), причем главными были текстиль и изделия из него (41%). За тот же период 16% ежегодного импорта составляли оборудование (промышленное, сельскохозяйственное, медицинское, конторское и т. д.) и транспортные средства, а 20% — сырьевые материалы (хлопок, уголь, нефть, каустическая сода). Налицо рост импорта непотребительских товаров в сравнении с 1946—1949 гг., когда их удельный вес в импорте не превышал в среднем 20% в год. В их составе повышалась доля средств производства, в чем отразился процесс некоторого ускорения экономического развития. По данным английского исследователя Р. Панкхерста, эта группа товаров в 1955 г. составляла более 22% всего импорта (в 1950 г. менее 9%) [141, 1957, т. 1, № 5, с. 153].

Внешняя торговля, однако, в то время не стала одной из основных отраслей народного хозяйства страны, с которой в [224] большинстве освободившихся государств связано решение важнейших экономических проблем. Ее доля в валовом национальном продукте в 40-е — первой половине 50-х годов не превышала 5—7%. Вместе с тем внешняя торговля динамично развивалась на фоне анабиозного в целом состояния отсталой экономики: внешнеторговый оборот в 1946 г. составлял 112,8 млн. эф. долл., в 1951 г. — уже 221,3 млн., а в 1955 г. — 330,2 млн. эф. долл. [141, 1957, т. 1, № 5, с. 175]. В 1946—1955 г. Эфиопии был свойствен дефицит торгового баланса, достигший наивысшего показателя в 1948 г. (17,5 млн. эф. долл.). Но власти никогда не пытались ликвидировать этот дефицит за счет отказа или уменьшения импорта предметов роскоши. В подобном подходе к дефицитному финансированию внешней торговли проявилась социальная, антинародная направленность внешней торговли дбсолютистско-монархического государства.

Происшедшие к 1956 г. во внешней торговле Эфиопии определенные изменения (рост товарооборота, тенденция повышения импорта средств производства и т. д.) свидетельствовали о некотором оживлении экономической жизни, о распространении товарно-денежных отношений, а в конечном счете — о дальнейшем развитии капитализма. В литературе высказывается даже мнение о том, что «с 50-х годов становится очевидной роль капиталистического уклада в качестве ведущего, систематизирующего» [180, с. 14]. Не оспаривая в целом этой точки зрения, уточним, что речь, касаясь первой половины 50-х годов, может идти лишь о генеральной линии общественно-экономического развития Эфиопии, ее укоренившейся капиталистической ориентации, вызревшей в недрах феодализма, притом не без влияния, конечно, извне.

Углубление процесса роста капиталистических отношений, обусловленного внутренними и внешними факторами, сдерживалось огромным грузом докапиталистических отношений. В основе базисных структур по-прежнему лежал феодальный способ производства, отягощенный дофеодальными отношениями. В стране преобладали натуральное и мелкотоварное крестьянское хозяйство, феодальная собственность на землю как основное средство производства и порожденная ею система внеэкономического принуждения и подчинения. Капиталистические отношения переплетались с феодальными и дофеодальными отношениями, причем извлечение капиталистической прибыли нередко осуществлялось при самом активном использовании старых, докапиталистических отношений. Это нашло свое выражение прежде всего в сохранении традиционной издольщины в крупных хозяйствах капиталистического типа. Так, на многих фермах Хайле Селассие производство основывалось на издольщине, т. е. земельные угодья участками в 1 или более га сдавались в аренду крестьянам, выплачивавшим натуральную ренту, которая затем поступала на рынок. Подобным же образом были организованы кофейные плантации раса Мэсфына [225] Сылеши, влиятельнейшего сановника Йильмы Дэрэсы и других. Землевладельцы, вкладывавшие небольшие, порой просто минимальные средства в производство (приобретение сортовых семян, тяглового скота, благоустройство земли и т. д.), часто использовали издольщика в качестве наемного рабочего, заставляя его работать на своих полях под видом многочисленных отработок.

Помещики, перекладывая на крестьян-арендаторов бремя налогов, предусмотренных законом с земельных собственников, сосредоточивали в своих руках огромные сельскохозяйственные излишки (не только прибавочный продукт, но и значительную часть необходимого продукта крестьянина). Эти излишки реализовывались на рынке, принося землевладельцам крупные доходы. Однако использование денежных средств носило откровенно паразитический характер. Лишь незначительная их часть, вкладывалась в расширение сельскохозяйственного производства.

В аграрном секторе наиболее динамично и эффективно развивались чисто капиталистические плантации и фермы. Крупнейшие из них принадлежали иностранцам. С помощью иностранного капитала стали возникать первые агропромышленные комплексы. В рассматриваемые годы это прежде всего относится к голландской компании «Ханделс Ференигинг-Амстердам (Эфиопия)», которая в начале 50-х годов за минимально низкую арендную плату (1 эф. долл. в год, позднее 100 эф. долл. за 40 га) организовала на площади в 2,7 тыс. га плантацию сахарного тростника и построила сахарный завод в Уонджи, недалеко от Назрета.

Другой пример формировавшегося агропромышленного комплекса — плантации хлопчатника, хлопкоочистительный завод и текстильная фабрика итальянской семейной фирмы Баратолло в Эритрее.

С воссоединением Эритреи с Эфиопией сфера частного предпринимательства в государстве намного расширилась. В его хозяйственную жизнь включились сотни промышленных предприятий, товарных агрохозяйств, торговых фирм, транспортных компаний и предприятий «индустрии» услуг, образовавшихся в свое время на этой прикрасноморской территории. В целом увеличился производственный потенциал страны, особенно это сказалось в области фабрично-заводской промышленности.

Всего в Эфиопской империи в 1955 г. насчитывалось 150 фабрик и заводов с общим фиксированным капиталом в 55,8 млн. эф. долл. Из них вне Эритреи размещалось тогда лишь 71 предприятие, но зато они были куда более крупными как по числу занятых и производственной мощности, так и по сумме фиксированного капитала, составившего 41,3 млн. эф. долл. [141, 1957, т. 1, № 5, с. 147]. Самыми современными предприятиями в Эфиопии были уже упоминавшийся сахарный завод, построенный в 1954 г., мясоконсервный завод израильской фирмы ИНКОДЕ, действовавшей в стране с 1952 г., аддис-абесская скотобойня компании «Эфиопиэн абаттойр компани, лтд», 40% акций которой принадлежало французской фирме «А. Бэссе энд компани (Эфиопиа), лтд», текстильная фабрика государственно-частной «Сабен ютилити корпорейшн» в Дыре-Дауа и ряд других. Преимущественно они принадлежали иностранцам. Немало мелких и средних предприятий в промышленности и других сферах народного хозяйства составляли собственность итальянцев, греков, армян, арабов и выходцев с Индостана. [226]

Правящая верхушка, привлекая частный капитал из-за рубежа, стремилась создать себе внутри страны надежную опору г-в лице иностранной буржуазии, которая была бы кровно заинтересована в сохранении существующего императорского режима, так как он предоставлял ей гарантии извлечения максимальных прибылей и безопасности вложения капитала, не боясь национализации.

В свою очередь, иностранный капитал внедрялся только в те отрасли, которые давали максимальные прибыли и в короткий срок (например, пищевая и текстильная промышленность), а также усиливали неравноправное положение Эфиопии в системе мирового капиталистического хозяйства. Иностранный капитал, занявший господствующие позиции в экономике страны, содействовал внедрению капиталистических отношений, но в то же время поддерживал абсолютистско-монархические устои эфиопского государства. Пользуясь разнообразными льготами, он служил основой формирования компрадорской буржуазии в Эфиопии, особенно из числа членов императорской фамилии, традиционной аристократии и высшей бюрократии.

С целью привлечения частного капитала из-за рубежа правительство приняло в 1950 г. специальное постановление, в котором иностранным инвесторам в обрабатывающую промышленность гарантировалось освобождение от налогообложения прибылей в течение первых пяти лет со дня ввода в строй предприятия и от пошлин на ввоз необходимого оборудования для его строительства. В 1954 г. появился новый инвестиционный закон, согласно которому иностранным вкладчикам в обрабатывающую промышленность и сельское хозяйство предоставлялись еще дополнительные льготы. Они освобождались теперь также от подоходного налога и так называемого предпринима-

тельского налога, а также от пошлин на импорт сырьевых материалов. Однако надежды властей на широкий приток иностранных инвестиций в промышленность (а с 1954 г. и в сельское хозяйство) не оправдались. Наиболее значительными в то время оказались капиталовложения, сделанные голландской «Ханделс Ференигинг-Амстердам», уже упоминавшейся ИНКОДЕ, организовавшей экспорт живого скота из района Дыре-Дауа (3 тыс. голов ежемесячно), и югославской фирмой «Югодраво энд компани», выделившей 800 тыс. зф. долл. на строительство лесопильного завода в Лиму.

Еще долгие годы почти 70% промышленной продукции страны выпускалось ремесленниками и кустарями-надомниками [141, 1959, т. 3, № 4, с. 108—109]. Из их числа формировалась мелкая буржуазия города. Особое место в ее структуре занимали мелкие торговцы, лавочники, владельцы крошечных ресторанчиков и кафе. В течение долгих лет местная (собственно эфиопская) мелкая буржуазия была в силу своей слабости заинтересована в абсолютизме, поддерживала его, ибо самодержавие, отменив внутренние таможи, содействовало ее обогащению, [227] предоставляло ей определенную свободу и защищало ее от выступлений низов.

Всего в индустриальном секторе страны, включая кустарные предприятия, трудилось в 1955 г. около 18 тыс. человек, причем многие из них не порывали связей с деревней. Фабрично-заводской пролетариат численно был невелик. В 1951 г. на 107 обрабатывающих предприятиях рабочих насчитывалось более 6 тыс. человек. Основная масса этих рабочих была сосредоточена в Аддис-Абебе. Сравнительно высока была и их концентрация на предприятиях. На 71 фабрике и заводе в 1955 г. в Эфиопии (без Эритреи) рабочие составляли около 12,5 тыс., а в Эритрее на 79 предприятиях было занято менее 4,5 тыс. человек.

В стране с почти 22-миллионным населением насчитывалось, лишь около 400 тыс. человек, работающих по найму. Да к тому же более 1/4 из них проживали в сельской местности, а остальные — главным образом в самых крупных городах Эфиопии: Аддис-Абебе (в 1956 г. — свыше 317 тыс. жителей, из них 10,8 тыс. иностранцы), Асмэре (свыше 70 тыс.), Дэссе (43 тыс.), Харэре (40 тыс.) и Дыре-Дауа (25 тыс. человек). Все городское население не превышало тогда 1,2 млн. человек, или менее 6% всего населения империи. Столь небольшое число горожан указывает на аграрный характер эфиопской экономики, застойность социально-экономического развития в деревне, низкий уровень наемного труда и на вялость процесса урбанизации.

Эфиопские города, в том числе и столица, сохраняли во многом сельский облик. В их пределах оказались даже целые деревни, изолированные от городского образа жизни. В них образовывались поселения городской бедноты, бездомных, безработных, люмпенов. Появились тогда лишь первые признаки так называемой допромышленной урбанизации. К 1956 г. в стране отток сельского населения в города в поисках работы еще не был столь интенсивным, как в последующие десятилетия. Вот почему, вероятно, составители плана развития Аддис-Абебы, оценивая возможный рост населения столицы в 1956—1985 гг., полагали, что оно в среднем ежегодно будет увеличиваться на 4734 человека, достигнув в 1985 г. 460 тыс. человек [141, 1957, т. 1, № 2, с. 38].

Действительность, как известно, опровергла эти расчеты. Аддис-Абеба выделялась среди эфиопских городов разнообразием своих функций и градостроительными особенностями. С утверждением абсолютизма возросла ее консолидирующая роль в политической и экономической жизни. Все заметнее становилось ее влияние на периферию. С приобретением выхода к морю усилились позиции Аддис-Абебы как географического центра империи. Правительство уделяло особое внимание развитию столицы, концентрируя в ее пределах не только промышленные предприятия, но и социально-инфраструктурные объекты. Последнее подтверждается, в частности, тем, что с 1949 по 1956 г. число коек в больницах Аддис-Абебы увеличилось на 1734, а вне ее — лишь на 430 единиц (подсчитано по [141, 1959, т. 3, № 4, с. 110]). [228]

В Аддис-Абебе преимущественно размещались и высшие учебные заведения. Из 5 колледжей, открытых в 1950—1954 гг., три (Университетский, Инженерный, Строительный) находились в Аддис-Абебе и по одному — в Гондэре (медицинский) и Алем-Майе (сельскохозяйственный). Такая территориальная концентрация вузов, однако, в условиях малочисленности эфиопского студенчества, лишь формировавшегося как новая общественная сила, повышала его социально-политический потенциал. К 1956г. в колледжах обучалось до 300 человек, а с учетом студентов вечерних отделений до 400 человек. К 1960 г., когда состоялись первые выпуски, их закончили свыше 1300 человек, которые осели главным образом в Аддис-Абебе либо отправились за границу для дальнейшего обучения. Многие из них пополнили ряды творческой интеллигенции, учительства, но большинство заняли ответственные должности в государственном аппарате.

Разумеется, столь небольшое число выпускников колледжей не могло ликвидировать нехватку кадров, которая все острее ощущалась, в том числе и в административных органах. Вот почему начиная с конца 50-х годов власти пошли по пути расширения контингента студентов. Наряду с этим они увеличивали число учащихся в различных технических школах, дававших среднее специальное образование.

В социальной структуре Эфиопии важное место стали занимать учителя, представлявшие крупный отряд формировавшейся интеллигенции. В 1955 г. их насчитывалось уже 2333 человека, из них 197 — женщины [141, 1957, т. 1, № 3, с. 101], причем: более 1/5 всех учителей трудились в Аддис-Абебе.

Рост учительских кадров отразил известное улучшение школьного дела в стране. В 1954 г. государственную школу посещали 72587 учеников против 53729 в 1952 г., да еще в частные и миссионерские ходили 7679 учащихся (в 1952 г.— 5543) [141, 1959, т. 3, № 4, с. 110]. В целом, однако, это была ничтожно малая доля детей школьного возраста (около 6 млн.), да притом в сельской местности практически отсутствовали школы. По-прежнему свыше 95% населения оставались неграмотны.

Поголовная неграмотность тружеников села была на руку помещикам. Простых земледельцев никто не информировал об отмене правительством некоторых налогов, и они продолжали выплачивать их землевладельцам, скрывавшим в целях наживы правду. Из-за неосведомленности крестьяне, как и прежде (т. е. до введения официального запрета), делали помещикам многочисленные подношения и оказывали им разнообразные хозяйственные услуги.

Пользуясь традиционными ценностями крестьянской жизни (взаимовыручка, взаимопомощь, деревенский коллективизм и т. д.), власти начали широко практиковать так называемые трудовые инвестиции. Речь идет об участии крестьянских масс [229] в бесплатных общественных работах по сооружению проселочных дорог, водоемов и т. д. При этом они использовали принадлежавшие им средства и предметы труда. В 1950—1954 гг. такие трудовые инвестиции оценивались примерно в 130 млн. эф. долл. [141, 1959, т. 3, № 4, с. 120]. Однако местная администрация нередко в угоду землевладельцам обманывала крестьян, вынуждая их под видом необходимых общественных работ строить дороги, соединяющие помещичьи хозяйства с магистральными шоссе, благоустраивать господские земли, подводить к ним воду. Это был еще один путь беззастенчивой эксплуатации земледельцев и обогащения феодалов. Обман здесь прикрывался патриотическими и верноподданническими призывами, причем последние в дальнейшем, при осознании крестьянами реальности происходящего, все более обесценивались.

Несмотря на эксплуататорский характер использования трудовых инвестиций, они вольно или невольно содействовали проникновению товарно-денежных отношений в эфиопскую глубинку, приобщали земледельцев к всеэфиопскому рынку, ускоряли социальное расслоение крестьянства, способствовали распространению правительственного контроля, в том числе в фискальной области. Трудовые вложения сельских тружеников позволяли правительству экономить значительные средства, направ-

ляя их на укрепление абсолютной монархии. С помощью бесплатных затрат — труда крестьян на общественных работах возрастали фактически бюджетные доходы, тем более что правительство в своих финансовых расчетах постоянно ориентировалось на трудовые инвестиции крестьянских масс.

На развитие капитализма активнее стал влиять Государственный банк Эфиопии. Выполняя функции центрального эмиссионного банка, он начал предоставлять и коммерческие кредиты, сократив при этом к середине 50-х годов ставку по займам с 9 до 6%, и путем приобретения акций стал принимать участие в промышленном предпринимательстве.

Важное место в финансовой системе страны занял созданный в 1951 г. Банк развития Эфиопии, держателями акций которого были государство, знать, высшие правительственные чиновники, крупные предприниматели. Его организацией предусматривалось содействовать развитию промышленности и сельского хозяйства и поощрить частные капиталовложения [141, 1966, т. 10, № 4, с. 302]. Деятельность банка ориентировалась только на крупный капитал. Он не предоставлял кредиты мелким товаропроизводителям в городе и деревне, лишая их возможности расширить свое дело. Так, минимальный размер сельскохозяйственного займа в 10 тыс. эф. долл., да еще под 8% годовых, мог заинтересовать только крупных предпринимателей на селе.

Банк развития был образован вместо Сельскохозяйственного и Коммерческого банка, открытого еще в 1949 г. и пришедшего на смену Сельскохозяйственному банку, действовавшему [230] с 1945 г. Все эти последовательно сменявшие друг друга финансовые учреждения предназначались для стимулирования частнокапиталистического сектора эфиопской экономики. Они аккумулировали на своих счетах значительную часть внутренних ресурсов, а также поступлений извне. Объем их операций, однако, был ниже имевшихся возможностей, реализация которых сдерживалась условиями кредитования и общим низким уровнем деловой активности. Так, Банк развития к 1956 г. ссудил всего лишь около 5 млн. эф. долл. Наибольший кредит (100 тыс. эф. долл.) он предоставил для организации кофейной плантации в Сунту, близ Джиммы. И тем не менее Банк развития, как и его предшественники, содействовал мобилизации финансовых ресурсов для капиталистического развития.

Важным шагом на пути роста капитализма явилось обращение Эфиопии к планированию. Эфиопия — первая из африканских стран предприняла попытки планового ведения хозяйства. Оно имело рекомендательный, ограниченный характер. Известное влияние на решимость Эфиопии приступить к планированию оказали успехи Советского Союза, а также опыт планового развития в Индии [141, 1957, т. 1, № 6, с. 205].

Еще в 1941—1945 гг. в Аддис-Абебе неоднократно высказывались в пользу планового ведения хозяйства. Уже тогда составляли планы по отдельным отраслям народного хозяйства. В 1944 г. была принята программа развития образования, год спустя — десятилетняя программа индустриального развития. В 1949 г. во дворце сообщили о составлении программ развития промышленности, торговли и сельского хозяйства [30, с. 325]. Годом позднее Хайле Селассие объявил о том, что в стране разработан пятилетний план социально-экономического развития, но о нем никогда и нигде больше не упоминалось. В конце 40-х — начале 50-х годов были провозглашены пятилетняя программа развития сельского хозяйства, трехлетняя программа развития лесных ресурсов, двенадцатилетняя программа автодорожного строительства и т. д. Многие из этих программ носили декларативный, престижный характер. К реализации некоторых из них так и не приступали. Наметки, содержащиеся в тех программах, которые осуществлялись, зачастую не выполнялись вообще или претворялись в жизнь с запозданием. Так произошло, например, с трехлетним планом строительства и реконструкции дорог, растянувшимся па четыре года.

В составлении всех этих планов и программ принимали, как правило, участие американские специалисты и эксперты ООН. Все они использовали буржуазную

экономическую теорию, согласно которой планирование предназначено создавать условия для развития частного предпринимательства. Такая направленность буржуазного планирования полностью совпадала со взглядами тогдашних руководителей Эфиопии, которые полагали, что план (программа), укрепляя позиции капитализма, позволит [231] трансформировать эфиопское, преимущественно феодальное, общество в капиталистическое при одновременном сохранении абсолютистской власти монарха.

Утверждение правительства о поощрении посредством планирования частного сектора отнюдь не означало отстранения государства от участия в экономическом развитии. В условиях Эфиопии это было немыслимо. Даже планами предусматривалась активизация предпринимательской деятельности государства. Особое значение экономической функции государства придавалось при разработке (с 1954 г.) первого пятилетнего плана хозяйственного и социального развития страны (1956/57—1960/61 гг.), к участию в которой привлекались также югославские специалисты. Последние, хотя и учитывали опыт планирования в собственной стране, все же вынуждены были следовать общей капиталистической ориентации Эфиопии.

Составлением этого плана занимался Комитет планирования (во главе с бывшим тогда министром финансов Мэконныном Хабтэ Уольдом), созданный правительством еще в 1953 г. Комитет располагал 2 млн. эф. долл. для оплаты необходимых работ по выяснению экономической ситуации в стране.

В обращении правительства к планированию всей экономики еще раз проявилось его стремление к мобилизации финансовых ресурсов, рационализации их использования в целях дальнейшего капиталистического развития и укрепления абсолютной монархии. Иное дело, что эти цели в конечном счете несовместимы. [232]

Глава 8

ИМПЕРАТОРСКИЙ РЕЖИМ И РОСТ СИЛ ПРОТЕСТА (1956—1974). РЕВОЛЮЦИЯ 1974 ГОДА

Политические и экономические процессы в Эфиопии на этом этапе (1956—1974) ее новейшей истории протекали в условиях коренных изменений на международной арене, обусловленных превращением социализма в важный фактор мирового развития, крупными победами национально-освободительного движения и дальнейшим ослаблением сил империализма. В результате антиимпериалистической, антиколониальной революции в Африке Эфиопия, в течение нескольких веков находившаяся в искусственной изоляции от остальных стран региона, получила возможность установить с ними тесные контакты и активно участвовать в исторических переменах на континенте. В связи с завоеванием независимости народами Судана (1956), Сомали (1960) и Кении (1963) Эфиопия наконец разорвала кольцо колониальных держав, окружавших ее со всех сторон и оказывавших на нее прямое политико-территориальное давление..

В самой Эфиопии наряду с укреплением тенденций, наметившихся еще в предыдущие годы, появились новые черты политического, социального и экономического развития. Одни из них были связаны со стремлением властей поддержать высокий авторитет, каким пользовалась Эфиопия в освободившейся Африке, другие — с влиянием извне, третьи — с попытками императора сохранить политическое (абсолютистско-монархическое) статус-кво, четвертые — с закономерностями, присущими эфиопскому обществу, феодальному в своей основе, но с ориентацией на капитализм, и т. д.

В стране к середине 70-х годов возросла активность прогрессивных сил, требовавших глубоких социально-экономических и политических преобразований. Одновременно усилились позиции внутренней реакции, отстаивавшей неизменность абсолютистско-монархических устоев эфиопского государства. Вокруг трона сплотились

все, кто был против решительных нововведений (что, однако, не исключало разногласий между ними). Социально-классовая ограниченность предлагавшихся властями мер вызывала, в свою очередь, растущее недовольство тех, кто стоял за радикальное переустройство эфиопского общества. [233]

Политическая борьба в эти годы приобретала качественно иной характер, постепенно наполняясь социально-классовым содержанием. В ней к концу периода четко обозначились антифеодальные аспекты. Некоторые общественные группы объявили себя сторонниками антиэксплуататорских основ государства. В целом к середине 70-х годов общественная жизнь страны охарактеризовалась дотоле неизвестным динамизмом.

Развитие капитализма и социально-экономические процессы в Эфиопии

С обретением африканскими народами независимости в 50—70-е годы выяснилось, что Эфиопия, несмотря на многовековой опыт самостоятельного развития,— одно из самых отсталых в социально-экономическом отношении государств на континенте и в мире в целом. Ко времени образования молодых государств в Африке соотношение между сельским хозяйством и промышленностью в валовом национальном продукте в Судане и Нигерии составляло 10,5:1, в Танганьике и Того — 9,5:1, Нигере — 8,5:1, Малави, Мали и Чаде — 7:1, Уганде — 6,5:1 и т. д. В Эфиопии же этот показатель равнялся 12:1 [254, с. 11]. К 1974 г. разрыв между Эфиопией и наиболее развитыми странами Африки (Египет, Нигерия, Кот-д'Ивуар и др.) не только не сократился, но даже увеличился. В 1973 г. по уровню национального дохода на душу населения (около 80 долл.) Эфиопия занимала 134-е место среди 145 членов ООН. Этот доход составлял всего лишь 26,5% среднеафриканского и 6,6% среднемирового.

ООН отнесла Эфиопию к числу 31 наименее развитого государства мира. Причины тому — не только в низком показателе душевого производства национального дохода, но и в высокой доле сельского хозяйства в ВВП Эфиопии (в конце 60-х — начале 70-х годов 55—60%) и незначительной — промышленности (около 10%, включая домашнюю и кустарную). В ООН учитывали также почти сплошную неграмотность населения, архаичность социальных отношений, низкий уровень медицинского обслуживания (в 1970 г. на 3400 человек приходилась в среднем одна койка в больнице).

Хозяйство страны развивалось медленными темпами: среднегодовой прирост ВВП в 1961 — 1970 гг. составил 4,5%, причем его натуральная часть увеличивалась ежегодно лишь на 1,8% [291, с. 6].

В основной сфере материального производства — сельском хозяйстве наблюдались очень низкие темпы роста: в 1961—1965 гг.—2,0%, 1966—1970 гг.—2,2%, а в 1971 — 1973 гг. — они даже ежегодно сокращались на 2%.

Как и прежде, императорское правительство выделяло слишком мизерные суммы на развитие сельского хозяйства. Они не превышали, как правило, [234] 1% текущих расходов бюджета. В 1957/58 г. министерство сельского хозяйства получило 1,6 млн. эф. долл. из 158,5 млн. эф. долл. обычных бюджетных ассигнований, в 1965/66 г.— 10,3 млн. эф. долл. из 403,2 млн. эф. долл., в 1970/71 г.— 11,5 млн. эф. долл. (включая расходы на министерство аграрной реформы, управление развитием долины р. Аваш и департамент охраны дикой фауны) из 507,0 млн. эф. долл. [309, с. 163].

По мнению эфиопских ученых Ассэфа Бэкэле и Ышэту Чоле, на нужды этого министерства предоставлялось 1—2% расходной части (текущей и экстраординарной) бюджета [270, с. 48]. Пренебрежение состоянием дел в сельском хозяйстве со стороны властей проявилось и в том, что только в 1973 г. правительство признало ключевое значение этой отрасли для подъема всего народного хозяйства [291, с. 9]. В подготовленном проекте четвертого пятилетнего плана (1974/75—1978/79) оно объявило о сосредотачивании усилий на развитии крестьянских хозяйств, видя в этом шаге путь к повышению сельскохозяйственного производства.

Какие-либо попытки расширения аграрного сектора, намечавшиеся планами, не давали должного эффекта, ибо власти, по существу, не были заинтересованы в реальном изменении

сельскохозяйственных структур. Так, по третьему плану (1968/69—1973/74) предусматривалось расширить товарный сектор сельского хозяйства, обеспечив ежегодный прирост в этой отрасли в 3,1%. В действительности же оказалось, что само же правительство обрекло на провал это решение, ибо направило только 10% инвестиций в сельское хозяйство. В 60-е годы на развитие аграрного сектора выделялось лишь около 6% валовых капиталовложений в денежной форме [291, с. 9]. При таком отношении к этой важнейшей сфере нельзя было надеяться на выполнение плановых заданий. Даже перенесение сроков реализации планов на год-два не обеспечивало достижение всех поставленных в них целей.

Многое в планах оставалось чисто декларативным, так как включалось по престижным соображениям, без достаточного научно-технического и социально-экономического обоснования. В провозглашенной в 1962 г. двадцатилетней программе экономического и социального развития Эфиопии (1962/63—1981/82), составной частью которой были второй и последующие пятилетние планы, содержалось изначально немало неувязок. Отдельные ее положения строились на неточных исходных статистических данных (например, отсутствовали достоверные показатели численности и демографической структуры населения). На выполнении плановых заданий отрицательно сказывались значительная ориентация на внешние источники финансирования (30—40% капиталовложений в денежной форме), абсолютизация финансового аспекта планирования, часто подменявшего физические показатели, а также отсутствие хорошо подготовленных и обоснованных проектов.

План в Эфиопии не имел силу закона как для государственного сектора, занимавшего скромные позиции в экономике, так и тем более для частного. Первому отводилась вспомогательная роль в народном хозяйстве: он предназначался для создания условий частному предпринимательству. Упор делался на развитие частного сектора. В одном из выступлений тогдашний министр планирования и развития Хаддис Алемайеху специально подчеркнул, что правительство содействует в первую очередь частному предпринимательству и оказывает ему необходимую помощь и руководство [161, 04.12.1968]. Вот почему императорский режим продавал национальной буржуазии [235] акции многих государственных и смешанных предприятий (например, текстильной фабрики в Бахр-Даре, компании «Тендахо плантейшнс»). Стоимость основного капитала государственных предприятий, несмотря на возрастание правительственных расходов в общей сумме планируемых денежных капиталовложений, была намного меньше основного капитала частного сектора: в 1961/62 г. она оценивалась в 73,2 млн. эф. долл. В 1967 г. оплаченная часть акционерного капитала, функционировавшего в стране, на 75% принадлежала иностранцам, и эта доля, как полагал П. Джилкс, к 1975 г. не уменьшалась [309, с. 140]. Государственный или смешанный статус ряда предприятий, компаний служил порой прикрытием для предпринимательской деятельности членов императорской фамилии, аристократии, высшей бюрократии и самого монарха. В этой связи показательно письмо, адресованное директорам Государственного банка Эфиопии и раскрывающее один из способов удовлетворения финансовых интересов Хайле Селассие. Вот его текст: «Господа, по просьбе президента совета директоров „Индо-эфиопиэн тикстайлз С. А"… от 26 сентября 1959 г., пожалуйста, переведите на имя… Хайле Селассие I одну тысячу акций из тех, что принадлежат Государственному банку Эфиопии. Сумма в 100 тыс. эф. долл., эквивалентная стоимости этого количества акций, будет оплачена в Государственном банке» [309, с. 154].

Правящие круги и аристократия, отстраненная в ряде случаев от власти, активно приобретали акции возникавших в стране иностранных компаний, занимали ответственные должности в их штаб-квартирах, использовали подставных лиц при долевом участии в акционерном капитале смешанных и иностранных фирм, а также оказывали активную поддержку «своим» компаниям для извлечения максимальных прибылей. Так, крупными держателями акций «Ханделс Ференигинг — Амстердам (Эфиопия)», получившей право переводить за границу 10% инвестированного капитала и 15% годового дохода, были министры финансов и информации,

влиятельные сенаторы, а ее директорами — генеральный директор министерства финансов, заместитель управляющего Банка развития и другие видные эфиопские чиновники. В число директоров правления «Сабеан ютилити корпорейшн» в 1971 г. входили министры юстиции и императорского двора, заместитель управляющего Национальным банком Эфиопии, мэр Аддис-Абебы и некоторые другие члены правящей элиты, а «Фибр компани оф Эфиопия» в 1968 г. — наследный принц Асфа Уосэн, премьер-министр и государственный министр в министерстве финансов. Примеров подобного рода можно привести еще немало, суть, однако, не в их количестве, а в том, что могущественные сановники империи стремились заполучить максимальную выгоду от своего участия в предпринимательстве, организовывавшемся государством, иностранцами и (или) местными состоятельными людьми.

«Правительство, — отмечал эфиопский исследователь Соломон Тэрфа, — предоставляло иностранным компаниям не только землю, но и рабочую силу по самой низкой цене» [396, с. 80]. Инвестиционный декрет 1963 г., который заменил соответствующее постановление 1954 г. и отчасти повторил положения Коммерческого кодекса 1960 г., расширил льготы инвесторам. Зарубежные и местные предприниматели освобождались теперь от подоходного налога сроком до пяти лет, если капиталовложения [236] в основание новых предприятий в сельском хозяйстве, транспорте и туризме превышали 200 тыс. эф. долл. (в промышленности — 100 тыс. эф. долл.) или если инвестиции в расширение уже действующих предприятий в тех же самых отраслях были свыше 500 тыс. эф. долл. [141, 1966, т. 10, № 4, с. 256]. В 1966 г. был создан правительственный комитет по инвестициям с правом решать, какие конкретно налоговые льготы предоставлять инвесторам.

Большие надежды в Аддис-Абебе возлагали на иностранный частный капитал. В 1963 г. во время визита в США Хайле Селассие, обращаясь к американским бизнесменам, подчеркивал юсобую заинтересованность Эфиопии в частных инвестициях из-за рубежа. Годом раньше эфиопское правительство в специальном соглашении с Вашингтоном гарантировало безопасность американских вкладов в экономику страны и беспрепятственный, притом неограниченный, перевод капиталов за границу. Правительство Аддис-Абебы пыталось широко информировать Запад об инвестиционном декрете 1963 г. Оно развернуло настолько активную пропагандистскую кампанию в этом отношении, что специальный выпуск «Нью-Йорк тайме» от 3 февраля 1963 г. вышел под заголовком «Эфиопия приглашает частных инвесторов». В ряде случаев, как это имело место с американским концерном Р. М. Парсонса, правительство шло даже на предоставление «полуполитических уступок» [141, 1966, т. 10, № 4, с. 273].

Хайле Селассие, вольно или невольно выдавая собственные компрадорские связи с мировым капитализмом, высокопарно заявил в 1962 г. о том, что в стране «иностранная собственность никогда не была национализирована или экспроприирована» и это «является предметом гордости для эфиопов» [138, 10.12.1962].

Однако, несмотря на столь благоприятный инвестиционный климат, западный крупный капитал весьма неохотно, как и прежде, внедрялся в Эфиопию. И дело не только в прочности позиций местных предпринимателей в производстве и сбыте кофе, архаичности социально-экономических структур, препятствовавших капиталистическому развитию, или нестабильности режима, четко обнаружившейся к середине 70-х годов. В стране не было уникальных природных ресурсов, которые могли бы заинтересовать западные державы, а их монополиям принести максимальные прибыли. Вот почему транснациональные корпорации не проявили большого внимания к Эфиопии.

В целом следует признать, что инвестиционное постановление 1963 г. оказалось эффективнее предшествующих. Это нашло выражение в увеличении притока иностранного капитала в страну; в 1964—1967 гг. иностранные инвестиции в среднем в год поступали в количестве 33,6 млн. эф. долл., а в 1960—1963 гг., т. е. до введения нового декрета, — 14,3 млн. эф. долл. [204, с. 128]. Г. Л. Гальперин полагал, что в начале

70-х годов [237] приток иностранного частного (да и государственного) капитала пошел на убыль [180, с. 29].

Иностранный уклад в капиталистическом секторе эфиопской экономики играл заметную, а порой и решающую роль. В середине 60-х годов на его долю приходилось 20% ВВП и 80% валовых накоплений. Наибольшие позиции иностранный капитал занимал в обрабатывающей промышленности и торговле, особенно внешней. На рубеже 60—70-х годов он контролировал до 70% инвестиций в промышленности. В сельском хозяйстве иностранный капитал был активен в производстве, сбыте и частично в переработке сахарного тростника, хлопчатника и некоторых других сельскохозяйственных культур.

Велика была доля иностранного частного капитала в страховом деле, в гостиничном хозяйстве и банковской системе. В банковской системе, получившей дальнейшее развитие в 60-е годы и стимулировавшей кредитные операции в Эфиопии, иностранцы прежде всего обосновались в созданном в 1963 г. первом частном банке — «Аддис Абеба бэнк шэар компани» (40% его капитала принадлежало британскому «Нэшнэл энд Гринд-лэйз бэнк») и в филиалах «Банко ди Рома», «Банко ди Наполи» и «Банк де л'Эндошин». В 1967 г. «Банко ди Рома» в соответствии с постановлением 1963 г. зарегистрировался как местная компания, уступив 51% своего первоначального капитала в 2 млн. эф. долл. подданным эфиопской короны.

Иностранцы нередко предпочитали действовать совместно с местным частным или государственным капиталом. В компаниях «Эфиопиэн-америкэн кофе» 70% капитала принадлежало американцам, в «Индо-эфиопиэн тикстайлз» 41% — индийской группе Бирлы, в «Коттон компани оф Дыре-Дауа» 30% — японской «Фудзи спиннинг оф Джапан», в «Эфарм» 49% — израильтянам, в «Эфиопиэн драг мануфекчуринг шэар компани» 50% — английской «Смит энд Мэфью асошиэйтед компани» и т. д. С конца 60-х годов в Эфиопию активно проникал японский капитал: он владел, в частности, 50% акций «Эфио-джапаниз синтетик тикстайлз» и «Сабан метал продактс компани», 35% — «Аддис тайр шэар компани» и «Эфио-ниппон майнинг компани». Многие иностранные фирмы, как справедливо отметил в свое время советский экономист А. Я. Эльянов, по политическим и иным соображениям стремились регистрироваться в Эфиопии как отечественные компании, что скрывало истинную картину влияния западного капитала [254, с. 50].

Наряду с иностранным частным капиталом в эфиопскую экономику внедрялся в значительных размерах государственный капитал западных держав, а также в страну поступали займы и кредиты международных финансовых организаций, в которых преобладало влияние США. В результате стремительно рос внешний долг Эфиопии: в июне 1968 г. — 324 млн. эф. долл., а через 5 лет — уже 592 млн. эф. долл. [309, с. 139]. Займы и кредиты из-за рубежа предоставлялись под строгие политические и экономические гарантии (отказ от национализации, экспроприации иностранной собственности и неконвертируемости, местной валюты, возмещение убытков в случае военных действий и т. д.), сформулированные в соглашении с США 3 августа 1962 г. [238]

Правительство стремилось выдерживать сроки погашения долгов, видя в этом своеобразное проявление независимого курса страны. К 1971 г. в наибольшей степени была оплачена задолженность США (на 80,4%), Югославии (на 76,6%) и Италии (на 91,7%), а в наименьшей — Англии (на 20,9%), Швеции (на 22,3%) и ФРГ (на 31,2%) [309, с. 158]. Международным организациям к тому времени расчеты по займам составили 62—64%.

Выплата долгов требовала значительного перенапряжения государственных финансов страны: на них уходила все возрастающая часть валютных поступлений от экспорта и вновь получаемой западной помощи. В начале 70-х годов ежегодная сумма платежей превышала 55 млн. эф. долл., на что уходило свыше 10% экспортной выручки. Тем самым ухудшался платежный баланс страны, который постоянно имел отрицательное сальдо: в 1971 г., например, 111,6 млн. эф.

долл. В этом, вероятно, состояла одна из причин того, что правительство не использовало целиком отпущенные средства: к 1971 г. было реализовано лишь 57,4% всей суммы займов и кредитов в 1,14 млрд. эф. долл. [309, с. 159]. Нельзя при этом не согласиться с индийским экономистом Кришна Ахойя в том, что главная проблема Эфиопии состояла не в недостатке внешних источников финансирования, а в малочисленности конкретных программ развития, к которым могли быть приложены иностранные средства [326, с. 239].

Все расширяющееся проникновение иностранного капитала и перекачка вследствие этого значительной доли национального дохода Эфиопии за границу означали усиление эксплуатации, ухудшали экономическое положение страны. Иностранная буржуазия была заинтересована в стабильности императорского режима. Ей было, однако, свойственно позитивное отношение к реформам, которые предназначались для углубления процесса формирования внутреннего рынка. Западные государства-доноры к 70-м годам убедились в том, что архаичные социально-экономические структуры Эфиопии нуждаются в срочной модернизации, ибо в противном случае процесс развития капитализма в стране становился все более и более неадекватным их усилиям, а предоставленные им гарантии безопасности вкладов — проблематичными. Вот почему, например, Управление международного развития Швеции, осуществлявшее в Эфиопии проекты «зеленой революции», настаивало на проведении аграрной реформы, угрожая иначе прекратить оказание «помощи».

Не забывая об интересах западных бизнесменов, государственный иностранный капитал оказывал в то же время широкую финансово-техническую поддержку местному частному предпринимательству. Хотя численность предпринимателей-эфиопов составляла 109,6 тыс., а с учетом торговцев, выделенных ЦСУ Эфиопии в отдельную группу экономически активного населения, — 224,6 тыс., большинство из них по своим капиталам и объему операций намного уступали иностранцам. В 60-е годы в Эфиопии было свыше 60 тыс. различных предпринимателей из европейских и азиатских стран, а также из США. Они имели тесные связи со многими представителями местного частного [239] капитала, используя нередко эфиопских состоятельных людей в качестве посредников в сбыте готовых изделий или приобретении сырья. (Вообще, посредничество было очень развито в системе товарно-денежных отношений Эфиопии. Так, только в сфере торговли зерном действовало до 25 тыс. посредников-торговцев в сельской местности и до 8 тыс. — в городах.)

Особые финансово-экономические отношения сложились между, с одной стороны, иностранным частным капиталом и, с другой — членами императорской фамилии, верхушкой государственной бюрократии и самим монархом, составившими могущественный слой компрадорской буржуазии (прогрессивная общественность Эфиопии полагала даже, что Хайле Селассие — самый главный компрадор). Он допустил ее к своим высоким прибылям, извлекавшимся за счет нещадной эксплуатации трудящихся и в результате установления монопольных цен на внутреннем рынке. Так, ежедневная заработная плата неквалифицированного рабочего «Х.Ф.А. — Эфиопия» в конце 60-х — начале 70-х годов была 1 эф. долл., а цена 1 кг сахара, произведенного этой компанией, в Аддис-Абебе — 10 эф. долл., т. е. в три раза выше, чем в Джибути, где этот продукт — привозной. В 1960—1967 гг. эта компания получила 58 млн. эф. долл. чистой прибыли [309, с. 152]. Эфиопские компрадоры, занимавшие директорские должности в ее управлении и ответственные посты в правительстве, пошли даже на то, что гарантировали протекционистские меры в случае, если импортный сахар окажется дешевле местного.

При дворе интересы иностранного частного (как и государственного) капитала защищали также представители западных стран-доноров, активно проводившие своих подданных в государственные институты Эфиопии. Особое положение среди них занимали американцы, в немалом количестве служившие в правительственных учреждениях страны, и в первую очередь в министерстве обороны.

Известное влияние на все стороны жизнедеятельности эфиопского государства оказывали иностранные специалисты, работавшие на различных народнохозяйственных объектах. В 1964 г. на их долю приходилось более 1/3 из 5088 человек самых квалифицированных кадров, в том числе и в административном аппарате. Они привносили в эфиопскую среду дух западного образа жизни, взгляды и представления западного общества. Многие из них являлись держателями акций местных компаний, участвовали в финансово-банковских операциях.

Говоря об иностранцах, осевших в Эфиопии и связавших с ней свои судьбы, необходимо иметь в виду наличие в их среде мелких, средних и крупных предпринимателей, действовавших обособленно от международного монополистического капитала. Речь идет о так называемых натурализовавшихся иностранцах (итальянцах, греках, армянах, индийцах), представлявших собой, по существу, особый слой эфиопской буржуазии. Они органически [240] влились в структуру национальной экономики, заметно интегрировались в систему взаимоотношений в эфиопском обществе. При их непосредственном участии заметно активизировались капиталистические тенденции в стране в 60—70-е годы. В составе эфиопской буржуазии своим особым положением выделялась бюрократическая буржуазия, как стали называть с 60-х годов новую элиту, сложившуюся преимущественно из; выходцев из средних и мелкопоместных феодальных семей или даже из разночинной среды и допущенную в политически правящий слой. Это была часть абсолютистско-монархической бюрократии, превратившаяся путем различных финансовых махинаций во владельцев крупных состояний. Отираясь на складывавшийся государственный уклад, она консолидировалась в новое социальное образование, но не порывала (да и не могла сделать этого) со своими абсолютистско-монархическими истоками. Новая элита обогащалась, используя государственную власть и государственную собственность. Авторитет власти помогал ей и в частнопредпринимательской деятельности. Накопленный ею капитал чаще всего направлялся в торгово-посреднические предприятия, в уже существующие промышленные компании, в операции по скупке земли, недвижимости и т. д.

Политическая и экономическая роль бюрократической буржуазии в императорской Эфиопии была значительной, а порой и решающей. Являясь неотъемлемой частью правящего класса, она контролировала многие сферы правительственной администрации в центре и на местах, хозяйственной жизни страны. В отличие от остальной Африки эфиопская бюрократия, одаривавшаяся императором землями, феодальными титулами, зданиями и другой государственной недвижимостью, не находилась в антагонистических противоречиях с аристократией, в целом сохранявшей по-прежнему свой политический вес в стране. Наоборот, благодаря все тому же приему «равновесия власти» она (бюрократия) сосуществовала со знатью, вследствие чего усиливались связи между ними и взаимная поддержка в вопросах упрочения трона (это отнюдь не означало отсутствия между ними соперничества).

Новая элита быстрее приспособилась к капиталистическому развитию. Обуржуазившись, она пополнила ряды национальной буржуазии, часть которой была недовольна существовавшими: общественно-экономическими барьерами на пути капитализма.

Наряду с новой элитой в ходе развития абсолютной монархии, сопровождавшегося углублением процесса становления капитализма, образовался слой «новых помещиков». Это произошло в результате пожалований государственных земель административному персоналу, военнотружущим и полицейским, а также местной интеллигенции. Добиваясь верности трону, император роздал в 1942—1970 гг. 4,8 млн. га, главным образом на юге. Особенно участились пожалования с 60-х годов, когда власти столкнулись с ростом сил протеста. Из числа «новых помещиков», [241] ставших важной опорой абсолютной монархии, быстрее всего формировалась эфиопская аграрная буржуазия. От них пытались не отстать и многие традиционные феодалы.

К 1974 г. уже немало помещиков, в том числе члены аристократических фамилий (расы Бырру, Мэсфын Сылеши, Сьюм Мэнгэша и др.) и императорского дома (наследный принц Асфа Уосэн, дочь монарха Тэнанье Уорк и др.), вели свое хозяйство па капиталистической основе. Показательна в этом отношении судьба светского и религиозного правителя афаров султана Мираха, который, по словам Л. Бондестама, «был полностью поглощен превращением своего султаната в капиталистическое государство в рамках Эфиопии» (цит. по [180, с. 30]).

Предполагается, что к середине 70-х годов в стране было 5 тыс. крупных товарных ферм, принадлежавших главным образом молодому поколению семей землевладельцев и торговцам. И это — не считая большого числа помещичьих хозяйств, особенно на юге, где предпринимательские цели достигались частично или полностью путем применения докапиталистических методов эксплуатации. Подобная практика особенно широко применялась в кофепроизводящих районах на юго-западе и в долине р. Аваш, где выращивались хлопчатник, овощи, фрукты и другие товарные сельскохозяйственные культуры.

Обширные земли здесь принадлежали лично императору, членам его семьи и потомственной аристократии. Их владения в этих районах многократно увеличились в послевоенное время, особенно с 60-х годов, когда возросли включенность Эфиопии в мировое капиталистическое хозяйство и емкость внутреннего рынка. Это достигалось путем пожалований государственных земель, сгона крестьян с их наделов, скупки обширных угодий по баснословно низким ценам (5 эф. долл. за 1 гаша) и других земельных спекуляций.

Надо, вообще, признать, что к середине 70-х годов, как следствие ускорения темпов капиталистического развития, участились купля-продажа земли, ее заклад, предпринимательская аренда и т. д.

Наряду с феодалами в агробизнес все активнее включались крестьяне — собственники земли, в большинстве своем проживавшие на юге или в центральной части страны и реже — на севере. Их угодья вместе с общинными владениями, располагавшиеся преимущественно в северных районах, не превышали 10—15% пригодной для обработки земли. Среди крестьян-общинников появилось немало зажиточных людей, использовавших наемный труд, чаще всего своих сородичей, бедных общинников. Крестьяне-собственники и общинники стали практиковать различные земельные сделки: заклад, перезаклад, купля-продажа, ростовщические операции с землей, приарендовывание участков.

Во многих общинах фактически прекратилось периодическое перераспределение земель, причем лучшие остались за деревенскими [242] богатеями. Производство и сбыт сельскохозяйственной продукции на внутренний или внешний рынок заметно ускоряли распад общины, превращение ее земельной собственности в частную. Учитывая рост предпринимательства в крестьянских хозяйствах, П. Джилкс указывал на формирование класса кулаков, особенно у амхара и тыграи [309, с. 142, 170]. Принимавшиеся правительством шаги на путях «зеленой революции» в районе Чилало, в Уоламо, на севере Сидамо, и в округе Ада, неподалеку от Аддис-Абебы, прежде всего предназначались для поддержки зажиточных слоев эфиопской деревни в организации товарных ферм, ускорения капиталистического развития на селе, более активного вовлечения крестьян в товарно-денежные отношения, увеличения доходов государства от прямого налогообложения и обогащения верных императору придворных.

Финансово-кредитные учреждения предоставляли займы и кредиты, как правило, тем, кто имел крепкое хозяйство. Так, Банк сельскохозяйственного и промышленного развития Эфиопии, образованный в 1970 г. в результате слияния Банка развития и Эфиопской инвестиционной корпорации (создана в 1964 г. на основе (просуществовавшего всего один год Инвестиционного банка) и ставший самым главным правительственным учреждением по мобилизации и реализации инвестиционного

потенциала страны, из 45 млн. эф. долл., выданных в 1971—1972 гг. различным предпринимателям, только 4 млн. эф. долл. выделил тому, кого, по словам П. Джилкса, «можно назвать мелкими фермерами», да и то через снабженческо-сбытовые и потребительские кооперативы. По образному выражению А. Г. Кокиева, возникавшие в Эфиопии кооперативы являлись «своеобразным инкубатором кулацкой прослойки» [212, с. 27]. В ряде районов, особенно нового освоения, этот слой зажиточных крестьян играл заметную политическую роль, выступая в качестве стойких защитников абсолютистско-монархического курса.

В рамках «зеленой революции» правительство на рубеже 60—70-х годов приступило к осуществлению мелких, локальных сельских проектов, названных «минимум пакидж программ». В 1973 г. реализовывались 28 таких проектов, направленных на создание центров по сбыту и кредитованию, распространению агротехнических средств и формированию хозяйств капиталистического типа. Результатом явилось то же самое, что и при претворении в жизнь крупных экспериментов «зеленой революции», а именно: обогащение влиятельных сановников империи и местных землевладельцев, увеличение кулацкой прослойки в деревне, массовое разорение крестьян-арендаторов, их изгнание с земли, традиционно обрабатывавшейся на условиях феодальных рентных отношений.

Расширению сферы товарно-денежных отношений содействовало растущее требование землевладельцев к крестьянам-[243]арендаторам выплачивать ренту в денежной форме, в связи с чем росло число локальных рынков, возрастал приток крестьян на старые рынки, а также усиливалась придорожная торговля сельскохозяйственной продукцией. Наиболее быстрыми темпами этот процесс, как можно судить, шел в южных провинциях. На севере выделялись Бэгемдыр, Годжам и в некоторой степени Шоа. И не случайно именно из них был массовый поток сезонников в юго-западные кофейпроизводящие районы, куда ежегодно в январе—марте и октябре—декабре в начале 70-х годов прибывало на заработки до 50 тыс. человек.

Заработанных сезонниками денег едва хватало на поддержание оставленных в деревне семей, уплату долгов, различных поборов и т. д. Лишь немногие могли скопить достаточно средств для расширения производства в своих хозяйствах, приобретавших, следовательно, товарный характер. Распространение среди крестьян отходничества и вовлечение их хозяйств в сферу рыночных отношений в результате необходимости уплаты арендной ренты в денежной форме разрушали докапиталистические уклады в эфиопской деревне, влияли на трансформацию сельскохозяйственного производства.

Аналогичное действие имела участвовавшая замена совместных общественных работ в деревне сбором денежных пожертвований на различные хозяйственные нужды. Размеры таких поборов, взимавшихся при прямом участии местной администрации, были значительны. В 1971 г., например, немногочисленный народ камбата в Шоа «согласился» собрать 1 млн. эф. долл. для строительства дорог, школ и других объектов. Власти пытались включить денежные взносы крестьян, как и их бесплатные трудовые затраты, в русло коммуналистского развития деревни, т. е. программы «коммьюнити дивелопмент», осуществлявшейся правительством с 1957 г.

Проекты, предусмотренные этой программой, встречали скрытое, а порой и открытое сопротивление крестьян, видевших в них дополнительное бремя трудностей. Западногерманский ученый З. Паузанг, исследуя ситуацию в деревне в провинции Гэму Гофа, отметил, что слово «развитие» вызывало у крестьян страх, поскольку воспринималось как лишение обрабатываемых участков земли, крушение жизненных планов, хозяйственный крах и необходимость поиска нового пристанища [375, с. 174]. Подобное предубеждение распространялось даже на вступление в кооперативы, создание которых входило в задачи министерства коммуналистского развития и социальных дел. Нередко доходы, получаемые крестьянами в кооперативе, присваивались частично или полностью землевладельцами. Это еще раз подчеркивает тот факт, что феодальная

система аграрных отношений являлась серьезным препятствием на пути капиталистического развития страны.

Власти, хотя не раз заявляли о своей заинтересованности в глубоком изменении социально-экономической ситуации в деревне, фактически ничего не делали в этом направлении. «Эфиопский режим...— писал Дж. Маркакис,— предпочитает манипулировать символами аграрной реформы, а не осуществлять ее на практике» [345, с. 350]. [244]

К Эфиопии вполне применимо ленинское определение прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве, который, будучи помещичьим, полуфеодальным, «с тьмой остатков всяких привилегий, наиболее реакционный и наиболее мучительный для масс» [12, с. 6]. Эфиопское крестьянство испытывало многочисленные тяготы, обусловленные вторжением капитализма. Оно было опутано феодальными и даже дофеодальными отношениями, которые причудливо переплетались с частнопредпринимательскими, буржуазными методами эксплуатации и государственным внеэкономическим или экономическим принуждением. Его обирали ростовщики и торговцы-посредники, которые нередко были представлены в лице того же самого помещика или местного крестьянина-кулака. Ростовщический процент достигал довольно часто 100, а сроки выплаты ссуд устанавливались, как правило, до полугода и очень редко на год. Крестьянин не мог выпутаться из долгов, так как продаваемая им сельскохозяйственная продукция скупалась перекупщиками (а часто тем же самым ростовщиком) почти за бесценок. Для различных денежных расчетов крестьяне нередко вынуждены были продавать продукции в 3—4 раза больше, чем требовалось.

Среднегодовой доход крестьянской семьи оценивался в 350—450 эф. долл., причем только 85—100 эф. долл.— в денежной форме. Этого было явно недостаточно для приобретения традиционных орудий и предметов труда, уже не говоря о внедрении современных агротехнических средств. Крестьянам приходилось, как правило, арендовать тягловый скот, инвентарь и т. д., за что с них владельцы этих средств труда взыскивали плату в последние предреволюционные десятилетия все в большей степени в денежной форме. Это, в свою очередь, усиливало вовлечение крестьянских хозяйств в рыночную сферу.

К крестьянам широко применялись внеэкономические, докапиталистические методы принуждения. Наряду с издольщиной и денежной рентой, которые свидетельствовали об определенном уровне развития товарно-денежных отношений, с них требовались даже барщинные работы (до 120 дней в году). Особенно тяжелым было положение крестьян, сидевших на церковно-монастырских землях (около 20% пригодной для обработки земли). Законы страны, запрещавшие хотя бы формально взимание податей и повинностей, кроме налогов, установленных государством, не распространялись на «церковно-монастырских» крестьян. Наоборот, помимо обычных налогов, выплачивавшихся церковной казне, и подношений церковно- и священнослужителям им вменялось в обязанность оказывать бесплатные услуги церквам и монастырям.

Не менее трудной была судьба крестьян-арендаторов на землях, лично принадлежавших императору и членам царской семьи. С них взыскивались все налоги, обычно собиравшиеся с землевладельцев, но в пользу самого монарха и его родни, [245] а не государства. Кроме того, царствующий дом получал всю денежную или натуральную ренту за сдачу земли в аренду крестьянам. Те должны были также работать на полях управляющих царскими имениями, делать им различные подношения. Хайле Селассие, императорская фамилия были освобождены от поземельного налогообложения. То же самое, по существу, касалось и видных царедворцев, влиятельных придворных, крупных феодалов и высших правительственных чиновников, которые утаивали свои доходы, затягивали сроки уплаты налогов. Власти снисходительно относились к такой неуплате

налогов, в то время как были весьма жестоки, когда речь шла о взыскании налогов или недоимок с крестьян.

Крестьянство страдало от малоземелья и безземелья. В то время как 50% крестьян вовсе не имели земли, а в собственности остальных находились участки, не превышавшие, как правило, 1 га, отдельные феодалы владели сотнями тысяч и даже более 1 млн. га.

Положение крестьян ухудшалось и в связи с чрезмерной раздробленностью участков, принадлежавших им лично или арендованных: в Арси только 26% хозяйств состояло из одного целого участка земли, в Бэгемдыре и Сымене—19%, Тыграе — 16% и т. д. Имелись хозяйства, насчитывавшие 5—9 небольших: клочков земли.

Землевладельцы часто расторгали арендные договоры и сгоняли крестьян с их участков, причем, как правило, без выплаты компенсации (в начале 60-х годов в Харэрге, Бэгемдыре и: Сымене, Илубаборе, Гэму Гофе и Уоллеге только 9% бывших крестьян-арендаторов получили такую компенсацию). С середины 60-х годов помещики стали практиковать расторжение арендного договора, с тем чтобы получить особую плату с крестьянина за возобновление аренды. Землевладельцы, включая членов императорской фамилии, умышленно не оговаривали сроков аренды, имея в результате свободу действий по отношению к арендатору (например, в Харэрге из 95360 устно-заключенных арендных договоров срок аренды указывался только в 700). По этой же причине они отказывались от заключения письменных соглашений об аренде, но даже если такие были, то в них крайне редко фиксировался срок аренды. Словом, крестьяне жили под постоянной угрозой потери земли.

Паразитизм феодального класса, отстаивавшего свои земельные привилегии и изыскивавшего любые возможности для обогащения, проявлялся и в получившем широкое распространение абсентеизме, особенно на юге страны. В отдельных южных провинциях доля абсентеистов доходила до 42% всех землевладельцев, причем официальная эфиопская статистика здесь не делала различий между частнокрестьянской и феодальной собственностью. С учетом этого последнего факта удельный вес помещиков-абсентеистов, несомненно, был еще выше. В их владении находилось до 48% измеренных земель. Массовый переезд [246] помещиков в города и их уклонение от непосредственного участия в сельскохозяйственном производстве привели к усилению эксплуатации крестьян, отвлечению значительных средств на личное потребление и в непроизводственную сферу. Это сопровождалось, в свою очередь, дальнейшей пауперизацией крестьянства, его массовым разорением.

Сдача земли в капиталистическую аренду, участвовавшая наряду с товаризацией помещичьих хозяйств, ростом кулачества и созданием землевладельцами чисто капиталистических ферм в условиях «зеленой революции», приводила к изгнанию крестьян с арендованных ими участков. Десятки тысяч людей потеряли, таким образом, свои традиционные источники существования. В поисках мест приложения своего труда они отправлялись в города и другие сельские районы, пополняя там ряды (численно постоянно увеличивавшиеся) сезонников, постоянных и временных батраков, плантационных и фермерских рабочих, городской бедноты, реже фабрично-заводского пролетариата, безработных и т. д.

Всего в сельской местности по найму работало в начале 70-х годов около 250 тыс. человек, из них 50—55 тыс. составляли постоянные рабочие, занятые на плантациях и фермах. Кроме того, в стране насчитывалось несколько сот тысяч отходников, так как к середине 70-х годов резко возрос спрос на сезонную рабочую силу. Приведенные данные свидетельствуют о росте продажи крестьянами рабочей силы, обусловленном капиталистическим развитием страны.

В городах, население которых вследствие главным образом притока сельских жителей заметно увеличивалось (к середине 70-х годов — около 10% населения страны), число работающих по найму не превышало 400 тыс., притом фабрично-заводской пролетариат состоял из более 85 тыс. Всего городской пролетариат к 1974 г. насчитывал

около 120 тыс. человек. В 1972 г. в Эфиопии из 11,09 млн. экономически активного населения вне сельского хозяйства было занято 1762 тыс. человек [42, с. 326]. В это число входили, конечно, не только лица, работавшие по найму: например, около 400 тыс. кустарей, надомников, помогающих членов их семей или родственников (редко в домашней и кустарной промышленности Эфиопии использовался наемный труд).

Как и весь трудовой люд страны, эфиопские рабочие в массе своей постоянно недоедали. Ежедневный дефицит калорий в расчете на душу населения в среднем составлял 400 калорий. До 50% заработной платы низкооплачиваемых рабочих (а их было большинство) уходило на приобретение продуктов питания, а у неквалифицированных рабочих, получавших 0,5—1 эф. долл. в день, на еду затрачивалась еще большая часть их заработка.

Постоянный рост цен ухудшал и без того бедственное положение рабочих. Их зарплата в этих условиях не покрывала [247] полностью даже самые насущные потребности в продовольствии и товарах первой необходимости.

Ситуация в городах, в том числе среди работающих по найму, постоянно осложнялась в связи с так называемой допромышленной урбанизацией, т. е. сосредоточением в городах сельских мигрантов в количестве, намного превышающем потребности городского хозяйства, административных служб, индустриального сектора, отраслей социальной и производственной инфраструктуры. С каждым годом увеличивалась численность безработных, полупролетарских элементов, люмпенов и т. д. Открытая безработица оценивалась в Эфиопии в почти 10% трудоспособного населения, причем большая часть приходилась на лиц моложе 25 лет. В одной только Аддис-Абебе насчитывалось до 200—300 тыс. безработных. Многие горожане — мелкие буржуа, разоряясь, пополняли ряды городских низов. Здесь на «дне» зрел социальный протест против абсолютистско-монархических, эксплуататорских устоев эфиопского общества.

В городах, особенно крупных — Аддис-Абебе (в 1974 г. — свыше 1 млн. человек), Асмэре (285860), Дыре-Дауа (72860), Дэссе (54910), Харэре (53560), Джимме (52420), Назрете (50550) и Гондэре (43040 человек), все более активную политическую роль играли средние слои (основная часть интеллигенции, служащих, чиновничества, офицерство и студенчество). Им хорошо было известно тяжелое положение основной массы населения. Да и сами они претерпевали немало в связи с ростом дороговизны, уже не говоря о репрессиях, обрушивавшихся на них императорским режимом. «Прусский» капитализм, сопровождавшийся беспощадной эксплуатацией и бесправием народных масс, их обездоленностью, низким уровнем самосознания, притеснениями со стороны власть имущих, коррумпированностью правящих кругов, отсутствием политических свобод, сохранением и даже сознательным культивированием самых изощренных феодальных и дофеодальных методов извлечения прибавочного продукта, не мог не вызвать антикапиталистических настроений в стране. Жизненные трудности, нищета, беззаконие, голод вполне обоснованно связывались с абсолютной монархией. В представлении многих стагнация общества ассоциировалась с именем Хайле Селассие, олицетворявшего абсолютистско-монархическое государство.

Самодержавие, по существу, действовало «наперекор» экономическому развитию страны. Господствовавшие феодальные отношения препятствовали росту буржуазных отношений, ускорению формирования капиталистического способа производства. В правящих кругах было, например, немало противников убыстрения темпов промышленного развития, опасавшихся, в частности, увеличения численности пролетариата и превращения его в непримиримого врага самодержавия.

С точки зрения перспектив достижения экономической независимости и укрепления на ее основе политической самостоятельности [248] радикальное решение аграрного вопроса становилось все более неотложной задачей. Абсолютная монархия, защищавшая прежде всего интересы феодального класса, не могла пойти на ликвидацию

помещичьего землевладения и наделение крестьян землей и тем самым ускорить социально-экономическое развитие на путях капитализма.

Развитие капитализма в Эфиопии носило анклавный характер. Буржуазные отношения (в чистом или деформированном виде) охватили немногим более трети территории страны. Почти 80% населенных пунктов не были связаны с общенациональным рынком. Не более 35% населения участвовало в товарном производстве. На натуральный аграрный сектор приходилось почти 40% ВВП и 72% в доле сельского хозяйства в ВВП. Однако Г. Л. Гальперин полагал, что «в канун революции чисто натуральные хозяйства оставались только в самых глухих горных районах, а также на периферии страны, в зонах господства раннефеодальных и дофеодальных укладов» [180, с. 38]. Дело в том, что требование оплаты налогов и поборов в денежной форме, жизненная необходимость приобретения элементарных потребительских товаров понуждали крестьян, даже не помышлявших о товаризации своих хозяйств, продавать часть собранного урожая многочисленным перекупщикам, в погоне за прибылью достигавшим самых отдаленных уголков, или на местных рынках. Тем самым расширялась сфера товарно-денежных отношений, но таким хозяйствам еще далеко было до перехода к мелкотоварному производству.

У большинства крестьян отсутствовал интерес к расширению сельскохозяйственного производства, ибо они опасались, что в любой момент их прогонят с земли без какой-либо компенсации за вложенные средства. Показателен также ответ одного крестьянина на вопрос эфиопского ученого Мэсфына Уольдэ Мариама о возможностях увеличения урожая: «Вы думаете, что, может быть, мы ленивы. Отнюдь. Посмотрите, как мы усердны, и мы готовы трудиться еще больше. Но чем больше мы соберем, тем больше возрастет аппетит тех, кто живет за наш счет» (цит. по [291, с. 26]). Да к тому же в условиях резкого колебания цен на экспортные и импортные (сельскохозяйственного назначения) товары у них не было каких-либо правительственных гарантий возмещения понесенных убытков.

В рассматриваемые годы возросло негативное воздействие мирового капиталистического хозяйства на социально-экономические процессы в Эфиопии. Резкое вздорожание бензина и других нефтепродуктов, обусловленное в конечном счете деятельностью нефтяных монополий, привело к снижению закупочных цен на кофе. Дефицит кофе на мировом рынке, обнаружившийся с начала 70-х годов, усилил эксплуатацию кофейных производителей [249] районов Эфиопии с целью увеличения экспорта этого товара. Доходы страны от его продажи на внешнем рынке постоянно росли: в 1964—1972 гг. они колебались в пределах 139,5—188,3 млн. эф. долл., повышался и физический объем вывозимого кофе. Дальнейшее вовлечение Эфиопии в мировое капиталистическое хозяйство путем роста экспорта кофе углубляло анклавный характер развития буржуазных отношений в стране. Этому же содействовало внедрение иностранного капитала в другие сырьевые отрасли.

Отрицательно сказывалась на экономическом положении Эфиопии политика «ножниц цен». О ней еще в 1964 г. критически отозвался тогдашний министр торговли и промышленности лидж Ындалькачеу Мэконнын, отметив, что все развивающиеся страны находятся в ситуации, когда «экспортируют в Европу такие товары, как, например, какао, а импортируют изготовленный из него шоколад, причем по ценам, в два-три раза превышающим исходное сырье» [141, 1966, т. 10, № 4, с. 242]. И не случаен в этой связи хронический внешнеторговый дефицит Эфиопии, достигший в 1956—1973 гг. максимальных размеров: в 1968 г.— 166,5 млн. эф. долл. и в 1971 г.— 155,5 млн. эф. долл. Разумеется, нельзя не учитывать здесь и другие причины: ничем неоправданный импорт предметов роскоши во все возрастающем объеме (только ввоз дорогостоящих автомобилей для личного пользования в начале 70-х годов составлял около 8% всего импорта), увеличение закупок за рубежом машин и оборудования для хозяйственных целей (около 20%

импорта), рост импорта потребительских товаров, в том числе продовольствия (почти $\frac{2}{3}$ импорта).

Эфиопское правительство стремилось расширить экспортные операции, повысив тем самым доходы. С этой целью в Эфиопии широко практиковался реэкспорт, который в 1972 г. составил 3,7 млн. эф. долл., в 1973 г. — 9,6 млн. эф. долл., в 1974 г. — 17,9 млн. эф. долл. Главным импортером эфиопской продукции оставались США, на долю которых приходилось до $\frac{1}{3}$ экспорта Эфиопии (без реэкспорта). Но США уступали Италии, Японии, ФРГ и Великобритании в качестве экспортера товаров в Эфиопию. Американцы, как правило, ввозили в эту страну товаров на сумму, почти в четыре раза меньшую, чем вывозили оттуда.

Это делало эфиопскую экономику еще более уязвимой от воли американского империализма, ибо несбалансированность торговли была выгодна Эфиопии. Со стороны же США, заинтересованных в стабильности императорского режима, это было своеобразной формой его поддержки. Вот почему Вашингтон ни разу не поставил вопрос об изменении внешнеторговых диспропорций.

Расширение физических объемов экспортных поставок зерна, мяса, фруктов, овощей и других продуктов питания шло в значительной мере за счет сокращения предложения этих товаров на внутреннем рынке в условиях, когда на них рос спрос. В этом — одна из причин роста цен на основные пищевые продукты, о чем свидетельствует индекс цен на продовольствие в 1969—1973 гг. (1963=100) [309, с. 169]: **[250]**

Продукты	1969 г.	1973 г.
Зерно	136	143
Мясо	145	159
Фрукты, овощи	143	188
Специи	163	238
Продукты питания в целом	135	154

На этом росте цен наживались помещики, торговцы, зажиточные крестьяне, иностранные и местные компании, зато все тяжелее становилось положение трудящихся. Дефицит продовольствия вызвал увеличение его импорта, составившего в 1970 г. (включая живой скот) 31,5 млн. эф. долл. (в 1964 г. — 14,0 млн. эф. долл.). Высокие пошлины на импортные продукты питания (как и на другие потребительские товары) содействовали повышению цен на них на внутреннем рынке. Большинству населения они были не по средствам.

Экспортно-импортные пошлины в Эфиопии постоянно были высокими, нередко пересматривались в сторону дальнейшего повышения. В этом страна имела определенную свободу действий, ибо не входила в ГАТТ с ее соответствующими ограничениями. Роль таможенного налогообложения в формировании государственных доходов по-прежнему оставалась значительной, достигая в отдельные годы даже 33% их общей суммы. Это указывало на антинародный характер государственных финансов, ибо бремя таможенного налогообложения ложилось на неимущие слои эфиопского общества.

О том же самом свидетельствует и то обстоятельство, что в рассматриваемые годы, как и в предыдущее десятилетие, власти делали ставку на косвенные налоги: при формировании доходной части бюджета на них приходилось около 75% поступлений, а в 1971—1974 гг. и того больше (около 80%). В прямом налогообложении сравнительно низкими были суммы поземельного налога и налога вместо десятины. С 1967 г. правительство попыталось ввести подоходный налог на землевладельцев, отменив налог вместо десятины, но в целом безуспешно: во многих районах страны вплоть до революции 1974 г. продолжали собирать налог вместо десятины. Не намного улучшилось

поступление средств в казну в результате введения налога на здравоохранение: сбор его, как правило, не превышал 6 млн. эф. долл.

Не желая менять коренным образом ситуацию с прямым налогообложением, власти в поисках дополнительных доходов прибегли к внутренним облигационным займам, ежегодным лотереям, продаже частному сектору государственных активов и т. д. Этих мер оказалось также недостаточно, чтобы ликвидировать хронический бюджетный дефицит. Не оправдались расчеты правительства на получение высоких доходов от государственных предприятий. За счет них обеспечивалось менее 10% всех поступлений в казну. [251]

Несмотря на трудности формирования государственных доходов и, следовательно, ограниченность средств для выполнения программ развития, в правительстве ни разу не ставился вопрос о снижении расходов на армию и полицию, поглощавших до 45% текущих бюджетных ассигнований. Нарастали также суммы, выделяемые на содержание гражданской администрации, императорского дворца, высшей бюрократии, канцелярии монарха, церкви и т. д. Без преувеличения можно сказать, что на военно-полицейский и административный аппарат, двор и церковь шло до 80% текущих бюджетных ассигнований. Такая структура расходов еще раз подтверждает абсолютистско-монархическую сущность государственных финансов Эфиопии.

Правительственные мероприятия в фискальной области, включая дальнейшее совершенствование кредитно-банковской системы, и развитие товарно-денежных отношений вглубь и вширь способствовали постепенному утверждению эфиопского доллара в качестве общенациональной денежной единицы. В 1972 г. в обращении находилось 415,5 млн. эф. долл., т. е. около 17 эф. долл. на душу населения (в 1961 г. — около 240 млн. эф. долл.). Он циркулировал к середине 70-х годов даже в труднодоступных, отдаленных районах. И это — несмотря на то, что лишь приблизительно 12% территории страны имели доступ к 9 тыс. км дорог, проходимых круглый год (при 10-километровой полосе доступности по обеим сторонам от дороги).

Эфиопский доллар фактически вытеснил все другие денежные единицы, имевшие хождение еще в 60-е годы, редки стали случаи простого товарообмена. Его роль в капиталистическом развитии Эфиопии укреплялась, но он по-прежнему использовался как важнейшее средство упрочения императорского режима, сохранения и упрочения частнособственнических структур.

Вместе с тем надо признать, что рост денежной массы порой не соответствовал реальным потребностям товарооборота страны, поскольку правительство санкционировало дополнительный выпуск денег для покрытия той же самой товарной массы. В результате усиливалась инфляция, ухудшавшая экономическое положение Эфиопии и приводившая к дальнейшему обнищанию народных масс.

Разногласия в правящих кругах

Императорский режим, олицетворявший абсолютистско-монархический строй, начиная с 1956 г. сосредоточил все свое внимание на дальнейшем укреплении власти Хайле Селассие I и, следовательно, классового господства феодалов. Этой задаче были подчинены все основные внутри- и внешнеполитические шаги правительства. Любой успех эфиопской дипломатии на [252] международной арене раздувался властями для поднятия престижа императора, который представлялся как один из выдающихся деятелей на земном шаре, неизменно выступающий за мир, социальный прогресс и гуманизм и пользующийся огромным уважением.

Самый незначительный сдвиг в хозяйственном строительстве страны, уже не говоря о вводе в строй крупных объектов (пуск ГЭС на р. Финчаа, строительство текстильной фабрики в Акаки и др.), широко использовался для подтверждения официально пропагандируемой концепции о том, что вся деятельность монарха

направлена на благо народа, что все связанное с его именем свято и не подлежит критике, что трон — основа будущего страны и что император — высший арбитр нации, ниспослан богом и постоянно заботится о каждом жителе империи, создатель современной Эфиопии, развивающейся неуклонно под его руководством по пути прогресса. В одном эфиопском журнале в 1967 г. утверждалось даже, что все сделанное в стране за минувшие 50 лишним лет было совершено Его Величеством, декретировано Его Величеством или осуществлено народом, живущим мыслями о Его Величестве, и что «не правильнее ли сказать, что Его Величество — это вся Эфиопия?» [139, 1967, т. 6, № 2, с. 3].

Режим, использовавший традиционные социально-политические, религиозные и социально-психологические ценности и представления, не смог выдвинуть никакой общенациональной цели развития, которая соответствовала бы идеям второй половины XX в., когда в условиях нарастания сил социализма рухнули колониальные империи западных держав и национально-освободительные революции стали перерастать в ряде государств Азии и Африки в социально-освободительные. Вся политическая, социально-экономическая и идеологическая деятельность государства концентрировалась в императорском дворце, все важнейшие решения, определявшие судьбы страны, принимались во дворце. Император самодержавно руководил всеми государственными делами. И это — несмотря на демагогическое заявление Хайле Селассие 14 апреля 1961 г., содержащее отрицательный подтекст: «Кто сегодня может быть экспертом во всех областях? Кто сегодня может единолично принимать решения, необходимые для управления правительственными программами?» [391, с. 97]. Были предприняты некоторые шаги, внешне как будто подтверждавшие намерение Хайле Селассие покончить с собственным единовластием: например, в 1962 г. в Аддис-Абебе обнародовали проект закона о местном самоуправлении. Однако в действительности все оказалось иначе, хотя кое-кто из западных ученых и определил 60-е — начало 70-х годов в правлении Хайле Селассие как время «децентрализованной централизации» [391, с. 49].

Даже передав в 1966 г. некоторые прерогативы исполнительной власти премьер-министру, он продолжал внимательно следить [253] за работой правительства и многократно вмешивался в его деятельность, подтверждая тем самым, что является главой исполнительной власти в стране. Более того, Хайле Селассие специально создал личный кабинет, перепоручив ему, несмотря на сопротивление министров, многие правительственные функции, в том числе контрольные [345, с. 219—222]. Мнение этого органа императорской власти после одобрения Хайле Селассие имело решающее значение.

В 1974 г. бывший премьер-министр Акклию Хабтэ Уольд в следственной комиссии, созданной военными, признал, что «фактически премьер-министром был сам император» и что «другим реальным премьер-министром была старшая дочь монарха Тэнанье Уорк, которая меняла решения совета министров по своему усмотрению» [259, с. 195]. Показательно также мнение одного эфиопского профессора, возглавившего в самом начале эту комиссию, о том, что правительство монархической Эфиопии — это «частная акционерная компания» [392, с. 29].

В правящих кругах после устранения Уольдэ Гийоргиса Уольдэ Йоханнуса очень влиятельной фигурой стал могущественный рас Асратэ Каса, за которым в Эфиопии признавалась роль второго лица в империи после премьер-министра, не считая самого монарха. Польский публицист Р. Капусцинский, опросив десятки бывших царедворцев, допускает даже, что Асратэ Каса был вторым после Хайле Селассие лицом в структуре власти в Эфиопии [195, № 7, с. 193]. Ярый консерватор, он выступал как главное действующее лицо против сколько-нибудь серьезных политических реформ, необходимость которых ощущалась все острее. Вокруг него сгруппировались те силы при дворе, в центральной и провинциальной администрации, которые отстаивали незыблемость абсолютистско-монархического строя, неизменность его экономических и социальных основ, а также косность политических структур.

Другим крупным сановником при дворе был Йильма Дэрэса, почти десять лет возглавлявший министерство финансов и сумевший собрать под своим началом немало способных выпускников английских и американских вузов. По мнению П. Джилкса, «министерство финансов при Йильма Дэрэсе... стало относительно независимой бюрократической организацией» и «высоко персонифицированным учреждением», где служебная карьера сотрудников зависела от расположения самого министра и уровня компетентности [309, с. 82]. Более того, П. Шваб назвал министерство финансов, состоявшее из 1784 сотрудников в центральном аппарате, 3538 служащих на местах и 2027 человек специальной финансовой полиции, одной из «главных сил... централизации политической системы в Эфиопии» [391, с. 101 —102, 138]. Это и понятно, поскольку через данное министерство осуществлялась политика государственных финансов, направленная на укрепление абсолютизма.

Когда обнаружилось, что Йильма Дэрэса, используя министерские [254] возможности, близость к императору, особо заинтересованному в фискальных делах, свое этническое и социальное происхождение (он принадлежал к высшей традиционной знати оромо), приобретал все более решающее положение при дворе, его в соответствии с императорской политикой «шум-шир» назначили министром торговли. Тем самым ослабили позиции группировки Йильмы Дэрэсы, не упрочились они и тогда, когда он стал членом совета короны, совещательного органа при императоре.

В самых высших сферах власти к концу 60-х — началу 70-х годов сложилось еще несколько политических группировок, пытавшихся заручиться поддержкой Хайле Селассие и искавших ему на случай смерти преемника среди 15 претендентов на престол (наследный принц Асфа Уосэн, его сын Зэра Яыкоб, внук императора Искандэр Дэста и др.).

Одна из них во главе с премьер-министром Акклию Хабтэ-Уольдом, занявшим этот пост в 1961 г., обеспечила за более чем десятилетний период его пребывания на этом посту прочные позиции в стране, особенно в государственном аппарате. В нее входили министр финансов (с 1969 г.) Маммо Таддэсэ, министр внутренних дел (с 1969 г.) Зоуде Гэбрэ Хыйуот, министр земельной реформы и администрации (с 1970 г.) Мулату Дэббэбэ, государственный министр в министерстве финансов (с 1969 г.) и др. Она имела значительный экономический и политический вес. Эта группировка, самым тесным образом связанная с родовой аристократией и поддерживавшая ее интересы, полагала сохранить и в будущем свои привилегии и преимущества, основанные на нещадной эксплуатации народных масс. Она придерживалась курса на медленное «вползание» эфиопского общества в капитализм. Включая в свои ряды многих представителей компрадорской буржуазии и бюрократии, эта группировка служила своеобразным мостом между местными эксплуататорами и международным империализмом. Ее лидер еще в 50-е годы провозгласил курс на создание «Великой Эфиопии», простирающейся от мыса Рас Кассар до Индийского океана [265, с. 89]. От него, правда, в Аддис-Абебе, стремившейся играть «роль организатора Африканского континента» [152, 04.03.1964], вскоре решительно отмежевались.

Ей противостояла группировка представителей знати и бюрократии, пользовавшихся известностью либералов и объединившихся вокруг Ындалькачоу Мэконнына, члена одной из родовитых феодальных фамилий (его отец в 40-е годы занимал пост премьер-министра). Они выступали за ускорение капиталистического развития страны, но без применения решительных мер по ликвидации феодализма. Эта группировка придерживалась идеи «управляемой демократии», т. е. введения ограниченных политических свобод с одновременным распространением строгого государственного контроля над политической и духовной жизнью общества. [255]

При дворе большое значение имели также группировки, возглавлявшиеся Тэнанье Уорк, адъютантом императора генерал-лейтенантом Ассэфой Дэмиссе и наследным

принцем Асфа Уосэном, многолетнее пребывание которого по болезни за границей намного ослабило позиции его сторонников.

Отношения Хайле Селассие и наследника в течение многих десятилетий оставались прохладными, а временами даже напряженными. Не улучшило их, разумеется, привлечение Асфа Уосэна к попытке государственного переворота в 1960 г.

Хайле Селассие фактически изолировал наследника от участия в государственных делах, не давая ему тем самым утвердиться в политических структурах страны. Не помогла Асфа Уосэну и мать, императрица Мэнэн, которая до самой своей смерти в 1962 г. неизменно была на стороне своего старшего сына. Потеря двух других сыновей, любимого Мэконнына (ум. в 1957 г.) и Сахле Селассие (ум. в 1961 г.), несколько примирила Хайле Селассие с Асфа Уосэном, но особой заинтересованности монарха в политической судьбе наследника так и не наступило. Он благоволил к внуку Искандэру Дзета и детям (особенно старшему сыну) покойного Мэконнына. С гибелью в автокатастрофе последнего расчеты тех, кто делал на него при дворе ставку, не оправдались: ведь многие в стране и за рубежом полагали, что со временем Хайле Селассие провозгласит Мэконнына своим преемником.

Положение в императорской семье сказывалось на деятельности государственных органов. Отдельные, очень влиятельные ее члены, используя близость к монарху, вмешивались в решения правительства, отменяя их или выхолащивая содержание принятых постановлений. Перед ними заискивали придворные, министры, крупные предприниматели, высшие правительственные чиновники, военачальники. В свою очередь, члены императорской фамилии, преследуя собственные интересы, старались заручиться поддержкой влиятельных сановников империи, могущественных потомков аристократических семей, видных бизнесменов, правительственной бюрократии, иностранного капитала.

Значительную роль в правящих кругах играла также группировка высших военачальников, сплотившихся вокруг председателя сената генерал-лейтенанта Абий Абэбэ, имевшего большой авторитет и поддержку вооруженных сил. Она отстаивала принцип большего участия армии в управлении государством.

Немного известно о группировке влиятельного генерала Амана Микаэля Андома, пользовавшегося широкой популярностью в армии и имевшего последователей даже среди мусульман. В газете «Кения уикли ньос» от 10 июля 1959 г. сделан намек на то, что в свое время он имел контакты с президентом Египта Г. А. Насером, который просил императора назначить Амана Микаэля Андома на ответственный дипломатический пост в [256] эфиопском посольстве в Каире. Во дворце, желая пресечь распространение в офицерской среде националистически-прогрессивных настроений (так называемых насеристских взглядов), незамедлительно сняли Амана Микаэля Андома с должности командующего одной из четырех дивизий эфиопской армии и объявили об отправке его в Париж в качестве военного атташе. Впоследствии он приобрел репутацию фрондирующего генерала.

Все эти группировки в вопросах внешней политики придерживались в целом прозападной ориентации, хотя и с известными вариациями. Общим было и то, что они стремились к поддержанию (и, естественно, дальнейшему увеличению) высокого престижа, каким пользовалась Эфиопия в афро-азиатском и латиноамериканском мире. Особое внимание уделялось повышению ее роли в антиколониальном движении африканских стран. Папафриканские идеи, сочетавшиеся со стремлением превратить Эфиопию в одну из динамично развивающихся стран, были присущи части высшего административного и управленческого персонала, а также чиновникам низших рангов.

К концу 60-х годов все большее значение в государственном аппарате, насчитывавшем более 60 тыс. служащих, приобретали недавние выпускники местных и зарубежных вузов, занявшие ответственные должности. В целях привлечения их на свою сторону во дворце пошли даже на создание таких правительственных постов (помощники

министров, государственные министры и т. д.), введение которых не было продиктовано необходимостью. Считалось, что министр иностранных дел Кэтэма Ифру отстаивает интересы этой, так называемой, новой образованной элиты [290, с. 29], по социальному происхождению относившейся большей частью к худородным слоям феодального класса или разночинцам.

Многие ее представители видели бесперспективность развития Эфиопии в заданных императором рамках, были убеждены в необходимости перемен. Некоторые из них выделялись широтой своих политических взглядов и глубиной понимания истинных причин отсталости страны. Они-то и высказывались о необходимости в Эфиопии реформ (прежде всего в аграрной области), аналогичных по своему характеру осуществленным в СССР преобразованиям [336, с. 198].

Однако среди государственно-бюрократического персонала преобладали идеи буржуазного развития страны. В этих кругах даже не допускали мысли о возможности социалистической перспективы Эфиопии. Выражая их общее мнение, управляющий Банком развития Уорку Хабтэ Уольд, родной брат премьер-министра, твердо заявил, что «цель Эфиопии не состоит в построении социализма» [141, 1966, т. 10, № 2, с. 154]. Широкое распространение в правительственных сферах, в других слоях общества получили концепции буржуазного парламентаризма и партийного плюрализма; одновременно происходило обесценивание [257] традиционных представлений о троне, церкви, монаршей символике и уникальности роли императора.

В этих условиях правящая верхушка не выдвинула никаких общенациональных ориентиров, никакой сколько-нибудь существенной политической программы, учитывавшей бы реальность страны и предназначенной для нейтрализации посредством социальной демагогии антиимператорских, антимонархических и антифеодальных сил. Власти по-прежнему делали ставку на абсолютистско-монархические ценности, социально-психологические представления феодального общества, а также на христианские догмы.

Сам Хайле Селассие неоднократно подчеркивал, что его царствование следует рассматривать как «мост между первыми стадиями развития и последующими» [141, 1973, т. 15, № 4, с. 198]. При этом речь шла о постепенном, эволюционном перерастании феодализма в капитализм при сохранении политической власти за феодальным классом и обуржуазивании помещиков. В 1962 г. он попытался облечь принципы и цели своего правления в доктрину «демократического общества», согласно которой предусматривались «переход от феодализма к демократии» и ликвидация феодализма без кровопролития, при уважении принципов частного землевладения [132, апрель 1962, с. 143]. Впоследствии, однако, ни сам монарх, никто другой из руководства страны ни разу не сослался на эту доктрину, уже не говоря о том, чтобы организовать именно на ее основе целое политическое движение.

Вероятно, во дворце опасались, что даже эта куца доктрина в случае ее массового пропагандирования как идейной концепции режима оживит общественную жизнь страны, углубит брожение в обществе, вызвав поток критики в адрес абсолютистско-монархического строя. Столь незавидная участь «доктрины демократического общества» связана и с тем, что императорский режим, запрещая всякую организованную политическую деятельность, не имел и собственной партии, а это ослабляло политическую систему абсолютной монархии, ограничивало ее возможности идейно-политического воздействия на широкие массы.

3 ноября 1967 г. Хайле Селассие в ответ на вопрос корреспондента Франс Пресс о конечной цели его правления заявил: «Пробудить в нашем народе понимание современности, вызвать в нем стремление к прогрессу, стимулировать желание улучшить условия своей жизни — такова задача, к выполнению которой мы стремились всю жизнь». Декларативность слов монарха, содержащих сознательно подчеркиваемый приоритет дворца над инициативой, творческими потенциями и энергией масс, очевидна. На исходе

60-х годов Хайле Селассие повторил взгляды сорокалетней давности. Время не коснулось их. Но с неизменностью идей и методов правления Хайле Селассие, архаичностью его режима не могли уже мириться эксплуатируемые [258] слои населения, новые социальные силы, порожденные особыми условиями общественно-политической и хозяйственной жизни страны и игравшие в ней все возрастающую роль.

Крайней реакционностью и консерватизмом среди государственных институтов отличался парламент. Сенат, назначавшийся лично императором, и палата депутатов, чьи кандидатуры получали в той или иной форме высочайшее одобрение, рьяно отстаивали свои права, привилегии, интересы, не раз настаивали на повышении собственного жалования. В парламенте срывались, как правило, любые законопроекты, содержавшие хоть минимальный намек на изменение аграрных отношений. Случалось, он действовал даже вопреки воле императора, подобная ситуация использовалась для демагогических заявлений о демократизме эфиопской монархии, ее стремлении к улучшению социально-экономического положения страны и существующем противодействии этому, а также непричастности дворца к антидемократическим акциям.

В рассматриваемые годы в Аддис-Абебе особые надежды возлагали на внешнеполитические связи. Многообразие зарубежных контактов должно было убедить население в широкой международной поддержке и признании императорской власти. Личные внешнеполитические инициативы Хайле Селассие I использовались для усиления в стране веры в его руководство и мудрость, для противодействия инакомыслию. Активные международные сношения рассматривались как средство установления контроля над распространением в стране демократических и социалистических идей. Путем активизации антиколониальной, антиимпериалистической деятельности правящие круги предполагали предотвратить возможность появления у лидеров развивающегося мира убеждения в консерватизме правления Хайле Селассие, что могло привести к изоляции Эфиопии и способствовать падению режима. Посредством сотрудничества с освободившимися государствами он стремился «обуздать» сепаратистские движения в стране, смягчить этноконфессиональные разногласия, создать новые возможности для проведения своей политики в национальном вопросе. Все усиливавшийся социальный и политический консерватизм предполагалось сбалансировать крупными позитивными достижениями эфиопской дипломатии. Правящая верхушка надеялась ввести недовольство различных слоев общества в русло антиимпериалистической, антиколониальной борьбы глобального масштаба, т. е. дать внешний выход их политической энергии.

Пытаясь компенсировать серьезные провалы во внутренней политике, Хайле Селассие со второй половины 60-х годов концентрировал свое внимание все больше и больше на международной деятельности. В этой области он рассчитывал снискать признание как активный поборник мира, как миротворец в конфликтных ситуациях. Одновременно достигались бы и цели [259] упрочения его самодержавной власти в стране. Вот почему к Аддис-Абебе с большим огорчением восприняли отказ присудить Хайле Селассие Нобелевскую премию мира за 1964 г. Несмотря на эту неудачу, император продолжал добиваться высокого престижа за рубежом, и многое ему удалось здесь, что, однако, не спасло его от критики как за рубежом, так и внутри страны.

Авторитет Хайле Селассие на международной арене резко контрастировал с социально-экономической отсталостью Эфиопии, консервативностью его режима. Этот-то все увеличивающийся разрыв негативно влиял на традиционную приверженность эфиопского населения короне, содействуя росту антиимператорских, антифеодалных настроений.

Намного большая, чем прежде, включенность Эфиопии в мировую политику, превращение ее в субъект международных отношений, размещение в Аддис-Абебе штаб-квартир ОАЕ и ЭКА, проведение в столице многочисленных международных конференций, участие страны (пусть и с умеренных позиций) в движении

неприсоединения, активность на Африканском континенте — все это приобщало население к глобальным и региональным проблемам современности, знакомило его с многообразными внешнеполитическими концепциями и их идеологическими оценками, а также побуждало различные слои общества вырабатывать собственное отношение к акциям эфиопского правительства на международной арене и мировым событиям. В условиях, когда в Эфиопии все большее число людей интересовалось внешнеполитическими процессами и явлениями, становились очевидной ограниченность антиимпериалистической, антиколониальной деятельности Аддис-Абебы, декларативность многих ее заявлений, консерватизм режима во внутренней политике, его архаичность.

Влияние церкви на общественную жизнь страны

Эфиопская церковь, представляя собой крупную социальную силу, заметно влияла на экономическое, политическое и духовное развитие общества. Ее духовная власть распространялась на 67% населения страны. Став официально государственной религией, христианство монофиситского толка укрепило свои позиции в стране, еще более упрочило церковные связи со светской властью.

После напряженной и продолжительной борьбы с Коптской патриархией эфиоттская церковь в результате активной поддержки правительства и лично императора добилась в 1959 г. автокефального статуса. Полученная, таким образом, долгожданная самостоятельность ускорила процесс окончательного подчинения церкви государству, ее превращения в один из структурных элементов абсолютной монархии. Это дало возможность осуществить также строгую централизацию церковного управления, [260] образовав в том числе 14 епархий с предоставлением каждой из них права контроля над духовной жизнью и административно-конфессиональными делами на соответствующей территории. Автокефальность позволяла эфиопской церкви развернуть активную религиозную деятельность по стране, а также включаться в работу различных международных христианских организаций.

Усилению ее влияния способствовало и то, что многие христианские праздники объявлялись общегосударственными, в то время как иные религиозные (не христианские) торжества носили локальный, заведомо ограниченный характер. Повысилась роль духовенства в принятии политических решений, поскольку высшие иерархи эфиопской церкви вошли в различные государственные органы (Совет короны, парламент и т. д.). Более того, священно- и церковнослужители становились фактически государственными служащими, причем большинство из них получали из правительственной казны жалованье и пенсионное обеспечение.

Церковь не знала финансовых трудностей. Государство выделяло на нее громадные суммы денег, достигавшие нескольких миллионов эф. долл. «Мы не испытываем... (финансовых трудностей.— *Авт.*), — говорили члены делегации эфиопской церкви, посетившей Советский Союз по приглашению Русской православной церкви, — потому что, когда они возникают, их быстро решают с помощью правительства» [115, 1967, № 2, с. 22]. Обеспечивая церкви большую финансовую помощь, государство тем самым изымало значительную часть национального дохода на нужды отнюдь не производственного назначения. Помимо удовлетворения потребностей самой церкви оно пыталось таким образом усилить императорский режим, а также поднять его престиж в христианском мире и получить определенные выгоды внешнеполитического порядка.

Власти предоставили эфиопской церкви значительные льготы в фискальной области, освободив ее от налогообложения. Налоги с земельной собственности (около 20% обрабатываемой площади), достигавшие 5 млн. эф. долл. и даже более, поступали в церковную казну, что намного увеличивало финансовое могущество эфиопской церкви. Да к тому же крестьяне, сидевшие на церковно-монастырских землях, выполняли,

согласно правительственным постановлениям, различные повинности в пользу церквей и монастырей и делали многочисленные подношения служителям культа. Кроме того, на церковь не был распространен подоходный налог, введенный в 1967 г. па крупных землевладельцев. Она же оказывала решительное сопротивление, когда правительство пыталось добиться от нее хоть каких-нибудь поступлений в государственную казну. И это — при условии, что она продолжала получать огромные субсидии от властей, поскольку конституция 1955 г. гарантировала ее содержание за счет государства. [261]

Являясь неотъемлемой частью эфиопского абсолютизма, эфиопская церковь активно поддерживала классовую политику императорского режима. Роль церкви в системе государственного принуждения была велика. Консерватизм и устойчивость христианско-монофиситской идеологии обуславливались господством феодальных производственных отношений, возможностью церкви, лишенной собственного феодального войска, использовать военно-полицейский аппарат, а также ее подчиненностью светской власти. Материальные субсидии правительства, огромная движимая и недвижимая собственность создавали экономическую основу могущества эфиопской церкви и делали ее связь с режимом еще более ощутимой. Она располагала современными средствами идеологического воздействия (радио, печать, телевидение). В 12596 различных храмах, действовавших в 1970г., богослужение отправляли почти 192 тыс. священников, диаконов и дэбтэра. Опору церкви составляли также 800 монастырей, насчитывавших в целом десятки тысяч обитателей. В традиционных приходских школах, имевшихся при каждой церкви или монастыре, дети обучались началам грамоты, запоминали многочисленные молитвы, воспитывались в духе безоглядной приверженности монарху и патриархии. При этом нельзя не отметить негативного отношения церкви к современному образованию, ибо в нем она видела угрозу своим позициям.

Эффективность той идеологической обработки, которой подвергала церковь свою паству, находилась в прямой зависимости от общественно-политического кругозора массы духовенства, ее морального облика и, наконец, богословской подготовки священно- и церковнослужителей. Вполне очевидно, что полуобразованный, а тем более совершенно невежественный церковник не мог вести за собой верующих.

Часть населения страны, видя консерватизм церкви, невежество, пьянство и стяжательство ее служителей, в условиях кризиса императорского режима начала проявлять религиозный индифферентизм. Особенно бросалось в глаза равнодушие к религии среди учащейся молодежи, фабрично-заводского пролетариата, творческой интеллигенции и местной буржуазии. Вдобавок ко всему охлаждение этих слоев общества к религии сопровождалось растущей неприязнью, а иногда и открытой враждебностью к ее служителям. Да и сами церковники порой не отличались религиозным рвением. «Церковь сожалеет, — говорил на специальном совещании председатель „Ассоциации эфиопской церкви“, созданной в целях укрепления веры и позиций церкви, — что ее паства — нетвердые верующие, а некоторые представители духовного сана не настолько верующие по сравнению со своими отцами. Верующих часто обвиняют в слабости веры» (цит. по [258, с. 146]).

Падение религиозности наблюдалось даже среди слушателей пяти богословских школ и теологического колледжа, открытого в 1962 г. Выпускники колледжа предпочитали поступать на государственную [262] службу. Снижение религиозного духа и сознания своего пастырского долга у части духовенства сопровождалось нареканиями в адрес существовавшего строя. Немало церковников, получивших образование за границей, резко негативно относились к императору, высшим церковным иерархам. Ослабление доверия к Хайле Селассие и церковному руководству наблюдалось также у части низшего духовенства, которое рекрутировалось главным образом из крестьянской среды и по уровню образования и образу жизни (да и нередко материальному положению) мало чем отличалось от нее. В знак протеста против официальной религии, прочно

связанной с монархом, некоторые верующие переходили в иное христианское вероисповедание, представленное в Эфиопии (всего в стране действовала 31 иностранная христианская миссия).

В последние годы царствования Хайле Селассие в городских кругах духовенства распространились либерально-обновленческие воззрения, имевшие тенденцию к перерастанию в либерально-демократическое течение. Это отражало в религиозной Форме интересы либеральной буржуазии, а также некоторых фугих слоев общества, недовольных императорским режимом.

Эфиопская церковь как социальный институт недостаточно энергично реагировала на неудобный для ее руководства ход событий, в том числе и в стране в целом. Правящие круги вынуждены были также потребовать, чтобы церковь не только осуществляла свою деятельность в соответствии с запросами времени, но и опережала их [110, 10 гынбот, 1959]. Еще раньше, в 1963 г., власти санкционировали создание специального «комитета по распространению веры», задачи которого сформулированы были, по существу, уже в самом названии. Активизировала свою пропагандистскую работу среди молодежи «Организация христианской молодежи», действовавшая с ведома правительства и под эгидой патриархии.

В целях упрочения воздействия церкви на умонастроения людей усилились ее внешние связи с другими христианскими церквами, но в русле внешнеполитических концепций эфиопского правительства. Она участвовала во Всемирном совете церквей, в Христианской мирной конференции, Всеафриканской конференции церквей и других международных христианских организациях, а также в экуменическом движении.

Наметились также зарубежные контакты с нехристианскими религиозными конгрегациями, особенно с мусульманскими. Это делалось в попытке нейтрализовать влияние извне исламского «ренессанса» и растущее недовольство местных мусульман (почти четверть населения). Кроме того, расширением связей с исламскими организациями за рубежом эфиопская церковь стремилась сбить волну обвинений в адрес правительства по поводу притеснения мусульман в Эфиопии, а также устранить угрозу создания единого антиэфиопского фронта мусульманских государств, к чему стремились правители Сомали. [263]

Опасаясь нараставшего политического пробуждения прежде всего мусульманских народов официальная церковь неизменно следовала дискриминационным указаниям правительства в национальном и религиозном вопросах. Светские мотивы широко вторглись в ее деятельность, постепенно приобретая доминирующее положение.

Она проводила политику обращения в христианско-монофиситскую веру среди нехристианских народов, и особенно среди мусульман. Однако все попытки оказались в целом неудачными. Более того, это вызывало еще большее сопротивление со стороны нехристиан. Своеобразной формой протеста стало быстрое возвращение большинства насильственно обращенных в монофиситство в лоно своих прежних религий.

Разрыв между политикой церкви и требованиями жизни осознавался, таким образом, не только христианами-монофиситами, но и приверженцами иных религий. Это способствовало пробуждению масс, ибо они убеждались в том, что имеют дело с враждебной им политической силой.

Положение в армии. Декабрьское восстание 1960 г.

Со второй половины 50-х годов все, казалось бы, свидетельствовало о стабильности императорского режима. Тем более, что власти, действуя в духе официальной идеологии прославления Хайле Селассие и абсолютистско-монархических устоев, скрывали данные о росте недовольства и волнениях в стране. В своих целях они ловко использовали некоторую инертность эфиопского крестьянства, вызванную жесточайшей эксплуатацией, жизненной безысходностью, этноконфессиональной и

регионалистской дискриминацией, патриархальщиной, консервацией отсталых отношений в деревне, а также социально-психологическими представлениями, свойственными феодальному и дофеодальным обществам. В Аддис-Абебе сознательно подчеркивали (и даже стремились культивировать) некую жизненную индифферентность и якобы извечную привязанность эфиопов к феодальным условиям существования и монархическим идеалам [345, с. 102—103; 346, с. 15]. Эта точка зрения получила даже «научное» обоснование в буржуазной литературе, где писали об отсутствии у населения Эфиопии чувства новизны, стремления к переменам, к изменениям в своей судьбе и о неприятии им достижений современной цивилизации (см. [271, с. 34, 35, 37]).

Однако при кажущейся покорности народных масс, бессловесного повиновения монарху и аристократии начиная с 1956 г. властям постоянно приходилось иметь дело с крестьянскими восстаниями, волнениями городской бедноты, широкими движениями на этноконфессиональной основе, нередко отстаивавшими сепаратистские цели, а также антиправительственными [264] выступлениями армейских кругов, профсоюзов и студенчества, недовольных порядками в стране. Брожение охватило все слои эфиопского общества.

Известное революционизирующее влияние на страну оказала попытка государственного переворота в декабре 1960 г., предпринятая демократически настроенными высшими офицерами и генералами императорской гвардии, полиции и службы безопасности и рядом гражданских чиновников. Руководство неудавшимся переворотом осуществлял Совет революции, возглавляемый братьями Ньуай — командующим императорской гвардией бригадным генералом Мэнгысту и губернатором Джиджиги Гырмаме.

Антиимператорское выступление гвардейских частей, дислоцированных в Аддис-Абебе, началось поздно вечером 13 декабря. На следующий день было объявлено о низложении Хайле Селассие, находившегося тогда с государственным визитом в Бразилии, о передаче наследному принцу Асфа Уосэну общего руководства страной, образовании представительного народного правительства во главе с премьер-министром расой Имру Хайле Сылллесе и назначении генерал-майора Мулюгеты Були начальником генерального штаба вооруженных сил Эфиопии. Прежний режим осуждался за деспотизм, коррупцию и nepотизм, а также отсталость Эфиопии. В обнародованной программе пообещали помощь крестьянам, туманно упомянув о радикальной аграрной реформе, гарантировалась безопасность иностранных капиталов, сообщалось о предполагаемом широком развитии образования, промышленном строительстве, предоставлении населению различных гражданских свобод, решении проблемы безработицы и о создании единых вооруженных сил страны вместо их деления на армию и императорскую гвардию. В ней указывалось также на то, что «новое правительство восстановит историческое место Эфиопии в мире» и, сохранив свои международные обязательства, «продолжит существующие отношения с дружественными нациями» [311, с. 402—403]. Расплывчатость этого документа никак не вязалась с действительными прогрессивными намерениями Гырмаме Ньуая, являвшегося идейным вдохновителем переворота и придерживавшегося, по мнению эфиопских студентов за рубежом, социалистических идей, а по утверждению многих придворных — коммунистических взглядов [311, с. 364].

Нечеткость программы и привлечение к руководству (хотя и номинальному) Асфа Уосэна, Имру Хайле Сыллесе и Мулюгеты Були, по-видимому, предназначались для того, чтобы успокоить монархические круги общества, традиционную знать, армейских офицеров, среди которых был популярен новый начальник генерального штаба, а также создать иллюзию незыблемости феодально-монархических принципов. Это был тактический шаг Совета революции, но он себя тогда мало оправдал.

Неясность целей переворота, слабое использование средств [265] массовой пропаганды, недостаточная информированность (а во многих случаях дезинформированность) большинства участников движения о его задачах, известная

нерешительность и декларативность заявлений руководителей, вольный или невольный отказ от привлечения на свою сторону широких слоев населения, отсутствие наступательных действий со стороны Совета революции, его неспособность нейтрализовать армейский генералитет, сохранивший преданность Хайле Селассие и сумевший бросить мощную военную группировку против восставших частей гвардии,— все это не способствовало успеху Совета революции. Возвращение в страну 16 декабря Хайле Селассие помогло стабилизировать положение.

В тот же день стало известно о том, что незадолго до бегства оставшиеся в живых организаторы восстания расстреляли 15 самых влиятельных сановников империи, захваченных еще 13 декабря. Все они (премьер-министр рас Аббэбэ Арэгай, генерал-губернатор Тыграя рас Сьном Мэнгэша, придворный священник Абба Ханна Джемма, генерал Мулюгета Були, отказавшийся присоединиться к восставшим и др.) рассматривались Советом революции как наиболее ответственные за бедствия народных масс и отсталость страны. Устраняя этих деятелей, руководители переворота надеялись расчистить путь в высшие правительственные сферы прогрессивно мыслящим молодым людям.

Вскоре последние очаги сопротивления восставших были ликвидированы. В ходе боев многие руководители погибли, другие, в том числе Гырмале Ньуай, покончили с собой. Мэнгысту Ньуая тяжелораненым схватили, вылечили, предали суду, а затем казнили. Немало участников переворота было отправлено в тюрьмы, на каторжные работы. В армии, гвардии, полиции и службе безопасности произвели чистку. Всех подозреваемых в соучастии или в сочувствии выслали в отдаленные районы.

Однако последствия неудавшейся попытки переворота для судеб страны оказались значительными, так как она содействовала дальнейшему пробуждению народных масс. Некоторые зарубежные авторы считают даже, что это событие «является поворотным пунктом в эфиопской истории» (см. [309, с. 237]). Впервые выступление значительной части вооруженных сил было предпринято не в целях простой смены монарха, а для осуществления радикальных реформ, для изменения социально-экономического облика Эфиопии. На первом съезде КОПТЭ подчеркивалось, что военные-демократы, участвовавшие в перевороте 1960 г., «внесли заметный вклад в освободительную борьбу угнетенных масс Эфиопии... которые наглядно убедились в возможности бросить вызов правителям, имевшим ореол святости» [49, с. 20]. В правительственном сборнике материалов к 10-й годовщине эфиопской революции специально подчеркивалось, что «попытка государственного переворота в [266] 1960 г.— важная веха в борьбе масс, так как показала возможность уничтожить феодальный строй» [43, с. 22].

Декабрьское восстание 1960 г., поколебавшее основы императорского режима, произошло не случайно. Гордые своей героической историей, трехтысячелетней независимостью, мужественным сопротивлением иноземным захватчикам, эфиопы на рубеже 50—60-х годов неожиданно для себя обнаружили, что их родина оказалась наименее развитой даже в сравнении со многими африканскими государствами, только что добившимися освобождения от колониального господства. Об этом не раз говорили руководители декабрьского восстания. Национальная уязвленность требовала решительных реформ, отказа от курса на сохранение и укрепление абсолютной монархии.

Многие в стране, и особенно в армии, были потрясены масштабами голода в 1958—1959 гг., вызванного продолжительной засухой и унесшего только в провинции Уолло более 100 тыс. жизней [265, с. 102]. Косвенно признал серьезность положения в те годы и Хайле Селассие, заявив в 1958 г., что «засуха нанесла значительный ущерб сельскому хозяйству» [69, с. 485].

Массовый голод и смерть вызвали крестьянские волнения в 1959 г. в Уолло и на юго-западе страны. В их подавлении участвовали армейские подразделения. Жестоко расправились власти с крестьянами-дараса в апреле 1960 г., когда те сопротивлялись изъятию принадлежавшей им земли дочерью Хайле Селассие [332, с. 12—13]. Эти и

многие другие факты, особенно нетерпимые в условиях всеэфиопского бедствия, еще раз заставили задуматься передовые умы общества, в том числе и армии, в отношении роли абсолютизма в судьбах страны.

Сопровождая Хайле Селассие в поездках по стране, Мэнгысту Ньуай видел всю нищету и страдания крестьян. Однажды, будучи потрясен очередной тягостной картиной обездоленной жизни в деревне, он в нарушение этикета спросил императора: «Нельзя ли что-то сделать для улучшения положения крестьян?». Последовал резкий ответ: «Экономика — не ваша забота». Эти слова отразили стремление монарха держать армию вне общественных интересов и реальных потребностей страны, сведя деятельность вооруженных сил исключительно в русло слепого подчинения императорской власти. Однако монарху все-таки не удалось полностью изолировать армию от общественных процессов, происходивших в стране. Определенное воздействие на политические настроения в армейской среде оказывали присутствовавшие в стране военные миссии США, Швеции, Норвегии и Индии, обучавшие эфиопские вооруженные силы. Засилье американцев в военном ведомстве, их высокомерие и открытая поддержка императорского режима со временем вызвали у патриотов-военнослужащих чувство антиамериканизма.

В офицерском корпусе, определяющем политическое лицо армии, наряду с верноподданническими настроениями распространялись и демократические воззрения. С середины 50-х годов [267] среди офицеров, имевших современное образование, сложилось мнение о необходимости упразднить императорский режим. Возникло несколько нелегальных групп, к некоторым из них примкнули и гражданские лица [333, с. 28].

Одним из центров роста антиимператорских настроений в армии стала Военная академия в Харэре, открытая в 1958 г. В ней преподавали преимущественно индийские офицеры. В числе ее выпускников оказалось немало подлинных патриотов Эфиопии, демократически мыслящих офицеров, революционеров. В 1958—1960 гг. среди слушателей и эфиопов-инструкторов академии вел активную работу Гырраме Ньуай [311, с. 361—362]. В возникшей десятилетие спустя тайной военной организации, ставившей целью свержение императора, заметную роль играли те, кто закончил военный курс в Харэре. Большая часть офицеров-харэрцев придерживалась антиимпериалистических и атеистических взглядов, которые, кстати, широко распространились к 70-м годам в офицерском корпусе.

Прогрессивные идеи были присущи также многим кадетам и выпускникам военного училища в Холета, где под руководством шведов готовили офицеров преимущественно для императорской гвардии и куда набирали главным образом молодежь, не принадлежавшую к элитарным слоям общества. В декабрьском восстании 1960 г. участвовали более 30 выпускников училища. Да и в последующие годы те, кто учился в Холета, не раз предпринимали антиимператорские акции [313, с. 222—227].

Отношения между выпускниками различных учебных заведений, в том числе зарубежных, были далеко не идеальны. В офицерском корпусе, как и в солдатской массе, власти сознательно насаждали дух соперничества, стремясь противопоставить боевые части друг другу. В этом, кстати, крылась одна из причин того, что в декабре 1960 г. армия не поддержала антиимператорское выступление гвардии и, более того, ведомая своими офицерами и генералами, активно защищала царствующего монарха.

Несмотря на рост прогрессивных, демократических тенденций в вооруженных силах, они в целом еще долгое время оставались оплотом императорского режима. Власти затрачивали огромные средства на их содержание и материально-техническое оснащение, включая безвозмездную американскую военную «помощь». Особую заботу режим проявлял по отношению к офицерскому корпусу, не забывались также армейские низы, получавшие, однако, гораздо меньше от «щедрот» монарха, стремившегося сохранить во что бы то ни стало лояльность военных. Офицерам не раз повышали жалованье, они одаривались обширными землями, машинами, жилыми зданиями, быстро продвигались по

службе, назначались на ответственные должности в гражданские министерства, им присваивались высокие воинские звания, феодальные титулы, они награждались орденами и медалями и т. д. [268]

В Эфиопии постоянно росла численность вооруженных сил, достигнув к середине 70-х годов почти 45 тыс. человек. Они распределялись следующим образом: сухопутные войска — 40,9 тыс., ВМС—1,4 тыс., ВВС — 2,2 тыс., кроме того, территориальная армия — 9,2 тыс. человек на действительной службе, мобильная полиция — 6,2 тыс., пограничная жандармерия —1,2 тыс., командос — 3,2 тыс., офицерский корпус — около 2 тыс. человек [350, с. 39—40]. Они дислоцировались главным образом в провинции Шоа, и прежде всего в столице, в Эритрее, где велись в течение многих лет боевые действия против сепаратистов, и на юго-востоке. Такая территориальная концентрация армейских подразделений усиливала их корпоративность, но вместе с тем создавала благоприятные возможности для политизации вооруженных сил, для быстрого налаживания связей в случае необходимости совместных действий, а также для активного обмена мнениями по поводу происходящих событий и охвата политической работой большего числа военнослужащих. И не случайно поэтому властям пришлось затратить немало усилий, чтобы подавить волнения в армии в 1961, 1966 и 1968 гг., в которых участвовали значительные контингенты войск.

К середине 70-х годов в армии обострились отношения между рядовыми, сержантами и младшими командирами, с одной стороны, и старшими офицерами и генералами — с другой. Со всей отчетливостью стало ясно, что армия — это сколок контрастов, свойственных стране в целом. Армейские низы все более нетерпимо относились к унижительным условиям своего существования и службы, к жестокости высших офицеров. Для них не составляла секрета коррумпированность гражданских и военных руководителей, многие из которых через брачные союзы породнились с аристократией. Им была хорошо известна тяжелая ситуация в деревне.

Не обошли стороной армию и межэтнические, конфессиональные и регионалистские противоречия. До 40% армейских низов составляли оромо. Они, как и представители других, не амхарских народов, реже продвигались по службе, чаще притеснялись. Офицеров — не амхара было немного в сравнении с амхара: в 1972 г. армейских офицеров в ранге подполковника и выше было из оромо около 21%, а амхара — 65%.

Определенным следствием этнической ущемленности оромо, роста их этнополитического самосознания и стремления повысить собственную роль в эфиопском государстве явились ноябрьские (1966) события в территориальной армии, когда группа офицеров-оромо во главе со своим командующим генералом Таддэсэ Бырру была арестована по обвинению в организации заговора против императора. Одновременно была запрещена «Ассоциация самопомощи меча-тулама», которая все больше превращалась в этнополитическую партию всех оромо и которая возглавлялась генералами Таддэсэ Бырру, Давидом Абди, Джегама Кело и полковником в отставке Алему Китесса.

Случалось, что солдаты-оромо отказывались участвовать в расстрелах крестьян-оромо, поднявшихся против притеснений местных помещиков-амхара. Рядовые других неамхарских национальностей поступали иногда таким же образом в отношении своих взбунтовавшихся соплеменников.

Армия, прежде всего солдаты, сержанты и младшие офицеры, [269] набиравшиеся в основном из крестьян или разночинцев, не могла остаться безучастной к жестоким расправам, совершаемым по приказу дворца над мятежным людом. Чем больше вооруженные силы использовались для подавления крестьянских восстаний, студенческих волнений, забастовок трудящихся и этнополитических движений, тем больше зрел в них внутренний антифеодальный, антиимператорский, антимонархический протест. Демократизации военных способствовали учеба многих из них по вечерам в Университете Аддис-Абебы, открытом в 1961 г., общение со студентами, рабочими и профсоюзными

активистами, творческой интеллигенцией, знакомство с их взглядами, идеями, достижениями мировой цивилизации.

Рабочее движение

Одновременно с политизацией армии после декабрьского восстания 1960 г. наблюдался подъем рабочего движения. Создав свои организации, фабрично-заводской пролетариат способствовал расшатыванию устоев императорского режима в борьбе за лучшую жизнь в Эфиопии, в подготовке революционных событий 1974 г.

На рубеже 50—60-х годов рабочие многих промышленных предприятий Эфиопии, возмущенные тяжелыми условиями труда, низкой заработной платой и произволом предпринимателей, образовали в защиту своих прав несколько десятков профсоюзов. Вместе с тем они стремились к организации единого профсоюзного центра, который взял бы на себя функцию общенационального руководителя их движения. Власти неоднократно отказывали им в этом, но в конечном счете пошли все же на уступки трудящимся. В апреле 1963 г. возникла Конфедерация профсоюзов Эфиопии (СЕЛУ), куда вошли 29 местных профсоюзов с 15 тыс. членов.

Первым ее президентом был выдающийся организатор профсоюзного движения в Эфиопии простой рабочий с фабрики по производству волокна Абэрра Гэму, последовательно отстаивавший интересы трудящихся и не поддававшийся ни на какие посулы и угрозы властей в целях сотрудничества с ними [153, 1981, т. 1, № 4, с. 24—26]. Вскоре после того, как в июле 1963 г. Генеральный совет СЕЛУ потребовал прекращения безосновательных увольнений рабочих, улучшения условий их труда, немедленного пресечения практики юридического и полицейского преследования рабочих и назначения им пенсий и пригрозил всеобщей забастовкой в случае отказа властей в удовлетворении этих требований в течение 60 дней, Абэрра Гэдаму, как пишет журнал «Мэскэрэм» с явным намеком на участие императорской охраны, «покончил жизнь самоубийством». Такая участь постигла затем и ряд других демократических лидеров СЕЛУ, в результате чего в руководстве Конфедерации оказалось большое число «ренегатов рабочего дела» [153, 1981, т. 1, № 4, с. 26—27]. Это, конечно, содействовало установлению правительственного контроля над профсоюзами, деятельность которых была разрешена еще в августе 1962 г.

Профсоюзная верхушка распространяла среди трудящихся легалистские и реформистские взгляды, вступила в Международную [270] конфедерацию свободных профсоюзов, препятствовала выдвижению рабочими и служащими политических требований, а также сдерживала забастовочную борьбу. Однако, несмотря на репрессии и подкуп лидеров, профсоюзное движение в Эфиопии разрасталось. К началу 1974 г. в СЕЛУ входило уже 180 местных и отраслевых союзов примерно с 90 тыс. членов. К этому же времени они, вопреки порой указаниям лидеров СЕЛУ и правительственным запретам, провели несколько крупных стачек, вынудивших правящие круги считаться с рабочим классом как важной социальной силой. Бастовали неоднократно также рабочие и служащие государственных и смешанных компаний и предприятий, которым власти не разрешали объединяться в профсоюзы. Страну буквально потрясли забастовки трудящихся компании «Эфиопиэн эйрлайнз» в 1965, 1967 и 1969 гг., водителей автобусов и печатников в 1966 г. Рабочие с большими трудностями добивались заключения коллективных договоров с предпринимателями: за первые семь лет существования СЕЛУ их было подписано всего лишь тринадцать. Росту самосознания рабочих содействовал печатный орган СЕЛУ «Йесэратэння дымц», в котором большей частью публиковались материалы просветительного характера, а также статьи и заметки о деятельности профсоюзов и жизни трудящихся. Отступничество многих профсоюзных руководителей не раз подвергалось критике со стороны рядовых членов профсоюзов или тех их лидеров, кто сохранил верность подлинным интересам

трудового народа. Конфликт между правыми и демократическими силами в СЕЛУ обострялся.

В 1970 г., несмотря на возражения реформистской группировки, Генеральный совет СЕЛУ постановил провести всеобщую забастовку в связи с отказом властей ввести прогрессивное трудовое законодательство, разрешить организацию профсоюзов на государственных и смешанных предприятиях и в учреждениях, а также резким ухудшением материального положения рабочих и служащих (например, реальная заработная плата рабочих в 1964—1974 гг. сократилась на 60%, стоимость жизни в Аддис-Абебе за счет роста розничных цен в 1963—1968 гг. увеличилась на 27,8%). Только личное вмешательство императора, заверившего рабочих в скором принятии необходимых мер для удовлетворения требований СЕЛУ и создавшего даже для этих целей специальную комиссию, предотвратило всеэфиопское выступление трудящихся города. Однако это обещание монарха, как и большинство других, не было выполнено.

Противники превращения СЕЛУ в подлинного защитника интересов трудящихся попытались разделить в 1973 г. эту организацию по региональному принципу с центрами в Аддис-Абебе, Асмэре и Дыре-Дауа. Осуществить подобный план, с которым не соглашалось большинство рядовых членов профсоюзов, руководителям СЕЛУ не удалось: наступил революционный [271] 1974 год, когда им пришлось менять подходы к жизненно важным проблемам, чтобы удержать профсоюзную власть в своих руках.

К середине 70-х годов эфиопский пролетариат, находившийся в стадии своего формирования, еще не стал силой, активно выступающей за политическое переустройство общества. В его забастовочном и профсоюзном движении преобладали экономические требования. Имея мощные антифеодальные, антиимператорские и социально-освободительные потенции, рабочий класс Эфиопии сумел реализовать их во многом только в ходе революционных событий, начавшихся в 1974 г.

К концу 60-х годов наметились контакты профсоюзов со студентами, что способствовало распространению в рабочей среде новых идеологических концепций и взглядов, в том числе марксистско-ленинских. Рабочие и студенты не раз материально поддерживали друг друга во время забастовок. Вузовская молодежь, открыто заявившая о своей оппозиции режиму и ставшая наиболее активным его противником на протяжении 60-х — начала 70-х годов, помогала издавать профсоюзную газету, организовала курсы по ликвидации неграмотности среди рабочих (грамотность членов СЕЛУ, включая аппарат, — менее 30%) [327, с. 15] и кредитосудные товарищества, проводила с ними различные семинары и выступала с лекциями перед рабочей аудиторией, а также неоднократно присоединялась к бастовавшим на заводах и фабриках, на транспорте и дорожном строительстве.

Общественная активность студенчества

Декабрьское восстание 1960 г. получило открытую поддержку лишь со стороны студенчества, насчитывавшего к началу 60-х годов около 1 тыс. человек (спустя 15 лет их было уже почти в десять раз больше). Учащиеся аддис-абесских колледжей, услышав о перевороте, вышли на улицы, скандируя: «Наша цель — свобода, равенство, братство!», «Мы с новым правительством!» и другие лозунги аналогичного характера. Это был первый крупный политический шаг студентов, который знаменовал собой, во-первых, начало их активной антиимператорской деятельности и, во-вторых, повышение роли студенчества в общественной жизни страны.

Массовым демонстрациям студентов в декабрьские дни 1960 г. предшествовали зарождение контактов с офицерами, направление по указанию императора на военную службу многих выпускников и учащихся колледжей, а также жаркие дискуссии в студенческой среде о политических и экономических проблемах страны, о международных делах. Подъему студенческой активности способствовало дискуссионное

общество, созданное в Университетском колледже в 1956 г. [141, 1957, [272] 272 т. 1, № 3, с. 103]. Заметное влияние на них оказали студенты-африканцы, прибывавшие в Аддис-Абебу на учебу по приглашению правительства. Несмотря на контроль со стороны властей, учащаяся молодежь стремилась к студенческому самоуправлению, к увеличению своей роли в общественной жизни, к организованному движению.

Студенческий совет Университетского колледжа, действуя от имени всех студентов страны, присоединился к Координационному секретариату Международной студенческой конференции со штаб-квартирой в Лейдене. В 1959 г. он начал издавать собственную газету «Кампус стар», выпуск которой вскоре был запрещен. Публиковавшаяся под наблюдением декана факультета изящных искусств газета «Вьюс эпд ньюс», несмотря на ее официальный характер, заметно оживляла студенческую жизнь, повышала самосознание учащихся. Ими было проведено несколько кратковременных забастовок. Одна из них предшествовала открытию в 1960 г. в Аддис-Абебе международного семинара по изучению Восточной, Западной и Центральной Африки.

11 декабря 1960 г., т. е. за два дня до начала выступления Совета революции, конференция представителей студентов различных колледжей приняла решение о создании в ближайшее время Национального союза студентов Эфиопии. А незадолго до этого Хайле Селассие, обеспокоенный ростом бунтарского духа среди учащихся высших учебных заведений, потребовал от них «дисциплины, дисциплины и еще раз дисциплины» в соответствии с абсолютистско-монархическими идеалами [311, с. 369]. Своеобразным ответом на императорский призыв явилась поддержка студентами декабрьского переворота.

Уже после жестокой расправы с его участниками не без поддержки студентов в Аддис-Абебе распространялся памфлет по случаю дня рождения Хайле Селассие, подписанный именем «нового правительства Эфиопии». В нем осуждался император за якобы предательство в годы итало-эфиопской войны. «Йоханнис,— отмечалось в памфлете,— пал смертью храбрых в битве при Мэтэме, Теодрос застрелился в Мэкдэле, не желая сдать англичанам, Менелик одержал великую победу при Адуа, а Вы ... просто бежали из-под Май-Чоу» [311, с. 214; см. также 271, с. 59].

На распространении вольнолюбивых идей среди студенчества позитивно сказалось открытие в 1961 г. университета в Аддис-Абебе, объединившего все колледжи страны, а в 1967 г.— в Асмэре. Это сплачивало студентов, усиливало у них стремление к организованным формам борьбы.

Заметной вехой в студенческом движении явились события 1965—1966 гг., когда студенты, потрясенные массовой гибелью крестьян Северной Эфиопии из-за голода в связи с засухой (только в Тыграе умерло более 250 тыс. человек [265, с. 81]), провели ряд антиправительственных манифестаций в Аддис-[273]Абебе. Выдвинутый тогда лозунг «Землю тем, кто ее обрабатывает!» «служил в качестве объединяющего фактора для всех эфиопских борцов и демократов» [153, 1980, спецвыпуск, с. 9].

Весной 1969 г. после многодневного студенческого бунта, в ходе которого участники выдвинули наряду с экономическими политические требования (отставка министра просвещения и изящных искусств, изгнание американского «корпуса мира») и призвали крестьян, рабочих и солдат к восстанию, власти признали, что существование режима находится под угрозой [318, с. 171]. Не раз студенческие волнения, в которых нередко принимали участие учащиеся школ, парализовывали жизнь в городах, и особенно в Аддис-Абебе.

В годы, непосредственно предшествовавшие революции 1974 г., студенты провели несколько мощных антиправительственных выступлений, которые накалили обстановку в стране.

Желая сбить волну студенческих протестов, власти использовали грубую военную силу, полицию, такие методы, как закрытие университета, интернирование студентов, высылку их в сельскую местность в особые лагеря для перевоспитания и даже убийство

лидеров учащейся молодежи. Иногда они шли ей на уступки. В 1972 г. в качестве превентивной меры полиция отправила в трудовые лагеря сроком до трех месяцев свыше 1 тыс. студентов, а больше половины всего контингента учащихся университета были отчислены [149, 1972, № 45, с. 31]. В 1968 г. власти закрыли студенческую газету и распустили Национальный союз студентов Эфиопии, на создание которого они несколько лет тому назад дали согласие. В сентябре 1969 г., надеясь предотвратить разрастание конфликта со студентами, правительство по их требованию уволило в отставку министра просвещения и изящных искусств и амнистировало ранее осужденных учащихся. В январе 1970 г. при усмирении учащихся было убито 10 человек и 100 ранено [309, с. 250]. Год спустя правительство, отказавшись от репрессивных мер в отношении студентов, выступавших против резкого роста цен на товары первой необходимости и повышения проездной платы в городском транспорте, объявило о сдерживании цен.

В предреволюционные годы студенты выступали с критикой коррупции в правящих сферах, бездеятельности высокопоставленных чиновников, процветавшего взяточничества в государственной администрации, этноконфессиональной дискриминации, отсталости страны, ограниченности реформ, предлагавшихся режимом, настаивали на глубоких социальных, экономических и политических переменах в обществе (например, осуществление радикальной аграрной реформы, реализация права народов на самоопределение, предоставление гражданских свобод и др.), обвиняли Хайле Селассие за тяжелое экономическое положение страны и анахронизм ее политической системы [345, с. 359], а также распространяли листовки, в которых народным массам разъяснялись причины их страданий, нищеты и несправедливости. [274] В их поле зрения находились и актуальные международные проблемы: многие студенческие демонстрации были против грязной войны США во Вьетнаме, расистских режимов на юге Африки, агрессивных акций США и других империалистических держав во многих афро-азиатских и латиноамериканских странах, многочисленных заграничных поездок императора, крупных расходов на всевозможные приемы зарубежных визитеров, втягивания Эфиопии в орбиту американской политики, слишком умеренных шагов правительства во внешней политике.

На формирование взглядов студентов и других общественных слоев большое влияние оказали успехи мирового социализма, переход на путь социалистической ориентации ряда африканских и азиатских государств, знакомство с жизнью Советского Союза, социалистического содружества.

В студенческой среде сложилось несколько нелегальных групп и кружков. Часть из них занимала левозкстремистские позиции, другая — представляла умеренно-либеральные взгляды и выступала за эволюционное капиталистическое развитие страны при сохранении монархии с ограниченными правами, третьи — отстаивали путь быстрого капиталистического строительства, четвертые — исходили из необходимости коренной ломки существующих общественных слоев в соответствии с марксистско-ленинским учением и т. д. Революционно-демократические подходы к решению сложных проблем Эфиопии выдвигала, например, группа «Крокодилы» (более позднее название «Движение 2 миязия»). Она призывала к радикальной аграрной реформе, национализации промышленности, введению директивного планирования, ликвидации этноконфессиональной дискриминации и т. д.

В сознании некоторой части студенчества, старшеклассников, творческой интеллигенции и государственных служащих «золотой век» страны рисовался как возвращение к временам царствования Теодроса и Менелика II. Оба они непомерно возвеличивались и противопоставлялись Хайле Селассие, при котором, как полагали эти критики здравствовавшего монарха, страна пришла в упадок.

Идеологический разброд ослаблял студенческое движение; еще худшая ситуация возникла, когда между сторонниками различных воззрений происходили ожесточенные столкновения. Несмотря на идеологические расхождения, студенчество было единодушно

в том, что существовавший режим прогнил до основания, от него необходимо избавиться, он сдерживает прогресс Эфиопии.

Широкое распространение среди студентов получило мнение об их особой, исключительной роли в революционном процессе. Они полагали, что являются единственной общественной группой, способной взять на себя ответственность за судьбы родины, за ее прогрессивное будущее. Университетская газета [275] «Страгл» 1 марта 1967 г. убеждала своих читателей в том, что от студентов, и только от них, зависит будущее страны и что студент «идет во главе марша». Такая позиция была порождена особыми социально-политическими условиями страны и мелкобуржуазной по преимуществу природой общественного бытия и миропонимания студентов.

Факт получения высшего образования, которое выделяло студентов из общей массы неграмотного населения, создавал у них иллюзию избранности и даже представление о предназначенности чуть ли не «свыше» вершить судьбами страны. Претензии на лидерство, в том числе на роль авангарда пролетариата, известное игнорирование значения трудящихся в классовой борьбе, рассмотрение их как пассивных статистов в революционном процессе [153, 1980, спецвыпуск, с. 9] — все это ограничивало общественно-политическое влияние студенческого движения и вместе с тем служило основой для противоречий между студенчеством и другими антиимператорскими силами.

В студенческой среде имелись значительные разногласия между теми, кто обучался за границей (около 2,5 тыс. человек в 1972 г.) и в самой Эфиопии. «Зарубежники», заметим попутно, «немало сделали, чтобы обратить внимание мировой общественности на эксплуататорский и деспотический характер правления Хайле Селассие» [153, 1980, спецвыпуск, с. 9]. Завершив образование, выпускники местных и зарубежных вузов сохраняли возникшие прежде между ними расхождения. Однако прав эфиопский ученый Абрахам Дэмоз, когда в конце 60-х годов писал: «Безотносительно к месту получения образования (в западных ли странах, социалистических ли государствах или будь-то в местных вузах.— *Авт.*) члены группы молодых образованных эфиопов имеют очень сходные взгляды на текущее положение дел в Эфиопии... Члены этой группы... полагают, что изменения (сделанные при Хайле Селассие) были слишком медленными и незначительными. Они убеждены в том, что экономическая и политическая власть сконцентрирована в руках горстки людей. Они сознают, что правительство — весьма некомпетентно, неэффективно и коррумпировано. Они рассматривают правительство как анахроническую феодальную монархию, где привилегированная и могущественная горстка властителей эксплуатирует и притесняет крестьянские массы и пролетариат» [264, с. 53].

Деятельность студентов, не принадлежавших к амхара, содействовала росту этнополитического самосознания отдельных пародов страны. В частности, она способствовала политизации обществ взаимопомощи, создававшихся на этнорегиональной и конфессиональной основе: «Ассоциация самопомощи гураге», «Ассоциация самопомощи меча-тулама» и др. Нередко споры по национальному вопросу выливались в студенческие волнения на этнической основе. Предлагались различные варианты решения сложных этнических проблем. Одни отстаивали принципы единого унитарного полиэтнического государства с предоставлением всем населявшим Эфиопию народам равных прав, другие — концепцию федеративного устройства, третьи — идею создания моноэтнических мини-государств и т. д.

В этих крайне полярных предложениях проявлялся известный идейно-политический разброд в студенческой среде, ее неоднородность, в том числе по социальному, этническому, конфессиональному [276] и региональному происхождению, а также идеологические шатания, столь свойственные современным средним слоям в развивающихся странах.

Учителя в борьбе за свои права

В пробуждении народных масс помимо студенчества, как «самой отзывчивой», по словам В. И. Ленина, части интеллигенции [10, с. 343], заметную роль сыграли учителя государственных школ, и особенно те, кто принадлежал к так называемой низкоквалифицированной группе (примерно 1/3 из более чем 18 тыс. учителей к началу 1974 г.). Эта группа в отличие от учительской элиты по своему социальному происхождению и имущественному положению ближе всего стояла к трудовому люду. «Низкоквалифицированные» учителя воспринимали невзгоды городской и сельской бедноты, как свои собственные. Пройдя подготовку в педагогических училищах и получив невысокую учительскую квалификацию из-за своего неполного (восьмидесятилетнего) школьного образования, они занимали невысокие позиции в государственной системе народного просвещения. В социальном плане это были наименее оплачиваемые и наиболее эксплуатируемые учителя: на их долю приходились классы с 52 учениками в каждом, в школах, где они работали, не хватало учебников, парт и помещений; элитарные же коллеги трудились в хорошо оснащенных школах и с меньшим числом учащихся в классах (по 31 человеку); в середине 60-х годов в начальной школе первые получали ежемесячно немногим более 100 эф. долл., а вторые — около 200 эф. долл.; в 1973/74 учебном году — соответственно 153 эф. долл. и 250 эф. долл. [262, с. 52]. Но даже элитарные учителя были полностью далеко не обеспечены. Дело в том, что в начале 60-х годов при годовом доходе в 2400 эф. долл. после оплаты за питание, транспорт, жилье и приобретение одежды оставалось лишь 5,4% средств на отдых, книги, газеты и т. д. «Многие служащие и младшие государственные чиновники, — отмечали американские исследователи, — живут на грани бедности...» [336, с. 149].

Несмотря на имевшиеся противоречия в учительской среде из-за неодинаковых условий труда и зарплаты, преподаватели школ в своей массе придерживались радикальных взглядов. Под их давлением Ассоциация учителей Эфиопии, руководство которой было консервативно настроено, все решительнее отстаивала интересы рядовых членов. В 1968 г. в результате крупной забастовки учителей правительство повысило им заработную плату. В 1973 г. они вновь прекратили занятия в классах, потребовав очередного повышения жалованья, ибо вследствие роста стоимости жизни у них не хватало средств даже на самое необходимое. На этот раз забастовавшие учителя выступили [277] и против намечавшейся правительственной реформы школьного образования, основное содержание которой стало известно; общественности. В этом их поддержали студенты и старшеклассники.

Вопрос о школьной реформе приобрел особое значение в предреволюционной Эфиопии. Развернувшиеся дискуссии вокруг него, массовые манифестации протеста против правительственных предложений, открытая критика руководства страны в связи с предлагавшимися изменениями — все это активизировало различные слои общества, усиливало антиимператорские настроения.

Демократические силы уже много лет как настаивали на радикальной перестройке школьного образования, которое должно было, по их мнению, стать массовым, доступным всем детям, а также учитывающим интересы всей страны. Дело в том, что, как отмечалось в специальном докладе МОТ, система образования в Эфиопии характеризовалась «крайним формализмом и академичностью» и была «приспособлена к потребностям горстки современного городского меньшинства и поставлена на службу элите» [42, с. 9]. Кроме того, образование в стране получало лишь небольшое количество детей: в 1971/72 г. государственные, церковные, миссионерские и частные школы посещали 16,3% детей семи-двенадцати лет и 4,1% тринадцати-восемнадцатилетних [42, с. 63—64].

Власти понимали, что внутренние и внешние обстоятельства (например, возрастающая роль Эфиопии в антиколониальном движении в Африке) настоятельно требовали реконструкции системы образования, повышения уровня грамотности в стране. С этой целью они привлекали иностранных экспертов, по совету которых, согласно

ироническому замечанию бывшего преподавателя Аддис-Абебского университета М. Абира, тратились «значительные средства на очень дорогостоящие учебные пособия и эксперименты, в то время как не было денег, чтобы сделать зарплату эфиопских учителей более привлекательной для закрепления наиболее подготовленных из них в школе» [262, с. 51].

Вплотную к подготовке реформы (именно реформы, а не составлению докладов о состоянии школьного дела, экспериментов и т. п.) правительство приступило на рубеже 60—70-х годов; ее основные положения оно держало долгое время в тайне. В 1973 г., однако, содержание предполагаемых изменений стало явным. Учителя и учащаяся молодежь усмотрели в ней стремление правительства затормозить развитие образования в стране и усилить эксплуатацию работников просвещения, ибо с осени 1974 г. предлагалось увеличить продолжительность учебного года до 210 дней вместо 180, сократить срок обучения с 12 лет до 10, ввести двухсменные занятия, сделать упор на начальное образование, сократив при этом высшее и среднее, и т. д. Ассоциация эфиопских учителей квалифицировала [278] ее как попытку властей создать иллюзию улучшения школьного дела в Эфиопии, обречь население на длительное полуграмотное существование, переложить на родителей бремя расходов, а на учителей возложить дополнительные затраты труда при прежней зарплате. Общественность увидела в этой школьной реформе также стремление властей сдерживать темпы эфиопизации в учреждениях и на предприятиях, как и прежде широко приглашать из-за рубежа специалистов на правительственную службу, в армию, полицию и во все сферы хозяйственной жизни.

Массовое использование иностранцев, предназначенное в конечном счете для упрочения режима, уже давно вызывало нарекания в стране. Еще в июне 1960 г. эфиопская пресса писала о необходимости разумного подхода к привлечению зарубежных экспертов, получавших высокое жалованье [405, с. 345]. Возмущение эфиопов засильем иностранцев особенно возросло, когда к концу 60-х годов возникла квалифицированная безработица. Правительство обещало провести эфиопизацию кадров. К середине 70-х годов в этом направлении были сделаны лишь робкие шаги. Продолжавшееся привлечение иностранных специалистов не только ограничивало возможности трудоустройства эфиопской молодежи, но и задевало чувство национального достоинства всего населения, которому были свойственны глубокие патриотические традиции.

Крестьянские волнения

Неспокойно оказалось и в эфиопской деревне. Недовольство охватило широкие крестьянские массы. К 70-м годам участились стихийные выступления крестьян против своеволия помещиков, правительственного гнета.

Значителен был протест сельской бедноты в тех районах (Чиллало, Уоламо, Ында-Сылласе, Фэнотэ-Сэлам и др.), которые попадали под действие «зеленой революции». Интенсивное внедрение капитализма на этих территориях сопровождалось ростом социальной несправедливости, усилением гнета крестьян, их дальнейшим обезземеливанием и массовым изгнанием с арендованных участков, все убыстряющимся оттоком сельских жителей в города, где они пополняли ряды маргиналов, усилением кулацкой прослойки, притом преимущественно из амхара, лишением кочевых народов традиционных пастбищ, увеличением числа земельных споров в судах, отражением чего является чуть ли не удвоение в 1973 г. судебных затрат на разбирательство подобных дел в сравнении с 1967 г., когда расходовалось 4,5 млн. эф. долл. [110, хамле 20, 1959]. Резкое ухудшение условий жизни, и особенно изъятие земель, вольно или невольно толкало крестьян и кочевников на сопротивление властям, помещикам, кулакам. Неоднократно происходили вооруженные [279] стычки с полицией и армейскими подразделениями: например, в 1971 г. в Нэгэле; в местах расселения афаров; в Бако. Такие стычки

подрывали стабильность императорского режима и усиливали чувство социального протеста, этноконфессиональной неприязни.

Капитализм, проникавший в эфиопскую глубинку в сочетании с прозелитизмом в вероисповедание эфиопской церкви и установлением прямого контроля феодалов амхара, разрушал традиционные ценности ряда народов, находившихся на дофеодальной или раннефеодальной стадии. В противодействие потере своей самобытности, сложившегося уклада жизни и привычных взаимосвязей они нередко обращались к помощи выработанных веками автохтонных религий и этнических представлений, несколько модифицировали их в соответствии с новыми условиями, придавая им порой характер целого социального движения. Ярким примером здесь может служить движение Вапдо Магано у сидамо, насчитывающих около 600 тыс. человек и проживающих приблизительно в 260 км к югу от Аддис-Абебы (см. подробнее [314, с. 399—413; 315, с. 89—109]).

Вряд ли могли не чувствовать своей ущемленности сидамо и оромо в провинции Сидамо, когда и тем и другим было отказано в получении государственных земель в Шемена Кедида из-за незнания амхарской грамоты [345, с. 131].

Своеобразную конфессиональную окраску приняло движение крестьян-оромо в западной части Уоллега, и прежде всего в области Гимби, где проживало большинство приверженцев евангелической церкви «Мекапе Иесус», созданной в 1958 г. При поддержке молодых сотрудников министерства национального общественного развития они начали с 1971 г. организовывать снабженческо-сбытовые кооперативы и комитеты по разрешению взаимных земельных споров, использовать современную агротехнику, закупать сельскохозяйственное оборудование, минеральные удобрения. В результате возникла конфликтная ситуация между крестьянами-арендаторами и помещиками. Отношения между ними еще более обострились, когда первые, следуя призывам упоминавшихся министерских работников, отказывались выполнять ежедневные бесплатные трудовые повинности землевладельцам, делать им традиционные подношения, безропотно повиноваться. Брожение в крестьянской среде продолжалось даже тогда, когда в 1972 г. представителей министерства насильственно вынудили покинуть провинцию [395, с. 171 — 174].

Более острая ситуация сложилась в провинции Бале в 1963—1970 гг., где бушевало пламя восстания крестьян-оромо, среди которых постепенно выкристаллизовывалось стремление к независимости. «Провинция Бале,— писали М. Оттауэй и Д. Оттауэй,— представляла собой яркий пример эксплуатации и плохого управления из Аддис-Абебы. В ней было всего лишь несколько дорог, больниц и школ, да и те обслуживали главным образом [280] образом амхара-христиан...» [355, с. 92]. Восстание, возникшее вначале как реакция земледельцев и скотоводов-кочевников на попытку правительства с помощью силы заставить их платить налоги, расширялось с каждым годом, охватывая все новые районы Бале. К нему примкнула местная администрация, формировавшаяся частично из оромо, землевладельцы-оромо, а также часть сомалийцев, проживавших на юге провинции. Восстание возглавлял Вако Гуту, никому до того неизвестный житель области Дело. Повстанцы нанесли несколько чувствительных ударов правительственным войскам. Особое беспокойство в Аддис-Абебе вызвало то обстоятельство, что наметились контакты Вако Гуту с Мogaдишо и «Фронтом освобождения Западного Сомали», нелегально действовавшим на территории юго-восточной Эфиопии. При помощи хорошо вооруженных воинских соединений, традиционной системы подкупа руководителей правительству удалось сломить сопротивление крестьян-оромо (см. подробнее [309, с. 214—217; 355, с. 91 — 93]). У них изъяли десятки тысяч гектаров плодородной земли и передали христианам — поселенцам, сражавшимся на стороне Аддис-Абебы.

Еще продолжались бои в Бале, а властям пришлось направлять крупные армейские и полицейские силы для подавления крестьянских волнений в Иллубаборе, Уолло, Сидамо

и других провинциях. Всюду крестьяне выступали против непомерных налогов, изъятия земли, растущего этноконфессионального гнета. «Факты... (крестьянских.— *Авт.*) волнений могут быть обнаружены во всех провинциях»,— писал П. Джилкс [309, с. 257].

В 1973 г. в горах Чэрчэр возобновили боевые действия крестьяне-оромо, на этот раз ими руководил Элемо Култи, который провозгласил создание Фронта освобождения оромо (ФОО). В то время ФОО выступил против местных феодалов, администрации и крупных владельцев ферм.

Эфиопскую деревню во многих районах охватило массовое недовольство в связи с принятием в 1967 г. закона о сельскохозяйственном налоге, согласно одному из положений которого отменялся с крестьян налог вместо десятины, но зато вводился фиксированный налог с дохода от урожая. Многие на селе, да и в городе увидели в этом постановлении новый шаг правительства по пути усиления феодально-монархического гнета, дальнейшего ограбления крестьян. Высказывались опасения (позднее подтвердившиеся), что с них наряду с новым налогом будут по-прежнему собирать налог вместо десятины. Были и другие возражения против вводимого налога (увеличение власти помещиков, деревенских старост — чыкка-шум, повышение экономической зависимости крестьян от землевладельцев и т. д.).

Наиболее яростное сопротивление новому закону оказали в Годжаме. Уже в мае 1968 г. восстали крестьяне 5 областей провинции, а вскоре поднялись жители других районов. Возникла [281] даже своеобразная организация, руководившая вооруженной борьбой. Годжамцы требовали не только отмены постановления, но и отставки генерал-губернатора провинции шоанца дэджамача Цэхай Инко Сылласе. После ряда кровопролитных боев Хайле Селассие приостановил в Годжаме действие закона 1967 г., отстранил генерал-губернатора и согласился на вывод войск, специально присланных в Годжам для подавления восстания. На такую позицию дворца повлияли также многочисленные демонстрации студентов и старшеклассников в Дэбрэ-Маркосе, Дэбрэ-Бырхане и Аддис-Абебе, а также протесты учителей.

В начале 70-х годов по тем же причинам, что и в Годжаме, взялись за оружие крестьяне Бэгемдыра. А вскоре, в связи с жестокой засухой, поразившей в 1972—1974 гг. 9 из 14 провинций и унесшей из-за разразившегося голода сотни тысяч жизней, ситуация в деревне и о целом в стране еще больше обострилась. Самым широким слоям населения со всей очевидностью стало ясно, что власти не в состоянии разрешить противоречия в обществе и что императорский режим изжил себя.

Бездействие властей в отношении людей, терпящих бедствие из-за многолетней засухи, беззастенчивый грабеж и так уже вконец обнищавших масс со стороны чиновничьей верхушки и знати, сознательное сокрытие фактов трагедии, продолжающийся экспорт зерна в условиях катастрофической нехватки продовольствия, а с 1973 г. и реэкспорт зерна, поступавшего из-за рубежа в порядке помощи, расхищение средств, собранных эфиопским населением в фонд поддержки голодающих, неэффективность Национального комитета по оказанию помощи пострадавшим от засухи, созданного правительством благодаря усилиям студентов и преподавателей школ и вузов, факты продажи по спекулятивным ценам должностными лицами вакцины и карточек на получение продуктов питания, полученных безвозмездно от международных организаций и подлежащих бесплатному распределению, — все это не могло оставить безучастными широкие массы населения. «Несмотря на то что отсутствие дождей было непосредственной причиной... трагедии, — отмечалось в специальном докладе эфиопскому правительству в мае 1974 г., — ее результаты не могут рассматриваться исключительно как „акт божьей воли“. В действительности трагедия была обусловлена безответственностью правительства, злоупотреблением властью, чрезмерной даже по эфиопским масштабам коррумпированностью местной администрации... несправедливой и архаичной системой землевладения и полным отсутствием объектов инфраструктуры...» [374, с. 6—7],

Народ больше не мог терпеть унижений, беззакония, нищеты, бесправия и голода. В представлении многих экономических и политических кризис в Эфиопии ассоциировался с именем Хайле Селассие, олицетворявшего абсолютистско-монархическое государство. [282]

К 1974 г. в Эфиопии сложилась накаленная атмосфера общественного неприятия существовавших порядков и понимания необходимости решительного поворота в историческом развитии.

Сепаратистское движение в Эритрее

Самая кризисная ситуация, оказавшая заметное влияние на все стороны жизнедеятельности эфиопского государства, возникла в Эритрее, где начиная с сентября 1961 г. развернулась ожесточенная борьба против центрального правительства. Она способствовала росту сепаратистских и регионалистских настроений среди населения других районов империи, недовольству во 2-й дивизии эфиопской армии, расквартированной в Эритрее и переносившей все тяготы боевых действий с эритрейскими повстанцами, значительному ухудшению экономического положения страны и ослаблению государственных финансов. Согласно информации Ассошиэтед Пресс от 24 марта 1974 г. правительство Хайле Селассие ежегодно тратило на подавление вооруженной борьбы эритрейских сепаратистов 5 млн. эф. долл., а его потери в живой силе за все время боев составили около 5 тыс. человек.

«Эритрейская» проблема заметно влияла на взаимоотношения Эфиопии со многими африканскими и азиатскими странами. Ряд из них оказывал материальную и моральную помощь Фронту освобождения Эритреи (ФОЭ), созданному в 1961 г. шейхом Идрисом Мохаммедом Адемом и длительное время единолично возглавлявшему вооруженную борьбу. Позднее помощь предоставлялась и отколовшейся в 1970 г. от ФОЭ группировке, получившей название Народный фронт освобождения Эритреи (НФОЭ). Сам ФОЭ после раскола в нем стал часто называться Фронт освобождения Эритреи — Революционный совет.

До 1965 г. в Эритрее нелегально действовало еще Эритрейское освободительное движение (ЭОД) — организация, созданная в 1958 г. и ставившая перед собой цель добиться повторного рассмотрения в ООН эритрейского вопроса. Оно было уничтожено ФОЭ в 1965 г., который видел в ЭОД своего соперника в борьбе за влияние в провинции. К тому времени многие лидеры ЭОД (Идрис Мохаммед Адем, Оман Салех Сабби и др.) покинули его ряды, приняв участие в образовании ФОЭ.

На сторону ФОЭ вставали все те, кто выступал против императорского режима. Вот почему его социальная база оказалась очень пестрой. В него вошли представители местного феодального класса, буржуазии, студенчества и рабочих. Поскольку ФОЭ имел антиимператорскую направленность, к нему тяготели многие прогрессивно мыслящие жители провинции. Демагогические лозунги ФОЭ привлекли к нему даже лиц левых взглядов. И это — несмотря на то что ФОЭ преследовал прежде всего интересы ущемленной феодально-племенной верхушки и [283] буржуазии провинции, да и имел многочисленные контакты с ЦРУ [153, 1981, т. 2, № 6, с. 123—125]. В конфессиональном отношении ФОЭ состоял преимущественно из мусульман.

Интересная оценка сепаратистской деятельности ФОЭ была дана в 1978 г. на семинаре, организованном ВВАС: «Конфликт между Идрисом Адемом, основателем ФОЭ, и Хайле Селассие проистекал не из глубоких классовых различий. Оба они были прежде всего феодалы. Их конфликт проистекал из попытки Хайле Селассие установить абсолютную монархическую власть над всей страной. Идрис Адем как феодальный регионалист не хотел, чтобы этот тип абсолютной политической власти был установлен над его вотчиной. И поэтому для противостояния абсолютному господству Хайле Селассие и сохранения своей вотчины Идрис Адем начал мятеж при по'мощи

организации, названной Фронтом освобождения Эритреи. Другими словами, это был конфликт между абсолютизмом и местным регионализмом, где Хайле Селассие и Идрис Адем представляли собой противоположные тенденции, давно укоренившиеся в эфиопской истории. Как раз этого не смогла понять эритрейская мелкая буржуазия» [47, с. 115]. Да и лидеры НФОЭ не раз обвиняли ФОЭ в приверженности феодализму [145, 1977, № 6, с. 4—7].

В отличие от ФОЭ НФОЭ ориентировался на городскую мелкую буржуазию и крестьянство. В его рядах, численно постоянно увеличивавшихся, были как мусульмане, так и христиане, притом в немалом количестве — левых убеждений.

Взаимоотношения между ФОЭ и НФОЭ все больше отражали социально-классовые противоречия между ними. Обе сепаратистские организации развернули междоусобную войну друг с другом. Это, однако, не мешало им отражать массированные атаки правительственных войск, наносить ощутимые удары по полицейским постам, военным объектам и коммуникациям. Боевые действия ФОЭ и НФОЭ серьезно осложняли положение в Эритрее, да и во всей стране.

ФОЭ и НФОЭ, несмотря на имевшиеся между ними разногласия, придерживались идеи отделения Эритреи от Эфиопии, образования самостоятельного государства и объявления его-принадлежащим арабскому миру. По тактическим соображениям некоторые лидеры этих организаций временами заявляли о смягчении своего основного требования, но в принципе оставались на прежних позициях. Отстаивая тесный союз с арабским миром, эритрейские сепаратисты неоднократно указывали на общеарабский характер своего движения. Они пытались, придать тем самым эритрейской проблеме региональное и даже международное значение, привлечь к ней внимание мировой и ближневосточной общественности и через посредство мирового сообщества воздействовать на императора, добившись от него, таким образом, согласия на отделение Эритреи.

В основе сепаратизма в Эритрее лежали разнородные причины: колониальное прошлое Эритреи; ее более высокий уровень [284] развития по сравнению с большинством других провинций империи; традиции политической борьбы, приобретенные в ходе послевоенного решения судьбы этого прежнего владения Италии; этноконфессиональная дискриминация населения в годы царствования Хайле Селассие; пренебрежение со стороны императорской администрации духовными и материальными ценностями народов Эритреи, нежелание эритрейской буржуазии делиться своими доходами, традиционное феодальное неповиновение верховной власти императора, психологические факторы (например, чувство превосходства части жителей Эритреи над остальными народами империи), социально-политические проблемы (запрет издания многих газет и журналов, роспуск с середины 50-х годов профсоюзов, партий и иных общественных организаций Эритреи, нерешенность аграрного вопроса), рост этнополитического сознания отдельных народов провинции и т. д. Широкое возмущение в Эритрее вызвала политика Хайле Селассие, направленная на свертывание деятельности автономных институтов (местного правительства, ассамблей и т. д.) и их ликвидацию, а также упразднение буржуазных свобод и законов, в том числе эритрейской конституции, введенных еще до воссоединения Эритреи и Эфиопии. Толчком для активизации ФОЭ послужило упразднение автономного статуса Эритреи и полная ее интеграция в рамках Эфиопской империи на правах обычной провинции в 1962 г.

Аддис-Абеба, в свою очередь, направила почти 10-тысячную армию, в том числе подразделения командос, обученные израильянами, на подавление сепаратистского движения. В целях нейтрализации пропаганды ФОЭ и НФОЭ, обвинявшей центральные власти в дискриминации эритрейцев, на многие должности в административном аппарате провинции были допущены ее уроженцы, но одновременно из армии, дислоцированной в Эритрее, были удалены все местные жители. Большое число молодежи из

Эритреи правительство направило на учебу за границу, а также в вузы страны. На хозяйственное развитие провинции выделялись дополнительные средства: в 1969 г. промышленный капитал в Эритрее составлял 153 млн. эф. долл., а в остальной части страны — 188 млн. эф. долл. (в 1957 г. соответственно 16 млн. эф. долл. и 44 млн. эф. долл.); в 1972 г. в школах Эритреи училось 100 тыс. детей, а в 13 других провинциях — 500 тыс. [153, 1981, т. 2, № 6, с. 121 — 122]; в 1967 г. открылся Асмэ́рский университет. Специальным распоряжением императора несколько раз отменялись налоги и недоимки с крестьян Эритреи. Правящая верхушка прилагала немало усилий, чтобы не допустить обсуждения эритрейской проблемы на международном уровне. Эфиопская дипломатия, осуждая сепаратизм и попытки «балканизации» Африки, искала поддержки у других стран с целью положить конец вооруженной борьбе в Эритрее.

Императорскому правительству, однако, так и не удалось [285] нормализовать обстановку в Эритрее. Не помогли ни «мирные» методы абсолютистско-монархического решения кризиса в провинции, ни военные кампании ее усмирения, ни посредничество некоторых государств. Оно все больше и больше увязало в бессмысленных кровопролитных боях. Массовые репрессии в провинции лишь ожесточали гражданское население, стимулировали приток молодежи в боевые отряды сепаратистов, способствовали расширению кампании неповиновения властям. Однако надо признать, что большинство населения Эритреи, несмотря даже на усилия сепаратистов по вербовке сторонников, не выступало за отделение от Эфиопии. Оно предпочитало установление федерации с предоставлением Эритреи широкого самоуправления [355, с. 154].

В остальной части Эфиопии отношение к сепаратистскому движению в Эритрее не было однозначным: различные слои общества придерживались полярных взглядов на проблему, возникшую в этой провинции. Немало людей левых убеждений поддерживало действия сепаратистов, ибо надеялось на дестабилизацию, таким образом, императорского режима [48, с. 11]. Уничтожение абсолютной монархии ассоциировалось с ликвидацией основ для сепаратизма, социального освобождения всех народов, населявших Эфиопию.

Положение в Эритрее резко осложнилось в 1972—1974 гг., когда в результате засухи около 700 тыс. человек из полутораmillionного тогда населения провинции страдало от голода и жажды. Режим не мог прийти на помощь людям, обреченным на медленную смерть. Недовольство центральным правительством охватило даже те слои, которые до сих пор относились лояльно к Аддис-Абебе.

События в Эритрее вскрыли глубокий кризис абсолютистско-монархического строя; они подрывали его основы.

Правительственный курс на устранение социального протеста в стране путем применения вооруженной силы, жесткого контроля, частичных уступок, идеологической обработки и политического маневрирования к середине 70-х годов потерпел крах.

Антифеодальная, антимонархическая, антиимпериалистическая революция 1974 г.

В 1974 г. в Эфиопии вполне сложилась революционная ситуация.

Уже события первых недель 1974 г. показали, что глубокий кризис, переживаемый страной и усиленный энергетическими и валютными неурядицами мировой системы капитализма, непреодолим в условиях абсолютистско-монархического режима. Власти, как и прежде, пытались разрешить возникшие трудности за счет и так до предела обнищавшего, обездоленного [286] народа. Вместо реального улучшения жизни трудового люда, радикального удовлетворения его социальных потребностей они по-прежнему прибегали к репрессиям, ничего не значащим обещаниям и незначительным уступкам. Преследуя своекорыстные, узкоклассовые интересы, абсолютная монархия все активнее действовала «наперекор» требованиям масс, велению времени. На фоне нараставших лишений народа и непомерной роскоши богачей, полного бесправия трудящихся и

всесилия угнетателей разворачивалось мощное антифеодалное, антиимператорское, антимонархическое и антиимпериалистическое движение самых широких слоев населения.

Многочисленные бунты в армии и демонстрации учащейся молодежи в январе — начале февраля 1974 г. явились непосредственным предвестником революционного Февраля и последующей борьбы против существовавшего строя, которая привела к Сентябрьской победе: низложению Хайле Селассие, уничтожению абсолютной монархии и созданию прогрессивных основ дальнейшего развития Эфиопии. В одном правительственном издании отмечалось, что Февральское (1974 г.) общенациональное восстание против деспотической и эксплуататорской системы произошло тогда, когда резко ухудшилась ситуация в экономической, социальной и политической сферах [44, с. 16; 46, с. 10—11],

Оно началось 18 февраля с забастовки в Аддис-Абебе учителей, потребовавших увеличения заработной платы, отмены предложенной правительством перестройки школьного дела и скорейшего проведения аграрной реформы. Одновременно с ними прекратили работу водители такси и автобусов, возмущенные повышением цен на бензин и другие нефтепродукты в среднем на 44% и ростом стоимости товаров первой необходимости (так, цены на муку, зерно и хлеб с декабря 1973 по февраль 1974 г. удвоились). «Более тысячи водителей такси,— писала „Эфиопиэн геральд",— вооружившись испытанным оружием пролетариата — булыжниками, вступили в настоящее сражение с полицией» [138, 24.02.1974]. К ним присоединились маргиналы (городская беднота, люмпен-пролетариат, безработные крестьяне, прибывшие в Аддис-Абебу из голодающих деревень, и др.), хлынувшие на центральные улицы из своих жалких лачуг. В озлоблении из-за крайней нищеты и неустроенности они забрасывали камнями полицейские наряды, витрины дорогих магазинов, роскошные автомобили и т. д.

В тот же день по Аддис-Абебе прокатилась волна студенческих демонстраций, в ходе которых участники выдвинули ряд политических требований: проведение радикальной аграрной реформы, принятие новой, демократической конституции, гарантирование гражданских свобод, создание правительства, ответственного перед парламентом, и т. д. Манифестанты, к которым примкнули старшеклассники, ученики начальных школ, работающая молодежь, сотрудники столичных служб и другие [287] жители Аддис-Абебы, выкрикивали обвинения в адрес членов правительства, знати и дочери императора Тэнанье Уорк [392, с. 4]. Тогда же забастовал наземный персонал «Эфиопиэн эйр-лайнз», недовольный низким жалованьем. В последующие дни в борьбу включилось еще большее число жителей Аддис-Абебы. 21 февраля центр города оказался в руках восставших.

Власти несколько растерялись: им еще не приходилось сталкиваться с выступлением такого размаха и накала (см. [195; 205]). Они не решались немедленно прибегнуть к помощи армии из-за недавних волнений в военно-воздушных частях в Дэбрэ-Зэйте и других воинских подразделениях. Широкое использование полиции ставилось тогда также под сомнение, ибо правительство боялось возможной негативной реакции со стороны армии, недоверчиво относившейся к полиции из-за ее участия в подавлении военного мятежа в Дэбрэ-Зэйте [346, с. 85]. К тому же вскоре выяснилось, что одними полицейскими силами не обойтись при усмирении взбунтовавшегося населения: наряды столичной полиции, брошенные властями па подавление восстания, не могли справиться с разрастающимся движением протеста.

Важным средством мобилизации народных масс на борьбу с режимом в эти бурные февральские дни явились листовки, буквально заполнившие столицу. Поток таких нелегальных материалов постоянно увеличивался. В них режим осуждался за деспотизм, бедственное положение страны, развенчивались монархические ценности, содержалось требование демократизации общественной и экономической жизни, настойчиво внушалась мысль о необходимости усиления борьбы против господствующих классов. Некоторые листовки призывали

вооруженные силы встать на сторону народных масс, выступивших против угнетателей. В одной из них, озаглавленной «Обращение угнетенных масс к армии», сообщалось: «Министры и генералы обогащаются за счет солдата. Эфиопия пробуждается. Свергайте правительство, которое приносит пользу только немногим» [346, с. 86]. Неистовый дух протеста, стремление к общественному обновлению, пронизывающие листовки,— еще одно подтверждение вывода о том, что «практически сразу же борьба трудящихся стала приобретать политическую окраску, трансформируясь в борьбу против монархической системы в целом» [227, с. 13].

Вслед за Аддис-Абебой революционное движение охватило трудящиеся массы и маргинальные слои Назрета, Дэбрэ-Зэйти и других населенных пунктов. Но эпицентр восстания был, конечно, в столице, куда власти вскоре стянули промонархически настроенные войска.

На восставших обрушились самые жестокие репрессии [138, 24.02.1974; 152, 25.02.1974; 196, с. 30]. Одновременно правительство пошло на уступки: было объявлено о снижении цен на горючее, отмене непопулярной в народе школьной реформы, о предстоящем пересмотре заработной платы учителям, установлении контроля над ценами на продукты питания [138, 26.02.1974]. В попытке удержать на своей стороне вооруженные силы Хайле Селассие повысил жалование на 18% рядовым и сержантам, причем это произошло после того, как части 4-й [288] дивизии, расквартированные в Аддис-Абебе, 23 февраля пригрозили «прекратить нести службу, если правительство не увеличит им оклады» [138, 24.02.1974; 152, 27—28.02, 21.03.1974; 392, с. 5].

Но было уже поздно. Армия, постепенно революционизируясь, предъявила длинный перечень экономических, социальных и политических требований (увеличение жалования на 50%, пенсий, пособий раненым, полевых надбавок, проведение радикальной аграрной реформы, отставка и наказание за развал страны министров правительства Акклию Хабтэ Уольда, пересмотр конституции, предоставление гражданских свобод и т. д.), подкрепив их в течение 25—28 февраля рядом военных акций, в том числе арестом высших офицеров и генералов, блокированием ключевых позиций в Аддис-Абебе, Асмэре, Мас-сауа и других населенных пунктах, захватом радиостанций. В антиправительственных выступлениях армии участвовали, как правило, солдаты, сержанты и младшие офицеры. Под их нажимом власти пошли на беспрецедентный шаг: правительство Акклию Хабтэ Уольда 27 февраля подало в отставку, которая незамедлительно была принята императором. На следующий день Хайле Селассие назначил премьер-министром Ындалькачоу Мэконнына, пользовавшегося репутацией «либерала умеренного толка» [143, 13.03.1974] и в то же самое время принадлежавшего к одной из аристократических фамилий, а председателя сената генерал-лейтенанта Абий Абэбэ, которому во дворце первоначально даже поручили сформировать новое правительство, — министром обороны и начальником генерального штаба. Наиболее дальновидные члены Совета короны советовали императору даже отменить конституцию 1955 г., распустить парламент и провести всеобщие выборы [131, 1974, № 33, с. 23]. Но Хайле Селассие не отважился на такой шаг. Зато власти пошли навстречу взбунтовавшимся частям в вопросе удовлетворения почти всех материальных претензий.

Но брожение в армии не приостановилось. Тем более, что подразделения 4-й дивизии в качестве превентивной меры арестовали ряд бывших министров (внутренних дел Гетахун Тэсэмма, иностранных дел Мынасе Хайле, аграрной реформы и администрации Бэлай Аббайе, торговли и промышленности Кэтэма Ифру и др.). Это, как полагают западногерманские ученые Г. Шеллер и П. Брицке, «явилось... прямым следствием народного требования об ответственности бывших министров за неумелое руководство и коррупцию» [392, с. 6]. Вскоре по настоянию армейских низов и населения во дворце сменили многих высших военных и административных руководителей. Кандидатуры новых военачальников, как отмечают Дж. Маркакис и Ныгусе Айяле, «были подобраны с таким расчетом, чтобы они могли удовлетворить или хотя бы не возмущать армейские массы, которыми они командовали. Сами же они знали, что их положение в

большей степени зависит от благосклонности последних, [289] чем от правительства. В результате они столкнулись с большими трудностями в попытке держать в подчинении младших офицеров и сержантов, которые постепенно брали командование частями в свои руки» [346, с. 89].

Прогрессивные силы армии в опубликованном 1 марта манифесте вновь потребовали предоставить гражданские свободы, освободить политических заключенных, осуществить радикальную аграрную реформу, в корне изменить трудовое законодательство, ввести всеобщее бесплатное образование, разрешить организацию и деятельность политических партий, провести демократические выборы, установить строгий государственный контроль над ценами. Это была, по существу, политическая программа революционных военнослужащих, для контроля над реализацией которой они настаивали на создании специальной комиссии в составе представителей армии и общественности [155, 10.03.1974; 193, с. 83].

Революционный порыв охватил все вооруженные силы страны и даже императорскую гвардию, которая далеко не сразу поддержала другие рода войск [155, 3.03.1974; 265, с. 105]. Переориентация гвардии, ее отход от безоговорочного повиновения дворцу явились важным шагом в изменении социально-политического облика армии. Она все больше становилась на сторону народных масс, возлагая на себя руководство движением за обновление страны.

Армейские низы начиная с февраля укрепляли свою авангардную роль в общенародном движении против абсолютной монархии, феодальной собственности на землю, империалистической зависимости. Это объясняется тем, что «при отсутствии партии рабочего класса военные... оказались единственной относительно организованной частью общества» [61, с. 5].

В современной Эфиопии официально признано, что в феврале 1974 г. «угнетенные массы... рабочий класс, крестьянство, военнослужащие, мелкая буржуазия и демократические и патриотические силы — выступили единым фронтом против... Хайле Селассие, хотя это выступление носило стихийный и нескоординированный характер» [123, 05.05.1977]. Эта оценка движущих сил революции и ее изначально стихийного развития справедлива. Вместе с тем уже тогда, в феврале, в армейской среде предпринимались шаги по созданию единого руководства движением, возникали локальные органы, пытавшиеся придать целенаправленный характер действиям вооруженных сил.

Выступлениями отдельных подразделений в феврале руководили комитеты, стихийно образовавшиеся из числа наиболее активных солдат и сержантов и — реже — младших офицеров. Они продолжали действовать и в последующие месяцы, в течение которых не только обновлялся их состав. В них распространялись революционно-демократические взгляды. Существовал также межармейский комитет (так называемый комитет тридцати), который, судя по сообщению английской «Обсервер» [290] от 10 марта 1974 г., начал складываться еще в первой половине февраля.

Этот комитет, состоявший из рядовых и сержантов, подготовил список 14—25 высших представителей власти (премьер-министр Аклилю Хабтэ Уольд, министр иностранных дел Мынасе Хайле, генерал-губернатор Шоа рас Мэсфын Сылеши, внук императора контр-адмирал Искандэр Дэста и др.), подлежащих аресту и суду, а также намеревался добиться расследования финансовых махинаций всех 18 членов правительства Аклилю и суда над ними.

В начале марта комитет тридцати распался из-за противоречий его членов по отношению к самодержавию. Наиболее радикальной позиции придерживались, в частности, служащие ВВС, настаивавшие на немедленном упразднении режима Хайле Селассие [131, 1974, №38, с. 8]. Они же были инициаторами неудавшегося антиправительственного мятежа 25 марта, предусматривавшего свержение Хайле Селассие [138, 02.04.1974; 392, с. 126].

Выступления армии происходили на фоне непрекращавшихся волнений населения. Антиправительственная борьба разгоралась. Уже 1 марта более 3 тыс. студентов Аддис-Абебы, поддержанные многими горожанами, устроили мощную демонстрацию, осуждая нового премьера за допущенные в бытность его членом кабинета Аклилю Хабтэ Уольда злоупотребления и требуя создания народного демократического правительства [265, с.106]. С армейских вертолетов разбрасывались листовки, критикующие средства массовой информации, еще находившиеся под значительным контролем властей [196, с. 56—57], за искажение позиции армии по актуальным вопросам внутреннего развития страны.

Запрещенная с 1972 г. Ассоциация эфиопских преподавателей университета (АЭПУ), объявив забастовку, распространила манифест «Наши взгляды на движение народных масс и вооруженных сил», в котором вскрывались причины кризиса в обществе, подчеркивалась необходимость коренной перестройки политической и экономической системы страны, указывалось на неспособность правительства Ындалькачоу Мэконнына решить проблемы страны, выдвигались требования провести демократические выборы в парламент под контролем комиссии из военных и гражданских лиц, отдать под суд всех эксплуататоров и казнокрадов, легализовать запрещенные общественные организации, разработать демократическую конституцию, а также осуществить радикальную аграрную реформу [193, с. 90—91]. Разработка и опубликование этого документа привели к расколу АЭПУ, от которой отделились консервативно настроенные преподаватели, образовавшие Форум эфиопских преподавателей университета (ФЭПУ).

Крупнейшей вехой в развитии революции стало организованное выступление рабочего класса, участие которого, по словам [291] эфиопского исследователя Соломона Тэрфа, в Февральском народном восстании было значительным [396, с. 84].

6 марта руководство СЕЛУ представило правительству Ындалькачоу Мэконнына список требований из 16 пунктов, пригрозив всеобщей забастовкой в случае отказа удовлетворить их. Такое решение было принято еще 1 марта Генеральным советом СЕЛУ, заседавшим с 23 февраля. В этот список входили: пересмотр закона об отношениях между рабочими и предпринимателями, эффективная эфиопизация кадров, отмена цензуры на еженедельник «Йесэратэння дыми», предоставление права на создание профсоюзов в государственных и смешанных учреждениях и предприятиях, установление минимума зарплаты в 3 эф. долл. в день, создание комиссии по контролю над ценами и т. д. СЕЛУ впервые в ее истории выдвинула наряду с социально-экономическими и политические требования. В распространенном заявлении специально указывалось, что «все проблемы Эфиопии — это проблемы рабочих» [42]. Руководство СЕЛУ, прежде послушное воле монарха, пошло на такой шаг под давлением рядовых членов профсоюзов: в противном случае в конфедерации произошел бы раскол [154, 13.03.1974]. Несколько позднее, в мае, оно даже признало: «Мы не можем сказать, что (эфиопское) рабочее движение находится вне политики... Прежде мы были заняты организацией наших членов... Мы сейчас достигли той стадии, когда можем повлиять на ход развития страны. Мы надеемся, что... в состоянии создать политическую партию» [131, 1974, № 33, с. 18].

Правительство, столкнувшись с твердостью и последовательностью действий более 100 тыс. участников начавшейся 7 марта всеобщей забастовки, согласилось выполнить все их требования.

При реализации достигнутых после четырехдневной борьбы договоренностей, однако, предприниматели и различные государственные органы чинили немало трудностей. Многие правительственные обещания оставались лишь на бумаге, что не могло не вызвать возмущение трудящихся.

В обстановке роста общенационального протеста они продолжали бороться за свои права. В марте—мае в Аддис-Абебе и других городах прошли многочисленные демонстрации и забастовки под знаком демократизации общественно-политической жизни и улучшения экономического положения. Хотя забастовщикам не всегда удавалось добиться своих целей, их выступления, несомненно, содействовали росту политического

самосознания народа. В борьбу включались все новые и новые слои населения, в том числе женщины, устроившие 17 марта в Аддис-Абебе мощную демонстрацию, требуя равных прав с мужчинами [396, с. 85]. Постоянно усиливался ее политический акцент. Во время массовых выступлений в некоторых городах возникали организации, руководившие народным движением: (например, в Джимме — «народный комитет»). И хотя они просуществовали недолго, их появление свидетельствует о политической активности масс. Заявили о себе также запрещенные ранее общественные организации, добившиеся теперь легализации (например, Союз эфиопских студентов Аддис-Абебского-университета и Национальный союз эфиопских студентов, возобновившие свою деятельность после специального разрешения правительства от 16 марта). [292]

Против социально-политической дискриминации выступило мусульманское население. В поданной правительству 9 апреля петиции оно потребовало официального признания ислама, финансовой поддержки мусульманской деноминации, провозглашения исламских праздников общегосударственными, предоставления права создавать общественные организации, ликвидации дискриминации на гражданской, военной и дипломатической службе, справедливого и равного наряду с христианами распределения земель и введения новой формулы «эфиопские мусульмане» вместо «мусульмане в Эфиопии» [138, 19.04, 21.04.1974]. Это была политическая программа эфиопских мусульман, которые подвергались абсолютной монархией наибольшему притеснению (ср. в 1967 г. власти запретили Ассоциацию студентов-мусульман Аддис-Абебского университета, хотя Ассоциация молодых христиан, созданная еще в 1947 г. и объединявшая главным образом учащуюся молодежь, имела 36 отделений в стране).

Передовая общественность признавала справедливость претензий мусульман. «Эфиопизн геральд» от 21 апреля 1974 г. подчеркивала, что «мусульмане должны иметь такие же права, как и христиане, поскольку и те и другие — равноправные граждане Эфиопии, и существующее неравенство должно быть немедленно уничтожено». Такая постановка вопроса в официальной газете — свидетельство глубоких сдвигов в общественно-политической ситуации в стране.

Чаяния мусульман нашли положительный отклик в христианской среде. В частности, христиане активно поддержали мусульманскую демонстрацию 20 апреля, когда на улицы Аддис-Абебы вышло около 100 тыс. человек. Ее участники заявили о необходимости устранения гонений на приверженцев нехристианских религий, отделения церкви от государства и социального равенства [110, миязия 13, 1966]. В конце концов мусульмане добились обещания правительства о предоставлении им более широкого участия в делах государства.

Однако в высших кругах эфиопской церкви не все соглашались с требованиями мусульман. Отдельные аддис-абебские священники попытались даже организовать «марш-протест христиан» в ответ на выступления мусульман, но в нем участвовало всего лишь 500 человек. В патриархии резко выступили также против отделения церкви от государства, на чем настаивали демократические силы.

Среди духовенства, особенно низшего, усилилось брожение. В одной из листовок, распространенных 11 марта, говорилось, что «условия невероятной бедности объясняют все возрастающую непопулярность низших священников, вынужденных жить за счет крестьян» [159, 14.03.1974]. В ней призывались массы к восстанию против церковной верхушки. Это — уже явное свидетельство глубокого конфликта в церкви.

12 марта около 500 священнослужителей, работников семинарии и церковного издательства «Тынсае Зэгубайе» забастовали, настаивая на повышении жалованья и пенсий, сокращении платы за медицинское обслуживание, а также осудив высший [293] клир в незаконном обогащении и в нещадной эксплуатации миллионов крестьян [194, с. 179]. Патриарх Теофинос вынужден был согласиться с этими требованиями.

Низшее духовенство предложило также создать специальный комитет для изменения административной структуры церкви. К проведению решительных реформ в

области религии призвала также Ассоциация молодых христиан, проведшая конференцию в апреле на тему о месте эфиопской церкви в меняющейся обстановке. Под нажимом церковно- и священнослужителей Хайле Селассие отстранил 16 апреля от должности генерального управляющего эфиопской церкви Эрмыяса Кэббэдэ, назначив на его место Мэконнына Зоуде, пользовавшегося известной популярностью в церковных кругах. Патриархия, в свою очередь, объявила о предполагаемой децентрализации церковного управления, расширении прав низших церковнослужителей и предоставлении автономии епархиям. Уже 12 мая был создан Административный совет для ведения церковных дел в составе 12 человек, из которых только двое были служителями культа [110, гынбот 3, 1966]. Церковь стремилась, таким образом, удержать свои позиции в обществе.

Открытое осуждение церкви и критика в ее адрес — еще одно подтверждение глубоких перемен в Эфиопии. Несколько позднее, в августе, «Эфиопиэн геральд» отмечала, что церковь является тормозом для национального прогресса и «что массы должны быть мобилизованы для работы, а не молиться бесконечно в церквях и мечетях каждый день в рабочее время» [138, 13.08.1974].

Выступления низшего духовенства получили широкий общественный резонанс. Активность деревенских священников и церковнослужителей в пригородных зонах, районах товарного сельскохозяйственного производства и даже традиционного земледелия (прежде всего на юге и в придорожной полосе досягаемости) способствовала дальнейшему пробуждению крестьянских масс.

27 июня 1974 г. парижская «Монд» писала: «Имеется множество признаков того, что в некоторых сельских районах... аграрная реформа... осуществлена уже де-факто. Крестьяне решительно отказываются отдавать свои урожаи помещикам и платить налоги». Оценивая силу крестьянских волнений на юге Эфиопии, «Нью-Йорк тайме» подчеркивала, что они «в решающей степени подготовили условия для дальнейших акций вооруженных сил Эфиопии» [152, 19.05.1974].

Крестьянские массы, на которые очень рассчитывали во дворце, строя планы нанесения удара по революции, не выступили в защиту трона, когда летом военные шаг за шагом вели дело к упразднению монархии и в сентябре низложили Хайле Селассие. Такая позиция крестьян была крупным завоеванием эфиопской революции.

Императорский режим с приближением осени все больше [294] ослабевал. Все уже и уже становилась его социальная база. Под революционным натиском масс он терял с каждой неделей свои позиции. Ничто не помогло монарху (и, следовательно, феодальному классу и бюрократии) удержаться у власти: ни разработка новой конституции, ни обещания широких реформ, ни политическая декларация правительства от 8 апреля, провозгласившая в качестве главной цели развития страны переход в ближайшие шесть месяцев к конституционной монархии, ни объявление императором своего внука Зэра Яйкоба Асфа Уосэна действующим наследником, ни молчаливое санкционирование Хайле Селассие арестов видных деятелей режима, произведенных революционными военными, ни жестокие репрессии властей против участников социально-освободительного движения, ни деятельность Комиссии национальной безопасности во главе с министром обороны Абий Абэбэ, превратившейся в оплот реакции. Гнев народа затронул и лично Хайле Селассие, членов царствующей фамилии. Его осуждали за массовую гибель населения от голода, деспотизм, казнокрадство, жестокую эксплуатацию подданных, безудержное обогащение, разбазаривание государственных средств, проимпериалистическую ориентацию и т. д. [110, пагуме 1, 1966; 110, мэскэрэм 3, 1967; 130, 03.09.1974].

Развернувшаяся кампания критики Хайле Селассие дискредитировала его самого и режим в целом, позволяла преодолевать психологический верноподданнический барьер, содействовала разрушению культа божественного происхождения монаршей власти, представления об императоре как символе эфиопской государственности, единства народов Эфиопии, а также облегчала приход революционной армии к власти.

К лету 1974 г. политическая роль вооруженных сил резко возросла. После ожесточенной внутренней борьбы в них укрепились прогрессивные настроения, упрочилось революционно-демократическое ядро. Противоборство правых и левых в армии отразилось на деятельности Координационного комитета вооруженных сил и полиции (КК), о создании которого было объявлено 27 апреля [138, 28.04.1974; 265, с. 107-108]. КК, взявший на себя функции по преодолению организационной разобщенности в военно-политической деятельности воинских частей, под давлением демократических сил предпринял в конце июня решительные шаги по предотвращению готовившегося реакцией удара по революционному движению.

28 июня в расположении штаба 4-й дивизии в Аддис-Абебе собрались по инициативе радикального ядра КК 172 представителя всех войсковых подразделений в звании от рядового до майора. На собрании обнаружилось разногласия между его участниками по поводу будущего устройства страны. Выдвигались различные предложения, в том числе установление военной диктатуры, «балканизация» Эфиопии, учреждение анархо-синдикалистского гражданского правительства и сохранение монархии. [295] Жаркие споры завершились образованием Координационного Комитета вооруженных сил, полиции и территориальной армии (ККВС, или Дэрга), председателем которого почти единогласно (98% голосов) был избран майор Менгисту Хайле Мариам — лидер революционно-демократических кругов армии [63, с. 8; 355, с. 197; 110, мэскэрэм 1, 1977].

С созданием ККВС, превратившегося в общенациональный центр по руководству революцией, в стране сложилось двоевластие. На одном полюсе находилось правительство все еще монархической Эфиопии, лихорадочно искавшее возможности восстановить утрачиваемые позиции господствующих классов, на другом — ККВС, в руках которого сосредоточивалась реальная власть. Венчал этот своеобразный дуумвират Хайле Селассие, уже лишившийся, по существу, абсолютной власти и оставленный военными пока на троне по стратегическим и тактическим соображениям. В манифесте ККВС от 9 июля прямо указывалось на установление контроля военных над деятельностью гражданского правительства [110, хамле 3, 1966].

22 июля по требованию ККВС подал в отставку Ындалькачоу Мэконным, поскольку, как было объявлено, «он не смог воспринять идеи и цели движения военных и пытался вызвать разногласия в вооруженных силах» (346, с. 107). Вскоре по рекомендации ККВС премьер-министром стал Микаэль Имру, видный политический деятель либерально-буржуазных взглядов, а на освободившийся пост министра обороны вместо арестованного генерал-лейтенанта Абий Абэбэ назначили генерал-лейтенанта Амана Микаэля Андома, занявшего еще 16 июля после многих лет монаршей немилости должность начальника генерального штаба вооруженных сил. ККВС, избрав тактику постепенной дискредитации и изоляции императора в сочетании с заверениями в лояльности, в августе упразднил важнейшие монархические институты (Совет короны, личный военный штаб императора, высший императорский суд — «чилот» и др.), арестовал сановников, через которых Хайле Селассие осуществлял связь с различными государственными органами, национализировал все его дворцы и другую недвижимость, в том числе промышленные и транспортные предприятия, амнистировал политических заключенных и эмигрантов и т. д.

ККВС выдвинул в самом начале июля лозунг «Эфиопия — прежде всего», выражавший стремление избавить страну от феодализма, нищеты и несправедливости, приоритет общенациональных интересов, развитие страны по пути социального прогресса. Он использовался как призыв к объединению всех демократических сил Эфиопии, всех противников отсталости, деспотизма и анахронизма императорского режима. Всюду подчеркивались приверженность военных глубокому преобразованию общества, их намерение ликвидировать этнорелигиозную дискриминацию, интенсивно развивать все отрасли народного хозяйства, уничтожить засилье иностранного капитала, активизировать

[296] участие страны в антиимпериалистической, антиколониальной борьбе. К сентябрю были национализированы некоторые предприятия, принадлежавшие знати; обнародованы первые результаты расследования причин массовой гибели людей в Уолло и Тыграе, показавшие преступное отношение властей к нуждам народа. В выводах комиссии осуждались не только правительство, но и лично император, которого еще в 1970 г. информировали о грозящей катастрофе в Уолло в связи с засухой и который так ничего и не предпринял по предотвращению трагедии [157, 1.09.1974; 206, с. 21; 396, с. 82]. Это еще больше усилило критику монархии как института власти и самого Хайле Селассие, а также дало серьезные аргументы тем, кто выступал против сохранения (пусть и в чисто представительском, номинальном виде) монархии как формы государственного устройства, предусмотренной опубликованным 7 августа проектом новой конституции.

Этот проект, либерально-буржуазный по своему содержанию, стал платформой острой идеологической и политической борьбы в стране. Как сообщалось в августовском номере журнала «Цэддэй» за 1974 г., народ отверг большинство статей предложенного варианта основного закона страны [112, нэхасе, 1966, № 10, с. 3]. В свою очередь, реакция не соглашалась с тем, чтобы политическая власть феодального класса существенно подрывалась. Церковная верхушка даже пригрозила предпринять решительные меры против ККВС и правительства, если реализуются положения об отделении церкви от государства и она лишится своего приоритетного статуса в стране. Но усилия контрреволюции были тщетны. Многочисленные факты «незаконного обогащения, злоупотребления властью и преступного пренебрежения своим долгом перед народом», в чем обвинялся Хайле Селассие, царствующая семья [138, 28.08, 6.09; 8.09.1974], развенчивали традиционный ореол святости короны, ее бескорыстного «служения» стране. Вместе с тем становились все более привлекательными революционные цели ККВС [346, с. 112]. «Аддис-суар» писала 3 сентября 1974 г.: «Революция должна положить конец самодержавию, которое... бесстыдно угнетало и эксплуатировало народные массы, установив режим террора, репрессий и грабежа». В печати появились материалы, утверждающие, что «свобода — это социализм» [138, 07.09.1974]. В то же самое время стали возникать полулегальные кружки и группы, впоследствии послужившие основой создания различных политических организаций (например, Всеэфиопского социалистического движения — МЕЙСОН). Некоторые из них уже тогда выступали с мелкобуржуазных позиций против руководства военным революционным процессом [346, с. 109—112].

В начале сентября стало ясно, что дни пребывания императора на троне сочтены: предшествующие события подготовили почву для его низложения. На своих заседаниях 6—9 сентября ККВС принял решение об отстранении Хайле Селассие. **[297]**

12 сентября 1974 г. Хайле Селассие I, который, по заявлению ККВС (сделанному накануне), «более не заслуживает доверия эфиопского народа», был смещен, действие конституции 1955 г. приостановлено; гражданское правительство и парламент распущены; вся полнота власти в стране официально переходила в руки ККВС, преобразованного несколькими днями позже во Временный военный административный совет (ВВАС) во главе с генерал-лейтенантом Аманом Микаэлем Андомом. Это назначение примкнувшего к революционному движению генерала произошло в условиях примерного равенства сил в ККВС между революционно-демократическим крылом и сторонниками буржуазного развития. И не случайно поэтому первым заместителем председателя ВВАС стал Менгисту Хайле Мариам. Многие члены ВВАС рассматривали Амана Микаэля Андома лишь как представительскую фигуру. По их мнению, он был призван только для того, чтобы на начальном этапе «придать вес» новому руководству страной.

В последующих постановлениях сообщалось о формировании Временного военного правительства (ВВП), председателем которого стал все тот же Аман Микаэль Андом, и о создании военного трибунала для суда над арестованными деятелями

прежнего правительства, обвиняемыми в коррупции, злоупотреблении властью и проведении политики в ущерб национальным интересам. На трон (но уже в качестве ныгуса, а не императора — ныгусэ-нэгэст) возводился Асфа Уосэн, еще находившийся на лечении в Швейцарии. В его отсутствие функции главы государства возлагались на ВВАС. Устанавливалось, что будущий монарх станет номинальным главой государства, не имеющим исполнительной и политической власти. ВВАС обнародовал также политическую программу, предусматривавшую социальное и религиозное равенство всех эфиопов, повышение благосостояния крестьянства, проведение аграрной реформы, реорганизацию органов юстиции, введение всеобщего бесплатного начального образования и доступной народу медицинской помощи, интенсивное развитие промышленности. В вопросах внешней политики предлагалось строгое соблюдение антиимпериалистического, антиколониального курса, уважение уставов ООН и ОАЕ, выполнение всех международных обязательств на основе взаимного уважения и равенства, помощь народам, борющимся за независимость, и развитие дружественных отношений со всеми африканскими странами, в частности с Сомали и Кенией.

Арестовав Хайле Селассие и членов его семьи, военные обвинили императора в отказе сотрудничать с ними и в «злоупотреблении властью и своим положением в собственных интересах» [122, 1974, № 38, с. 13; 404, с. 213; 406, с. 3—8]. Бывшего монарха отвезли в «специально отведенное место». Так закончилось 44-летнее правление императора Хайле Селассие I (1930—1974). [298]

Английская газета «Гардиан» писала 13 сентября 1974 г.: «Эфиопский народ, так долго находившийся в зависимости от старческой немощи своего свергнутого императора, остро нуждается в том, чтобы, не теряя времени, открыть новую страницу». Низложение Хайле Селассие и приход ВВАС к власти стали отправным пунктом глубоких антифеодальных, антимонархических, антиимпериалистических преобразований, положившим начало национально-демократическим переменам.

Армия, вышедшая на арену политической жизни в ходе стихийного антифеодального движения народных масс, поддержанная ими и опиравшаяся на них, разрушила абсолютистско-монархический строй. Однако это уже была не армия эфиопского самодержавия. Революционные силы военных, установив свой контроль в армии и изменив, по существу, ее характер, выступили против режима, оказавшегося неспособным справиться с экономическими и политическими трудностями.

Ко всему периоду от Февраля до победного Сентября можно с полным правом отнести вывод «Эфиопизн геральд» о том, что «февральское движение возглавляли члены вооруженных сил, которые пользовались беспрецедентной поддержкой всего народа» [138, 07.08.1974].

Армия выступила в роли политического представителя коалиции широких социальных сил: мелкой буржуазии, крестьянства, интеллигенции, средних слоев города, рабочих, средней национальной буржуазии, низших и средних слоев чиновничества, части традиционной интеллигенции и др. Движение вооруженных сил стало выразителем чаяний и надежд трудящихся масс; оно действовало как общенациональная революционная сила.

Сентябрьская победа восставшего народа, возглавленного армией, открыла путь прогрессивных преобразований в Эфиопии. Революционные перемены в стране имели большое международное значение. [299]

Глава 9

ЭФИОПИЯ В БОРЬБЕ

ЗА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Прогрессивные перемены в Эфиопии с середины 70-х годов составляют одно из самых значительных событий в мировом общественном развитии. Эфиопская революция, положившая начало падению господства привилегированных классов, сумела поднять самые широкие массы на строительство нового общества, на защиту завоеваний от внешней и внутренней реакции. По своим масштабам, характеру, радикализму, динамизму, революционному творчеству масс и их вовлеченности в происходящие события она заняла одно из выдающихся мест в истории Азии, Африки и Латинской Америки.

Низложение императора 12 сентября 1974 г. и приход к власти военных стали началом нового этапа в истории Эфиопии — этапа революционных преобразований, ожесточенной борьбы за будущее страны. 1974 год имел поворотное значение для Эфиопии. Отличительной чертой происходящих изменений является их комплексный характер, они охватывают самые различные сферы общественной жизни. В стране, с одной стороны, четко обозначился курс на прогрессивное переустройство общества, а с другой — произошла концентрация сил, стремившихся к утверждению буржуазно-реформистских тенденций и даже восстановлению (хотя бы частичному) прежних феодальных порядков. Наряду с центростремительными тенденциями продолжали действовать (а порой даже усиливались) центробежные. Силы прогресса столкнулись с противодействием как эксплуататорских классов, потерявших политическую власть, так и левого и правого экстремизма. По существу, имело место блокирование всех противников революционных преобразований, изменивших социально-политический и в известной мере экономический облик эфиопского государства. В свою очередь, в среде мелкобуржуазной демократии произошли отмежевание от буржуазии в политическом плане, ограничение ее влияния в экономике и внутренняя дифференциация, вследствие чего в ходе ожесточенных столкновений выделилась революционная демократия, вставшая во главе государства, признавшая идеологию [300] марксизма-ленинизма [227, с. 22]. Ее исторической заслугой являются попытки приобщения населения к научному социализму, возросшая политическая активность масс, укореняющийся процесс общественного переустройства, сопровождающийся формированием новой политической системы, радикализацией политики в национальном вопросе, усилиями по сложению нового хозяйственного механизма, глубокими культурными сдвигами, социально-экономическими изменениями и последовательной антиимпериалистической внешней политикой. В условиях, складывающихся в Эфиопии, не исключено перерождение части революционной демократии, переход ее на чуждые принятым решениям позиции.

Процесс централизации эфиопского государства в послесентябрьское время приобрел качественно иную основу, чем в предыдущие годы. В отличие от периода царствования Хайле Селассие современная Эфиопия имеет общенациональный план развития, определивший курс на обновление общества. Нынешнему руководству страны свойственны в ряде случаев реалистические подходы к происходящему, но оно не избежало и ошибок, недостаточно выверенных действий, поспешности, забегания вперед.

Развитие Эфиопии после свержения Хайле Селассие характеризуется решением как общедемократических, так и социально-освободительных задач. Первые из них реализовывались преимущественно в сентябре 1974 — январе 1979 г., а вторые — главным образом с февраля 1979 г.; с сентября 1984 г. в стране начался процесс конституирования республиканских основ государства. Однако до полного и повсеместного осуществления этих задач еще далеко: жизнь вносит свои коррективы, немало препятствий на пути выхода страны из отсталости.

Внутренняя оппозиция и внешняя агрессия

Выбор некапиталистического пути развития стал водоразделом социально-политического размежевания, охватившим самые широкие слои населения, в том числе и

Временный военный административный совет (ВВАС), взявший на себя коллективное руководство государством и превратившийся в организационный центр эфиопской революции. Именно ВВАС, олицетворявший высшую государственную власть, выступил главным орудием осуществления и защиты ее интересов. С каждым годом роль ВВАС неуклонно возрастала, а его функции становились все более сложными и многообразными. Преодолевая сопротивление левацких и правых сил в стране и укрепляя собственные революционно-демократические основы, ВВАС обнародовал к сентябрю 1987 г. около 350 законов, направленных на уничтожение феодальной системы и учреждение нового общества. Последним декретом ВВАС явилось постановление о **[301]** самороспуске в связи с созданием Народной Демократической Республики Эфиопии (НДРЭ) и ее органов в сентябре 1987 г.

В условиях острой борьбы с реакцией и идейной незрелостью и шатаний общественных сил, принявших участие в нараставших по восходящей линии революционных событиях от февраля до сентября 1974 г., судьбы революции во многом зависели от деловых качеств членов ВВАС и кадров формировавшейся государственной надстройки, их политической сознательности, преданности социально-освободительным идеалам и уровня социальной нетерпимости к феодальным и буржуазным устоям. ВВАС, состоявший из 120 человек, — «это не кучка каких-то амбициозных офицеров, которые совершили переворот, чтобы также захватить власть... это группа людей, сформировавшаяся в конкретных условиях Эфиопии... и взявшая на себя ответственность за революцию» [124, 1976, № 8, с. 69].

Для послесентябрьского развития ВВАС характерно упрочение революционно-демократических сил во главе с его председателем Менгисту Хайле Мариамом. Им противостояли буржуазно-реформистские и мелкобуржуазно-националистические группировки, пытавшиеся не раз захватить власть, воспрепятствовать движению революции, основные контуры которого определены Менгисту Хайле Мариамом и его сторонниками.

Разногласия в ВВАС касались не только принципиальных вопросов перехода (и развития) страны на путь социалистической ориентации, но и самих методов осуществления тех или иных принятых решений (например, относительно эритрейской проблемы, проведения Национальной революционной кампании развития). На первых порах ВВАС раздирали даже межэтнические противоречия. Трения в ВВАС возникали иногда и в результате еще сохранявшегося от прошлых времен соперничества между офицерами — выпускниками военной академии в Харэре и военного колледжа в Гэнэте (Холета). Конфликты в ВВАС нередко вспыхивали из-за недисциплинированности или личностных предубеждений, расхождений во мнении между отдельными его членами.

В послесентябрьские годы против революционно-демократического ядра в ВВАС выступали тайно или открыто его председатели генералы Аман Микаэль Андом (1974 г.) и Тэфэри Банти (1974—1977 гг.), руководитель политического и международного отдела ВВАС майор Сисай Хабте, генеральный секретарь ВВАС капитан Алемайеху Хайле, глава административного отдела ВВАС капитан Могэс Уольдэ Микаэль, подполковники Хыруй Хайле Сыллаесе и Асрат Дэста, вице-председатель ВВАС подполковник Атнафу Абате и другие [212, с. 14; 205, с. 8; 116, 1977, № 7, с. 5; 138, 05.02.1977; 355, с. 135—136, 138—144]. Отступники сурово карались. Наказаниям подвергались и те, кто пытался использовать свое положение для личного обогащения (подполковник Дэмыссе Дерессу, полковник Абатэ Мэрша, лейтенант Дэста Таддэсэ и др.). В столкновениях в ВВАС погибло **[302]** немало преданных революции людей (например, один из руководителей ВВАС, подполковник Даныэль Асфаяу) [406, с. 62—63; 355, с. 143; 119, 05.02.1977]. Они умирали также от рук экстремистов и бывших правителей, лишенных власти, и их наймитов. В целом, как предполагается, в первые три года после низложения Хайле Селассие были убиты или отстранены от работы 20—30 членов ВВАС [355, с. 136].

ВВАС после прихода к власти неожиданно столкнулся с оппозицией некоторых воинских частей в военно-воздушных силах и инженерном корпусе, потребовавших незамедлительного образования гражданского правительства, передачи ему управления страной и ухода армии в казармы. Те же лозунги выдвинули часть студенчества, интеллигенции и профсоюзы. ВВАС неоднократно разъяснял, что в сложившихся условиях выполнение этого требования означало бы, по существу, возврат к старому. «У нас в стране,— писала в 1974 г. „Эфиопизн геральд“,— живут близорукие люди, выступающие за немедленное возвращение к гражданскому правительству... Сейчас (оно) является бессмыслицей при очевидном и полном отсутствии социальной и экономической справедливости» [138, 13.10.1974]. Советская исследовательница И. Ф. Кистанова, верно оценивая негативные стороны подобной позиции в эфиопском обществе, подчеркивала, что, «хотя в пропагандистском плане такое требование имело очевидную привлекательность, в действительности оно было на руку реакции, так как гражданское правительство не сумело бы удержать власть и легко могло стать добычей контрреволюции» [196, с. 109—110]. Лишь в 1987 г., когда упрочились перемены в Эфиопии, произошел окончательный и полный переход к гражданскому правительству.

Очень сложными после низложения Хайле Селассие оказались отношения ВВАС с профсоюзами, которые требовали незамедлительного перехода к гражданскому правлению и отмены запрета на забастовки, демонстрации и собрания, введенного военными в день прихода к власти для воспрепятствования контрреволюционным феодально-монархическим акциям.

СЕЛУ уже 16 сентября на заседании Генерального совета приняло ряд резолюций, настаивая на установлении «народного правительства», введении гражданских свобод, в том числе права на создание политических партий, принятии новой конституции, уничтожающей монархию как форму государственного устройства. СЕЛУ пригрозило, что в случае невыполнения этих требований будет объявлена всеобщая забастовка. В состав «народного правительства» конфедерация предложила включить представителей профсоюзов, комитетов, созданных в различных провинциях в Февральском (1974 г.) антиправительственном движении, вооруженных сил, Ассоциации учителей Эфиопии, Ассоциации университетских преподавателей, Форума университетских преподавателей, Ассоциации гражданских служащих, Союза эфиопских студентов, Ассоциации предпринимателей [303] Эфиопии и Благотворительной ассоциации эфиопских женщин. Если принять во внимание социально-политическую природу этих организаций, становится понятным мнение Марины и Дэвида Оттауэй о том, что правительство, планируемое СЕЛУ, в наименьшей степени представляло эфиопский парод и что оно отражало интересы элитарных профессиональных групп [355, с. 104]. ВВАС вновь повторил СЕЛУ свою вполне обоснованную позицию в отношении ухода армии в казармы и перехода к гражданскому правлению, а также обвинил профсоюзных руководителей в тесных связях с императорским режимом, незаконном обогащении, коррупции и саботаже революционной политики [138, 25.09.1974]. Убедившись в невозможности включить СЕЛУ в процесс глубоких преобразований, ВВАС распустил в декабре 1975 г. Конфедерацию и приступил к формированию новых профсоюзов. Этот акт, в свою очередь, вызвал волну усиленной критики военных со стороны левацких кругов. Отказываясь реально оценить положение в стране, ревностные приверженцы идеи немедленной передачи власти гражданским лицам организовывали многочисленные акты саботажа, выпускали тысячи листовок, осуждавших военных за якобы узурпацию власти, распускали злобные слухи, порочившие революцию и направленные на дестабилизацию положения в стране. Они прибегали даже к террористическим актам, устроив ряд взрывов в Аддис-Абебе.

Это было на руку сторонникам свергнутого режима, несколько растерявшимся в первое время после низложения Хайле Селассие. Монархисты попытались наладить сопротивление как в самой столице, так и в сельской местности. Но повсеместного

выступления у них не получилось, ибо крестьяне в массе своей не поддержали их. «Бывшие» тоже клеветали на новую власть, используя при этом еще сохранившиеся каналы связи с империалистическими державами. Применяли они и лозунг «Гражданское правительство — немедленно, армия — в казармы!».

3 октября 1974 г. ВВАС строго предупредил всех тех, «кто говорит о передаче власти народу уже сейчас (и тем самым) явно преследует свои корыстные, эгоистические цели» [110, йекатит 30, 1967] и кто стремился свергнуть революционную власть [138, 03.10.1974]. Их ожидали самые суровые меры наказания. Запрещалось распространение клеветнических слухов. Несколько позже, обосновывая свою точку зрения в отношении формирования гражданского правительства, ВВАС заявил, что для этого «необходима большая подготовительная работа: во-первых, воспитание сознания масс и, во-вторых, создание общенациональной политической партии», а также предстоит полностью уничтожить господство феодалов, бюрократической буржуазии, иностранного капитала и империализма [110, гынбот 5/1967]

ВВАС вовсе не отвергал участия гражданских лиц в управлении страной. Тем более, что военные, не имевшие в большинстве [304] своем опыта государственного руководства, нуждались в помощи специалистов как в области экономики, так и политики. Вот почему они привлекали тех из них, кто принял сторону революции. Несомненно, учитывались также настроения части общественности, продолжавшей настаивать на восстановлении гражданской формы правления. Нельзя упускать из виду и подлинные намерения революционной демократии в ВВАС, состоявшие в желании создать широкий фронт поддержки прогрессивным преобразованиям, показать массам искренность целей движения военных, а также передать власть народу по осуществлению задач, выдвинутых реальной обстановкой.

Примером попытки ВВАС продемонстрировать стремление к взаимодействию со всеми участниками революционного процесса и снять с себя незаслуженные обвинения в узурпации-власти является создание в сентябре 1974 г. Консультативной группы из 50 человек, представляющих различные государственные учреждения, общественные организации и население всех 14 провинций. В ее задачи входили выработка внутривластного курса государства, подготовка проекта конституции, соответствующего философии выдвинутого еще летом 1974 г. лозунга «Эфиопия — прежде всего», и составление рекомендаций по осуществлению политических, экономических и социальных реформ [138, 24.09.1974]. Это мероприятие ВВАС следует рассматривать как один из первых шагов по образованию новой эфиопской государственности. Однако поиски в то время форм сотрудничества с гражданскими не всегда увенчивались успехом, что и произошло с Консультативной группой, когда в июле 1976 г. она прекратила свое существование.

Большую помощь военным в формировании внутренней и внешней политики стало оказывать созданное по инициативе ВВАС специальное бюро, состоявшее из гражданских экспертов. В 1979 г. ВВАС вообще упразднил сословное правительство и образовал совет министров, проявив тем самым свое стремление к демилитаризации власти.

Стремясь поднять уровень управления страной, претворить в жизнь принимаемые решения и создать в госаппарате прослойку преданных революции людей, ВВАС направил в административные органы на ответственные должности около 350 военно-служащих, приступил к постепенной реорганизации правительственных учреждений, системы управления хозяйством и власти на местах. По призыву военных на государственную службу поступило до 30 тыс. новых служащих. Одновременно ВВАС уволил с государственной службы чиновников, запятнавших себя тесными связями с прежним режимом, безответственностью в отношении исполнения своих обязанностей и преступным подходом к нуждам народа. Различными наказаниями подвергались чиновники, допустившие пренебрежение к государственной службе и законам революции. Многие из

«бывших» были арестованы, заключены, по решению специальных трибуналов, в тюрьму на длительные сроки или расстреляны. Осуждению подлежали все, [305] кто преступал установленный порядок, независимо от времени поступления на работу в административные и хозяйственные органы. Всего в начале 80-х годов находилось в тюрьмах 10—40 тыс. противников эфиопской революции, включая членов императорской семьи, высших чиновников прежнего режима, левых и правых экстремистов, псевдореволюционеров и т. д. [159, 12.09.1981].

Когда же позиции революционной власти окрепли, из тюрем по указанию ВВАС начали выпускать людей, заключенных туда по политическим мотивам. В мае 1988 г. накануне юбилейных торжеств по случаю 25-летия ОАЕ в Аддис-Абебе объявили об освобождении членов императорской семьи [122, 1988 № 23, с. 10].

ВВАС, однако, не останавливался перед применением самых решительных мер при возникновении непосредственной угрозы революции, будущему страны. Так, в ноябре 1974 г. по приказу ВВАС казнили почти 60 видных сановников императорского режима. Это был один из самых драматических эпизодов эфиопской революции, когда в обстановке, создавшейся в связи с открытым неповиновением ВВАС генерала Амана Микаэля Андома и его попыткой захватить власть, прогрессивные военные прибегли к подобной акции с тем, чтобы обезглавить контрреволюцию [138, 24.11.1974].

Другим критическим моментом в революционном движении Эфиопии стали февральские события 1977 г., в ходе которых была разоблачена и обезврежена группа членов ВВАС, к которой примкнул и тогдашний его председатель бригадный генерал Тэфэри Банти. Ее участники готовили государственный переворот. С этой целью они имели даже контакты с некоторыми контрреволюционными организациями, и прежде всего с Эфиопской народно-революционной партией (ЭНРП), образовавшейся, по видимому, к середине 1975 г., прикрывавшей свои экстремистские устремления ссылками на марксистско-ленинские идеи, отказавшейся от сотрудничества с ВВАС, создавшей так называемую подпольную «Эфиопскую народно-революционную армию» и объявившей террор против активистов и руководителей эфиопской революции.

4 февраля, на следующий день после разгрома заговорщиков, назначенный председателем ВВАС Менгисту Хайле Мариам, обращаясь к народным массам, сказал, что они получают оружие для защиты завоеваний революции против внутренней реакции и что «революция переходит к наступательным действиям» [138, 05.02.1977]. Был выдвинут лозунг «Оружие и демократия — народным массам!». Революционная демократия, укрепив свои ряды и вооружив многих тружеников города и деревни, развернула активные операции по борьбе с терроризмом ЭНРП. От рук ее боевиков, всецело поддержанных отстраненными от власти эксплуататорскими классами, в 1976—1978 гг. погибли тысячи преданных делу революции людей. [306] 23 сентября 1976 г. ЭНРП предприняла попытку покушения на Менгисту Хайле Мариама.

В результате решительных мер ВВАС при участии самых широких слоев населения были обнаружены сотни тайников с оружием, раскрыты явки ЭНРП в городах, и особенно в Аддис-Абебе, арестованы многие ее члены. В ходе «красного террора», объявленного ВВАС в ответ на акции леваков и монархистов всех мастей, погибло 5 тыс. контрреволюционеров [159, 23.04.1980; 152, 28.12.1982]. Начиная с февраля 1977 г. подрывная деятельность ЭНРП пошла на убыль, с ее террором и саботажем было временно покончено (см. [60, с. 28]). В февральском номере журнала «Нью Африка» за 1988 г. приведены данные о том, что ЭНРП во второй половине 80-х годов возобновила подрывную деятельность в стране, обосновавшись в районе Гондэра и Годжама.

В ходе борьбы с ЭНРП к 1980 г. было покончено с экстремизмом отколовшейся от нее группировки, назвавшейся «Эфиопской коммунистической партией» (ЭКП).

В то же время революция нанесла сильный удар по Эфиопскому демократическому союзу (ЭДС, называемому также Эфиопский народно-демократический союз), созданному в Лондоне в 1974 г. членами императорской семьи и высокопоставленными деятелями

свергнутого режима, бежавшими за границу. ЭДС, возглавлявшийся бывшим начальником императорского генерального штаба генерал-лейтенантом Иясу Мэнгэша, прежним генерал-губернатором Тыграя расой Мэнгэша Сьюмом и генерал-лейтенантом Нэга Тэгэнье, возник спустя несколько-месяцев после свержения Хайле Селассие. Штаб-квартира союза разместились в Судане. Боевые действия он развернул в Годжаме, Бэгемдыре, Тыграе, Шоа, Эритрее и Уолло. После серии крупных поражений от революционных войск в 1978—1979 гг. активность ЭДС пошла на убыль. В начале 80-х годов ЭДС предпринимала лишь отдельные, разрозненные подрывные акции. В декабре 1983 г. в Аддис-Абебе были арестованы 18 членов ЭДС, которые занимались сбором секретных сведений, предоставляли их в распоряжение западных держав, распространяли клеветнические слухи и антиправительственные листовки [123, 06.02.1984; 117, 05.02.1984]. Основным районом его действия во второй половине 80-х годов, видимо, стала провинция Уолло; наметились контакты ЭДС с сепаратистской организацией в Тыграе.

Начиная с 1981 г. США, стремясь сколотить широкую оппозицию в Эфиопии революционной власти, ежегодно предоставляют ЭДС по каналам ЦРУ 500 тыс. долл. К середине 80-х годов поддержка Вашингтоном этой организации еще более усилилась. В июле 1986 г. в США состоялась встреча эмиссара ЭДС и ряда американских государственных деятелей, в том числе тогдашнего министра обороны К. Уайнбергера. Вероятнее всего, на ней обсуждались планы «совместных действий» [307] против прогрессивного режима в Эфиопии (см. [123 08.09.1986]).

Во второй половине 80-х годов власти неожиданно для себя столкнулись с новым очагом сопротивления, представленного «Народно-демократическим альянсом Эфиопии». У истоков этой организации преимущественно стояли (теперь уже бывшие) руководители революционной Эфиопии, которые бежали за границу из-за, как они заявляют, несогласия с линией Менгисту Хайле Мариам. Альянс провозгласил приверженность основным целям эфиопской революции, но без применения тех, по его мнению, ошибочных методов и избранных подходов, какие свойственны и определены ее нынешним лидером. Вот образец обвинений, выдвинутых бывшим министром иностранных дел Гошу Вольде, отказавшимся в Нью-Йорке в октябре 1986 г. возвращаться к себе на родину и участвовавшим в создании альянса. По свидетельству газеты «Дейли телеграф» от 29 октября 1986 г., Гошу Вольде заявил, что правительство страны «скатывается к авторитаризму и абсолютной диктатуре с неизбежными проявлениями нетерпимости и репрессий». Сам Менгисту Хайле Мариам обвиняется нередко в том, что якобы «утратил понимание экономических и политических реальностей Эфиопии и стремится к утверждению режима личной власти» [142, 20.06.1986]. Альянс рассчитывает, по-видимому, на поддержку тех в стране, кто имеет сходные взгляды, тщательно скрываемые, разумеется. Но как бы там ни было, нельзя игнорировать при оценке современного положения в Эфиопии настроений, какие может породить деятельность альянса.

С осени 1974 г. угроза революционным завоеваниям исходила не только от ЭНРП, ЭКП, ЭДС и разрозненных вылазок вооруженных отрядов, сформированных помещиками, от оппозиции в рядах самого ВВАС, правительства и в армейских частях. Против эфиопской революции выступили сепаратистские организации, многие из которых возникли уже в послесентябрьское время. Пользуясь поддержкой мирового империализма и нескольких арабских стран, они развернули интенсивные боевые действия, направленные на раскол Эфиопии. Поднятая ими во второй половине 70-х годов вооруженная борьба была беспрецедентной. Эфиопская революция оказалась тогда в осажденном кольце: со всех сторон наступали на нее враждебные силы, тем более что сепаратисты вступали в контакты с организациями типа ЭНРП и ЭДС, организовывали даже совместные операции с ними, хотя это не исключало кровавых междоусобиц.

Особо опасная ситуация для революции сложилась в Эритрее, где к ранее действовавшим ФОЭ и НФОЭ добавились еще созданный в 1976 г. крайне реакционный Фронт освобождения Эритреи — Народно-освободительные силы (ФОЭ—НОС) и образовавшийся в 1979 г. Временный революционный комитет Народно-освободительных сил (ВРК—НОС).

Воспользовавшись прекращением огня с осени 1974 г., объявленного [308] ВВАС, эритрейские сепаратисты усилили вооруженную борьбу. В результате к середине 1978 г. от их рук погибли свыше 13 тыс. военнослужащих правительственных войск и более 33 тыс. гражданских лиц. Не менее 200 тыс. мирных жителей, не выдержав ужасов подрывных действий сепаратистов, покинули провинцию [158, с. 25]. Общий ущерб, нанесенный эритрейскими сепаратистами в то время, исчислялся почти в 2,5 млрд. бырров [180, с. 105].

После падения монархии «действия эритрейских сепаратистов, по существу, сомкнулись с контрреволюционными действиями монархических кругов, многочисленных врагов прогрессивной власти. Противопоставив собственные интересы интересам подавляющего большинства населения и настаивая на обособлении Эритреи, сепаратистская верхушка наносила уже прямой вред революции...» [124, 1978, № 6, с. 79]. Отстаивая принцип территориальной целостности и единства страны и право ее народов на самоопределение в форме региональной автономии, ВВАС еще в мае 1976 г. предложил эритрейским «освободительным» фронтам программу из 9 пунктов мирного решения проблемы Эритреи, доставшейся в наследство от прошлого режима [57, с. 29—31]. Те отказались пойти на переговоры на основе разработанного ВВАС документа и, даже наоборот, посчитав его появление за слабость позиций революционной Аддис-Абебы, развернули широкое наступление против эфиопской армии, захватив значительную часть территории провинции, в том числе семь крупных городов, а также блокировав Асмэру, Асэб, Массауа и Барэнту. Возникла реальная возможность раскола Эфиопии, а в конечном счете поражения революции. В этих условиях ВВАС направил в Эритрею крупные воинские подразделения, которые сломали тогда сопротивление сепаратистов, но полностью ликвидировать их движение властям не удалось.

ВВАС, стремясь во что бы то ни стало прекратить боевые действия эритрейских сепаратистов, пытался опереться в провинции на здоровые силы, на трудящихся. После упразднения в сентябре 1987 г. ВВАС ту же самую линию проводят государственные органы НДРЭ.

Не всегда, однако, предпринимаемые меры были удачны. Так случилось, например, с «красным маршем» тысяч крестьян и горожан из центральных районов в Эритрею для поддержания единства страны, прекращения кровопролития и подъема патриотических настроений среди населения. Революционные власти не раз объявляли амнистию боевикам эритрейских «фронтов», предлагая им добровольно сдаться. Важной вехой в стабилизации положения в Эритрее, ликвидации ущерба, причиненного сепаратистами, и осуществлении в провинции революционных преобразований явилось общенациональное совещание в Асмэре, созванное ВВАС и завершившееся 1 января 1982 г. принятием Асмэрского манифеста. Он положил начало осуществлению широкомасштабной кампании по развитию Эритреи, получившей название «Красная звезда». На восстановление хозяйства и улучшение условий жизни населения уже затрачено более 275 млн. бырров; в школах обучается свыше 140 тыс. детей; введено в строй 15 крупных заводов, разрушенных сепаратистами; около 73% взрослых горожан провинции научились читать и писать [138, [309] 29.11.1983; 147, 20.03.1984]. Среди населения пропагандируется идея Эфиопии как общего дома, в котором трудящиеся сообща делят и радости и печаль [138, 03.05.1983].

ВВАС, однако, неоднократно отказывался от переговоров, предлагавшихся НФОЭ и ФОЭ. Ту же самую позицию заняли РПЭ и правительство НДРЭ. Дело в том, что выдвигавшиеся этими организациями предварительные условия, по мнению Аддис-

Абебы, ущемляли суверенитет Эфиопии, подрывали ее внутреннюю стабильность (например, проведение референдума в Эритрее о будущем ее государственном устройстве под наблюдением международной комиссии; проведение переговоров при посредничестве ООН, Лиги арабских стран, Организации Исламская конференция и ОАЕ). Некоторые сепаратистские организации Эритреи, маневрируя, выдвигают то одно требование, то другое, не давая властям даже времени на рассмотрение сделанных предложений, как было, например, в августе 1986 г. в вопросе прекращения огня в связи с нашествием саранчи.

Ряд руководителей эритрейских сепаратистов имеют постоянные контакты с эфиопским правительством. Особенно следует упомянуть НФОЭ, который участил политические сношения с Аддис-Абебой в середине 80-х годов. В марте 1986 г. НФОЭ и возникший совсем недавно ФОЭ — Объединенные организации высказались против отделения Эритреи от Эфиопии, но потребовали предоставления населению этой провинции права на самоуправление в рамках эфиопского государства. К такому мнению они склонились, вероятно, не только в результате предпринятой тогда Суданом посреднической деятельности, но и вследствие тяжелых потерь, понесенных сепаратистами в ходе осуществления революционной властью с августа 1985 г. военной кампании «Красное море». Но уже год спустя НФОЭ, ставший в ходе ожесточенных междоусобиц основной военно-политической силой сепаратистов в Эритрее, вновь заявил об отделении этой провинции и образовании самостоятельного государства. Осенью 1987 г.— весной 1988 г. он столь интенсивно развернул боевые действия, что значительная часть Эритреи, в том числе чуть ли не все крупные города (кроме Асмэры, Кэрэна, Асэба, Массауа), оказалась под его контролем.

Активизация вооруженной борьбы произошла, несмотря на то что парламент Эфиопии (Национальное шэнго), приняв в сентябре 1987 г. конституцию НДРЭ (см. ниже), провозгласил принцип региональной автономии также и для Эритреи и принял соответствующее обращение к населению провинции и сепаратистским организациям. Ситуация в Эритрее настолько осложнилась, что власти 14 мая 1988 г. ввели военное положение в этой провинции, а также в Тыграе, где обстановка заметно обострилась. Это явилось результатом совместных выступлений НФОЭ и Национального фронта освобождения Тыграя (НФОТ) [110, 04.05.1988, 25.04.1988; 159, 07.04.1988; 138, 08.05.1988; 116, 1987, № 49, с. 13]. От правительства потребовались [310] большие усилия, чтобы восстановить свой контроль над захваченными сепаратистами районами в Эритрее и Тыграе. Эти усилия предпринимались и в начале 1989 г.

В войсках НФОЭ — 30—40 тыс. человек, НФОТ—10 тыс. Они хорошо вооружены. У сепаратистов Эритреи имеются даже танки, бронетранспортеры, артиллерия и пр. Штаб-квартира НФОЭ находится в Орота — лабиринте узких ущелий в засушливом горном районе Северной Эритреи. По сообщению газеты «Араб ньюс», издающейся в Джидде, от 21 ноября 1987 г. НФОЭ образовал парламент в изгнании, потребовавший провести плебисцит в Эритрее и отвергший еще раз предложенную по конституции НДРЭ региональную автономию. В газете «Индепендент» от 6 апреля 1988 г. отмечалось, что в случае даже обретения Эритреей независимости не исключается ее политический раскол по лингвистическому и религиозному признаку.

НФОТ возник еще в 1970 г. под именем «Национальная организация Тыграя», выступив со временем с идеей создания «Великого христианского Тыграя» из всех населенных тыграи районов Эфиопии. К концу 80-х годов НФОТ под влиянием НФОЭ ужесточил свою позицию, выдвинув лозунг освобождения всех народностей Эфиопии [110, 04.05.1988]. Его руководство полагает, что в условиях повсеместного подъема сепаратистского движения легче добиться своих целей. А этнополитическая ситуация в Эфиопии очень сложная, острая. Нельзя не упомянуть также об образованном в 1975 г. «Фронте освобождения афаров», в котором объединились сторонники данакильского султана Али Мираха Анфере, тесно связанного с Хайле Селассие и рассчитывавшего

после его низложения добиться отделения от Эфиопии земель афаров для сохранения собственной власти и феодально-племенных порядков; «Фронте освобождения оромо», развернувшем в 70-е годы широкие наступательные действия против революционной армии в целях образования самостоятельной «Оромии» на территории, где проживают оромо, и прочих «фронтах», сформировавшихся на этношовинистической и этнопартикулярной основе. В результате их деятельности серьезной угрозе подверглось территориальное единство Эфиопии, но власти не отступили, провозгласив и в конституции 1987 г. принцип унитаризма эфиопского государства. Несмотря на прилагавшиеся усилия, властям в Аддис-Абебе так и не удалось покончить с этими сепаратистскими организациями, за исключением, пожалуй, «Фронта освобождения афаров». Идея самостоятельного государства охватывала не только элитарные круги того или иного народа, но и массы.

Тяжелое военно-политическое и экономическое положение, в каком оказалась революционная Эфиопия в результате активизации к середине 1977 г. различных «освободительных фронтов», левацких ЭНРП и ЭКП, реакционно-монархического ЭДС и выступлений вооруженных отрядов отдельных крупных помещиков, использовал правящий режим Сомали, совершив летом 1977 г. агрессию с целью захвата эфиопских земель на юго-востоке. Власти Сомали непосредственно опирались в Эфиопии [311] на поддержку «Фронта освобождения Западного Сомали» и «Фронта освобождения сомалийцев-аббо», содержавшихся за их же счет. Они имели контакты также с другими сепаратистскими организациями в Эфиопии, подталкивая их на усиление наступательных операций против эфиопской армии.

Заручившись согласием Вашингтона, Лондона, Парижа, Бонна, Рима, шахского Ирана, саудовского Египта и Саудовской Аравии на поставки оружия и предоставление финансовых средств, режим Сиада Барре в Сомали бросил 23 июля на осуществление своих планов почти двадцатитысячную армию. К этой акции в Могадишо, согласно заявлению эфиопского правительства, готовились еще с середины 1975 г. [355, с. 163]. В короткий срок, не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны малочисленных эфиопских подразделений (основная часть которых была занята подавлением различных сепаратистских и контрреволюционных организаций в других районах страны), вторгшимся частям удалось захватить около 20% территории Эфиопии.

Оккупанты стремились для реализации своих целей сыграть на этнических противоречиях оромо-амхара, вызвав у первых подъем этношовинистических, этнопартикулярных настроений [355, с. 164]. Но в целом они просчитались: массы оромо не перешли на сторону врага. Зато, как указывалось в правительственной брошюре «Военные в эфиопской революции»; «ЭДС, ЭНРП, сесеционисты и консерваторы хотели сдать Эфиопию Сиаду Барре... Эти предатели помогали армии агрессора, действуя как информаторы и показывая врагу местоположение эфиопских военных лагерей. Эти группы распространяли в эфиопских войсках мысль о том, что война, в которой они сражаются,— несправедливая и что сомалийская армия вправе напасть на Эфиопию» [61, с. 33]. Ситуация в стране осложнялась также из-за нехватки топлива, сырья, продовольствия, была парализована работа многих предприятий, коммуникации с портами были нарушены.

Положение Эфиопии еще более ухудшилось, когда в ответ на закрытие в конце весны 1977 г. по инициативе ВВАС американских учреждений (кроме посольства) в городах страны, выдворение военной миссии США и денонсацию соглашений 1953 г. Вашингтон отказал Аддис-Абебе в предоставлении оружия, ослабив тем самым ее боевой потенциал. Госдепартамент предлагал, однако, Судану и Египту военную помощь в обмен на их обещание послать в Сомали свои войска [116, 1978, № 31, с. 16]. США, Франция и Англия предприняли даже попытку прямого военного нажима на Эфиопию, организовав в начале апреля 1978 г. в Красном

море и в северо-западной части Индийского океана совместные военно-морские маневры [123, 05.04.1978].

Но революция выстояла. На призыв ВВАС о всеобщей мобилизации от 20 августа 1977 г., когда военно-политическая ситуация в стране складывалась далеко не в пользу революционных сил, откликнулись тысячи и тысячи простых людей, тружеников, честных представителей интеллигенции и государственных [312] служащих. Они пополняли ряды армии и народной милиции, к формированию которой в Аддис-Абебе приступили еще в 1976 г., а в 1977 г. усилили ее военную подготовку. Важное значение имели комитеты защиты революции, организованные на местах. В сплочении населения большую роль сыграло созданное 29 августа 1977 г. Национальное революционное оперативное командование. В столице и других городах трудящиеся, вооружившись, участвовали в подавлении контрреволюционного подполья, представленного прежде всего ЭНРП и ЭКП (см. [227, с. 27]). Происходила консолидация народных масс вокруг ВВАС. Помощь пришла из стран социалистического содружества, прежде всего из СССР, Кубы, ГДР [226, с. 128].

К середине марта 1978 г. эфиопская армия и народная милиция при поддержке кубинских воинов-интернационалистов разгромили войска Сомали, освободив полностью страну от захватчиков. Да к тому же в результате военного успеха Эфиопии в Могадишо был распущен «Фронт освобождения сомалийцев — аббо», а «Фронт освобождения Западного Сомали» оказался не в состоянии проводить крупные операции. Однако это еще не означало, что он отказался от осуществления террористических акций, тем более что под видом его боевиков до 1986 г. проникали в Эфиопию подразделения регулярной сомалийской армии. К этому времени «фронт», желая продемонстрировать свою якобы самостоятельность по отношению к Могадишо, выступил даже с идеей создания «независимой республики Огаден». Приграничные стычки между подразделениями Эфиопии и Сомали происходили и в 1986 и в 1987 гг. И не всегда бесспорно правы были в Аддис-Абебе.

Разгром войск агрессора в 1978 г., сотрудничавших с ним «фронтов» и поражения, нанесенные сепаратистам в Эритрее, Тыграе и других районах, дали возможность говорить о стабилизации к 1980 г. внутривнутриполитического положения в Эфиопии [21, с. 19]. Страна прорвала вражеское кольцо осады, но в ее пределах не все было спокойно. Многие конфликты были подавлены, а не устранены полностью и окончательно. Их латентное состояние грозило новыми вспышками обострения ситуации. Так оно порой и случалось.

Формирование идейно-политической концепции развития Эфиопии (1974—1984). Распространение идей научного социализма

В исключительно сжатые сроки эфиопские революционеры выработали прогрессивную идейно-политическую концепцию, положенную в основу всей практической деятельности ВВАС до сентября 1984 г. В Программе национально-демократической революции, обнародованной 21 апреля 1976 г., содержались ее принципиальные положения и определялись узловые моменты стратегии развития страны. [313]

Революционная демократия при формулировании этой программы обратилась к научному социализму [133, 1977, № 17, с. 93], но целиком, конечно ему не следовала.

Анализ предшествовавших этой программе документов; ВВАС, излагавших задачи и перспективы революционного движения в Эфиопии, свидетельствует об острой борьбе в его рядах вокруг выбора пути развития, методов реализации принятых решений, об идейной эволюции в революционных кругах и о сложностях в определении целей движения.

В начале революции военные не имели четкой программы действий, у них отсутствовала ясная идеологическая платформа, да и сами восставшие солдаты и офицеры, судя по всему, не осознавали масштабов начатого ими дела. Требования армейских частей, предъявляемые правительству в феврале 1974 г., и заявление ККВС из 13 пунктов от 9 июля того же года носили общедемократический характер.

В официальном разъяснении лозунга «Эфиопия — прежде всего», опубликованном 27 июля 1974 г., в самых общих чертах указывалось на необходимость достижения социальной справедливости, смены власти, единства страны и участия народа в строительстве сильного и процветающего государства, а также преобладания общественных интересов над личными целями [138, 27.07, 14.08.1974]. Однако содержание лозунга, ставшего очень популярным, в целом было расплывчатым, неконкретным, внеклассовым. Оно отражало наличие различных идейно-политических течений в нараставшей антифеодальной, антиимператорской борьбе, представлявших многообразие сложившихся или складывавшихся общественных взглядов на будущее страны (ликвидация монархии, конституционная монархия, буржуазная республика, беспрепятственное развитие капитализма, построение социалистического общества и т. д.). В этом — основа последующей поляризации политических сил революции, ее руководства в ВВАС.

В февральско-сентябрьских условиях 1974 г. революционно-демократическая группа в армии и ориентировавшиеся на нее гражданские слои не желали нарушать возникшее единство участников антифеодального движения и поэтому прибегали к единственно правильной тактике постепенного обнародования своих целей и взглядов.

Не представляла собой развернутой программы действий и «Декларация об учреждении временного военного правительства», одно из первых постановлений революционной власти. В ней указывалось наряду с фактом низложения Хайле Селассие и переходом управления государством к ВВАС, что, во-первых, аграрная реформа — главная проблема Эфиопии, во-вторых, отмена конституции 1955 г. и роспуск парламента осуществлены в связи с их несоответствием лозунгу «Эфиопия — прежде всего», в-третьих, со временем будет созвана народная ассамблея для образования правительства и одобрения конституции, представленной [314] после пересмотра августовского проекта в соответствии с «социальной, экономической и политической философией новой Эфиопии» [146, 1974, № 1]. В этом постановлении вновь ничего не говорилось о социально-экономической ориентации страны, о характере предполагавшихся изменений. То же самое повторялось и в декларации «Разъяснение лозунга „Эфиопия — прежде всего“, опубликованной 30 октября [138, 31.10, 1.11.1974; 212, с. 74—82].

В ней весьма туманно и расплывчато шла речь о необходимости изменения социальной структуры эфиопского общества, государственной защиты интересов большинства населения, о национальной независимости и территориальной целостности, разработке национальной политики в области образования, ликвидации частных школ, государственном контроле над системой здравоохранения, над землей, о полной децентрализации власти, создании новой морали, содействующей прогрессу страны (в том числе о братских взаимоотношениях между народами Эфиопии, уважении к другим народам и особенно к соседям), введении справедливой системы судопроизводства, об образовании «правительства народа, избранного народом и для народа», устранении этноконфессионального неравенства, а также о предоставлении населению права на труд, бесплатное образование и медицинское обслуживание. Безусловно, прогрессивной идеей в декларации было провозглашение принципа разделения власти.

Этот официальный документ, призванный по замыслу его составителей стать идейно-политической платформой революционного движения в Эфиопии, затушевывал классовые противоречия в обществе, наличие различных идейно-политических подходов к решению его узловых проблем, не имел определенной, четко очерченной национальной цели развития. Обстановка в стране, однако, складывалась таким образом, что от ВВАС,

его прогрессивных сил и сотрудничавших с ними гражданских групп настоятельно требовалось выработать ясную программу общественно-экономических преобразований. Этого требовали и задачи расширения социальной базы революции, ибо иначе, замкнувшись в узкокорпоративных армейских рамках, она неминуемо пришла бы к поражению.

К тому же активизировались сторонники капитализма, поддержанные значительной частью лишенного политической власти феодального класса и нашедших в лице Амана Микаэля Андома выразителя своих интересов. Ведь не кто иной, как тогдашний председатель ВВАС отверг еще 20 сентября 1974 г. возможность использования социалистического учения для строительства новой Эфиопии, порадовав тем самым эксплуататорские классы [206, с. 41]. Его практические шаги также вселяли в них надежду.

В то же самое время в обстановке идеологического противоборства происходило дальнейшее упрочение революционно-демократических [315] тенденций в жизни общества, в том числе в армейской среде. 20 декабря 1974 г., почти сразу же после ликвидации заговора временное правительство обнародовало политическую декларацию «Эфиопия — прежде всего: происхождение и пути развития движения» [38; 212, с. 83—96], в которой излагались принципы построения «эфиопского социализма». В ней впервые в истории Эфиопии указывалось, что целью ее общественно-экономического развития является построение социалистического общества. Философией нового режима объявлялся лозунг «Эфиопия — прежде всего», или «эфиопский социализм», основные черты которого — опора на собственные силы, уважение к труду, преобладание общественных интересов, неделимость эфиопского государства и равенство. В его содержании просматриваются некоторые идеи, обнаруживаемые в существовавшей в те годы концепции в ряде стран Восточной Азии. В декларации намечались следующие экономические преобразования: национализация основных средств производства, установление государственного контроля над главными предприятиями, сохранение частного сектора в рамках, отвечающих духу философии «Эфиопия — прежде всего», допуск иностранного капитала, размеры и условия инвестирования которого не противоречили бы социалистической ориентации Эфиопии, развитие промышленности, введение трех форм землепользования (государственная, кооперативная, частная), развитие сельского хозяйства на коллективных началах. Туманно, однако, говорилось о национализации земли.

В социальной области предусматривались уничтожение эксплуатации, неграмотности, болезней, нищеты и голода, поддержка семьи как основы нового эфиопского общества, предоставление права свободного доступа широких масс населения к медицинскому обслуживанию, образованию и другим социальным услугам государства, а также содействие росту культурного уровня народа. Военные объявили, основываясь на опыте многих развивающихся стран, о своей приверженности однопартийной системе и предстоящем создании прогрессивной партии с функциями верховного политического органа. В будущем предполагалось организовать народный контроль за деятельностью правительства и расширить полномочия властей на местах, оставив за центральным аппаратом общегосударственные вопросы.

Эфиопии предстояло осуществлять важные меры на международной арене. В декларации особо подчеркивался антиимпериалистический, антиколониальный характер эфиопской революции, рассматривавшейся как часть общемировой борьбы за победу социальной справедливости. Специально отмечалось, что эфиопское государство будет крепить солидарность с народами Африки, со всеми миролюбивыми и прогрессивными государствами мира.

Революционная власть, ссылаясь на этнические и культурные [316] связи между народами Эфиопии, Сомали, Судана и Кении, предложила образовать на основе этих стран Восточно-Африканскую конфедерацию (форма государственного союза могла быть

и иной). Одновременно объяснялось, что у Эфиопии нет территориальных претензий к соседним государствам [38; 110, 21.12.1974].

Провозглашение «эфиопского социализма» — этап в идейно-политической эволюции тех, кто возглавил антифеодальное движение. Вместе с тем эта концепция отражает свойственную всем «национальным социализмам» некритическую оценку классовой борьбы и даже ее полное отрицание. В этом же контексте следует рассматривать упор на специфику местных условий, обращение к внеклассовым аспектам равенства, справедливости, восхваление прошлых (до Хайле Селассие) правителей, царствование которых рисовалось как «золотой век». В специальном подчеркивании первостепенного значения принципа «опоры на собственные силы» в системе «эфиопского социализма» обнаруживается влияние, с одной стороны, воззрений Всеэфиопского социалистического движения и других группировок (см. далее), с которыми в то время дэрг сотрудничал, а с другой — националистических элементов, объединявшихся вокруг тогдашнего председателя ВВАС бригадного генерала Тэфэри Банти и одного из его заместителей, подполковника Атнафу Абате.

Вместе с тем в декларации содержались общедемократические положения научного социализма: ликвидация эксплуатации человека человеком, общественная собственность на средства производства, широкое участие трудящихся в общественной жизни и т. д. [227, с. 23]. Они, несомненно, послужили отправной точкой при дальнейшем формировании прогрессивных взглядов в стране.

3 февраля 1975 г. в соответствии с декларацией «Эфиопия — прежде всего: происхождение и пути развития движения» правительство приняло «Решение об организации экономики государства», национализировав 72 местные и иностранные компании и приобретя в 29 — контрольный пакет акций. В нем подтверждался выбор страной «эфиопского социализма», подкрепленный уже практическими шагами, когда в руках революционной власти оказались важнейшие предприятия. Они наряду с перешедшими в собственность государства банками, 13 страховыми компаниями, недвижимостью бывшего монарха, членов его семьи и ряда видных сановников свергнутого режима составили экономическую основу новой власти.

Затем правительство опубликовало Декларацию экономической политики Социалистической Эфиопии [39], которая с большей полнотой раскрывала планы строительства национальной экономики. В ней еще раз обосновывалась необходимость государственного контроля над ключевыми отраслями народного хозяйства, а также всеми природными ресурсами страны. Учитывая специфику общественно-экономических структур [317] Эфиопии и в соответствии с прогрессивными тенденциями ее современного развития, Декларация четко определила сферы деятельности государственного, частного и смешанного капитала. Предоставляя государству ведущее положение в экономике, она ограничивала рамки приложения частного капитала. В этом документе определена стратегия хозяйственного развития страны на достижение экономической независимости. В нем вновь подчеркивалось, что «опора на собственные силы» — краеугольный камень «эфиопского социализма».

Согласно декларации, в стране первостепенное внимание уделялось развитию сельского хозяйства, причем, что особо подчеркивалось, на коллективных началах. Предусматривая расширение промышленного производства, ВВАС намеревался наряду с крупными заводами и фабриками создать небольшие предприятия.

Различные стороны Декларации от 20 декабря 1974 г. и Декларации экономической политики Социалистической Эфиопии разъяснялись и уточнялись в последующих заявлениях ВВАС, его членов и военного правительства. Однако по мере укрепления революционно-демократических сил в ВВАС, в стране в целом, претворения в жизнь прогрессивных реформ, расширения социальной базы революции и устранения ее явных и тайных врагов все реже использовался лозунг «Эфиопия — прежде всего» в значении философии «эфиопского социализма». Вместо нее все чаще руководство Эфиопии и

другие радикальные слои ссылались на научный социализм как основу хозяйственного, социального и политического развития. С принятием 21 апреля 1976 г. «Программы национально-демократической революции в Эфиопии» [59], знаменовавшей собой новый шаг в идейно-политической эволюции и практической деятельности ВВАС и поддерживавших его сил, из политического лексикона вовсе исчезло упоминание об «эфиопском социализме».

Эта программа характеризовалась большей четкостью и ясностью целей и задач революции.

«Главная задача национально-демократической революции,— подчеркивалось в программе,— состоит в том, чтобы освободить Эфиопию от ига феодализма и империализма и создать основы для перехода к социализму». В построении новой Эфиопии участвуют все антифеодальные и антиимпериалистические силы. Рабочему классу отводилась роль авангарда трудящихся, политического и идейного руководителя социально-экономических преобразований, а вооруженным силам — защитника территориальной целостности государства. Основными врагами эфиопской революции объявлялись феодалы, империализм и бюрократический капитализм — продукт двойственного, полуфеодального и полукапиталистического характера эфиопского общества.

В программе большое внимание уделялось проблемам, связанным с борьбой за территориальное единство страны, признавалось [318] право наций на самоопределение, равенство в правах. Программа утверждала, что в интересах революции требуется сохранение территориальной целостности страны, но не исключала, а, наоборот, даже особо провозглашала предоставление региональной автономии всем народам, равных для них возможностей участия во всех сферах жизни государства, гарантировала им гражданские свободы.

Программа указывала на необходимость построения независимой национальной экономики, расширения и укрепления госсектора, создания пролетарской партии, развития просвещения, улучшения жизни народных масс, ликвидации неграмотности. Программа допускала образование нескольких демократических партий в рамках единого фронта прогрессивных сил, руководимого партией рабочего класса. Вероятнее всего, это в то время было уступкой тем политическим группировкам, какие вышли тогда на авансцену общественной жизни страны. Предполагалось также, что после создания широкого революционного фронта и «организации масс» будет созвана ассамблея из представителей партий и общественных организаций, избранных демократическим путем. «В соответствии с конституцией, — говорилось в программе, — которую одобрит ассамблея, будет провозглашена Народная Республика Эфиопия под руководством партии рабочего класса».

В международном плане программа предусматривала последовательность проведения Эфиопией политики неприсоединения и невмешательства во внутренние дела государств, уважения национальной независимости, территориальной целостности, принципов уставов ООН и ОАЕ, а также активное сотрудничество с государствами Азии, Африки и Латинской Америки и со всеми освободительными движениями. Особое внимание при этом уделялось связям с соседними странами.

Таким образом, программа намечала стратегическое направление развития Эфиопии. За полтора—два года произошел заметный сдвиг в идейно-политической эволюции эфиопских революционеров. Отказавшись, как можно судить по Программе, от мелкобуржуазных, националистических взглядов, в том числе от эклектического понятия «эфиопский социализм», они стали ближе к идеям научного социализма. Признание классов и классовой борьбы явилось принципиально важным завоеванием революционной демократии Эфиопии; не отвергались, однако, и общеэфиопские, и общечеловеческие ценности.

В декрете, выпущенном 29 декабря 1976 г., специально указывалось, что руководство Эфиопии рассматривает «строительство общества, основанного на принципах научного социализма, как единственный путь решения сложных проблем, стоящих перед страной» [121, 1977, № 2, с. 127]. Этому признанию предшествовали жаркие идеологические дискуссии, получившие широкое освещение в эфиопской печати. Показательно, что никто из ее участников не подвергал сомнению социалистическое будущее [319] Эфиопии. Спорили о путях достижения этой цели. Те, кто поддерживал ВВАС, отстаивали в целом позицию военных о необходимости сотрудничества всех прогрессивных сил, возглавляемых армией, в создании новой Эфиопии и повышении роли государства в этом процессе. Оппозиция же, представленная в значительной степени ЭНРП, настаивала на «неограниченной демократии» и анархистских, по сути своей, методах решения насущных проблем страны. Далеко не все эфиопы понимали смысл развернувшейся полемики, многие пытались даже объяснить ее межэтническими противоречиями [356, с. 27]. Крестьянские массы и горожане в большинстве своем были в стороне от этих дискуссий.

В целом в стране (да и в руководстве) не было четкого понимания того, что научный социализм — творческая, постоянно развивающаяся теория, призванная в случае реализации ее положений предоставить высшие формы демократизма.

В соответствии с требованиями Программы НДР, в целях ее пропаганды, политической активизации народных масс, их объединения в общественные организации в стране учреждалось Временное бюро по организации народных масс (ВБОМ).

Его структура и задачи были определены в специальном постановлении ВВАС. В нем же сообщалось об открытии центра по подготовке идеологических кадров в стране — политической школы «Йекатит-66». «Оба эти института,— указывалось в официальной брошюре,— сыграли важную роль в революционном процессе... в Эфиопии» [62, с. 5]. Они оживили политическую и культурную жизнь страны, содействовали росту общественной активности и сознательности трудящихся. Их деятельность вышла далеко за пределы столицы, вследствие чего с марксистско-ленинской идеологией, положениями Программы НДР и перспективами развития Эфиопии могли знакомиться в разных районах страны.

Большую работу по организации учебного процесса, включающего преподавание марксизма-ленинизма, Программы НДР и других общественных дисциплин, проделали сотрудники школы «Йекатит-66». В ней уже к сентябрю 1977 г. прошли обучение более 3,3 тыс. человек [45, с. 11]. На местах они проводили в жизнь решения ВВАС, становились пропагандистами научного социализма. Всего же к началу 1987 г. ее закончили свыше 16 тыс. человек.

Но не все выпускники этой школы оказались стойкими революционерами. Некоторые из них лишь вредили делу революции [70, с. 35—36]. В число ее слушателей, особенно на первых порах, попадало немало сторонников оппозиционных группировок, часть из которых по тактическим соображениям сотрудничала с ВВАС. Из-за обструкционистской и явно подрывной деятельности таких псевдореволюционеров, а также из-за внутренней борьбы в ВБОМ за власть и влияние заметно сдерживалось распространение марксизма-ленинизма. Однако в [320] целом, как официально признано в Эфиопии, «кадры ВБОМ... и выпускники... политической школы внесли значительный вклад в революционную борьбу» [70, с. 35].

Со временем набор в школу стал более организованным, учитывающим деловые качества и преданность слушателей революции, их заинтересованность в судьбах Эфиопии, хотя и не исключены, конечно, определенные просчеты. Совершенствовался в ней также учебный процесс. Работники государственного аппарата, предприятий и военнослужащие изучают теперь теорию научного коммунизма, политэкономии, проблемы международного рабочего движения, историю Эфиопии и некоторые другие предметы.

Что касается ВБОМ, то в феврале 1979 г. власти закрыли эту организацию, а идеологическую работу в стране возглавила Комиссия по организации Партии трудящихся Эфиопии (КОПТЭ). С ее образованием начался новый этап в идейно-политической эволюции эфиопского общества.

Особое внимание уделяется идеологическому воспитанию военнослужащих, составляющих оплот эфиопской революции. В армейской среде введен институт политработников, которые занимаются распространением среди воинов марксистско-ленинских знаний. С созданием в 1979 г. КОПТЭ (см. ниже) функции политической подготовки военнослужащих были переданы действующему в ее рамках Главному политическому управлению в вооруженных силах [158, с. 12]. Значение политической работы в армии еще более возрастает в связи с введением в Эфиопии с 1983 г. всеобщей воинской повинности для лиц 18—30 лет. На военной службе и в территориальной народной милиции, организуемой на основе специального декрета от 11 мая 1983 г., эфиопские юноши в течение 2,5 года будут не только учиться воинскому делу, укрепляя тем самым обороноспособность страны и внося свой вклад в революционный процесс, но и повышать уровень своей общественной сознательности. Однако реализация этого закона наталкивается на ряд трудностей, в том числе на нежелание части молодежи нести воинскую службу.

Большую роль в изменении социальной психологии народных масс, еще отягощенной дореволюционными представлениями, играют профсоюзные и другие общественные организации, сформировавшиеся или реорганизованные в послесентябрьские годы. С их участием осуществлялись такие движения, как «звездный рабочий», «лучший рабочий», «Красная звезда», социалистическое соревнование и др. Подъему общественного сознания трудящихся способствуют дискуссионные форумы, проходящие на предприятиях и в учреждениях. На них ведутся дискуссии об идеологических, политических и экономических проблемах Эфиопии. Эти форумы действуют с апреля 1976 г.

В январе 1981 г. был издан декрет о массовом изучении марксизма-ленинизма в стране и его распространении в сети [321] дискуссионных форумов. В течение еженедельных двухчасовых занятий слушатели знакомятся с основами марксистско-ленинского учения. После проведенной реорганизации функционирует 13 тыс. дискуссионных форумов, причем эффективность их работы нуждается, как отмечалось руководством Эфиопии, в дальнейшем совершенствовании [41, с. 27].

Конечно, в плане изменения мировоззрения и миропонимания трудящихся сделаны лишь первые шаги: искоренить старые представления, предубеждения — довольно трудное дело, требующее значительно большего времени, чем одно лишь минувшее пятнадцатилетие. Да к тому же правительственные меры по политизации масс охватывают далеко не все даже работающее по найму население, не говоря уже о почти 300 тыс. безработных в городах. Пропагандистской работе в стране свойственно нередко начетничество, отрыв от реальной обстановки, деформированное, искаженное толкование научного социализма. Политическое просвещение населения осложнено его значительной еще неграмотностью или малограмотностью. Это придает поверхностный характер приобретаемым знаниям, вызывает известные колебания и даже неверное понимание марксистско-ленинских положений.

Важную роль в идейно-политическом воспитании народных масс играет эфиопская печать, радио, телевидение. Эти средства массовой информации стали важным фактором ускорения и упрочения революционного процесса в Эфиопии, хотя вследствие слабости материальной базы влияние их пространственно ограничено. Издаются новые журналы и газеты, увеличивается их тираж. Появилась периодика на языках оромо (газета «Бериса» тиражом в 2 тыс. экземпляров).

В стране широко распространяются труды классиков марксизма-ленинизма, а также книги по вопросам внутренней и внешней политики СССР, по проблемам

философии, политэкономии, строительства социализма. Существенна роль в выпуске и распространении политической литературы государственного издательства «Кураз», располагающего магазинами по всей стране. Немало книг поступает из Советского Союза: только за 1976—1980 гг. было поставлено в Эфиопию около 2 млн. экземпляров книг, в числе которых — ленинские работы, труды К. Маркса и Ф. Энгельса, монографии по политической экономии и философии [123, 02.04.1980].

В ходе политического просвещения масс заметный упор делается на воспитание у всего населения, неоднородного по этнической и религиозной принадлежности, чувства нерасторжимости его судеб, национально-политической общности, территориальной неделимости и единства Эфиопии. Заметна роль в этом образованного в 1983 г. Института национальностей Эфиопии, в составе которого немало кадровых политработников, дипломатов и ученых. Его научная и практическая деятельность по подготовке проекта конституции страны, изучению различных [322] аспектов жизни ее многочисленных народов и по разработке условий предоставления им региональной автономии содействует формированию новой политической культуры Эфиопии, повышению общественной активности масс. Создание этого института расценивалось в Эфиопии как одно из важных достижений революции [123, 30.03.1984].

Всей этой многогранной работе по политическому просвещению народных масс предшествовала кампания «Развитие через сотрудничество» («Зэмэча»), начавшаяся с конца 1974 г. и проходившая в сельской местности в целях разъяснения крестьянам смысла происходящих в Эфиопии перемен, обучения их грамоте, агротехническим и санитарно-гигиеническим знаниям, политического пробуждения тружеников деревни, помощи (с марта 1975 г.) в реализации аграрной реформы, а также строительства различных хозяйственных, культурно-просветительских и бытовых объектов [40; 146, 25.11.1974; 138, 25.11.1974]. В ней участвовало около 60 тыс. студентов, старшеклассников, учителей, университетских преподавателей и военнослужащих. Они были размещены в 437 специальных лагерях во всех провинциях (кроме Эритреи), где каждодневно в нелегких условиях вели свою работу. Особое значение их деятельности придавал закон о земле. Участники кампании — «зэмэчоч» стали рассматривать себя проводниками аграрной революции [355, с. 71].

При осуществлении задач «Зэмэчи» было немало трудностей, обусловленных отчасти нежеланием многих студентов и старшеклассников отправляться в деревню, их дезертирством, явным или тайным противодействием этому начинанию местных властей и слабой идейно-политической подготовкой самих «посланцев городов», а также известным предубеждением к новшествам и традиционной подозрительностью самих крестьян к людям из столицы. На ходе кампании негативно сказались поспешность, с которой она началась. На селе «зэмэчочам» противостояли помещики, ростовщики и другие деревенские эксплуататоры. От угроз и саботажа дело доходило до вооруженных нападений на лагеря «зэмэчоч», особенно после провозглашения аграрной реформы. Всего погибло или было ранено 116 юношей и девушек [138, 17.07.1975]. Вооруженное сопротивление землевладельцев мешало реализации планов «Зэмэчи». Но, несмотря на имевшиеся организационные недостатки и просчеты, подрывные действия феодалов, консерватизм деревни и антиправительственные акции небольшого числа учащих и преподавателей, вклад «Зэмэчи» в дело эфиопской революции оказался значительным [49, с. 26].

По подведении итогов этой кампании, завершившейся в 1976 г., выяснилось, что ее участники помогли с созданием 20 тыс. крестьянских ассоциаций, объединивших более 5 млн. хозяйств, обучили 700 тыс. человек на курсах ликбеза, построили 155 школ, 206 медицинских пунктов, 87 проселочных дорог [323] и высадили 2 млн. саженцев [138, 17.07.1976]. В целом отряды «Зэмэча» сделали многое для политического просвещения и организации крестьян. В том, что крестьянские массы пошли за революцией, а не поддержали феодалов, на что те надеялись, есть и заслуга участников кампании «Развитие

через сотрудничество». Под их влиянием начало формироваться новое мировоззрение в крестьянской среде, новые отношения в деревне. Да и сами «зэмэчч», работая в деревне, с массами, борясь с противниками преобразований, косностью крестьянского сознания, видя тяготы жизни сельских тружеников, приобретали опыт политической борьбы, углубляли свои познания общественных, ценностей, а также убеждались в необходимости перемен.

Создание Рабочей партии Эфиопии

Сам ВВАС в ходе острой борьбы с правыми и левозэкстремистскими идейно-политическими течениями постепенно приобрел четкую организационную структуру, окончательно оформившуюся в феврале 1977 г. после подавления очередной попытки контрреволюционного переворота. Он превратился в ведущую и руководящую силу формирования новой государственной системы.

ВВАС до самороспуска в сентябре 1987 г. был высшим законодательным органом страны. Его директивы и постановления были обязательны для всех государственных учреждений и неприменны к исполнению гражданами Эфиопии. Если в первое время после прихода к власти ВВАС принял на себя в известной мере, вследствие сложившейся обстановки, некоторые исполнительные функции, то позднее, в октябре 1976 г., произошло разграничение власти между ВВАС и правительством. Через свои органы (съезд, Центральный комитет, Постоянный комитет ЦК, различные отделы) ВВАС, стараясь преодолеть несовершенство доставшейся в наследство административной структуры, не раз предпринимал шаги по реорганизации государственного управления страной. Примерами здесь могут служить изменения в административно-территориальном управлении страной, перестройка работы старых и организация новых министерств и ведомств, а также значительное (хотя и далеко не завершившееся) обновление персонала государственных учреждений, численность которого к середине 80-х годов, достигла 120 тыс. человек. Нельзя не обратить при этом внимание на предупреждение журнала «Мэскэрэм», сославшегося на опыт Ганы при Кваме Нкруме и Египта после смерти Насера, о том, что раздутый государственный аппарат без строгого политического контроля со стороны правящей партии может представлять собой серьезную опасность для избранного прогрессивного социально-экономического курса страны и угрозу перехода ее на путь капитализма [153, 1983, т. 3, № 12, с. 13]. [324]

Вопрос о правящей партии обсуждался в военно-революционных кругах почти сразу же после низложения Хайле Селассие. В официальных документах ВВАС и правительства не раз указывалось на необходимость создания политической партии для успешного выполнения задач революции. В руководящих кругах страны постепенно сложилось мнение о целесообразности введения однопартийной системы как наиболее точно соответствующей политическим реальностям и экономическим императивам Эфиопии. В Аддис-Абебе пришли к убеждению и относительно того, что идеологической платформой создаваемой партии должен стать марксизм-ленинизм (см. [123, 28.01.1981]).

Развернувшееся партийное строительство наложило заметный отпечаток на все аспекты жизнедеятельности эфиопского государства, сопровождалось подъемом политического самосознания трудящихся, распространением социалистических идей, а также острой борьбой различных общественных сил.

Еще в декабре 1975 г. неофициальному политическому бюро, возникшему по инициативе ВВАС с привлечением гражданских радикалов во главе с возвратившимся из-за границы известным радикалом Хайле Фида, поручалось осуществить меры по формированию правящей прогрессивной партии [355, с. 115—117]. Эта попытка окончилась неудачей, хотя само политическое бюро явилось прообразом уже упоминавшегося ВБОМ.

ВБОМ, как известно, вменялось в обязанность также заняться партийным строительством. Но в нем разгорелась острая борьба за влияние и утверждение собственных позиций между сторонниками различных политических течений, сложившихся к тому времени в Эфиопии. Они были представлены пятью неофициально действовавшими политическими партиями или группировками, первое время поддерживавшими в целом революцию. Это — Всеэфиопское социалистическое движение (МЕЙСОН), члены которого — часть студенчества, чиновничества и бывшей эмиграции — назывались нередко по имени своего лидера Хайле Фида «фидаистами»; Революционная пламя (Абьетауи сэдэд), состоявшая из военнослужащих, в том числе большинства членов ВВАС, и имевшая связи с высокопоставленными чиновниками; Пролетарская лига (Воз адэр), созданная из числа представителей профсоюзов, интеллигенции и армии и возглавлявшаяся одним из самых последовательных сторонников ВВАС Сэнай Ликке (погиб 3 февраля 1977 г. в ходе подавления антиправительственного заговора); Марксистско-ленинская революционная организация (МАЛЕРИД), включавшая студентов и творческую интеллигенцию и выступавшая одно время как отколовшаяся часть МЕЙСОН или даже как молодежное крыло «фидаистской» партии; Революционная борьба угнетенных Эфиопии (ИЧАТ), выражавшая интересы крестьянства, мелких торговцев, ремесленников и национальных меньшинств и в меньшей степени походившая на партию. «Эти организации,— пишут советские исследователи Е. Денисов и В. Шараев,— выступали [325] с позиций, близких к марксизму, пропагандировали идеи научного социализма, работали среди трудящихся, особенно в городе. Но в силу мелкобуржуазного социального состава для них были характерны непоследовательность и колебания, порой забегание вперед при выдвигании политических лозунгов и определении этапов развития революции» [189, с. 10].

Между ними были значительные расхождения по ряду актуальных вопросов развития Эфиопии. Только Воз адэр и Абьетауи сэдэд вполне искренне и сознательно признавали необходимость военно-революционной власти [355, с. 188]. Да и сотрудничество некоторых из них с ВВАС осуществлялось скорее по стратегическим и тактическим соображениям с тайным умыслом последующего управления страной. Вот почему, например, МЕЙСОН квалифицировал свои отношения с ВВАС как политику «критической поддержки» [148, ноябрь 1977, с. 30], от которой «фидаисты» отказались, когда в середине 1977 г. их планы на главенство в революционном движении провалились, и перешли в лагерь оппозиции.

Для достижения тщательно скрывавшихся целей МЕЙСОН, временно соглашаясь на пребывание военных у власти, старался повсюду на государственной службе поставить своих членов, установить политический контроль над профсоюзами, министерствами, кэбэле и даже пытался использовать отряды самообороны для упрочения собственных позиций. «Мейсоновцы» преобладали среди преподавателей и выпускников школы «Йекатит-66», что давало МЕЙСОН возможность расширять влияние на массы. Подобным устремлениям фидаистов противодействовал Абьетауи сэдэд, позиция которого во многом совпадала с целями ВВАС. В отличие от МЕЙСОН и Абьетауи сэдэд, строивших свою деятельность на межэтнической основе, ИЧАТ, прикрываясь псевдореволюционной фразеологией, на деле придерживалась узконационалистического подхода в решении проблем Эфиопии, старалась посеять рознь между оромо и другими народами страны, отстаивала принцип этнополитического обособления рабочих в послесентябрьском движении и т. п.

Идеологические расхождения между МЕЙСОН, Абьетауи сэдэд, ИЧАТ, Воз адэр и МАЛЕРИД, тщательно скрывавшиеся на первых порах, давали о себе знать все с нарастающей силой, негативно сказывались на тенденциях общественной жизни, а также обрекли на неудачу попытки создать авангардную партию трудящихся на основе объединения этих пяти организаций. Оно произошло в феврале 1977 г. при посредстве ВБОМ и получило название Союз марксистско-ленинских организаций Эфиопии

(СМЛОЭ). Несколько позднее была опубликована Программа совместных действий, в которой участники Союза обязались твердо следовать Программе НДР, взаимодействовать с ВВАС и устранить в будущем имеющиеся между ними противоречия. ВВАС, одобряя образование СМЛОЭ и поощряя «пятерку» «к сотрудничеству, к идеологическому единству», полагал, [326] «что формально декретировать слияние этих групп, провозгласить „сверху“ создание пролетарской партии было бы ошибкой» [227, с. 115]. Однако СМЛОЭ просуществовал недолго. Разногласия между его участниками обострились, все больше в деятельности некоторых из них преобладали гегемонистские, мелкобуржуазно-националистические действия.

Первым нарушил достигнутую договоренность МЕИСОН, открытый разрыв которого с ВВАС и СМЛОЭ «нанес ошутимый урон делу революции, привел к определенной дезорганизации прогрессивных сил страны, к образованию вакуума в государственном аппарате, чем немедленно воспользовались реакционные элементы, заинтересованные в дестабилизации режима» [219, с. 11]. Отступничество «фидаистов» было осуждено, а их партия исключена из СМЛОЭ. Казалось, Союз вышел из сложившейся ситуации, еще более укрепив свои ряды.

Однако вскоре СМЛОЭ вывел из своих рядов ИЧАТ, которая продолжала придерживаться узконационалистических взглядов и превратилась, по существу, в представителя интересов МЕИСОН и в его агента в СМЛОЭ [189, с. 19]. К этому времени выяснилось также, что ИЧАТ развернула активную работу среди оромо, широко пропагандируя идею образования независимой «Оромии». ИЧАТ сотрудничала с «Фронтом освобождения оромо», признав программу последнего. Показательно, что после запрета ИЧАТ ее руководители присоединились к отрядам «Фронта освобождения оромо», а лидер ИЧАТ Баро Тумса стал главой этого фронта. «Некоторые члены ИЧАТ,— говорил Менгисту Хайле Мариам,— открыто встали на сторону реакционного режима Сомали и начали сражаться против революции» [49, с. 47]. От них не отстали и «меисоновцы».

Оставшиеся в Союзе организации опубликовали в августе 1978 г. два документа — «Совместное заявление о переходном периоде» и «Программа действий в переходный период»,— которые характеризовали текущий момент в жизни Эфиопии как очень сложный и требующий активизации усилий по созданию авангардной партии трудящихся. Был выдвинут лозунг «От союза к слиянию».

Однако вскоре в СМЛОЭ возник новый кризис, связанный с обструкционистской деятельностью руководства Воз адэр. Оно пыталось навязать свою волю другим участникам Союза и увеличивало число своих членов за счет явно анархистских и контрреволюционных элементов. По его инициативе немало приверженцев Воз адэр проникло в ряды Абъегауи сэдэд, разлагающе действуя на эту организацию. После того как произошла смена руководства Воз адэр, ситуация в Союзе несколько улучшилась, но противоречия полностью не были устранены. Даже в Абъегауи сэдэд не все обстояло благополучно: в этой организации отчетливо проявился фракционизм. Некоторые ее члены пытались противопоставить свои личные интересы целям всей организации [49, с. 48]. Стало ясно, что, «несмотря на позитивный вклад в революцию, Союз служил также платформой для определенных мелкобуржуазных оппортунистов» [138, 14.09.1979].

В дэрге пришли к выводу о невозможности построить авангардную партию на принципах, которыми руководствовались в СМЛОЭ и ВБОМ. Возможно, сказались также нетерпимость части дэрга к инакомыслию в революционной среде. В феврале 1979 г. обе эти организации были распущены. С этого времени наметился принципиально новый подход к формированию авангардной партии. Речь шла о создании единого организационного центра из числа подлинных революционеров, находящихся как в СМЛОЭ, так и вне его рядов. V съезд ВВАС, состоявшийся в июле 1979 г., признал верным такой путь, подчеркнув вместе [327] с тем свою решимость создать рабочую партию на основе централизма. Это указание ВВАС было серьезным ударом по сторонникам децентрализованной партийной структуры.

Роль руководящего центра партийного строительства и распространения марксизма-ленинизма отводилась Комиссии по организации Партии трудящихся Эфиопии. Официально ее образование датируется 18 декабря 1979 г., когда было

обнародовано соответствующее постановление ВВАС, в котором определялись цели и задачи КОПТЭ, ее уставные положения и сферы деятельности [70, с. 41—57]. КОПТЭ объявлялась единственной политической организацией, ответственной за сплочение эфиопских марксистов в строго централизованную авангардную партию. Одновременно запрещалось создание новых и функционирование уже существовавших политических организаций и групп, а также провозглашалась противозаконность любых попыток противодействовать работе КОПТЭ. «КОПТЭ...— как писал Дю Буа в журнале „Африкэн комьюнист“,— еще не авангардная партия... Она должна быть охарактеризована как переходная политическая организация, прототип будущей авангардной партии» [300, с. 65]. Создание КОПТЭ как промежуточного этапа на пути образования партии трудящихся обусловлено исторической обстановкой в Эфиопии (см. [70, с. 25, 29]).

С декабряского решения о КОПТЭ начался подготовительный период в ее функционировании. Он завершился I съездом КОПТЭ в июне 1980 г. На нем были одобрены устав, инструкции и положения, регулирующие деятельность КОПТЭ, избраны руководящие органы КОПТЭ (Центральный Комитет, Исполком ЦК, различные отделы) и утверждена центральная партийная печать (газета «Сэрто адэр» и журнал «Мэскэрэм»). Организационной основой КОПТЭ был признан принцип демократического централизма, а идеологической — теория марксизма-ленинизма. Такой подход к партийному строительству — важный фактор движения по пути социального прогресса.

За годы существования КОПТЭ состоялись два ее съезда, восемь пленумов ЦК КОПТЭ и одно его внеочередное заседание. Еженедельно собирался Исполком ЦК КОПТЭ.

После завершения I съезда КОПТЭ в Эфиопии активно приступили к созданию отделений КОПТЭ на местах, к сплочению революционеров, к подбору и подготовке кадров, приему в члены и кандидаты в члены КОПТЭ, к идейно-политической учебе трудящихся. В 1980—1983 гг. краткосрочные идеологические и политические курсы при школе «Йекатит-66» закончили почти 3 тыс. человек. В стране было организовано свыше 6,5 тыс. курсов по изучению научного социализма, Программы НДР и целей КОПТЭ. Отделения КОПТЭ открылись в около 50 стратегически важных пунктах страны. Возникли почти 450 местных организаций КОПТЭ, в том числе в армии—162 [41, с. 65—66].

Определенная часть революционного актива тем не менее не [328] имела достаточно твердых идейных убеждений, отстаивала партийные позиции в большей степени, руководствуясь интуицией, а не глубокими марксистско-ленинскими знаниями. Так, политическая и идеологическая незрелость многих эфиопских революционеров, непонимание ими целого ряда марксистско-ленинских положений отрицательно сказались на поиске правильных путей решения национального вопроса [182, с. 28]. Известные перегибы и ошибочные действия, обусловленные внеклассовым подходом, механическим применением отдельных концепций марксизма-ленинизма к конкретным условиям Эфиопии и, разумеется, отсутствием авангардной партии трудящихся, допускались также в отношении других аспектов внутренней политики страны. В ходе партийного строительства КОПТЭ при непосредственной поддержке ВВАС стремилась преодолеть подобные негативные подходы к решению государственных проблем, строго наказывая тех, кто порочил своими действиями цели эфиопской революции. Неоднократно КОПТЭ проводились «чистки», вплоть до вывода отдельных членов из состава ЦК. Были также случаи самовыхода из КОПТЭ.

В КОПТЭ постоянно укреплялось пролетарское ядро. К концу 1982 г. рабочих в ее рядах насчитывалось 21,7% (ср. в ноябре 1981 г.— 2,9%), крестьян — 3,3% (1,2%) и военнослужащих, представителей интеллигенции и чиновников — 75% (95,9%) [41, с. 65]. Интересен в этом отношении социальный состав участников II съезда КОПТЭ (январь 1983 г.), который завершал так называемый организационный период деятельности Комиссии и одновременно знаменовал начало заключительного, завершающего этапа —

этапа непосредственного строительства авангардной партии трудящихся и подготовки к ее учредительному съезду. Среди почти 1600 делегатов было 25% рабочих, 15,5% крестьян, 60,5% представителей военнослужащих, интеллигенции и других слоев населения, причем 1200 из них имели специальное политическое образование [250, с. 133].

Уже после II съезда КОПТЭ были определены название будущей партии — Рабочая партия Эфиопии (РПЭ) и эмблема — золотая звезда с красным серпом и молотом, обсуждены проекты Программы и Устава РПЭ, сделаны до 300 замечаний и пожеланий к ним. Одновременно осуществлялся строгий прием в партию членов КОПТЭ. К осени 1984 г. в стране прошли первичные, районные, областные и провинциальные партийные конференции. Делегаты на них избирались, а не назначались, как это делалось при проведении съездов КОПТЭ. На конференциях были сформированы местные партийные организации и партийные комитеты.

Учредительный съезд, собравший 1742 делегата из всех 14 провинций страны и свыше 70 представительных делегаций разных стран, коммунистических партий, национально-освободительных движений и международных организаций, состоялся 6—10 сентября 1984 г., накануне 10-летнего юбилея эфиопской [329] революции. На нем провозгласили образование РПЭ, за которой было закреплено центральное положение в формирующейся политической системе страны, приняли Программу РПЭ, определившую ближайшие и конечные цели, утвердили Устав РПЭ, избрали руководящие партийные органы (ЦК—136 членов и 64 кандидата в члены, Политбюро—11 членов и 6 кандидатов в члены, 8 секретарей ЦК, 28 членов Ревизионной комиссии и 21 член Центральной комиссии партийного контроля) и одобрили 10-летний план (1984—1993) экономического и социального развития Эфиопии [32; 26]. С отчетным докладом ЦК КОПТЭ выступил Менгисту Хайле Мариам, которого единогласно в заключительный день работы партийного форума избрали генеральным секретарем ЦК РПЭ.

Отныне основным документом эфиопской революции, заменившим программу НДР и содержащим главные направления развития Эфиопии, стала Программа РПЭ [29]. Она включает органически взаимосвязанные друг с другом задачи, которые в силу ряда причин не были решены на предшествующих этапах революции, и перспективные цели, достижение которых должно, по замыслам революционной демократии, обеспечить переход к социализму [123, 08.09.1984; 138, 07, 11.09.1984; 253, с. 49; 228, с. 31—37].

Идеологической основой РПЭ провозглашалось марксистско-ленинское учение. На нее возлагалась ответственность за распространение идей научного социализма, в связи с чем предусматривались активизация и совершенствование пропагандистской и агитационной работы в стране. Было предусмотрено преобразовать политическую школу «Йекатит-66» в Институт общественных наук при ЦК РПЭ.

В области государственного строительства на первый план выдвигалось создание народно-демократической республики, что стало одним из важнейших направлений деятельности партии в последующие несколько лет [110, пагуме 2, 1976; 123, 08.09.1984]. На съезде отмечалось, что новое государственное устройство должно обеспечить социальную справедливость, законность, участие широких масс в управлении, равенство всех граждан независимо от пола, вероисповедания или национальной принадлежности. Программой РПЭ предусмотрено предоставить различным народам региональную автономию и тем самым решить национальный вопрос.

В социальной области Программа РПЭ, исходя из необходимости подъема материального и культурного уровня жизни трудящихся, предусматривает воспитание молодежи в духе марксизма-ленинизма, полную ликвидацию неграмотности, открытие новых школ и вузов, приведение школьного и высшего образования в соответствие с хозяйственными потребностями страны, развитие здравоохранения, увеличение, в частности, за десять лет числа медпунктов до 35 тыс. (ср.: в 1984 г.— 4,5 тыс.) и крупных госпиталей до 360 (в 1984 г.— 130). [330]

Принятый на съезде 10-летний план конкретизировал процесс хозяйственного строительства. В нем указывалось на необходимость сбалансированного развития всех районов страны. В соответствии с плановыми приоритетами ускоренное развитие сельского хозяйства, достигаемое за счет производственной кооперации 53% сельского населения и до 50% всей обрабатываемой земли, должно самообеспечить страну продовольствием и сырьем для местной промышленности, а также предоставить товарную продукцию в необходимом количестве на экспорт для получения валюты [123, 08.09.1984; 127, 07.07.1984; 110, пагуме 2, 3, 1976]. Предусмотрено увеличение к концу планового десятилетия в общенациональном производстве доли промышленности с 16,6 до 24,4%. Это произойдет за счет увеличения выпуска продукции на уже имеющихся предприятиях и расширения 52 из них, а также в результате строительства 164 новых заводов и фабрик [26, с. 235—267; 138, 07.09.1984]. Упор в промышленном развитии делается на создание фундамента тяжелой промышленности и подъем легкой индустрии, которая должна обеспечить потребности населения в соответствующих товарах. Ожидается повышение национального дохода на душу населения с 282 до 397 бырров [113, 15.09.1984]. Среднегодовые темпы роста ВВП планируются в 6,9%, в том числе сельского хозяйства — 4,3% и промышленности—10,8% [110, пагуме 3» 1976].

Нельзя не обратить внимания на то, что развитию транспорта придается не только экономическое, но и большое социально-политическое значение. Отчасти именно с созданием новых и реконструкцией старых автомагистралей, строительством железной дороги Аддис-Абеба — Асэб, усовершенствованием действующей линии Аддис-Абеба — Джибути и расширением авиатранспорта связывается политико- и экономико-территориальная консолидация Эфиопии.

Развитию транспорта отводится также заметная роль в увеличении экспорта, объем которого к концу десятилетия должен быть доведен до 1270 млн. долл. (в 1984 г.— 488 млн. долл.) [393, с. 6]. При этом отмечалась растущая зависимость внешней торговли Эфиопии от колебаний цен на вывозимую сельскохозяйственную продукцию на мировом капиталистическом рынке.

На съезде специально подчеркивалось, что углубление социально-экономических преобразований в Эфиопии будет осуществляться одновременно с расширением сотрудничества с СССР, всеми странами социалистического содружества и усилением антиимпериалистической, антинеоколониальной борьбы.

Укрепление дружественных отношений с Советским Союзом, другими социалистическими государствами, как отмечается в Программе РПЭ, составляет основное направление внешнеполитической деятельности Эфиопии. В ней указывается также, что страна на международной арене исходит из принципов уважения **[331]** суверенитета и территориальной целостности других стран, невмешательства в их внутренние дела, взаимовыгодного, равноправного сотрудничества со всеми государствами, отказа от применения силы при разрешении спорных вопросов.

В материалах съезда, однако, не удалось избежать некоторого смешения понятий, характеризующих уже построенное социалистическое общество и формирующееся общество социалистической ориентации. Это отражает известное забегание руководства вперед, желание его быстрее достигнуть обновления эфиопского общества. Сама жизнь вскоре после съезда внесла коррективы в принятые планы.

В последний день работы учредительного съезда, 10 сентября, ВВАС опубликовал декрет, в котором законодательно закреплялась руководящая роль РПЭ во всех сферах жизни страны, в том числе и в деятельности самого ВВАС. В нем объявлялось также о том, что КОПТЭ, выполнив историческую миссию, прекращает свое существование, а ее решения, документы и имущество наследуются РПЭ [110, мэскэрэм 2, 1977]. В специальном заявлении по поводу этого постановления ВВАС указал, что будет исполнять высшие государственные функции до создания в стране народно-демократической республики.

Итоги съезда в целом показали прочность эфиопской революции, ее высокий социально-освободительный, антиимпериалистический потенциал, крупные достижения на пути прогрессивного развития и в то же самое время сложность и актуальность многих стоящих перед страной проблем, противоречивость происходящих процессов, ошибочность некоторых установок.

Формирование новой политической системы

С образованием РПЭ сложилось ядро новой политической системы, ускорилось строительство государственных основ народно-демократической республики, упрочилась связь революционной демократии с народными массами. Программа РПЭ наполнила новым содержанием деятельность правительственных учреждений и общественных организаций, возникших под руководством ВВАС в первое десятилетие эфиопской революции, хотя преодолеть полностью негативные аспекты функционирования госаппарата, доставшиеся от прошлого, да и отчасти порожденные уже в настоящее время, далеко еще не удалось. Тем более, что большинство чиновников прежнего режима, за исключением наиболее скомпрометировавших себя, остались на своих местах.

Прочные позиции в государственных структурах обновленной Эфиопии заняли более 20 тыс. крестьянских ассоциаций с 5,7 млн. членов и 1258 ассоциаций городских жителей (кэбэле), объединяющих свыше 3,4 млн. человек [36, с. 35, 37]. «Все эти ассоциации выполняют двойную функцию — как выборных [332] органов самоуправления, так и органов революционной власти на местах. Их задачи весьма разнообразны — экономические, социальные, культурные. Вместе с тем через подчиненные ассоциациям отряды самообороны осуществляются и функции обеспечения безопасности государства, борьбы с контрреволюцией, преступностью» [121, 1982, № 5, с. 69].

Крестьянские ассоциации и кэбэле в городах, рожденные революционным творчеством масс, стали также своеобразной формой связи революционной демократии с крестьянством и горожанами. Они начали образовываться после национализации сельскохозяйственных и городских земель в 1975 г. В апреле 1978 г. в целях углубления крестьянского движения, повышения его идейно-политического уровня, улучшения условий руководства им со стороны ВВАС и укрепления его союза с революционно-демократическими силами города была создана Всеэфиопская крестьянская ассоциация (ВКА). Ее деятельность, направленная на консолидацию усилий крестьян за преобразование эфиопской деревни, на создание социально-политической опоры революционной демократии в сельской местности и на упрочение единства с трудящимися города, во многом содействовала успеху эфиопской революции. В марте 1982 г. ВВАС издал указ о реорганизации ВКА для укрепления и революционизирования ее рядов.

Такое решение — не случайно. Дело в том, что на местах в крестьянские ассоциации избирались не только трудовое крестьянство, но и представители сельской буржуазии и даже бывшие помещики, торговцы, ростовщики. Реакционные лидеры ряда крестьянских ассоциаций, например, содействовали в ходе агрессии Могодишо проникновению сомалийских солдат на территории эфиопских частей, нанося тем самым значительный ущерб обороноспособности страны. Далеко не всегда крестьянские ассоциации верно ориентировали своих членов в идеологической области. Долгое время часть крестьян полагала, что дэрг — это внебрачный сын Хайле Селассие, захвативший престол, или что смещение императора — это результат его острого конфликта с сыном и т. д. Новые идеи еще не проникли в эфиопскую глубинку, да и радикальные реформы пока не охватили всю сельскую местность (например, в Эритрее). ВКА призвана активнее вести пропагандистскую работу среди крестьянства, содействовать пониманию и поддержке тружениками деревни революционных завоеваний.

Не все обстояло благополучно и в кэбэле, туда попало в начале немало экстремистов или вообще деклассированных элементов. Они своими левацкими действиями, вплоть до кровавых расправ с ни в чем не повинными людьми, наносили лишь вред революции [355, с. 145—147]. ВВАС приходилось не раз вмешиваться, чтобы устранять «леваков» и наводить порядок в кэбэле. В результате выборов в ассоциации городских жителей, состоявшихся летом 1981 и в 1983 г. в соответствии с решением [333] КОПТЭ, состав руководства кэбэле изменился: анархистов в них практически не стало. Выборы 1985 и 1987 гг. подтвердили, что кэбэле в городах стали пользоваться репутацией проводников политики революционной демократии.

Кэбэле участвуют в распространении знаний о социализме, ликвидации неграмотности, организации сети кооперативных магазинов, санитарно-гигиенической работе, строительстве дешевого жилья для трудящихся, осуществлении фискальной политики государства, а также следят за общественным порядком на подведомственной им территории. Особой активностью отличаются 284 кэбэле Аддис-Абебы, объединенные во Всеобщую ассоциацию городских жителей столицы. Несмотря на имевшиеся недостатки в деятельности кэбэле, даже западная буржуазная печать, специально раздувавшая сообщения об их просчетах, вынуждена признать, что «кэбэле — это начальная форма участия населения в управлении страной» [159, 10.10.1980].

В новой политической системе важное место занимают различные общественные организации. Ведущее положение среди них принадлежит Всеэфиопскому профсоюзу (ВЭП), образованному вместо распущенной СЕЛУ на учредительной конференции 65 делегатов отраслевых профсоюзов в конце декабря 1976 — начале января 1977 г. В заявлении ВЭП указывалось, что его «главная задача... содействовать воплощению в жизнь Программы НДР, быть в авангарде борьбы за повышение политической сознательности и дисциплины рабочих» [138, 18.01.1977]. При создании ВЭП, его отраслевых и местных подразделений рабочие и служащие опирались на Закон о труде, принятый 6 декабря 1975 г. и гарантировавший им право, объединяться в профсоюзы. Авторитет ВЭП быстро рос: к 30 сентября 1977 г. он включил 9 отраслевых профсоюзов с 1778; первичными организациями и 211,9 тыс. членов [25, с. 49]. В 1984 г. численность его рядов уже составляла 280 тыс. человек, а в 1986 г. — более 320 тыс. [123, 08.01.1984]. Большой популярностью пользуется газета «Голос Всеэфиопского профсоюза», ставшая печатным органом, который сплавивает профсоюзное движение на основе политической линии ВВАС и РПЭ. На деятельность ВЭП оказывает позитивное влияние его участие в работе ВФП, к которой он присоединился в 1978 г., разорвав предварительно отношения с МКСП. Выборные рабочие органы на предприятиях активно участвуют в производственных делах и общественной жизни. Это с их помощью проводятся массовые движения за ударный труд (например, «звездный рабочий»), демонстрации в поддержку революции, организовывается культурно-просветительская работа. В трудные дни 1977 г. рабочие формировали боевые отряды и отправлялись на борьбу с врагом.

Образование и деятельность ВЭП, отбросившего прежний конформизм СЕЛУ и участвующего в становлении новой Эфиопии, [334] вызвали сильное противодействие противников курса, избранного ВВАС. От их рук погибло немало профсоюзных активистов, оба первых председателя ВЭП Теодрос Бэккэле и Тэмэсгэн Мадебо, последовательно сменявших друг друга. В 1982 г. началась организационная перестройка ВЭП, в результате которой несколько уменьшилось число первичных профсоюзов: в 1985 г. их насчитывалось 1714 [36, с. 41].

В основе новой структуры ВЭП, утвержденной на его втором съезде, — производственно-территориальный принцип. Первичные организации профсоюзов созданы на районном, областном и провинциальном уровнях. Они входят в 9 профобъединений, а те, в свою очередь, в ВЭП, руководящим органом которого является центральный комитет. В отличие от прошлых лет ВЭП тесно сотрудничает с другими общественными организациями страны, возникшими или

реорганизованными в послесентябрьское время и принявшими идеи национальной демократии. С тех пор он называется Эфиопский профсоюз.

Важное значение в политической системе отводится Ассоциации молодежи революционной Эфиопии (АМРЭ) в составе 21 366 местных организаций с более 3,8 млн. членов в возрасте 14—30 лет и Ассоциации женщин революционной Эфиопии (АЖРЭ), состоящей из свыше 20 тыс. первичных организаций и насчитывающей почти 5,2 млн. женщин [153, 1981, г. 2, №7, с. 31]. АМРЭ рассматривается в Аддис-Абебе как резерв РПЭ, ее социально-политическая база. В задачи АМРЭ входит укрепление единства и сплоченности молодежи вокруг РПЭ, мобилизация юношей и девушек на достижение целей строительства нового общества, политическое просвещение своих членов, укрепление обороноспособности, оказание помощи сельским труженикам в сборе урожая, а также участие в кампании по ликвидации неграмотности. Со времени создания по декрету ВВАС в 1980 г. АМРЭ широко развернула свою работу по стране.

В 1981—1982 гг. благодаря безвозмездному труду молодежи на массовых субботниках в Аддис-Абебе государство сэкономило более 300 тыс. бырров, направив эти средства на социальные нужды. В Уоллега в 1981 г. молодежь собрала свыше 70 тыс. ц зерна, более 3 тыс. ц кофе, проложила 210 км дорог и построила 143 моста, улучшив тем самым (соответственно) хлебный баланс страны, ее экспортные возможности и транспортные связи провинции. В стране действуют организованные молодежью свыше 3 тыс. кружков по изучению основ политграмоты, более 800 библиотек и 1133 читальни. На летние каникулы студенты и старшеклассники разъезжаются по деревням для проведения культурно-просветительной работы, приобщения крестьян к современной политической культуре и разъяснения текущих и перспективных задач революции. АМРЭ содействовала перестройке студенческих организаций за границей, где был создан в ее рамках Революционный союз студентов Эфиопии. Словом, молодежь страны включилась в общественно-полезную деятельность на основе линии ВВАС и РПЭ.

Но не вся молодежь объединена в рядах АМРЭ: лишь $\frac{1}{3}$ юношей и девушек являются ее членами. Это существенно сужает возможности АМРЭ действовать как общенациональная сила. Дестабилизирующие акции подрывных элементов создают дополнительные трудности в работе АМРЭ. На умонастроения [335] юношей и девушек в этой организации и особенно вне ее продолжают негативно воздействовать их социальная неоднородность, мелкобуржуазные взгляды части студенчества, старшеклассников, живучесть социально-психологических представлений прошлого, ирреальные подходы к оценке многих событий в стране и за рубежом. Среди молодого поколения имеет место распространение буржуазной идеологии, анархистских воззрений, непоследовательность, потребительское отношение к обществу. Вот почему II съезда АМРЭ, состоявшийся в сентябре 1983 г., указал на необходимость активизации работы по повышению идейно-политического уровня эфиопской молодежи.

Влияние этих же обстоятельств можно наблюдать в деятельности АЖРЭ, образованной в том же году, что и АМРЭ. АЖРЭ имеет, разумеется, специфические функции, обусловленные задачами раскрепощения женщин. Вот почему в кружках политического самообразования, действующих при этой Ассоциации, актуальны такие темы, как «Женщины в борьбе за свое освобождение», «Женщины в борьбе против империализма», «Двойное угнетение женщин» [116, 1978, № 4, 8, с. 16].

АЖРЭ уделяет много внимания вопросам занятости женщин, развития сети школьных и дошкольных учреждений, внутрисемейных отношений. Женщины очень активны в кэбэле. Для них организованы 47 центров профессиональной подготовки, где уже прошли обучение более 16 тыс. человек. При отделениях АЖРЭ действуют также около 850 мастерских и курсов обучения тем или иным специальностям.

В АЖРЭ, как и в других общественных организациях, придают большое значение антивоенному движению. Перед АМРЭ и АЖРЭ поставлена задача всемерного развития

связей с прогрессивными антиимпериалистическими силами и организациями, борющимися за мир. В Аддис-Абебе образован эфиопский комитет мира и солидарности. Надо особо подчеркнуть, что всю деятельность новой политической системы Эфиопии пронизывают вопросы сохранения мира на Земле,

С совершенствованием политической надстройки возрастает число служащих не только в государственном аппарате. В различных органах АМРЭ, АЖРЭ, ЭП, ВКА и кэбэле трудится свыше 1,3 млн. человек [41, с. 21]. Это — в целом крупный отряд ревностных сторонников революции, понимающих неотделимость собственных судеб от судеб революции.

В Эфиопии создано также несколько профессиональных, творческих организаций, активизировавших ее общественную жизнь. Это — Ассоциация учителей Эфиопии, Союз писателей Эфиопии, Союз журналистов Эфиопии, Ассоциация медицинских работников и т. д.

«Родимые» пятна прошлого отрицательно сказываются на функционировании многих государственных и общественных учреждений. В их деятельности немало еще фактов бюрократизма, коррупции, бесхозяйственности, да и не все безупречно в [336] государственном аппарате. Для борьбы с подобными негативными явлениями в Эфиопии с сентября 1981 г. создается общенациональная система народного контроля. В начале 1986 г. функционировало более 400 комитетов народного контроля на провинциальном и областном уровнях, сформированы центральные органы, продолжается их строительство на местах. Все они выступают не только как элемент складывающейся политической системы, но и как важное средство подъема активности масс. Однако их эффективность пока не велика.

Через все эти общественные организации, охватывающие большинство населения страны, РПЭ осуществляет связь с массами, в чем она видит одну из основных предпосылок утверждения своей роли как авангарда народа. Опираясь на них, партия после съезда приступила к созданию народно-демократической республики. Согласно решению III пленума ЦК РПЭ (сентябрь 1985 г.) ВВАС опубликовал 15 февраля 1986 г. декрет об образовании специальной Конституционной комиссии по подготовке основного закона будущей Народной Демократической Республики Эфиопии. Одновременно в стране ведется, как того потребовала Программа РПЭ, активная работа по составлению свода законов (гражданского, уголовного и иных кодексов), который соответствовал бы формируемым народно-демократическим основам эфиопского государства.

Конституционная комиссия, состоявшая из 354 представителей различных слоев общества (опытных партийных руководителей, военнослужащих, рабочих, крестьян, священнослужителей, писателей) и свыше 40 национальностей, в сжатые сроки подготовила проект основного закона страны [36, с. 7]. В ее работе не обошлось без острых споров и разногласий, но в конечном счете возобладала концепция народно-демократического устройства эфиопского государства, основанного на принципах широкого представительства народных масс в органах власти, унитаризма с предоставлением права на региональную автономию, демократического централизма, равенства всех национальностей, гарантии права на труд, гражданских свобод и закрепления за РПЭ ведущего положения в политической системе страны. ЦК РПЭ внимательно следил за деятельностью комиссии, за ходом разворачивавшейся в ней дискуссии. Большое значение в этом отношении имел IV пленум ЦК РПЭ в апреле 1986 г., на котором, в частности, специально отмечалось, что конституция занимает «на данном этапе главное место в усилиях по решению национального вопроса» [127, 11.04.1986].

Проект конституции был издан в миллионах экземпляров на 15 языках, причем к нему специально прилагался словник с разъяснением встречающихся терминов. Его опубликовали так же в газетах. Решением ВВАС предусматривалось, чтобы как можно большее число людей ознакомилось с содержанием будущей конституции и приняло участие в ее обсуждении. Оно проходило во всех государственных и партийных

учреждениях, [337] массовых организациях, кэбэле, крестьянских ассоциациях, дискуссионных форумах, в печати, по радио и телевидению, в учебных заведениях, на предприятиях и в творческих союзах. По вопросу о проекте прошло 25 тыс. собраний трудящихся. Оказалось немало противников, действовавших часто исподтишка. С резкими нападками на проект выступили этношовинистические, этноэгоистические и этноизоляционистские круги. Особым нападкам он подвергся со стороны сепаратистских организаций и тех стран, где они нашли поддержку.

Основная же масса населения приветствовала проект конституции, в котором юридически закреплялись завоевания эфиопской революции, было внесено более полумиллиона замечаний и предложений по его совершенствованию. Их рассмотрели ЦК РПЭ и Конституционная комиссия в течение семи месяцев после 22 июня, когда официально завершилось обсуждение проекта по стране. В окончательный текст конституции, подготовленный для референдума, было внесено 138 изменений. Была изъята даже одна статья, касавшаяся запрещения многоженства. Это было сделано по требованию главным образом мужчин-мусульман, с которыми власти не могли, во избежание волнений, не посчитаться.

1 февраля 1987 г. в Эфиопии состоялся референдум. Его подготовкой занимались до 25 тыс. членов РПЭ и активистов различных общественных организаций. В нем участвовали немногим более 14 млн. человек, т. е. 65% граждан, имеющих право голоса. Почти все они (96%) проголосовали. Из них 81% высказался за предложенную конституцию, 18 — против и 1% бюллетеней был признан недействительным [123, 08.02.1987]. Одобренная, таким образом, конституция означала вступление в решающую стадию процесса провозглашения НДРЭ.

14 июня 1987 г. в Эфиопии в соответствии с конституцией состоялись выборы в Национальное шэнго (парламент). В них, как и в референдуме, приняли участие далеко не все, кто имел право голоса: зарегистрировалось 72,2% граждан, а проголосовало из них лишь 87,7% [65, с. 143]. Выборы не состоялись во многих районах Эритреи, Тыграя, где велись боевые действия с сепаратистами, и в некоторых труднодоступных местностях (однако рассматривая данные о числе голосовавших, надо иметь в виду, когда оценивается ситуация в Эфиопии, что более 1/3 граждан, имеющих право голоса, не приняли участия ни в референдуме по конституции, ни в выборах в шэнго).

9 сентября 1987 г. состоялась учредительная сессия шэнго, которая, провозгласив создание НДРЭ, избрала руководящие органы республики: президента, вице-президента, Государственный совет, Верховный суд. На сессии было объявлено о предстоящей реформе административно-территориального деления страны, рассматривавшейся как важный шаг по решению национального вопроса. В Эфиопии предполагается выделить 24 (вместо нынешних 14) административных региона (провинций) [338] и 5 автономных провинций (Эритрея, Огаден, Тыграй, Асэб, Дыре-Дауа). Так было положено начало функционированию НДРЭ. Но этот процесс приветствовался далеко не всеми в стране.

Аграрные преобразования. Борьба с засухой

Одно из важнейших завоеваний революции состоит в реализации аграрной реформы, провозглашенной в марте 1975 г. и положившей начало коренным преобразованиям в эфиопской деревне. По закону о национализации сельскохозяйственных земель ликвидированы все прежде существовавшие формы земле-владения и землепользования: вся земля объявлена коллективной (общественной) собственностью эфиопского народа; она изымалась у бывших владельцев без какой-либо компенсации; при ее перераспределении среди крестьян, безземельных и малоземельных, батраков и вообще среди всех желающих лично заниматься сельскохозяйственным трудом в бесплатное пользование одной семье предоставляется участок размером не более 10 га, причем его нельзя продавать, сдавать в аренду или передавать по наследству; на тех же

самых условиях получают наделы и бывшие землевладельцы; отменены все «сельские» судебные дела, феодальные повинности, поборы и налоги; упразднен абсентеизм, особенно процветавший с 60-х годов; запрещено в целом использование наемного труда; крупные товарные хозяйства переходят в собственность государства, кооперативов или распределяются среди крестьян, причем их владельцам выплачивается компенсация за изымаемую движимость; предусмотрено создание крестьянских ассоциаций на разных уровнях с широкими полномочиями по конфискации и распределению помещичьих земель, разбору земельных тяжб, содействию в создании кооперативов и социально-инфраструктурному строительству. В декабре 1975 г. ВВАС принял новое постановление, уточнявшее и регламентировавшее функции крестьянских ассоциаций, низовой территориальной основой которых является объединение поселений с минимальным размером обрабатываемой земли в 800 га, прежде управлявшихся чыкка-шумами. В их ведении оказались также вопросы самообороны от врагов революции, сбора налогов и формирования собственного бюджета.

Учитывая наличие в стране общинного землевладения и кочевников, власти наряду с аннулированием феодальных и дофеодальных повинностей, прежних государственных налогов и каких-либо претензий на земельную собственность закрепили за крестьянами-общинниками обрабатывавшиеся на момент реформы наделы и пастбища. В таком дифференцированном подходе к аграрным преобразованиям в разных частях страны проявилось стремление ВВАС избежать вооруженных конфликтов [339] прежде всего в северных районах, где площади общинных земель значительны и где особенно остро воспринимались любые попытки изменить традиционные отношения.

Важное социально-экономическое и политическое значение имел июльский (1975 г.) декрет о национализации городских земель, принадлежавших преимущественно частным лицам. Так, в Аддис-Абебе 8,8 млн. кв. м было собственностью десяти членов императорской семьи и самого монарха, 5,3 млн. кв. м — десяти знатнейших феодалов, 6,4 млн. кв. м — 11 высших сановников, 19,9 млн. кв. м — 20 церквей и монастырей. Частная собственность препятствовала преобразованиям в городах и служила источником обогащения ее владельцев и причиной обнищания народных масс. В результате этого закона и аграрной реформы (март 1975 г.) в руках революционного государства оказалась вся земля, были упразднены экономические основы феодализма и дофеодальных отношений, а также частнокапиталистическая собственность на землю. Власти получили, таким образом, оперативный экономический простор для осуществления социальных, политических и хозяйственных преобразований.

Не все, конечно, в аграрной реформе 1975 г. было четко определено до конца. Так, отсутствовали точные размеры предоставляемых крестьянам земель при перераспределении. Тем самым последовательно не выдерживался принцип уравнительного наделения землей, в связи с чем в разных районах (а то и в одном и том же) крестьяне оказались пользователями неодинаковых по площади участков, что создавало условия для социального неравенства в деревне. Ситуация осложнялась еще и тем, что при распределении и перераспределении земли, начавшихся более или менее в широких масштабах только в 1976 г., не принимался в расчет географический фактор (почвенные, климатические, водохозяйственные условия, высотная поясность), который существенно влияет на доходы эфиопских крестьян. Да к тому же некоторые положения реформы были неясны, расплывчаты, что давало возможность разного их толкования при реализации этого постановления.

Г. Л. Гальперин утверждал, что аграрная реформа 1975 г. «проходила под очевидным влиянием опыта аграрной политики молодой Советской республики» [179, с. 25]. В самой Эфиопии признают, что «земельная реформа, проведенная в 1975 г. ... очень напоминает советское решение аграрной проблемы» [240, с. 67]. Слепое копирование не пошло на пользу в ряде случаев.

Аграрная реформа в Эфиопии по своему социально-экономическому характеру оказалась самой радикальной в Африке. Ей предшествовали жаркие дискуссии в ВВАС и правительственных учреждениях, ответственных за сельскохозяйственное развитие. Большинству предлагавшихся проектов была свойственна ограниченность, половинчатость. Революционные демократы настояли на том содержании реформы, которое нашло отражение [340] в мартовском (1975 г.) законе [355, с. 66—68; 346, с. 129—133; 271, с. 69—70]. На их позицию, несомненно, большое влияние оказали многочисленные факты стихийного захвата крестьянами юга помещичьих земель в ходе революционных событий февраля—сентября 1974 г., да и в последующие месяцы (подробнее см. [180; 319]).

Эфиопское крестьянство в ходе аграрной революции показало себя не пассивным, сторонним наблюдателем, а активным участником преобразований. Получив землю и освободившись от тягот феодальной эксплуатации, оно в целом встало на защиту революции, и тем самым ВВАС добился большой политической победы: в основном привлек крестьян на сторону революции, расширив, таким образом, ее социальную базу и укрепив позиции новой власти в стране. Это, однако, не означало, что при практическом осуществлении реформы не возникало трудностей, причем некоторые из них не преодолены и до сих пор. Да и недовольных в крестьянской среде оказалось не так уже мало

Изыятие и перераспределение земель сопровождалось вооруженным сопротивлением бывших землевладельцев. Столкновения произошли во многих районах страны. Анализируя вооруженный конфликт между сторонниками и противниками реформы в двух небольших населенных пунктах провинции Кэфа в середине апреля 1975 г., эфиопский ученый Фысаха Зоуде писал, что он является «отражением большого количества подобных инцидентов», причем «некоторые из них приняли более широкий масштаб» [241, с. 51].

Реализация положений реформы в ряде районов сдерживалась вследствие подрывных действий «освободительных фронтов» и других нелегальных организаций. По этой причине она долгое время вообще не проводилась в Эритрее: лишь со времени осуществления кампании «Красная звезда» были предприняты первые шаги по изменению ситуации в эритрейской деревне.

Нападению подвергались члены дэрга, когда они ездили по стране с разъяснением аграрной реформы. Так произошло, например, в Бычена, в Годжаме, в августе 1975 г. и на северо-западе от Дэссе в октябре 1976 г., когда толпы враждебно настроенных крестьян, подстрекаемые местными феодалами, пытались спровоцировать массовые волнения.

Определенное недовольство выразили даже отдельные воинские части, настаивавшие на исключении военнослужащих из числа лиц, чьи земли подлежали национализации. Среди землевладельцев насчитывалось около 35 тыс. военных, в том числе и находившиеся на пенсии. ВВАС не пошел на поводу этих требований армейских подразделений, ему удалось в конце концов сломить их противодействие.

Аграрная реформа нашла прежде всего живой отклик на юге. Там она уже осуществлена. На севере, где преобладало [341] общинное землевладение и где к реформе отнеслись с подозрением и недоверием, возможности перераспределения земли были крайне ограничены. Вмешательство государства в дела общины было встречено с явным или тайным неодобрением. Даже общинники-бедняки колебались при определении своей позиции по вопросу о реформе: с одной стороны, над ними довлели традиционные отношения, а с другой — они прекрасно сознавали реальности жизни: социальное неравенство в общине, засилье богатых ее членов, нарушение ими принципов распределения общинных земель и т. д. Да и земли для перераспределения надо было, как правило, изымать у зажиточных крестьян-общинников, что сделать в силу целого ряда социально-психологических и экономических факторов не представлялось возможным. В результате в районах традиционной общины перераспределение земель фактически не

проводилось. В политическом отношении, однако, закон об аграрной реформе привлек на сторону революции основную массу общинников [180, с. 88; 227, с. 70].

На севере медленнее, чем на юге, создавались крестьянские ассоциации. Основываясь на оценочных данных министерства земельной реформы, можно сделать вывод о том, что наибольшее число членов в них было зарегистрировано к концу лета 1975 г. в Сидаме, Арси и Илубаборе, а наименьшее в Годжаме. В следующем году количество крестьянских ассоциаций и их членов заметно увеличилось, но по-прежнему наблюдалось отставание северных провинций по охвату сельского населения декретированными формами организации. Так, в Эритрее было всего лишь 12 крестьянских ассоциаций с 5 тыс. человек [138, 02.03.1977; 271, с. 201, 210]. Важно иметь в виду, что общественная активность крестьянских ассоциаций на севере была меньшей, чем на юге [355, с. 196].

Сложности на севере возникли и в связи с тем, что зажиточные землевладельцы и землепользователи стали сгонять со своих земель арендаторов, преимущественно мусульман, ссылаясь при этом на запрет использовать наемный труд. Властям пришлось создавать специальные лагеря для таких «беженцев» и заниматься их переселением на юг [355, с. 71—72].

Нелегко пришлось революционной власти, особенно первое время, со сбором налогов. Упразднение прежней системы налогообложения приветствовалось в деревне; встретило поддержку введение с января 1976 г. новых, весьма низких ставок налогов: 3 эф. долл. (бырра) с члена кооператива и 4 эф. долл. (бырра) с крестьянина-единоличника за пользование землей в 3 эф. долл. с годового дохода в 600 эф. долл. (бырров) и менее. Разумеется, произошло сокращение поступлений в государственную казну, в том числе и из-за фискальных неурядиц в ряде районов, причем кое-где пришлось временно вернуться к существовавшему налогообложению, вводить дополнительные налоги.

Нельзя не упомянуть также о том, что сложившийся веками [342] уклад жизни крестьян как на севере, так и на юге довлел над ними и создавал определенные препятствия на пути становления новых отношений. По-видимому, прежними социально-психологическими представлениями типа «хозяин—слуга» можно объяснить то, что «в некоторых районах часть крестьян, избранных в руководящие органы ассоциаций, перестала работать на полях. Нередко они получали больше земли и лучшего качества, чем другие члены ассоциации, использовали труд односельчан» [206, с. 142]. Более того, в руководящие органы крестьянских ассоциаций попало немало, особенно в первые годы их существования, зажиточных крестьян, торговцев, ростовщиков, кулаков и даже бывших помещиков. Пользуясь неграмотностью, классовой незрелостью крестьян, сельские эксплуататоры обманывали их при выборах в ассоциации. Да и власть традиционного чыкка-шума была еще сильна.

На положение дел в крестьянских ассоциациях негативно воздействовало и то, что многочисленные семьи землевладельцев после провозглашения аграрной реформы начали мгновенно распадаться, а при выделении их взрослые дети и даже внуки, изъявившие якобы желание самостоятельно вести хозяйство, получали собственные наделы, не превышавшие 10 га. Таким образом, в руках «бывших» оказались, хотя и в закамуфлированном виде, крупные участки, позволявшие им поддерживать свой авторитет и влиять на ход событий. Это контрастировало с малоземельем большинства пореформенного крестьянства: в начале 80-х годов 2/3 крестьянских семей имели каждая пашню, не превышающую 1 га.

Ликвидировав, по словам эфиопского ученого Дэссаленя Рахмато, безземелье среди крестьян и нивелировав в известной мере их доходы, реформа тем не менее не освободила сельских тружеников от условий, на которых они традиционно использовали орудия труда (см. [224, с. 140]). Сложным оказался вопрос о тягловом скоте, сохраненном в основном в руках бывших помещиков и зажиточных крестьян, хотя мартовским (1975 г.) декретом и предусматривалось право крестьян-арендаторов «за разумную» компенсацию

оставить за собой сельскохозяйственный инвентарь и пару рабочих быков, принадлежавших землевладельцу. Это ухудшало положение крестьян, в массе своей не располагавшего необходимыми средствами труда для самостоятельного хозяйствования, и служило, таким образом, причиной многочисленных конфликтов между деревенской беднотой и богатыми [395, с. 40—41], а также способствовало росту сельской буржуазии.

Аграрная реформа 1975 г., приведшая к преобладанию в Эфиопии мелкокрестьянского хозяйства, не устранила, да и не могла устранить полностью социальные противоречия в деревне. Получив землю и освободившись от пут феодальной зависимости, крестьянство оказалось в тисках рыночных отношений, доминирующих в стране. Неравномерное изменение цен, рост [343] транспортных расходов, продолжающееся существование различных посредников в движении продукции из села в город — все это также усугубляло социальное неравенство в деревне, усиливало социальную напряженность на селе. Вследствие увеличения кулацкой прослойки противоречия даже возросли в ряде районов. Это вызвало определенное беспокойство в ВВАС, по инициативе которого с середины 1978 г. в стране развернулась антикулацкая кампания, что, однако, привело в ряде случаев к дезорганизации хозяйств. Не могло не вызвать недовольства также введение властями запрещения на перевозку зерна из провинции в провинцию для продажи, ограничения на частную торговлю зерном и установление низких закупочных цен. В декабре 1987 г. правительству пришлось отказаться от этих мер в надежде на увеличение производства продовольствия [116, 1988, № 26, с. 5]. Но этого не случилось.

В обнародованном в июне 1979 г. специальном постановлении о кооперировании крестьянских хозяйств речь шла о производственном кооперировании как способе борьбы с частнособственническими тенденциями нарождавшейся сельской буржуазии на путях подъема сельскохозяйственного производства [27]. По существу, начался второй этап аграрной революции, предусматривавший создание не только кооперативного сектора, но и государственного. С конца 70-х — начала 80-х годов ВВАС перешел к обобществлению сельскохозяйственного производства в форме госхозов и кооперативов.

Была разработана поэтапная структура производственных кооперативов: их низшей формой является «мэльба», более высокой — «уольба», а наивысшей — «уоланд». Различия между ними состоят в неодинаковой степени обобществления средств производства.

Однако идеи производственного кооперирования еще не получили должного отклика даже у деревенской бедноты, уже не говоря о середняках и тем более о сельских богатеях. Психология единоличника дает о себе знать, да и состояние самих производственных кооперативов пока не убеждает его в лучшей доле.

В 1987 г. производственные кооперативы охватывали лишь 3% сельскохозяйственных угодий. Все они сталкиваются со значительными трудностями, связанными со слабой технической оснащенностью (только около 50 таких кооперативов имеют тракторы), низким уровнем развития ирригации (лишь немногим более 100 кооперативов использовали искусственное орошение), отсутствием квалифицированных специалистов, нехваткой в ряде случаев трудовых ресурсов, в других — пригодной для обработки земли, тяглогового скота, финансовых средств [153, 1983, т. 3, № 12, с. 27—31]. Эти же причины в целом сдерживают процесс формирования новых производственных кооперативов.

Создаются в Эфиопии также потребительские, снабженческо-сбытовые кооперативы. В 1985 г. их насчитывалось свыше 4 тыс.; располагая капиталом в 91,1 млн. бырров, они обслуживали [344] 4,6 млн. человек. Эта форма кооперирования в Эфиопии пока более привлекательна среди крестьянства.

Стремясь поощрить крестьян к созданию производственных кооперативов, государство оказывает в первую очередь финансовую и агротехническую помощь

кооператорам, а также госхозам, но тем самым не может не вызывать недовольства у некооперированного крестьянства, оставленного, таким образом, на произвол судьбы.

В деревнях создаются многочисленные курсы по ликвидации неграмотности, открываются (уже свыше 400) районные центры по агротехническому, медицинскому и политическому обучению крестьян, строятся больницы, школы, в Эритрее в рамках кампании «Красная звезда» организована «школа сельских наук» и т. д. В стране разработан проект «кооперативной деревни», учитывающий, в частности, принципы районной планировки, строительство социально-бытовых учреждений. Уже построено несколько таких деревень (например, Эрго Дубале в Шоа).

Заметное место в аграрной политике занимает организация крупных госферм, которым отводится важная роль в подъеме сельскохозяйственного производства, в повышении его товарности, едва достигающей в настоящее время 10%. В результате экспроприации в 1974 г. земельной собственности императорского дома и знати и аграрной реформы 1975 г. государству перешли товарные хозяйства общей площадью в 131 тыс. га. Однако многие из них были поделены между крестьянами и батраками, вследствие чего за госфермами осталось лишь 63 тыс. га. Затем наметился рост госферм: в 1978 г. пашня, находившаяся в их ведении, занимала 72,7 тыс. га (1,4% всей обрабатываемой в стране земли); они давали 3% сельскохозяйственной продукции страны. В дальнейшем продолжалось увеличение государственного сектора в сельском хозяйстве, располагавшего в 1983 г. уже 300 тыс. га обрабатываемой земли (около 5% всей пашни страны). Но эффективность его остается невысокой.

В целях повышения отдачи от госферм и кооперативов власти создают агропромышленные комплексы в Уоллега, в долине р. Аваш и ряде других районов, прибегают к освоению целинных земель, организуют плантации новых для Эфиопии технических культур, разрабатывают специальные программы развития различных отраслей сельского хозяйства. Не раз менялась структура управления госсектором в сельском хозяйстве; в конечном счете остановились на организации министерства госферм и министерства по производству чая и кофе, которым подчинялись 10 корпораций развития. Правительство организовало 18 семеноводческих хозяйств, а также несколько многоцелевых центров профессиональной подготовки крестьян (например, «Агарфа» в Бале).

Задача состоит сейчас в том, чтобы госфермы коренным образом изменили характер своей работы. Многие из них превратились [345] не в производителей, а в потребителей государственных средств и ресурсов. Пока госфермы и производственные кооперативы производят не более 10% сельскохозяйственной продукции Эфиопии. Около 90% агропроизводства остается в руках мелкого, малоэффективного единоличного хозяйства. «Хотя известные сдвиги произошли в развитии госсектора и кооперирования в деревне, — пишут Г. Л. Гальперин и В. И. Шараев, — при этом не обошлось без некоторых ошибок, неверных оценок и забеганий вперед» [182, с. 26].

К числу возникших трудностей можно отнести сопротивление (порой даже вооруженное) крестьян установлению твердых (притом низких) закупочных цен сельхозпродукции, сокращение товарности аграрного производства, ослабление товарообмена между городом и деревней, отсутствие управленческого опыта в послереформенных условиях, дефицит капитальных средств, и т. д. С учетом общего низкого уровня развития сельского хозяйства, доставшегося в наследие от прошлого, огромных материальных потерь в ходе борьбы с сепаратистами и сомалийской агрессией (интервенция Сомали нанесла ущерб в 2,2 млрд. бырров), а также значительных правительственных затрат по размещению и содержанию 420 тыс. беженцев из Сомали и Судана [116, 1985, № 1, с. 46] становится, таким образом, вполне понятным обострение продовольственной проблемы. Ее причина — и в опережающих темпах демографического роста.

Она еще более осложнилась в связи с практически непрекращающимися засухами вот уже в течение последних 15 лет. Не успела страна оправиться от засухи 1973—1974 гг., как ее постигло новое несчастье: засухи в 1978—1980 гг., 1982—1985 гг. и в 1987—1988 гг. Особый ущерб был нанесен двумя последними природными бедствиями, когда их жертвами стали (соответственно) 7,5 млн. человек и 5,2 млн. в северных, центральных и восточных районах. Исключительно тяжелое положение сложилось на севере страны, где значительны аграрное перенаселение, деградация и эрозия почв, а также очень активны сепаратисты. От голода и болезней умирали десятки, сотни тысяч людей. Сотни тысяч голов скота погибло от жажды и отсутствия корма.

Власти в отличие от прежних, императорских, времен предприняли решительные шаги по ликвидации последствий социальной катастрофы. В октябре 1984 г. была принята подробная «Программа действий», предусматривавшая как ближайшие, самые неотложные задачи, так и перспективные, долгосрочные. Первые — касались организации специальных лагерей для тех, кто покинул свои деревни, предоставления голодающим медицинской и продовольственной помощи, приобретения и распределения продуктов питания, переселения 1,2 млн. человек в плодородные районы и обеспечения их на новом месте всем необходимым для жизни, мобилизации всех ресурсов и т. д. Вторые — включали проведение широкомасштабных мелиоративных [346] и агротехнических работ в засушливых районах, чтобы избежать подобных катастроф в будущем. На борьбу с засухой были направлены члены партии, активисты общественных организаций, учащаяся молодежь (на каникулах), военнослужащие, работники государственных и внеправительственных учреждений. Заметно возросла деятельность Комиссии по оказанию помощи и восстановлению, созданной еще в 1974 г. Кроме того, власти обращались за срочной помощью к иностранным государствам и международным организациям. Их призыв нашел положительный отклик, в том числе в СССР, других социалистических странах, США, ФРГ (но часто поступавшее продовольствие не доходило до голодающих: сепаратисты нападали на машины, доставлявшие грузы, и уничтожали их).

Вводился строгий режим экономии, объявлялся массовый сбор средств в фонд борьбы с засухой (в том числе каждый работающий обязывался внести взнос в размере месячной зарплаты), резко сокращался импорт товаров, кроме продовольствия и медикаментов, запрещалось частное строительство на банковские ссуды. Внедрялись новые методы земледелия, ввели более совершенную систему кредитования в сельском хозяйстве и т. д.

Все эти меры давали известный эффект, но не устраняли полностью трудностей с продовольствием и в целом с земледелием в засушливых районах.

В результате реализации переселенческой политики в новых, плодородных районах юга и юго-запада обосновались уже свыше 1 млн. семей. Для них построены специальные поселки, выделены 500 тракторов, другая сельхозтехника, семена, открыты здравлункты, новые школы. Конечно, жизнь переселенцев налаживается не без трудностей, порожденных порой этно-конфессиональными или социально-психологическими причинами, да и помощь государства приходит далеко не сразу, как только они оказываются на новом месте. Имелись отдельные неудачи в ее реализации [153, 1983, т. 3, № 2, с. 115—116], ибо сама организация переселения, выбор места для расселения не всегда были продуманы; не хватало также финансовых средств. Еще в 1978 г. Г. Л. Гальперин писал, что в Эфиопии «организованное переселение значительных масс населения вряд ли реально и целесообразно» [178, с. 123].

Наряду с переселением крестьян из районов, подвергающихся постоянным и длительным засухам, правительство приступило в 1986 г. к осуществлению программы сселения крестьян из малонаселенных, преимущественно хуторского типа, поселений в укрупненные деревни, где предполагалось создать широкую систему социальной обеспеченности (школы, водоснабжение, медицинское обслуживание). Первый опыт

организации таких поселений, получивший пока наибольшее распространение в Харэрге, обнадеживает. Однако стало ясно, что подобная политика встречает сопротивление (тайное или явное) со стороны части крестьянских семей, подлежащих переезду на новое местожительство. [347] На их негативном подходе к селению сказывается не только традиционное мышление крестьян, сформировавшееся под влиянием социальных, психологических, исторических, экономических, этноконфессиональных и политических факторов феодально-монархической Эфиопии, но и отдельные ошибки, допускаемые местными организаторами переселения, в том числе и военнотрудовыми, участвующими в этой кампании. Отрицательно воздействует также на умонастроения крестьян-хуторян враждебная пропаганда, с которой выступают сепаратисты. Да и нет убежденности в стране у многих в целесообразности такого сселения.

Нелишне отметить, что империалистические державы стремятся подорвать решимость НДРЭ осуществить программы переселения и сселения, предпринимая в этой связи как дипломатические демарши, так и угрозы отказа в предоставлении помощи, в том числе продовольственной. В буржуазной печати развернулась широкая кампания, направленная против прогрессивного режима, который обвиняется, в частности, в нарушении прав человека, в насильственном якобы переселении и т. д. [150, 18.05.1986; 157, 09.10; 10.10; 11.10.1985]. Под нажимом некоторых стран Запада, части их общественности (например, в США, Франции, Швеции) правительству приходилось даже поступаться своими планами.

Социально-экономические результаты внутренней политики революционной власти

Оценивая в целом происшедшие в стране социально-экономические перемены, американская газета «Вашингтон пост» писала 28 декабря 1982 г.: «Даже противники (революционного) правительства признают, что оно достигло значительного прогресса в различных социальных областях, тогда как при императоре развитие шло черепашьям шагом». Английская «Таймс», в свою очередь, также отметила лучшие условия жизни эфиопов, в том числе в деревне, «при марксистских руководителях, чем при друзьях и родственниках Хайле Селассие» [159, 10.10.1980]. Однако надо признать, что возможности социалистической ориентации используются в народном хозяйстве и социальной области недостаточно. Так, хотя государственный сектор контролирует свыше 90% средств производства в промышленности, она растет медленно: в среднем в год в 1974—1987 гг. на 3—4%. И это притом, что в 1984 г. были введены в строй такие объекты, как тракторосборочный завод в Назрете, цементный завод в Мугере, текстильная фабрика в Комбольче и др. Сказались, видимо, низкая производительность труда на государственных предприятиях, их финансовые трудности да и излишнее увлечение огосударствлением многих хозяйственных объектов, функционирование которых было бы более [348] эффективным, оставаясь в частных руках, но под контролем государства. Государство испытывает определенные трудности в сфере торговли, где осуществляет 80% внутренней оптовой торговли и около 75% внешнеторговых операций. Ему принадлежит 80—100% производственных социально-инфраструктурных объектов. О характере взаимоотношений между секторами в экономике Эфиопии можно судить по тому факту, что в ВВП удельный вес государственного и кооперативного секторов не превышает 1/5, столько же приходится на мелкотоварный и частнокапиталистический уклады, а оставшиеся 3/5 дает патриархальный уклад.

Значительны успехи Эфиопии в области образования и здравоохранения. В результате осуществления целей общенациональной кампании по ликвидации неграмотности в стране резко поднялся уровень грамотности, составив в 1988 г. почти 70%. В настоящее время более 3,5 млн. детей (в 1974 г. — 1 млн. детей) посещают школы, в которых преподают свыше 55 тыс. учителей. Созданы курсы ликбеза, где обучение

ведется на 15 местных языках: на них еще к 1984 г. были изданы учебники общим тиражом свыше 26 млн. экземпляров (ср.: в 1955—1964 гг. было выпущено около 800 тыс. экземпляров учебников, причем главным образом на амхарском языке) [49, с. 7; 123, 03.10.1983; 110, пагуме 2, 3, 1976]. В стране выдвинут лозунг «Пусть каждый образованный учит, пусть каждый необразованный учится».

В 1989 г. в вузах страны училось свыше 20 тыс. человек. На базе сельскохозяйственного колледжа создан третий университет. За рубежом в течение первых десяти лет революции получили высшее образование 5485 эфиопов, в том числе в СССР — более 3300 человек. Упор в подготовке специалистов делается на изучение сельского хозяйства, технических наук и медицины. В стране открыто 7 новых технических школ, их теперь всего 19 с 5,1 тыс. учащихся.

Почти 50% 46-миллионного населения Эфиопии пользуются ныне медицинской помощью (в 1974 г.— 15%). В 1984 г. в стране действовали 1850 (в 1974 г.— 650) различных больниц и клиник с более чем 16 тыс. человек персонала (в 1974 г.— 6,5 тыс.). Организованы специализированные центры противоэпидемической вакцинации людей.

Растет сеть государственных аптек, где трудящиеся по доступным ценам приобретают лекарства. В соответствии с конкретными задачами, стоящими перед национальной службой здоровья, переработаны программы медицинских учебных заведений. Каждый год они выпускают около полутора тысяч врачей и медсестер. В каждой провинции организованы курсы обучения основам санитарии и гигиены.

В создаваемой системе дошкольного воспитания действует около 800 детских садов (в 1974 г.— менее 50).

Еще в июле 1975 г. ВВАС в интересах трудящихся национализировал [349] доходные дома и снизил до 50% арендную плату за жилье. В результате национализации городских земель власти смогли приступить к жилищному строительству для трудящихся, а также предоставлять им бесплатно земельные участки для индивидуальной застройки. В 1986 г. в городах страны силами отдельных горожан, городскими ассоциациями или различными кооперативами было построено 15 тыс. домов, более 4 тыс. зданий на средства (89,5 млн. бырров) государства и 1,2 тыс.— в счет иностранного займа в 2,6 млн. бырров. Разработан план реконструкции столицы, подготовлены также планы перестройки еще 122 городов страны.

В феврале 1986 г. ВВАС принял новый закон о жилищном строительстве, которым предусматривалось упорядочение практики сооружения жилья в городах, удешевление строительных работ, возведение жилых домов в соответствии с районной планировкой и генеральными схемами застройки [138, 06.11.1986; 123, 09.11.1986].

Значительной мерой в социальной области явился Закон о труде, в котором впервые в истории Эфиопии в законодательном порядке провозглашались право на труд, 8-часовой рабочий день и 48-часовая рабочая неделя, устанавливался минимум заработной платы (в 50 бырров), оплачиваемый ежегодный отпуск (14—35 дней, в зависимости от выслуги лет), оплачиваемый 45-дневный отпуск женщинам ото беременности, гарантировалась правовая защита при возникновении трудовых конфликтов, а также объявлялось равенство прав мужчин и женщин при найме на работу. Трудящимся по достижении 55 лет выплачивается пенсия в размере 50% получаемой заработной платы.

Важным аспектом социальной политики являются отмена в марте 1975 г. всех феодальных титулов, званий и привилегий, упразднение прежней символики и многих праздников, а также учреждение различных революционных эмблем и объявление новых памятных дат.

Особое место в деятельности ВВАС заняли вопросы взаимоотношения с церковью. После непродолжительного периода критики в печати в адрес церкви военные перешли к поискам путей использования ее в целях осуществления своей политики, а также в борьбе против внешней и внутренней реакции. Вступив в контакты с эфиопской церковью и

исламским духовенством, власти рассчитывают на поддержку религиозных организаций не только в решении ряда внутренних вопросов, но и проблем международных взаимоотношений, в частности, со многими арабскими государствами. В стране объявлено о свободе совести, равноправии всех граждан, независимо от вероисповедания, ликвидации конфессиональной дискриминации. Эфиопская церковь потеряла свое привилегированное положение, произошло ее фактическое отделение от государства, хотя правительство ежегодно выплачивает на содержание церкви 28 млн. бырров. Земельная реформа подорвала экономические позиции [350] эфиопской церкви, тем не менее она остается богатым институтом, владеющим обширными землями.

Ослаблено также ее политическое влияние, а ислам признан как крупное религиозное течение, как важная общественная сила. Власти поощряют межконфессиональные контакты, подключая к ним не только эфиопскую церковь и мусульман, но и другие местные религиозные организации страны (эфиопо-католическую, лютеранскую). Ярким примером такого сотрудничества является участие представителей всех вероисповеданий Эфиопии в семинаре на тему «Роль эфиопской церкви в Общенациональной революционной кампании развития и централизованного планирования», проходившем в январе 1980 г. в Аддис-Абебе. А двумя годами раньше в столице проходило совещание христианского и мусульманского духовенства и мирян, которое осудило вмешательство извне во внутренние дела Эфиопии, выразило поддержку идеям революции, политике ВВАС (см. [123, 03.04.1978]). В стране официально отмечаются пять христианских и три мусульманских праздника.

Высокий статус эфиопской церкви и ислама и их поддержка революции подчеркиваются присутствием абуны и имама на всех массовых торжествах в столице. В руководстве эфиопской церкви произошли изменения: в частности, абуна Теофилос, уличенный в самых тесных связях с монархическим режимом, в противодействии революционному процессу и в чрезмерном обогащении, был низложен; его место занял известный благочестием и другими добродетелями монах Тэкле Хайманот. Были отстранены и другие одиозные фигуры среди духовенства и церковнослужителей. Произошла организационная перестройка эфиопской церкви: отныне ее делами управляют синод, занимающийся под председательством абуны сугубо религиозными вопросами, и патриархия, административный глава которой назначается государством из числа гражданских лиц. В 1988 г. новым патриархом был избран Меркориос.

Влияние церкви и ислама еще значительно, и не всегда оно позитивно с точки зрения задач эфиопской революции. Процесс секуляризации общественной и культурной жизни еще не стал столь интенсивным, как того можно было ожидать, учитывая антирелигиозные настроения в дореволюционное время. Даже, наоборот, в настоящее время появились некоторые признаки усиления тяги некоторых городских слоев к религии. Нельзя забывать, что эфиопская церковь сохранила еще свои прочные идейные позиции, хотя официально она — на стороне революции. Располагая мощной издательской базой (5 ежедневных, двухнедельных и ежемесячных газет и журналов, каждый тиражом в 10—15 тыс. экземпляров) и разветвленной сетью церквей и монастырей, эфиопская церковь продолжает властвовать над умами миллионов людей. И не только она.

В новых общественных условиях возросла социально-политическая роль ислама. Не обошлось здесь без влияния мусульманских [351] сил извне, в том числе и как следствие расширения дружественных связей Эфиопии с рядом ближне- и средневосточных государств.

Духовную жизнь мусульман руководит Высший исламский совет во главе с имамом «Большой мечети» в Аддис-Абебе хаджи Мохаммедом Сони Хабибом. В новых условиях, сложившихся после низложения Хайле Селассие, ему удалось в известной мере централизовать развитие религиозной деятельности среди мусульман Эфиопии. Однако далеко не все они, и особенно часть духовенства, признают распоряжения совета. В своих

внутренних, сугубо конфессиональных делах он не ограничен, чего нельзя сказать о его внешних сношениях. Совет не имеет официальных связей с арабскими странами: возможно, потому, что некоторые из них, используя различные каналы (официальные и даже нелегальные), ведут активную работу по усилению собственного влияния среди мусульманского населения Эфиопии. Вместе с тем нельзя говорить об отсутствии вообще каких-либо контактов Высшего исламского совета Эфиопии с зарубежными мусульманскими организациями. Но еще многие мусульманские страны относятся к Эфиопии как к стране, где ущемляются права местных приверженцев ислама.

Власти рассчитывают на финансовую помощь для реализации различных проектов развития со стороны местных религиозных общин, а также зарубежных церквей. В ряде случаев эти надежды сбываются. Так, Всемирный совет лютеранских церквей выделил средства на строительство моста через р. Гыбе и дороги между городами Монно и Кэтта. Эфиопская церковь предоставила 3,1 млн. бырров на сооружение нескольких социально-бытовых и хозяйственных объектов и т. д. Местные и зарубежные церковные организации оказали определенную помощь в борьбе с засухой в середине 80-х годов.

В этой конфессионально-политической ситуации властям, конечно, приходится маневрировать, искать новые подходы к решению религиозного вопроса. Но правы те, кто утверждает, что, несмотря на огромные трудности, очевидны успехи революции в деле ликвидации теократии и клерикального насилия [216, с. 59].

Важным средством социально-политической стабильности внутреннего положения и ограничения экономических возможностей контрреволюции явилась денежная реформа осенью 1976 г., предусматривавшая обмен старых денег с обложением специальным налогом банкнот достоинством в 50 и более эфиопских долларов и введение новой денежной единицы — бырра, эквивалентной прежнему доллару. Это наряду с национализацией с 1 января 1975 г. частных банков и созданием год спустя государственного банка «Аддис бэнк» с капиталом в 20 млн. эф. долл. позволило государству усилить свой контроль над финансами. Однако устранить или хотя бы сдержать инфляцию ему не удалось. Увеличился внутренний долг, превысивший [352] 1,3 млрд. бырров. Несмотря на попытки контролировать цены на продовольствие, предметы первой необходимости и топливо, они продолжают расти: например, индекс цен на продовольствие в Аддис-Абебе в 1986 г. составил 459,4% в сравнении с исходными 100% в 1970 г. [36, с. 104].

Крупным событием в жизни Эфиопии явилась Общенациональная революционная кампания развития и централизованного планирования, официально начавшаяся 3 февраля 1979 г. и руководившаяся специально созданным Высшим советом. Постепенно ее органы формировались и на местах. Кампания осуществлялась на основе составлявшихся ежегодно планов социального и экономического развития. Приобретенный опыт планирования широко использовался при разработке десятилетнего плана, принятого на I съезде РПЭ. Одновременно складывалась государственная система планирования.

В мае 1985 г. Высший совет по проведению Общенациональной революционной кампании развития и централизованного планирования был переименован в Национальный комитет по централизованному планированию.

Плановая деятельность в стране нуждается в дальнейшем совершенствовании, тем более что государственный сектор, составляющий фундамент планового ведения хозяйства, функционирует еще недостаточно эффективно. Да и частный сектор, особенно в сельском хозяйстве, слабо поддается государственному контролю.

Правительство прилагает немало усилий по достижению плановых наметок. Не всегда это удается из-за затяжной засухи в 80-е годы. Так, в 1984/85 г. темпы роста ВВП снизились на 6,5% против запланированного роста в 4,3%. Причина тому — падение сельскохозяйственного производства, что позволяет реализовать в полном объеме

социальные наметки в десятилетнем плане. Этой проблеме был посвящен 9-й пленум ЦК РПЭ (ноябрь 1988 г.). (См. [127, тыккыт 28, 1981].)

Тенденции внешнеполитического развития

С победой Сентябрьской революции 1974 г. заметно возрос политический авторитет Эфиопии в международных делах, и особенно в развивающемся мире. Эфиопия выдвинулась на передовые позиции в борьбе освободившихся стран с империализмом и неокOLONиализмом, в движении неприсоединения и афроазиатской солидарности. Руководствуясь принципами внешней политики, сформулированными в Программе национально-демократической революции, а с сентября 1984 г. в Программе РПЭ, ВВАС и правительство сделали немало, чтобы, отказавшись от прежнего умеренного, порой половинчатого и непоследовательного курса на международной арене, изменить сущность дипломатической деятельности эфиопского государства, придать ей [353] подлинно прогрессивный характер, обеспечить благоприятные внешние условия для некапиталистического строительства, активизировать участие в противодействии неокOLONиалистским устремлениям Запада, поднять на качественно новый уровень связи с Советским Союзом, социалистическим содружеством, а также добиться безопасности границ Эфиопии, укрепления ее независимости, суверенитета.

В отличие от дипломатии Хайле Селассие, осуществлявшейся в рамках феодально-абсолютистского строя, внешняя политика в революционной Эфиопии служит тем слоям общества, которые составили социальную основу прогрессивной преобразовательной деятельности в стране. Хотя личностный фактор по-прежнему доминирует в международных связях Эфиопии, отныне он действует для обеспечения интересов более широких слоев населения, а не узкоклассовых потребностей императорского режима. В сравнении с предыдущими десятилетиями внешняя политика Эфиопии с середины 70-х годов становится адекватной внутренним социально-экономическим и политическим процессам.

Уже первые шаги революционной Аддис-Абебы по преодолению весьма прохладного, настороженного и даже откровенно-негативного отношения многих африканских стран к переменам в Эфиопии показали эффективность нарождавшейся новой дипломатии, соответствующей курсу на социализм. В результате переговоров, которые эфиопские делегации вели в столицах африканских государств в 1974—1975 гг., им удалось сломать лед недоверия и подозрительности к событиям в Эфиопии и даже установить в ряде случаев более тесные, чем прежде, связи (например, с Танзанией). Однако в конце 80-х годов вновь возникла в Африке некоторая настороженность к Эфиопии; возможно, это связано с радикализмом эфиопского режима, отталкивающего от него консервативных и умеренных руководителей Африки.

В связи с тем, что содержание внешней политики новой Эфиопии, ее направления и акценты изменились, нет оснований утверждать о полном разрыве и отсутствии преемственности с дореволюционным опытом. Революционные власти не отказались целиком от полученного дипломатического наследия. Они использовали все самое ценное, самое рациональное, разумное, что было достигнуто предшествовавшими поколениями. Различия между прошлым и современным подходом к международным, региональным и субрегиональным проблемам значительны. От прежних лет ВВАС достался высокий престиж Эфиопии в ОАЕ, движении неприсоединения, в других международных организациях, доверие, каким пользовалась страна в Африке, Азии и Латинской Америке, богатые традиции антиколониальной борьбы и т. д. В революционной Аддис-Абебе бережно сохранили все крупные внешнеполитические достижения, соответствовавшие нуждам самостоятельного национального [354] развития, и решительно отбросили все то, что носило классово-ограниченный характер, выполняло определенный социально-консервативный заказ абсолютной монархии.

Углубление прогрессивных тенденций в развитии Эфиопии привело к ограничению ее связей с империалистическими державами и одновременно к расширению контактов с мировым социализмом, установлению дипломатических отношений с Кубой, ГДР, Вьетнамом. Логика некапиталистического строительства неумолимо требовала от Аддис-Абебы радикальных акций в национально-освободительном движении, активной позиции по самым животрепещущим проблемам современности. Учет Аддис-Абебой реальностей международной обстановки, ее возрастающая прогрессивная роль в системе отношений мирового сообщества, позитивный характер предпринимавшихся внешне-политических акций содействовали росту политической сознательности народных масс страны, а также снискали ей еще большее уважение и престиж.

Укреплению самостоятельности Эфиопии способствовали такие акции, как денонсация военных соглашений с США, подписанных еще в 1953 г. Хайле Селассие, закрытие всех американских учреждений (кроме посольства), выдворение американской военной миссии, прекращение военных контактов с Англией, ФРГ и Израилем, окончательный разрыв отношений с Тель-Авивом, прекращение консульской деятельности США, Англии и Италии в ряде эфиопских городов, отказ от «помощи» американских советников, резкое ограничение количества специалистов из западных стран во всех сферах общественной и хозяйственной жизни. Не все эти меры со временем выдержали экзамен на целесообразность. Но, несмотря на это, благодаря этим мерам намного уменьшилось влияние Запада и прежде всего Вашингтона. В Аддис-Абебе, таким образом, получили большой простор для углубления антиимпериалистического содержания революции.

В стране решительно выступили против включения ее территории в рамки оперативного командования США «Сентком», ежегодно организуемых Вашингтоном маневров в ряде прикрасноморских стран, создания Вашингтоном военных баз в соседних странах и т. д. В эфиопской столице были убеждены в том, что опасность для судеб мира, для будущего Африки исходит от США [123, 14.09.1982]. Эфиопия отвергла концепцию администрации Рейгана о приравнивании национально-освободительного движения к «международному терроризму», справедливо увидев в ней планы США «по дальнейшей эксплуатации природных ресурсов данного региона и дискредитации... стран, отказывающихся подчиниться диктату американского империализма» [138, 19.02.1982].

Агрессивные акции США, ряда других стран НАТО неизменно осуждаются Эфиопией. Так было, например, в отношении американской интервенции в Гренаде в 1983 г., подрывных действий [355] Вашингтона против Никарагуа, Ливии, Афганистана и Кампучии в 80-е годы. В Аддис-Абебе отвергли попытки США вмешаться во внутренние дела Эфиопии посредством осуществления так называемой региональной инициативы президента Рейгана, провозглашенной в октябре 1985 г. В специальном заявлении министерства иностранных дел Эфиопии по этому поводу особо подчеркивалось, что именно Вашингтон угрожает миру и безопасности государств на Африканском Роге [138, 31.10.1985; 123, 01.11.1985].

США с середины 70-х годов активизировали свою поддержку ирредентистским устремлениям Сомали и сепаратистским организациям, действующим в Эфиопии. Даже сложную ситуацию, возникшую в стране в связи с засухой, США попытались использовать против революционной власти. Длительный отказ от поставок обещанного зерна, требование обязательного распределения полученного продовольствия по усмотрению американских эмиссаров, предоставление залежалых товаров, сокращение Японией под давлением Белого дома продовольственной помощи, пропагандистская шумиха вокруг якобы насильственного переселения голодающих эфиопов из северных районов — вот далеко не полный перечень тех конкретных шагов, которые предпринял Вашингтон тогда, когда эфиопские власти делали все возможное, чтобы устранить негативные последствия засухи. Во время поездки по странам Африки в марте 1985 г. вице-президент США Дж. Буш объявил даже об увеличении американской помощи

сепаратистским организациям, отстаивавшим раскол Эфиопии. Совместно со спецслужбами Израиля и при посредничестве Судана США участвовали в 1984 г. в осуществлении операции «Моисей» — тайной переброски в Израиль эфиопских фалаша — граждан Эфиопии иудейского вероисповедания. По существу, это — прямой акт агрессии США против революционной Эфиопии.

В годы борьбы Эфиопии с засухой другие империалистические державы осуществили ряд мер, аналогичных тем, какие предприняли США. И не случайно, что в середине 80-х годов произошло некоторое оживление деятельности сепаратистов (например, контакты НФОЭ с французской социалистической партией). Предоставление Западом продовольственной помощи сочеталось, таким образом, с происками относительно переориентации Эфиопии.

В условиях, когда требовалось максимальное напряжение усилий по ликвидации последствий засухи, Аддис-Абебе приходилось направлять немало государственных ресурсов, чтобы противодействовать подобным акциям империализма и его местным пособникам. Принимая продовольственную помощь стран Запада и будучи им (как и другим государствам мира) за это признательна [122, 1985, № 48, с. 10], Эфиопия не поступилась своими внешне- и внутривластными принципами. Страна продолжала осуществлять антиимпериалистический курс. [356]

В обстановке, когда США усилили свое военное присутствие в Индийском океане, Эфиопия совместно с Индией, Мадагаскаром и некоторыми другими государствами наиболее последовательно и настойчиво выступает за его превращение в зону мира и всецело поддерживает предложение о проведении Международной конференции по Индийскому океану.

Антиимпериалистический, антинеоколониалистский курс эфиопского правительства, тесно сочетающийся с антивоенной позицией и позитивным нейтралитетом, нашел свое яркое выражение в активном участии его представителей в работе VI и VII конференций неприсоединившихся стран в Гаване и Дели, признании Джибути, САДР, Анголы, Мозамбика, Зимбабве, революционной Кампучии и вставшего на путь прогресса Афганистана, твердой поддержке Никарагуа в ее антиамериканском сопротивлении, а также народов юга Африки в их борьбе против апартеида и расизма и СВАПО, единственного законного представителя Намибии.

В Совете Безопасности ООН в феврале 1986 г. делегат Эфиопии подверг резкой критике западные державы, и прежде всего США, за поддержку расистского режима ЮАР [123.09.02.1986].

В Аддис-Абебе осудили США за вето, наложенное президентом Р. Рейганом на решение американского конгресса о введении ограниченных экономических санкций против режима Претории в сентябре 1986 г. «Этот шаг, — писала „Эфиопиэн геральд“, — со всей очевидностью показывает стремление нынешней администрации во что бы то ни стало защищать интересы расистов, совершенно игнорируя страдания африканского большинства ЮАР» (цит. по [116, 1986, № 42, с. 4]). Менгисту Хайле Мариам, выступая на VIII Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, заявил, что проводимая США политика «конструктивного сотрудничества» с ЮАР подтолкнула расистский режим на еще более жесткие репрессии в Южной Африке. 25 мая 1986 г. корреспондент ЮПИ передал из Аддис-Абебы со ссылкой на министерство иностранных дел Эфиопии, что во время переговоров с АНК, СВАПО и послами «прифронтовых» государств Менгисту Хайле Мариам объявил о готовности вооружить и обучить 10 тыс. африканцев для освобождения Намибии и уничтожения апартеида в ЮАР.

11—13 октября 1985 г. в Аддис-Абебе состоялась Международная конференция солидарности с народами Южной Африки, которая продемонстрировала твердую поддержку демократическими силами стран мира, в том числе и Эфиопии, освободительной борьбы угнетенных масс юга континента. Выступая на многотысячном митинге трудящихся столицы Эфиопии по случаю окончания работы этого форума, Менгисту

Хайле Мариам подтвердил решимость эфиопского народа, РПЭ и правительства внести свой вклад в претворение в жизнь программы действий, принятой на этом форуме [123, 14.10.1985]. Крепнут связи Эфиопии с Индией, Конго, Алжиром и многими другими [357] афро-азиатскими и латиноамериканскими странами. Пример тому — отношения Эфиопии с Алжиром, который в 1985 г., в частности, согласился предоставить Аддис-Абебе заем в 10 млн. долл. на цели экономического развития.

Эфиопии и другим 29 странам Африки удалось предотвратить в 1982 г. раскол в ОАЕ, когда США, следуя политике «разделяй и властвуй», попытались сорвать XIX сессию Ассамблеи глав государств и правительств африканских стран в Триполи [170, с. 153]. Менгисту Хайле Мариам справедливо оценил итоги встреч в ливийской столице как победу над врагами Африки, и прежде всего над подрывной деятельностью сил империализма на континенте [170, с. 155]. Сложная ситуация в ОАЕ возникла в 1984 г. в связи с отказом Гвинеи провести в Конакри очередную встречу в верхах. И вновь усилия Эфиопии сыграли важную роль в преодолении нового кризиса в ОАЕ. XIX сессия, а также две последующие — XX и XXI — по единодушному согласию состоялись в Аддис-Абебе. В этом отразилось возросшее доверие Африки к Эфиопии как стране, много сделавшей для преодоления кризиса в ОАЕ. В Эфиопии, когда в 1983 г. ее руководителя избрали председателем ОАЕ, «предприняли различные шаги для разрешения... сложных политических проблем Африки, таких, как положение в Чаде и Западной Сахаре, преодоление вмешательства внешних сил во внутренние дела, защита прав и свобод народов континента» [123, 30.03.1984]. На XX сессии ОАЕ была дана высокая оценка деятельности Менгисту Хайле Мариам на посту председателя этой общеафриканской организации [123, 13.11.1984].

Особое внимание в Аддис-Абебе придавали урегулированию ситуации в Чаде. Такая заинтересованность не случайна. Дело в том, что, как писал корреспондент Франс Пресс: «Чад стоит у ворот к Красному морю, от которого его отделяет лишь непрочный Судан, а следовательно, к Саудовской Аравии и незамерзающим морям» [123, 07.08.1983]. Судан, Саудовская Аравия и Красное море упомянуты здесь в связи с тем, что Вашингтон, в известной мере стоявший за спиной интервенционистской политики Франции в Чаде, являлся активным сторонником планов арабской реакции, направленных на превращение Красного моря во «внутреннее озеро арабов». Составной частью этой стратегической линии консервативных ближневосточных режимов и США в регионе стала поддержка ими эритрейских сепаратистов и сомалийских ирредентистов, направленная в конечном счете на ликвидацию эфиопской революции. Показательно мнение газеты «Монд»: «В геополитическом плане арабские соседи, и в частности Саудовская Аравия, весьма обеспокоены тем, что власть, заявляющая о своей приверженности марксизму, обоснуется в Асмэре и в стратегической зоне Баб-эль-Мандебского пролива» [154, 28.02.1978].

Именно империализм и его союзники в Прикрасноморье и зоне Персидского залива подтолкнули режим Сиада Барре на [358] агрессию против Эфиопии в 1977—1978 гг. Это серьезно подорвало наметившийся процесс развития добрососедства и взаимопонимания на Африканском Роге. Положение на Африканском Роге уже неоднократно обсуждалось между главами внешнеполитических ведомств СССР и США и на встречах на высшем уровне между лидерами этих двух стран. Не случайно, ибо от нормализации здесь отношений зависят судьбы мира в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке.

Правительство Аддис-Абебы совершенно справедливо рассматривает создание американских военных баз в Бербере и других городах Сомали как прямую угрозу единству и независимости Эфиопии, как дестабилизирующий фактор для дела -мира и безопасности в Красном море, Персидском заливе и Индийском океане [123, 01.09.1980]. В 1985 г. особое беспокойство в Аддис-Абебе вызвало сообщение о военных контактах между Сомали и ЮАР, а также о тайном сговоре Сомали и Израиля [117, 25.02, 29.03, 1985]. Участие сомалийских войск в военных маневрах американо-египетских войск «Брайт стар» в 1983—1985 гг. заметно осложняло обстановку на Африканском Роге.

Однако начиная с 1986 г. появились заметные признаки улучшения эфиопо-сомалийских отношений. В январе в Джибути, где проходила учредительная ассамблея межправительственной организации по борьбе с засухой и развитию стран Восточной Африки, состоялись переговоры Менгисту Хайле Мариама с Сиадом Барре. «Моя встреча с президентом Сомали... — говорил лидер эфиопской революции, — была проведена по нашей инициативе. Хотя нельзя рассчитывать на то, что одним взмахом руки можно разрешить давно уже существующие проблемы, начало вселяет определенные надежды» [159, 04.08.1986]. Тогда же в Джибути было решено создать совместный комитет по нормализации двусторонних отношений. Приехавший в мае в Аддис-Абебу сомалийский министр иностранных дел Абдурах-ман Джама Барре отметил, что Сомали преисполнена решимости найти прочное решение разногласий между двумя странами [122, 1986, № 22, с. 10]. В столице Эфиопии главы внешнеполитических ведомств условились продолжить консультации в рамках учрежденного комитета. 23—26 августа 1986 г. в Могадишо состоялась его вторая сессия. В распространенном коммюнике указывалось, что она характеризовалась «общим стремлением к установлению миролюбивых отношений между двумя странами» [123, 28.08.1986]. В апреле 1987 г. в Аддис-Абебе проходило третье заседание комитета. Оно состоялось, несмотря на имевшие место в феврале вооруженные столкновения между двумя странами. Как отмечено в итоговом заявлении по окончании встречи в столице Эфиопии, обе стороны согласились, что продолжат начавшийся диалог в Могадишо и что им следует воздерживаться от любых действий, которые могут поставить под угрозу продолжавшиеся контакты [123, 04.04.1987]. В апреле 1988 г. Эфиопия и Сомали договорились о восстановлении [359] дипломатических отношений и отводе войск в глубь своих территорий от границы на 15 км. (Этот шаг приветствовался в: разных странах мира, в том числе в СССР) [123, 04.1988]. В августе 1988 г. начался обмен военнопленными, оказавшимися в Эфиопии и Сомали во время военных действий в 1977—1978 гг. [123, 26.08.1988].

Возможно, в нормализации эфиопо-сомалийских отношений благоприятно сказались не только позиция СССР, но и участвовавшие в 1987—1988 гг. контакты Аддис-Абебы с Вашингтоном, где, однако, еще совсем недавно были сильны тенденции к объявлению Эфиопии страной, в которой США поддерживают антикоммунистический мятеж [122, 1986, № 20, с. 16—17].

Пятью годами раньше, в 1983 г., к антиэфиопской кампании США вновь подключили Судан, с которым у Аддис-Абебы начали было улучшаться отношения. Без преувеличения: можно утверждать, что как только в Судане осложнялась внутривнутриполитическая обстановка, так мгновенно по инициативе Хартума, ориентированного при президенте Нимейри всецело на США, ухудшались судано-эфиопские отношения. МИД Эфиопии в марте 1984 г. вполне обоснованно определил цель создавшейся тогда военно-политической оси «Хартум—Вашингтон» как посягательство на независимость Эфиопии и подрыв ее территориальной целостности [119, 13.03.1984]. Лишь после свержения в апреле 1985 г. режима Нимейри наметились были определенные сдвиги в вопросе нормализации отношений между Эфиопией и Суданом. В сентябре 1986 г. в Аддис-Абебе вновь высказали надежду на улучшение отношений с Суданом. В мае 1988 г. начались переговоры Эфиопии и Судана с целью нормализации двусторонних отношений.

Несмотря на попытки США еще во второй половине 70-х годов изолировать Эфиопию в регионе, ей удалось наладить прочные дружественные связи с НДРЙ, Кенией, Джибути, а также Ливией. Новым фактором в развитии контактов между Аддис-Абейбой, Аденом и Триполи стал трехсторонний Договор о дружбе и сотрудничестве, подписанный на встрече руководителей этих стран в южноеманской столице в августе 1981 г. Договор, имеющий четко выраженный антиимпериалистический, антиссионистский характер, предусматривает координацию сотрудничества в политической, экономической и военной областях, создание Высшего совета в составе глав трех государств, а также совместных

министерских комиссий для реализации целей договора. В рамках этого соглашения было проведено чрезвычайное заседание политического комитета министров иностранных дел Эфиопии, Ливии и НДРЙ в 1981 г., разоблачившего американское вмешательство в дела Ближнего и Среднего Востока и Африканского Рога «не только для устрашения (этих трех стран), но и для обеспечения доминирующей роли США в данных районах» [122, 1981, № 50, с. 9]. Аддис-Абеба и Триполи, основываясь на условиях Договора, подписали в 1981 г. ряд [360] соглашений о создании совместных предприятий в обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве и по добыче полезных ископаемых, а в 1982 г. с Аденем эфиопы заключили соглашение о развитии туризма [113, 05.12.1981; 26.06.1982]. В эфиопской столице не раз высказывали благодарность НДРЙ за помощь в укреплении обороноспособности и отражении интервенционистских сил в 1977—1978 гг. [117, 1979, № 38, с. 14]. В декабре 1983 г. был подписан протокол о сотрудничестве между внешнеполитическими ведомствами Эфиопии в НДРЙ сроком на два года [138, 17.12.1983], в 1985 г. он был продлен. В феврале 1985 г. в Аддис-Абебе подписали эфиопо-южноамериканское соглашение о расширении взаимного товарооборота и договор о сотрудничестве в области высшего образования и подготовки кадров. Регулярно проходят сессии совместной комиссии по экономическому, научному и техническому сотрудничеству Эфиопии и НДРЙ [117, 21.02.1985; 113, 13.04.1985].

Заметно активизировались отношения Эфиопии с Джибути после того, как эта страна обрела независимость. В отличие от императорского режима, который, удостоверившись в невозможности включить Джибути в пределы эфиопского государства стал рассчитывать на сохранение колониального владычества Франции в Джибути [140, 1964, № 9, с. 5], ВВАС, придя к власти, сразу же заявил о поддержке народа соседней страны в борьбе за свободу. В 1981 г. в Аддис-Абебе были заключены джибутийско-эфиопский договор о дружбе и сотрудничестве, общее соглашение по вопросам транспорта, соглашения о создании совместной комиссии по экономическому, научному и техническому сотрудничеству, о сотрудничестве в области экономики, науки и техники и о сотрудничестве в области культуры [113, 23.04, 05.11.1981; 137, 1981, т. 58, № 623, с. 39].

Важным шагом, имевшим большое значение для упрочения независимости обеих стран, стало образование совместной компании «Шмен де фер джибути-этиопьен» вместо «Компании франко-эфиопской железной дороги от Джибути до Аддис-Абебы».

В 1985 г. Эфиопия и Джибути подписали соглашение, в котором, в частности, предусматривается улучшение работы этой железнодорожной магистрали.

Заметное место в деятельности эфиопского правительства заняло создание при содействии ООН Постоянной межправительственной организации, которая занималась бы вопросами борьбы с засухой в шести восточноафриканских странах (Эфиопия, Кения, Джибути, Сомали, Уганда и Судан) и экономического развития в регионе. В январе 1986 г. она была образована. Ею принят основополагающий документ «План действий».

Это — не единственная попытка Аддис-Абебы совместно с другими странами Африки решить социальные и экономические проблемы. Эфиопия активно участвует в конференциях министров иностранных дел государств бассейна р. Нила. Страна [361] подписала в 1984 г. соглашение о создании преференциальной торговой зоны для Восточной и Южной Африки. Эфиопское правительство придает большое значение реализации Лагосского плана действий, предусматривающего в целом осуществление радикальной стратегии развития Африки на основе коллективного и национального самообеспечения. «Эфиопиэн геральд» писала 12 июля 1984 г. о том, что скорейшее выполнение Лагосского плана позволит Эфиопии и другим государствам континента преодолеть существующие экономические проблемы. Вместе с другими освободившимися странами Эфиопия выступает за установление нового международного экономического лорядка.

Эфиопия, осуждая империалистическую политику нагнетания международной напряженности, активна в антивоенном движении. В стране широко и торжественно отметили 40-летие Великой Победы над фашизмом. Она поддерживает все мирные инициативы СССР. Особый отклик в Аддис-Абебе вызвало Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева от 15 января 1986 г. Эфиопия не раз выступала с предложением об объявлении Африки безъядерной зоной. Эфиопская делегация вновь обратилась с ним на I Общеафриканской конференции по вопросам безопасности, разоружения и развития в Ломе в августе 1985 г., отметив при этом огромное международное значение введенного СССР с 6 августа того же года моратория на любые ядерные испытания [123, 16.08.1985; 117, 17.08.1985].

Миролюбивая, антивоенная позиция Эфиопии получила международное признание. Еще в 1980 г. Президиум Всемирного Совета Мира наградил Менгисту Хайле Мариама «Золотой медалью мира» им. Фредерика Жолио-Кюри. Эта награда, по словам руководителя эфиопской революции, «является оценкой беззаветной борьбы за справедливость и мир, которую ведет наш народ» [123, 01.03.1980].

Важнейшим завоеванием эфиопской революции стало углубление связей с социалистическим содружеством. В Аддис-Абебе признают, что сотрудничество с Советским Союзом — краеугольный камень политики Эфиопии, «которая видит в лице первого в мире социалистического государства надежного друга и союзника в деле построения нового общества социальной справедливости и равенства» [123, 13.08.1981]. С победой революции в 1974 г. отношения между СССР и Эфиопией поднялись на качественно новый уровень: они стали, как говорил Менгисту Хайле Мариам, «отношениями союзников в борьбе за единые цели» [21, с. 15].

В основе советско-эфиопских отношений лежит Договор о дружбе и сотрудничестве, подписанный в ноябре 1978 г. Он укрепил международное положение Эфиопии, повысил ее престиж в мировом сообществе, содействовал дальнейшему прогрессу в развитии народов этой африканской страны. [362]

Крупным событием в жизни Эфиопии стало соглашение о сотрудничестве между КПСС и КОПТЭ, подписанное 12 октября 1982 г. 18 декабря 1984 г. было заключено соглашение о сотрудничестве между КПСС и РПЭ. Межпартийные связи обе стороны рассматривают «как важнейшую составную часть двусторонних отношений между Советским Союзом и Социалистической Эфиопией» [123, 12.11.1985]. Особое значение для советско-эфиопских отношений имели визиты Менгисту Хайле Мариама в Советский Союз в 1977, 1978, 1980, 1982, 1984, 1985, 1986, 1987 и 1988 гг. и советских руководителей в Аддис-Абебу.

С 1974 г. между Эфиопией и СССР подписано более 50 соглашений и других межправительственных документов по вопросам двустороннего экономического сотрудничества. При этом советская помощь способствует развитию прежде всего ключевых отраслей народного хозяйства Эфиопии. Во исполнение достигнутых договоренностей СССР оказывает Эфиопии экономическую помощь в сооружении 43 объектов. В их число входят поисково-разведочные работы на нефть и газ, строительство ГЭС мощностью 152 тыс. кВт в Мелка-Вакане (с участием Чехословакии), заверщенное к концу 1988 г., создание строительной базы, включая цементный завод в Дыре-Дауа с годовой производительностью 600 тыс. т цемента, постройка около 90 складов для хранения зерна и комбикормов и 5 холодильников для продуктов животноводства, расширение нефтеперерабатывающего завода в Асэбе до 1 млн. т нефтепродуктов в год, строительство тракторосборочного завода, рассчитанного на выпуск в год 3 тыс. тракторов, 400 комбайнов, 900 прицепов, организация центра по обслуживанию сельхозтехники и т. д. СССР участвует в разработке долгосрочных программ экономического развития, в организации и совершенствовании плановой деятельности в стране [197, с. 70]. В марте 1984 г. состоялось подписание межправительственных документов, предусматривающих дальнейшее развитие экономического и технического

сотрудничества между СССР и Эфиопией в области сельского хозяйства, химической и легкой промышленности [123, 01.04.1984].

В сентябре 1984 г. принята Долгосрочная программа экономического сотрудничества между СССР и Эфиопией. В ней предусмотрено решение двух взаимосвязанных задач — помощи в развитии производительных сил и в расширении производства экспортной продукции, в том числе и той, в которой заинтересован Советский Союз. В соответствии с ее конкретными положениями наша страна участвует в агроирригационном освоении земель в районах Гамбела и Тендахо, строительстве мясоконсервного завода, текстильного комбината и других промышленных объектов, изучении биоресурсов Красного моря и т. д.

Бескорыстную помощь оказал Советский Союз в ликвидации последствий засухи. Помимо продовольствия, медикаментов, одеял и палаток наша страна направила Эфиопии крупный транспортный отряд. Советские врачи развернули полевой госпиталь [363] в Асосе; немало наших медиков оказывали помощь в лагерях беженцев на севере. СССР предоставил Эфиопии машины «скорой помощи», автоцистерны для доставки воды, грузовики, оборудование для бурения колодцев. Большинство грузов, поступивших в Эфиопию из-за рубежа, перевезли советские летчики и шоферы. Они же осуществили транспортировку сотен тысяч переселенцев. Особенностью помощи СССР в борьбе с засухой было то, что посредством ее решались не только текущие задачи, но и закладывались основы для достижения долгосрочных целей «Программы действия». Яркий пример тому — ускорение комплексного освоения крупного массива в нижнем течении р. Аваш, где будет создан госхоз с советской технологией возделывания хлопчатника [123, 19.03.1985]. В феврале 1985 г. подписано соглашение о предоставлении Советским Союзом Эфиопии займа в 66 млн. бырров для мелиоративных работ [116, 1985, № 22, с. 7]. В 1988 г. СССР предоставил Эфиопии 250 тыс. т зерна для борьбы с голодом из-за засухи, направив также врачей, авиаотряд, автомашины для перевозки грузов [122, 1988, № 7, с. 21].

Заметна роль СССР в подготовке национальных кадров. Примером здесь является Политехнический институт в Бахр-Даре, построенный СССР в дар эфиопскому народу, выпустивший уже более 2 тыс. специалистов. В мае 1984 г. в Аддис-Абебе подписан советско-эфиопский межправительственный протокол об оказании содействия Эфиопии в модернизации и расширении этого учебного заведения [123, 18.05.1984]. Советский Союз содействует также становлению и совершенствованию профессионально-технического образования в Эфиопии, о чем свидетельствуют, в частности, положения межправительственного протокола от 12 августа 1981 г.: командирование до 40 советских специалистов для работы в качестве преподавателей и мастеров сроком на 2—3 года, безвозмездная поставка оборудования и учебно-наглядных пособий и оплата расходов на пребывание в стране специалистов на сумму до 8 млн. руб. и т. д. [31, с. 29—31]. Кроме того, сотни советских учителей трудятся в эфиопских школах, а около 3 тыс. студентов, аспирантов и стажеров из этой африканской страны обучаются в советских вузах, техникумах и ПТУ. В Аддис-Абебе сложилась добрая традиция: на советской постоянной выставке проходят встречи молодых африканских специалистов — выпускников вузов СССР с их советскими коллегами, работающими в различных отраслях народного хозяйства Эфиопии [117, 03.01.1983]. Регулярно проводятся Дни СССР в Аддис-Абебе. Значительна роль в этом эфиопо-советского комитета дружбы и солидарности, образовавшегося уже после низложения императора. Росту духовной культуры эфиопского народа содействуют также книги, поступающие из СССР в дар аддис-абебским книгохранилищам и общественным организациям. Большое значение имеет соглашение о сотрудничестве между Госкомиздатом СССР и эфиопским [364] государственным издательством «Кураз» [123, 16.04.1982]. Заметным явлением в общественной жизни Эфиопии стало соглашение о сотрудничестве между Союзом журналистов СССР и Ассоциацией эфиопских журналистов, предусматривающее, в частности, широкое

освещение социально-экономических и культурных достижений народов двух стран [117, 30.04.1983]. В 1983—1986 гг. в Аддис-Абебе были организованы временные выставки, посвященные 60-летию образования СССР, науке, технике и экономике Азербайджанской ССР и др. На советской постоянной выставке создан Клуб друзей русского языка, который объединяет эфиопов — выпускников советских вузов.

К середине 80-х годов возрос объем финансовой помощи Советского Союза; только в 1979—1980 гг. СССР предоставил Эфиопии займов и кредитов на 140 млн. руб. Все они идут на цели хозяйственного строительства, укрепляющего экономическую самостоятельность эфиопского государства.

Таким образом, советско-эфиопские отношения развиваются и крепнут, и главное — они служат, как писала «Эфиопиэн геральд», делу мира и социального прогресса [138, 22.04.1983].

Ближайшими друзьями Эфиопии стали также ГДР, Куба, Болгария и другие страны — члены СЭВ. Советский Союз и Куба участвуют в настоящее время в строительстве вооруженных сил Эфиопии. Кубинские интернационалисты немало сделали, чтобы помочь эфиопам изгнать врага. Знаменательным событием в жизни Эфиопии стал визит в Аддис-Абебу Фиделя Кастро в 1977 г., в ходе которого с новой силой подтвердилось мнение «Эфиопиэн геральд» о том, что кубинская революция всегда была вдохновляющим примером для развивающихся стран [117, 17.03.1977]. Куба, ГДР и другие братские страны направили в Эфиопию сотни врачей, учителей, инженеров, других специалистов. Созданная смешанная комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству между Кубой и Эфиопией координирует вопросы двусторонних хозяйственных связей.

Аналогичные правительственные органы существуют между Эфиопией и другими социалистическими государствами. Куба и ГДР совместно построили цементный завод в Мугере. При помощи ГДР построены маслобойня в районе Бахр-Дара, текстильный комбинат в Комбольче (вместе с ЧССР), мастерская в Аддис-Абебе по ремонту автомашин и сельхозтехники. В 1984 г. было подписано соглашение между СЕПГ и РПЭ о сотрудничестве на основе того, что обе политические организации являются приверженцами марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

Активно развивают связи с Эфиопией ЧССР, осуществляющая строительство пивоваренного завода в Харэре и предоставившая кредит в 20 млн. долл. на закупки машин и оборудования, и Болгария, участвующая в формировании агропромышленных комплексов в стране и организующая свои связи на [365] базе подписанных с Аддис-Абейбой «Основных направлений экономического и научно-технического сотрудничества между НРБ и Эфиопией на период 1986—1990 гг.». В 1985 г. между Эфиопией и ЧССР подписана Долгосрочная программа сотрудничества на 1986—1990 гг.

В 80-е годы интенсивно развивались связи Эфиопии с КНДР. При помощи КНДР, предоставившей беспроцентный заем в 129 млн. бырров, сооружается ГЭС мощностью 300 тыс. кВт на р. Гыбе в Кэфе. В 1984 г. создан эфиопо-корейский комитет дружбы.

Показателен рост внешней торговли Эфиопии с социалистическими государствами: в 1972—1982 гг. экспорт в эти страны увеличился с 7,3 до 17%, а импорт оттуда — с 4,2 до 28% [153, 1983, т. 3, № 12, с. 101]. Увеличивается также объем предоставляемых кредитов: в 1981 г. он составил около 26% общей суммы полученных Эфиопией займов.

В ходе переговоров, состоявшихся 12 ноября—12 декабря 1978 г., СССР, ГДР, Куба, ЧССР, Румыния, Польша, Болгария и Югославия заявили эфиопской делегации о том, что окажут широкую помощь в области предоставления долгосрочных займов под низкий процент, безвозмездных ссуд, машин и оборудования, строительства заводов, фабрик, других хозяйственных объектов, подготовки национальных кадров и командирования в Эфиопию специалистов [227, с. 27—28].

Сотрудничество социалистических стран с Эфиопией координируется в рамках СЭВ, в работе которого Аддис-Абеба принимает участие в качестве наблюдателя [123, 15.11.1978]. Революционные власти придают большое значение контактам с СЭВ, рассматривая их как важный фактор своей внешней политики. Еще в 1978 г. в эфиопской столице выразили удовлетворение поддержкой со стороны СЭВ и заверениями в том, что Эфиопия «также может стать членом СЭВ после того, как укрепит механизмы, обеспечивающие постоянный экономический рост» [116, 1978, № 28, с. 3]. Эфиопия стала участвовать во многих совещаниях и семинарах, организуемых социалистическими странами или СЭВ, например, в координационной встрече национальных комиссий по делам ЮНЕСКО социалистических государств в 1983 г., в семинаре по вопросам развития торговли и экономического сотрудничества между африканскими странами и членами СЭВ.

В связи с укоренившейся тенденцией постоянного расширения политических и экономических связей с социалистическим содружеством необходимо иметь в виду, что в Эфиопии еще не устранены из общественной жизни силы, которые противятся этим дружественным отношениям. Они по-прежнему ориентируются на Запад и надеются, что значительные займы, кредиты и безвозмездные ссуды, поступающие от империалистических держав (к 1989 г. более чем на 2 млрд. долл.), будут способствовать «сбалансированному» внешнеполитическому курсу, [366] а при благоприятных условиях — и вообще отходу страны от мира социализма. Определенные круги в эфиопском обществе поддерживают буржуазную концепцию «равноудаленности», направленную в конечном счете на подрыв отношений с социалистическим содружеством. Ими используется также и то, что трудности, переживаемые Эфиопией, вынуждают ее обращаться к Западу за финансовой и экономической помощью.

Изменения, происходящие в мире в связи с реализацией нового политического мышления, позитивно сказываются и на внешнеполитической деятельности Эфиопии на Ближнем и Среднем Востоке и на Африканском Роге. В конце 80-х годов страна активизировала контакты с арабскими государствами. В мае 1988 г. были восстановлены дипломатические отношения с Тунисом, а в октябре того же года состоялся визит Менгисту Хайле Мариам в Сирию. В ходе его эфиопский лидер неизменно подчеркивал, что «Эфиопия и страны Среднего Востока — не только близкие соседи вследствие их географического положения, но также имеют исторические культурные, религиозные, торговые и прочие связи с древних времен» [138, 12.10.1988]. Развивая отношения со странами, входящими в Лигу арабских стран, Эфиопия стремится, в частности, решить сложные проблемы Африканского Рога. [367]

Глава 10

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ

КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ЭФИОПИИ

Духовная культура Эфиопии, формирующаяся под влиянием внутренних процессов и достижений мировой цивилизации, претерпела значительные изменения со времени освобождения от ига фашистской Италии. Она значительно обогатилась, стала разнообразнее в своих эстетико-философских основах, усложнилось ее идеологическое содержание. В 40—80-е годы отчетливо проявилась коренная черта эфиопской культуры — единство в многообразии. Показательно в этом отношении мнение эфиопского ученого Алему Ышэте: «В Эфиопии была постоянная тенденция к физическому, культурному, лингвистическому и религиозному единству, т. е. единству в многообразии. Однако... мы все еще обнаруживаем в стране различные культуры среди северных семитоязычных народов или южных и восточных кушитских, омотических и нило-сахарских (этнолингвистических) групп населения» [268, с. 14—15].

Совершенно правы те, кто утверждает, что, несмотря на имеющиеся различия, взаимное влияние культур народов, исторически оказавшихся в границах эфиопского государства, привело к образованию специфической эфиопской цивилизации [176, с. 5; 334, с. 27].

Общеэфиопская культура впитывает духовные ценности всех многочисленных народов страны, но ведущую роль в ее становлении длительное время играла культура амхара [222, с. 199]. Тем более, что амхарский язык выполнял (и поныне выполняет) роль средства межнационального общения. Как государственный язык, он способствовал этнокультурному взаимодействию. Заметно участие в этом процессе эфиопской церкви. Права М. В. Райт, утверждая, что «в течение длительного времени церковь оказывала значительное влияние на различные стороны духовной культуры Эфиопии, подчас сдерживая ее развитие. Было бы неправильно преувеличивать это влияние, но нельзя его и недооценивать» [222, с. 199].

В 1941—1974 гг. культурное строительство осуществлялось в рамках феодально-абсолютистского строя и подчинялось задачам прославления императора, упрочения трона, потребностям абсолютной монархии и придания респектабельности режиму. [368] Вот почему были столь медленны темпы роста школьного и высшего образования (подробнее см. выше), так несовершенны учебные программы, очень ограничен допуск детей из неимущих слоев в учебные заведения и широко распространено церковное и миссионерское обучение. Вполне понятны, следовательно, и причины фактической неудачи весьма робких попыток властей устранить массовую неграмотность в стране: так, Быхерауи Фидэл сэрауит — организация, занимавшаяся распространением грамотности среди населения, со времени своего создания в июле 1962 и по сентябрь 1970 г. научила читать, писать и элементарному счету в Аддис-Абебе всего лишь около 20 тыс. человек [110, тыккымт 26, 1963].

Серьезные препятствия на пути получения образования создавал английский язык — чуждый для широких масс, — который после освободительной войны с Италией (1935—1941) стал, по существу, вторым официальным языком Эфиопии и на котором велись занятия не только в высшей и средней школе, но даже одно время в начальных классах. В неамхарских районах трудности возникали с изучением амхарского языка, не родного для их жителей. Ведь только в Эритрее уроки в начальных классах отчасти давались на тигринья, да и в миссионерских школах на первых порах использовались местные языки, причем миссионеры применяли иногда латинский алфавит для письма на оро-мо, сахо, кунама и нескольких других местных языках [310, с. 27—31; 362, с. 639; 345, с. 188]. Надо отметить, что по мере нарастания этнополитической напряженности в стране и в целях идеологического воздействия на массы соседних с Эфиопией государств императорский режим пошел на организацию радиопередач на языках афар, оромо, сомали и др. [110, сэне 13, 1967; йекатит 2, 1959].

Преимущественно на амхарском языке издавалась пресса, составлявшая существенный элемент эфиопской культуры. Наибольшей популярностью пользовались газеты «Аддис зэмэн» и «Йиетиопия дымц», имевшие в 1970 г. тираж соответственно в 20 тыс. и 10 тыс. экземпляров. Круг их читателей, однако, был намного шире этого количества: соответственно около 100 тыс. и 50 тыс. человек [318, с. 101]. На английском языке публиковалась ежедневная газета «Эфиопиэн геральд» (8 тыс. экземпляров, около 25 тыс. читателей), а на французском — «Аддис суар» (3 тыс. экземпляров, около 9 тыс. читателей). Печатались также несколько еженедельников и ежемесячных журналов на амхарском и европейских языках. Выходила газета «аль-Алем» на арабском языке (5 тыс. экземпляров). Помимо Аддис-Абебы газетно-журнальная продукция выпускалась только в Асмэре, где издавались 3 ежедневные газеты на амхарском, арабском, итальянском языках и на тигринья, а также 2 еженедельника.

В годы царствования Хайле Селассие в газетах и журналах публиковались преимущественно верноподданнические материалы, [369] возвеличивавшие монарха, его

деятельность и перевозносившие любые акции правительства. В них широко появлялась также зарубежная информация, поставляемая главным образом западными агентствами. Немало печаталось статей религиозного содержания, а также заметок с поучениями в области морали и ведения домашнего хозяйства. Много места занимала коммерческая информация и хроника судебных дел. Лишь в очень редких случаях сообщалось о внутривластных или социальных конфликтах, при этом они рассматривались как события, наносящие ущерб политике императора, который постоянно в заботах о «благе народа». Изредка, особенно в годы, непосредственно предшествовавшие революции, в печать просачивались сведения общедемократического, критического содержания. Внутреннюю информацию газеты и журналы получали либо от национального агентства Эфиопиэн Ньюс Эйдженси (ЭНА), созданного в начале 60-х годов, либо от собственных репортеров.

В ряде газет и журналов, прежде всего в «Аддис зэмэн», «Иезареиту Итиопия» и «Мэнэн», помещались небольшие художественные произведения эфиопских писателей и поэтов. Это положительно влияло на развитие литературы Эфиопии, ибо публикация в стране книг была сопряжена с крупными личными расходами литераторов. В эфиопской печати не раз указывалось на необходимость создания литературы для народа, которая изображала бы борьбу страны за свободу и воодушевляла: бы его на трудовые свершения [118, т. 14, 1950].

Эфиопская литература — единственно развитая литература на местных языках в Африке южнее Сахары. К середине 70-х годов в ней прочно утвердился реалистический метод. Это было связано с приходом в литературу в 60-е годы целой плеяды талантливых прозаиков, драматургов и поэтов — выходцев из разночинной среды. Произведения таких эфиопских писателей, как Таддэле Гэбрэ Хыйуот (роман «Кто ты эфиоп?»), Аббе Губенья (роман «Я не хочу родиться», пьеса «Патрис Лумумба» и др.), Хаддис Алемайеху (роман «Любовь до гроба»), Бырхану Зэрихун (новелла «Два письма слез» и др.), Таддэсэ Либэн (книги рассказов «Мэскэрэм» и «Другим путем»), Мэнгысту Гэдаму (новелла «Кого я ниже»), Мэнгысту Лемма (комедия «Неравный брак», сборник стихов «Разговор отцов», пьеса «Похищение невесты» и др.), активно содействовали формированию общественного мнения, раскрывая социально острые и актуальные стороны жизни дореволюционного эфиопского общества.

Реалистические начала в эфиопской литературе 60-х — начала 70-х годов пришли на смену религиозно-мистическим, просветительским, сентиментальным и морализующим тенденциям, доминировавшим до того. Крупные писатели 40—50-х годов — Кэббэдэ Микаэль, Гырмачеу Тэкле Хавариат, Ындалькачоу Мэконнын, Уольдэ Гийоргис Уольдэ Йоханныс и др. Это были преимущественно представители господствующего класса, занимавшие [370] к тому же высокие должности в империи. В своих произведениях они исходили, как правило, из принципа упрочения абсолютистско-монархического строя. Вместе с тем и в них содержались критические высказывания по поводу отдельных сторон жизни страны (например, невежества священников). Творчество наиболее талантливых прозаиков тех лет, как справедливо пишет М. Л. Вольпе, «стало основанием, на котором писатели послереволюционного поколения возводят сегодня здание новой литературы» [176, с. 184].

Развитие эфиопской литературы сдерживалось абсолютной монархией. Императорская цензура строго следила за выпускаемыми изданиями, не раз запрещая выход тех или иных книг либо изымая из продажи уже опубликованные произведения. Судьба многих романов Аббе Губенья — тому яркий пример (см. [162]).

Эфиопская литература создавалась, как правило, на амхарском языке. На нем писали и литераторы-неамхара: Бека Нэмо, Таддэсэ Либэн (оба — оромо), Сэид Абагаз (араб) и др. Выходили из печати редкие произведения на языках неамхарских народов, населявших Эфиопию, и прежде всего на тигринья. Примечательно в этой связи предположение английского ученого У. Х. Уайтли о том, что в условиях императорского

режима использование тигринья в качестве языка местной литературы и публицистики носило временный характер [295, с. 551]. С середины 60-х годов в Аддис-Абебе или в западных странах были опубликованы произведения эфиопских прозаиков и поэтов, пишущих на английском языке. В отличие от других африканских государств эта литература не получила сколько-нибудь широкого распространения, не говоря уже о невысоких, как правило, художественных достоинствах. Нельзя не привести здесь слова Мэнгысту Леммы об отношениях к англоязычному творчеству эфиопов. «Я,— говорил он,— не намерен писать по-английски. Ибо, будучи эфиопским писателем, я проникнут чувством высокой ответственности в первую очередь перед своим собственным народом. Европа и Америка в состоянии сами обеспечивать себя литературой на своих языках. Если же они хоть в малой степени интересуются нашей литературой, пусть изучают наш язык и переводят амхарские книги, как это делают русские» [111, 1969, № 2, с. 34—35].

Характеристика взглядов эфиопских литераторов в дореволюционное время была бы неполной, если не упомянуть об их высокой оценке русской классики. Им удивительно близки были образы русской словесности XIX — начала XX в. «Эта литература,— подчеркивал в 1972 г. один из эфиопских писателей,— нам понятнее, чем какая-либо другая литература мира. Проблемы России XIX в. как бы проецируются на современное эфиопское общество. В наших учреждениях можно встретить людей, которые очень напоминают Акакия Акакиевича и многих других персонажей русской литературы» [111, 1972, № 7, с. 39]. **[371]**

Разумеется, в феодально-абсолютистской Эфиопии имелись весьма ограниченные возможности для знакомства с достижениями культуры Советского Союза. Не способствовал этому и местный профессиональный театр, который вплоть до революции не поставил ни одной пьесы русских и советских драматургов.

В двух столичных профессиональных театрах и одном самодеятельном при университете шли преимущественно пьесы морализаторского содержания, но иногда на сцену проникала классика (например, шекспировские «Отелло» и «Макбет») и оригинальные произведения эфиопских литераторов Кэббэдэ Микаэля, Мэнгысту Леммы и др. Плодотворно трудился в области театрального искусства крупный драматург Цэггайе Гэбрэ Мэдхын. Его пьесы «Теодрос», «Терновый венец», «Петрос в час выбора», а также переведенные им трагедии Шекспира с успехом шли в Аддис-Абебе. На сцене выступали также музыкально-танцевальные ансамбли, исполнявшие в том числе танцы различных народов Эфиопии. Однако в целом эфиопский театр в дореволюционное время служил интересам абсолютной монархии и был доступен узкому кругу образованной элиты и аристократии.

Одним из научных и культурных центров страны стала Национальная библиотека, открытая еще в 1943 г. и насчитывавшая к 1974 г. до миллиона томов. Библиотека Института эфиопистики, открытого в 1962 г. при Аддис-Абебском университете, со временем превратилась в крупнейшее книгохранилище мира научной литературы по эфиопским исследованиям. Широкую известность приобрели многие эфиопские ученые — книговеды, историки, лингвисты, географы.

К середине 70-х годов мировое признание получили работы эфиопских художников Афэуорка Тэкле, Алле Фэллегэ Сэлама и Гэбрэ Крыстос Дзета. Их произведения не раз выставлялись в Москве, Лондоне, Париже, Мадриде и других центрах изобразительного искусства. Заметным явлением стало творчество Йигэзу Бысрата, Гэбрэ Мариама Вагайе, Уольдэ Мэсфына Аеру и др.

Выдающееся место среди художников Эфиопии занимает Афэуорк Тэкле, которого по праву признают основателем новой школы в современной живописи Эфиопии [116, 1966, № 49, с. 30]. Его творческое кредо сформулировано в следующих словах: «Первостепенная задача африканского художника — использовать национальное и мировое культурное наследие так, чтобы суметь при этом создать нечто новое и

действительно ценное» [116, 1966, № 49, с. 30]. Большую популярность принесли ему витражи «Судьбы Африки», полотна «Цветок мэскаля», «Мать-Эфиопия» и др.

С победой эфиопской революции творчество Афэуорка Тэкле обогатилось, приобрело глубокий революционный смысл. Им созданы с 1974 г. значительные произведения искусства: панно [372] «Новая Эфиопия», триптих «Единство», завоевавший золотую медаль на выставке африканского искусства в Алжире, панно «Победа Эфиопии в 1977—1979 гг.», портреты защитников страны, эмблема для Общенациональной кампании экономического и культурного развития и централизованного планирования и др.

Афэуорк Тэкле — один из многих творческих работников, которые встали на сторону революции, а не бежали за границу. «Для меня, — говорил художник, — не стоял вопрос: уезжать или нет? Эфиопия — моя родина. Без нее я не могу существовать, и как художник в том числе. Не скрою, вначале было нелегко... Революция дала мне много как художнику...» [167, с. 39]. В 1983 г. этот выдающийся эфиопский живописец был избран почетным членом Академии художеств СССР.

После революции в изобразительном искусстве Эфиопии появилось немало новых имен (например, Таддэсэ Мэсфын и Ышэту Тырунэх, создавшие такие картины, как «Рабочие», «Чистильщик обуви», «Нищий», «Жертвы голода» и др.). Расцвело также искусство политического плаката, до того неизвестное в стране. Получило развитие монументальное искусство: в 1984 г. в столице открыт величественный памятник «Наша борьба». Труд живописцев, скульпторов и архитекторов отныне служит интересам широких масс. Показательно в этом отношении высказывание Афэуорка Тэкле по поводу созданного им панно «Новая Эфиопия»: «Я сделал эту картину так, чтобы образ новой Эфиопии был понятен каждому — даже неграмотному крестьянину... Искусство ... должно воспитывать людей, пробуждать в них надежду, учить жизни» [122, 1979, № 45, с. 30]. Подобный же подход к своему творчеству стал свойствен всей эфиопской художественной интеллигенции, признавшей революцию. Она стремится доступными, доходчивыми средствами передать жизнеутверждающий пафос послесентябрьских событий, преобразовательную деятельность народных масс, их небывалый общественный энтузиазм, а также показать борьбу трудящихся за социальную справедливость и прогресс.

Творческие работники активно включились в культурное строительство, развернувшееся в условиях социалистической ориентации. В его основе — курс на сплошную ликвидацию неграмотности, реорганизацию школьного дела и вузовской системы, максимально приближаемых к потребностям местной экономики, осуществление глубоких культурных преобразований, направленных на духовное освобождение от феодально-абсолютистских пут и «культурного империализма». РПЭ на общенациональном конгрессе профессиональных и творческих объединений работников просвещения, здравоохранения, журналистов, писателей и художников в феврале 1986 г. призвала, в частности, к мобилизации созидательного потенциала их труда [123, 19.02.1986].

Для современного этапа культурного развития Эфиопии характерны массовость, стремление к всеохватности, отход от [373] создания духовных ценностей исключительно в интересах элитарных кругов, а также подъем творчества самих народных масс, из гущи которых поднимаются молодые таланты. Революционный порыв коснулся всех сфер культуры. В ней произошли существенные изменения. В свою очередь, культурные преобразования содействовали дальнейшей активизации масс, углублению их классового самосознания.

Огромное революционизирующее воздействие на различные слои населения оказывали и продолжают оказывать политические песни, сложенные (притом часто неизвестными авторами) в ходе решительной борьбы со старым обществом и исполняемые по радио, телевидению, на митингах, собраниях и демонстрациях. Вот названия

некоторых из них: «Народы Эфиопии объединяйтесь!», «К. Маркс и В. И. Ленин», «Классовая борьба», «Скажи „Нет“!». Выдающееся значение имел перевод на амхарский язык «Интернационала». Появился новый государственный гимн Эфиопии, написанный композитором Даныэлем Йоханнисом на слова Ассэфа Гэбрэ Мариама. Его основное содержание отражает курс Эфиопии на социализм. Революционные песни служат важным инструментом агитации и образования. Распространены также песни любовного и морализирующего содержания. В 1979 г. в Аддис-Абебе издан сборник революционных песен на амхарском, оромо, тигринья, афар и других языках Эфиопии [397].

В становлении нового мировоззрения, новой культуры значительна роль кино, получившего развитие, по существу, только в связи с революцией. Особенно прогрессирует кинодокументалистика, остро обличающая прошлое, раскрывающая героику настоящего и повествующая о будущем. Широко известны документальные фильмы «Борьба — победа — борьба», «Жатва трех тысяч лет», «Три тысячи второй год», и «Эфиопия — века и годы» (последний снят совместно с советскими кинематографистами). На экранах более 40 эфиопских кинотеатров все чаще демонстрируются советские фильмы и ленты других социалистических стран. Для руководства киноделом в стране образован специальный центр в системе министерства культуры и спорта, созданного впервые в Эфиопии лишь в 1977 г.

В задачи этого министерства входит организация и развитие культурной жизни страны, управление Национальной библиотекой, сбор и охрана архивов, памятников древности, исторических реликвий, изучение эфиопских языков и развитие письменности на них, а также приобщение масс к искусству. Оно регулярно проводит литературные и другие творческие конкурсы среди населения, цель которых — выявить таланты, поднять культуру масс. По его инициативе при общественных организациях и на предприятиях созданы постоянные клубы и кружки любителей литературы и искусства.

Министерство немало уже сделало, в частности, для прогресса эфиопского театра, распространив свое влияние и контроль [374] не только на профессиональные коллективы, но и на многие самодеятельные драмкружки, сотнями возникшие в кэбэле, крестьянских ассоциациях и на крупных предприятиях. На профессиональной сцене осуществлены такие постановки, как «Грамота за шесть месяцев», «В огне битвы», «Политика и политики», «Послание рабочих», гоголевский «Ревизор», «Матушка Кураж» Б. Брехта, «Герои революции», «Ищите женщину», «Возрождение» и др. Все пьесы, принадлежащие перу эфиопских авторов, содержат антифеодальные, социально-освободительные мотивы. Их сценическое воплощение стало знаменательным событием революционного театрального искусства.

Оно способствует развитию общественного самосознания трудящихся, разъяснению политики властей, укреплению единства страны. В своей идейно-эстетической позиции эфиопские режиссеры, драматурги и актеры исходят из того, что, как заявил один из них, «театр может с успехом помочь эфиопам лучше понять самих себя, сложную историю Эфиопии, более полно раскрыть на сцене богатые культурные традиции нашего народа» [167, с. 44—45].

При Национальном театре открыты двухгодичные курсы актерского мастерства. Но в профессиональных труппах еще немало артистов, не имеющих специальной подготовки. Театры пополняются в значительной степени за счет талантливой молодежи, выдвинувшейся в минувшее десятилетие на любительской сцене.

Для происходящих изменений в Эфиопии показательно, что многие пьесы, особенно в самодеятельных коллективах, идут на местных языках [268, с. 26]. Это — еще одно свидетельство использования языков неамхарского населения, ставшее возможным в результате революции. Они применяются также в школах, при подготовке и издании учебников, газет и журналов, художественной и общественно-политической литературы. Расширилось вещание на них по радио, из Аддис-Абебы передачи ведутся теперь на оромо, тигринья, арабском, сомали и афар, местные радиостанции в Асмэре

составляют программы на тигринья и тигре, а в Харэре — на оромо и сомали. Предусмотрено открыть средневолновые станции в Дэссе для вещания на афар, Джимме — на оромо и Сидамо — на хадиа и оромо.

Главное в положении местных языков состоит отныне в изменении их статуса: они признаны в революционной Эфиопии равноправными с амхарским. Отражением этого стала, в частности, реорганизация Академии амхарского языка, основанной еще в 1973 г., в Академию эфиопских языков. В ее задачи входит научное изучение многочисленных языков страны, создание для 15 из них алфавита, модернизация амхарского силлабария, подготовка «Большого словаря амхарского языка» и «Амхарского словаря терминов марксистско-ленинского учения», разработка неологизмов амхарского языка и широкие литературоведческие [375] исследования [268, с. 40—41]. Еще выпущены несколько пробных терминологических словников на амхарском языке [117, 30.06.1980; 126, 27.12.1983].

С 1974 г., когда в результате революции был отменен государственный статус амхарского языка и узаконивалось равенство всех языков Эфиопии, сфера его применения намного увеличилась — и не только за счет некоторого вытеснения английского языка из деловой и общественной жизни, но и вследствие приобщения к амаринья новых слоев неамхарского населения, воочию увидевшего перемены к лучшему, в том числе в области ликвидации этнолингвистической дискриминации. Роль амхарского языка в эфиопском обществе заметно возросла в годы революции. Расширились его функции главным образом вследствие того, что этот язык стал своеобразным проводником новой, жизнеутверждающей идеологии, языком общественного переустройства. Усилилось его значение как языка эфиопской литературы, которая в последнее десятилетие активизировала свое воздействие на все стороны жизни страны. По конституции 1987 г. амхарский язык признан официальным государственным языком.

За годы революции несравнимо выросло поэтическое творчество. И это не случайно, ибо посредством красочного поэтического слова, умелого стихосложения увеличивалась доступность и доходчивость понимания массами художественного изображения действительности. Поэзия быстрее чем проза, требующая большего времени для творчества, откликается на самые злободневные темы.

Она отмечена ярким гражданским пафосом, хотя порой и несовершенна с точки зрения эстетически зрелых форм, художественной выразительности. Борьба за новую жизнь образно показана в стихотворениях Ассэфа Гэбрэ Мариама, Аду Тоера, Абэрра Лемма, Тэсфайе Гэссэсэ и др.

В 1984 г. в Аддис-Абебе издана антология эфиопской поэзии. В сборник включены стихотворения 17 поэтов, пишущих на амхарском языке. В нем представлены произведения как известных мастеров (Мэнгысту Лемма, Цэггайе Гэбрэ Мэдхын, Ассэфа Гэбрэ Мариам, Аяльнэх Мулату, Абэрра Лемма, Сэйфу Мэтафэрия), так и поэтической молодежи (Амха Асбэ, Асрат Мамтоу, Дэбэбэ Сэйфу, Тьюмэ Лисан Хайлю и др.).

Наряду с поэтами крупных успехов достигли эфиопские прозаики: Бэалю Гырма (роман «Зов красной звезды», переведен на русский язык), Бырхану Зэрихун (историческая трилогия «Волна»), Аббе Губенья (повесть «Вызов брошен», на английском языке, переведен на русский язык [162]) и др. Заслуживает внимания сборник рассказов начинающего писателя Мэсфына Хабтэ Мариама «Картины в кофейне и другие истории». Они были хорошо встречены критикой, отметившей, в частности, зарождение в эфиопской литературе нового жанра рассказа—эссе [138, 29.08.1984]. [376]

Для литераторов страны свойственна преемственность литературного развития. Произведения, созданные в послесентябрь-ское время, следует рассматривать как продолжение прогрессивных тенденций амхарской литературы, сложившихся в дореволюционные годы. Разумеется, перемены в стране не могли не сказаться на идейно-художественном уровне эфиопской литературы, на углубление ее качественных характеристик. Интересен вывод М. Л. Вольпе о том, что «изображение общественной

стихии, революционного вала по стилистике своей порой напоминает некоторые советские романы, посвященные гражданской войне, такие, как „Железный поток“ Серафимовича, „Россия, кровью умытая“ Веселого» [177, с. 187].

Не случайно поэтому то огромное внимание, с каким эфиопские писатели, да и не только литераторы, относятся сейчас к советской художественной прозе, поэзии и драматургии. Вот почему на книжном рынке большим спросом пользуются произведения наших авторов, переведенные на амхарский и английский языки.

Увеличилось также число эфиопов, изучающих русский язык. Были открыты в разных городах филиалы курсов русского языка, действующих в Аддис-Абебе при советской постоянной выставке. Сюда приходит немало тех, кто стремится читать труды В. И. Ленина в подлиннике. Совершенствованию в русском языке в значительной мере способствует богатая библиотека этого культурного центра СССР, насчитывающая около 36 тыс. томов, да еще 10 тыс. книг в ее филиалах, организованных в различных учреждениях, на предприятиях и в клубах страны [117, 27.06.1982]. Разнообразная культурная деятельность на выставке содействует углублению знаний жителей страны о Советском Союзе.

Важным завоеванием является стремление значительной части населения к изучению трудов классиков марксизма-ленинизма, истории КПСС. Для удовлетворения спроса на общественно-политическую и художественную литературу увеличены тиражи издающихся книг, открыты сотни книжных магазинов в разных городах, приобретаются за рубежом марксистско-ленинские работы, опубликованные на амхарском, английском языках или языке оригинала. В целях расширения переводческой деятельности с 1982 г. была начата подготовка в столичном университете специалистов по русскому, немецкому, английскому и некоторым другим иностранным языкам [123, 23.01.1982].

С созданием в 1977 г. государственной комиссии по высшему образованию улучшилась деятельность Аддис-Абеского и Асмэрского университетов. Оживилась научная работа в исследовательских центрах, многие из которых сложились при этих учебных заведениях (институты эфиопистики, развития, педагогический). Появились новые научные учреждения: институт лингвистических исследований, институт леса и лесного хозяйства [377] и др. Организован национальный комитет по охране памятников старины.

Крупное достижение эфиопской науки — выпуск в 1988 г. Атласа Эфиопии. Расширился фронт исторических и этнографических исследований. Силами эфиопских ученых проведено несколько важных научных конференций: в январе 1982 г. в Массауа состоялся симпозиум по истории и культуре Эфиопии, в котором приняло участие 1205 человек; в ноябре того же года в Аддис-Абебе — международный симпозиум на тему «История и этнография Эфиопии»; в 1984 г. в столице страны — VIII Международный конгресс по эфиопским исследованиям, в 1985 г. в Аддис-Абебе — военно-теоретическая конференция, посвященная 40-й годовщине разгрома фашизма во второй мировой войне и др. Значительным событием явилось создание в 1978 г. государственной комиссии по науке и технике.

В конце 1986 г. в Аддис-Абебе состоялся Международный семинар по проблемам терминологии. В целях координации этой лингвистической работы в странах Африки был учрежден Межафриканский терминологический центр, базирующийся в столице Эфиопии.

Заметным событием в общественной и культурной жизни страны, и особенно в Кэфе, стала книжная ярмарка, устроенная весной 1986 г. советским внешнеторговым объединением «Международная книга» и эфиопским издательством «Кураз».

В стране ежегодно открываются различные художественные выставки (например, выставка детского рисунка «Я и моя страна»), экспозиции фотомастерства, проводятся кинофестивали, организуются фольклорные выступления любительских и профессиональных трупп. Очень популярна в 1985 г. была выставка работ эфиопских

изобретателей и юных техников «Техническое творчество в Эфиопии». Заметным явлением в культурной жизни страны стали семинары и дискуссии с участием профессиональных писателей и любителей литературы. В 1976 г. в Аддис-Абебе создан Центр по исследованию и охране культурного наследия.

Культурное строительство в Эфиопии становится неотъемлемой частью радикального развития. [378]

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Произведения классиков марксизма-ленинизма¹, материалы КПСС

1. *Маркс К.* Письмо к Людвигу Кугельману.— Т. 23.
2. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Немецкая идеология.— Т. 3.
3. *Энгельс Ф.* К жилищному вопросу.— Т. 18.
4. *Энгельс Ф.* К «Крестьянской войне».— Т. 21.
5. *Энгельс Ф.* О разложении феодализма и возникновении национальных государств.— Т. 21.
6. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Т. 21.
7. *Ленин В. И.* К характеристике экономического романтизма.— Т. 2.
8. *Ленин В. И.* Что делать? — Т. 6.
9. *Ленин В. И.* Признаки банкротства.— Т. 6.
10. *Ленин В. И.*— Задачи революционной молодежи.— Т. 7.
11. *Ленин В. И.* Предисловие к брошюре «Докладная записка директора департамента полиции Лопухина».— Т. 9.
12. *Ленин В. И.* Землеустройство и деревенская беднота.— Т. 24.
13. *Ленин В. И.* Крах II Интернационала.— Т. 26.
14. *Ленин В. И.* Империализм и социализм в Италии (заметка).— Т. 27.
15. *Ленин В. И.* Тетради по империализму.— Т. 28.
16. *Ленин В. И.* Письмо Глебову (В. А. Носкову).— Т. 33.
17. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.; 1986.

Архивные материалы

18. Архив внешней политики России.
Фонд Политархив, дела 142, 143, 146, 147, 148, 2000, 2002, 2008.
Фонд Канцелярия, дела 1(1898 г.), 1(1899 г.), 1(1900 г.),
19. Центральный государственный военно-исторический архив.
Фонд 400, дело 135.
Фонд 401, дела 9, 10, 56.
Фонд 452, дела 27, 28, 30, 32, 33.

Документальные материалы; материалы эфиопской революции

20. Визит Менгисту Хайле Мариама в Советский Союз. 16—26 ноября 1978 года. Документы и материалы. М., 1978.
21. Визит Менгисту Хайле Мариама в Советский Союз. 27 октября — 10 ноября 1980 года. Документы и материалы. М., 1980.
22. Визит Менгисту Хайле Мариама в Советский Союз. 12—16 октября 1982 года. Документы и материалы. М., 1982.

¹ Труды К. Маркса и Ф. Энгельса даны по 2-му изданию их Сочинений, труды В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

23. Визит в Советский Союз Генерального секретаря РПЭ, Председателя [379] ВВАС Социалистической Эфиопии Менгисту Хайле Мариама. 31 октября—9 ноября 1985 года. Документы и материалы. М., 1985.
24. Документы внешней политики СССР. М., 1963—1974.
25. История борьбы эфиопского пролетариата с древнейших времен до наших дней. Аддис-Абеба, 1978 (на амхар. яз.)².
26. Правительство Эфиопии. Десятилетний план развития. 1977—1986. Аддис-Абеба, 1977 (на амхар. яз.).
27. Примерный устав крестьянского производственного кооператива. Аддис-Абеба, 1971 (на амхар. яз.).
28. Программа национально-демократической революции в Эфиопии. Аддис-Абеба, 1968 (на амхар. яз.).
29. Программа Рабочей партии Эфиопии. Аддис-Абеба, 1977 (на амхар. яз.).
30. Сборник речей и выступлений императора Эфиопии Хайле Селассие I. Аддис-Абеба, 1944 (на амхар. яз.).
31. Собрание постановлений Правительства Союза Советских Социалистических Республик. (Отдел второй). М., 1982, № 2.
32. Устав Рабочей партии Эфиопии. Аддис-Абеба, 1977 (на амхар. яз.).
33. Хрестоматия по истории международных отношений. М., 1972.
34. Adowa Day. Published by the Ministry of Information and National Guidance. Addis Ababa, 1977.
35. CELU Congress Resolution. Addis Ababa, 1974.
36. Central Statistical Office. Peoples Democratic Republic of Ethiopia. Facts. and Figures. Addis Ababa, 1987.
37. Correspondence Respecting Abyssinia, 1848—1868. L., 1868.
38. Declaration of the Provisional Military Government of Ethiopia. Ethiopia Tikdem: the Origins and Future Directions of the Movement. Addis Ababa, 1974.
39. Declaration on Economic Policy of Socialist Ethiopia. Addis Ababa, 1975.
40. Development through Cooperation Campaign Summary Report 1967/68 E. C. Vol. 1. Addis Ababa, 1968 E. C.³.
41. Documents and Resolutions of the 2nd COPWE Congress. Addis Ababa. 1983.
42. Employment and Unemployment in Ethiopia. Report of the Exploratory Employment Policy Mission Organized by the ILO and Financed by the. UN Development Programme. Geneva, 1974.
43. Ethiopia. A Decade of Revolutionary Transformation 1974—1984. Addis Ababa, 1984.
44. Ethiopian Revolution Information Center. Ethiopia in Revolution. Addis Ababa, 1977.
45. Ethiopian Revolution Information Center. Tasks, Achievements, Problems and Prospects of the Ethiopian Revolution. Addis Ababa, 1977.
46. Ethiopian Revolution Information Center. Revolutionary Ethiopia Fact Sheet. Addis Ababa, 1978.
47. Ethiopian Revolution Information Center. Class Struggle and the Problem in Eritrea. Addis Ababa, 1979.
48. The Ethiopian Revolution and the Problem in Eritrea. Addis Ababa, 1979.
49. First Congress of COPWE. Report Delivered to the First Congress of COPWE by Comrade Menghistu Haile-Mariam, Chairman of PMAC and COPWE and Commander-in-Chief of the Revolutionary Army. Addis Ababa, 1980.

² Во всех публикациях на амхарском языке, напечатанных в Эфиопии, дата издания дается по эфиопскому летосчислению, как на титульном листе.

³ В публикациях на английском языке, напечатанных в Эфиопии, дата издания с пометкой E. C. дается по эфиопскому летосчислению.

50. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941. Vol. 3. Wash., 1959.
51. Great Britain. Department of Overseas Trade. Economic Conditions in Ethiopia (Abyssinia). 1929—1931. L, 1932.
52. Herstlet E. The Map of Africa by Treaty. Vol. 1—3. L, 1909. [380]
53. Information and Propaganda Committee of the Fifth Anniversary of the Ethiopian Revolution. Ethiopian Revolution Fifth Anniversary. Addis Ababa, 1979.
54. L'Italia in Africa (Ministero degli affari esteri. Comitato per la documentazione dell'opera dell'Italia in Africa). Serie storico-militare. Vol. 1. Pt. 2. Roma, 1962.
55. The Italo-Ethiopian Dispute. Abstracts from the Memorandum of the Italian; Government to the League of Nations. Rome, 1935.
56. League of Nations. Official Journal. Geneve. 1926, November.
57. Ministry of Foreign Affairs. Press and Information Department Eritrea Then and Now. Addis Ababa, 1976.
58. Policy Declaration of the Provisional Military Government to Solve the Problem in the Administrative Region of Eritrea in a Peaceful Way. Addis Ababa, 1976.
59. Programme of the National Democratic Revolution of Ethiopia. Addis Ababa, 1976.
60. Propaganda and Information Committee Fourth Anniversary of the Ethiopian Revolution. Ethiopia: Four Years of Revolutionary Process. Addis Ababa, 1978.
61. Propaganda and Information Committee Fourth Anniversary of the Ethiopian Revolution. The Men-in-Uniform in the Ethiopian Revolution. Addis Ababa, 1978.
62. Propaganda and Information Committee Fourth Anniversary of the Ethiopian Revolution. The Roles of POMOA and the Yekatit Political School in the Ethiopian Revolution. Addis Ababa, 1978.
63. The Provisional Military Administrative Council. The Ethiopian Revolution. First Anniversary of the Ethiopian Revolution. Addis Ababa, 1975.
64. Record of the Expedition to Abyssinia by T. G. Holland and H. Hozier. Vol. 1—2. L., 1870.
65. Report of the Provisional Military Administrative Council. Submitted to the Inaugural Session of the National Shengo. Addis Ababa, 1987.
66. Record of the Expedition to Abyssinia by T. G. Holland and H. Horier. Vol. 1—2. L, 1870.
67. *Rosetti C.* Storia diplomatica dell'Etiopia durante il regno di Menelik II. Trattati, accordi ed altri documenti relativi all'Etiopia. Torino, 1910.
68. The Royal Institute of International Affairs. Information Department Papers N° 16. Abyssinia and Italy. L, 1935.
69. Selected Speeches of His Imperial Majesty Haile Selassie I. 1918 — 1967. Addis Ababa, 1962 E. C.
70. Towards Party Formation. Addis Ababa, 1979.
71. Victory Day. Published by the Ministry of Information and National Guidance. Addis Ababa, 1977.

Эфиопские хроники

72. *Гэбрэ Сыллесе.* Хроника Менелика II, императора Эфиопии. Аддис-Абеба, 1955 (на амхар. яз.).
73. *Тураев Б. А.* Абиссинские хроники XIV— XVI вв. М.— Л., 1936.
74. *Уольдэ-Марьям.* Теодрос II. Хрестоматия. Амхарский язык. ЛГУ, 1960 (на амхар. яз.).
75. Эфиопские хроники XVI — XVII веков. Вступление и заключение, перевод и комментарии С. Б. Чернецова. М., 1984.

- 76 *Annales regum Iyasu II et Iyoas*, ed. I. Guidi. — *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, series altera, Scriptores Aethiopici*. T. 6. Parisiis, 1910.
77. *A Chronicle of Emperor Yohannes IV (1872—1889)*. Ed. by Bairu Tafia. Wiesbaden, 1977.
78. *Conti Rossini C.* Due sguarci inediti di Cronaca Etiopica. — *Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei*. Vol. 2. Roma, 1893.
79. *Conti Rossini C.* La Cronaca reale adissina dall'anno 1880 all'anno 1840. — *Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei*. Ser. 5, vol. 25, fasc. 7—10. Roma, 1916. [381]
80. *Ethiopian Royal Chronicles*. Ed. by R. Pankhurst. Oxf., 1967.
81. *Guebre Selassie*. *Chronique du regne de Menelik II, roi des rois d'Ethiopie*. T. 1—2. P., 1930—1931.

Свидетельства очевидцев и современников, дневники, мемуары

82. *Арнольди К.* Военные очерки Абиссинии. СПб., 1907.
83. *Артамонов Л. К.* Через Эфиопию к берегам Белого Нила. М., 1979.
84. *Лфэуорк Гэбрэ-Инесус*. Император Менелик II. Аддис-Абеба, 1973 (на амхар. яз.).
85. *Булатович А. К.* С войсками Менелика II. М., 1971.
86. *Булатович А. К.* Третье путешествие по Эфиопии. М., 1987.
87. *Гэбрэ-Хыйуот Байкэдань*. Государь Менелик и Эфиопия. Копия рукописи из библиотеки Института эфиопистики при Аддис-Абебском университете (на амхар. яз.). [Б. м., б. г.].
88. *Елец Ю.* Император Менелик и его война с Италией. По дневникам и походным документам Н. С. Леонтьева. СПб., 1898.
89. [*Кохановский А.*]. Император Менелик и современная Абиссиния. [Б. м., б. г.]. (машинопись).
90. *The Autobiography of Emperor Haile Selassie I. My Life and Ethiopia's Progress 1892—1937*. Oxf., 1976.
91. *Baratieri O.* *Memoire d'Africa (1882—1896)*. Torino, 1898.
92. *Bruce J.* *Travels to Discover the Sources of the Nile in the Years 1768—1773*. Vol. 1—5. Edinburgh, 1813.
93. *Beckingham C. F., Huntingford G. W. B.* (eds.). *Some Records of Ethiopia 1593—1646*. L., 1954.
94. *Cecchi A.* *Da Zeila alle frontier; dell'Caffa*. Vol. 1—2. Roma, 1886.
95. *Crispi e Menelich nel diario inedito del conte Augusto Salimbeni con prefazione, introduzione, note e appendici a cura di Carlo Zaghi*. Torino, 1956.
96. *Dafton H.* *Narrative of a Journey through Abyssinia in 1862—1863*. L., 1867.
97. *De Bono E.* Anno XIII. L., 1937.
98. *Harris W. C.* *The Highlands of Aethiopia*. T. 1—3. L., 1844.
99. *Konovaloff Th.* *Con le armate del Negus (un bianco fra i neri)*. Bologna, 1938 —XVI.
100. *Lejean G.* *Theodore II. le nouvel empire d'Abyssinie et ies interets fran-cais dans le sud de la Mer Rouge*. P., 1865.
101. *Markham C. R.* *A History of the Abyssinian Expedition*. L., 1869.
102. *Michel C.* *Mission de Bonchamps. Vers Fachoda a la rencontre de la mission Marchand*. P., 1900.
103. *Portal G. H.* *My mission to Abyssinia*. L., 1892.
104. *Powell-Cotton P. H. G.* *A Sporting Trip through Abyssinia*. L., 1902.
105. *Rassam H.* *Narrative of the British Mission to Theodore, King of Abyssinia*. T. 1—2. L., 1869.
106. *Travellers in Ethiopia*. Ed. by R. Pankhurst. L., 1965.

107. [Waldmeir T.] The Authobiography of Theophilus Waldmeir, Being an Account of Ten Years Life in Abyssinia. L., 1886.
108. Wingate O. C. Appreciation of Ethiopian Campaign. — Ethiopian Observer. 1973, vol. 15, № 4.
109. Wylde A. Modern Abyssinia. L., 1901.

Периодические издания

110. Аддис зэмэн. Аддис-Абеба (на амхар. яз.).
111. Азия и Африка сегодня. М.
112. Биржевые ведомости. СПб.
113. Бюллетень иностранной коммерческой информации. М.
114. Внешняя торговля. М. [382]
115. Журнал Московской патриархии. М.
116. За рубежом. М.
117. Известия. М.
118. Йеитиопия дымц. Аддис-Абеба (на амхар. яз.).
119. Ленинградская правда. Л.
120. Московские ведомости. М.
121. Международная жизнь. М.
122. Новое время. М.
123. Правда. М.
124. Проблемы мира и социализма. М.
125. Ас-Сайяд. Бейрут (на араб. яз.).
126. Советская культура. М.
127. Сэрто адэр Аддис-Абеба (на амхар. яз.).
128. Татэк. Стокгольм (на амхар. яз.).
129. Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ. М.
130. Addis-Soir. Addis Ababa.
131. The Africa. L.
132. The Africa Digest. L.
133. The African Communist. L.
134. African Studies Review. Boston.
135. Afrique contemporaine. P.
136. The Economist. L.
137. Europe outremer. P.
138. The Ethiopian Herald. Addis Ababa.
139. The Ethiopia Mirror. Addis Ababa.
140. Ethiopia. Information Bulletin. P.
141. Ethiopia Observer. L. Addis Ababa.
142. International Herald Tribune. P.
143. The Japan Times. Tokyo.
144. The Kenya Weekly News. Nairobi.
145. Liberation. N. Y.
146. Negarit Gazeta. Addis Ababa.
147. Neues Deutschland. B.
148. New Ethiopia. Addis Ababa.
149. The New Middle East. L.
150. New Statesman and Nation. L.
151. New Times and Ethiopia News. L.
152. The New York Times. N. Y.
153. Meskerem. Addis Ababa.

154. Le Monde. P.
155. The Observer. L.
156. Der Spiegel. Bonn.
157. The Sunday Times. L.
158. Tatek. Addis Ababa.
159. The Times. L.
160. US News and World Report.
161. The Voice of Ethiopia. Addis Ababa.

Литература

162. *Аббе Губенья*. Вызов брошен. М., 1982.
163. Абиссиния (Эфиопия). М.—Л., 1936.
164. *Авербух Р. А.* Италия в первой и второй мировых войнах. М.—Л., 1946.
165. *Алека Тайе (Тайе Гэбрэ Мэдхын)*. История эфиопского народа. Аддис-Абеба, 1914 (на амхар. яз., эф. календарь).
166. *Алэмэ Ииэтэ*. Установление феодально-буржуазной системы в Эфиопии.— Эфиопские исследования. М., 1981.
167. *Асоян Б. Р.* Дорогами свободы. М., 1982.
168. *Бартницкий А., Мантель-Нечко И.* Некоторые вопросы политической истории Эфиопии на рубеже XIX—XX вв.— История, социология, культура народов Африки. М., 1974. [383]
169. *Бартницкий А., Мантель-Нечко И.* История Эфиопии. М., 1976.
170. Белый дом и Черный континент. М., 1984.
171. *Болотов В. В.* Несколько страниц из церковной истории Эфиопии.— Христианское чтение. СПб., 1888,
172. *Васин И. И.* Политика капиталистических держав Эфиопии (80—90-е годы XIX в.). М., 1974.
173. *Вайнберг И.* Сказание Иисуса. Апокриф о последних временах мира. СПД, 1907.
174. *Вобликов Д. Р.* Эфиопия в борьбе за сохранение независимости (1860—1960). М., 1961.
175. *Вольде Цадык Дерибе*. История эфиопской книги. Автореф. канд. дис. Л., 1982.
176. *Вольпе М. Л.* Литература Эфиопии. Очерк. М., 1981.
177. *Вольпе М. Л.* Весной расцветает мэскэль...— Иностранная литература. М., 1983. № 6.
178. *Гальперин Г. Л.* Эфиопия. Население, ресурсы, хозяйство. М., 1978.
179. *Гальперин Г. Л.* Аграрная революция в Эфиопии.— Азия и Африка сегодня. 1981, № 8.
180. *Гальперин Г. Л.* Эфиопия. Революция и деревня. М., 1985.
181. *Гальперин Г., Платов В.* Революционные преобразования в Эфиопии.— Международная жизнь. М., 1982, № 5.
182. *Гальперин Г., Шараев В.* Стойкость эфиопской революции.— Международная жизнь. 1985, № 9.
183. *Гезахен Гебре*. Ступени эфиопской революции.— Проблемы мира и социализма. М., 1984, № 9.
184. *Греков Б. Д.* Феодальные отношения в Киевском государстве. М.—Л., 1937.
185. *Громыко А. А.* Советско-эфиопские отношения. Изучение Эфиопии в СССР. М., 1979.
186. *Гырмачеу Тэкле Хавариат*. Арая. М., 1960.
187. *Дашевский Г.* Абиссиния и проблема Нила.— Мировое хозяйство и мировая политика. 1928, № 4.

188. *Денисов Е.* Эфиопия — шаг в будущее. — *Мировая экономика и международные отношения.* 1984, № 11.
189. *Денисов Е., Шараев В.* Эфиопия: строится авангардная партия.— *Азия и Африка сегодня.* 1980, № 11.
190. *Долгова О., Шерр Е.* От монархии — к народно-демократической республике.— *Азия и Африка сегодня.* 1984, № 9.
191. *Доронин И.* Эфиопия: революция вступает в новую фазу.— *Политика и экономика. Международный ежегодник.* М., 1979.
192. *Иоффе А. Е.* Начальный этап взаимоотношений Советского Союза с арабскими и африканскими странами (1923—1932).— *Народы Азии и Африки.* 1965, № 6.
193. *Карасев В. И.* Революция в Эфиопии: к вопросу о двоевластии в стране (февраль — сентябрь 1974 г.).— *Всесоюзная конференция по эфиопским исследованиям (Москва 19—21 июня 1979 г. Тезисы докладов).* М., 1979.
194. *Карасев В.* Позиция церкви в период революции в Эфиопии (февраль — сентябрь 1974 г.). — *XXV съезд КПСС и современный этап национально-освободительного движения в Африке.* М., 1980.
195. *Капусцинский Р.* Император.— *Иностранная литература.* 1987, № 6—7.
196. *Кистанова И. Ф.* Печать революционной Эфиопии. М., 1980.
197. *Китайгородский П.* Абиссиния.— *Новый Восток.* 1927, № 16—17.
198. *Ключевский В. О.* Боярская дума. Пг., 1919.
199. *Кобищанов Ю. М.* Аксум. М., 1966.
200. *Кобищанов Ю. М.* Источники по истории Аксума.— *Некоторые вопросы истории стран Африки.* М., 1968.
201. *Кобищанов Ю. М.* Африканские феодальные общества.— *Африка: возникновение отсталости и пути развития.* М., 1974.
202. *Кобищанов Ю. М.* Северо-Восточная Африка. М., 1980.
203. *Кобищанов Ю. М.* Политическая жизнь Эфиопии в 1907—1910 гг. (по архивным материалам).— *Эфиопские исследования.* М., 1981. [384]
204. *Кокиев А. Г.* Планирование в Эфиопии. — *Планирование в развивающихся странах.* М., 1970.
205. *Кокиев А. Г.* Эфиопия строит новую жизнь. М., 1977.
206. *Коровиков В.* Эфиопия — годы революции. М., 1979.
207. *Крачковский И. Ю.* Введение в эфиопскую филологию. Л., 1955.
208. *Крейтнер Г.* Абиссиния. М., 1932.
209. *Криндач Ф.* Очерк промышленности и торговли Абиссинии. СПб., 1899.
210. *Кэббэдэ Микаэль.* Эфиопия и западная цивилизация. Аддис-Абеба, 1941 (на амхар. яз.).
211. *Левин И.* Современная Абиссиния. Социальные сдвиги и политические реформы. М.—Л., 1936.
212. *Национально-демократическая революция в Эфиопии.* М., 1976.
213. *Махтэмэ Сыллесе Уольдэ Мэскэль.* Памятные даты. Аддис-Абеба, 1942 (на амхар. яз.).
214. *Мисюгин В. М., Чернецов С. Б.* «История галла» как этноисторический источник.— *Африканский этнографический сборник XI. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия.* Т. 105. Л., 1978.
215. *Мулугета Семру.* Актуальные вопросы развития высшего образования в Социалистической Эфиопии.— *Современная высшая школа.* Варшава, 1985, № 2.
216. *Назарова Н.* Эфиопская церковь.— *Азия и Африка сегодня.* 1982, № 7.
217. *Пономаренко А. А., Чернецов С. Б.* Памфлет «Государь Менелик и Эфиопия» нэадраса Гебре Хейвота Байкедэня — одного из первых эфиопских просветителей.— *Африканский этнографический сборник XIII.* Т. CXI. Л., 1982.

218. *Попов В. Т.* Разгром итальянцев под Адуа (итало-абиссинская война 1895—1896 гг.). М., 1938.
219. Поступь свободной Африки. Прага, 1978.
220. *Райт М. В.* Теодрос II и англо-эфиопская война 1867—1868 гг.— Эфиопские исследования. М., 1981.
221. *Райт М. В.* Русские экспедиции в Эфиопии в середине XIX — начале XX в. и их этнографические материалы.— Африканский этнографический сборник. Л., 1956, № 1.
222. *Райт М. В.* Народы Эфиопии. М., 1965.
223. *Райт М. В.* Советский Союз в борьбе народов Эфиопии против итальянской агрессии.— Основные вопросы африканистики. М., 1973.
224. *Райт М. В., Виганд В. К.* VII Международная конференция по эфиопским исследованиям.— Народы Азии и Африки. 1983, № 1.
225. *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.
226. Современная Эфиопия. М., 1988.
227. Современные проблемы и внешняя политика Эфиопии. М., 1982.
228. Становление авангарда. О развитии революционных партий в странах социалистической ориентации.— Проблемы мира и социализма. 1986, № 1.
229. *Субботин В. А.* Колонии Франции в 1870—1918 гг. Тропическая Африка и острова Индийского океана. М., 1973.
230. *Тедески П.* Пробуждение Африки. М., 1952.
231. *Теодорович Т.* Экономическое и техническое содействие Советского Союза развивающимся странам.— Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ. 1983, № 5.
232. *Трофимов В. А.* Политика Англии и Италия в Северо-Восточной Африке во второй половине XIX века (Эфиопия и Сомали). М., 1962.
233. *Трофимов В. А.* Итальянский колониализм и неоколониализм. М., 1979.
234. *Трухановский В. Г.* Антони Идеи: страницы английской дипломатии.— Вопросы истории. 1973, № 1.
235. *Трухановский В. Г.* Антони Идеи: страницы английской дипломатии 30— 50-е годы. М., 1974.
236. *Тураев Б. А.* Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб., 1902.
237. *Тураев Б. А.* Новейшая история Абиссинии по краткой Хронике из собрания Азиатского Музея Императорской Академии Наук.— Византийский вестник Т. 17, вып. 1—4 (1900). СПб., 1911. [385]
238. *Тэкле Цадык Мэкурия.* История Эфиопии. От государя Либнэ Дынгыля до государя Теодроса. Аддис-Абеба, 1953 (на амхар. яз.).
239. *Тэкле Цадык Мэкурия.* История Эфиопии. От императора Теодроса до императора Хайле Селассие I. Аддис-Абеба, 1946 (на амхар. яз.).
240. *Уорку Фяррэдэ.* Пути решения аграрных проблем в свете эфиопского опыта.— За мир и социальный прогресс. М., 1982.
241. *Фиссах Зеудие.* Земельная реформа 1975 г. и классовая борьба в деревне (к событиям в Кэфа). — Всесоюзная конференция по эфиопским исследованиям (Москва, 19—21 июня 1979 г. Тезисы докладов). М., 1979.
242. *Ханов А. А.* Некоторые моменты из истории Африканского Рога на рубеже XIX и XX вв. (по архивным материалам). — Эфиопские исследования. М., 1981.
243. *Хвостов В. М.* Начало итальянской колониальной экспансии и первая итало-абиссинская война 1895—1896 гг.— Историк-марксист. 1935, № 12 (52).
244. *Цыпкин Г. В.* Амхарские источники.— Источниковедение африканской истории. М., 1977.
245. *Цыпкин Г. В.* Историческая наука в Эфиопии. — Историческая наука в странах Африки. М., 1979.

246. *Цыпкин Г. В.* Эфиопия: от раздробленности к политической централизации. М., 1980.
247. *Чернецов С. Б.* Кто такие амхара? Опыт исторического обзора термина и его содержания. — Этническая история Африки. М., 1977.
248. *Чернецов С. Б.* Некоторые предположения относительно причин происхождения эфиопской версии «Славы царей» — Эфиопские исследования. М., 1981.
249. *Чернецов С. Б.* Эфиопская феодальная монархия в XIII—XVI вв. М., 1982.
250. *Шараев В.* Эфиопия: рубежи революции. — Международная жизнь. 1983, № 9.
251. *Шараев В. И.* Эфиопия шагает в будущее. М., 1984.
252. *Шерр Е. С.* Пути и методы распространения идей научного социализма в Эфиопии. — Народы Азии и Африки. 1984, № 4.
253. *Шимелис Мазенгиа.* Пути к созданию авангардной партии. — Проблемы мира и социализма. 1984, № 11.
254. *Эльянов А. Я.* Эфиопия. М., 1967.
255. Эфиопские исследования. История, культура. М., 1981.
256. *Юшков С. В.* Очерки истории феодализма в Киевской Руси. М.-Л. 1939.
257. *Ягья В. С.* Эфиопия в 1941—1954 годах. М., 1969.
258. *Ягья В. С.* Церковь Эфиопии и ее влияние на общественно-политическую жизнь страны. — Атеизм, религия, современность. Л., 1973.
259. *Ягья В. С.* Эфиопия в новейшее время. М., 1978.
260. *Ягья В. С.* Лидж Иясу — преемник Менелика II на эфиопском троне (1913—1916). — Страны и народы Востока. Вып. XXI. М., 1980.
261. *Abir M.* Ethiopia: the Era of Princes. L., 1968.
262. *Abir M.* Education and National Unity in Ethiopia.—African Affairs. 1970, vol. 69, № 274.
263. *Abir M.* Ethiopia and the Red Sea. The Rise and Decline of the Solomonic Dynasty and Muslim-European Rivalry in the Region. L., 1980.
264. *Abraham Demoz.* The Many Worlds of Ethiopia.—African Affairs. 1969, vol. 68, No 270.
265. *Addis Hiwet.* Ethiopia: from Autocracy to Revolution. L., 1975.
266. African Kingship in Perspective: Political and Modernization in Monarchical Setting. L., 1977.
267. *Aleme Eshete.* The Role and Position of Foreign-Educated Interpreters in Ethiopia (1800—1889).—Journal of Ethiopian Studies. 1973, vol. 11, JVb 1.
268. *Aleme Eshete.* The Cultural Situation in Socialist Ethiopia. P., 1982.
269. *Alvarez F.* Narrative of the Portuguese Embassy to Abyssinia during the Years 1520—1527, Edited by Lord Stanley of Alderley. L., 1881.
270. *Assefa Bequele, Eshete Chole,* A Profile of Ethiopian Economy. Addis Ababa — Nairobi — London, 1969. [386]
271. *Aster Akalu.* The Process of Land Nationalization in Ethiopia. Land Nationalization and the Peasants. Lund. 1982.
272. *Baer G. W.* The Coming of the Italian-Ethiopian War. Cambridge, 1967.
273. *Baer G. W.* Haile Selassie's Protectorate Appeal to King Edward VIII. — Cahier d'etudes africaines. 1969, vol. 9, № 2.
274. *Bahru Zewde.* Some Aspects of Post-Liberation Ethiopia (1941—1950). — A Paper Presented to the VIII International Conference on Ethiopian Studies. Addis Ababa, 1984.
275. *Bairu Tafia.* Collation of Some Sources in the Menelik Period.— Proceedings, of the Third International Conference on Ethiopian Studies. Addis Ababa, 1969.
276. *Bairu Tafia.* Four Ethiopian Biographies. — Journal of Ethiopian Studies. 1969, vol. 7, № 2.
277. *Bairu Tafia.* Two of the Last Provincial Kings of Ethiopia.— Journal of Ethiopian Studies. 1973, vol. II, № 1.

278. *Bairu Tafia*. Ethiopia and Germany. Political and Economic Relations, 1871—1936. Wiesbaden, 1981.
279. *Barker A. J.* The Civilizing Mission. The Italo-Ethiopian War 1935—1936, L, 1968.
280. *Basset R.* Etudes sur l'histoire d'Ethiopie.—Journal Asiatique. P., 1881, t. 17.
281. *Bates D.* The Abyssinian Difficulty. Oxf., 1979.
282. *Battaglia R.* La prima guerra d'Africa. Torino, 1958.
283. *Beauchamp K., Gilbert T.* Ethiopia. An African Giant Awakens. L., 1983.
284. *Berkeley G. F.-H.* The Campaign of Adowa and the Rise of Menelik. L., 1902.
285. *Bethell A. D.* Prospects of Ethiopian Trade and Industry. — East Africa and Rhodesia, 1944, vol. 21 (N. S.), № 1050.
286. *Bizzoni A.* The Battle of Adowa of 1896: a Contemporary Italian View. — Ethiopia Observer. 1971, vol. 14, JVb 2.
287. *Bondestam L.* Some Notes on African Statistics: Collection, Reliability and Interpretation.— Research Report, Uppsala, 1973, № 18.
288. *Buchholzer J.* The Land of Burned Faces. L., 1955.
289. *The Church of Ethiopia. A Panorama of History and Spiritual Life.* Addis Ababa, 1970.
290. *Clapham C.* Haile Selassie's Government. L., 1970.
291. *Cohen / . M., Weintraub D.* Land and Peasants in Imperial Ethiopia. Acsen, 1975.
292. *Cohen J. M.* Effects of Green Revolution Strategies on Tenents and Small-Scale Landowners in the Chilalo Region in Ethiopia. — Journal of Developing Areas. 1975, vol. O, № 3.
293. *Cohen I. M.* Ethiopian Provincial Elites and Process of Change. — Journal of Ethiopian Studies. 1973, vol. 11, № 2.
294. *Conti Rossini C.* Italia ed Etiopia dal trattato d'Ucciali alia battaglia di Adua. Roma, 1935.
295. Current trends in linguistics. Vol. 7. The Hague-Paris, 1971.
296. *Davy A.* Ethiopie d'hier et d'aujourd'hui. P., 1970.
297. *Darkwah R. H. K.* Shewa, Menelik and the Ethiopian Empire 1813—1889. Heinemann. L., 1975.
298. *Douin G.* Histoire du regne du Khedive Ismail. T. 1—3. Le Caire, 1938—1941.
299. Drought and Famine Relief in Ethiopia.—Disasters. 1983, vol. 7, № 3.
300. *Du Bois.* Ethiopia: Towards a Marxist-Leninist Vanguard. — The African Communist. 1983, JVb 95.
301. *Duprey A. G.* De l'invasion a'la liberation de l'Ethiopie. Vol. 1. P., 1955.
302. *Duprey G.* The Birthday of the Emperor of Ethiopia.—Ethiopia. P., 1964, JVb 13.
303. *Duri Mohammed.* Private Foreign Investment in Ethiopia.— Journal of Ethiopian Studies. 1969, vol. 7, JVb 2.
304. *Erlich H.* Ethiopia and the Challenge of Independence. Boulder, 1986.
305. *Eshetou Mengesha M. A.* Die Aussenpolitik der Athiopischen Regierung wareend der italo-athiopischen Krise and das versagen des Volkerbundes 1933—1936. Bonn, 1975. [387]
306. Ethiopia. Ortodox Church. Addis Ababa, 1970.
307. *Farago L.* Abyssinia on the Eve. L., 1935.
308. *Gabre Sellasie Z.* Yohannes of Ethiopia. A Political Biography. Oxf., 1975.
309. *Gilkes P.* The Dying Lion. Feudalism and Modernization in Ethiopia. L., 1975.
310. *Girma Amare.* Government Education in Ethiopia. — Ethiopia Onserver. 1963, vol. 6, № 4.
311. *Greenfield R.* Ethiopia. A New Political History. L., 1965.
312. *Gunter J.* Inside Africa. L., 1955.
313. *Halldin Norberg V.* Swedes in Haile Selassie's Ethiopia, 1924—1952. Uppsala, 1977.

314. *Hamer L* Crisis, Moral Consensus and the Wando Magano Movement Among the Sidama of Southwest Ethiopia.— *Ethnology*. Pittsburgh, 1977, vol. 16, № 4.
315. *Hamer J. H.* Preference, Principle and Precedent: Dispute Settlement and Changing Norms in Sidamo Associations.— *Ethnology*. Pittsburgh, 1980, vol. 19, № 1.
316. *Harris B.* The United States and the Italo-Ethiopian Crisis. Stanford, 1964.
317. *Henderson K. D. D.* The Making of Modern Sudan. L., 1953.
318. *Hess R. L.* Ethiopia. The Modernization of Autocracy. Ithaca—London, 1970.
319. *Hoben A.* Land Tenure among the Amhara of Ethiopia. The Dynamics of Cognatic Descent. Chicago—London, 1973.
320. *Jaenen C. J.* The Galla or Oromo of East Africa. — *Southwestern Journal of Anthropology*. New Mexico, 1956, vol. 12, № 2.
321. *Jesman C.* The Tragedy of Magdala: a Historical Study. — *Ethiopia Observer*. 1966, vol. 10, № 2.
322. *Jesman C.* The Russians in Ethiopia. L., 1958.
323. *Jesman C.* The Ethiopian Paradox. L., 1963.
324. *Jones A. and Monroe E.* A History of Ethiopia. Oxf., 1966.
325. *Jonsson I.* A Rural Development Project in Southern Ethiopia — Geographical Perspectives on CADU (ARDU) under Two Different Regimes — an Outline.— *Choros*, 1982, Ns 2.
326. *Krishna Ahooja.* Development and Legislation in Ethiopia. — *Ethiopia Observer*. 1966, vol. 10, JVfc 4.
327. *Labour Law and Practice in Ethiopia*. Wash., 1966.
328. *Lamb R., Milas S.* Soil Erosion. Real Cause of Ethiopian Famine. — *Environment Conservation*. 1983, vol. 10, № 2.
329. *Lapiso G.* Dilebo. Historical Origins of the Ethiopian Revolution. Addis Ababa, 1977.
330. *Law and Development in Ethiopia*.— *Ethiopia Observer*. 1966, vol. 10, № 2.
331. *Legum C.* Ethiopia. The Fall of Haile Selassie's Empire. N. Y., 1975.
332. *Levine D.* Haile Selassie's Ethiopia—Myth or Reality? — *Africa Today*. 1961, vol. 8, № 5.
333. *Levine D.* The Military in Ethiopian Politics: Capabilities and Constraints.— *The Military Intervenes? Case Studies in Political Developments*. N. Y., 1968.
334. *Levine D.* Wax and Gold. Tradition and Innovation in Ethiopian Culture. Chicago—London, 1965.
335. *Levine D.* Greater Ethiopia. The Evolution of the Muliethnic Society. Chicago—London, 1974.
336. *Lipsky G. A.* Ethiopia: its People, its Society, its Culture. New Heaven, 1962.
337. *Logon R. W.* Ethiopia's Troubled Future.— *Current History*. 1963, vol. 44, № 257.
338. *Luther E.* Ethiopia To-day. Stanford—London, 1958.
339. *Mahteme Selassie Wolde Maskal.* The Land System of Ethiopia.— *Ethiopia Observer*. 1957, vol. 1, № 9.
340. *Mantel-N'iecko I.* The Role of Land Tenure in the System of Ethiopian Imperial Government in Modern Times. Warszawa, 1980. [388]
341. *Marcus H. G.* Motives, Methods and Some Results of the Unification of Ethiopia during the Reign of Menelik II.— *Proceedings of the Third International Conference of Ethiopian Studies*. Addis Ababa, 1969.
342. *Marcus H. G.* The Foreign Policy of the Emperor Menelik, a Rejoinder.— *Journal of African History*. 1966, vol. 7, № 1.
343. *Marcus H. G.* The Life and Times of Menelik II. Ethiopia 1844—1913. Oxf., 1975.
344. *Marcus H. G.* Haile Sellassie I. The Formative Years, 1892—1936. Berkeley, 1987.
345. *Markakis J.* Ethiopia. Anatomy of the Traditional Policy. Oxf., 1974.
346. *Markakis J., Nega Ayele.* Class and Revolution in Ethiopia. Nottingham, 1978.

347. *Mathew D.* Ethiopia, the Study of a Policy 1540—1935. L., 1947.
348. *Messing S. D.* Changing Ethiopia.—The Middle East Journal. 1955, vol. 9, № 4.
349. *McKerraw R.* Inside the Agonies.—Disaster, 1979, vol. 3, № 2.
350. The Military Balance. 1978—1979. L., 1979.
351. *Morgan M.* Continuities and Traditions in Ethiopian History.— Ethiopia Observer. 1969, vol. 12, № 4.
352. *Mosley L.* Haile Selassie. The Conquering Lion. L., 1964.
353. *Myatt R.* The March to Magdala. The Abyssinian War of 1868. L., 1981.
354. *Negussay Ayele.* Rhetoric and Reality in the Making of Boundaries of the Horn of Africa. — Ethiopia Observer. 1970, vol. 8, № 1.
355. *Ottaway M., Ottaway D.* Ethiopia. Empire in Revolution. N. Y.—L, 1978.
356. *Ottaway M.* Democracy and New Democracy: the Ideological Debate in the Ethiopian Revolution. — The African Studies Review. Waltham, 1978, vol. 21, № 1.
357. *Ottaway M.* Social Classes and Corporate Interests in the Ethiopian Revolution.— The Journal of Modern African Studies. 1976, vol. 14, № 3.
358. *Pankhurst R.* An Introduction to the Economic History of Ethiopia from Early Times to 1800. L., 1961.
359. *Pankhurst R.* Ethiopia in the Nineteenth Century. — Ethiopia Observer. 1963, vol. 7, № 1.
360. *Pankhurst R.* The Maria Teresia Dollar in Pre-War Ethiopia. — Journal of Ethiopian Studies. 1963, № 1.
361. *Pankhurst R.* Ethiopia and League of Nations Sanctions.— Ethiopia Observer. 1966, vol. 10, № 1.
362. *Pankhurst R.* Economic History of Ethiopia 1800—1935. Addis Ababa, 1968.
363. *Pankhurst R.* Tribute, Taxation and Government Revenues in Nineteenth and Early Twentieth Century Ethiopia. — Journal of Ethiopian Studies. 1969, vol. 7, Nos. 1—2.
364. *Pankhurst R.* Misoneism and Innovation in Ethiopian History. — Ethiopia Observer. 1964, vol. 7, № 4.
365. *Pankhurst R.* The Ethiopian Patriots: the Lone Struggles 1936—1940.— Ethiopia Observer. 1970, vol. 13, № 1.
366. *Pankhurst R.* Emperor Haile Selassie's Litigation in England to Reassert the Independence of Ethiopia during the Italian Occupation in 1937 and 1938.—Ethiopia Observer. 1971, vol. 14, № 1.
367. *Pankhurst R.* Popular Opposition in Britain to British Intervention against Emperor Tewodros of Ethiopia (1867—1868).—Ethiopia Observer. 1973, vol. 16, № 3.
368. *Pankhurst R.* The Problem of Fire-Arms in Ethiopian History.— Ethiopia Observer. 1962, vol. 6, № 2.
369. *Pankhurst R.* Ethiopia. Recent History up to 1963.—Africa South of Sahara, 1977—1978. L, 1977.
370. *Pankhurst R.* State and Land in Ethiopian History. Addis Ababa, 1967.
371. *Pankhurst S. and Pankhurst R.* Ethiopia and Eritrea. The Last Phase of the Reunion Struggle 1941—1952. Woodford Green, Essex, 1953.
372. *Pankhurst S.* British Policy in Eritrea and Northern Ethiopia. Woodford Green Essex.
373. *Pankhurst S.* Ethiopia. A Cultural History. L., 1955. [389]
374. *Paulas Abraham.* Summary Report to the Ethiopian Government. Addis. Ababa, 1974.
375. *Pausewang S.* Peasant Society and Development in Ethiopia. — Sociologia Ruralis. 1973, vol. 12.
376. *Perham M.* The Government of Ethiopia. L., 1969.
377. Proceedings of the Ninth International Congress of Ethiopian Studies. Vol. 4. Moscow, 1988.

378. Proceedings of the Third International Conference on Ethiopian Studies. Vol. 1. Addis Ababa, 1969.
379. *Rey C. F.* Unconquered Abvssinia. L., 1935.
380. *Ricci L.* Letteratura dell'Etiopia.— Storia delle letterature d'Oriente. Vol. 1. Milano, 1969.
381. *Rivkin A.* Africa and the West Elements of Free-World Policy. N. Y., 1962.
382. *Rubenson S.* The Adwa Peace Treaty of 1884.—Proceedings of the Third International Conference on Ethiopian Studies. Addis Ababa, 1969.
383. *Rubenson S.* Wuchale XVII. The Attempt to Establish a Protectorate over Ethiopia. Addis Ababa, 1964.
384. *Rubenson S.* The Survival of Ethiopian Independence. Stockholm, 1976.
385. *Rubenson S.* King of Kings Tewodros of Ethiopia. Addis Ababa, 1966.
386. *Sahle Selassie.* Warrior King. L., 1974.
387. *Salome Gebre-Egziabher.* The Patriot! Works of Dejazmatch Aberra Kassa and Ras Ababa Aregay.— Proceedings of the Third International Conference of Ethiopian Studies. Vol. 1. Addis Ababa, 1969.
388. *Salome Gebre-Egziabher.* Who Are the Shoans? — Horn of Africa. 1979, vol. 2, no 3.
389. *Sanderson G.* Contribution from African Sources in the History of Ethiopian Competition in the Upper Valley of the Nile.— Journal of African History. 1962, vol. 3, No 1.
390. *Sandford C.* Ethiopia under Haile Selassie. L., 1946.
391. *Schwab P.* Decision-making in Ethiopia. A Study of the Political Process. L, 1972.
392. *Scholler H., Brietzke P.* Ethiopia: Revolution, Law and Politics. Miinchen, 1976.
393. *Selwyn M.* 10-year Plan Tests New Political Structures.— Africa Economic Digest. 1984, vol. 5, N° 37.
394. *Stahl M.* New Seeds in Old Soil: a Study of Land Reform Process in Western Wollega, Ethiopia 1975—1976. Uppsala, 1977.
395. *Stahl M.* Ethiopia: Political Contradictions in Agricultural Development. Stockholm, 1974.
396. *Solomon Terfa.* Draught and the Ethiopian Revolution.— The African Communist. 1979, № 78, no 3.
397. Songs of the Ethiopian Revolution. Addis Ababa, 1979.
398. *Taddese Tamrat.* Church and State in Ethiopia 1270—1527. Oxf., 1972.
399. *Taddese Tamrat.* Problems of Royal Succession in Fifteenth Century Ethiopia: a Presentation of the Documents.— IV Congresso Internazionale dK Studi Etiopici. T. 1. Roma, 1974.
400. *Teshome Gebre Wagaw.* Education in Ethiopia. Prospect and Retrospect. . Ann Arbor, 1979.
401. *Thesiger W.* The Awash River and the Aussa Sultanate. — The Geographical i Journal. L., 1935, vol. 85, № 1.
402. *Triulzi A.* Italian Colonialism and Ethiopia? — The Journal of African History, 1982, vol. 23, no 2.
403. *Ullendorff E.* The Ethiopians. An Introduction to Country and People. L., 1960.
404. *Ullendorff E.* The Amharic Text of the Last Pronouncements of Emperor Haile Selassie.—Journal of Semitic Studies. 1977, vol. 22, ns 2.
405. US Army Handbook for Ethiopia. Washington, 1964.
406. *Vivo R. V.* Ethiopia's Revolution. N. Y., 1978.
407. *Whiteway R. S.* The Portuguese Expedition to Abyssinia in 1541—1543, as [390] Narrated by Castanhoso, with Some Contemporary Letters, the Short Account of Bermudez, and Certain Extracts from Coviea. L., 1902.
408. *Wolde-Giorgis K.* Fiinf Jahre Revolution in Athiopien. — Blatter fur deutsche und international Politik. Koln, 1979, Jg. 24, H. 8.

409. *Wolde-Michael A.* Urban Development in Ethiopia (1889—1925). Early Phase.— *Journal of Ethiopian Studies*. 1973, vol. 6, № 1.
410. *Wondimneh Tilahun.* Egypt's Imperial Aspirations over Lake Tana and the Blue Nile. Addis Ababa, 1979.
411. *Wood A.* Rural Development and National Integration: the Experience of Post-Revolution Ethiopia. — *Geography*. 1981, vol. 66, № 2.
412. *Youg M. de.* The International Marketing of Agricultural Products and Its Influence on Agricultural Productivity and Income.— *Ethiopia Observer*. 1967, vol. 11, № 1.
413. *Yaltasamma.* Les Amis de Menelik II, Roi des Rois d'Ethiopie. P., 1899. [391]

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

- Абун, абуна — «отец наш», титул главы эфиопской церкви
- Аззаж — военно-феодальный титул
- Абба — «отец», обычный эпитет или обращение к священнику
- Азмари — бродячие певцы-импровизаторы
- Амба — столообразная гора
- Алека — церковный староста, глава церковного заведения
- Амоле — брусок соли, выполнявший роль денег
- Афэ-ныгус — «уста царя», высший юридический титул в дореволюционной Эфиопии
- Ашкер — солдат, слуга
- Баламбарас — военно-феодальный титул
- Битуоддэд — феодальный титул
- Блаттенгета (блатта) — феодальный титул
- Бэджиронд — феодальный титул
- Гразмач — один из высших военно-феодальных титулов
- Гульт — форма землевладения, основанная на пожаловании земли за службу
- Гэббар — крепостной крестьянин завоеванных областей
- Джанхой — один из титулов императоров Эфиопии
- Дырго — натуральная повинность, налагаемая на крестьян обязанность снабжать продовольствием проезжающих важных лиц
- Дэбтэра — лица, получившие церковное образование, но не посвященные в духовный сан; служили хористами, писцами, секретарями
- Дэджазмач — один из высших военно-феодальных титулов
- Лидж — «мальчик»; как правило, отпрыск царского рода
- Кантиба — феодальный титул
- Кэннязмач — один из высших военно-феодальных титулов
- Ныгус — «царь», титул наиболее могущественных правителей областей
- Ныгусэ-нэгэст — «царь царей», титул императора Эфиопии
- Рас — один из высших военно-феодальных титулов, следующий за ныгусом
- Рас битуюддэд — феодальный титул ближайшего советника императора
- Рыст — «наследство», форма землевладения, основанная на наследовании
- Тэдж — хмельной медовый напиток
- Фитаурари — один из высших военно-феодальных титулов
- Чыкка-шум — деревенский староста
- Шэмма (шамма) — эфиопская национальная одежда, вид широкой накидки из белой хлопчатобумажной ткани
- Ытэге — титул императрицы Эфиопии
- Ычэге — титул административного главы эфиопской церкви [392]

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аббай (Голубой Нил), *p.* 87, 92, 100, 112, 163, 166
 Абби-Адди 178
 Аваш, *p.* 131, 235, 242, 345, 364
 Австро-Венгрия (Австрия) 115
 агау, *эта.* 6, 17, 31
 Ада 243
 Адаль 19
 Адди-Грат 105, 109, 110, 175, 176
 Адди-Кэйих 109
 Адди-Угри 109, 192
 Аден 55, 91, 158, 196, 360, 361
 Аденский залив 18
 Адола 191, 201, 215
 Адуа 56, 67, 77, 105, 107—110, 165, 175—177, 273
 Азербайджанская ССР 365
 Азия 128, 214, 253, 300, 316, 319, 354
 Айлет 82
 Айшале 41
 Акаки 151, 253
 Аксум, *гос-во* 6, 16, 17, 19, 20, 39, 99
 Аксум, *город* 66, 72, 95, 105, 176, 177
 Акэле-Гузай 104, 105
 Алем Майе 229
 Алжир 357, 358
 Альберта, *оз.* 113
 Амба-Алаге 105, 106, 178
 Амба-Арадом 177
 Амбо 151
 Амдыб 77
 Амстердам 236
 Амхара 41, 44, 65, 175
 амхара, *этно.* 6, 17, 88 102, 125, 192, 195, 216, 243, 269, 312
 Амхара-Сайнт 19
 Англия (Великобритания) 35, 52—58, 61, 74, 77—79, 81, 82, 88 90 93, 113, 116—
 119, 128, 142, 145, 146, 155, 156, 161 — 172, 174, 179 181, 182, 185—191, 195, 196, 201—
 203, 209, 214, 220, 239, 250, 312, 355
 Ангот 17
 Ангола 357
 Андрачи 112
 Анкобэр 46, 87, 96, 99
 Арафали 79
 аргобба, *этно.* 6
 Аркико 23, 35, 79
 Ароге 59, 60
 Арси 246, 342
 Аруси 153
 Асмэра 103, 104, 107, 110, 211, 228, 271, 273, 289, 309, 310, 358, 369, 375
 Атбара, *p.* 16
 Асоса 364
 Асэб (Ассаб) 79, 80, 100, 131, 155, 165, 175, 222, 309, 310, 331, 363
 Ауаса, *оз.* 74

- Ауса 131, 153, 175
 афар (данакиль), *эти.* 6, 74, 88, 196, 280
 Афганистан 356
 Африка 6, 7, 128, 214, 223, 233, 234, 241, 253, 275, 278 285, 300, 316, 319, 340,
 354—359, 362, 370, 378
 Восточная 273, 362
 Западная 273
 Центральная 273
 Южная 357, 362
 Африканский Рог 34, 115, 356, 359, 360, 367
 Ашэнге, *оз.* 177, 178
- Баб-эль-Мандебский пролив 79, 358
 Бако 280
 Бале 101, 131, 280, 281, 345
 Балканы 119, 153
 Бандунг 209
 Баро, *р.* 5
 Барэнту 309
 Бахр-Дар 236, 364, 365
 беджа, *эти.* 17
 Бельгия 115, 162, 171, 209
 Белый Нил 113, 115
 Бени-Шангуль 113, 131
 Берлин 163, 164
 Бишофту (Дэбрэ-Зэйт) 151
 Ближний Восток 119, 153, 359, 360, 367
 Богос 74, 77, 78
 Болгария (НРБ) 365, 366
 Бомбей 56
 Бонн 312
 Борана 112
 Бору-Меда 71
 Британское Сомали 115, 154, 155 164, 165, 171, 186
 Бычена 341
 Бэгемдыр 17, 21, 25, 26, 46, 47, 83, 95, [393] 125, 182, 193, 194, 198, 206, 244, 246,
 282, 307
 Бэлеса, *р.* 120
 Бэшило, *р.* 59
- Вашингтон 207, 208, 216, 237, 307, 312, 355, 360
 Византия 13, 16
 Вьетнам 275, 355, 363
- Гавана 357
 Гамбела 147, 155
 Гамбург 163
 Гана 324
 Гвардафуй, *мыс* 74
 ГДР 313, 355, 365, 366
 Гера 91
 Германия 117, 155, 162—164, 190, 204

- Гильдесса, *p.* 124
 Гимби 280
 Годжам 22, 26, 31, 32, 44, 45, 55, 66, 69, 70, 82, 83, 92, 93, 95, 96, 105, 120, 137 138,
 182, 185, 186, 193, 194, 198; 206, 217, 244, 281, 282, 307, 341, 342
 Гондэр (Гондар) 20, 21, 24, 25, 28, 37, 42, 65, 83, 99, 165, 175, 179, 184, 229, 307
 Горе 147, 179, 181
 Горе-Сайо 191
 Гренада 355
 Гума 91
 Гундэт 74, 75, 78, 91
 Гура 75, 78, 91, 104, 109
 гураге, *эти.* 17, 276
 Гуреум 196
 Гыбе, *p.* 352, 366
 Гэму Гофа 244, 246
- Дальний Восток 119
 Дамот 18, 25, 26
 Данакильская пустыня 5, 175, 178
 Дания 209
 Дарфур 77
 Дело 281
 Джибути, *гос-во* 357, 360, 361
 Джибути, *город* 5, 105, 115, 116, 130, 147, 151, 154, 164, 165, 175, 180, 190,
 331
- Джидда 311
 Джиджига 203
 Джимма 91, 92, 102 112, 131, 149, 218, 231, 292, 375
 Догали 80—82
 Дыре-Дауа 147, 148, 175, 200, 203, 226—228, 271, 339, 363
 Дэбрэ-Бырхан 20, 282
 Дэбрэ-Зэйт 288
 Дэбрэ-Маркос 186, 282
 Дэбрэ-Либанос 19
 Дэбрэ-Табора 41, 56, 59, 147
 Дэбрэ-Уорк 19
 Дэмбия 26
 Дэссе 147, 175, 176, 178, 228, 341, 375
- Европа 38, 39, 119, 209, 214, 250, 371
 Египет 33, 74, 77, 78 114, 123, 155, 162, 234, 312, 324
- Женева 168, 169
- Загэ 47
 Занзибар 82
 Западная Сахара 358
 Зейла 74, 165
 Золотой Берег 54
 Зула 57
 Зэбан-Кэркахт 177

- Иерусалим 52, 55, 60
 Израиль 355, 356, 359
 Иллубабор 246, 281, 342
 Индия 6, 19, 31, 33, 56, 231, 267, 357
 Индийский океан 18, 255, 312, 357, 359
 Индостан, *n-ов* 226
 Иран 312
 Испания 56, 155, 171
 Италия 7, 11, 56, 78—82, 91, 93, 95, 98, 102—107, 110, 111, 115—120, 123, 128, 138, 139, 142, 145, 155, 161-180, 183, 185—187, 190, 209, 213, 220, 239, 250, 355, 369
 Итальянское Сомали 116, 118, 155, 168, 175, 209, 210
- Йеджу 95
 Йемен 33
 Йифат 18, 87
- Каир 74, 114, 210, 257
 Камбата 101
 Кассала 77, 185
 Кения 5, 112 154, 155, 182, 185, 233, 298, 317, 360, 361
 Китай 56
 КНДР 366
 Комбольча 348, 365
 Конго 357
 Конта 101
 Кордофан 77
 Корейский, *n-ов* 210
 Корея 219
 Кот-д'Ивуар 234
 Коурам 178
 Красное море 20, 55, 79, 312, 358, 359, 363
 Куара 40, 41
 Куба 313, 355, 365 366
 Кулло 101, 112
 Кэрэн 74, 104, 310 **[394]**
 Кэтта 352
 Кэфа (Каффа) 93, 112, 113, 175, 366
- Ласта 17, 22, 31, 45, 56, 58, 65 66, 95, 194, 195
 Латинская Америка 128, 214, 300, 319, 354
 Лейден 273
 Ливия 356, 360
 Лиму 91, 102, 227
 Лондон 52 55, 56, 81, 115, 161 — 167, 171, 173, 174, 182, 185, 188—191, 196, 202, 210, 211, 307, 312
 Ломе 362
- Мадагаскар 357
 Мадрид 372
 Май-Зулави 67
 Май-Чоу 176, 177—179, 273
 Малави 234

- Мали 234
 Мальта 56
 Массауа 23, 35, 52, 54, 64, 74, 77—79, 81, 94, 100, 110, 131, 289, 309, 310, 378
 Мелка-Вакане 363, 365
 меча-тулама, *этно.* 276
 Могачишо 281, 312, 313, 359
 Мозамбик 357
 Монно 352
 Москва 163, 202, 372
 Мугер 348, 365
 Муна, *р.* 120
 Мэждэла 44, 55—61, 65, 89, 273
 Мэкэле 99, 105, 106, 165, 176, 177, 195
 Мэнз 70, 87
 Мэрхабете 87
 Мэрэб, *р.* 74, 75, 120, 175
 Мэтэма 77, 78, 82—84, 94, 95, 273
- Назрет 226, 288, 348
 Намибия 357
 НДРЙ 360, 361
 Неаполь 103
 Нигер 234
 Нигерия 234
 Никарагуа 356
 Нил, *р.* 52, 64, 113, 115, 117, 361
 Норвегия 267
 Нью-Йорк 308
 Нубия 16
 Нэгэле 280
- Огаден 5, 101, 153, 175, 196, 203, 210, 313, 339
 омето, *этно.* 6
 Омо, *р.* 112
 оромо (галла), *этно.* 6, 17, 20, 21, 23, 25, 39, 43, 45, 55, 62, 67, 75, 84, 87, 88, 91, 102, 120, 125, 183, 192, 216, 269, 312, 369, 370
 оромо-азэбо, *этно.* 69, 132, 177, 191
 оромо-рая, *этно.* 191
- Париж 116, 153, 161 — 164, 171, 174, 257, 312, 372
 Персидский залив 359
 Петербург 105
 Польша (ПНР) 162, 171, 219, 366
 Португалия 33
- Рас-Дашэн 5
 Рас-Кассар, *мыс* 255
 Рейнская, *обл.* 173
 Рим 13, 80, 81, 83, 103, 106, 108, 138, 143, 161 — 171, 173, 180, 181, 312
 Россия 9, 54, 105, 111, 114, 117—119
 Рудольфа, *оз.* 100, 113
 Румыния 366

- Саати 80, 82, 83
 САДР 357
 Сарвуха 83
 Сардо 178
 Саудовская Аравия 312, 358
 Сахара 370
 сахо, *этно.* б, 369
 Сидамо 101, 243, 280, 281, 342, 375
 сидамо, *этно.* б, 17
 Сирия 56, 367
 Собат, р. 113
 Советский Союз (СССР) 162, 163, 170—172, 174, 202, 204, 219, 220, 231, 261, 313, 322 331, 347, 349, 354, 359, 360, 362—366, 372, 377
 Сокота 178
 Сомали 5, 233, 263, 298, 311—313, 317, 327, 346, 359—361
 сомали, *этно.* б, 216
 Средний Восток 359, 360, 367
 Стокгольм 163
 Стресса 169
 США 11, 54, 115, 117, 155, 162, 172, 174, 182, 188, 202—204, 207—209, 211, 213, 220, 237—239, 250, 267, 275, 307, 312, 347, 348, 355—357, 359, 360
 Сымен 26, 95, 178, 182, 246
 Судан (Англо-Египетский Судан) 5, 77, 78, 115 117, 154, 155, 181, 182, 184, 185, 186
 Сунту 231
 Сэгэнэйти 109
 Сэйо 131
 Сэнхет 77, 82
 Сэрае 104
- Тана, оз. 20, 56, 59, 100, 163, 166, 167
 Танганьика 234
 Танзания 354 **[395]**
 Тель-Авив 355
 Тендахо 363
 тигре, *этно.* б, 17
 Того 234
 Триполи 360
 Тунис 367
 Турция 52, 53, 55, 56, 74, 162, 171
 Тэкэзе, р. 41, 178
 Тэмбен 177
 Тыграй (Тигре) 17, 22, 25, 26, 31, 41, 43, 44, 47, 52, 56—58, 65—67, 74 84, 86, 91, 95, 100, 104—106, 109, 110, 120, 125, 126, 132, 175, 192-196, 198, 206, 246, 266, 273, 297, 307, 310, 311, 313, 338, 339
 тыграи, *этно.* б, 17, 85, 243
- Уаа 82
 Уаг 22, 194, 195
 Уганда 117, 154, 234, 361
 Уольуоль 168—170, 174

- Уоламо 101, 243, 279
 Уоллега 6, 91, 131, 153, 246, 280 345
 Уолло 43, 45, 55, 76, 87, 91, 95, 97, 105, 106, 125 131, 194, 267, 281, 297, 307
 Уомбэра, *p.* 124
 Уонджи 226
 Уччиали (Вучале) 102
- Фашода 100, 113
 Фенароа 178
 Финчаа, *p.* 253
 Фиче 137
 Франция 35, 77, 79, 88, 94, 111, 115— 118, 128, 142, 145, 146, 155, 161 — 174, 312, 349, 358
 Французское Сомали 118, 164, 171
 ФРГ 209, 239, 250, 347, 355
 Фэнотэ-Сэлам 279
- Хадья 18
 Хайк, *оз.* 106
 Хамасен 104
 Халай 109
 харари, *этно.* 17, 216
 Хартум 184—186, 360
 Харэр (Харрар) 91—94, 102, 105, 113, 116, 147, 149, 152, 153, 175, 200, 228, 268, 365, 375
 Харэрге 130, 131, 216, 246
 Холета 145, 182, 183, 268, 302
- Чад 234, 358
 Челенко 92
 Чиллало 243, 279
 Чехословакия (ЧССР) 162, 219, 365, 366
 Чэрчэр 131, 281
- Швейцария 298
 Швеция 162, 202, 203, 207, 239 267, 348
 Шемена Кедид 280
 Шире 19, 178
 Шоа 21, 24, 26, 35, 36, 43—46, 55 58 65, 66, 69, 70,74—76,78,80—91 93 94, 97, 99, 100, 102, 104, 112, 121, 126, 134, 135, 149, 182, 190, 193, 195, 198, 208, 222, 244, 269 291, 307, 345
- Ымбабо 92, 93
 Ында-Сылласе 279
 Ынтичо 175
- Эльзас 77
 Энарея 25, 112
 Энтото 95, 99, 100
 Эрго Дубале 345

Эритрея 79, 86, 104, 107, 109, 110, 113, 117, 131, 138, 154, 155, 164, 165, 168, 186, 195, 196, 209—211, 222, 226, 228, 269, 283—286, 307—312, 333, 338, 339, 341, 342, 345, 367

Эррэр, р. 196

Эфиопское нагорье 16, 20

ЮАР 357, 359

Юбдо 152, 201

Югославия 220, 239, 366

Южная Аравия 16, 17

Южная Корея 210

Япония 155, 156, 162, 163, 250 [396]

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абба Вукау 137

Абба Ханна Джемма 137, 266

Аббэбэ Арэгай 179—181, 183, 186, 190, 195, 198, 218, 266

Аббэбэ Дамтоу 184

Абатэ Мэрша 302

Абдуллах 83

Аббе Губенья 11, 370, 371, 376

Абдурахман Джама Барре 359

Абий Абэбэ 218, 256, 289, 295, 296

Абир М. 62, 95, 278

Абрахам Дэбоч 182

Абрахам Дэмоз 276

Абрахам Дэммэрэ 218

Абэрра Гэдаму 270

Абэрра Лемма 376

Авенол Ж. 169

Адаль, см. Тэкле Хайманот 69, 70

Адафырсау 184

Аддис Хыйуот 136, 156, 157, 161

Аду Тоер 376

Айяле Гэбрэ 218

Айялеу 176

Аклилю Хабтэ Уольд 218, 254, 255, 289, 291

Алека Тайе 12, 160

Алем Уорк 183

Алле Фэллегэ Сэлам 372

Алемайеху 61

Алемайеху Тана 160

Алемайеху Хайле 302

Алему Ышэте 368

Али 41

Али Великий 26

Али Малый 25

Али Вад Фавид 140

Али Мирах Анфере 311

Алмейда М. 34

- Алоизи П. 172
 Алула 80
 Альбертоне М. 108, 109
 Аман Микаэль Андом 256, 257, 296, 298, 302, 306, 315, 316
 Амдэ Уондэфраш 218
 Амха Асбэ 376
 Антонелли П. 80, 83
 д`Аоста А. 184
 Арая Сыллесе 93
 Арендруп С.-А. 74
 Арнольди К. 10, 41
 Артамонов Л. К. 10, 113
 Асбэ Хайлю 157—159
 Асрат Дзета 302
 Асрат Мамтоу 376
 Асратэ Каса 218, 254
 Ассэфа Бэкэле 235
 Ассэфа Гэбрэ Мариам 374, 376
 Ассэфа Дэмиссе 256
 Асфа Уосэн 131, 162, 164, 192, 236, 242, 255, 256, 265, 298
 Атнафу Абате 302, 317
 Аурарис 183
 Афэуорк Тэкле 372, 373
 Афэуорк Гэбрэ Ийесус 96, 158, 160
 Ахмед ибн Ибрагим аль-Гази (Грань) 19
 Ахойя К. 239
 Аяльнэх Мулату 376
- Бадольо П. 172, 176—178, 182
 Баиру Тафла 68
 Балдиссера А. 103, 109, 110
 Бальча 137, 180, 219
 Баратьери О. 107—109
 Баркер А. 171, 173
 Баро Тумса 327
 Бартницкий А. 14, 19, 20, 26, 36, 89, 177
 Бартон С. 129, 165, 168, 179
 Батгалья П. 106
 Бека Нэмо 371
 Баруссо Б. Ф. А. 192
 Белл Дж. 54
 Бельяр 192
 Беркли Дж. 105
 Бетелл А. Д. 200
 Бичер-Стоу Г. 160
 Болотов В. В. 14, 23
 Бондестам Л. 242
 Брехт Б. 375
 Брицке П. 289
 Булатович А. К. 10, 43, 112, 113
 Буш Дж. 356
 Бырру 242

Бырхану Зэрихун 370, 376
 Бэалю Гырма 370, 376
 Бэкаффа 22 [397]
 Бэлай Зэллекэ 180, 193, 194
 Бэлай Аббайе 289

Вако Гуту 281
 Васин И. И. 15, 118
 Виктория 54, 118
 Виргин Э. 175
 Власов П. М. 118
 Вобликов Д. Р. 15
 Вольде Цадык Дерибе 138
 Вольпе М. Л. 158, 371, 377
 Вубэте 158

Гальперин Г. Л. 237, 249, 340, 346, 347
 Гетахун Тэсэмма 289
 Гетачоу 176, 180
 Гобат С. 53
 Гобэна Дачи 91
 Гобэзе см. Тэкле Гийоргис II 56, 58, 65, 66
 Гордон Ч. 66
 Гошу Вольде 308
 Грациани Р. 182, 185
 Гринфилд Р. 12, 162
 Громько Ан. А. 162
 Гукса Уоле 125, 132, 134, 137
 Гырмаме Ныуай 265, 266, 268
 Гырмачеу Тэкле Хавариат 11, 218, 370
 Гэбрэ Дэста 158
 Гэбрэ Крыстос 25
 Гэбрэ Крыстос Дэста 372
 Гэбрэ Крыстос Тэкле Хайманот 158, 159
 Гэбрэ Мариам Вагайе 372
 Гэбрэ Сылласе 98, 121
 Гэбрэ Сылласе Сьном Хагос 21
 Гэбрэ Хыйуот Байкэдань 9, 63 97, 122, 158, 159
 Гэбрэ Ыгзиабхер Франсуа 218
 Гэссэсэ Бэлеу 138

Дабормида 108, 109
 Дави А. 139
 Давид Абди 269
 Даныэль Асфау 303
 Данныэль Йоханныс 374
 Дарква К. 44, 94
 Дафтон Г. 41, 50, 54, 55, 64
 Де Боно Э. 167, 172, 176
 Де Коссон 73
 Денисов Е. К. 315
 Джилкс П. 195, 236, 243, 254, 281

- Джонс А. 68
 Джонсон Х. 188
 Доддс 161
 Друммонд Э 169, 180
 Дэбэбэ Сэйфу 376
 Дэмыссе Дерессу 302
 Дэрэса 152, 159
 Дэссалень Рахмато 343
 Дэста Дамтоу 152, 176, 180, 182
 Дэста Таддэсэ 302
 Дэста Тэкле Уольд Зэбыхерэ Уогда 158
 Дю Буа 328
- Езекия 26
 Елец Ю. 10, 106
 Ешанеу 180
- Залкинд И. А. 162
 Зоудиту 93, 125, 127, 133, 134, 136, 137, 159
 Зоуде Гэбрэ Сыллэсе 71, 77, 85, 218
 Зоуде Гэбрэ Хыйуот 255
 Зэра Яыкоб 20, 39
 Зэра Яыкоб Асфа Уосэн 255, 295
 Зэнаб 51
- Идеи А. 179, 180
 Идрис Мохаммед Адем (Идрис Адем) 283, 284
 Ийосас 25
 Ильг А. 98, 107
 Иммо Амлак Тэсфайе 192
 Имру Хайле Сыллэсе 138, 176—182, 217, 219, 265
 Искандэр Дэста 254, 256
 Иясу I 19, 22, 23, 31, 35, 37
 Иясу II 22, 25, 31
 Иясу Мэнгэша 307
- Йигэзу Бысрат 372
 Йигэзу Бэхабте 136, 179
 Йикуно Амлак 17, 18
 Йильма Дэрэса 183, 200, 218, 226, 254, 255
 Йисхак 23
 Йисхак Уорення 19
 Йостос 24
 Йоханныс III 25
 Йоханныс IV 8, 14, 56, 67—86, 91 — 95, 124, 273
- Камерон Ч. 54, 55
 Капусцинский Р. 254
 Каса см. Теодрос II 26 40—42
 Каса см. Йоханныс IV 56, 57, 65—69
 Каса, рас 176—178
 Кастро Ф. 365

- Каннингхэм 185, 186
 Кен П. 224
 Киркхэм Дж. 66, 73
 Кистанова И. Ф. 303
 Китайгородский П. 129
 Кобищанов Ю. М. 15, 27, 32—35, 118, 126
 Кокиев А. Г. 15, 243
 Коновалов Ф. Е. 176, 178
 Контарини С. 165
 Коппе де М. 99
 Кортеше Г. 182
 Кохановский А. 10, 117, 120 [398]
 Крачковский И. Ю. 8, 14
 Крейтнер Г. 14
 Криспи Ф. 103 104, 108, 111
 Кыфле Нэсибу 182
 Кэббэдэ Микаэль 370, 372
 Кэтэма Ифру 218, 257, 289
- Лаваль П. 168, 172, 173
 Лагард Л. 115
 Лаш М. 186
 Левин Д. 42, 131, 217, 220
 Левин И. 14, 132, 156
 Лежан Г. 53
 Ленин В. И. 62, 79, 277, 374, 377
 Леонтьев Н. С. 10
 Лессона А. 172
 Либнэ Дынгыль 31, 87, 99
 Лидж Абрэха 67
 Лидж Иясу 125—127, 133, 136—138, 161, 162, 164, 183, 191
 Лиотта А. 182
 Литвинов М. М. 170
 Лоренцо Тыгызаз 218
 Лудольф И. 11
 Лютер Э. 213
 Ляписо Г. Дилебо 121
- Макдональд Р. 164
 Маккерет Г. 154
 Маммо Таддэсэ 255
 Маммо Хайле Микаэль 194
 Мантель-Нечко И. 14, 19, 20, 26, 36, 89, 131, 139, 177
 Мария-Терезия 194, 201
 Маркакис Дж. 12, 101, 130, 136, 143, 148, 244, 289
 Маркс К. 40, 130, 322, 374
 Маркус Г. 12, 84
 Маркхэм К. 68
 Маршан 113 Матеоус 134
 Маффи Дж. 169
 Махтэмэ Сыллэсе Уольдэ Мэскэль 11, 98
 Машков В. 96

- Менарини 107
 Менгисту Хайле Мариам 171, 296, 298, 302, 306—308, 327, 330, 357—359, 362, 363, 367
 Менелик II 8, 14, 19, 44, 62, 65, 70—76, 80, 82—107, 110, 112, 114—118, 120—127, 130, 133, 136, 137, 143, 152, 158, 159, 273, 275
 Меревезер У. Л. 55
 Меркориос 351
 Микаэль 105, 125
 Микаэль Имру 218, 296
 Микаэль Сьгуль 25
 Мильеран А. 164
 Мишель Ш. 99
 Могэс Асгэдом 182
 Могэс Уольдэ Микаэль 302
 Монро Е. 68
 Морган М. 49
 Мосли Л. 198
 Мохаммед Сони Хабиб 352
 Мохаммед Яу 196
 Мулюгета 152, 176—178
 Мулюгета Були 265, 266
 Мулату Дэббэбэ 255
 Мурхед А. 64
 Муса 35
 Муссолини Б. 163, 168, 173, 176, 180
 Мухаммед Ахмед (Махди) 77, 83
 Мьятт Ф. 61
 Мынасе Хайле 289, 281
 Мынтыуаб 25
 Мэйсон-бей 77
 Мэконнын 92, 102, 105, 106, 109, 113, 125, 135, 162
 Мэконнын Зоуде 294
 Мэконнын Уольдэ Йоханныс 218
 Мэконнын Хабтэ Уольд 179, 200, 218, 232
 Мэконнын Хайле Сыллесе 219, 256
 Мэконнын Ындалькачоу 218
 Мэнгысту Гэдаму 370
 Мэнгысту Лемма 370—372, 376
 Мэнгысту Ньуай 265—267
 Мэнгэша 84, 86, 88, 95 104, 105, 110, 120
 Мэнгэша Сьном 196, 218, 307
 Мэнэн 219, 256
 Мэрзе Хазен 218
 Мэсфын Сылеши 218, 225, 242, 291
 Мэсфын Хайле Мариам 376
 Мэсфын Уольдэ Мариам 249
 Мюнцингер В. 64, 74

 Насер Г. А. 256, 324
 Нимейри Дж. М. 360
 Нкрума К. 324
 Ньгусе 47

Ныгусе Айяле 130, 289
 Нур ибн Муджахид 19
 Нэга Тэгэнье 307
 Нэгаси Крыстос 87, 89
 Нэгаш 193
 Нэгаш Бээзабых 217
 Нэпир Р. 56—60, 68, 74
 Нэсибу Заманэль 175, 176

Оман Салех Сабби 283
 Онорати 192
 Оттауэй Д. 280, 304

Панхерст Р. 59, 147, 224
 Панхерст С. 86
 Парсонс Р. М. 237
 Паузнанг З. 244
 Порхэм М. 12, 147, 148, 201, 202
 Плоуден У. 39, 49—52, 54, 64 [399]
 Плэтт 185, 186
 Пономаренко А. А. 156
 Портал Дж. 80, 82
 Потемкин В. П. 171

Райт М. В. 15, 32, 368
 Рассам О. 53
 Рассел 54, 55
 Ратиб-паша М. 75
 Рей Ч. 140
 Рейган Р. 355, 357
 Рикетт Ф. У. 173
 Робилант 93
 Родд Р. 114
 Рубенсон С. 12, 42, 48, 53, 58, 59, 78, 103, 105
 Руджеро В. 167
 Рудини А. 104
 Рузвельт Ф. 210

Савская, царица 18
 Саймон Дж. 165, 168, 169
 Сандфорд К. 131
 Сапето Дж. 79
 Сарцэ Дынгыль 25
 Сахле Мариам см. Менелик II 44, 55
 Сахле Сылласе 26, 35, 87, 97, 124
 Сера 191
 Сиад Барре 312, 358, 359
 Сисай Хабте 302
 Соломон 18
 Соломон Тэрфа 236, 292
 Спенсер Дж. 209
 Стерн Г. 47

- Сусныйос 21, 33
 Сьном Мэнгэша 134, 175—178, 188, 196, 242, 266
 Сэид Абагаз 370 Сэйфу 45
 Сэйфу Махтэтэ Сылласе 218
 Сэйфу Мэтафэрия 376
 Сэлама 47, 65
 Сэру Гуангуль 25, 26
- Табдан 23
 Таддэле Гэбрэ Хыйуот 370
 Тадэмэ Зэллекэ 193
 Таддэсэ Бырру 269
 Таддэсэ Либэн 370
 Таддэсэ Мэсфын 373
 Таддэсэ Тамрат 13, 102
 Таиту 100, 125, 152
 Таккэле Уольдэ Хавариат 140, 179, 180, 183, 184, 193
 Тевофлос 24
 Тедески П. 176
 Тезайджер У. 131
 Теодрос II 8, 25, 42—65, 68—73, 78, 84, 89, 90, 94, 124, 273, 275
 Теодрос Бэккэле 335
 Теодрос Иясу Ремо 191
 Теофилос 351
 Триульци А. 168
 Трофимов В. А. 15, 164, 166, 189
 Трумэн Г. 207
 Тураев Б. А. 6, 8, 14
 Тченито 112
 Тыномэ Лисан Хайлю 376
 Тэкле Гийоргис 25
 Тэкле Гийоргис II 65—68
 Тэкле Хавариат 150, 156, 158, 160, 171
 Тэкле Хайманот, ныгус 70, 71, 82, 83, 92, 96, 105, 107, 120, 194, 217
 Тэкле Хайманот, патриарх 351
 Тэкле Цадык Мэкурия 12
 Тэмэсгэн Мадебо 335
 Тэнанье Уорк 219, 242, 254, 256
 Тэсфа Бушей 218
 Тэсфайе Гэссэсэ 376
 Тэсэмма 113, 117, 126, 152
 Тэфэри Банти 302, 306, 317
 Тэфэри Мэконнын см. Хайле Селассие I 92, 127, 130—137, 139, 140, 158, 162, 164, 165, 200
 Тэфэрма Бэлеху 159
 Тэшомэ Гэбрэ Вагау 139
- Уайнбергер К. 307
 Уайт Дж. 163
 Уайтли У. Х. 370
 Уилд А. 76, 79, 116
 Уингейт О. 183

Уодаджо Гурму 180
 Уоле 23, 126
 Уольдэ Гийоргис 113, 152
 Уольдэ Гийоргис Уольдэ Йоханныс 197, 217, 254, 370
 Уольдэ Мариам 42, 44, 47
 Уольдэ Микаэль 72
 Уольдэ Мэсфын Аеру 372
 Уоркиту 56
 Уоркнэх Ышэте (д-р Мартин) 152, 153, 158—160, 170, 182, 183
 Уорку Хабтэ Уольд 257
 Уэбе 26, 41

Фараго Л. 152
 Фасилидэс 20, 21, 24, 33
 Феллициано де К. 167
 Фрусчи 184
 Фыкре Мариам Абба Тегана 179, 180

Хабтэ Гийоргис 112, 122, 125, 133, 134, 136, 152
 Хаддис Алемайеху 235, 370
 Хайле Мариам Рэдда 195, 196
 Хайле Мэлекот 26, 44
 Хайле Селассие I 130, 131, 133, 137—148, 150, 152, 157, 160—162, 164, 168, 172, 173, 176, 178—184, 186, 188—194, 196—202, 204, 208—214, 217—219, 221, 224, 225, 231, 236, 240, 246, 252, 253, 255, 256, 258—260, [400] 263, 264, 266, 267, 273—276, 282-291, 294—299, 301, 303, 304, 307, 311, 314, 317, 325, 333, 348, 352, 354, 355
 Хайле Сыллэсе Гукса 134, 192
 Хайле Фида 325
 Хайлю Белеу 217
 Хайлю Кибрет 193
 Хайлю Кэббэдэ 180
 Хайлю Тэкле Хайманот 134, 137, 138, 152, 194, 217
 Ханов А. А. 118, 119
 Харрингтон 116
 Харрис В. К. 87
 Хвостов В. М. 79
 Хесс Р. 43
 Хор С. 172, 173
 Хыруй Уольдэ Сыллэсе 156, 158, 160, 179
 Хыруй Хайле Сыллэсе 302
 Хьюитт У. 77, 78

Цыпкин Г. В. 15
 Цэггайе Гэбрэ Мэдхын 372, 376
 Цэхай Инко Сыллэсе 282

Чекки А. 90, 91
 Чернецов С. Б. 15, 28, 156
 Черчилль У. 166, 210

Шараев В. И. 15, 325, 346
 Шеллер Г. 289

Шерр Е. С. 15

Ындалькачоу Мэконнын 218, 250, 255, 289, 291, 296, 370

Ышэту Тырунэх 373

Ышэту Чоле 235

Элемо Култи 281

Эллена 109

Энгельс Ф. 27, 39, 49, 130, 134, 322

Эрлих Х. 81

Эрмыяс Кэббэдэ 294

Эрскин 181

Юшманов Н. В. 14

Юфтахе Ныгус 160

Ягья В. С. 15, 126 **[401]**

SUMMARY

Georgy Tsyarkin, Vatanyar Yagya. *Modern and Contemporary History of Ethiopia*. The book studies the history of Ethiopia, the oldest independent state-in Sub-Saharan Africa, from the 17th century to the present.

The introductory article presents major facts concerning Ethiopia's geography, its peoples, history and evaluates the state-of-the-art in the contemporary-Ethiopian studies.

Chapter 1 considers political and economic history of Ethiopia's feudal monarchy from the 17th to the mid-19th century. It is noted that by the mid-19th century Ethiopia was politically disintegrated with prerequisites for centralization and national consolidation being in the bud.

Chapter 2 analyzes the first stage of Ethiopia's political centralization. Its social and economic distinctions, immature commodity and money relations determined forms and ways for national integration "from the top". Emperor Tewodros II (1855-1868) centralizing policy met with obstinate resistance from the feudal elite. The opponents of centralization actually allied with Britain which invaded Ethiopia in 1867.

Chapter 3 covers the developments of the 1870s-80s distinguished primarily by continued policy of centralization and struggle for territorial integrity, with increased threat posed to Ethiopia by Egypt, Mahdist Sudan and Italy. War victories helped Ethiopia to move forward along the path of political consolidation.

Chapter 4 focuses on the Italo-Ethiopian war of 1895-96 making the background of the final stage of Ethiopia's centralization. In analyzing the causes, progress and results of hostilities, Tsyarkin and Yagya note that in addition to miscalculations of the Italian staff which underestimated Ethiopia's military capability, the country forged victory by shrewdly gambling the contradictions between imperialist powers, as well as owing to army's heroism, skilful military tactics, and support from a number of European countries. Russia included.

Chapter 5 analyzes major trends in the policy of the government at the end of the 19th and early 20th century, including territorial expansion, establishment of diplomatic relations with a number of powers, setting up borders fixed in relevant treaties, and national modernization.

A considerable section of the book, Chapters 6-10, are devoted to Ethiopia's history after 1917. Special emphasis is on the rising absolute monarchy and growing opposition to it, as well as changes that attended the overthrow of the monarchy. The analysis of a sharp struggle within the ruling elite and intensifying resistance from the lower population groups is followed by the study of Ethiopia's efforts to sustain and defend independence.

Chapters 6-7 consider the period between the two world wars, aggression mounted by fascist Italy and major stages of Ethiopians' struggle against occupation. The postwar period was marked by establishment of absolute monarchy, creation of bureaucracy and regular army, submission of Church to the authority of State in the person of Emperor Haile Selassie I (1930-1974). Anti-monarchic and anti-feudal sentiments, in particular, among many of guerilla leaders during war with Italy, intensified in that period.

Chapter 8 dwells on the socio-economic problems under the absolute monarchy (1956-74), Emperor's home and foreign policy, in particular, Ethiopia's contribution to creating the Organization of African Unity. The stress also is on intensifying anti-feudal, anti-monarchic movement in the country. Authoritarian regime, whose birth was slow and painful, collapsed after two or three decades [402] under pressure from the people and the army which grew disaffected with the Emperor. The causes, driving forces, and character of the 1974 revolution are examined.

Chapter 9 shows the achievements and challenges to post-revolution Ethiopia. After the elimination of the monarchy, the country opted for building a new society. Main events have been various progressive changes in the entire spheres of life, creation of the Workers' Party, declaration of the People's Democratic Republic of Ethiopia in 1987, expansion and intensification of political relations with the Soviet Union and Socialist Community. Ethiopia faces an uphill task of fighting the aftermath of monarchic rule. However, some of its challenges are explained by miscalculations of the present government, contradictions of the current stage and actions of counter-revolutionary opposition. The nationalities question has acquired a particular urgency, primarily in Eritrea and Tughray, with the Soviet Union and Socialist Community, Ethiopia faces an uphill task and famine in the second half of the 1980s aggravated the situation in the Horn of Africa, in general, and in Ethiopia, in particular.

Chapter 10 is devoted to culture development, literature, the fine arts, theatre, and cinema in Ethiopia. [403]

Научное издание

Цыпкин Георгий Викторович

Ягья Ватаняр Саидович

ИСТОРИЯ ЭФИОПИИ

В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Редактор *Н. А. Кочнева*

Младший редактор *И. С. Вербицкий*

Художник *Э. А. Эрман*

Художественный редактор *Б. Л. Резников*

Технический редактор *З. С. Теплякова*

Корректоры *Е. В. Карюкина* и *В. М. Кочеткова*

ИБ № 16303

Сдано в набор 02.11.88. Подписано к печати 05.05.89. А-03291. Формат 60X90 1/16.

Бумага типографская № 1. Иллюстрации отпечатаны на мелованной бумаге. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 25,5+0,5 п. л. вкл. Усл. кр.-отт. 26,25. Уч.-изд. л. 29,89. Тираж 1450 экз. Изд. № 6677. Зак. № 789. Цена 4 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы .103051, Москва К-51, Цветной бульвар,
21

3-я типография издательства «Наука» 107143, Москва Б-143, Открытое
шоссе, 28